

Александръ С. Хахановъ.

ОЧЕРКИ

ПО

ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Выпускъ II.

ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА ДО КОНЦА XII В.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1897.

**Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россій-
скихъ при Московскомъ Университетѣ.**

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ предисловіи къ I выпуску „Очерковъ по грузинской словесности“ (М. 1895) было заявлено, что второй выпускъ будетъ посвященъ обзору письменной литературы до конца XII вѣка. По независящимъ отъ автора обстоятельствамъ появленіе нынѣ представленной читателямъ обѣщанной части „Очерковъ“ значительно замедлилось, и потому пришлось отнести къ третьему выпуску такіе отдѣлы, которые были предназначены для второго. Обозрѣвая памятники словесности со времени введенія христіанства въ Грузіи (IV вѣкѣ) до смѣны золотого (XII) вѣка эпохой политическаго и культурнаго упадка (XIII в.), авторъ останавливался на такихъ произведеніяхъ, которые характеризуютъ умственные интересы и нравственное состояніе грузинскаго общества изучаемаго періода. Для удобства обзора памятниковъ, послѣдніе распределены по четыремъ группамъ: 1) памятники агиографическіе, 2) памятники историческіе, 3) памятники собственно - литературные и 4) научные, богословскіе и юридическіе памятники. Обзоръ этотъ не претендуетъ на полноту изученія всей сокровищницы грузинъ, сохранившей продукты ихъ умственной жизни на пространствѣ болѣе 800 лѣтъ. Можно только сказать, что онъ охватилъ наиболѣе важныя памятники въ историко - литературномъ отношеніи, иногда ограничиваясь изложеніемъ ихъ содержанія безъ всесторонней оцѣнки и выясненія ихъ значенія въ связи съ предшествовавшимъ и послѣдовавшимъ движеніемъ мысли. Автору и во второмъ выпускѣ приходилось не только впервые намѣчать планъ изслѣдованія грузинской письменности, ставить вѣхи, въ предѣлы которыхъ втиснута литература съ IV по XIII в., но извлекать изъ рукописей такіе памятники, свѣдѣнія о которыхъ или ограничивались лишь ихъ заглавіемъ, или же до-нынѣ не были вовсе извѣстны. Новизна его предпріятія, не имѣющаго предшественника въ этой области разработки грузинской старины, пусть послужитъ мотивомъ къ смягченію суроваго приговора надъ настоящимъ и предстоящими выпусками его „Очерковъ“.

Грузинская или иверійская группа языковъ и ея отношеніе къ другимъ группамъ языковъ.

Изученіе грузинскаго языка находится въ тѣсной связи съ общимъ теченіемъ изслѣдованія Кавказскаго края, интересъ къ которому съ каждымъ годомъ все усиленнѣе возбуждаетъ любопытство ученыхъ. Разнообразный и неисчерпаемый матеріалъ, который Кавказъ предлагаетъ въ распоряженіе занимающихся естественными науками, географіей, этнографіей, исторіей, лингвистикой, археологіей и общественными учрежденіями, даетъ ему право считаться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ научномъ отношеніи уголковъ на земномъ шарѣ. Тотъ „муравейникъ народовъ“, этнографическій калейдоскопъ, образовавшійся изъ смѣшенія разноплеменныхъ націй, пронесившихся черезъ Кавказскія ворота изъ Азии въ Европу или отгнѣсваемыхъ новыми ордами къ сѣверному предіелу Кавказа, интересовалъ ученыхъ и путешественниковъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Египтяне, финиціане, греки, римляне стремились на Кавказъ, основывали здѣсь свои колоніи, входили въ торговныя сношенія съ туземцами, распространяли между ними свои языки, свои нравы и свою цивилизацію. Здѣсь искали родину человѣчества, указывали начало образованія религиозныхъ вѣрованій и преданій о всемірномъ потоцѣ.

Свѣтъ науки разсѣялъ тотъ фантастическій ореолъ, которымъ окружили Кавказскій край древніе народы. Вершины Кавказа, сосѣди звѣздъ, какъ называлъ ихъ Эскилъ, измѣрены нынѣ барометрически и геодезически; на Эльбрусѣ не отыскалось цѣпи Прометеевой, которую такъ усердно искали греки и римляне. На Араратѣ нѣтъ слѣдовъ распавшагося Ноева ковчега, а на Казбекѣ яслей Спасителя и шатра Авраамова. Мудрая въ знаніи травъ Медея, конечно, не развѣдала кавказскихъ травъ такъ хорошо, какъ Рупрехтъ и Радде. На Кавказѣ, рассказывали греки, происходила борьба между Зевсомъ и Тифеемъ — огнемъ небеснымъ и огнемъ подземнымъ. На Кавказѣ боги Олимпа вели борьбу съ враждебными имъ богами — титанами. Вѣковъ за двадцать тому назадъ греки воспѣвали эту борьбу, теперь мы имѣемъ точную ея геологическую исторію, написанную акад. Абихомъ.

Дѣло сложилось иначе въ области изслѣдованія языковъ многоязычнаго Кавказа. Разнообразіе и обиліе языковъ, составляющихъ и нынѣ загадку для ученыхъ, были извѣстны еще въ глубокой древности. Страбонъ въ своей Географіи говоритъ, что въ колоніи Діоскуріяхъ для торговыхъ сношеній служили 70 переводчиковъ. Арабскій историкъ, Аль-Азіри, называлъ Кавказъ „горою языковъ“—*aloupi*. Современная лингвистика раздѣлила, такъ - называемые географическимъ терминомъ, кавказскіе языки на три группы: иверійскую, группу западныхъ горскихъ языковъ и группу восточныхъ горскихъ языковъ. Народы, входящіе въ составъ означенныхъ группъ, принадлежать къ бѣлой расѣ; но такъ какъ языки ихъ не представляютъ сродства съ языками другихъ народовъ этой расы, то извѣстный ученый Фридрихъ Мюллеръ называетъ ихъ народами, особнякомъ стоящими (*isolirte Völker*). Пространство, на которомъ распространена иверійская группа, извѣстно подъ именемъ Грузіи, Иверіи, Георгіи, Гурджистанъ и и пр.; въ составъ ея входила часть Албаніи (современный Дагестанъ), Кахетія, Карталинія, Колхида (т.-е. Имеретія и Мингрелія), Месхія, Лазика, Таохія Страбона или грузинскій Таоскари въ Малой Азіи до Трапезунда. На этомъ пространствѣ съ присоединеніемъ территоріи Вана въ Арменіи, клинообразныя надписи коей отщипываютъ формы и слова грузинскаго языка, господствовала съ древнихъ временъ иверійская группа языковъ¹⁾. Въ ея составъ входятъ языки: грузинскій, мингрельскій, лазскій и сванетскій, съ говорами грузинскихъ горцевъ: тушинъ—пшавъ—хевсуръ и ингилойцевъ. Грузинскій языкъ занимаетъ, въ сравненіи съ прочими родственными языками, самую большую территорію. При этомъ, этимологическія формы грузинскаго языка оказываются въ общемъ сложнѣе и разнообразнѣе таковыхъ же формъ сродныхъ съ нимъ языковъ. Но сложность и богатство формъ

¹⁾ О родствѣ языка ванскихъ клинообразныхъ надписей съ грузинскимъ языкомъ см. *Fr. Lenormant. Lettres assyriologiques. Première série* (литографир.). Пять писемъ, изъ которыхъ второе объ Urarti представляетъ для нашего вопроса наибольшій интересъ. *Sayce. The Cuneiform Inscriptions of Van. Journal of the Royal Asiatic Society. 1882. 1893. Guard. Les inscriptions de Van. Paris. 1883. Eio же. Etudes Vanniques. Paris 1884. Belch und Lchmann. Ueber neuerlich aufgefundene Keilinschriften in russisch und türkisch Armenien. Zeitschrift für Ethnologie. XXIV. 2. Hommel. Le peuple et l'Empire des Mèges jusqu'à la fin du règne de par A. Delattre. Рецензія Гоммеля на эту книгу въ „Oesterreichischen Monatsschrift für den Orient“. (Separat - abdruck). *Ed. Meyer. Geschichte des Alterthums.**

не даютъ права грузинскому языку быть отцомъ остальныхъ языковъ; онъ лишь ихъ братъ, можетъ быть и старшій. Этимологическія формы мингрельскаго и лазскаго языковъ находятся ближе другъ къ другу, чѣмъ къ формамъ остальныхъ сочленовъ иверійской группы. Что же касается этимологическихъ формъ сванетскаго языка, то онъ удаляется больше отъ формъ остальныхъ языковъ картвельской группы, находясь съ ней въ тѣсной связи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ для доказательства близкаго родства и этимологически, и лексически грузинскаго языка съ другими языками иверійской группы.

Имен. п. груз. *sasi* (человѣкъ), мингр. *soši*, лазск. *soši* окончаніе общее *i*; корень одинъ и тотъ же: имѣеть смягченіе *s* въ *š*, *g* и переходъ *a* въ *o*. Род. п. оконч. груз. *isa* сохранилось въ лазск. и мингр. съ смягченіемъ *s* въ *š*. Дат. п. груз. *s* сохраняется въ лазск. и мингр., причемъ *i* предъ *s* остается. Твор. п. *ith*—общее оконч. въ груз. и мингр.; въ лазск. груз. *a* ослаб. въ *e*. Множ. ч. им. п. *sasebi*, *sošebi*, *sošebi*, т.-е. къ темъ присоед. *ebi*. Остальные падежи образуются съ помощью присоединенія окончанія един. числа къ темъ множ. ч. Изъ сопоставленія этихъ формъ явствуетъ поразительное ихъ сходство, причемъ лазскій и мингрельскій языки по формѣ и лексикѣ настолько близки, что ихъ можно считать нарѣчьями одного и того же языка. Возьмемъ отдѣльныя слова: груз. *da*—сестра, лазск. *da*, мингр. *da*; *те*—я груз., *та* мингр., *та* лазское. Ср. сван. *mi*. Въ сванетскомъ языкѣ морфологія стоитъ въ близкомъ отношеніи къ формамъ грузинскаго языка. Возьмемъ слово сванетское *zagı* (груз. въ смыслѣ вопля), род. п. какъ въ мингр.-лазск.; дат. п. какъ въ груз. яз., а также твор. II, твор. I. Во множ. ч. является лишній слогъ между оконч. и темой словъ *ar*, *al*, соотв. груз. *eb* и лазск.-мингр. (*eph*). Если обратить вниманіе на глаголь, напр., на его виды, то поразительное сходство сванетской и грузинской этимологіи станетъ еще яснѣе. Возьмемъ глаголь *is ahamš*—онъ привязываетъ; по-сванетски *haben*; груз. *ibams*—онъ привязываетъ къ себѣ, по-сванетски *ibem*; груз. *ebis*, онъ привязываетъ себя, по-сван. *hebi*; груз. *ibis*, сван. *ibi*—онъ привязывается. Легко замѣтить, что вставка предъ темой глагола гласныхъ (*i*, *e*) измѣняетъ значеніе глагола одинаково какъ въ сванетскомъ, такъ и въ грузинскомъ языкѣ. Лексическій составъ сванетскаго языка также обнаруживаетъ его родство съ груз. языкомъ. Достаточно пересмотрѣть тексты и словари къ нимъ приложенные въ „Сборникѣ попечителя кавказ. учеб. окр.“ (X вып.), чтобы убѣдиться, что даже подъ искаженными искусственною транскрипціей сванетскими словами въ большинствѣ случаевъ скрываются грузин. корни. Увѣрить въ иверійскомъ харак-

терѣ сванетскаго языка, сколько ни пытаются, не удастся, потому что грамматическія формы сванетск. яз. носятъ несомнѣнные признаки грамматическихъ формъ иверійскихъ языковъ. Морфологія при сужденіи о родствѣ языковъ гораздо важнѣе, чѣмъ лексическій составъ, потому что слова могутъ быть заимствованы, но формы никогда быть навязаны, если этому языку онѣ не свойственны, какъ бы глубоко ни было вліяніе иноплеменниковъ. Въ виду сказаннаго становится безусловно вѣрнымъ положеніе о принадлежности сванетовъ къ иверійской группѣ и считать ихъ какими-то отдаленными потомками кушитовъ, какъ желаетъ г. Стояновъ, мы не находимъ основаній ¹⁾).

Что касается до говоровъ хевсуровъ, пшавовъ, тушинъ и ингилойцевъ, то значеніе ихъ заключается въ сохранившихся у нихъ древнихъ формъ и словъ: преобладаніе въ глаголахъ оконч. на *is* вм. *a*: *movida*, *movidis*, и окончаніе множ. ч. на *ni*, исключительной формы въ церковно-богослужебныхъ книгахъ. Въ ингилойскомъ говорѣ сохранилась одна форма, которая утрачена въ современномъ груз. яз.: она выражаетъ возможность, способность дѣйствующаго лица, напр. *urgmis ganalali vıqav*, т.-е. былъ способенъ состоять погонщикомъ.

Не болѣе двухъ столѣтій назадъ груз. языкъ господствовалъ во всемъ бассейнѣ Чорохи, по верхнему теченію Куры, т.-е. въ округѣ Ардаганскомъ, уѣздахъ Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ. Исламъ, съ конца XVII в. привившійся здѣсь, наложилъ свою рѣзкую печать на коренное населеніе страны, сливая и ассимилируя его съ магометанскимъ элементомъ. Куртины и армяне, переселенные сюда гр. Паскевичемъ-Эриванскимъ, имѣли свое пагубное вліяніе на туземцевъ-месховъ. Послѣдніе были вытѣснены изъ многихъ селеній, уступая свои жилища враждебнымъ пришельцамъ. Объ этомъ свидѣлствуютъ названія деревень, гдѣ живутъ армяне и куртины. Селенія Цемль-тбили, Идумала, Цхурти, Схвилиси и др., нынѣ заняты пришельцами, еще

¹⁾ Для изученія картвельской группы языковъ см. *Георгъ Розенъ* Die Sprache der Lazen. Abhandlungen üb. Mingrel., Suan. und Abchasische. Berl. 1846. *Цагарели*. Сравнительный обзоръ иверійской группы Кавказ. языковъ (мингр.) Спб. 1872. *Fr. Müller*. Grundriss der Sprachwissenschaft. III B. II Abtheil. I Hälfte. *Чара* Мингрельскій языкъ и его родство съ грузинскимъ. („Моабѣ“, книжки за 1895 X и XII, за 1896 кн. I). *Цагарели*. Мингрельскіе этюды. *R. von Ercert*. Die Sprache des Kaukasischen Stammes. Wien. 1895. *Hugo Schuchardt*. Über den Passiven Charakter des Transitivs in den Kaukasischen Sprachen. Wien. 1895.

очень недавно были заселены грузинами, которые давали своим поселениям названія, этимологически объясняемые лишь съ помощью грузинскаго языка. Въ языкѣ грузинъ-месховъ мы вскрываемъ рядъ любопытнѣйшихъ архаизмовъ. Таеъ, груз. „гамортмева“ (взять) передается понятіемъ „тцартмева“ (отнять). Рубить—по-груз. „дачра“, месхи выражаютъ посредствомъ „дахева“, прямой смыслъ котораго значить „разорвать“, „разодрать“. Дрова (груз. пеша) переводится чрезъ „хе“—„дерево“. „Покрытый“ грузины вообще передаютъ словомъ „дахурули“, а месхъ употребляетъ слово „дабурули“, имѣющее теперь другое значеніе въ ниже-карталинскомъ говорѣ—„дремучій“. Взять что-либо съ просьбой или „попросить“ грузинъ выражаетъ посредствомъ глагола тховна, а месхъ прибѣгаетъ къ другому глаголу—тцартмева, смыслъ котораго равняется „отнять“. Этотъ архаизмъ усвоенъ въ ту отдаленную эпоху, когда предки месховъ жили въ дремучихъ лѣсахъ, жгли прямо деревья, не умѣли выпрашивать добровольной уступки, отнимая насильно нужныя имъ вещи. Изъ другихъ особенностей языка я отмѣчаю замѣну предлога „ши“ посредствомъ „чи“—гулчи вм. гулши—въ сердцѣ, саймечи вм. саймечи—въ дѣлѣ и пр. Эта черта языка месховъ сближаетъ ихъ говоръ съ говоромъ грузинъ-горцевъ (тушинъ, пщавовъ и хевсуръ), съ которыми онъ находится въ ближайшемъ родствѣ и по отношенію къ акценту, выговору ¹⁾.

Вотъ краткій обзоръ языковъ иверійской группы съ ихъ говорами. Грузинъ часто раздѣляютъ на множество племенъ: собственно грузинъ, имеретинъ, гурійцевъ, аджарцевъ, хевсуръ и т. д. Во избѣжаніе недоумѣній, столь частыхъ при запутанности этнографической номенклатуры Кавказа, необходимо постоянно имѣть въ виду, что всѣ эти племенные подраздѣленія составляютъ одинъ грузинскій народъ, говорящій однимъ грузинскимъ языкомъ. Нѣкоторые изъ перечисленныхъ выше названій имѣютъ значеніе территоріальное или политическое: такъ, имеретины суть жители бывшаго имеретинскаго царства, гурійцы княжества Гуріи, аджарцы—ущелья Аджарисъ-цкали и т. д. Тушины, пшавы, хевсуры суть грузины—горцы, сохранившіе въ трудно доступныхъ ущельяхъ центральной части Большаго Кавказа независимость отъ феодальныхъ владѣтелей древней Иверіи. Поэтому, съ точки зрѣнія лингвистической классификаціи, группы эти должны быть признаны единымъ и нераздѣльнымъ народомъ или племенемъ.

На важность грузинскаго языка для изученія кавказскихъ языковъ указывалъ еще въ 40-хъ годахъ бар. Георгъ Розенъ, составившій

¹⁾ См. мой очеркъ Месхи. Москва. 1891.

на мѣстѣ по порученію Берлинской академіи наукъ первые грамматическіе очерки мингрельскаго, лазскаго, сванетскаго, абхазскаго и осетинскихъ языковъ. Онъ замѣтилъ, какъ впоследствии бар. К. П. Усларъ, извѣстный знатокъ кавказскихъ языковъ, что грузинская азбука наиболѣе соотвѣтствуетъ звукамъ всѣхъ вообще кавказскихъ языковъ, что въ основаніи всѣхъ языковъ иверійской группы, равно и кистинскаго, абхазскаго и черкесскаго языковъ, лежитъ одна звуковая система, выражаемая довольно вѣрно знаками грузинскаго алфавита. Онъ ведетъ аналогію еще дальше и, на основаніи постепенности развитія грамматическихъ формъ, соединяетъ въ одну группу языки черкесскій и абхазскій съ иверійской группой языковъ. Какъ ни оригинальны и остроумны соображенія бар. Георга Розена, однако современныя изслѣдованія кавказскихъ языковъ не примыкаютъ къ его теоріи, ограничиваясь изученіемъ матеріальной, фактической стороны ихъ безъ отношенія между собою и къ иверійской группѣ.

Вліяніе, вліяніе при томъ довольно сильное, оказанное грузинскимъ языкомъ на абхазскій и осетинскій языки, не подлежитъ сомнѣнію. Оно выразилось въ нѣкоторомъ воздѣйствіи на лексической составъ и даже грамматической строй названныхъ двухъ языковъ. Сравненіе абхазскаго языка съ мингрельскимъ и сванетскимъ обнаруживаетъ не только родственные корни, но даже близость въ грамматическихъ формахъ. Напр., множеств. ч. въ абхазскомъ языкѣ сохранило въ мѣстоименіи окончаніе *t* (*th*), тождественное съ грузинскимъ (един. ч. *уй*, множ. ч. *урт* въ значеніи *тотъ*, *тѣ*). *У* (*u*) абхазское въ данномъ примѣрѣ прекрасно иллюстрируетъ префиксъ *з* л. въ груз. гл. *иқагъ*—*ему любитъ*. Слова, приводимыя въ пользу доказательства о родствѣ грузинской группы языковъ съ абхазскимъ являются большею частью заимствованіями или случайно однозвучными. Я приведу наиболѣе удачныя примѣры: *сиі* сравнивается съ груз. *khathami*; *euki* (зеленый) съ *meuchi* съ сванетскимъ—собств. *черный* и пр. Для насъ убѣдительность теоріи родства абхазскаго языка съ грузинскимъ крайне сомнительна ¹⁾. Что касается до осетинскаго языка, то множ. ч. въ немъ образуется вопреки принципу индоевроп. языковъ, къ которымъ онъ относится, чрезъ присоединеніе къ основѣ слова, совпадающей съ им: п. ед. ч., слога *tha* въ им. п. или звука *th* въ косвен. падежахъ. Этотъ звукъ *th* или слогъ *tha* соотв. груз. оконч. мн. числа *tha*. Слова же „дзуаръ“ (груз. *джвари*) врьсть, дедопали (груз. *парица*), сабзели (помѣщеніе для самана), катчкачи (сорока) и множ. другихъ, указываетъ на культурное вліяніе Грузіи

¹⁾ См. Бар. Усларъ. Абхазскій языкъ. Тифлисъ. 1887.

на Осетию. Такое же сильное влияние Грузия имела на Черкесию и Чечню. Грузинские миссионеры, распространяя христианство в горских обществах Кабарды и Чечни, вносили новые понятия, требовавшие для их выраженной заимствование груз. слов¹⁾.

Конечно, сам грузинский язык заимствовал не мало слов из других языков. В особенности вскрывается много корней персидских, арабских и греческих в древнейших памятниках грузинской письменности. Не только названные слова дополняют грузинский лексикон, но встречаются в нем корни санскритские, маньчжурские, китайские, армянские, свидетельствующие о культурных сношениях Грузии посредственно или непосредственно с отдаленными центрами древнего просвещения.

Грамматическая литература грузинского яз. началась еще в XII в., в эпоху царицы Тамары. Философ, астроном, богослов, „божественный Иоанн Петриций“ является первым грузинским грамматиком. Труд его не дошел до нас, и мы об нем знаем лишь по свидетельству Антония католика. После Петриции были ли какие-нибудь попытки составить грамматику грузинского языка, нам неизвестно. Дошедшая до нас первая работа по грузинскому языку принадлежит католическому миссионеру Maggio, отпечатанному в Риме в XVII в. груз. грамматику на латинском языке под заглавием: *Syntagmaton linguarum orientalium, quae in Georgiae regionibus audiantur* (1643 и 1670 гг.). Начавшаяся в XVII в. католическая пропаганда в Грузии потребовала руководства по языку того народа, „просвещать“ который принялись послы Римского папы. Как всякий первый труд по языку, при том составленный иностранцем, грамматика Маджио страдает неточной транскрипцией и неверной передачей цѣлых слов. Так, звуки *g* и *s*, *q* и *k* онъ смѣшиваетъ, и *h* и *ch* передаетъ одинаково черезъ *h*, отсюда у него *хмали* пишется *hmali*. При приемахъ автора пригнать свою грузинскую грамматику въ схему латинской грамматики, должны были верастъся неизбежныя ошибки въ установленіи особенностей груз. языка. Благодаря неурядицѣ, которую онъ внесъ въ формы временъ и наклоненій, въ западной Европѣ долго господствовало мнѣніе, что каждый грузинскій глаголъ имѣетъ свое спряженіе, пока грам. труды природныхъ грузинъ Варлаама и Гаюза не разъяснили этого ходячаго мнѣнія. Нѣкоторые же отдѣлы у Маджио хорошо разработаны. Онъ вѣрно угадалъ, что въ груз. языкѣ нѣтъ родовъ и существуетъ одно склоненіе съ 6 падежами.

¹⁾ *Миллеръ*. Осетинскіе этюды и Матеріалы по археологій Кавказа, вып. I и II. Москва.

Къ 1643 же году относится грузино-итальянскій словарь, составленный *Paolini* съ помощью священника Ирбаха, родомъ грузина. Грузинскія слова напечатаны грузинскимъ шрифтомъ, отлитымъ въ Римѣ. Далѣе слѣдуютъ грамматическія замѣтки Аделунга, который примѣнилъ въ груз. яз. мѣстоименные префиксы при глагольных формахъ. На основаніи этихъ двухъ работъ и грамматикъ, составленныхъ грузинами Варлаамомъ и Фираловомъ, въ свое время извѣстный лингвистъ Северинъ Фатеръ представилъ въ 1822 г. краткую груз. грамматику, въ которой груз. буквы замѣнены латинской транскрипціей. Онъ ограничиваетъ мнѣніе Маджіа, утверждающаго, что каждый грузин. глаголъ имѣетъ свое спряженіе ¹⁾).

Въ иностранной грамматической литературѣ груз. яз. труды аѳ. Броссе, появившіеся въ 1834—1837 гг., занимаютъ первое мѣсто. На основаніи нѣсколькихъ поэмъ, ромачовъ и писемъ Броссе составляетъ грамматику на франц. яз. въ Парижѣ, превосходящую по системѣ изложенія и распредѣленія грамматическаго матеріала труды католика Антонія I. Его грамматика *L'art libéral* вызвала рецензію извѣстнаго ученаго Е. Бюрнуфа, который, представивъ краткую исторію разработкы груз. языка, оспариваетъ мнѣніе Броссе о средствѣ груз. яз. съ индо-европейской группой языковъ.

Изъ грамматическихъ трудовъ самихъ грузинъ прежде всего нужно отмѣтить работу неутомимаго и глубоко образованнаго католика Антонія I, племянника царя Вахтанга VI, груз. законодателя и историка. Изучивъ съ дѣтства языки татарскій, персидскій, армянскій и греческій, Антоній, сдѣлавшись при царѣ Теймуразѣ I, на 33 году отъ рожденія, въ 1747 г. католикомъ Восточной Грузіи, съ цѣлью удовлетворить назрѣвшимъ потребностямъ въ учебныхъ пособіяхъ, сблизился съ армянскими священниками, католическими миссіонерами и съ ихъ помощью составилъ груз. грамматику по плану и методѣ Мхитары севастійскаго. Антоній I дѣлитъ литературный языкъ по стилю на три рода: первый, въ которому относятся сочиненія общедоступныя (Синаксарій, повѣсти); второй родъ, отличающійся возвышенностью и нѣкоторою затруднительностью для пониманія (таковы книги свящ.

¹⁾ Недавно найдена грузинская грамматика, написанная на итальянскомъ языкѣ ахалцихскимъ капуцинскимъ монахомъ въ половинѣ XVIII в. Въ монастырѣ Torre del Greco открыты труды капуцинскаго монаха Bernardo da Napoli (около 1760 г., бывшаго миссіонеромъ въ Грузіи). Ему принадлежитъ, между прочимъ, грузино-итальянскій и итальяно-грузинскій словарь. См. *Hugo Schuchardt*. Georgische Handschriften in Torre del Greco („Beilage zur Allgemeinen Zeitung“. Munchen. 1896, 1 Mai).

писания); третий род—это сочинения, написанные высокимъ слогомъ, понятнымъ только для ученыхъ (творения отцевъ церкви, поэма Шота Руставели, философія Іоанна Петрици и др.). Подъ именемъ грамматики Антоній разумѣеть „искусство правильно говорить и писать“. Такимъ образомъ, грамматикѣ предоставляется роль активная, законодательная; языкъ же въ этомъ случаѣ играетъ роль пассивную, принимающую предписанія грамматики не къ свѣдѣнію только, но и въ руководство. Онъ разсматривалъ всѣ языки по грамматическому строю однохарактерными, отсюда выводъ: настоящія формы одного языка могутъ дополняться грамматической схемой другого языка. Въ силу такого ошибочнаго пониманія роли грамматики—поправлять и дополнять языкъ, Антоній I ввелъ въ груз. языкъ несвойственные ему языки и формы: съ цѣлью облегчить произношеніе—особый гласный звукъ или обогатить языкъ—вин. п., а въ педагогическихъ видахъ вводитъ особыя черточки для обозначенія прямого дополненія. По праву же законодателя, издающаго эдикты, онъ послѣлоги обращаетъ въ предлоги. Для единообразія онъ пишетъ *meerthe* (первый) вм. *pirveli* по аналогіи съ *те-оге*. Словомъ, Антоній понимаетъ грамматику не какъ науку, представляющую сводъ законовъ, управляющихъ жизнью языка и выведенныхъ изъ тщательно изслѣдованныхъ фактовъ самого же языка, но, наоборотъ, у него языкъ подгоняется къ готовымъ грамматическимъ схемамъ. Въ общей части своего труда—опредѣленіе буквы, глагола, залоговъ и пр., Антоній пользуется трудами европейскихъ писателей Баумейстера, Вольфа и др.

Ученикъ и послѣдователь Антонія I, ректоръ телавской семинаріи Гаіозъ, въ 1789 напечаталъ грамматику, который внесъ существенныя поправки въ трудъ своего учителя. Онъ признаетъ одно склоненіе, а не три какъ предлагалъ католикосъ, даетъ для род. п. нѣсколько совершенно достаточныхъ правилъ, а не 6 знаковъ Антонія. Главныхъ временъ у него три: настоящее, прош. и будущее и еще три прошедшихъ времени.

Далѣе слѣдуютъ грамматики царевича Давида, Варлаама архіеп., впоследствии митрополита Грузіи, изъ князей Эристовыхъ. По Варлааму въ груз. яз. два рода, семь временъ, семь спряженій, пять склоненій и 8 падежей. Въ грамматикѣ же Іасея Чубинова родовъ четыре, склоненій семь, спряженій два. *Самоучитель* груз. яз. для русскихъ, напечатанный Годерзіемъ Фираловымъ въ 1820 г., тоже насчитываетъ семь спряженій и вообще онъ не воспользовался даже тѣмъ, что было сдѣлано его предшественниками. Языкъ и терминологія въ болѣе выработанномъ видѣ даетъ грамматика Соломона Додаева

(1830 г.). Черезъ десять лѣтъ послѣ появленія этой грамматикѣ печатается трудъ Пл. Иосселиани, въ которомъ признаются опять четыре несуществующихъ у насъ рода. Грамматика Давида Чубинова дѣлаетъ эпоху въ разработкѣ груз. языка и вызываетъ прекрасную работу Дм. Кипіани, впервые выяснившего, хотя и не вполне, значеніе видовъ глагола. Трудъ же г. Жорданіа мало носитъ оригинальныхъ чертъ собственной работы автора и представляетъ компіляцію изслѣдованій по языку предшествовавшихъ грамматиковъ. Остальные же учебники не заслуживаютъ вниманія по неполнотѣ матеріала, привлекаемаго авторами въ разработку своихъ трудовъ.

Тексты всѣхъ діалектовъ картвельской группы языковъ съ нѣкоторыми дополненіями звуковыхъ знаковъ правильно записывались грузинской транскрипціей. Въ Мингрелии, Сванетіи, въ Хевсурстїи, въ Ингилойскомъ округѣ съ успѣхомъ примѣняется грузинскій алфавитъ при веденіи житейской переписки, а въ старину онъ служилъ единственнымъ способомъ обученія грамотѣ духовенства и дворянства.— Если на основаніи строгихъ требованій науки спросимъ, къ какимъ научнымъ результатамъ привела двухвѣковая разработка груз. яз. туземными и иностранными грамматиками? Извѣстны ли основные законы его внутренняго механизма, его грам. строенія? Съ какой семьей языковъ имѣетъ онъ генетическую связь? Мы должны признаться, что отвѣты, которые даетъ существующая грамматическая литература на поставленные вопросы, далеко неудовлетворительны. Эпитетъ „загадочный“, „удивительный“ до сихъ поръ неотъемлемо присоединяется къ грузинскому языку. Причина безуспѣшности разработки нашего языка заключаются въ трудности предмета изслѣдованія, въ недостаточности матеріала, привлекаемаго учеными для разрѣшенія выше поставленныхъ вопросовъ и въ неудовлетворительности методы самаго изслѣдованія. Прежде всего нужно очистить груз. языкъ отъ наслоившихся элементовъ индо-европейскихъ, семитическихъ и туранскихъ языковъ и возстановить въ чистомъ и полномъ видѣ первоначальный типъ груз. языка. Для этого нужно привлечь къ изученію языка мингрельской, лазскій, сванетскій, говоры пшавовъ, хевсуръ, тушинъ и ингилойцевъ, уловить особенности языка въ древнѣйшихъ памятникахъ грузинской письменности и, такимъ образомъ, представить историческую грамматику грузинскаго языка. Причемъ, въ основаніе изслѣдованія груз. грамматикѣ, взаимно до сихъ поръ примѣняемой греко-латинской грамматической схемы, должна быть положена система, болѣе соответствующая духу груз. языка, обнаруживающая особенности его строенія. При соблюденіи этихъ условій

грузинскій языкъ получить давно ожидаемую учеными достойную себя научную разработку.

Если морфологія грузинскаго языка представляет такія по настоящее время не вполне устраненныя затрудненія, то фонетическая его сторона не вызываетъ никакихъ недоумѣній. О звуковой системѣ груз. алфавита лучший кавказскій лингвистъ, бар. Усларъ, отзывается съ самой выгодной стороны. Если смотрѣть, говоритъ онъ, на грузинскій алфавитъ въ отношеніи къ самому грузинскому языку, то нельзя не сознаться, что онъ удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ: едва ли это не есть совершеннѣйшій изъ всѣхъ существующихъ алфавитовъ. Въ немъ каждый звукъ выражается особымъ знакомъ и каждый знакъ постоянно выражаетъ одинъ и тотъ же звукъ. Во всѣхъ европейскихъ языкахъ есть камень преткновенія—орфографія; для грузинъ, благодаря совершенству ихъ алфавита, этой трудности почти не существуетъ ¹⁾.

Вопросъ, въ какомъ отношеніи находится грузинскій языкъ къ другимъ группамъ языковъ, до сихъ поръ остается открытымъ. Онъ испыталъ странную судьбу едва ли постигавшую какой-либо другой языкъ: его причисляли то къ индо-европейской, то къ туранской, то къ семитической группѣ языковъ и, отчаявшись найти ему мѣсто въ известной семьѣ языковъ, выдѣлили его въ особую группу. Однако, и на этомъ рѣшеніи не удовлетвовались остановиться, и по временамъ прорываются попытки поставить его въ родство то съ баскскимъ языкомъ въ Европѣ, то съ дравидійскими въ Азіи, то снова возвращаются къ индо-европейской и семитической теоріямъ.

Еще известнѣйшій философъ Лейбницъ въ XVII в. поднялъ вопросъ объ отношеніи грузинскаго яз. къ греческому, латинскому, армянскому, поддерживая свое мнѣніе сходствомъ груз. словъ съ греческими и латинскими. Въ грузино-итальянскомъ словарѣ Паудини и Ирбаха онъ нашелъ нѣсколько заимствованныхъ грузинами словъ, представляющихъ аналогію съ греко-латинскими прототипами: (такъ греч. *βραχον*, лат. *aer*). Конечно, иностранныя слова, вошедшія въ лексиконъ груз. языка, не могутъ свидѣтельствовать о сродствѣ его съ языкомъ народа, у котораго они заимствованы.

Съ первой четверти текущаго столѣтія ав. Броссе сталъ проводить мысль о сродствѣ груз. языка съ индо-европейскими. Отецъ сравнительнаго изученія языковъ, замѣчательный лингвистъ Боппъ, поддерживалъ мнѣніе ав. Броссе: онъ старался приурочить груз. языкъ къ

¹⁾ Записки Услара о составленіи азбукъ кавказскихъ языковъ, помещенная въ Зап. Кавказ. Отд. И. Р. Геогр. Общ. за 1861 г., стр. 43.

арійской группѣ языковъ на основаніи разбора глаголовъ, флексій именъ, личныхъ мѣстоименій и числительныхъ, надъ которыми онъ производилъ всевозможныя операціи, чтобы оправдать свою теорію. Онъ сравнивалъ груз. языкъ лишь съ санскритскимъ, не обращая вниманія на другіе члены индо-европейской семьи языковъ; ограничиваясь при томъ лишь морфологическою частью, онъ исключилъ изъ сферы сравненія фонетику и звуковую систему грузинскаго языка, безъ которой не можетъ укрѣпиться научное сравненіе языковъ.

Акад. Броссе въ своемъ открытомъ письмѣ къ Боппу попытался ввести грузинскій языкъ въ индо-европ. группу языковъ не чрезъ санскритъ, какъ дѣлалъ отецъ языковѣдѣнія, а чрезъ посредство армянскаго языка, исходя изъ извѣстнаго логическаго положенія: *quae sunt eadem uno tertio, sunt eadem inter se*. Армянскій яз. принадлежитъ къ арійской группѣ яз.,—если же будетъ доказано сродство груз. съ арм. яз., то ео ірво будетъ установлено сродство груз. языка съ индо-европейскою группой языковъ. Для подрѣпленія теоріи о сродствѣ груз. языка съ арм. ак. Броссе приводитъ нѣсколько словъ, одинаково распространенныхъ и у армянъ, и у грузинъ—таковы: *zamtari* (груз.), *zmiel* (арм.)—зима, *boroti* (груз.), *borot* (арм.)—злой; *brzola* (груз.), *mrtsmiel* (арм.)—борьба. Такъ какъ трудно доказать заимствованіе приведенныхъ словъ армянами у грузинъ или обратно, то Броссе склоненъ отнести ихъ ко времени существованія армяно-грузинскаго языка. Для убѣдительнаго подтвержденія арійскаго происхожденія груз. языка, Броссе обѣщался указать на присутствіе въ иверійской группѣ корней старо-персидскихъ и пехлевійскихъ. Однако, онъ не успѣлъ исполнить своего обѣщанія, хотя оно едва-ли бы рѣшило вопросъ объ арійскомъ характерѣ груз. яз., но за то пролило бы больше свѣта на отдаленное прошлое картвельскаго племени. Боппъ и Броссе никого не убѣдили въ индо-евр. происхожденіи груз. языка, и тѣ лингвисты, которые вѣрили въ возможность его сродства съ индо-евр. группой, увѣрились, что основаній для такого предположенія весьма мало и недостаточно ¹⁾.

Англійскій лингвистъ Максъ Мюллеръ далъ другое направленіе этому вопросу и отнесъ груз. языкъ къ туранской семьѣ языковъ. Не приводя фактовъ въ подрѣпленіе своей теоріи, онъ призналъ груз. и сѣверо-восточные языки Кавказа отдаленными членами, „разсѣянными языками“ туранскаго семейства. Но такъ какъ въ своихъ чтеніяхъ по наукѣ о языкѣ онъ объ этомъ сродствѣ уже не упоминаетъ, то, мо-

¹⁾ Литературу вопроса см. у меня въ I в. „Очерковъ по исторіи груз. словесности“, стр. 1.

жетъ быть, самъ же убѣдился впоследствии, какъ мало оснований допустить мысль о подобной связи.

Вѣнскій профессоръ Фридрихъ Мюлеръ предложилъ признать иверійскую группу языковъ группой *изолированной*, стоящей особнякомъ. Грузинскій языкъ, по этому мнѣнію, считается подобно баскскому въ Европѣ, остаткомъ языка народа, нѣкогда распространеннаго на Кавказѣ и въ Малой Азіи,—судя по ванскимъ надписямъ и географической номенклатурѣ,—до прихода сюда семитическихъ, арійскихъ и урало-алтайскихъ племенъ. Вотъ, пока двѣ теоріи о сродствѣ груз. языка съ двумя установленными семьями языковъ и третья объ особенномъ характерѣ груз. языка, изолирующемъ его въ особую группу. Появлялась отъ времени до времени попытка, попытка, впрочемъ, очень робкая приурочить груз. языкъ къ семитической группѣ. Но если и эта попытка не увѣнчается успѣхомъ, то даже отрицательные ея результаты будутъ положительнымъ приобрѣтеніемъ науки въ томъ смыслѣ, что будущіе изслѣдователи груз. языка избавятся отъ возвращенія къ этой теоріи, поглощающей много тщетной и бесплодной работы.

Безуспѣшность научныхъ изысканій въ вопросѣ о происхожденіи груз. языка объясняется тѣмъ, что ученые приступали къ нему съ предвзятой тенденціей, готовой теоріей, въ предѣлы которой хотѣли втиснуть формы и законы иверійской группы языковъ. Необходимо прежде всего, безъ отношенія къ другимъ семьямъ языковъ, опредѣлить типъ груз. языка и потомъ искать ему мѣсто въ морфологической или генетической классификаціи. Самый вѣрный и научный способъ, говоритъ проф. Цагарели, положить конецъ болѣе полуторацѣлѣтнему спору, это тщательное и всестороннее изслѣдованіе груз. языка, а особенно фонетики его съ сродственными иверійскими нарѣччями—мингрельскимъ, лазскимъ, сванетскимъ, и такимъ способомъ воссозданіе путемъ сравненія и дедукціи исконнаго типа (*Ursprache*) иверійскаго языка, лежащаго въ основаніи всѣхъ упомянутыхъ языковъ груз. класса. Когда, такимъ образомъ, будетъ найденъ правверійскій языкъ, то явится возможность ввести иверійскую семью въ составъ одной изъ трехъ извѣстныхъ группъ или же считать ее группой изолированной, какъ предлагаетъ Фр. Мюллеръ.

Камень преткновенія въ грузинскомъ языкѣ представляютъ глаголы, отъ анализа которыхъ отказался извѣстный лингвистъ Шлейхеръ. Трудность заключается въ томъ, что въ груз. глаголѣ есть показатель лица, который, выражаясь извѣстнымъ звукомъ или группой звуковъ, сливается съ глагольной формой, рѣдко выпускается и при

этомъ измѣняется въ другіе звуки. Напр. *mqavs* (я имѣю), *gqavs* (ты имѣешь) и пр.; префиксъ I л. *m*—мѣстоимѣніе I л. *me* (я); префиксъ II л.—звукъ *g* можетъ быть объясненъ изъ указательнаго мѣстоимѣнія *ig(i)*—тотъ. Что касается морфологическаго строенія глаголовъ иверійскихъ языковъ (т.-е. спряженій), то они считаются флексивными, хотя мѣстоименный элементъ въ видѣ префиксовъ играетъ въ нихъ важную роль. Какъ ни труденъ анализъ глаголовъ никто, конечно, теперь не станетъ дѣлать ихъ на 20 спряженій или считать всѣ неправильными, какъ думали въ Европѣ въ XVIII в. Хотя такія недоразумѣнія нынѣ значительно устранены, но вообще еще много остается желать въ изслѣдованіи грузинской грамматики.

Лексикографія также представляется въ неудовлетворительномъ состояніи. Кромѣ безупречныхъ словарей Саввы С. Орбелиани, царевича Иоанна въ рукописи, Давида Чубинова и Рафаеля Эристова по естественнымъ наукамъ¹⁾, у насъ нѣтъ ни одного сборника даже провинціальныхъ словъ, напр., имеритинско-гурійскихъ, пшаво-хевсурскихъ, не говоря уже о полномъ отсутствіи словарей мингрельско-лазскаго и сванетскаго языковъ, если не считать словъ, записанныхъ неприложимой къ грузинской группѣ языковъ, академической транскрипціей. Между тѣмъ, опредѣленіе фонетическихъ особенностей иверійской группы языковъ не можетъ быть установлено, пока у насъ не будутъ записаны грузинскимъ соответствующимъ всей иверійской группѣ языковъ алфавитомъ тексты и составлены словари отдѣльныхъ нарѣчій и говорвъ иверійской группы.

Грузинскій алфавитъ.

Въ связи съ вопросомъ о грузинской грамматикѣ стоитъ вопросъ объ изобрѣтеніи грузинской азбуки. У грузинъ существуетъ два алфавита „мхедрули“ (гражданскій) и „хуцури“ (церковный). Относительно времени ихъ происхожденія существуютъ также два мнѣнія: по первому мнѣнію, основанному на словахъ „Картлисъ Цховреба“, у насъ появился алфавитъ еще въ III в. до Р. Х., при царѣ Фарнавазѣ; по второму же мнѣнію— „хуцури“ старше мхедрули и служитъ основнымъ прототипомъ, изъ котораго постепенно развивается „мхедрули“, при этомъ изобрѣтеніе алфавита „хуцури“ приписывается Месропу, армянину, жившему

¹⁾ Словарь, составленный въ 1839 г. *Стефаномъ Ломуевымъ* представляетъ плохой опытъ грузинно армяно-греческо-татарскаго словаря, напр.: тата—(груз.), отецъ *patri* (греч.), *babhor* (армян.), *alta* (татарск.). См. *Извѣсія*, 1893, № 252.

въ V вѣкѣ по Р. Х. Разберемъ объ эти теоріи. Замѣтимъ предварительно, что древняя груз. письменность не знаетъ вовсе терминовъ „мхедрули“ и „хуцури“, а „Картлїсь-Цховреба“, говоря объ изобрѣтеніи царемъ Фарнавазомъ азбуки, не ставитъ насъ въ извѣстность, какой именно алфавитъ онъ ввелъ—гражданскій или церковный. Но традиція, укрѣпившаяся въ памяти народа и литературѣ, приписываетъ ему изобрѣтеніе „мхедрули“. Мы можемъ поддержать эту увѣренность и представить къ ней историческія данныя ¹⁾.

Царь Фарнавазъ, жившій въ концѣ IV в. и въ началѣ III в. до Р. Х., играетъ въ грузинской исторіи весьма важную роль. Онъ освобождаетъ Грузію, по преданію, отъ иноземной власти Александра Македонскаго, провозглашаетъ себя царемъ и устанавливаетъ опредѣленное административное и военное устройство. Виновникъ освобоженія страны отъ чужеземнаго ига, организаторъ началъ гражданственности взаимнѣ господства родового порядка (правленіе „мамасахлисами“), естественно могъ придти къ намѣренію ввести и письменность, чтобы связать Грузію культурными узами единства. Въ особенности доказательнымъ представится подобный взглядъ, если вспомнить, что въ эпоху Фарнаваза система передачи мыслей фонетическими знаками не была явленіемъ рѣдкимъ. Всѣ народы, съ которыми Грузія входила въ сношенія—индійцы, персы, греки,—были хорошо знакомы съ алфавитною системою письма. На вопросъ, какія письма могъ ввести Фарнавазъ, мы отвѣчаемъ, что онъ ввелъ зендскія письма и заимствовалъ онъ ихъ у персовъ, съ которыми грузины были связаны родственными узами (мать Фарнаваза была персіанка), единствомъ религіи и нравовъ и безпрестанными сношеніями. Если положеніе наше о заимствованіи азбуки у персовъ вѣрно, то наши письма должны были сохранить сходство съ зендскимъ алфавитомъ, который въ то время у персовъ употреблялся. И дѣйствительно, изъ 35 зендскихъ простыхъ буквъ—25 представлены въ груз. алфавитѣ „мхедрули“. Многія изъ зендскихъ буквъ удержались въ груз. алфавитѣ безъ всякаго измѣненія: напр., *d, he* и пр., другія, сохранивъ полное сходство, перемѣнили свое положеніе изъ горизонтальнаго въ перпендикулярное и

¹⁾ Литература вопроса *Серебряковъ-Окрюмцедель*—„Объ изобрѣтеніи грузинскаго алфавита“ (журн. „Иверія“ 1881 г., кн. X, 98—112 стр.; ср. Труды V археол. съѣзда въ Тифлисѣ, стр. 221—228; Исторія Арменіи *М. Хоренскаго* пер. Эммина, М. 1858, стр. 112. *Дж. Пурцеладзе* и *Дж. Бакрадзе* въ „Трудахъ V археол. съѣзда“. *Баратаевъ*. Нумизматическіе факты грузинскаго царства. Спб. 1884 *Царев. Теймуразъ*. Исторія Грузіи Спб. 1843. *Brosset*. Histoire de la Géorgie, t. I.

наоборотъ, или же перевернулись справа налѣво, что весьма легко объясняется тѣмъ, что зендскія письма направо; къ таковымъ можно отнести *r, m, h*, и пр.; наконецъ, есть такія буквы, которыхъ отступленіе состоитъ въ томъ, что онѣ утеряли нѣкоторыя черточки или дали имъ другое направленіе какъ *l, a* и пр. Всѣ эти отступленія легко объяснимы палеографіей, и сходство грузинскаго и зендскаго алфавита остается въ силѣ. Въ доказательство мысли, что именно зендскій алфавитъ введенъ въ Грузію при Фарнавазѣ можно привести тотъ историческій фактъ, что зендскій языкъ и письма вышли изъ употребленія въ Персіи въ III в. до Р. Х. вслѣдъ за разореніемъ Александромъ Македонскимъ персидской монархіи. За паденіемъ имперіи Александра М. выступило на сцену парфянское племя, и при Аршакидахъ и Сассанидахъ вошли въ Персію въ употребленіе письма пехлевійскія. Со времени же завоеванія Персіи арабами введены арабскія буквы, по настоящее время употребляющіяся. Время господства зендской азбуки совершенно совпадаетъ съ эпохою царя Фарнаваза. Послѣ Фарнаваза грузины могли бы заимствовать алфавитъ, но этотъ былъ бы не зендскій, а другой, но такъ какъ сравненіе ихъ показываетъ, что грузины заимствовали зендскія буквы, то мы должны заключить, что введеніе этой письменности совершилось именно во времена Фарнаваза.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что грузины были знакомы съ азбукой гораздо раньше Месропа за восемь вѣковъ до введенія послѣднимъ армянскаго алфавита. Грузинская лѣтопись, достовѣрность которой напрасно подвергается сомнѣнію, даетъ еще рядъ доказательствъ къ тому, что грузины имѣли письменность до V вѣка, т. е. до изобрѣтенія Месропомъ алфавита. „Картлисъ-Цховреба“ повѣствуетъ, что царь Миріанъ, жившій въ началѣ IV в., до принятія имъ христіанства, пожелалъ предварительно узнать его достоинства, и съ этою цѣлью много читалъ старыхъ и новыхъ книгъ, а также книгу Нимврода“. Лѣтопись же передаетъ, что св. Нина, просвѣтельница Грузіи, предъ смертію рассказала свою жизнь и присутствующая при ней царица Саломѣ записала ея житіе. Изъ лѣтописи узнаемъ еще, что маленькій царевичъ Мурваносъ, сынъ Миріана, учился чтенію и письму и оказалъ такіе быстрые успѣхи, что поражалъ своихъ современниковъ. Изъ этихъ свидѣтельствъ мы заключаемъ, что до Месропа у насъ былъ алфавитъ, была извѣстна письменность.

Перейдемъ къ азбукѣ церковной и къ сказаніямъ о Месропѣ. Армянскіе писатели V в. Коріюнъ и Моисей Хоренскій утверждаютъ, что Месропъ, современниками котораго они являются, изобрѣлъ какъ

армянскій, такъ и груз. алфавитъ. Коріюнъ въ біографіи Месропа говоритъ: Месропъ по изобрѣтеніи армянской азбуки отправился въ страну иверовъ, представился царю этой страны, Бакуру и епископу Моисею, ознакомилъ ихъ съ своимъ изобрѣтеніемъ и, съ ихъ согласія, создалъ для иверовъ азбуку. За симъ царь приказалъ одному свѣдущему въ иверскомъ языкѣ мужу, по имени Джахи, собрать мальчиковъ изъ разныхъ областей, раздѣленныхъ между собою различными нарѣчіями и учить одному языку, на которомъ и стали иверы прославлять Бога. Моисей Хоренскій въ своей исторіи Арменіи передаетъ: „Месропъ, отправившись въ землю Иверскую съ помощью Божьей благодати и для нихъ устраиваетъ письмена при содѣйствіи Джахи, переводчика греческаго и армянскаго языковъ; царь иверовъ, Бакуръ и епископъ Моисей содѣйствуютъ Месропу“. Разсмотримъ внутреннее содержаніе этихъ преданій двухъ историковъ, весьма близкихъ и согласныхъ между собою. Оба они говорятъ, что изобрѣтеніе Месропа совершилось при царѣ Бакурѣ, епископѣ Моисеѣ и переводчикѣ Джахи. Разница состоитъ въ томъ, что Хоренскій считаетъ Джахи переводчикомъ съ греч. и армян. языковъ, помогавшимъ Месропу, что весьма ярко указываетъ на незнаніе Месропомъ груз. языка; Коріюнъ же называетъ Джахи просто свѣдущимъ въ груз. языкѣ мужемъ. Къ своему разсказу Коріюнъ прибавляетъ, что Месропъ изъ Грузіи отправился въ Албанію и на возвратномъ пути на престолѣ Грузіи засталъ уже другого царя, по имени Арцюхъ, который съ большимъ рвеніемъ распространялъ азбуку Месропа.

Здѣсь названы четыре имени: два царя—Бакуръ и Арцюхъ епископъ Моисей и Джахи. Имени Джахи, человека ученаго, но не сановнаго, лѣтопись могла не сохранить, но удивительно и непонятно, что изъ названныхъ лицъ въ эпоху Месропа груз. исторія ни о какомъ царѣ Бакурѣ и епископѣ Моисеѣ не упоминаетъ, а имени царя Арцюхъ она совершенно не знаетъ. Между тѣмъ всѣ имена груз. царей и епископовъ того времени достоверно намъ извѣстны. Месропъ род. въ 361 г. и умеръ въ 441 г. Со времени введенія христіанства въ Грузію до 446 г., было въ Иверіи десять епископовъ, и ни одинъ изъ нихъ не носитъ имени Моисея. Подъ именемъ Бакура въ Грузіи царствовали три царя, изъ которыхъ первый умеръ въ 246 г. послѣ Р. Х., второй въ 528 г. и третій еще позже. Эти факты не могутъ не поколебать значенія преданія объ изобрѣтеніи Месропомъ груз. алфавита „хуцури“. Сходство его съ армянскимъ письменами, замѣтимъ, ограничивается только одною внѣшностью—одинаковымъ сочетаніемъ прямыхъ линій. Но изображеніе буквъ, состоящихъ изъ

различнаго притомъ соединенія прямыхъ элементовъ, не представляетъ внутренняго единства: только одна буква *К*, при внѣшнемъ подобіи, и по начертанію, и по произношенію совпадаютъ, остальные же буквы изображаютъ различныя звуки въ груз. и армян. алфавитѣ. Къ ослабленію традиціи объ изобрѣтеніи груз. хуцури Месропомъ мы должны присоединить, что мелкій „хуцури“ лишь напоминаетъ армянскій алфавитъ, между тѣмъ какъ сходство уставнаго или заглавнаго хуцури съ месроповскими письменами совершенно неумовимо. Принявъ во вниманіе, что уставъ во всякой письменности предшествуетъ мелкому письму, то мы должны были ожидать, при единствѣ происхожденія нашего и армян. алфавита, сходства въ первоначальной формѣ заглавныхъ буквъ, а если близость эта отсутствуетъ, то самый фактъ изобрѣтенія однимъ и тѣмъ же лицомъ въ одну и ту же эпоху набрасываетъ на себя густую тѣнь основательнаго сомнѣнія. Это сомнѣніе въ услугахъ, оказанныхъ Армеліей Грузіи, находитъ яркое выраженіе въ еще одномъ, не лишенномъ значенія, обстоятельстве. Дѣло въ томъ, что буква *о*, незнакомая алфавиту Месропа, была введена въ армянскую азбуку въ XII в., между тѣмъ отдѣльное начертаніе для выраженія звука *о* грузинамъ было извѣстно за шесть вѣковъ до этого въ томъ же видѣ, какъ оно нынѣ употребляется, чему доказательствомъ служить изображеніе монеты царя Степаноса, жившаго въ концѣ VI в. Чѣмъ объяснить любезность Месропа, еслибы онъ на самомъ дѣлѣ былъ изобрѣтателемъ груз. письменъ, введенія въ нашу азбуку начертанія звука *о* и неумѣніе уловить и изобразить этотъ же звукъ въ армянскомъ алфавитѣ?! Въ заключеніе нашихъ доводовъ противъ возможности изобрѣтенія груз. буквъ, мы должны указать на тотъ фактъ, что „Картлисъ—Цховреба“, говоря о введеніи буквъ Фарнавозомъ въ III в. до Р. X., совершенно умалчиваетъ о составленіи письменъ Месропомъ для грузинъ. Да вообще, могъ ли армянинъ, не знающій грузинскаго языка, судя по свидѣтельству Моисея Хоренскаго, писателя VIII—IX в. ¹⁾, уловить все богатство звуковъ чуждаго, незнакомаго языка и дать имъ соотвѣтствующее изображеніе? Во-вторыхъ, изобрѣтеніе грузинскихъ буквъ является ли дѣломъ одного человѣка, или результатомъ работы цѣлой, такъ сказать, комиссіи знающихъ въ совершенствѣ различныя отгѣнныя звуки различныихъ органовъ произношенія?

Грузинская азбука весьма совершенный инструментъ для выраженія богатыхъ звуковъ грузинскаго языка; эта азбука передаетъ наши

¹⁾ См. *A. Carriere. Nouvelles sources de Moise de Khoren. Vien. 1893.*

звукъ съ такою точностью и ясностью, что едва ли найдется много азбукъ, которыя выдержали бы сравненіе съ нею, не исключая и армянской. Такое совершенство алфавита указываетъ, во-первыхъ, на его глубокую древность и на участіе въ его созданіи ряда анонимныхъ тружениковъ, обладавшихъ способностью анализировать звуки языка и, во-вторыхъ, совершенство нашего алфавита свидѣтельствуетъ, что анализъ этотъ не могъ быть произведенъ чужестранцемъ, при томъ не знавшимъ языка, какимъ является Месропъ. По этимъ даннымъ, сказанія армянскихъ историковъ объ изобрѣтеніи Месропомъ грузинскаго алфавита теряютъ въ нашихъ глазахъ всякое значеніе.

Если принять во вниманіе частыя сношенія Грузіи съ Персіей, Индіей, Греціей, то мы придемъ къ заключенію, что въ Иверіи должна была рано породиться необходимость въ письменности, въ подражаніе культурнымъ сосѣдямъ. Сходство нашей азбуки съ алфавитомъ зендскимъ, греческимъ и индійскимъ (напр. Дева - Нагари), указываетъ, что буквы наши выработывались и пополнялись постепенно съ древнѣйшихъ временъ, восходящимъ къ сношеніямъ Грузіи съ Индіей. Первые начатки грузинскаго алфавита могли быть заимствованы изъ Индіи, и, завершившись подъ влияніемъ зендскихъ письменъ, выработаться въ окончательную форму въ эпоху воздѣйствія на грузинъ греческой культуры, расцвѣтшей на южномъ и восточномъ берегахъ Чернаго моря. Порядокъ буквъ въ грузинскомъ и греческомъ алфавитахъ, начертаніе нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ ω , названіе орудія письменности $\mu\acute{\epsilon}\lambda\alpha\chi\iota\omicron\nu$ (чернила), $\chi\alpha\lambda\alpha\mu\acute{\alpha}\rho\iota\omicron\nu$ (перо), указываютъ на то, что окончательное установленіе грузинской азбуки произошло подъ влияніемъ греческой цивилизаціи, развившей въ грузинахъ сознаніе пользы и благодѣтельности азбучныхъ знаковъ. Въ виду всего сказаннаго, мы думаемъ, что грузинскій алфавитъ существовалъ до Месропа и роль его въ изобрѣтеніи грузинскихъ буквъ не оправдывается историческими фактами.

Однако, показанія Моисея Хоренскаго и Корюна должны же заключать какую-нибудь долю истины объ участіи Месропа въ грузинскомъ алфавитѣ! Мы даемъ слѣдующее объясненіе ихъ свидѣтельству. Съ введеніемъ христіанства, грузинскіе цари, какъ вездѣ это бывало съ установленіемъ новой религіи, пытались отвлечь народъ отъ языческой старины. Алфавитъ Фарнаваза или „мхедрули“, какъ остатокъ до-христіанскаго періода, также могъ вызвать желаніе замѣнить его другими письменами. При томъ стали воздвигаться храмы, на которыхъ вырѣзывались надписи, гласящія объ именахъ строителей. Алфавитъ „мхедрули“, основной элементъ котораго составляетъ *дуга*, ока-

зался трудно приложимымъ къ благочестивой цѣли увѣковѣчить письменами на камнѣ имена воздвигающихъ и украшающихъ домъ Божій. Месропъ въ такомъ затруднительномъ положеніи, вѣроятно, явился полезнымъ человѣкомъ. Онъ могъ посоветовать замѣнить круглыя буквы мхедрули прямолинейными, которыя легче вырѣзывать чѣмъ дугообразныя. Вотъ въ чемъ могла заключаться услуга Месропа, оказанная грузинамъ. Если въ Албаніи, странѣ менѣе развитой, чѣмъ Грузія, Месропъ ограничивается *возстановленіемъ* существовавшаго алфавита, то естественно предположить, что Грузія, находившаяся въ культурныхъ сношеніяхъ съ образованными народами древняго міра, не позже Албаніи пришла бы къ мысли создать алфавитъ, который по требованіямъ времени измѣнился, быть можетъ, по указанію Месропа, изъ круглой формы въ прямолинейную.

Сравнивая между собою „мхедрули“ и „хуцури“, мы можемъ уловить, какъ дуги перваго, разогнувшись, даютъ прямыя фигуры втораго. Для примѣра приведемъ изъ обѣихъ азбукъ буквы: n, s, th. Такова связь между двумя грузинскими алфавитами.

Противники старшинства „мхедрули“ предъ „хуцури“ основываются на отсутствіи древнихъ памятниковъ, писанныхъ гражданскимъ алфавитомъ. Но они забываютъ, что при многочисленныхъ вторженіяхъ враждебныхъ народовъ, памятники эти могли исчезнуть. Да доводъ а silentio не можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ. Древнѣйшіе слѣды нашей письменности восходятъ къ V—VI вв.: это надписи на храмахъ Рконійскомъ въ Горійскомъ уѣздѣ и Св. Креста близъ Мцхета, на пергаментныхъ манускриптахъ и монетахъ сассанидскаго періода. Всѣ эти памятники писаны уставнымъ (заглавнымъ) „хуцури“, который является исключительно господствующимъ до VII в. Въ этомъ столѣтіи показываются первые признаки мелкаго „хуцури“, изъ котораго вырабатывается алфавитъ мхедрули въ X в., носящіе яркіе слѣды своего прототипа до XIV в., когда гражданская азбука получаетъ болѣе соответствующей настоящимъ изображеніямъ начертанія. Буквы переходнаго періода изъ „хуцури“ въ „мхедрули“ являются настолько вычурными и своеобразными, что онѣ считались загадочными и принимались ак. Броссе за секретные знаки. Палеографическіе образцы изъ памятниковъ различныхъ временъ разсѣиваютъ это заблужденіе и устанавливають тѣсную связь между двумя существующими грузинскими алфавитами. Отрицая за Месропомъ роль изобрѣтателя грузинскихъ буквъ, мы оставляемъ вопросъ открытымъ какой изъ двухъ алфавитовъ долженъ быть признанъ болѣе древнимъ. Историческія соображенія говорятъ за древность „мхедрули“,

а палеографическія особенности памятниковъ письменности за старшинство „хуцура“. Рѣшеніе этой дилеммы можетъ получить болѣе утвердительную форму, когда мы ближе и больше изучимъ характеръ и особенности первыхъ памятниковъ письменности, а пока это не сдѣлано—вопросъ старшинства одного алфавита предъ другимъ можетъ носить субъективные оттѣнки и отраженія личнаго настроенія ¹⁾).

¹⁾ О возможности связи между грузинскимъ и славянскимъ алфавитомъ см. Ist die Ähnlichkeit des glagolitischen mit dem grusinischen Alphabet Zufall? Von D-r R. Abicht. Senior an der Pfarrkirche, Lector der Polnischen und Russischen Sprache an der Universität Breslau. Leipzig. 1895. Лекторъ польскаго и русскаго языковъ въ Бреславльскомъ университетѣ взялся доказывать, что славянскій алфавитъ („глаголица“) заимствованъ изъ грузинскаго алфавита. Знаменитый славистъ Шафарикъ увѣрялъ, что Кириллъ не кириллицу, а глаголицу изобрѣлъ. Съ этою-то „глаголицей“ сооставляетъ грузинскую азбуку д-ръ Р. Абихтъ, повидимому, прекрасный знатокъ законовъ палеографіи, и объяснить каждое начертаніе „глаголицы“ изъ грузинскаго „хуцура“. Извѣстно, что изобрѣтеніе славянскаго алфавита относится къ концу IX вѣка. Г-нъ Абихтъ затрудняется для окончательнаго разрѣшенія поставленнаго имъ вопроса только тѣмъ соображеніемъ, что ему неизвѣстно, существуетъ ли какая-либо рукопись, относящаяся къ IX вѣку. Для насъ его сомнѣніе не имѣетъ силы, такъ мы знаемъ *безусловно* манускрипты VII—VIII в., житія и требники VIII и IX в. Авторъ книжки изучилъ и грузинскій языкъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, помимо отдѣльныхъ буквъ, сопоставляемыхъ съ славянскими, онъ приводитъ цѣлыя грузинскія слова и фразы. Возможность заимствованія начертанія знаковъ „глаголицы“ изъ грузинскаго языка для насъ тѣмъ убѣдительнѣе, что на Афонѣ процвѣтала грузинская школа переводчиковъ церковно-богослужебныхъ книгъ, а славянскіе переводчики поддерживали сношенія съ Святою горой.

Обзор памятников письменности до конца XII в.

Исторія грузинской письменной словесности до конца XII в. распадается на два отдѣла: на періодъ подготовительный съ V по X в. и періодъ *классическій* съ X по XII в. Подготовительный періодъ обнимаетъ произведенія по преимуществу духовнаго содержанія: переводы священнаго писанія, творенія отцовъ и учителей церкви, назидательныя сочиненія и житія святыхъ. Второй періодъ дополняется памятниками, хрониками и хронографами, душеспасительными сказаніями и художественными произведеніями. Христіанство положило первый камень въ тотъ прочный фундаментъ, на которомъ было возведено культурное зданіе древней Иверіи. Языческая эпоха въ жизни грузинскаго народа не завѣщала намъ никакихъ письменныхъ памятниковъ, первымъ изъ которыхъ является Ксанское пергаментное евангеліе VI в., если принять достовѣрнымъ опредѣленіе его даты, данное покойнымъ грузинологомъ Д. З. Бакрадзе. Въ виду того, что источникомъ грузинской образованности послужила проповѣдь, ученіе Спасителя, вся начальная письменность Грузіи, дошедшая до насъ, носятъ характеръ религіозный, христіанскій. Монастыри въ Палестинѣ—Св. Іоанна Крестителя и Саввинская лавра, —на Синаѣ, Олимпѣ, Сиріи, Афонѣ, а въ предѣлахъ Грузіи—Гелати, Джручи, Тбети, Шатберди, Пицунда и др., стали центрами просвѣщенія, духовныя лица не только пастырями, но и переписчиками, переводчиками и сочинителями церковно-поучительныхъ твореній. Этими обстоятельствами объясняется обиліе памятниковъ по духовной литературѣ и сравнительная скудость произведеній свѣтскаго характера. Только въ эпоху царицы Тамары создаются романы и поэмы, сюжеты которыхъ не носятъ исключительнаго колорита нравственно-поучительныхъ сочиненій. Между переводчиками церковно-богослужбныхъ книгъ первое мѣсто по количеству переведенныхъ памятниковъ принадлежитъ на Афонѣ въ X—XI вв. св. Іоанну и сыну его Евѣмію, а также Георгію Мтацминдели (Святогорцу), извѣстному подъ именемъ перелagateля книгъ; въ XI—XII в. Ефремъ Мцире и Саба Тухарели. Въ Палестинѣ до VIII в. подвизались Давидъ и Стефанъ. Въ Крестномъ монастырѣ въ XI в. извѣстны на поприщѣ книжнаго дѣла

Прохоре, Макарий, Микель, Гавриилъ, Арсеній, Іоаннъ Двали, съ сыномъ своимъ Арсеніемъ и др. На Синаѣ въ VIII—IX в. Михаилъ и Евстафій, въ X в. умноженію грузинскихъ рукописей содѣйствовали Зосимъ, Іоаннъ, Квирикѣ Сохастрели и др.

Мы прилагаемъ перечень нѣкоторыхъ духовно-нравственныхъ памятниковъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ ¹⁾.

Варианты грузинскаго Евангелія — *VI отъка* (Урбинское и Ксанское), по опредѣленію Д. З. Баградзе. (Дошедшіе до насъ греческіе кодексы новозавѣтныхъ книгъ не восходятъ раньше IV в.).

Къ VII—VIII вв. относится *Псалтырь* Синайская, на грубоватомъ, желтобуромъ папирусѣ, писанный въ одинъ столбецъ. Листовъ 70 этой псалтыри сохранилось въ цѣлости, листовъ 15—въ видѣ полулистковъ, 51 листъ связаны вѣтвь. Письмо строчное, четкое, чернила черныя, заглавныя буквы и фразы писаны кинноварью. Псалтырь писана постишно, но перемованно. Каждый новый стихъ начинается съ новой строки. По языку, матеріалу и палеографическимъ признакамъ памятникъ VII—VIII в.

Минея въ монастырѣ Св. Бреста, въ трехъ томахъ, на папирусѣ и пергаментѣ. Письмо заглавное. Памятникъ этотъ былъ найденъ преосв. Порфиріемъ въ 50-хъ годахъ. Здѣсь всѣ Господскіе праздники и праздники въ честь мучениковъ, и свв. I—IV вв.

Требникъ Синайскій на пергаментѣ, почеркъ разборчивый, изображенія Петра и Павла и змѣи съ женскою головой.

Къ VIII в. относится житіе св. Або и псалтырь.

Къ *памятникамъ IX в.* относятся Слова и рѣчи Св. Григорія, епископа Неокесарійскаго, Василія В., св. Іоанна Златоуста и св. Кирилла, архіепископа Іерусалимскаго, красною переписанныя на пергаментѣ Макаріемъ Летотели, сыномъ Георгія Грдзели, при содѣйствіи Пшмена изъ Бахети, въ Лаврѣ св. Саввы, при патриархѣ Іерусалимскомъ Θεодосіи и при игуменѣ Лавры Симеонѣ въ 864 г. Въ этомъ же сборникѣ находимъ „Восхваленіе и прославленіе грузинскаго языка“, о которомъ передаетъ рукопись X в. (См. *Цагарели*, Палест. Сборн. 203, 235).

IX—X в. Сборникъ церковно-богослужебнаго содержанія, писанный въ Палестинѣ, въ Лаврѣ св. Саввы пѣвцомъ Симеономъ, по приказанію Павла Палаврели-столицника.

IX—X в. Поученія (14) св. Ефрема Сириня, рукопись писана въ Палестинѣ, въ Лаврѣ св. Саввы Георгіемъ. Къ этому же періоду относятся житіе св. Симеона-Салоса, псалтырь и требникъ (*Цагарели*, ib., стр. 4, 36, 67, 69, 78).

¹⁾ Литература: *Brosset*. Voyage archéologique, I—III livraisons SPt. 1849—1851 г. *Цагарели*. Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности в. I и II. Спб. 1886 и 1889 г. *Жорданія*. Хроника и матеріалы. Тифлисъ 1893 *Баградзе*. История Грузии. Т. 1889.

Къ *памятникамъ* X в. относятся, между прочими, 1) Поученія и слова отцовъ церкви—Василія В., свв. Марка монаха, Мартирія, Ефрема, Макарія и Марка отшельника, переписанныя въ 924—925 гг. въ Палестинѣ, въ Лаврѣ св. Саввы, при игуменствѣ Иоанна Рака, неизвѣстнымъ по имени писцомъ, при помощи сына своего Тимофея. Писецъ проситъ поминать его родителей, братьевъ и сестру Филицію.

2) Евангеліе (на пергаментѣ) Луки и Иоанна, съ указаніемъ главъ, стиховъ и дневныхъ чтеній, слѣдуетъ таблица грузинскаго пасхальнаго цикла, состоящаго изъ 532 лѣтъ, въ связи съ общехристіанскимъ лѣтосчисленіемъ; съ объясненіемъ грузинскаго хроникона, въ концѣ котораго имѣются два круга: солнечный и лунный, съ радіусами и надписями числовыхъ-буквенныхъ знаковъ. Писано это *доуказаніемъ* на Синаѣ Иоанномъ въ 979 г. Въ концѣ рукописи „Восхваленіе грузинскаго языка“, принадлежащее перу писца Иоанна. Преимущество грузинскаго языка предъ прочими „Восхваленію“ видитъ въ томъ, что грузинское лѣтосчисленіе продолжительнѣе лѣтосчисленія другихъ народовъ (грековъ) на 94 года и что языкъ этотъ, подобно Лазарю, имѣетъ воскреснуть и будетъ существовать до страшнаго суда, который долженъ происходить на этомъ языкѣ. (Цагар., II. Сб. 203—4. Ср. похвалу въ Житіяхъ, *ib.* стр. 287).

3) Избранныя мѣста изъ всѣхъ евангелистовъ, для чтеній на большіе Господскіе праздники, переписанныя на пергаментѣ Михаиломъ, жившимъ въ X в. на Синаѣ. Ср. Джручское Евангеліе, писанное въ Шатберди, на пергаментѣ съ миниатюрами, представляющими исцѣленіе слѣпорожденнаго. *Евангеліе это*, переписанное въ 936 г. (6540 короникона), *старше перевода св. Евхимія на 50 мѣт.* *Brosset. Voyage, R. XII, стр. 84—5 ср.* Тбетское евангеліе.

4) Апостолъ на пергаментѣ написанъ на Синаѣ въ 977 г. Бвирке Сохастрели (*ib.* 205—6).

5) Поученія св. отцовъ и поученія св. Бирилла Александрійскаго, хранимыя въ монаст. св. Бреста.

6) Четвероевангеліе на пергаментѣ, раздѣленное на главы, стихи и дневныя чтенія. Заглавіе, какъ почти каждая Синайская груз. рукопись, носитъ и арабское заглавіе. Изображенія двухъ евангелистовъ: Маттея и Марка. Переписано Карадзе Кобуліани. (Пал. Сб. 201). Ср. четвероевангеліе, писан. Иоанномъ въ 978 г. на Синаѣ.

7) Служебникъ, переписанный Иоанномъ на Синаѣ (II. С. 210).

8) Молитвенникъ и часть Требника, перепис. тѣмъ же Иоанномъ (II. Сб. 225).

9) Сказаніе объ обрѣтеніи Честнаго Бреста, рукой того же Иоанна (II. Сб. 240).

10) Сказаніе о сошествіи І. Христа, писан. почеркомъ Иоанна Синайскаго (*ib.*).

11) Псалтырь X в. Пѣснопѣнія Давида, перепис. на Синаѣ Михаиломъ. Пѣснопѣнія на нотахъ (*Жорданія*. Хроника III).

12) Житія свв. на пергаментѣ, переплетъ, который сдѣлалъ Иоаннъ на Синаѣ въ 983 г., содержитъ статьи: о рожденіи Богородицы; житія: Симеона Лалайскаго, Саввы Алуурскаго, Елифачія, свв. нагихъ праведниковъ; мученичество

св. Февронія, Христини, Екатерины; Поученіе св. Стефана, который шествовалъ по морю, и „Похвала грузинскому языку“.

13) Часословъ на пергаментѣ.

14) Житіе и подвиги св. Іоанна Златоуста, писано Іоанномъ Сапарели въ 963 г. (Пал. Сбор. 228).

15) Житіе св. Симеона Столпника Дивногорца (ib.).

16) Трїодъ цвѣтная 972 или 977 г., писанъ Іоанномъ (Пол. Сб. 217).

17) Дѣянїя апостольскїя и посланїя Іакова и Петра 974, писалъ синайскїй Іоаннъ Ср. Творенїя свв. Пимена и Стефана и посланїя апостоловъ того же Іоанна въ 979 г.

18) *Его же* чинъ богослуженїй, совершаемыхъ въ Іерусалимскихъ монастыряхъ на большіе праздники 982 г.

19) Ирмосы Богородичныя, переписанныя Іоанномъ въ 987 г. изъ Синайскаго монастыря. Подобныя же ирмосы X—XI в.

20) *Библия въ Афонскомъ монастырѣ, переписанная въ 978 г.*

21) Пархальское евангеліе съ припиской 973 г., переписан. Іоанномъ Шатбердели.

22) Псалтырь 974 г. съ толкованїями Іоанна Александрійскаго (Тифл. церк. музей № 37).

23) Шатбердскїй сборникъ (Общ. распротр. грам. въ Тифлисѣ № 1141)

XI вѣка: 1) Алавердское евангеліе 1051 г.

2) Лечхумское еванг. 1060 г.

3) Джручское житіе св. Хризостоса.

4) Гелатскїя рукописи.

5) Цароставское евангеліе (1089—1091 г.).

6) Параклитонъ 1093 г. (въ Тифл. церк. муз. № 93).

7) Житіе св. Георгїя изъ Сванетїи 1031 г.

8) Метехское евангеліе 1049 г.

XI—XII в.: 1) Житїя свв. и ихъ творенїя, пергаментный памятникъ въ Крестномъ монастырѣ, содержитъ въ себѣ житїя св. Бонифація, Сильвестра, св. Георгїя Побѣдоносца; поученїя Слово св. Іоанна Дамаскина на Успенїе Богородицы.

2) Другой подобный же памятникъ содержитъ въ себѣ житїя: св. Екатерины, Варвары, Марины, св. Кипріана, Онофрія и др.

3) Ирмосы Богородичныя изъ Синайскаго монастыря.

4) Лѣствица св. Іоанна Блжннаго, Толкованїя на Псалтырь св. Василїя В., Поученїя св. Іоанна Златоуста, Посланїя св. Макарія Египетскаго, Миней, Четвероевангеліе, Синаксарїи — всѣ Крестнаго монастыря; Пергаментный служебникъ, Трїодъ постная, съ отрывками изъ Миней и Часослова, Часословъ съ Типикономъ или указателемъ порядка службы на разные праздники.

5) Гелатское евангеліе.

Къ *XII в.* относятся: 1) *Четвероевангеліе* съ арабскимъ переводомъ евангелїя и съ записью, гласящею, что оно принадлежитъ Синайскому монастырю.

2) Паракалтонъ перепис. 1167—1175, принадлежащій Брестному монастырю.

3) Житія свв. (Общ. распр. грам. среди грузинъ, изъ библ. Мингрель, № 471).

Обозрѣвая памятники письменности священнаго писанія, мы находимъ, что тѣ изъ нихъ дошли въ большемъ количествѣ, которые употреблялись въ церкви при богослуженіи: особенно Псалтырь и Евангеліе, дополненіями къ которымъ служатъ толковыя псалтыри и толковыя евангелія. Назидательность и поучительность ихъ обусловливаетъ обиліе, въ какомъ они сохранились въ различныхъ древнихъ центрахъ просвѣщенія. За ними слѣдуютъ житія святыхъ, сборники отеческихъ сочиненій (Маргаритъ, Златоструй), писанія отцевъ и учителей церкви—Іоанна Златоуста, Василя Вел., Слова Григорія Богослова, сочиненія Ефрема Сирина, Іоанна Дамаскина. Теперь нѣтъ сомнѣнія, что до Георгія Святогорца (въ XI в.) былъ переводъ Евангелія, которое, судя по припискѣ въ нѣкоторыхъ манускриптахъ, подверглось искаженію и требовало исправленія. Эту-то задачу исполнилъ Георгій Святогорецъ. Впослѣдствіи Евангеліе испытало новыя исправленія. Сочиненія Іоанна Дамаскина даютъ первое систематическое изложеніе истинъ христіанскаго ученія. Проповѣди мѣстныхъ представителей духовенства не могли быть въ первое время построены по правиламъ учителей церкви. Приходилось пользоваться переводами греческихъ отцевъ и наставниковъ. „Рай, или Іоанна Богослова и Ефрема Сирина проповѣди“, переписанный на груз. яз. въ 977 г. на Аѳонѣ, является образцомъ построения поученій паствѣ. Съ проповѣдями мы встрѣчаемся въ житіяхъ св. Нины, свв. Іоанна, Евѳимія и др. Святой Евѳимій по воскресеньямъ преподавалъ братіи обители наставленіе къ духовной жизни. Часто повторялъ онъ, говоритъ его біографія, благодатную струю божественнаго ученія: „постараемся, братья, чтобы, пришедши въ эту свѣтлую обитель, не провести намъ жизнь свою напрасно и бесполезно, а исхлѣдь изъ этого міра въ вѣчность былъ не безъ приобрѣтенія добра и безопасности отъ шествія среди горькихъ мытарствъ“. Поученія свв. Іоанна, Евѳимія и Георгія Святогорца разсѣяны въ агіографическомъ матеріалѣ, относящемся до нихъ. Въ ихъ житіяхъ ¹⁾ вскрываются наставленія въ православной

¹⁾ Наболѣе извѣстны рукописныя сборники житій свв. — Шюмгвинской и Давидо-Гареджіской пустыни; сборники, принадлежащіе бібліотекѣ кн. Мингрельскаго (нынѣ въ Тифлис. грузин. Обществѣ грамотности) и Московскому Архиву иностр. дѣлъ, куда рукопись поступила отъ грузинскаго царевича Давида Багратовича. См. у меня „Источники по введенію христіанства въ Грузію“, М. 1893, стр. 19, примѣчаніе.

вѣрѣ, предостереженія отъ еретическихъ увлеченій, призывъ къ добродѣтельной жизни и энергичной дѣятельности.

Значеніе монастырей, какъ центровъ образованности въ Грузіи, до сихъ поръ не было достаточно оцѣнено, но несомнѣнно, что имъ мы обязаны тѣми богатыми по содержанію и изящными по внѣшности рукописями, которыя дошли до насъ. Скромно довольствуясь воспоминаніемъ своихъ читателей или ихъ молитвами о спасеніи грѣшныхъ душъ переписчиковъ, монахи въ тѣсныхъ стѣнахъ своихъ келій посвящали свободное время воспроизведенію или переводу духовно-нравственныхъ, богословско-богослужебныхъ книгъ. Св. Георгій Мтацминдели въ припискѣ къ одному манускрипту умоляетъ всѣхъ „преемниковъ кому Господь доведетъ прочесть плоды его трудовъ не забыть въ своихъ молитвахъ воспитавшихъ его: Симеона абхазскаго католика, духовника его, Дмитрія, родителей его, братьевъ его и самого смиреннаго: ибо „мы были нѣкогда таковыми, какъ вы, а вы будете современемъ тѣми, что мы нынѣ“. Въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчали приписки, обращенныя къ послѣдующимъ чтецамъ манускриптовъ: „просите помилованія за меня, кто воспользуется моей книгой: ибо трудъ остается, а труженикъ сходитъ“. Такія скромныя пожеланія вдохновляли древнихъ писателей къ неусыпной работѣ, — въ нихъ заключался стимулъ къ поразительной энергіи и необычному терпѣнію, позволявшему безъ помарокъ и исправленій снимать копии съ фоліантовъ въ нѣсколько тысячъ страницъ!

Смиренные иноки иногда вооружались не только перомъ, но и копьемъ на защиту своей страны: съ крестомъ въ рукахъ они становились во главѣ отряда, охраняющаго родину и вѣру отъ угрожающей опасности. Проповѣдникъ, то воинъ и переписчикъ, то строитель храма и воспитатель юношества, то посланникъ при иноземныхъ владыкахъ, древній грузинскій монахъ являлся носителемъ культуры и духовнаго могущества своего народа.

Теперь мы останавливаемъ вниманіе на проповѣднической роли духовенства въ древней Иверіи. До насъ дошли сборники поученій, обращенныхъ проповѣдниками къ грузинскому народу. Одинъ изъ такихъ сборниковъ изданъ былъ священникомъ Василиемъ Карбеловымъ (Тифлисъ, 1895) подъ заглавіемъ „Цвѣтокъ (или роза) райа“ (Райскій цвѣтокъ). Онъ составляетъ совмѣстный трудъ Іоанна Златустаго и Ефрема Сирина и переведенъ на грузинскій языкъ въ Иверскомъ монастырѣ на Аеонѣ въ 977 г. Іоанномъ и протоіереемъ Сте-

щеру и отправился къ умирающему, чтобы не проходить въ городъ на виду всѣхъ. Господь въ награду за такое смиреніе послалъ ему двухъ ангеловъ, которые съ лампадами въ рукахъ сопровождали во мракѣ монаха въ городъ. На немъ исполнились слова священнаго писанія: „унижающій себя возвышенъ будетъ“. По этому проше васъ, братья, вооружимся добродѣтельнымъ смиреніемъ и тогда облечемъ во Христа, ибо смиреніе есть основаніе всѣхъ добродѣтелей. Самъ Господь говоритъ: блаженны нищіе духомъ, яко ихъ есть царство небесное. Изгонимъ изъ сердце нашихъ достойное порицанія иго высокоумія, наказующее насъ наравнѣ съ дьяволами. Не будемъ хвалиться двудневному воздержаніемъ, подобно фарисею, увидимъ главы свои, чтобы возвысить души наши. Съ смиреннымъ сердцемъ будемъ возсылать молитвы, чтобы Господь принялъ ихъ какъ ошнїамъ, дабы и мы вознеслись въ царство небесное ко Христу, яко Его есть слава со Отцемъ, Святымъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Вторая бесѣда той же главы носитъ названіе: о просвѣщеніи добродѣтельно“. Поученіе иллюстрируется опять примѣромъ безпорочнаго, милостиваго, смиреннаго монаха, которому Господь за усердныя молитвы даровалъ свѣтъ въ кельѣ, при которомъ онъ могъ читать и днемъ и ночью. „Видите, братья, какъ добродѣтель вознаграждается еще въ этой жизни!“

Для удобства обозрѣнія памятниковъ грузинской письменности до XIII в. мы распредѣляемъ имѣющійся у насъ матеріалъ по слѣдующимъ группамъ: 1) памятники агіографическіе и назидательные; 2) памятники историческіе; 3) памятники собственно литературные и 4) памятники юридическіе.

а) Агіобіографическія произведенія, являясь по своему характеру наглядною и общепонятною формою проповѣди христіанскаго благочестія съ самаго, начала христіанства въ Грузіи были любимѣйшимъ чтеніемъ народа. Онѣ составлялись и переписывались въ такомъ громадномъ количественномъ отношеніи, что ни одинъ видъ древнегрузинской письменности не можетъ сравниться съ ними по обилію памятниковъ. Прототипомъ грузинской агіобіографіи является, агіобіографія восточная. Самое древнее житье, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣніе, посвящено подвигамъ сына грузинскаго царя Варазъ-Бакара (379—393), Мурваноса, извѣстнаго подъ именемъ св. Петра ¹⁾

¹⁾ Свѣдѣнія о св. Петрѣ сообщаютъ: Картлисъ-Цховреба, (груз. текстъ I, 102—106, на франц. яз. I, 136—141); Житья груз. свв. Шіо-Мгвинской обители“, 293—300 стр. Ср. „Житья груз. свв. въ Москв. гл. арх. иностр. д. глава „Петре-Бартвела“, у *Жорданія*, Хроника, XII.—При Варазъ Бакарѣ въ Византіи царствовалъ не Феодосій Мл., а Великій, по свѣдѣніямъ Михаила Сирій-

архієпископа Міумскаго. Житіе св. Петра было написано ученикомъ его грузиноиъ, Захаріемъ, на *сирскомъ* языкѣ, а впослѣдствіи переведено на грузинскій языкъ священникомъ Макаріемъ. Ученикъ и сподвижникъ св. мужа сообщаетъ, что въ дни греческаго императора Θεодосія Младшаго, сына Аркадія, племянника Θεодосія Великаго, произошли распри между Византіей и Персіей. Греческій императоръ побуждаемый желаніемъ предотвратить союзъ Иверіи съ Персіей, потребовалъ заложниковъ у Варазь - Бакара, четвертаго грузинскаго царя со времени Миріана, перваго христіанскаго владѣтеля. Царь отпустилъ въ Константинополь въ качествѣ заложника Мурваноса, сына своего. По словамъ Захарія, Мурваносъ еще въ дѣтствѣ обнаружилъ большія способности и быстро овладѣлъ грамотой. Въ Греціи изучилъ языки греческій и сирскій, основательно освоился съ священнымъ писаніемъ и философіей. Оставаясь внѣ предѣловъ своего отечества, онъ прошелъ иноческій санъ и подъ именемъ Петра объѣхалъ всю Палестину, гдѣ онъ основалъ нѣсколько монастырей и страннопріемныхъ обителей, преставился на 65 году жизни—въ царствованіе императора Зенона (474—491) и погребенъ въ Іерусалимѣ, грузинскомъ монастырѣ, имъ самимъ основанномъ.

Рожденіе Мурваноса сопровождалось чудомъ. Царь Варазь-Бакаръ былъ бездѣтенъ и горячо молилъ Господа о дарованіи ему сына. Разъ, во время вечерней молитвы, явился ему ангелъ, который, успокоивъ встревоженнаго царя, объявилъ, что у него родится сынъ, который будетъ великъ предъ Богомъ и людьми. Такъ родился Мурваносъ, по возвѣщенію ангела, подобно Самуилу и Еремію. Онъ подвергалъ себя физическимъ изнуреніямъ, носилъ грубую одежду, ночи проводилъ въ бдѣніяхъ, воздерживался отъ пищи по цѣлымъ недѣлямъ,—за эти подвиги онъ получилъ даръ исцѣлять больныхъ и творить чудеса. Когда разъ его келейникъ отказался подлить масло въ лампаду, упрекая праведника въ образѣ жизни, недостойномъ царскаго сына—самъ св. Петръ возжегъ лампаду, наполненную водою, и во всю ночь лампада такъ горѣла. Теперь является ему уже самъ І. Христосъ и, благословляетъ его на чудесные подвиги. Императоръ Θεодосій приставилъ стражу къ святому, но послѣдній съ однимъ привратникомъ покинулъ мѣсто заключенія и сопровождаемый свыше посланной свѣтлой коловной прибылъ въ одинъ городъ, гдѣ его подвергли новому заточенію, но ночью случилась гроза и землетрясеніе; начальнику области явился нѣкій мужъ и требовалъ освобожденія

скаго (XII в.) Петръ былъ членомъ Халкидонскаго собора (451 г.) и былъ всѣми уважаемъ, какъ ученый мужъ.

Мурваноса, угрожая въ противномъ случаѣ городу разрушеніемъ. Прибывъ въ Іерусалимъ, онъ постригся въ монахи подъ именемъ Петра Вскорѣ здѣсь онъ подвергся искушенію дьявола, но дьяволъ былъ посрамленъ, а Господь, явившись ему, обѣщаль жизнь вѣчную. Обходя святыя мѣста, онъ творилъ много чудесъ: исцѣлялъ больныхъ, наполнялъ кувшины виномъ и масломъ, а амбары хлѣбомъ, получилъ даръ пророка и милость узрѣть Св. Духа. Предчувствуя конецъ жизни, онъ 10 дней провелъ въ молитвѣ и, приобщившись св. Таинъ, 2 декабря преставился. Многие получили исцѣленіе, которые успѣли прикоснуться къ его нетлѣнному праху.—Къ концу V вѣка относится житіе св. Раждена († 457).

Характеръ восточной агіобіографіи отразился въ этомъ первомъ если не считать житіе св. Нины ¹⁾ агіобіографическомъ произведеніи, вошедшемъ въ составъ грузинской лѣтописи. Послѣдующая агіобіографія продолжала свое развитіе въ томъ направленіи, которое сообщилъ ей первый агіобіографъ. И чѣмъ дальше шла она по пути своего развитія, тѣмъ сильнѣе выступалъ въ ней назидательный элементъ, расширяя каждый разъ свое содержаніе на счетъ элемента исторіографическаго.

Житіе св. Петра, наполненное текстами изъ священнаго писанія, составлено близкимъ къ нему челоувѣкомъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ⁴. Но, въ большинствѣ случаевъ, біографія святого составлялась спустя цѣлыя столѣтія по его преставленіи, на основаніи темныхъ рассказовъ или краткихъ историческихъ запасокъ о жизни святого. Таковы житія свв. Іоанна Евѣмія написанныя Георгіемъ Мтацминдели. Это обстоятельство располагало біографа наполнять свой рассказъ общими назидательными разсужденіями и похвалами святому, отвѣчающими вкусамъ читателей. По мѣрѣ затемнѣнія въ народномъ сознаніи памяти о святомъ, возрастало стремленіе пополнить недостаточность свѣдѣній при помощи устныхъ преданій—легенды и популярныхъ агіобіографическихъ образцовъ. Отсюда возникаетъ искусственно-реторическое направленіе, развившееся въ главныхъ центрахъ древней грузинской образованности: въ Палестинѣ и на Аѳонѣ. Агіографъ, вызванный на основаніи двухъ-трехъ фактовъ составить житіе и чудеса святого, долженъ былъ прибѣгать къ общимъ типическимъ чертамъ. Святой подвижникъ, біографію котораго онъ писалъ, творилъ все при сверхъестественной помощи. Мѣсто, гдѣ ему

¹⁾ Житіе св. Нины дошло до насъ въ рукописи IX в., хотя оно по словамъ лѣтописи, составлено очевидцами дѣяній св. просвѣтительницы Грузіи и разукрашено впоследствии. Составъ этого памятника см. дальше.

нужно было создать монастырь, заранее обозначено появленіемъ чуднаго свѣта или указаніемъ во свѣ ангела, какъ сообщается въ житіи св. Нины при опредѣленіи пункта Мцхетскаго храма. Звѣрь ли расхищаетъ монастырское стадо, святой чудесно его укрощаетъ и свирѣпыя волки, по молитвѣ св. Шіо, становятся сами бдительнымъ стражемъ, охраняющимъ монастырское достояніе. Нуждается ли братія въ источникѣ воды, по внушенію свыше, отыскивается родникъ. услащаются предметы пищи (св. Давидъ). Наконецъ, самъ І. Христосъ сходитъ съ небесъ для бесѣды со святымъ.

Въ виду этихъ соображеній, по справедливости агіобиографическія произведенія по своему характеру являются скорѣе, произведеніями литературными, чѣмъ историческими въ собственномъ смыслѣ ¹⁾. О грузинскихъ житіяхъ можно сказать тоже самое, что писалъ Строевъ: „житія святыхъ русскихъ, въ разныя времена сочиненныя, передѣланныя и дополненыя, представляютъ богатый запасъ для исторіи общежитія мнѣній и повѣрствъ древней Руси“.

Проф. В. О. Ключевскій ²⁾ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи „Житія святыхъ, какъ историческій источникъ“ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ, имѣющимъ приложеніе въ оцѣнкѣ вообще агіографическаго матеріала: 1) житія святыхъ заключаютъ въ своемъ содержаніи, на ряду съ историческимъ элементомъ, литературный, культурный и другіе; 2) количество исторіографическаго матеріала въ томъ или другомъ житіи, а равно и качественное его достоинство опредѣляются слѣдующими данными: во первыхъ, отношеніемъ біографа, къ описываемому имъ лицу (съ однихъ случаевъ біографами являются ученики подвижниковъ, непосредственные свидѣтели ихъ жизни и подвиговъ, въ другихъ и болѣе частыхъ случаяхъ — иноки позднѣйшихъ временъ); во-вторыхъ, тѣми источниками, которыми располагалъ біографъ, (для однихъ рассказы современниковъ, для другихъ рассказы изъ вторыхъ или третьихъ устъ и, наконецъ, какія-либо записки о жизни святого); въ-третьихъ, тою задачею, которую біографъ преслѣдовалъ (сохранить дорогія для братіи окрестнаго населенія черты жизни святого, или воспѣть ему панегирикъ, состоявшій обыкновенно въ повтореніи ходячихъ фразъ риторическаго витійства). Прилагая эти критическія точки зрѣнія къ каждому житію въ отдѣльности, проф. Ключевскій приходитъ къ тому выводу, что въ

¹⁾ Н. П. Барсуковъ. Источники рус. агіографіи, стр. III; *Буслаевъ* Очерки рус. народ. словесности, II, 154 и слѣд.; *Шевыревъ*. Ист. рус. слов. III, 57.

²⁾ *Ключевскій*. Житія святыхъ, какъ историческій матеріалъ.

весьма рѣдкихъ случаяхъ житіе писалось при условіяхъ, благопріятствовавшихъ обилію въ немъ историографическаго матеріала. Вслѣдствіе ли малато знакомства біографа съ описываемымъ лицомъ, или вслѣдствіе своихъ литературныхъ воззрѣній, историографическій элементъ въ житіяхъ святыхъ является далеко не на первомъ планѣ, уступая свое мѣсто элементу, главнымъ образомъ, литературному.

Вооружившись взглядомъ проф. Ключевскаго, легко усмотрѣть, какъ постепенно дополнялся одинъ изъ важныхъ памятниковъ грузинской агиографической литературы,—житіе св. Нины. Оно составляетъ вторую часть недавно открытой и напечатанной хроники „Обращенія Грузинъ“ изъ такъ называемаго Шатбердскаго сборника IX—X в.⁴

Но прежде чѣмъ изложить житіе св. Нины, обратимся къ памятнику VIII в., сообщающему свѣдѣнія о св. Або.

Къ VIII в. относится житіе св. Або, замученнаго мусульманами. Житіе это найдено въ такъ называемомъ сванетскомъ пергаментномъ манускриптѣ и представляетъ большой интересъ и по языку, и по содержанію¹⁾. Житію предшествуетъ письмо Самоела, католикаса Грузинъ, обращенное къ Іоанну Собилидзе, описавшему мученическую кончину св. Або. Католикосъ благословляетъ мудраго въ священномъ писаніи и усерднаго къ добродѣтельнымъ дѣяніямъ, Іоанна Собилидзе, свидѣтеля страданій св. Або, замученнаго въ дни самого Самоела, мампала (правителя) Стефанова, сына Гургена, и призываетъ его своими молитвами записать житіе св. Або для храненія въ лонѣ католической церкви. Св. Або, по словамъ его біографа, былъ любимъ народомъ и начттанъ въ священномъ писаніи. При немъ Эраставъ - Картли, Нерсе сынъ Адарнаса-куропалата, былъ вызванъ въ страну Вавилонскую эмиромъ сарациновъ, Мумни Абдилой, въ великій градъ Багдадъ, имъ самимъ построенный. Сынъ его, Магди разгнѣвался, на Нерсе Эрастава, который вынужденъ былъ ѣхать на сѣверъ чрезъ Даріаланъ

¹⁾ Въ этомъ манускриптѣ въ 489 листовъ, писанномъ частью заглавнымъ церковнымъ алфавитомъ („хуцури“), частью же мелкимъ „хуцури“, заключается 63 житій и проповѣдей всееленскихъ учителей. Онъ не имѣетъ ни начала, ни конца, приписки называютъ мампала Іоанна Мтбевареваго и отца его Феодора. Іоаннъ—извѣстное духовное лицо въ V в. при Давидѣ Куропалатѣ, по словамъ приписки, отыскалъ этотъ манускриптъ, откуда слѣдуетъ заключить, что онъ писанъ ранѣе X в., по житію *Бакрадзе* въ VIII—IX в. (Исторія, 210) Ср. *Броссе. Voyage archéol. Spb., 1849, I г. 5—8. Жорданія. — Хроники, стр. 2—5.*

(Дарьяльское ущелье) въ страну магоговъ или хозаръ дикихъ, страшныхъ, звѣроподобныхъ, кровожадныхъ, признающихъ только Творца, Св. Або также отправился въ сѣверныя страны, гдѣ были и народы. просвѣщенные ученіемъ Христовымъ. Правителемъ Грузіи Магди назначилъ Стефаноза, сына Гургена, племянника Нерса по сестрѣ. Св. Або былъ замученъ сарацинами („саркинозами“) въ царствованіе въ Константинополѣ Константина, сына Леона, при правителѣ надъ саркинозами Магди, сынѣ эмира-Мосе-Мумни, въ дни католикоса Грузіи Самоеля, при эристовѣ Стефанозѣ, сынѣ Гургена въ пятницу 6 января 6424 г. отъ сотворенія міра.

Названныя въ біографіи историческія лица—Нерсе, Стефанозъ, Гургенъ и католикосъ Самоель неизвѣстны по Картлисѣ-Цховреба“. Халифъ же Магди умеръ 3 августа 785 г., императоръ Константинъ, сынъ Леона IV, царствовалъ отъ 700 г. до 787 г. Если мы отъ сотворенія міра до Р. Х. примемъ по груз. счисленію 6604 года, а не 5508 (по греч. счисленію), то годъ мученической кончины св. Або будетъ соотвѣтствовать 820 г., съ вычетомъ 30 лѣтъ, соотвѣтствующихъ времени до крестнаго страданія І. Христа, отсюда смерть св. Або будетъ отнесена къ 790 г. Іоаннъ Собилидзе былъ современникъ св. Або и жизнеописаніе послѣдняго составлено, такимъ образомъ, въ концѣ VIII в. Правописаніе манускрипта древнее напр. употр. сочетаніе *ou* вм. *y* какъ и въ греческ. и слав. яз. Названіе мѣсяцевъ житяе даетъ на греческомъ языкѣ съ переводомъ на грузинскій: Горпіосъ (Γορπαῖος μῆν—сентябрь у македонянъ), Виперперистосъ—октябрь (Ὠπερπεριστος?), Діосъ—ноябрь (δῖος?), Апилиосъ—декабрь, Авдоніосъ—январь, Перешеосъ—февраль, Дестросъ—мартъ, Есандикосъ—апрѣль, Артемесіосъ—май, Десіосъ—іюнь, Панемосъ—іюль, Ловосъ—августъ. Замѣчательно еще одно мѣсто житяе св. Або, свидѣтельствующее о распространеніи въ Грузіи астрологическихъ познаній: движенія солнца, луны и звѣздъ, распредѣленіе вѣтровъ, воды, воздуха и землетрясенія.

Содержаніе житяе приведемъ вкратцѣ. Когда магометане распространили свою власть на Грузію, Эриставъ Картли (карталинскій правитель) Нерсе, сынъ Адарнаса-Куропалата, былъ вызванъ въ Вавилонскую страну, въ г. Багдадъ, эмиромъ-Авдилой-Мумни, который велѣлъ заключить въ темницу правителя Грузіи. При сынѣ Мумни, Магди, Эриставъ Нерсе былъ освобожденъ изъ заточенія. Въ то время жилъ въ Багдадѣ восемнадцатилѣтній юноша, Або, изъ рода Измаила, исповѣдовавшій магометанскую вѣру. Познакомившись съ Нерсе, Або оставилъ родныхъ и прибылъ съ Эриставомъ въ Грузію. Изучивъ здѣсь гру-

зинскій языкъ и христіанское священное писаніе, онъ приобрѣлъ уваженіе народа. Однако магометане снова принудили Нерсе удалиться изъ Карталинїи. Въ сопровожденїи Або и 300 человекъ, Эривастъ чрезъ Дарьялы и Осетїю прибылъ къ хозарамъ, находившемся въ дикомъ состоянїи: они употребляли въ пищу кровь и не знали никакой религїи, хотя признавали единого Бога. Въ этой странѣ св. Або, считая себя безопаснымъ отъ мусульманъ, принялъ крещеніе. Изъ Хозаретїи Нерсе вмѣстѣ съ св. Або отправился въ Абхазїю, гдѣ святой мужъ засталъ полный расцвѣтъ христіанской вѣры. Блаженный Або провелъ три мѣсяца въ молитвѣ, безмолвіи и постѣ, разрѣшивъ свой языкъ для словославїа Бога въ день Свѣтлаго Христова Воскресенїа.

Правителемъ Грузїи по фирману халифа Магди сталъ Стефанозъ, сынъ Гургена, который просилъ Эмира дозволить Нерсе, дядѣ его, возвратиться въ отечество. Нерсе получилъ извѣстїе о дарованной свободѣ и поспѣшилъ въ Грузїю вмѣстѣ съ св. Або, хотя послѣдняго упрашивалъ остаться правитель Абхазїи, въ виду опасности, угрожающей ему отъ мусульманъ. Въ Тифлисѣ св. Або сталъ называть себя открыто христіаниномъ, но бывшіе его единовѣрцы въ теченїе трехъ лѣтъ не рѣшались причинить ему какое-либо зло. При католикосѣ Самоелѣ и правителѣ Стефанозѣ онъ былъ заключенъ въ темницу за отступничество отъ магометовой вѣры. Предъ судьей св. Або не оправдывался въ томъ, что перешелъ изъ ислама въ христіанство и былъ закованъ въ кандалы. Въ темницѣ бывшіе его единовѣрцы склоняли вернуться къ религїи Магомета, но св. Або отвѣчалъ имъ молитвой или молчанїемъ. Въ день Богоявленїа св. Або умылъ лицо свое, помазалъ голову елеемъ и привялъ св. таинство, приготовляясь къ мученической кончинѣ. Скованнаго по рукамъ и ногамъ потащивъ по городу, представили предъ судїилице. Твердость его въ вѣрѣ привела въ ярость судью, который велѣлъ отрубить ему голову. Противники блаженнаго мужа донесли эмиру, что у христіанъ существуетъ обычай красть тѣла умершихъ за Христа и воздавать имъ великія почести, одежду и волосы ихъ дѣлать между собою для врачеванїи, и тѣмъ прельщаютъ неопытныхъ. По этому они просили сечь св. Або и пепель его развѣять по воздуху. Эмиръ далъ имъ позволенїе. На мѣстѣ его сожженїа многіе получили исцѣленїе отъ недуговъ. Въ первую ночь мученической кончины надъ плахой св. Або сіяла звѣзда, издающая огненный свѣтъ, а на другой день надъ Курой стоялъ огненный столпъ, дабы всѣ уразумѣли слова І. Христа: „кто мнѣ служить, почтитъ его Отецъ Мой, иже на небесѣхъ“.

Житіе ¹⁾ св. Нины по *Новому варианту* начинается тѣмъ, что просвѣтительница Грузіи, окончивъ проповѣданіе св. Евангелія, удрученная недугомъ, передала душу свою въ Кахетіи, въ селеніи Буде. Передъ кончиной святой собрались у ея ложа царица Саломе. Уджармели, Перошавра Сивнели и правители страны, прося ее повѣдать о своемъ происхожденіи. Она велѣла принести чернила и перья и записать рассказъ изъ ея устъ.

Въ то время, когда св. Георгій Каппадокійскій принялъ мученическую кончину за вѣру Христа, жилъ въ Коластѣ нѣкій мужъ, у котораго былъ сынъ Иобеналь и дочь Сусана. По смерти родителей Иобеналь и Сусана отправились въ Іерусалимъ. Иобеналь былъ здѣсь оставленъ экономомъ, а Сусана поступила въ услуженіе Міафорѣ Саррѣ изъ Виелеема. Изъ Каппадокіи же отправился нѣкто Забилонъ въ Римъ, чтобы послужить у императора ²⁾. Ему удалось разбить галловъ (бранджи) ³⁾ и взять въ плѣнъ ихъ вождя. По приказанію императора всѣ плѣнники должны были быть преданы смертной казни. Со слезами они стали умолять Забилона научить прежде вѣрѣ, а потомъ наказать. Патріархъ крестилъ ихъ и приобщилъ св. таинъ. На другой день они приготовились къ казни, но Забилонъ, по волѣ императора, ихъ освободилъ, отправился съ ними въ ихъ страну для распространенія тамъ христіанства. Впослѣдствіи онъ отправляется въ Іерусалимъ. За него, по совѣту Міамфоры, патріархъ выдаетъ Сусану. Супруги возвращаются въ г. Коластѣ (по лѣтописи *Коластра*), гдѣ у нихъ родилась дочь, Нина. Просвѣтительница Грузіи здѣсь рассказываетъ отъ своего лица: „Я родилась отъ нихъ и они мои родители; воспитала меня мать моя подъ своимъ наблюденіемъ въ служеніи бѣд-

¹⁾ Литература по введенію христіанства въ Грузіи: свидѣтельства историковъ IV—V вв. Руфилъ (*Migne Patrologiae*, т. XXI стр. 480—2) Созоменъ. (Церк. Исторія, гл. VII), Теодоритъ Кирскій (Церк. ист., гл. 24), Моисей Хоренскій (Исторія Арменіи, гл. 86), Новый вариантъ житія св. Нины, изд. Такайшвили. Обращеніе Грузіи въ Хроникахъ изд. Жорданія, Рай Грузіи, изд. Сабининномъ, Карлисъ-Цховреба и Житія груз. свв. изъ Моск. Гл. Арх. Иностр. Дѣлъ.

²⁾ Въ лѣтописи упоминается имп. Максимианъ.

³⁾ *Житіе* изъ Моск. Архива иностр. дѣлъ. Бранджи въ исторіи неизвѣстны. Въ то время, къ которому относится повѣствованіе, Константинъ V. побѣдилъ франковъ на берегу Рейна и плѣнилъ ихъ царей Асарика и Реганса. *Lebeau. Hist. du Bas-Empire I, 42—3.* Бранджи, быть можетъ, *Bruges—фригійцы. Lepormant. Lettres assyriol. III.*

⁴⁾ *Житіе* изъ Моск. Арх. иностранныхъ дѣлъ называется се Міамфорой.

нымъ, одинаково днемъ и ночью⁴. Когда ей было 12 лѣтъ, родители слова переселились въ Иерусалимъ; отецъ ея для подвижничества удалился на Иорданъ, мать была отдана патриархомъ въ услуженіе бѣднѣмъ, а св. Нина Міамфоръ, армянкѣ Двинели на два года. „И спрашивала я ее о страданіяхъ Христа, распятіи, погребеніи и воскресеніи, хитонѣ и крестахъ“ и проч.

Міамфора начала свой рассказъ тѣмъ, что передала о чудесахъ, сотворенныхъ І. Христомъ, и о волненіи, вызванномъ ими: среди іудеевъ, которые распяли Спасителя на крестѣ и раздѣлили по жребію Его одѣяніе. Хитонъ достался мцхетскому жителю, и онъ хранится въ Иверіи: Отъ нея св. Нина слышала, что хитонъ Господень въ языческой странѣ, лежащей къ сѣверу отъ Арменіи, которая находится во власти грековъ и ужиковъ⁵). Узнавъ отъ одной пріѣхавшей изъ Ефеса женщины, что царица Елена пребываетъ еще въ заблужденіи язычества и что римляне желаютъ познать истину, Міамфора съ благословенія патриарха отправила св. Нину въ Римъ благовѣствовать царяцѣ Евангеліе вѣчнаго спасенія.

Въ Римѣ она встрѣтила знатную жену царскаго происхожденія, Рипсимію. Здѣсь онѣ обратили въ христіанство какую-то царицу Вадаги и съ нею 40 душъ въ царскомъ домѣ. Приняли вскорѣ ученіе Спасителя импер. Константинъ и мать его въ 311 г. На 7-мъ году послѣ этого былъ Никейскій соборъ, на восьмомъ году 15 числа перваго мѣсяца бѣжала изъ Греціи царица Рипсимія и ея наставница Гаіане. Въ пятницу 30 перваго мѣсяца онѣ были преданы мученической кончинѣ въ Арменіи царемъ Тердатомъ. За этимъ рассказомъ въ другихъ вариантахъ идетъ подробное повѣствованіе о кончинѣ святыхъ дѣвъ.

На четвертый мѣсяць изъ Греціи „я прибыла, рассказываетъ св. Нина, къ Джавахетскимъ горамъ, чтобы узнать, какимъ путемъ идти во Мцхетъ“, и остановилась у озера Паравна⁶). У озера отъ рыболововъ

⁴) Объ ужикахъ см. толкованіе *Пл. Иоссеіани*. Жизнеописаніе святыхъ груз. церквн. Тифлисъ. 1850. Стр. 39—40 примѣч. Ужикети, по словарю *О. С. Орбеіани*,—Багдадъ (на груз. яз., стр. 306). По другимъ толкованіямъ ужики—аввильяне; по мнѣнію П. Иоссеіани ужики—мадьяры. Броссе отказывается ихъ объяснять (I. c.). Ужики, быть можетъ, черкесы, о которыхъ мы имѣемъ свѣдѣнія изъ Карт. Цховреба: въ началѣ XVI в. ужики опустошили Иверетію. Ужики см. *Дьяніа апост.* ст. 9, груз. переводъ. Замѣчательно, что Ужики неизвѣстны въ другихъ переводахъ священнаго писанія.

⁵) *Картмыс.-Цх.*, стр. 71. Озеро, откуда беретъ начало Кура. Это мѣсто пропущено въ *Новомъ вариантѣ житія св. Нины* до прибытія ея въ Урбнис.

она получила пищу. Здѣсь святая видѣла и пастуховъ, которые ей говорили, что они обѣщали жертвы своимъ богамъ Армазу и Задену, которыхъ они считаютъ своими покровителями, защитниками и виновниками благополучнаго возвращенія на свои мѣста. Пастухи были жители сель Элрбиня, Сапурили, Кипдзари, Рабати и великаго города Мцхета, гдѣ „боги господствуютъ и цари царствуютъ“. Путь во Мцхетъ лежалъ по горамъ и лѣсамъ; рѣка изъ озера Парванъ протекаетъ мимо „великаго города“, какъ сказали пастухи св. Нинѣ. Во снѣ „подложивъ подъ голову камень и такъ уснувъ“, святая получила откровеніе отъ мужа среднихъ лѣтъ, который передалъ ей книгу, заключающую въ себѣ 10 изреченій изъ Евангелія для врученія царю ¹⁾. Мужъ приказалъ подать эту книгу мцхетскому царю—язычнику. Св. Нина, по теченію р. Куръ, отправилась въ путь и прибыла въ Урбинси (нынѣ селеніе Горійскаго у. Тифлис. г.), гдѣ она видѣла народъ, поклоняющійся *огню, камнямъ и дереву* ²⁾. Въ Урбинси святая дѣва въ еврейскомъ кварталѣ говорила по-еврейски и спрашивала о нравахъ и обычаяхъ обитателей страны. Черезъ мѣсяць вмѣстѣ съ толпой, направляющейся на праздникъ бога Армази, она прибыла во Мцхетъ и остановилась около моста ³⁾ въ Могьта. При наступленіи вечера толпа начала совершать обычное поклоненіе огню.

На другой день, продолжаетъ Саломе, раздались звуки трубъ и вздохи; былъ назначенъ торжественный выходъ царя Миріана и царицы Наны на праздникъ Армази—„бога боговъ“. Наполнились горы знаменами и народомъ. Святая видѣла, какъ царь и народъ по звуку жрецовъ пали ницъ предъ бездушнымъ истуканомъ, сдѣланнымъ въ образѣ челоуѣка изъ мѣди: на немъ надѣты были золотыя латы и голова покрыта золотымъ шлемомъ, оплечья и глаза были сдѣланы изъ яхонта и изумруда, въ рукѣ держалъ шашку острую, сверкающую и опускающуюся внизъ, по правую его сторону стоялъ идолъ золотой по имени *Гици* и по лѣвую идолъ серебряный—*Га* (*по мѣтописи Гаимъ*). Вѣрующіе призывали гнѣвъ бога на тѣхъ, которые осмѣлились бы унижить славу Армази: „да поразитъ онъ своимъ оружіемъ“ отступника и невѣрующаго! Св. Нина, опечаленная заблужденіемъ народа, обратилась къ Богу съ молитвою, просила привести народъ къ познанію истиннаго Создателя. Поднялась буря съ градомъ, которая разсыпала народъ, ниспровергла идолы, стѣны капи-

¹⁾ *Histoire de la Géorgie*, I, 98.

²⁾ См. *изреченіе въ Н. д. л. Géorgie* I р. 99. *Карта.-Цхов.* I, 72.

³⁾ *Hist. de la Géorgie* I, 100. *Карта.-Цх.* I, 73.

ща ¹⁾ обрушились, и сильнымъ вѣтромъ все было снесено въ пропасть горы. На другой день царь Мирианъ и народъ тщетно искали своихъ боговъ. Гибель Армази стали приписывать то халдейскому богу, антиподу богу свѣта — Итруджану, то Богу, обратившему Тердата, царя армянскаго, къ вѣрѣ Христа ²⁾. Св. Нина же возблагодарила Господа за то, что Онъ услышалъ моленіе рабы своей. Она нашла въ пропасти глазъ изумрудный Армази и вернулась въ то мѣсто, гдѣ были крѣпость и города царя Баргама ³⁾, подъ высокимъ вѣтвистымъ деревомъ — *брынджъ*. Здѣсь она молилась 6 дней предъ крестомъ І. Христа. Приходить въ ней женщина изъ царскаго дома, Шрошана, и спрашиваетъ святую дѣву *черезъ переводчицу на греческомъ языкѣ*, кто она, и что тутъ дѣлаетъ. Св. Нина назвала себя чужеземной дѣвой ⁴⁾ и отказалась отъ предложенія жены переселиться въ царскій домъ.

Черезъ три дня послѣ ухода Шрошаны, св. Нина подошла къ царскому саду, и жена Анастось (по другимъ вариантамъ жена стражи) пригласила къ себѣ святую; омыла у нея ноги, помазала масломъ, предложила трапезу и вино и попросила остаться у нихъ. Супруги были бездѣтны. По откровенію во снѣ, св. Нина дала супругамъ землю изъ-подъ отпрыска отъ кедра, и у нихъ родились сыновья и дочери, „которыхъ вы сами видите“ говорить своимъ слушателямъ св. дѣва. „Я видѣла вовремя дремать птицы небесныя спускались къ рѣкѣ. омывались и прилетали въ садъ, и клевали тамъ цвѣты“. На это замѣтила „сестра моя“, дочь Абіатара (Сидонія): „о, плѣнница, спасительница плѣнныхъ, знай, что пришелъ твой часъ повѣдать намъ о дѣяніи нашихъ отцевъ надъ Небеснымъ человѣкомъ!.. Твое видѣніе свидѣтельствуетъ, что этотъ садъ долженъ черезъ тебя сдѣлаться мѣстомъ для прославленія Бога“.

Слѣдуетъ глава 7-я, сказанная еврейкой Сидоніей, дочерью первосвященника Абіатара. Эта глава въ первыхъ вариантахъ совершенно была неизвѣстна. Въ Лѣтописи содержаніе этой главы также приводится, но приписывается не Сидоніи, а Абіатару.

¹⁾ Бартл.-Цх. I, 75. Это случилось 6 августа ив. 76. (Житіе св. Нины, 23).

²⁾ Это мѣсто пропущено въ Новомъ вариантѣ и замѣстовано нами изъ *Лѣтописи*.

³⁾ Городъ этотъ Армазика, построенный Бартамомъ (66 — 83 до Р. Х.). На рѣкѣ Виръ (Буръ) лежитъ, говоритъ *Страбонъ*, *Гармозика* городъ (Ἀρμαζίκη). Географія XI, 3, 5. *Плиній* главнымъ городомъ Иберіи считаетъ *Гармастисъ* (Harmastis). *Historia naturalis* VI, 10, 2.

⁴⁾ *Картл.-Цх.* I, 76.

Милость Божія, говоритъ Саломе, распространилась и на сѣверный Кавказъ, лежащій выше Арменіи и коснѣющій во мракѣ и заблужденіяхъ... „Прошло до прашества Христа 1100 лѣтъ, съ Рождества Христова до крещенія Константина цара греческаго 311 лѣтъ и, по прошествіи еще 14 лѣтъ, прибыла въ нашу страну проповѣдница истины Нина, царица наша, сіяющая точно во мракѣ... Въ Карталиніи во времени ея прихода въ Грузію на 2-хъ горахъ были поставлены два идола—Армазъ и Заденъ, которымъ жители приносили въ жертву своихъ дѣтей. Были еще идола Гали и Га, въ жертву которымъ сожигали первенца и пепломъ его посыпали главу идола. Послѣ этого разсказа, невѣстнаго и въ *Ламонаси*, и въ другихъ вариантахъ житія, Саломія повѣствуетъ, что „она знаетъ изъ книгъ и слышала отъ отца своего“. Въ царствованіе Ирода въ Іерусалимѣ, во Мцхетѣ распространилось извѣстіе, что персы взяли св. градъ, но вскорѣ узвали, что они не покорить пришли, а принесли въ даръ золото, цѣлительную смърну и благовонный ладанъ и искали новорожденного отрока. „Прошло 30 лѣтъ послѣ поклоненія ихъ отроку, получено было письмо Озіей, дѣдомъ моимъ изъ Іерусалима отъ первосвященника Анны, что тотъ, для котораго пришли персы съ дарами, именуется себя царемъ и потому по закону Моисея онъ заслужилъ распятія“.

Братъ матери отца моего, старецъ Эліозъ, по зову первосвященника Анны, отправился въ Іерусалимъ. Мать просила его не присоединяться къ замысламъ враговъ, намѣреющихся убить Спасителя. Хитонъ Господень, о которомъ метнули жребій, достался мцхетскимъ евреямъ. Когда прибывали Спасителя ко кресту, ударъ молотка слышала во Мцхетѣ мать Эліоза и отъ ужаса вскрикнула: „прощай царство Израилево, ибо предали вы смерти избавителя народа твоего“! Сказавъ это, она скончалась. Эліозъ привезъ хитонъ и отдалъ сестрѣ своей. Она обнала его и скончалась. Царь Амазіеръ (а не Адеркъ, какъ было извѣстно по прежнимъ источникамъ) тщетно пытался вырвать изъ рукъ. Ее похоронили вмѣстѣ съ хитономъ недалеко отъ ведра.

До принятія вѣры Христа царицей Наной, блаженная Нина провела шесть лѣтъ. Она совершала исцѣленія и, между прочими, она спасла царицу Нану, вельможу и жреца изъ персовъ хварасанскихъ отъ душевной болѣзни. Царица Нана спрашивала святукъ, какою силой она творить чудеса, не дочь ли она Армази и Задена ¹⁾. „Будь у насъ

¹⁾ Заденъ *Броссе* приближаетъ къ греческому „Ζαδς“. *Brosset. Hist. de la Géorgie I, 57. Пл. Тоссемиани* въ Заденѣ видитъ одну изъ высшихъ службъ-

кормилицей и будешь чтима въ странѣ этой, не говори что ты чужеземка и не проповѣдуй заблужденія римлянъ (т.-е. грековъ). Вотъ боги, дающіе плоды и міродержатели, распространители солнечныхъ лучей и посылающіе дожди, Армазенъ и Заденъ, отерывающіе все тайное и *древніе боги* нашихъ отцовъ — Гади и Га⁴. Армази и халдейскій Итрушанъ во взаимной находятся враждѣ. Если ты, — говоришь ей царь, — испѣлишь этого вельможу, брата царицы Наны, то обогащу тебя и поставлю тебя во Мцхетѣ служительницей Армази⁵. Нина повѣдала ему о Богѣ Творцѣ вселенной, о Спасителѣ міра и указала, что въ его городѣ есть знаки милости Божіей — это одежда Сына Божія. Она кончила рѣчь свою обѣщаніемъ испѣлить вельможу именемъ Христа и крестомъ страданій. Злой духъ, по молитвѣ св. дѣвы, тотчасъ же оставилъ вельможу.

Царь Миріанъ іюля 20, (ср. выше „6 августа“) въ день субботы, отправившись на охоту въ горы Мухранскія, по внушенію злаго духа замыслилъ истребить христіанъ, чародѣйствомъ творившихъ чудеса, и укрѣпить народъ въ почитаніи идоловъ. Вельможи, его сопровождавшіе, одобрили его планъ. На высотахъ горъ Тхоти вдругъ померкло въ его глазахъ солнце, поднялась буря, и онъ тщетно призываетъ боговъ своихъ на помощь. Тогда онъ вспомнилъ св. Нину и Бога ея, взмолился ему, обѣщая воздвигнуть крестъ, если разсѣется мракъ. Молитва его была услышана, и онъ узрѣлъ свѣтъ въ очахъ. Вернувшись въ столицу, онъ встрѣченъ былъ царицей и народомъ въ предмѣстіи Мцхета—Киядзари и Гарта⁶).

ныхъ силъ, окружающихъ тронъ Ормузда. Силы эти назывались Изедами или геніями добра. (Жизнеописаніе святыхъ грузинской церкви. Тифлисъ 1850, стр. 33).

⁴) Часть этой главы, начиная съ слова „отправившись“... до „вернувшись“ изложена по Лѣтописи, она пропущена въ *Новомъ вариантѣ* житія св. Нины. *Муравьевъ* въ своемъ сочиненіи *Грузія и Армения* подробно сообщаетъ свѣдѣнія о первыхъ событіяхъ распространенія христіанства въ Грузіи согласно съ лѣтописными извѣстіями, но объ обращеніи царя Миріана чудомъ въ христіанство онъ совершенно умалчиваетъ. См. названное сочиненіе томъ I, стр. 218 и сл. *Проф. Цагарели* въ своемъ трудѣ „Памятники грузинской старины на Синаѣ и въ Святой Землѣ“ пишетъ, что въ Іерусалимѣ на стѣнахъ монастыря св. Креста передается о путешествіи царя Миріана, по совѣту св. Нины, въ Іерусалимъ, гдѣ онъ приобрѣлъ землю для грузинскаго монастыря св. Креста. *Картмисъ-Цхохреба* объ этомъ намъ ничего не говоритъ, но Chronique armen. переведенный съ грузинскаго языка на армянскій при Давидѣ Возобновителѣ (1089 — 1125) и грузинскій архіепископъ *Тимотѣ* въ своемъ *Путе-*

Царь радостно встрѣченный послѣ постигшаго бѣдствія на охотѣ направился со своей свитой къ вущѣ св. Нины и, принавъ къ ней, умолялъ удостоить его призвать имя ея Бога и Спасителя.

Св. Нина, научивъ его истинамъ, посовѣтывала отправить по слову къ имп. Константину съ просьбой прислать въ Грузію священниковъ. Посольство направилось въ Грузію, а царь Миріанъ изъявилъ желаніе немедленно начать постройку храма. Мѣстомъ ¹⁾ для храма былъ выбранъ царскій садъ. Былъ срубленъ кедръ, изъ огромныхъ шести боковыхъ вѣтвей его сдѣлано было шесть столбовъ для поддержки храма. Когда установлены были 6 столбовъ и приступлено было къ постановкѣ седьмаго громаднаго столба, то въ удивленію всѣхъ оказалось, что никакая сила человѣческая не могла сдвинуть его съ мѣста. Царь пришелъ со множествомъ народа, силы людей и машинъ были тщетны. Насталъ вечеръ. Всѣ разошлись. Св. Нина и 12 ея ученицъ остались въ саду. Ученицы святой видятъ, какъ будто горы идоловъ Армази и Задена обрушались и пали въ Куру и Арагву, рѣка выступила и залила Мцхетъ, при этомъ были слышны ужасные крики и дикіе вопли. Святая успокоила испугавшихся ученицъ, говоря, что этимъ разрушаются горы невѣдѣнія въ Карталиніи, и остановка теченія рѣкъ означаетъ прекращеніе пролитія крови отроковъ, приносимыхъ въ жертву идоламъ. Не успѣли пѣтухи пропѣть, какъ ученицы святой были опять приведены въ ужасъ: имъ послышался звукъ трубъ, возвѣщавшій о нашествіи персовъ и избіеніи жителей. Св. Нина успокоила словами, что крикъ этотъ—гибель духовъ злобы и спасеніе Карталиніи. Утомленные ученицы на зарѣ задремали, а св. Нина продолжала стоять на молитвѣ. Ей предсталъ облеченный свѣтомъ отрокъ, сказалъ три слова тайно на ухо, приблизился къ столбу и поднялъ его на воздухъ. Поутру царь замѣтилъ необычно-

местомъ (XVIII в.) поддерживаетъ извѣстное намъ по традиціи и по надписи на отѣнахъ монастыри св. Креста о паломничествѣ перваго христіанскаго грузинскаго царя. Указаніе акад. Броссе, на которое и ссылается и проф. Цагарели, что о Бакуріи и введеніи вообще христіанства въ Грузію сообщаетъ свѣдѣнія и Амиліанъ Марцелинъ, не находитъ подтвержденій въ книгѣ Шриттгера *Memoire populogum* и ея переводѣ на русскій языкъ г. Гана „Извѣстія вѣснеческихъ писателей о Кавказѣ“. См. *Brosse. Hist. de la Géorgie*, p. 183 и *Цагарели* *op. cit.*, стр. 33.

¹⁾ Въ (Лѣтописи) отсюда начинается новая глава о построеніи церкви, сказанная женой Сидоніей. Какъ предыдущая, такъ и эта глава въ Новомъ вариантѣ и Лѣтописи въ своемъ содержаніи не представляютъ разногласій. *Картисъ-Цагареба*, стр. 86—92.

венный свѣтъ въ саду; онъ отправился въ мѣсту знаменія со множествомъ придворныхъ лицъ. Они видѣли, что чудесный столбъ то спускался, то поднимался на высоту 12 локтей. Въ присутствіи царя и собравшагося народа столбъ спустился на основаніе.

Слѣпорожденный еврей, прикоснувшись къ столбу, получилъ зрѣніе. Отрокъ лежавшій въ продолженіе восьми лѣтъ положенный предъ свѣтоноснымъ столбомъ и еще многіе страждущіе получили исцѣленіе. Царь велѣлъ огородить это мѣсто, закрыть отъ глазъ основаніе столба и приступить къ постройкѣ храма. Между тѣмъ прибыли въ Грузію изъ Греціи епископъ, два іерея и діаконы и приступили къ крещенію народа. Прежде всѣхъ принялъ крещеніе самъ царь, а за нимъ царица.

Я былъ священникомъ говорить Абѣатаръ въ тотъ годъ, когда прибыла блаженная Нина въ Мцхеть.. Я разспрашивалъ ее объ І. Христѣ, о которомъ она повѣдала мнѣ пречистыми своими устами. И принялъ я съ дочерью моею ученіе Спасителя. На р. Куръ, гдѣ стоялъ домъ Элїоза, священникъ крестилъ всю знать царскую, мѣсто названное купелью вельможъ. Получены были письма на имя св. Нины, царя Миріана и всего грузинскаго народа изъ Рима отъ патріарха, ибо стали тамъ извѣстны дѣла и чудеса при воздвиженіи столба.

Срубленное дерево по словамъ Іоаннова для креста 25 марта, въ пятницу, сохранило свѣжесть въ теченіе 37 дней, и 7 мая были сдѣланы изъ него кресты и съ великою радостью были поставлены въ новую церковь. Ночью съ неба спустился огненный крестъ, увѣнчанный звѣздами, и остановился надъ храмомъ до горы. На разсвѣтѣ видѣлились изъ нихъ двѣ звѣзды, и одна изъ нихъ направилась къ востоку, другая же къ западу, а самая блестящая звѣзда уходила въ страну Арагвы и стала надъ пещерою, гдѣ, по словамъ св. Нины, открылся источникъ. Св. Нина приказала отправить людей на самыя высокія горы до Кахетіи на востокъ и предѣловъ царства Миріана на западѣ, и на ихъ вершинахъ они увидятъ, гдѣ останутся звѣзды: тамъ и нужно будетъ воздвигнуть два креста. Возвратившіеся послы съ запада рассказали, что звѣзды остановились надъ переходомъ изъ Тхоти въ Каспи, съ востока же донесли, что звѣзда остановилась надъ кахетинскимъ селеніемъ Боди. Св. Нина велѣла воздвигнуть крестъ на горѣ Тхоти и другой передать Саломіи изъ Уджармо, чтобы селеніе Боди не получило преимущества надъ населенной столицей Кахетіи. Затѣмъ жители Мцхета вышли съ св. Ниной къ источнику подъ пещерою и воздвигли здѣсь крестъ. Много исцѣленій и благодати истекло отъ этого креста (Лѣтопись перечисляетъ ихъ).

Св. Нина, оставивъ Мцхетъ, отправилась въ горцамъ звѣреобразнымъ проповѣдывать у нихъ Евангеліе, въ Карталиніи же оставила Абіатара—второго Павла.

Священники прибывшіе изъ Греціи, уговорили царя Миріана воздвигнуть крестъ во Мцхетѣ. Царь велѣлъ срубить дерево для изготвленія креста. Когда онъ былъ приготовленъ, царь Миріанъ разсказалъ, какъ онъ прозрѣлъ въ горахъ во время мрака, обратившись съ молитвой къ имени І. Христа. Ночью ему явился ангелъ, который указалъ пещеру по ту сторону Арагвы для воздвиженія креста. За день до Пасхи былъ воздвигнутъ крестъ, и при этомъ всѣ оставшіеся въ предѣлахъ Карталиніи идолы низвержены. Былъ назначенъ Миріаномъ праздникъ въ честь креста въ день Пасхи. Такъ какъ чудеса продолжались отъ знаменія распятія, то число вѣрующихъ во Христа все увеличивалось. (См. перечисленіе—*Житіе* 65—7).

Письмо предъ смертью царя Миріана Карталинскаго, написанное рукою архіепископа Іакова и данное Саломіи Уджармоели (женѣ сына своего).

...Я 36-й царь. Отцы мои приносили въ жертву дѣтей идоламъ. Горы Армази и Задена заслуживаютъ быть соженными огнемъ. И св. Нина-плѣнница зажгла въ сердцѣ моемъ лучъ свѣта, и позналъ я І. Христа, Господа нашего. Построилъ я церковь и воздвигъ въ ней столбъ изъ дерева, растущаго на горѣ, доступной лишь для звѣрей. Слышали о чудесахъ этого дерева: раненый олень, съѣвъ павшія листья съ дерева, получилъ исцѣленіе. Изъ этого дерева я сдѣлалъ три креста: одинъ воздвигъ на горѣ Тхоти, гдѣ я узрѣлъ видѣніе, другой въ Уджармо, а третій на мѣстѣ небеснаго чуда. Построилъ церковь въ кушѣ св. Нины. Блаженная, предавъ душу свою Спасителю, представилась и оставила насъ сиротами. Я хотѣлъ пречистое ея тѣло перенести подъ столбъ свѣтоносный, но 400 человекъ не могли его сдвинуть съ мѣста и предали святую погребенію въ Боди, въ Кахетіи, гдѣ построилъ я храмъ.

Супругѣ своей, Ханѣ, Миріанъ завѣщалъ раздѣлить его сокровища на двѣ части и отдать одну изъ нихъ для поддержанія чести мѣста погребенія св. Нины. Сыну завѣщалъ истребить огнемъ идолы, если они гдѣ-нибудь сохранились, „ибо я знаю скоро на Кавказѣ“¹⁾

¹⁾ Любопытно употребленіе слова *Кавказъ*. Нѣкоторые предполагали и въ числѣ ихъ *Усларъ* (см. Древнѣйшія сказанія о Кавказѣ), что это названіе становится извѣстнымъ мѣстному населенію лишь въ XVIII в. *Новый вариантъ и Обращеніе* нѣсколько разъ даютъ имя Кавказъ, причѣмъ онъ отождествляется съ Грузіей.

они не уничтожатся". Конецъ книги гласитъ: книга „Обращеніе Грузія“, считавшаяся потерянной, по истеченіи времени была найдена“. Изъ этой приписки нужно заключить, что сказанія различныхъ лицъ—Саломіи, Абіатара, архіеп. Іакова были собраны авторомъ *Житія св. Нины*, придавшимъ имъ тотъ видъ, въ какомъ оно дошло до насъ. При сопоставленіи *Новаго варианта* житія св. Нины, съ краткимъ собообщеніемъ *Обращенія Грузіи*, выясняется, что авторъ послѣдняго первоначальный памятникъ разукрасилъ и дополнилъ новыми подробными свѣдѣніями сухіе факты своего источника. „Завѣщаніемъ“ кончается содержаніе *Новаго варианта* житія св. Нины.

Нѣкоторыя подробности изъ исторіи просвѣщенія Грузіи христіанствомъ приведены въ *Картлисъ-Цховреба* и *Рая грузинской церкви*, не имѣющихъ параллели въ новомъ вариантѣ житія св. Нины. Мы отмѣтимъ важнѣйшія мѣста. Явленіе Богоматери св. Нинѣ еще въ Іерусалимѣ, вручившей будущей просвѣтительницѣ Грузіи крестъ изъ виноградныхъ лозъ, читается лишь въ Жизнеописаніи святыхъ грузинской церкви г. Сабинина ¹⁾, неизвѣстное ни „Лѣтописи“, ни „Рая Грузіи“. Подробный рассказъ о Рипсиміи и Гаіанѣ, о преслѣдованіи ихъ Діоклетіаномъ и Тердатомъ, царемъ армянскимъ, переданъ лишь въ первыхъ донинѣ печатныхъ и рукописныхъ памятникахъ ²⁾. Картлисъ Цховреба называетъ источникъ, откуда это мѣсто она заимствовала: „Какъ написано (объ этомъ) въ книгѣ армянской объ ихъ мученичествѣ, т. е. ³⁾ изъ *Обращенія Арменіи*—исторіи Ага-ангела, переведенной издревле на грузинскій языкъ подъ заглавіемъ.

Рассказъ объ исцѣленіи сына вдовы св. Ниной, уложившей его на войлокъ, переданный въ *Картлисъ-Цховреба* и *Рая Грузіи* ⁴⁾, согласно съ греческими историками, не находится въ *Новомъ вариантѣ*. Источникомъ для повѣствованія здѣсь, вѣроятно, послужилъ грузинскій переводъ изъ Теодорита, сдѣланный Ефремомъ Младшимъ въ XI в. Въ виду того, что грузинскій текстъ представляетъ очень близкое воспроизведеніе греческаго оригинала, мы опускаемъ переводъ даннаго мѣста на русскій языкъ. Для сравненія привожу только начало изъ сообщенія Ефрема Младшаго: „Иберійцамъ въ то же время

¹⁾ Сабининъ, стр. 7—8. Архивное житіе святыхъ.

²⁾ *Карт.-Цховреба*, 68—71. *Рай Грузіи*, 123—5. *Brosset Histoire de la Géorgie*, I, 95—8.

³⁾ *Царемъ*. Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности. Спб. 1886. Вып. I, стр. 7. Каталогъ рукописей Афонскаго монастыря.

⁴⁾ *Hist. de la Géorgie* I, 109.

указала путь къ истинѣ жена плѣнница. Она непрестанно упражнялась въ молитвѣ ¹⁾. Разсказъ объ исцѣленіи царицы Наны, переданный въ Нов. вариантѣ въ нѣсколькихъ словахъ, распространенъ въ *Картл.-Цховр.* и *Рай Грузіи* на основаніи свѣдѣній изъ греческихъ историковъ Руфина, Сократа, Созомена.

Нѣтъ въ Новомъ вариантѣ подробныхъ свѣдѣній о возвращеніи пословъ отъ греческаго царя, приславшаго по *Картл.-Цховр.* и *Рай Грузіи* епископа Іоанна, двухъ іереевъ и трехъ діаконовъ. При этомъ импер. *Константинъ* послалъ царю Миріану письмо, св. крестъ, икону Спасителя и Божіей Матери. Съ прибытіемъ во Мцхетъ священнослужителей, царь всѣхъ ариставовъ и военачальниковъ призвалъ въ столицу, началось крещеніе народа, вслѣдъ за принятіемъ крещенія царя и царицы съ дѣтьми. Горцы отказались принять христіанство и съ ними вмѣстѣ Ферозъ, вліятельный князь Рани до Бардавани. По просьбѣ царя была прислана имп. Константиномъ часть животворящаго креста, а также гвозди, коими были прибиты пречистыя руки Спасителя. Прибывшіе въ Грузію архитекторы построили храмы въ Эрушети и Манглисѣ, что опечалило Миріана, такъ какъ во Мцхетѣ еще не было церкви Христовой ²⁾. Нѣтъ письма съ восхваленіемъ отъ папы римскаго св. Сильвестра и царя франковъ, присланныя св. Нинѣ чрезъ франкскаго дьякона о просвѣщеніи франковъ отцомъ ея. Возгордившись ревностью къ І. Христу, Миріанъ желалъ горцевъ и зятя своего, Фероза, оружіемъ принудить принять крещеніе, но св. Нина отклонила это предложеніе. Проповѣданіе Евангелія среди горцевъ, чартійцевъ, пховельцевъ, гудамакарцевъ ³⁾ св. Ниной и еп. Іоанномъ—все это отсутствуетъ въ *Нов. вариантѣ*. Свѣдѣнія *Картлисъ-Цховреба* о просвѣщеніи впоследствии горцевъ Авивомъ Некресскимъ должны быть внесены изъ позднѣйшихъ источниковъ въ Лѣтопись и прежнія житія святыхъ ⁴⁾.

Извѣщеніе царицы Софіи и Миріана св. Ниной письмомъ о кончинѣ, о возвращеніи бывшаго заложника Бакара изъ Константинополя съ письмомъ Константина В., предлагавшаго дружбу иверійскому царю, о построеніи Самтаврскаго храма, о смерти сына царя Миріана, Рева, на 35 году обращенія Грузіи передаются лишь въ *Картлисъ-Цховреба* и *Сакартвелосъ - Самотхе* (Рай Грузіи). Нана и Саломія

¹⁾ *Церковная исторія Θεодорита*, гл. 24 (начало).

²⁾ *Hist. de la Georgie*, 120—2.

³⁾ *Hist. de la Georgie*, 121—9. Ср. *Архивное житіе*:

⁴⁾ Ср. Гуджары, Бутансъ 1891, изд. июнь 41—9.

просили св. Нину рассказать о своей жизни, и Саломія со словъ блаженной записала, говоритъ Лѣтопись, ея житіе. Епископъ Іоаннъ приобщилъ св. Нину св. таниъ, послѣ чего она предала душу свою Спасителю 14 января, чрезъ 14 лѣтъ по вступленіи въ Грузію, въ 338 г. отъ вознесенія и въ 5838 г. отъ сотворенія міра. Таковы отличія Новаго варианта отъ Лѣтописи и Раи Грузіи ¹⁾. Годъ крещенія Грузіи мы попытаемся установить сопоставленіемъ вышеприведенной даты, съ показаніемъ по этому вопросу *Обращенія Грузіи, Новаго варианта житія св. Нины*.

Грузинская хроника, переведенная на армянскій языкъ въ XI—XII в., передаетъ всѣ событія, сопровождавшія введеніе христіанства въ Грузію, согласно съ Лѣтописью, но въ болѣе законнической формѣ. Разногласіе ихъ, заслуживающее вниманія, касается даты представленія св. Нины. По этой хроникѣ, извѣстной лишь въ переводѣ ак. Броссе на французскій языкъ, время кончины просвѣтительницы Грузіи приурочивается къ 332 году по Вознесеніи Христовѣ ²⁾. Что же касается общаго характера повѣствованія „Хроники“, то во краткости и сжатости она приближается къ Новому варианту житія св. Нины а по распредѣленію главъ и внутреннему содержанію связь ея съ Лѣтописью не подлежитъ сомнѣнію. *Картлисъ-Цховреба* въ томъ видѣ, въ какомъ мы имѣемъ въ рукописяхъ съ XVII в., представляетъ распространенный рассказъ Хроники, дополненный извлеченіями изъ другихъ туземныхъ и иностранныхъ источниковъ.

Сравнимъ ³⁾ рассказъ византійскихъ историковъ, армянскаго писателя Моисея Хоренскаго съ содержаніемъ сказаній о распространеніи въ Грузію христіанства, насколько они намъ извѣстны изъ *Новаго варианта* житія св. Нины, *Картлисъ - Цховреба* и другихъ источниковъ ⁴⁾. Разногласіе между Лѣтописью и Раемъ грузинской церкви не существенны и сводятся къ очень незначительнымъ пропускамъ, не имѣющимъ значенія для освѣщенія исторіи введенія христіанства въ Грузію. Для насъ имѣютъ значеніе тѣ мѣста въ источникахъ, которые пополняютъ наши свѣдѣнія по интересующему насъ вопросу, даютъ историческіе факты, совпадающіе или противорѣчащіе между собою. Критика источ-

¹⁾ Hist. de la Géorgie I, 130—2.

²⁾ *Brosset* Addit. et éclaircissements. Armen. Chronique, p. 32.

³⁾ См. мою работу „Источники по введенію христіанства въ Грузію“ (М. 1893), гдѣ приведены свѣдѣнія греческихъ и армянскихъ писателей, въ связи съ извѣстіями грузинскихъ источниковъ.

⁴⁾ *Раи Грузіи*, изд. на груз. яз. Сиб. 1882.

никовъ не должна быть направлена на дальнѣйшія пополненія, выражающіяся лишь въ развитіи свѣдѣній у послѣдующихъ писателей, которыя представляются заимствованными у предшественниковъ. Основнымъ свидѣтельствомъ для греческихъ историковъ послужилъ рассказъ, по словамъ Руфина, грузинскаго царевича Бакурія, бывшаго заложникомъ въ Константинополѣ. Бакурій, котораго хорошо знаетъ и Карлисъ-Цховреба, сообщилъ Руфину нѣкоторыя подробности введенія христіанства въ Грузію, которыя впоследствии вошли или почти безъ измѣненія, или въ легкой перефразировкѣ, или съ незначительными пропусками въ „Исторію“ Сократа, Созомена, Феодорита и др. Общій капиталъ ихъ свидѣтельствъ основывается на Руфинѣ, записавшемъ свой рассказъ со словъ „очевидца“ первыхъ моментовъ проповѣдыванія св. Ниною ученія Христа имени Бакурія.

Руфинъ говоритъ о введеніи христіанства слѣд.: иберійская нація, живущая *sub axe Pontico*, приняла христіанство чрезъ оказавшуюся у нихъ плѣнницу (*captiva*). Она вела вѣрную и строгую жизнь, проводя дни и ночи въ бдѣніи и молитвахъ. Она изумляла „варваровъ“ своимъ образомъ жизни и именемъ Христа, котораго она называла своимъ Богомъ. Случилось, что заболѣлъ у одной жены ребенокъ. По обычаю, заведенному въ странѣ, его тщетно носила мать по домамъ узвать лѣкарство противъ болѣзни. Наконецъ, она обратилась къ „плѣнницѣ“, которая, не зная другого лѣкарства кромѣ молитвы, положила на свой коверъ изъ шерсти (*silicio suo*)¹⁾ призвала своего Господа, и ребенокъ получилъ исцѣленіе. Молва и чудесномъ спасеніи его скоро распространилась и дошла до царицы. Последняя, заболѣвъ, потребовала св. дѣву къ себѣ, но та отказалась; тогда больная царица была приведена въ хижину (*cellulam*) блаженной жены, которая тѣмъ же способомъ на своемъ коверѣ исцѣлила ее, призвавъ имя Христа.

Царь, обрадованный ея скорымъ, неожиданнымъ избавленіемъ отъ болѣзни, велѣлъ послать плѣнницѣ подарки; царица возразила, что ея спасительница презираетъ золото и серебро, довольствуясь скудною пищею. Случилось царю охотиться въ лѣсахъ, и вдругъ все небо покрылось мракомъ ночи, спутники разошлись и самъ царь бродилъ въ неизвѣстности. Ему пришла мысль обратиться къ Богу плѣнницы—І. Христу, обѣщавъ, если Онъ разсѣетъ тьму, то почитать его истиннымъ Творцомъ. Мракъ тотчасъ смѣненъ былъ свѣтомъ и царь благополучно возвратился въ столицу. Онъ позвалъ къ себѣ

¹⁾ „kiliksa zeda“ по Лѣтописи.

„плѣнницу“, просилъ ее научить, какъ вѣровать въ единого Бога І. Христа. Царь, созвавъ народъ, изложилъ все дѣло своего чудеснаго спасенія и поучалъ его вѣрѣ во Христа, а царица проповѣдывала среди тамошнихъ женщинъ. Блаженная плѣнница начертила планъ церкви, начали ее строить и ставить колонны. Постановка третьей колонны опять сопровождалась чудомъ: были употреблены всѣ силы людскія и машинъ, но она не могла быть сдвинута съ мѣста. Разошлись къ вечеру всѣ и царь вмѣстѣ съ ними опечаленный. Плѣнница, оставшись здѣсь, провела всю ночь въ молитвѣ и утромъ, когда царь со святой прибылъ на мѣсто работы, онъ увидѣлъ, что колонна поднята и стоитъ на нѣкоторой высотѣ надъ основаніемъ и въ виду всѣхъ она спустилась на свой базисъ. Другія колонны уже легко были поставлены. Церковь была построена, отправили пословъ къ импер. Константину съ просьбой прислать священнослужителей. Императоръ охотно исполняетъ требованіе иберійскаго царя.

Это разсказалъ намъ, прибавляетъ Руфинъ, вѣрнѣйшій мужъ Бакурій, царь того народа, бывшій у нашего императора заложникомъ. Онъ былъ военачальникомъ палестинскихъ границъ.

Сократъ также заявляетъ, что извѣстіе о проповѣдываніи ученія Христа записано Руфиномъ со словъ Бакурія, „который былъ прежде иберійскимъ княземъ, сдѣланъ начальникомъ палестинскихъ границъ, а, наконецъ, вождемъ войскъ и помогалъ царю Θεодосію въ войнѣ противъ тиранна Максима“. Сократъ и въ другомъ мѣстѣ своей исторіи ¹⁾ разсказываетъ, что Θεодоръ, императоръ византійскій, предпринялъ походъ противъ Евгенія ²⁾, правителя западныхъ областей; военачальникомъ тогда былъ Бакурій, который такъ мужественно укрѣпился, что съ передовыми линіями перебросился въ то мѣсто сраженія, гдѣ преслѣдуемы были варвары, разрѣзалъ непріятельскія фаланги и обратилъ въ бѣгство гѣхъ, которые сами недавно гнали враговъ.

Грузинская исторія также подтверждаетъ извѣстіе Руфина и Сократа относительно Бакурія, бывшаго заложникомъ въ Константинополѣ ³⁾. Бакаръ (Бакурій) считается внукомъ царя Миріана, принявшаго христіанство и царствовалъ послѣ Рева ⁴⁾, отъ 342—364. Онъ ревностно распространялъ христіанство среди кавказскихъ горцевъ,

¹⁾ Церковная исторія, глава 25.

²⁾ *Lebeau. Hist. du V. Empire III, 337 n. 2; v. 45—6; 53.*

³⁾ *Картмисъ-Цх. I, 99. Hist. de la G. I, 129.*

⁴⁾ Бакаръ по грузинской Лѣтописи считался сыномъ Миріана (*Hist. d. l. Géorgie I, 132—3*). Но недавно открытая хроника *Обращеніе Грузин* сыномъ Миріана называетъ Рева, а Бакара сыномъ послѣдняго: (стр. 22).

по возвращеніи изъ Византіи, незадолго до смерти отца своего Миріана, какъ передаетъ наша Лѣтопись. Бакаръ „Картлисъ-Цховреба“ и Бакурій византійскихъ историковъ несомнѣнно одно и то же лицо, свѣдѣнія касательно котораго безъ разногласій совпадаютъ у мѣстныхъ и иностранныхъ писателей.

Установивъ достовѣрность существованія Бакарія, на свидѣтельствѣ котораго основывается Руфинъ, а затѣмъ послѣдующіе греческіе историки, я сопоставлю показанія Картлисъ-Цховреба съ извѣстіемъ Руфина, изъ котораго будетъ явственно, какъ по важнымъ пунктамъ введенія христіанства они согласны и тождественны. Вниманіе грузинскаго лѣтописца и византійскаго историка обращено на три главные момента утвержденія ученія Евангелія въ Иверіи: именно, исцѣленіе св. проповѣдницей христіанства отъ болѣзни царицы Наны и сына одной вдовы, которая по обычаю ходила по всѣмъ домамъ и, наконецъ, обратилась къ плѣнницѣ. Послѣдняя, положивъ на свой коверъ (silicio) ¹⁾, по Кар.-Цх. на войлокъ больнаго, помолилась Богу и даровала исцѣленіе. Второй моментъ. Мракъ, распространившійся во время охоты, но вдругъ разсѣянный именемъ І. Христа, укрѣпляетъ царя въ этомъ намѣреніи. Возвратившись въ столицу послѣ призванія на помощь Христа, онъ обращается къ плѣнницѣ за паставленіемъ. Далѣе чудо съ колонной, отправленіе пословъ къ Константину съ просьбой прислать священниковъ совпадаютъ у грузинскихъ и византійскихъ историковъ ²⁾. Бакурій—свидѣтель введенія христіанства, рассказалъ Руфину то самое, что записано очевидцами въ Грузіи—Сидоніей, Абигтаромъ и Саломіей со словъ св. Нины. Очевидцами они называются и въ *Обращеніи Грузіи*, наиболѣе древнемъ историческомъ памятникѣ, однако, тутъ мы не находимъ подробностей сказаній, извѣстныхъ намъ изъ Новаго варіанта житія и другихъ манускриптовъ, повѣствующихъ о первыхъ фазисахъ озаренія Грузіи христіанствомъ. Мы имѣемъ пока лишь остатки грузинской письменности V в., а если просвѣщеніе Грузіи относится къ первой половинѣ IV в., то не будетъ невѣроятной

¹⁾ Удивительно, что silicio *Руфина* и илликса-зеда Карт.-Цх. одного корня. По мнѣнію проф. Ф. Е. Борша, слово это было очень распространено въ Малой Азіи.

²⁾ Нападеніе Миріана съ персидскимъ царемъ на владѣнія Константина Великаго, сообщаемое нашею Лѣтописью, оправдывается показаніемъ персидскихъ историковъ. Во времени Миріана взшелъ на персидскій престолъ Сапоръ, жизнь котораго украшена баснями. Однако, достовѣрно, что онъ удачно воевалъ съ византійцами. *Malcolm. Hist. de la Perse I, 155.*

гипотезой записи очевидцевъ проповѣдыванія Евангелія св. Ниной отнести ко времени не позже второй половины того же столѣтія. Такое предположеніе дѣлаетъ возможнымъ заключить, что первыя свѣдѣнія о такомъ важномъ поворотномъ событіи въ жизни народа послужили началомъ историческихъ записей, открывающихся въ Лѣтописи. Этимъ объясняется, что *Обращеніе Грузіи*, не подвергшееся, подобно другимъ вариантамъ житій св. Нины, вліянію позднѣйшей традиціи и греческихъ историковъ, повѣствуетъ о просвѣщеніи Грузіи въ существенныхъ чертахъ согласно съ иноземными писателями.

24 гл. Исторіи Θεодорита была переведена на грузинскій языкъ въ XI—XII в. Ефремомъ Младшимъ, и нѣтъ сомнѣнія, что его рассказъ отложился на мѣстныхъ записи. Составитель житій святыхъ грузинской церкви катол. Арсеній соединялъ и комбинируетъ свѣдѣнія о св. Нинѣ, сообщаемыя туземными и иностранными писателями. Такъ, краткое повѣствованіе *Обращенія* дополнилось извлеченіями изъ византійскихъ писателей. Относительно византійскихъ историковъ, основывающихся на Руфинѣ въ вопросѣ о просвѣщеніи Грузіи ученіемъ Христа, слѣдуетъ прибавить, что нѣкоторые изъ нихъ подробно, дословно передаютъ рассказъ Руфина, другіе же дѣлаютъ небольшіе пропуски и дополненія. Такъ, Θεодоритъ Кирскій не приводитъ свѣдѣній о чудѣ съ колонной, поставленной молитвой блаженной дѣвы на свой базисъ. Онъ же исправляетъ Руфина въ томъ отношеніи, что считаетъ лишь одного царя Миріана пораженнымъ слѣпотой. Θεодоритъ, согласно съ грузинской Лѣтописью, передаетъ, что первый больной, излѣченный молитвами св. Нины, былъ ребенокъ неизвестныхъ родителей. Созоменъ считаетъ его также „нѣкимъ отрокомъ“, а Сократъ, первый продолжаетъ Руфина, увѣряетъ, что „заболѣлъ сынъ царя“, который и былъ приведенъ къ „плѣнницѣ“ для лѣченія. Эта поправка Сократа объясняется желаніемъ историка внести больше ясности и точности и хорошо иллюстрируется привычкой, напр. Плутарха къ опредѣленности рассказа, хотя бы черты для подобной ясности заимствовались изъ области фантазіи. Изъ византійскихъ источниковъ Созоменъ представляется болѣе словоохотливымъ рассказчикомъ, дополняетъ и прикрашиваетъ повѣствованіе своихъ предшественниковъ. Руфинъ и Сократъ заявляютъ кратко, что плѣнница не знала никакого лѣкарства¹⁾ кромѣ молитвы, а Созоменъ, распространяя это извѣстіе, говоритъ, что св. Нина „не дала больному ни мазей, ни пластырей“.

¹⁾ Никакого матеріальнаго средства по Сократу.

Еофоритъ, вопреки показаніямъ всѣхъ другихъ источниковъ, передаетъ, что лишь одинъ царь былъ ослѣпленъ на охотѣ. Но едва ли можно положиться на свидѣтельство этого историка въ виду поздняго происхожденія его разсказа, притомъ измѣненнаго въ данномъ мѣстѣ неизвѣстно на основаніи какихъ соображеній.

Сопоставивъ Руфина съ его продолжателями и съ Карглисъ-Цховреба, мнѣ остается сопоставить свѣдѣнія Моисея Хоренскаго и нашей лѣтописи. Армянскій историкъ ближе знаетъ, дѣло распространенія христіанства въ Грузіи, потому что онъ заимствовалъ свѣдѣнія по этому вопросу у грузинскихъ историковъ ¹⁾ Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить ту особенность повѣствованія Хоренскаго, что онъ прямо называетъ столицу Иверіи, Мцхету, о чемъ не знаютъ византійскіе историки, называя лишь страну, лежащую „по берегамъ Эвксинскаго понта“ ²⁾. Далѣе армянскій историкъ знаетъ по имени иверійскаго царя, „Михрана“ (Мириана). Ему извѣстно также имя просвѣтительницы Грузіи, которую онъ называетъ Нунѣ. Византійскіе историки именуютъ ее лишь плѣнницей (сarıva). Она сама себя въ Кар.-Цховреба считаетъ плѣнницей.

Моисей Хоренскій передаетъ вѣрнѣе то же, что извѣстно Кар.-Цх. и византійскимъ историкамъ. „Строгая жизнь Нунѣ, даръ исцѣленія“, блужданіе Михрана въ лѣсу вслѣдствіе мрака, неожиданно покрывшаго солнце, воздвиженіе креста—вотъ основные факты, переданные имъ относительно распространенія христіанства въ Грузіи. Разсказъ его кратокъ и сжатъ и, повидимому, заимствованъ изъ болѣе подробныхъ источниковъ. Греки и грузины подробно передаютъ свѣдѣнія объ исцѣленіи ребенка, царицы ³⁾ грузинской, а армянскій писатель разсказъ объ этихъ чудесахъ стянулъ въ одну фразу: „строгую жизнью она удостоилась получить даръ исцѣленія“. М. Хоренскому подробнѣе сравнительно съ греческими писателями извѣстна языческая религія грузинъ. Онъ называетъ Бога „громовержца Армазда (Армази ⁴⁾ по Кар.-Цховреба“), стоявшаго за городомъ отъ ко-

¹⁾ Мнѣніе покойнаго Баградзе.

²⁾ Сократъ, гл. XIX.

³⁾ Ея имя по грузинской лѣтописи (Нана).

⁴⁾ См. *Brosset. Hist. de la Géorgie* I, 43. Армази—зендскій Ahura-Mazda, Ормуздъ, враждебный Ариману и чудовищному змѣю Ajidahaka, съ которыми борется его сынъ Atar. Въ другомъ мѣстѣ побѣдителемъ этого трехглаваго чудовища является Тритино-Феридунъ Шахъ-Намъ, грузин. Афрідунъ, армян. Руденъ. Феридунъ борется съ Зохакомъ, полумиземъ-получеловѣкомъ. *Веселовскій*

того раздѣляла рѣка. Жители имѣли обыкновеніе рано по утрамъ съ кровель домовъ своихъ поклоняться его изображенію, возвышавшемуся передъ ихъ глазами; а желающіе приносить ему жертвы переходили рѣку и передъ храмами совершали закланіе.

Извѣстіе это совершенно согласуется съ свидѣтельствомъ Кар.-Цх. ¹⁾. По грузинской Лѣтописи — Армази, Армаздъ М. Хоренскаго, былъ богъ солнца и дождя ²⁾. Моисей Хоренскій говоритъ, что св. Нина разрушила идолы иберійцевъ, по совѣту св. Григорія, просвѣтителя армянъ, послѣ того какъ грузины добровольно приняли проповѣданіе Евангелія. Кар.-Цх. же рассказываетъ, что истуканы были сокрушены вѣтромъ по молитвѣ св. Нины еще до принятія ея ученія иберійцами.

Армянскій историкъ прибавляетъ свѣдѣнія о послѣдующей апостольской дѣятельности св. Нунѣ: „она... проповѣдывала, начиная отъ кехарчовъ у воротъ алановъ и касбовъ до предѣловъ Маскутовъ“ ³⁾. Кехарчи — въ гугарской области, маскути-массагеты, по объясненію Н. О. Эмина.

Грузинская лѣтопись также сообщаетъ, что св. Нина, царь Миріанъ, епископъ Іоаннъ и одинъ изъ эриставовъ (областныхъ правителей) отправились проповѣдывать Евангеліе среди горцевъ. Прибывъ въ Цорбанъ, мѣстность географически до сихъ поръ неизвѣстную ⁴⁾, св. Нина, наставляла въ вѣрѣ христіанской партійцевъ ⁵⁾, жившихъ выше Аванури на притокѣ Арагвы, пховельцевъ или нынѣшнихъ пшавовъ ⁶⁾. Пховельцы оставили свою землю и переселились въ Тушетію; живущимъ на границѣ Тушетіи и Гудамакары, просвѣтительница также благовѣствовала Евангеліе. По „Обращенію Грузіи“ имѣемъ нѣсколько иное свѣдѣніе о предѣлахъ распространенія ученія Еванге-

Розысканія въ области русскихъ духов. стиховъ. Сборн. отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Н., т. XXI, стр. 68. *Мой грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи*, стр. 18—22. Въ „Чтеніяхъ“ Общества Ист. и Древн. Рос., кн. IV, за 1891 г.

¹⁾ Кар.-Цх. I, 85.

²⁾ *Исторія Арменіи М. Хоренскаго*, пер. Эмина, стр. 153.

³⁾ *Тб.* стр. 308—309.

⁴⁾ *Вахушти* въ своей географіи называетъ рѣчку Цорбисъ, но она протекаетъ въ горійскомъ уѣздѣ и впадаетъ въ р. Дзани (*Description Geograph.* p. 262). Цорбанъ въ армянской хроникѣ передѣланъ въ *Dzrbîn. Chronique, Armen* p. 31.

⁵⁾ *Wakhoucht. Descrip. géogr.* p. 221. *Ср. Chronique armen. „Djartzal“*, p. 31.

⁶⁾ *Фаустъ византийскій* ихъ называетъ Phokh p. 15.

лія св. Ниной⁴. Прибыла (св. дѣва) въ Эрцо, оставалась въ Джалети, урочищѣ Эдемѣ, крестила Эрцо-тионетцевъ, а кварельцы, услышавъ объ этомъ перешли, въ Тушетію, и ихъ впоследствии царь Тердатъ привелъ и крестилъ¹⁾. По Лѣтописи царь Миріанъ за уклоненіе отъ принятія крещенія наложилъ на горцевъ усиленныя повинности. Лѣтопись прибавляетъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ впоследствии обратилъ въ христіанство Абибось, епископъ Некрескій. Къ этому извѣстію можемъ прибавить, что еще въ XVII в. Цилванскому епископу, Роману, приходилось проповѣдывать ученіе Христа среди грузинскихъ горцевъ не безъ опасности для своей жизни²⁾. Въ дополненіе показаній грузинскихъ источниковъ о мѣстностяхъ, посѣщенныхъ съ цѣлью обращенія жителей къ Евангелію, мы должны прибавить Кахетію, гдѣ св. Нина крестила правителей.

Сѣверную и восточную границу, до которой распространилась проповѣдь св. Нины по грузинскимъ и армянскимъ историкамъ, представляетъ страна алановъ и касповъ. Прокопій историкъ VI в. называетъ алановъ сосѣдями иберовъ³⁾. Если аланы—осетины, какъ доказываетъ В. Ө. Миллеръ, то тогда Кар.-Цховреба и Мойсей Хоренскій вполне согласны относительно предѣловъ проповѣднической дѣятельности св. Нины. За Гудамакири, Чарти, Пшаветіей и Тушетіе обитаютъ осетины, среди которыхъ ни по извѣстіямъ грузинской лѣтописи, ни по словамъ армянскаго историка св. просвѣтительница Грузіи не успѣла возвѣститъ христіанскаго ученія. Итакъ, Аланскія ворота—тѣ же Дарьяльскія—начинаются отъ предѣловъ народовъ, у которыхъ св. Нина проповѣдывала христіанство. Грузинская лѣтопись называетъ послѣдній предѣлъ, озаренный лучемъ новой религіи, а Мойсей Хоренскій указываетъ границу, съ которой прежній мракъ остался не тронутымъ свѣтомъ Евангелія.

Восточную границу проповѣди св. Нины составляютъ по М. Хоренскому Каспи. Послѣдніе были во владѣніи албанцевъ во времена Страбона⁴⁾. Албанія или нынѣшняя Албани лежитъ въ сѣверной части Кахетіи и составляетъ собственность тушинъ-цовцевъ. За ними—албанцами жили каспіани или каспи до моря, получившаго названіе Каспійскаго. Въ Алванію или Албанію, страну тушинъ, по извѣстіямъ Кар.-Цх., св. Нина внесла ученіе Евангелія. За Албаніей страпа

¹⁾ *Обращеніе Грузіи*, стр. 19.

²⁾ См. *Гуджаръ*, изд. мною. Кутаисъ, 1891, стр. 41—60. См. еще 38 стр.

³⁾ *De bello Persico* II, 29.

⁴⁾ *Страбонъ*. Географія IV, 5.

касповъ осталась въ язычествѣ. И тутъ грузинская Лѣтопись отмѣчаетъ послѣднюю границу, озаренную Новымъ завѣтомъ, а Моисей Хоренскій указываетъ рубежъ, далѣе котораго христіанство не распространилось при св. равноапостольной Нинѣ. Среди горцевъ христіанство было введено принудительнымъ путемъ, насильно опрокидывались ихъ идолы, но они упорно уклонялись, а часть даже оставила родину и переселилась въ Тушетію. Въ наказаніе отказавшимся принять христіанство царь увеличилъ, какъ я сказалъ, государственныя повинности и подати.

Я разсмотрѣлъ три группы источниковъ: византійскіе, грузинскіе и армянскіе. Я сравнивалъ съ одной стороны греческихъ историковъ съ грузинскими, съ другой стороны свидѣтельство армянскаго историка съ данными грузинской исторіи. Изъ сопоставленія свѣдѣній греко-грузинскихъ историковъ я заключилъ, что рассказъ ихъ существенно сходенъ и основанъ на показаніяхъ современниковъ. Руфинъ передаетъ исторію распространенія христіанства въ Грузіи, опираясь на рассказъ Бакурія, внука царя Миріана, при которомъ Иверія была просвѣщена новой религіей. Бакурій, отправленный заложникомъ въ Константинополь, по принятіи христіанства по свидѣтельству византійскихъ повѣствователей и Картлис-Цховреба, рассказалъ Руфину дѣло введенія новаго ученія. Въ Грузіи же таже исторія была записана очевидцами и современниками, пользовавшимися жизнеописаніемъ св. Нины со словъ этой просвѣтительницы Иверіи. Рассказъ, приведенный въ грузинской Лѣтописи и въ житіяхъ святыхъ относительно проповѣди св. Нины, въ существенномъ совпадаетъ съ повѣствованіемъ недавно открытой рукописью IX в.—Новый вариантъ житія св. Нины. „Кар-Цховреба“ знаетъ имя царя Грузіи, просвѣтительницы ея, называетъ авторовъ житій св. Нины и вообще фактическія подробности ея превосходятъ свѣдѣнія по данному вопросу, сообщаемыя иностранными писателями. Ко времени внесенія въ грузинскую лѣтопись и въ исторію Руфипа свѣдѣній о проповѣданіи св. Ниной христіанства въ Грузіи народное преданіе успѣло уже разукрасить первоначальное сказаніе вымысломъ, что отразилось одинаково у грузинскихъ и у греческихъ писателей.

Чтобы выдѣлить историческое зерно отъ позднѣйшихъ наслоеній, необходимо обратиться къ недавно открытому памятнику IX—X в., носящему названіе—„Обращеніе Грузіи“. Изъ разбора грузинскихъ, византійскихъ и армянскихъ источниковъ мы знаемъ, что вниманіе историковъ было обращено на три момента при введеніи христіанства въ Грузіи: 1) на испѣленіе св. Ниной отъ болѣзни сына вдовы

и на избавленіе отъ недуга царицы Наны; 2) разсвѣніе мрака, окружавшаго царя Миріана на охотѣ; 3) чудо при воздвиженіи колоннъ. Вышеназванный памятникъ совершенно умалчиваетъ объ этихъ чудесахъ, точно также о послѣдующихъ испѣленіяхъ и предзнаменованіяхъ, исходящихъ отъ св. храма, построеннаго на мѣстѣ срубленнаго кедра. Біографическія свѣдѣнія о св. просвѣтительницѣ Грузіи, такъ подробно извѣстныя изъ Картлїсь-Цховреба и *Новаго варианта* житія св. Нины, ограничиваются двумя скудными фактами. Мы узнаемъ, что царица Елена, мать Константина В., застала въ Іерусалимѣ „плѣнницу Нину“¹⁾. Кромѣ того, *Обращеніе* сообщаетъ о подругахъ св. Нины — Рипсиміи и Гаіанѣ, оставшихся у Тердата, царя армянскаго, но безъ подробностей Картл.-Цховреба.

Св. Нина прибывъ по теченію р. Куры въ Мцхетъ, сдѣлала крестъ изъ виноградныхъ лозъ, начала проповѣдывать ученіе Христа. На шестой годъ ея проповѣди увѣровала царица Нана, а на седьмой—царь (чудомъ) и построила церковь. Отправили пословъ къ императору Константину съ просьбой прислать священниковъ. Прибыли оттуда епископъ Іоаннъ, два священника и одинъ дьяконъ. Принялъ крещеніе царь Миріанъ и весь его домъ.

Царь Миріанъ спрашиваетъ о хитонѣ Господнемъ, доставшемся мцхетскому еврею. Но въ *Обращеніи* нѣтъ даже тѣхъ сравнительно съ Лѣтописью немногихъ фактовъ, которые открываются въ Новомъ вариантѣ житія св. Нины. Ни рассказы о происхожденіи св. Нины, ни свѣдѣнія о свв. Рипсиміи и Гаіанѣ, ни чудеса, сотворенныхъ просвѣтительницей Грузіи при испѣленіи сына вдовы, царицы Наны и низверженіи идоловъ, мы не находимъ въ *Обращеніи Грузіи*. Нѣтъ также подробностей объ помраченіи и просвѣтленіи Миріана, воздвиженіи креста, отправленіи пословъ къ Грецію и пр. Я указалъ на принудительный способъ распространенія христіанства среди горцевъ, заимствуя эти свѣдѣнія изъ Лѣтописи. Согласно съ свидѣтельствомъ Картлїсь-Цховреба повѣствуетъ объ этомъ и *Обращеніе*.

Конецъ земной жизни св. Нины въ хроникѣ отмѣченъ такъ: на 14-омъ году по прибытіи въ Грузію, въ 338 г. по Вознесеніи Христа и отъ сотворенія міра въ 5838 г. Намъ извѣстно изъ *Обращенія*, что царь Миріанъ увѣровалъ въ ученіе Христа на седьмомъ году по прибытіи св. просвѣтительницы въ Грузію, но принялъ крещеніе послѣ построенія храма и прибытія изъ Византіи священнослужителей. Если примемъ во вниманіе промежутки времени между

¹⁾ *Обращеніе*, стр. 15.

отправленіемъ пословъ къ Константину В. и прибытіемъ епископа Іоанна, то годъ крещенія Миріана придется отодвинуть на 8-й годъ прибытія св. Нины въ Грузію, т. е. къ 332 г., потому что св. просвѣтительница скончалась на 14-ый годъ по прибытіи въ Грузію, или въ 338 г. Значить годъ вступленія ея въ предѣлы Грузіи относится въ 324 г. Прибавивъ къ 324 еще 8 лѣтъ, время до крещенія Миріана, получимъ 332 годъ, который мы считаемъ годомъ принятія христіанства Грузіей ¹⁾. Дюбуа ²⁾ называетъ 318 годъ, но онъ, подобно показанію, Чамчіану долженъ быть отвергнутъ.

Сравнивая показанія хроники и лѣтописи, мы можемъ заключить, что подробности втораго источника представляютъ развитіе сжатой мысли перваго источника. Мы знаемъ, какъ много говоритъ лѣтопись по поводу исцѣленія св. Ниной царицы Наны. Этотъ рассказъ, сопровождаемый описаніемъ вопросовъ и отвѣтовъ съ обѣихъ сторонъ, служитъ распространеніемъ краткаго предложенія хроники: Нана увѣровала „будучи въ болѣзненномъ состояніи“. Второй моментъ при введеніи христіанства, обозначенный нами чудомъ на охотѣ царя Миріана, представляетъ преувеличенное отраженіе *одного* слова хроники: въ послѣдней мы читаемъ, что Миріанъ увѣровалъ— вслѣдствіе чуда ³⁾. Оно послужило зерномъ для детальнаго развитія подробностей приключенія съ царемъ Миріаномъ.

Сопоставленіе этихъ двухъ грузинскихъ источниковъ между собою даетъ основаніе считать рассказъ Обращенія наиболѣе древ-

¹⁾ По мнѣнію Чамчіана, Теофила и Вахушти годъ крещенія Грузіи—317, по Баронію—326 г., по Броссе—328, по Chronique Armén—332 г., по Лѣтописи—338 г. Мнѣніе Чамчіана и Вахушти не можетъ быть принято, потому что Константинъ сдѣлался единодержавнымъ лишь въ 325 г. Крещеніе же Грузіи относится ко времени успокоенія имперіи послѣ раздоровъ Лициніи и Максимиана. Константинъ † 337, а потому 338 годъ отвергается. Броссе приурочиваетъ крещеніе къ 328 г., потому что по Лѣтописи Миріанъ принялъ христіанство по прибытіи св. Нины на четвертый годъ, а не на восьмой, какъ это передаетъ *Обращеніе*, откуда разница между датой Броссе и нашей (328 г. и 332 г.) Бароній неизвѣстно, на чемъ основываетъ свое мнѣніе, а дата Chron. Armén. 332 г., совпадаетъ съ установленіемъ Лѣтописью года крещенія Грузіи.

²⁾ *Dubois de Montpercut. Voyage autour du Caucase, t. II, p. 60—1.*

³⁾ Въ *Обращеніи Грузіи* нѣтъ свѣдѣній о проповѣданіи Евангелія въ Грузіи ап. Андреемъ и Симеонъ Бананитомъ, о которомъ намъ извѣстно изъ Бартл.-Цховреба. *Царевичъ Теймуразъ* въ своей Исторіи Грузіи. (Сиб. 1848) общааетъ объ этомъ же вопросѣ довольно подробно (стр. 140—5).

нимъ сравнительно съ повѣствованіемъ Житія св. Нины и Кар-Цховреба. На лѣтописи, быть можетъ, а также на Житіи отразилось вліяніе греческихъ источниковъ, внѣ сферы котораго осталась названная хроника. Одно слово, извѣстное намъ изъ Руфина, „сілісіум“ и тоже слово, данное въ лѣтописи нѣсколько подтверждаетъ заимствование изъ византійскаго источника свѣдѣній о чудесахъ, сопровождавшихъ введеніе христіанства въ Грузію. Во всякомъ случаѣ, нужно признать постепенное дополненіе и разукрашивание рассказа изъ *Обращенія* новыми подробностями, неизвѣстными древнимъ источникамъ. На составителяхъ житій святыхъ отразилось вліяніе народныхъ легендъ, слѣды которыхъ легко усмотрѣть въ повѣствованіи о распространеніи ученія Христова въ Грузію. Католикосъ Арсеній не скрываетъ отъ насъ, что житія святыхъ грузинской церкви составилъ онъ (въ X в.) на основаніи письменныхъ источниковъ и устныхъ сказаній. Приписки такого содержанія находимъ въ манускриптѣ, принадлежащемъ Академіи Наукъ, въ концѣ житія св. Іоанна Зедазійскаго ⁴⁾.

⁴⁾ Brosset. Hist. de la Géorgie. Le cath. Arseni... s'occupa de recueillir qui concernent des saints pères... s'aidant des livres écrits et des recits oraux. T. 1, p. 203, n. 6. *Броссе* сообщаетъ слѣд. свѣдѣнія объ Арсеніи католикосѣ: въ началѣ житія св. Іоанна читается: Cette histoire a été renouvelée et développée par S. Arseni. catholico du Karthli. По его мнѣнію, этотъ Арсеній, долженъ быть Арсеній Икалтойскій, учитель царя Давида Возобновителя, жившій въ концѣ XII в., см. Additions et éclaircissements, p. 126. Житія святыхъ, хранящіеся въ Московскомъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ, немногіе отличаются отъ извѣстныхъ Броссе и Бакрадзе житій. Бакрадзе сообщаетъ перечень житій святыхъ, помѣщенныхъ въ рукописномъ сборникѣ Шіо-Мгвинскаго монастыря, именно: Іоаннъ Зедазійскій, Давидъ Гареджіскій, Шіо-Мгвинели, Абибасъ Некресели, мученикъ Константинъ Бартлеми, мученикъ Гобронъ, Встате Мцхетели, мученица царица Шушаника, мученица царица Бетевана, муч. Давидъ и Константинъ, муч. царь Луарсабъ, ц. Арчилъ, Евфимій Святогорецъ, Георгій Святогорецъ, Иларіонъ, *Петре Картвели*, Або, св. Мина, Ражденъ, муч. Арчилъ, муч. Луарсабъ, мученики Бидзина, Шалва и Элизбаръ, Іасе Циклиели. (См. *Бакрадзе*. Исторія Грузіи, стр. 153). *Архивное житіе* сверхъ перечисленныхъ здѣсь святыхъ приводитъ еще житія Стефана, Климента, папы римскаго, мученіе св. Евстратія, мученіе св. Димитрія, свв. Авксентія, Евгенія, Ареста, Іосифа Амба Алавердели. Въ концѣ житія Іасе Циклиели читаемъ: „св. Іасе, прославляю я, Ксанскій Эрнставъ, Іасе“. Житіе св. Гоброна въ этомъ памятникѣ, какъ и Шіо-мгвинскомъ (1733 г.) и Іоанна-Крестительскомъ (1713 г.) прерывается на одномъ и томъ же словѣ. Трудно сказать, за неизмѣненъ ли подъ руками нужныхъ рукописей, списано-ли архивное житіе съ Шіо-мгвинскаго или

Приводимъ житіе св. Георгія изъ манускрипта XI в. Рукопись привезена изъ Сванетіи гр. Уваровой и заключаетъ житіе св. Георгія и св. Θεодора Стратилата. Матеріалъ—грубая кожа, почеркъ—мелкій хуцури, писанъ черными чернилами, есть киноварныя фразы и приписки переходнымъ мхедрули ¹⁾).

Въ апрѣль мѣсяцъ мученіе св. Георгія, которое описалъ по-слѣдовавшій за нимъ ученикъ св. Георгія, Басикиртзъ.

Въ то время, когда господствовало, по ваущенію дьявола, поклоненіе идоламъ, надъ греками царствовалъ Діунклитіанузъ, суровый гонитель паствы Христовой. Былъ у него другъ, Магнетіусъ, единомыслящій съ нимъ. Они вознамѣрились обратитъ всѣхъ христіанъ къ идоламъ и разослали по всему царству письма, въ которыхъ вслѣдъ за привѣтствіемъ указывалось, что христіане поклоняются Человѣку, по имени Іисусъ, отступивъ отъ Апуллона, поэтому повелѣвается и мужчинъ, и женщинъ изъ христіанъ предавать горькимъ мученіямъ за отступничество. Многіе изъ христіанъ послѣ мученій переходили къ Апуллону. Діоклетіанъ же, собравъ придворныхъ, спасаларовъ [военачальниковъ] эриставовъ, обсуждалъ, какъ искоренитъ ученіе Назарейнина. Всѣ присутствующіе, повинувъ царю, согласились принять мѣры къ сокрушенію христіанской вѣры. „Тогда-то засіялъ св. Георгій, словно звѣзда въ темную ночь, я же рабъ его, Басивартусъ, сопровождалъ его и описалъ его житіе“. Онъ, воинъ Христа и честный жемчугъ, сокрушилъ поклоненіе идоламъ и просвѣтилъ міръ своими подвигами. Онъ не утратился ни царя и его вельможъ, ни разнообразныхъ мукъ, не соблазняясь мірской славой и уповая на Христа: „за малое терпѣніе удостоишься причисленія къ сонму ангеловъ“. Сей св. мужъ, Георгій, былъ изъ области Каппадокійской, находящейся въ области греческой. Онъ былъ правителемъ (мтавари), прославленный своей честностью, богатствомъ и мудростью. Состоялъ онъ храбрымъ спасаларомъ надъ отрядомъ, извѣстенъ былъ самому Діунклетіану. Усмотрѣвъ безуміе въ поклоненіи идоламъ, св. Георгій подѣлилъ все достояніе между нищими и отправился къ царю, предъ которымъ онъ заявилъ, что онъ христіанинъ. Обличая Діунклетіана въ заблужденія, онъ

Іоанна-Крестительскаго варіанта, или же всѣ три памятника сняты съ недошедшей до насъ рукописи. Въ архивномъ варіантѣ встрѣчаются мѣста, которыя согласны то съ Шіо-мгвинскимъ манускриптомъ, то съ Іоанно-Крестительскимъ. См. у меня „Источники по введ. христ. въ Грузію“. М. 1893.

¹⁾ Житіе св. Георгія сохранилось еще въ пергаментномъ манускриптѣ XI—XII в. Крестнаго монастыря, *Цаирели*, оп. с., 104.

призывалъ его къ познанію Единого Бога, Троицу единосущную, Творца вселенной, къ вѣрѣ въ Страшный судъ и воскресеніе мертвыхъ. Разгнѣванный другъ Діунклетіана, Магнетіузь, спросилъ Георгія, кто онъ такой, что дерзаетъ такъ смѣло говорить. Узнавъ, что обличитель ихъ—извѣстный своей мудростью Георгій, они приглашаютъ его поклониться идоламъ и пользоваться ихъ дружбой и почетомъ. Святый мужъ продолжалъ призывать истиннаго Бога, и его твердость выводитъ изъ терпѣнія царя, который приказываетъ пронзить его копьями. Второе мученіе—заключеніе его въ тюрьму, наложеніе оковъ и камня на грудь. Третье мученіе—привязываніе святого къ колесу утыканному гвоздями. Въ десятомъ часу гласъ съ неба ободряетъ св. Георгія. Ангель освобождаетъ мученика и залѣчиваетъ раны. Св. Георгій прославляетъ Господа своего. Онъ приближается къ Апулону, предъ которымъ царь тогда приносилъ жертву и, объявивъ, какъ Богъ спасъ его отъ мученій, снова обличалъ ихъ въ заблужденіяхъ. Увидѣвъ это чудо, спасалары—Анатуліосъ и Бартулинси ¹⁾ увѣровали во Христа. Царь велѣлъ ихъ обезглавить. Услыхавъ обо всемъ этомъ увѣровала и царица Александра. Разгнѣванный Діунклетіанъ велѣлъ бросить св. Георгія въ ровъ съ негашенною известью и чрезъ три дня достать его кости. Но св. мужъ остался невредимъ. Народъ возгласилъ, при видѣ этого чуда, что великъ Богъ христіанъ, а царица Александра прославила Спасителя, и увѣровали въ Единого Творца стражи, приставленные къ св. Георгію. Св. Георгій, на запросъ царя, кто его спасъ, стали славить Христа. Тогда Діунклетіанъ велѣлъ надѣть ему желѣзные сапоги, утыканные гвоздями. Св. Георгій съ молитвой обратился къ Господу о дарованіи ему терпѣнія. Гласъ съ неба послышался ему, и исцѣлились раны его. Св. Георгій былъ отправленъ въ тюрьму. На другой день ему царь предлагаетъ поклониться богамъ. Св. Георгій сталъ снова обличать его въ заблужденіи и почитаніи бездушныхъ истукановъ. Царь въ гнѣвъ велѣлъ его бичевать. Магнетіозъ проситъ царя освободить мученика и предложить ему воскресить кого-нибудь изъ мертвыхъ. Святой сталъ молиться, и молитва была услышана: открылась могила, воскресъ мертвый, который бросился на колѣни предъ св. Георгіемъ, прося его помилванія. Изъ его словъ оказалось, что онъ умеръ до Р. Х. Царь считаетъ св. Георгія чародѣемъ. Святый сталъ убѣждать его увѣровать во Христа, котораго не могутъ призывать чародѣи. Его заключаютъ въ тюрьму. Здѣсь онъ

¹⁾ У меня нѣтъ этого имени (*Мой Грузинскій изводъ сказанія о св. Георгіи*. М. 1892.

проповѣдывалъ предъ плѣнными, многихъ склонилъ къ вѣрѣ во Христа и исцѣлялъ молитвой больныхъ и страждущихъ.

Былъ вѣкій Гуракліузъ ¹⁾, у котораго умеръ быкъ, явился св. Георгію и умолялъ воскресить ему быка. По вѣрѣ Гуракліуза, быкъ его воскресъ, и объявилъ онъ себя христіаниномъ. Императоръ велѣлъ его изрубить, а св. Георгія призываетъ и общаетъ сдѣлать его вторымъ послѣ себя, если онъ поклонится его богамъ. Св. Георгій соглашается идти въ каище. Всѣ считаютъ этотъ поступокъ знакомъ побѣды Апуллона. Дьяволъ, находившійся въ статуѣ послѣдвѣяго, вступилъ въ объясненіе съ св. Георгіемъ и признается, что Апуллонъ—не богъ. По знаменію креста идолы падаютъ и сокрушаются. Народъ требуетъ наказанія св. Георгія. Царица Александра проситъ у св. Георгія пріобичить ее къ ученію Христа. Діоклетіанъ, услышавъ это, велитъ казнить и царицу, а св. Георгія, совратившаго ее, обезглавить. Царица съ радостью послѣдовала за св. мужемъ на казнь, назначенную внѣ города, но на дорогѣ испустила она духъ. Предъ казнью св. Георгій просилъ позволенія помолиться. Онъ молилъ Господа о прощеніи его мученикамъ и ниспосланія благодати всѣмъ призывающимъ его имя. (Объявленія Господа во облакѣ и общанія исполнить его волю нѣтъ въ сванетской рукописи ²⁾). По окончаніи молитвы, онъ былъ обезглавленъ. Въ концѣ снова читается, что житіе св. Георгія писалъ ученикъ его Басикратусъ. Послѣднія слова житія: св. Георгій помилуй Вахтанга Парске (?) Джаніани. Въ концѣ же рукописи: описалъ я ничтожный столпникъ, Іоаннъ, мученія свв. Георгія и Федора. Прославъ, Господи, Вахтанга Парджаніани съ дѣтьми. Написано при Чондидели Аѣ, въ царствованіе Баграта Куропалата. Корониконъ *сна* (=1031 г.) рукою недостойнаго столпника Іоанна.

Сравнивая рассказъ рукописи XI в. съ поздними свѣдѣніями, сообщенными мною въ I ч. очерковъ, мы находимъ разницу въ транскрипціи собственныхъ именъ Басикратусъ вм. извѣстнаго Пасикратт, Діунклетіанъ, Магнатіозъ, Анатуліосъ и пр. Языкъ древній, что видно изъ замѣны звука *y* звукомъ *o* и обратно.

Житіе святыхъ Іоанна и Евфимія ³⁾. Преподобный Іоаннъ былъ

¹⁾ Гылкери у меня, Γλόχερος по-гречески.

²⁾ Нѣтъ также просьбы даровать его останкамъ цѣлебное свойство, призывающихъ его избавлять отъ искушеній, отъ града и засухи. (См. у меня *Груз. изводъ о св. Георгіи*, стр. 5). Эти вѣрованія въ силу св. Георгія нынѣ господствуютъ въ Грузіи.

³⁾ Житіе преподобнаго Іоанна (X в.) извлекаемъ изъ жизни преподобнаго

родомъ грузинъ, происходилъ изъ знатнаго и богатаго рода въ городѣ Артануджи. Былъ извѣстенъ своими военными подвигами и храбростью на службѣ царя Давида Куратпалата. Бесѣда съ нѣкоторымъ пустыникомъ возбудила въ немъ ревность къ подвижничеству. Оставилъ онъ семейство и мірскія стяжанія и отправился въ одинъ изъ Имеретинскихъ монастырей, въ какой именно, писатель жизни его не говоритъ. Между тамошними подвижниками славились въ то время отцы Моисей и Геласій. Святые отцы охотно принимали пришедшаго избранника Божія и по просьбѣ его постригли въ монахи. Царь Давидъ Куратпалатъ, узнавъ о поступкѣ любимаго имъ вельможи и храбраго воина, сильно опечалился и отправился къ нему, чтобы склонить его оставить начатое имъ дѣло и вернуть его въ міръ; но никакія просьбы и ласки не могли поколебать святаго мужа. Спустя нѣкоторое время, Іоаннъ взялъ благословеніе отъ своихъ старцевъ и отправился въ Грецію. Въ одной изъ обителей горы Олимпа принялъ на себя надзоръ за монастырскими ослиами и проходилъ другія послушанія.

Въ то время императоръ греческій велъ войну съ персами; желая обезпечить себя со стороны Грузіи, онъ уступилъ царю Давиду Куратпалату пограничныя области: Тао и Кларджети, смежныя съ владѣніями Давида. Въ япакъ же вѣрности Давида, ему были даны заложники въ лицѣ шуриновъ блаженнаго Іоанна (т.-е. братьевъ его жены), его сына Евфимія и другихъ князей и дворянъ. Преподобный Іоаннъ, узнавши о томъ, что его родные прибыли въ столицу греческаго царства, невольно долженъ былъ открыть себя міру: поэтому отправился въ Константинополь и остановился у тестя своего Абуларбиса. Сестра блаженнаго и его зять съ величайшею радостью встрѣтили его. Іоаннъ, отдохнувъ нѣсколько, началъ переговоры съ своимъ зятемъ объ Евфиміи и просьбами смягчилъ сердца задерживающихъ отрока. Старецъ, получивши своего сына, съ радостію возвратился съ нимъ на гору Олимпъ. Избѣгая суетной славы, взялъ онъ своего сына и нѣсколько своихъ близкихъ учениковъ и отправился съ ними на Аѳонскую гору. Въ лаврѣ святаго Аѳанасія былъ онъ принятъ съ своими учениками весьма радушно, какъ святымъ Аѳанасіемъ, такъ и братіею обители. Скрывая свой знатный родъ и прежнее житіе, онъ исполнялъ шесть лѣтъ всѣ возлагаемыя на него послушанія съ рѣдкимъ смиреніемъ. Онъ тутъ узналъ, что великій и знаме-

Евфимія, житіе же послѣдняго (XI в.) описано преподобнымъ Георгіемъ Святогорцемъ III, настоятелемъ послѣ святаго Евфимія, основателя Иверской обители.

нитый вельможа Торникій, братъ его жены, будучи еще въ Грузіи, принялъ монашество и отправился къ нему на гору Олимпійскую. Пріѣхавъ туда послѣ долгаго путешествія, Торникій не засталъ тутъ блаженнаго Іоанна, тайно развѣдалъ о мѣстопребываніи его и отправился на Аѳонскую гору. Въ лаврѣ святаго Аѳанасія, встрѣтилъ его блаженный Іоаннъ и принялъ его радушно.

Въ то время правитель восточныхъ областей, имперіи Барда Склиръ возсталъ противъ императорскаго семейства. Узнавъ чрезъ приверженцевъ, что въ обители Аѳанасія проживаютъ два знаменитыхъ мужа, Іоаннъ и Торникій, близкіе царю Давиду, императорская семья и сенаторы отправили въ лавру довѣреннаго человѣка съ просительными письмами.

Блаженный Торникій, заручившись молитвами святыхъ отцовъ, отправился въ Константинополь, и придворный вельможа, такъ называемый *Παρακευόμενος* (постельникъ), представилъ его императрицѣ. Императрица приняла его съ честью, приказала сѣсть рядомъ съ собою, повелѣла дѣтямъ своимъ, Василию и Константину, поклониться ему и испросить у него благословенія. Императрица написала просительное письмо къ Давиду Куратпалату и вручила его блаженному Торникію. Пріѣхавши въ Грузію, Торникій представился по обыкновенію царю. Давидъ вручилъ Торникію отборное войско въ 12.000 человѣкъ, и послѣдній съ гавани Трапезунда отправился противъ Барда Склира. Торникій силою Христовою побѣдилъ его, гвалъ до предѣловъ Персіи и водворилъ миръ въ имперіи. Послѣ побѣды Торникій вернулся въ Грузію, Давидъ принялъ побѣдоноснаго своего военачальника съ великимъ тріумфомъ. Торникій вручилъ ему отъ двора греческаго богатые подарки и условную бумагу, по которой уступались ему требуемыя владѣнія. Торникій, наконецъ, послѣ продолжительнаго времени возвратился на святую гору, въ лавру святаго Аѳанасія, съ огромнымъ богатствомъ, которымъ одарили его, какъ императрица, такъ и Давидъ. Блаженные отцы, Іоаннъ и Торникій, какъ опытные въ жизни, разсудили, что неудобно имъ съ многочисленною братіею изъ грузинъ оставаться въ лаврѣ, такъ какъ легко могли происходить разнаго рода неприятели. Посовѣтовавшись съ св. Аѳанасіемъ, купили они мѣсто на разстояніи одной мили отъ лавры, и на прекрасномъ мѣстѣ на берегу моря построили церковь въ честь Іоанна Крестителя, выстроили себѣ вокругъ храма кельи и обнесли все зданіе крѣпкою стѣною съ бойницами въ 982 г. Тутъ и поселились блаженные отцы со своими учениками грузинами, переселивъ ихъ изъ лавры; съ общаго со-

гласія блаженному Іоанну вручено было настоятельство въ новой обители, наименованной Иверскою.

Блаженный Торникій и послѣ сего собиралъ въ Грузіи желающихъ вступать въ его обитель; желающихъ явилось много, и они отправлялись на Аѳонъ.

Послѣ смерти блаженнаго Торникія, святой Іоаннъ предположилъ взять своего сына, Евфимія, и нѣсколько приближенныхъ себѣ учениковъ и вмѣстѣ съ ними отправиться на Синайскую гору, чтобъ избавиться отъ всѣхъ житейскихъ заботъ, соединенныхъ съ настоятельской своею должностію, которую и принялъ на себя, чтобы помогать Торникію въ строеніи и утвержденіи новой Иверской обители. Святой Аѳанасій не щадилъ ничего, дабы оставить святаго Іоанна на Аѳонѣ и задержать его; но видя его непреклонность, наконецъ, сказалъ ему: „если не желаешь отложить своего намѣренія, подожди, а я напишу объ этомъ государю, и, что онъ прикажетъ, такъ и будешь дѣлать“. Въ скоромъ времени пришло отъ императора приказаніе, чтобы старецъ Іоаннъ немедленно пріѣхалъ въ столицу. Императоръ высказалъ предъ святымъ свое сожалѣніе объ его отъѣздѣ на Синай. Сталъ просить и молить святаго не оставлять своей настоятельской должности и пасти братію новоустроенной обители Иверской. Блаженный уступилъ просьбамъ и настояніямъ его и далъ слово остаться при обители,—государь почтилъ его великими дарами и съ честію отпустилъ на Аѳонъ. Впавши въ болѣзнь, святой просилъ сына своего, Евфимія, принять въ свои руки управленіе монастыремъ; Евфимій, не желая огорчить старца-отца, принялъ на себя всѣ заботы и хлопоты по обители, какъ намѣстникъ его.

Въ то время въ лаврѣ блаженнаго Аѳанасія жили и другіе отцы иверской страны: Іоаннъ Грдзелидзе и Арсеній, епископъ Ниноцминдскій. Эти блаженные мужи желали болѣе уединенной и пустынноческой жизни. Обсудивши дѣло, они отправились въ понтийскую страну. Святые Іоаннъ и Евфимій узнали о мѣстѣ ихъ пребыванія и послали туда одного монаха, вручивъ ему письмо: „молимъ теперь святость вашу, возвратитесь опять на свое прежнее мѣсто, и будемъ жить вмѣстѣ“. Черезъ годъ они отправились назадъ на Аѳонъ.

Черезъ нѣсколько времени блаженный Іоаннъ, отецъ св. Евфимія, чувствуя приближеніе своей кончины, собралъ братію, далъ имъ наставленіе и повелѣлъ своему сыну, св. Евфимію, чтобъ онъ послушаніе свое передалъ св. Григорію, извѣстному подъ именемъ новаго Авраама. Заповѣдалъ также, чтобы онъ, Григорій, въ

случаѣ смерти Евфимія, принялъ настоятельство. Разъ навсегда положилъ, чтобъ по смерти каждаго настоятеля немедленно поставлялся другой. Кто посмѣлъ бы противиться волѣ и власти [настоятельской, того немедленно изгонять изъ обители, какъ недостойнаго члена. Затѣмъ блаженный положилъ попеченіе и главный надзоръ надъ обителью вручить самому государю. Блаженный велѣлъ подать себѣ чернила и бумагу и изложилъ все сказанное имъ наставленіе и правило письменно. Въ 998 г. по Р. Х. преставился св. Іоаннъ; блаженный Евфимій съ честію и славою похоронилъ его въ обители Иверской, и вскорѣ на могилѣ своего отца построилъ храмъ въ честь всѣхъ святыхъ преподобныхъ отцовъ. Отъ гроба святаго стали истекать благодатныя исцѣленія.

Возвратимся теперь къ дѣтству блаженнаго Евфимія. Когда былъ онъ еще довольно молодъ, святой Іоаннъ отвезъ его для книжнаго обученія изъ горы Олимпъ въ столицу, сперва отдалъ его для основательнаго изученія грузинскаго языка и литературы, а потомъ греческаго. Отрокъ Евфимій имѣлъ необыкновенныя способности и упорное прилежаніе. Окончивъ съ успѣхомъ свое ученіе, возвратился онъ къ своему отцу на Аѳонѣ. Тутъ онъ сильно заболѣлъ и былъ уже почти при смерти. Святой Іоаннъ оставилъ его въ келіи, отправился въ храмъ и палъ предъ Иверскою иконою Пресвятыя Богородицы, тепло со слезами молясь передъ Нею о выздоровленіи отрока; затѣмъ отправился къ іерею и просилъ его придти къ нему въ келію съ запасными дарами и причастить больного. Возвратясь въ келію, сына своего увидѣлъ сидящимъ въ постели и совершенно здоровымъ. Евфимій отвѣчалъ: „не знаю, отецъ, недавно предстала мнѣ какая-то окруженная славою Царица и сказала мнѣ по-грузински: „что это такое и что случилось съ тобою, Евфимій!“ я отвѣчалъ Ей: Царице моя, умираю! Тогда Она приблизилась ко мнѣ, взяла меня за руку и сказала: „нѣтъ болѣе съ тобой никакой болѣзни!“ Такъ чудесно выздоровѣлъ больной отрокъ. „Отъ того времени“, говорилъ преподобный Іоаннъ, „сынъ мой Евфимій получилъ необыкновенную благодать и даръ грузинскаго языка“. Въ одно время преподобный Іоаннъ сказалъ сыну своему: „сынъ мой, самъ знаешь, что въ нашей странѣ, т. е. въ Грузіи, святая церковь имѣетъ великую нужду въ церковнослужебныхъ книгахъ. Вижу, что Господь одарилъ тебя даромъ премудрости, и прошу тебя, начни подвизаться въ переводахъ св. книгъ съ греческаго на грузинскій“. Святой Евфимій принялся за порученный ему трудъ съ усердіемъ и охотою.

Святѣй съ благословенія отца своего началъ свой трудъ переводомъ Евангелія съ самаго древняго подлинника, и окончивъ его въ скоромъ времени, послалъ къ царю Давиду Куратпалату. Блаженный, получивъ добрый отзывъ о своемъ первомъ трудѣ со стороны своего государя, прчнялся за дѣло съ большимъ вниманіемъ и прилежаніемъ, не давая себѣ отдыха. Изъ числа нижепоименованныхъ книгъ Иоаннъ часть перевелъ, будучи еще на горѣ Олимпѣ, а часть—уже живя на Аевонѣ. Переведенныя имъ книги суть слѣдующія:

- 1) Евангеліе отъ Иоанна.
- 2) Всѣ поученія св. Василія Великаго.
- 3) Псалтырь, переведенный съ вѣрнаго греческаго подлинника.
- 4) Книга св. Иоанна Лѣствичника, такъ называемая Лѣствица.
- 5) Бесѣды святаго Макарія.
- 6) Поученія св. Максима Исповѣдника.
- 7) Творенія св. Исаака Сирина и поученія другихъ святыхъ отцовъ.
- 8) Книга св. Дороея.
- 9) Страданіе и чудеса св. великомученика Димитрія Солунскаго.
- 10) Житіе и страданіе св. мученика Стефана новаго.
- 11) Житіе и страданіе св. священномученика Климента, папы римскаго, и св. Климента Анкирскаго.
- 12) Житіе св. Григорія Богослова и всѣ поученія его.
- 13) Жизнь св. Василія Великаго Кесарійскаго.
- 14) Страданіе св. Акепсимы.
- 15) Жизнь св. мученика Баграта.
- 16) Страданіе святыхъ мучениковъ Мины, Ергогена и Евграфа.
- 17) Слово, произнесенное св. Григоріемъ Нисскимъ, надъ бра- томъ своимъ святымъ Василиемъ Великимъ, слово о дѣвствѣ и толкованіе его на молитву Господню. Его же о постѣ и о жизни св. пророка Моисея.
- 18) Апокалипсисъ св. Иоанна Богослова. Толкованіе на Апокалипсисъ Андрея Критскаго.
- 19) Сказаніе о двухъ естествахъ Сына Божія св. Иоанна Дамаскина.
- 20) О рождествѣ Пресвятыя Богородицы.
- 21) Житіе св. Аѳанасія Великаго Александрійскаго.
- 22) Страданіе святыхъ трехъ отроковъ: Алфія, Филадельфа и Кипріана.
- 23) Жизнь св. Онуфрія Великаго.
- 24) Житіе преподобной Маріи Египетской.

- 25) Ученіе о вѣрѣ святаго Зосимы.
- 26) Ученіе о вѣрѣ св. Ефрема Сирина.
- 27) Чинъ монашескаго постриженія.
- 28) О постриженіи въ схиму.
- 29) Полный номоканонъ VI вселенскаго собора св. Іоанна Постника ¹⁾. Полный уставъ и исторію Трульскаго или VI вселенскаго собора, бывшаго при императорѣ Константинѣ Погонатѣ въ 680 г., внуку императора Ираклія, съ приложеніемъ къ нимъ Прохироновъ царей Леона мудраго и Константина. Вопросы и отвѣты Тимофея архіепископа Константинопольскаго. Сказаніе о VII вселенскомъ соборѣ, равно какъ и царскихъ книгъ (Василиконъ) императора Василія македонянина, часть Номоканона Іоанна Схоластика и патріарха Константинопольскаго Фотія.
- 30) Постановленіе о православной вѣрѣ.
- 31) Поученія св. Мартирія.
- 32) Страданіе преподобно-мученицы Февроніи.
- 33) Книга подъ названіемъ „объ образѣ подвиговъ стоянія“, написанная блаженнымъ по просьбѣ какого-то брата.
- 34) Страданіе св. мученика Анфима Власа и 20 тысячъ.
- 35) Страданіе св. мученика Эласія и двухъ монаховъ.
- 36) Страданіе св. великомученика Θεодора Стратилата, страданіе св. Θεодора Пергильскаго и страданіе св. мученика Евстратія.
- 37) Страданіе св. великомученика Евстафія Плакиды и чадъ его.
- 38) Поученія св. Кассіана Римлянина.
- 39) Книга діалоговъ св. Григорія, папы римскаго.
- 40) Сказаніе о чудесахъ св. архангеловъ.
- 41) Житіе святителя Николая.
- 42) Книга св. Григорія Богослова.
- 43) Святаго Максима о восьми страстяхъ.
- 44) Сказаніе св. Василія Великаго о семи мщеніяхъ Каиновыхъ.
- 45) Полунощницы греческія.
- 46) Греческія молитвы отцовъ.
- 47) Каноны.
- 48) Житіе св. Антонія Великаго.
- 49) Переводъ псалмовъ Василія Великаго.
- 50) Посланія къ Галатамъ, Θεсалоникомъ и Римляномъ.

¹⁾ Одинъ экземпляръ (X—XI в.) на пергаментѣ автографъ самого св. Кифимія хранится въ Академіи Н. Онъ былъ найденъ въ Вологдѣ Строевыми въ 1829 г.

51) Краткій годичный Синаксарь.

52) Житіе и апостольскіе подвиги св. апостола Андреа Первозваннаго.

53) Ирмосы на весь великій постъ и на другіе великіе праздничные дни.

54) Житіе и апостольскіе подвиги св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова ¹⁾.

Всѣ эти поименованные переведены были имъ въ продолженіе всей его жизни, и много еще осталось недоконченныхъ имъ. Кромѣ того, онъ занимался исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ, употреблявшихся до него въ Грузіи, въ которыя вкрались непомѣрные ошибки; но окончательно выправилъ ихъ уже блаженный Георгій Святгорецъ, другое свѣтило Грузіи. Всѣ указанныя книги переведены были блаженнымъ еще при жизни отца его, святаго Іоанна, т. е. до 998 когда онъ самъ еще не былъ связанъ настоятельскойю должностію. Когда же, по смерти отца, принялъ настоятельство, то будучи въ этой должности двѣнадцать лѣтъ и имѣя попеченіе о трехъ стахъ братьяхъ и управленіе обширнымъ монастыремъ, онъ уже не имѣлъ ни времени, ни возможности продолжать письменные труды; кромѣ того приходилъ съ каждымъ годомъ въ изнеможеніе отъ излишнихъ иноческихъ подвиговъ, а потому оставилъ незаконченный свой трудъ на долю блаженному Георгію Святгорцу.

Царь Давидъ приглашалъ святаго къ себѣ въ Грузію. Любовь къ отечеству и ревность къ славі Божіей заставили великаго труженника оставить на время уединенное мѣстожителство. Въ Грузіи царь со всѣмъ соборомъ и народомъ привѣтствовалъ красу своей

¹⁾ Аеоиская грузинская библія, дошедшая до насъ, писана до 80-хъ гг. X ст., когда св. Евфимію было не было 15—20 лѣтъ. Поэтому, его нельзя считать переводчикомъ *полной* библіи. До него и послѣ него переводились книги Ветхаго и Новаго Зава. Этимъ объясняется существованіе различныхъ редакцій переводовъ груз. библіи. Библія дефектная съ толкованіями отцевъ перкви Теодорита, Евсевія, Оригена, Златоуста. Дидима и др., писанная мелкимъ „хупури“ inf., найдена въ церкви, пристроенной къ знаменитому храму Баграта въ Бутансѣ. Библія эта важна еще потому, что грузинскій переводъ Ветхаго Зава, предпринятый Георгіемъ Мтациндели не имѣется, и лишь копія X в. съ древняго перевода хранится на Аеоиѣ. (*Жорданія*, Хроники II, 37). До Георгія, какъ видно изъ приписокъ къ этому памятнику, библію перевелъ на грузинскій языкъ Бишелъ, извѣстный переводчикъ житій святыхъ. По мнѣнію г. Жорданія Бишелъ, переводилъ съ еврейскаго текста, а Георгій съ греческаго перевода LXX толковниковъ.

страны. Святый пробылъ въ Грузіи четыре года и во все это время училъ и исправлялъ нравы и обычаи народа, основалъ монастырь въ Кахетіи въ честь святаго первомученика Стефана и снова отправился на Аеонъ.

Евфимій служилъ образцомъ иноческой жизни: несмотря на всѣ его непомѣрные труды и не смотря на преклонность лѣтъ, раньше всѣхъ видимъ былъ на полунощной и заутренней службѣ; никогда блаженный не садился и не прислонялся къ стѣнѣ. Святый Евфимій имѣлъ обычай въ понедѣльникъ, среду и пятницу не выходить изъ своей кельи и не принимать пищи до захода солнца; пищею ему служили хлѣбъ и вода, и то въ самомъ маломъ размѣрѣ, а въ остальные дни ходилъ въ общую трапезу и садился вмѣстѣ съ братією. Блаженный, садясь за трапезу, приказывалъ виночерпію подавать себѣ вино для пробы. Тоже самое онъ дѣлалъ съ пищею.

Святый Евфимій положилъ за правило не бесѣдовать за трапезой; если кто-нибудь изъ братьевъ нарушалъ спокойствіе за трапезою, то трапезарь, по данному ему отъ настоятеля праву, налагалъ на него послушаніе. Если въ обитель присылалось какое нибудь посланіе или отъ государя, или отъ епископа, и, наконецъ, если дѣло касалось монастыря, дѣло это предлагалъ онъ общему совѣту монастырской братіи, а дѣла частныя, касающіяся хозяйства монастырскаго, отданы были въ полное личное распоряженіе эконома обители.

Многіе изъ богатыхъ мірянъ оставляли міръ и вступали въ обитель святаго, дѣлая при томъ богатые вклады въ обитель и просили себѣ постриженія. Приходили также въ обитель и люди незнатные. Святый принималъ ихъ и дѣлалъ это не безъ практической житейской мудрости. Многіе знатныя лица изъ Византіи и изъ другихъ мѣстъ, желавшія вступить въ обитель, вносили въ монастырскую жизнь разныя привычки свѣтской жизни, естественно, они не могли выносить строгаго порядка аскетической жизни, заведеннаго святымъ и, могли послужить только искушеніемъ и соблазномъ для меньшей братіи. А принимая незнатныхъ, онъ приучалъ всѣхъ къ жизни дѣлательной и послушной правиламъ монастырской жизни.

Вся братія обители, по указанію святаго, занята была то церковнымъ служеніемъ, то работою монастырскою; кто занимался рыболовствомъ, въ виноградникахъ, апельсинныхъ и лимонныхъ садахъ, кто внутри обители; рѣдко кто изъ братіи оставался празднымъ. А кто былъ непривыченъ къ этимъ тяжелымъ трудамъ, тотъ занимался грамотою, переписываніемъ книгъ, переводами, сочиненіями пѣсней духовныхъ, и тому подобнымъ,—всѣмъ имъ примѣромъ служилъ самъ

Евфимій, не давая себѣ отдыха ни въ чемъ и никогда. Братіи позволялось принимать у себя мірянъ и готовить для нихъ особый столъ.

Два раза тщетно пытались враги убить св. Евфимія. Спустя двѣнадцать лѣтъ, по преставленіи святаго Іоанна, вышеупомянутые отцы, Арсеній архіепископъ и Іоаннъ Грдзелидзе, уговорили блаженнаго оставить настоятельскую должность, ибо замѣчали они, что, находясь въ этой должности, онъ замедлялъ переводы книгъ; собравъ братію, Евфимій, предъ лицомъ всѣхъ передалъ свою настоятельскую должность, по завѣщанію отца своего Іоанна, Григорію святогорцу, родственнику своему, а самъ уединился въ келію и имѣлъ надзоръ и попеченіе за лаврою св. Аѳанасія, гдѣ стали часто смѣняться настоятели и происходили разнаго рода смуты. Евфимій, получивъ приглашеніе отъ государя явиться въ столицу, собралъ братію своей обители, утѣшилъ ихъ и заповѣдалъ твердо и неизмѣнно хранить обѣты свои и повиноваться настоятелю своему, блаженному Григорію. Государь принялъ Евфимія съ великимъ почетомъ и спросилъ его о причинахъ смутъ въ лаврѣ св. Аѳанасія. Государь принялъ надлежащія мѣры къ приведенію въ порядокъ дѣлъ лавры, и въ этомъ прошло довольно времени; Евфимій все это время оставался въ столицѣ. Наступилъ праздникъ святаго Іоанна Богослова, призвалъ онъ къ себѣ послушника своего и, отдавая ему икону, сказалъ: „отнеси эту икону къ живописцу (наименовавъ его) для поправки“; „нѣтъ, отдай икону назадъ и осѣдай мнѣ ослицу; я самъ поѣду къ нему“. На дорогѣ встрѣтилъ онъ нищаго, въ рубищахъ и лохмотьяхъ; увидѣвъ блаженнаго, онъ протянулъ руку за подаваніемъ. Блаженный остановился, чтобъ дать ему денегъ, а нищій всталъ съ мѣста и приблизился для полученія милостыни. Ослица, увидѣвъ нищаго, стала метаться съ мѣста на мѣсто, наконецъ, сбросила съ себя Евфимія, который упалъ на землю и смертельно разбился. Подняли его и отнесли почти полумертваго въ монастырь. Блаженный, чувствуя приближающуюся кончину, причастился и мирно передалъ свою душу въ руки Божіи отъ сотворенія міра въ 6536—отъ Рождества Христова 1028 г.

Мощи блаженнаго съ честію перенесли въ Иверскую обитель на святую гору съ псалмопѣніемъ, и съ великимъ торжествомъ предали землѣ въ первозданной церкви святаго Іоанна Крестителя. Богъ даровалъ святымъ его мощамъ силу благодатныхъ исцѣленій. Впослѣдствіи мощи святаго Евфимія блаженный Георгій перенесъ въ главную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы и положилъ въ великолѣпную мраморную гробницу, гдѣ почиваютъ онѣ понынѣ.

Спустя вѣскольکو времени происходилъ по церковнымъ дѣламъ соборъ, во Мцхетѣ, при царѣ иверскомъ и абхазскомъ Давидѣ III Строителѣ. Соборъ этотъ называетъ блаженнаго Евфимія святымъ, блаженнымъ и просвѣтителемъ нашей страны; подлинныя слова собора: „Просвѣтителемъ нашимъ, святымъ блаженнымъ отцамъ Евфимію и Георгію Святогорцамъ, вѣчная память“.

Свв. Іоаннъ и Евфимій извѣстны подъ именемъ перелагателей священнаго писавія на грузинскій языкъ. Достойнымъ преемникомъ ихъ на переводческомъ поприщѣ явился св. Георгій Мтацминдели.

Житіе Георгія Святогорца (Мтацминдели). (1014—1065 ¹).

Святый и преподобный Георгій, родомъ грузинъ, былъ племянникъ св. Іоанна и двоюродный братъ св. Евфимія; родители его происходили изъ Самцхійской области, а самъ онъ былъ уроженецъ Триалетской области. Отца его звали Іаковомъ, а мать Марією. 1014 г. Въ родился у нихъ священный и избранный Богомъ младенецъ. Во святомъ крещеніи родители, согласно приказанію въ сновидѣніи, наименовали его Георгіемъ, что значитъ воздѣлыватель земли.

Когда отроку было семь лѣтъ, родители исполнили данный Богу обѣтъ, отдали его въ Тадзрійскій дѣвичій монастырь, гдѣ была его сестра. Отрокъ Георгій былъ чрезвычайно красивъ лицомъ и прекраснаго тѣлосложенія. Жилъ онъ въ монастырѣ три года, и десяти лѣтъ отрокъ Георгій показывалъ необыкновенное остроуміе и во всѣхъ дѣлахъ благоразуміе, подобно старику, украшенному сѣдинами мудрости. Онъ былъ для всѣхъ предметомъ удивленія, какъ для близкихъ и родственниковъ, такъ и для знавшихъ его. Рука Божія хранила блаженнаго еще съ отроческихъ лѣтъ. Обыкновенно дѣти имѣютъ привычку выходить гулять на лугахъ, и поиграть на зеленой травѣ. Разъ отрокъ вышелъ гулять на поляну, близъ которой протекаетъ рѣка Кція. Но продолжимъ рассказъ словами самого блаженнаго. Онъ говоритъ: „былъ я во время прогулки на берегу близъ текущей рѣки, именуемой Кція; по ту сторону увидѣлъ я отрока, одѣтаго въ платье пламеннаго цвѣта, который сталъ звать меня къ себѣ, говоря: приходи

¹) Жизнь и апостольскіе труды великаго Георгія составлены неотступнымъ его ученикомъ блаженной памяти Григоріемъ на грузинскомъ языкѣ; подлинникъ его рукописи хранится въ библиотекѣ Иверской обители на Афонѣ, онъ переведенъ на греческій языкъ и заключается въ 'Ακολουθία των ἀγιωραίων κατέρων. См. *Сабининъ*. Житія груз. святыхъ и Рай груз. церкви.

ко мнѣ, будемъ пѣть здѣсь съ тобою и играть! Когда я направился туда, вдругъ прекрасный отрокъ, одѣтый въ свѣтлое платье, взялъ меня за руку и сказалъ мнѣ: будь со мною, ибо я лучше его и болѣе тебѣ другъ, чѣмъ онъ, и не далъ мнѣ идти къ нему; такимъ образомъ, онъ спасъ меня отъ гибели. Потомъ уже зная я, что отрокъ этотъ, одѣтый въ платье пламеннаго цвѣта и звавшій меня къ себѣ, былъ врагъ душъ нашихъ, діаволь, который хотѣлъ погубить меня въ водахъ рѣки; отрокъ же, взявшій меня за руку и спасшій отъ потопленія, былъ ангелъ хранитель, приставленный Богомъ ко мнѣ, со дня святаго крещенія“. Блаженный отрокъ и въ другой разъ избавленъ былъ чудеснымъ образомъ отъ гибели. Когда отрокъ находился еще въ вышеупомянутой женской обители, вдругъ страшный пожаръ охватилъ всю обитель, а блаженный спалъ крѣпко въ своей кельѣ. Предсталъ ему опять свѣтлый отрокъ, который разбудилъ его, взялъ за руку и вывелъ изъ огня невредимо. Недалеко отъ обители находилась маленькая часовня (придѣлъ), на разстояніи 115 шаговъ; ангелъ Божій привелъ его сюда и поставилъ тутъ, сдѣлавшись невидимымъ.

Блаженный имѣлъ двухъ дядей по отцу, старшаго Георгія, прозваннаго писателемъ, потому что былъ нѣкогда начальникомъ надъ писцами при царскомъ дворѣ; а младшаго звали Саввою. Оба они жили въ Хахульскомъ мужскомъ монастырѣ.

Эти монахи, услышавши о добрыхъ свойствахъ племянника, написали изъ обители Хахульской своему брату, Іоакиму, чтобъ онъ немедленно прислалъ или привезъ къ нимъ въ обитель сына своего Георгія. Настоятель, увидѣвъ отрока, обрадовался духомъ и благословилъ его, наименовавъ его своимъ духовнымъ сыномъ. Преподобные отцы, дяди отрока, предположили дать племяннику должное христіански - нравственное направленіе, отдали его одному великому и строгому подвижнику, Иларіону Тулаеву или Туалели¹⁾. Георгій, возрастая тѣлесно, преуспѣвалъ и въ изученіи священнаго писанія; церковнаго пѣнія, греческаго языка, философіи, риторикѣ и всего правила церковнаго, и превосходилъ своихъ сверстниковъ во всемъ; отличаясь отъ нихъ необыкновенною памятью и разсудительностью, не оставилъ блаженный юноша ни одной почти

¹⁾ Преподобный Иларіонъ, по фамиліи Тулаевъ, наставникъ преподобнаго Георгія, до принятія имъ монашества именовался Іоанномъ; онъ сопутствовалъ святому Георгію изъ Аѳона въ Грузію, гдѣ и скончался въ 1041 году; онъ же и облекъ святаго Георгія въ иноческій образъ въ 1039 г.

книги, находившейся въ то время въ церкви, чтобъ не изучить ее подробно и не пройти ее съ должнымъ усердіемъ. Преимущественно же вниманіе свое обращалъ на изученіе Ветхаго и Новаго Завета.

Въ то время Ферозъ, сынъ Джоджика, мужъ царевны, сестры Василя Багратида, съ своею супругою, предположили найти себѣ добродѣтельнаго человѣка, который бы могъ быть руководителемъ ихъ въ духовной жизни; оба согласились взять Георгія писателя, дядю блаженнаго юноши. Старецъ, отправившись изъ лавры Хахульской въ домъ Фероза, взялъ съ собою и племянника своего, Георгія,

Благочестивые супруги, увидѣвши благонравіе юноши Георгія, были рады, и жена Фероза даже усновила его. Спустя нѣкоторое время, Ферозъ былъ обезглавленъ, по клеветѣ будто онъ измѣнилъ своему государю; а жену его отправили въ Константинополь. Въ столицѣ греческаго царства нареченная мать дивнаго юноши отдала его для ученія философіи и риторики не свѣтскимъ ученымъ, а монахамъ, основательно знающимъ эти науки и украшеннымъ добродѣтельною жизнью. Итакъ, въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, юноша Георгій со всею тщательностію изучалъ всѣ науки, заслуживъ даже удивленіе своихъ учителей.

По прошествіи двѣнадцати лѣтъ, по официальному приказанію царскому, жена Фероза, вдова, возвратилась назадъ въ Грузію. Юноша Георгій отправился въ Хахули къ своему дядѣ Саввѣ. Вскорѣ послѣ это монаху Георгію захотѣлось поклониться священнымъ мѣстамъ Палестины.

Старецъ Макарій и вся братія лавры, узнавъ о рѣшимости и поступкѣ блаженнаго Георгія, сильно огорчились. Нашедши себѣ попутчикомъ одного мужа, одержимаго нечистымъ духомъ, отправился съ нимъ въ путь тайно и, такимъ образомъ, спасся отъ искателей своихъ. Во время пути, говоритъ самъ святой, по дорогѣ встрѣтился лѣсъ, въ которомъ застигла ихъ ночь, и была страшная гроза съ сильнымъ вѣтромъ. При этомъ слышны были страшные вопли и крикъ; семь разъ духъ повергалъ попутчика Георгія на землю съ крикомъ и плачемъ; святой сталъ на молитву, прося Господа объ исцѣленіи бѣсноватаго. По молитвѣ блаженнаго, Господь даровалъ больному здравіе. Блаженный разъ только въ день принималъ пищу, не смотря на трудности путешествія. Наконецъ, достигъ онъ, въ предѣлахъ Малой Арменіи, Черной горы, гдѣ нѣкогда спасался великій пустыножитель, Никонъ, съ двумя стами своихъ учениковъ. На этой горѣ была обитель, гдѣ жили грузинскіе и греческіе монахи. Отсюда отправился онъ на Дивную гору, въ монастырь свя-

таго и блаженнаго Симеона Дивногорца. Затѣмъ сталъ искать себѣ наставника, которому могъ бы открыть свое намѣреніе и душевныя тайны. Наконецъ, обрѣлъ себѣ наставника, нѣкотораго строгаго подвижника, живущаго въ расщелинѣ одной скалы. Этотъ мужъ былъ Георгій ¹⁾, родомъ грузинъ. Къ сему-то великому мужу и пришелъ Георгій, открылъ ему свои душевныя стремленія и сдѣлался его ученикомъ и послѣдователемъ его подвиговъ. Строгій подвижникъ поселилъ пришедшаго къ нему блаженнаго Георгія въ монастырѣ святаго Романа. Тамъ достигъ онъ тридцатилѣтняго возраста. Старець - подвижникъ, зная, что его ученикъ достигъ полнаго возраста тѣлеснаго и стяжалъ мудрость духовную, облекъ его въ великую схиму. Затѣмъ старецъ отправилъ его въ желаемый имъ путь въ Іерусалимъ. Проживъ нѣсколько времени въ святомъ городѣ, блаженный возвратился опять къ своему наставнику, старцу Георгію. Старець съ большимъ трудомъ убѣдилъ, наконецъ, блаженнаго Георгія отправиться на Аѳонскую гору и докончить трудъ святаго Евфимія. Братья обители съ великимъ радушіемъ приняли блаженнаго Георгія и упокоили его послѣ долгаго его странствованія. Въ скоромъ времени назначенъ былъ онъ при соборномъ храмѣ старшимъ іеромонахомъ и начальникомъ надъ пѣвчими. Наконецъ, почувствовалъ свой даръ и изъ послушанія своему старцу началъ приводить къ концу переводъ церковныхъ книгъ, недоконченныхъ святымъ Евфиміемъ. Началъ онъ свой трудъ переводомъ „синаксаря“. Хотя синаксарь и былъ переведенъ святымъ Евфиміемъ, но онъ былъ очень сокращенъ потому, что у святаго Евфимія не было досуга для пространнаго перевода, такъ какъ употреблялъ онъ много времени на переводы другихъ книгъ. За переводомъ синаксаря, блаженный перевелъ полное евангеліе, за тѣмъ пророчества, читаемая въ годичные праздники; послѣ этого, перевелъ большой требникъ за тѣмъ книгу Бытія, пополнилъ и окончательно перевелъ mineю сентябрьскую, недоконченную святымъ Евфиміемъ, за тѣмъ перевелъ всѣ посланія св. апостола Павла и всѣ соборныя посланія другихъ апостоловъ, и всѣ эти книги блаженный перевелъ, будучи протоіеромонахомъ обители Иверской.

¹⁾ Онъ скончался въ глубокой старости на мѣстѣ своихъ подвиговъ въ 1068 г.; объ немъ говоритъ католикосъ Антоній I. Вотъ послѣдніе его два стиха „не желалъ онъ ни чести, ни славы, развѣ единаго Христа, истинное желаніе твари“, Смотри книгу католика Антонія I, Слово въ честь знаменитыхъ мужей Грузин, 2 послѣднихъ стиха 722 куплета.

Братья обители, видя святую и непорочную его жизнь, возвели его въ санъ игумена. Честь настоятельская дана была ему противъ его воли и не безъ препятствія со стороны существовавшей тогда въ обители партіи, которая избрала на это же мѣсто другого. Долго противился преподобный и требовалъ, чтобъ избраніе одного изъ двухъ совершилось по жребію. По обычаю, существовавшему въ обители, бросался жребій такимъ образомъ: имена избранныхъ написывались на кускахъ бумаги и владлись подъ престоломъ соборнаго храма и по принесеніи безкровной жертвы, вынимали писанную бумагу и кому выпадалъ жребій, тому и доставалась должность настоятельская. И въ настоящемъ случаѣ поступили такъ, но жребій три раза выпадалъ на долю блаженнаго, и всѣ единогласно признали, что Георгій неставляется и возводится въ этотъ санъ по промыслу Божию.

Съ этого времени онъ еще усилилъ подвиги и труды свои, и совершенно отказался отъ вина и сочной пищи, подъ верхнимъ плащемъ носилъ вретиче и служилъ примѣромъ для всѣхъ братьевъ обители. Онъ живо напомнилъ собою братіи святаго Евфимія основателя (ктитора) обители Иверской, исправилъ весь порядокъ и чинъ монастырскій, а особенное вниманіе обратилъ на церковно-служебный порядокъ.

Первымъ дѣломъ его, какъ только прибылъ онъ на Святую гору, было тщательно и подробно изслѣдовать отъ братіи обители жизнь святаго мужа, Евфимія, и его отца Іоанна, и другихъ святыхъ отцовъ Иверской страны, подвизавшихся въ этой обители съ нимъ вмѣстѣ. Загѣмъ подробно узналъ о началѣ построенія святой Иверской обители, объ обычаяхъ ея и правилахъ, установленныхъ св. Евфиміемъ. Узнавши все въ точности, что только можно было узнать отъ очевидцевъ и по оставшимся отъ св. Евфимія разнымъ рукописямъ, Георгій описалъ его житіе, которое и оставилъ для памяти будущимъ поколѣніямъ. Этимъ трудомъ занимался онъ, будучи въ санѣ протоіеромонаха; получивши же настоятельскую должность, онъ воздвигъ отъ основанія нынѣшній соборный храмъ въ честь Успенія Пресвятыя Богородицы (*καθολικόν*— катедральное). Объ этомъ свидѣтельствуетъ и надпись на мѣдномъ кругу, лежащемъ на полу въ среднѣ собора, подъ хоросомъ, гдѣ святой пишетъ такъ: „я утвердилъ столпы эти и въ вѣкъ не подвижутся. — Георгій, монахъ, иверъ и ктиторъ“. Окончивъ строеніе собора, блаженный устроилъ въ соборѣ приличную раку св. Евфимію и съ великою честью перенесъ св. останки его изъ Крестительской церкви въ соборный храмъ, гдѣ по-

чиваютъ онѣ и до сего дня. Не хотѣлъ онъ оставить безъ вниманія святыхъ мощей преподобнаго отца Іоанна съ его сотрудниками въ переложеніи священнаго писанія на грузинскій языкъ: Арсенія, епископа Нивоцминдскаго и монаха Іоанна Грдзелидзе, которые почили въ монастырѣ. Георгій сперва вынесъ изъ Крестительской церкви святыхъ мощи преподобнаго Іоанна въ соборный храмъ и положилъ вмѣстѣ съ его сыномъ, святымъ Евѣміемъ. Послѣ долгихъ розысковъ мощей святыхъ отцовъ, наконецъ, нашелъ ихъ въ корняхъ финиковыхъ деревьевъ, перенесъ въ соборный храмъ и положилъ ниже мощей святыхъ Іоанна и Евѣмія, т. е. въ притворѣ южной части соборной церкви.

Такъ какъ соборный храмъ не былъ покрытъ свинцомъ и потому дождь просачивался внутрь и портилъ драгоценныя фрески, то блаженный просилъ содѣйствія въ покрытію храма у императора Константина Мономаха, и для этой цѣли отправился въ 1050 г. въ Константинополь. Блаженный, получивши просимое, возвратился въ свою обитель и немедленно покрылъ свинцомъ соборъ. Когда благочестивѣйшій Багратъ IV, царь всей Грузіи, и мать его, царица Марія, посѣтили Константинополь, св. Георгій отправился въ столицу, чтобъ представиться своему царю. Царь и мать его царица со всѣми вельможами, увидѣвъ его, были въ великой радости. Марія, мать царя, сдѣлалась его ученицею и приняла отъ его рукъ иноческое постриженіе. Она выпросила отъ Мономаха для годоваго содержанія монастыря литру золота (по нашему литра 9 фунт.) и дала ему литру золота ¹⁾ въ вѣчное поминовеніе своей души. Царь Багратъ, предложилъ ему первую епархію въ Мивгреліи, Чкондійскую, и старался всѣми силами взять старца съ собою въ Грузію, но Георгій отклонилъ отъ себя эту честь, возвратился на Святую гору, въ свою обитель; приведши въ порядокъ всѣ монастырскія дѣла и устроивъ все по чину, блаженный оставилъ настоятельство. Изъ обители прибылъ онъ къ своему прежнему наставнику, преподобному старцу Георгію, на Черную гору. Старецъ убѣдилъ его возвратиться назадъ на Святую гору. Братья обители, при видѣ своего отца и бывшаго настоятеля, съ великимъ радушіемъ приняли его и вручили ему снова обитель. Спустя нѣсколько времени послѣ возвращенія изъ Черной горы, оставилъ онъ снова обитель и настоятельскую должность, желая безпрепятственно заниматься переводами священныхъ книгъ. Для этого отправился онъ въ столицу и просилъ у импера-

¹⁾ Вѣроятно, ежегодно.

тора, чтобы онъ освободилъ его отъ настоятельской должности; уступая просьбамъ Георгія и ходатайству царицы Маріи, матери царя Баграта, проживавшей въ столицѣ, наконецъ, царь далъ ему отпустительную грамоту (увольненіе). Заручившись царскою грамотою, блаженный отправился опять на Черную гору къ своему старцу.

Послѣ сего царица Марія отправилась въ Антиохію, желая оттуда отправиться на поклоненіе гробу Христову въ Іерусалимѣ. Желая исполнить свой обѣтъ, она просила блаженного Георгія отправиться въ Палестину съ подарками и пожертвованіями отъ нея для храма Воскресенія Христова. Въ то время преподобный Прохоръ строилъ въ святомъ градѣ грузинскую обитель въ честь животворящаго креста Господня; блаженный Георгій помогъ преподобному во многомъ и посѣществовалъ къ скорому построенію обители.

Преподобный Георгій, воротившись изъ Палестины, началъ продолжать переводы святыхъ книгъ. На основаніи самаго вѣрнаго текста онъ исправилъ грузинскій переводъ Новаго Завѣта. Многія книги, оставленныя святымъ Евфиміемъ недоконченными и переведенныя имъ довольно сокращенно, святой расширилъ и дополнилъ, свѣривъ ихъ напередъ съ лучшими греческими подлинниками. Переведенныя имъ книги суть слѣдующія:

- 1) Полный синаксарь.
- 2) Дѣянія Апостольскія, всѣ посланія святаго Апостола Павла и соборныя посланія всѣхъ прочихъ апостоловъ.
- 3) Апостолъ на годовые праздники.
- 4) Двѣнадцать мишей.
- 5) Стихиры, тропари и кондаки на всѣ большіе Господскіе и Богородичныя праздники, а также и на праздники нѣкоторыхъ великихъ святыхъ.
- 6) Стихиры и ирмосы, и много другихъ церковныхъ полезныхъ пѣснопѣній, и всѣ стихиры постныя.
- 7) Книга „шестодневъ“ Василя Великаго.
- 8) Посланія священномученика Игнатія Богоносца.
- 9) Псалтырь¹⁾.
- 10) Полный часословъ²⁾.

¹⁾ Псалтырь не имѣется въ грузинской афонской библии. Псалтырь въ переводѣ св. Георгія Мтацминдели хранится въ Квабтаховскомъ монастырѣ. *Прот. П. Концисевъ*. „Груз. библия“, въ журн. „Моамбе“ 1896, кн. II.

²⁾ Манускриптъ этотъ и автографъ святаго принадлежалъ царевичу Баграту, скончавшемуся въ 1841 г., въ С.-Петербургѣ.

11) Большой (полный) октоихъ.

13) Полная двѣтная трюдь.

14) Книга Феодора студійскаго, поученія, читаемая въ великій постъ.

15) Пятокижіе Моисеево, съ толкованіемъ св. Іоанна златоустаго.

16) Книга дѣяній VI вселенскаго собора.

17) Соборныя посланія св. Кирилла, патріарха Александрійскаго, и другихъ святыхъ, писанныя противъ несторіанъ.

18) Книга св. Григорія Нисскаго 1-го и много др.

Въ Сіонской обители, на Дивной горѣ, между братьями греческими много было и грузинъ; греческіе монахи старались выжить грузинъ изъ этой обители. Они искали благовиднаго предлога въ тому и наконецъ заподозрили грузинскую братію въ неправославіи. Грузинскій отшельникъ служилъ святую литургію въ короткой мантии, надѣвъ сверхъ нея священническія одежды, и въ лаптахъ. Они нашли въ этомъ что-то еретическое и неправославное. Патріархъ Θεодосій удивился и просилъ приелать знающаго говорить по-гречески священное писаніе. Противъ воли монахи указали на грамматика и переводчика греческихъ книгъ на грузинскій языкъ, по имени Георгій. Патріархъ привѣтствовалъ его и началъ бесѣдовать съ нимъ, предлагая разные вопросы изъ священныхъ книгъ. На всѣ вопросы блаженный давалъ удовлетворительные и мудрые отвѣты.

Блаженный тремя перстами, сложивъ большой, указательный и средній вмѣстѣ, изобразилъ на себѣ знаменіе святаго креста и въ слухъ прочиталъ Нивео - Константинопольскій символъ православной вѣры, изложилъ предъ всѣми слушающими основы православнаго исповѣданія грузинъ и удивилъ всѣхъ окружающихъ этимъ неожиданнымъ исходомъ дѣла. Духъ Святый двигалъ его устами. Тогда патріархъ сказалъ: „Благословенъ Богъ во всемія! Кто это нашелъ недостатки у грузинъ въ исповѣданіи православной вѣры? Блаженный сталъ просить патріарха о прощеніи доносчикамъ, и патріархъ, взявши его просьбамъ, снялъ съ нихъ церковную эпитемію.

За тѣмъ на грузинъ донесли еще другую клевету; многіе храмы грузинъ и священно-учители ихъ не подлежатъ власти ни одного изъ патріарховъ, сами они поставляютъ себѣ католикоса (патріарха) и епископовъ. Ни одинъ изъ двѣнадцати Апостоловъ не былъ у нихъ и не основалъ у нихъ церкви; на этомъ основаніи должно ихъ подчинить Антиохійскому престолу, какъ это было и прежде.

Блаженный кротко отвѣтилъ патриарху: „велите подать сперва книгу о путешествіи и дѣятельности святаго Апостола Андрея, отсюда я дамъ вамъ удовлетворительный отвѣтъ объ основаніи нашей церкви Апостоломъ; блаженный, прочитавъ начало, сказалъ: „знай что мы просвѣщены первозваннымъ Андреемъ, братомъ Апостола Петра. Церковь наша была и есть вѣрна апостольскимъ преданіямъ и законамъ. Теперь на какомъ основаніи слѣдуетъ нашей церкви подчиняться вашему престолу?“

Послѣ сего публичнаго вѣроисповѣданія и защиты своей церкви, блаженный приобрѣлъ любовь какъ патриарха, такъ и всѣхъ гражданъ антиохійскихъ. Царь Багратъ узналъ, что блаженнымъ оконченъ переводъ почти всего канона церковныхъ книгъ. Всѣ храмы и монастыри Грузіи вскорѣ украсились и обогатились его переводами.

Царь Багратъ съ наслѣдникомъ своимъ Георгіемъ, вдовствующая царица Марія, и католики со всѣми епископами положили единодушно вызвать блаженнаго изъ Антиохійской области въ Грузію, чтобъ принять отъ него назиданіе и благословеніе.

Получивши письмо, св. Георгій смутился духомъ. Блаженный старецъ отписалъ царю, что не желаетъ оставить своего уединенія. Но былъ у него обычай предъ началомъ какого-нибудь предпріятія бросать жребій. Первою вышла у него бумага написанная: „отправиться“. Заключивъ изъ этого, что на то есть воля Божія, старецъ написалъ второе письмо царю Баграту IV, что хочетъ пріѣхать. Блаженный скоро собрался въ путь съ нѣкоторыми близкими себѣ учениками. Царь немедленно послалъ къ нимъ своего секретаря съ приказаніемъ принять св. Георгія съ почетомъ и привести его во дворецъ, въ г. Кутаисъ. Въ то время царь велъ войну съ мятежными князьями Абашидзе. Царь, подавивъ мятежъ, плѣнилъ пятерыхъ братьевъ Абашидзе, а по смиреніи крамольниковъ, отправился онъ въ теплую Абхазію. Съ собою взялъ онъ и блаженнаго Георгія. На пути заѣхали въ Чшондійскую обитель. По прошествіи зимы, царь, возвращаясь въ Карталинію, заѣхалъ въ обитель, гдѣ находился тогда блаженный, и далъ ему въ управленіе и жительство славную обитель, бывшую тогда лаврою, Недзви¹⁾ въ Карталиніи, и потомъ перевелъ его оттуда и далъ ему славную и богатую обитель „Шадберди“ въ Кларджети, построенную

¹⁾ Славная лавра Недзви находилась въ средней Карталиніи при рѣчкѣ того же имени, впадающая въ р. Куру, съ лѣвой ея стороны; нынѣ совершенно разрушена; остались одні развалины.

близъ своей резиденціи. Царь желалъ, чтобъ блаженный находился при немъ возможно чаще.

Ко времени св. Георгія и царя Баграта относится весьма важное церковное постановленіе.

Царь съ своимъ семействомъ сдѣлалъ блаженнаго своимъ духовникомъ и, между прочимъ, узаконено было: 1) на епископскія кафедры возводить людей, пожившихъ въ монашествѣ, знающихъ св. писаніе, и церковныя законоположенія, а не рукополагать прямо изъ мірянъ, какъ это случалось часто до него. Если же было желаніе сдѣлать епископомъ кого-либо изъ мірянъ, то только извѣстныхъ всѣмъ по твердости въ вѣрѣ и великимъ своимъ добродѣтелямъ. 2) Положено было епископамъ не возлагать рукъ на лицъ, не испытанныхъ хорошо въ духовной жизни, чтобъ лица, поставляемыя ими на церковныя должности, хорошо были знакомы съ ученіемъ вѣры и обязанностями своего званія. 3) Епископы должны были заповѣдывать іереямъ своихъ епархій, чтобы они не допускали до святыхъ таинъ лицъ недостойныхъ и сами блюли за жизнью іереямъ въ духѣ кротости и съ желаніемъ спасенія душъ ихъ. 4) Іереямъ и діаконамъ подтверждено было хранить любовь и поминовленіе къ епископамъ, съ благоговѣніемъ совершать богослуженіе и вести добрую жизнь; назидательную для прихожанъ. Не оставилъ блаженный безъ вниманія монаховъ, судей и народъ; по соотвѣтственно пуждамъ каждаго званія училъ ихъ и наставлялъ, и своими усиліями поднималъ народное образованіе и нравственность довольно высоко. Съ согласія царя и католикоса, онъ учредилъ училище и набралъ восемьдесятъ мальчиковъ для приготовленія изъ нихъ будущихъ пастырей и учителей церкви отечественной. Блаженный избралъ нѣкоторыхъ опытныхъ и знающихъ священное писаніе мужей и сдѣлалъ ихъ своими сотрудниками; предметами изученія въ школахъ были священное писаніе, церковное чтеніе, пѣніе и нѣкоторые другіе предметы.

Святый, много потрудившись для Грузіи, пожелалъ окончить дни свои на св. горѣ Аѳонской. Государь напрасно просилъ его оставить свое намѣреніе. Блаженный съ своими учениками сѣлъ на корабль и послѣ многотруднаго плаванія, наконецъ, всѣ благополучно достигли Константинополя. На другой день по прибытіи призванъ былъ онъ въ царскія палаты императоромъ.

Между вельможами, окружавшими императора на приѣмѣ блаженнаго, находилось много знатныхъ латинянъ и армянъ. Царь спросилъ преподобнаго, какая разнища существуетъ между грузинскою церковью и армянскою, и нѣтъ ли какихъ отступленій въ иверской

церкви отъ правилъ и постановленій церкви греческой. Блаженный, отъ лица всей церкви грузинской, произнесъ во первыхъ, Никео-Константинопольскій символъ вѣры, затѣмъ изложилъ въ порядкѣ православное вѣроученіе, котораго „держится нашъ народъ“, говорилъ святой, „отъ временъ Апостольскихъ и святыхъ равноапостольныхъ Нины до нашихъ дней“.

Въ день Рождества Іоанна Крестителя блаженный съ своими приближенными отправился въ Студійскую обитель. Поклонившись мощамъ, онъ причастился тамъ со всѣми своими учениками святыхъ таинъ. Возвратившись домой, блаженный почувствовалъ маленькій жаръ. Онъ получилъ приказаніе, что государь желаетъ видѣть его учениковъ за городомъ въ долину, такъ называемой Филопатросъ. Святой, по слабости силъ, отправился на ослицѣ. Императоръ приказалъ дѣтямъ пропѣть по-гречески наизусть часы. Послѣ всего царь благодарилъ блаженнаго и похвалилъ за распространеніе между своими соотечественниками греческаго языка и образованія, приказавъ выдать 1000 златицъ сиротамъ.

29 іюня преставился св. Георгій, приготовленъ былъ гробъ изъ негниющихъ досокъ, въ которомъ положили честное тѣло святаго и перенесли на корабль. Вся братія и всѣ сироты и ученики сѣли на тотъ же корабль и отправились на Аеонъ.

Св. Георгій извѣстенъ какъ поэтъ и представитель спиритуалистическаго направленія. По мнѣнію проф. Калиновскаго, ему принадлежитъ существующее и въ русской обработкѣ И. И. Козлова стихотвореніе „Вечерній звонъ, вечерній звонъ!“ Последняя строфа этого лирическаго творенія заключаетъ элегическое изліяніе грустныхъ чувствъ: „Лежать и мнѣ въ землѣ сырой!“

Напѣвъ унылый надо мной
 Въ долину вѣтеръ разнесетъ;
 Другой пѣвецъ по ней пройдетъ
 И ужъ не я, а будетъ онъ
 Въ раздумьѣ пѣть вечерній звонъ!

На грузинскомъ языкѣ сохранился акростихъ Георгія Мтацмандели въ припискѣ къ Гелатскому Евангелію. Въ этомъ акростихѣ св. мужъ выясняетъ значеніе живоноснаго священнаго писанія и проситъ помилованія у чтецовъ. Быть можетъ ему, а не св. Евфимію грузинскому, какъ думаетъ епископъ Порфирій, принадлежитъ греческое стихотвореніе, найденное покойнымъ эллинистомъ въ рукописи

Исаака Месопотамскаго ¹⁾). Важно отмѣтить, что оба переводчика—Евфимій и Георгій—священныхъ книгъ прекрасно знали греческій языкъ.

Св. Евфимію приписывается также переводъ повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ съ грузинскаго языка на греческій.

Мудрость Балавара. (Варлаамъ и Иосафѣ).

Много сказокъ, повѣстей и преданій перешло въ Европу съ востока путемъ византійскихъ переводовъ и передѣлокъ и потомъ обработывалось въ европейской литературѣ болѣе или менѣе самобытно; многое шло прямо изъ византійскаго источника или устнымъ преданіемъ, или черезъ литературныя сношенія. Такимъ образомъ распространилась, между прочимъ, и знаменитая исторія Варлаама и Иосафата; на западѣ основаніемъ ея извѣстности былъ латинскій переводъ съ греческаго.

Исторія Варлаама и Иосафата, или Иосафа, по грузинской версіи „Мудрость Балавара“—духовный романъ, чрезвычайно любимый въ средніе вѣка. Сюжетъ состоитъ въ разсказѣ о томъ, какъ мудрый пустынный Варлаамъ обратилъ въ христіанство индійскаго царевича Иосафа, несмотря на всѣ гоненія жестокаго отца его Авенира.

Варлаамъ явился къ царевичу подъ видомъ купца, продающаго драгоценный камень, и объяснилъ Иосафу, что камень этотъ и изображаетъ царство небесное, котораго всего легче достигнуть уединеніемъ и молитвою; въ такомъ видѣ представляетъ Варлаама старинная гравюра XVII столѣтія, сдѣланная Симономъ Ушаковымъ и приложенная къ московскому изданію этой исторіи. Авторомъ этого произведенія нѣкоторые старыя рукописи и инкунабулы называютъ Іоанна Дамаскина, другіе просто Іоанна. Первымъ основаніемъ западныхъ редакцій Варлаама и Иосафата былъ греческій текстъ, переданный въ латинскомъ переводѣ Георгія Трапезунтскаго (Georgius Trapezuntius); легенда принесена была въ 1220—39 г. изъ Константинополя въ Германію аббатомъ Гвидо и разошлась очень быстро. Исторія получила сперва нѣсколько нѣмецкихъ и французскихъ обработокъ въ стихахъ и въ прозѣ; по сѣверно-французской передѣлкѣ сдѣланъ былъ въ началѣ XIV вѣка переводъ итальянскій; изъ нѣмецкой литературы произошла шведская народная книга *Varlaam och Iosaphat* и исландская *Varlaams—saga*; по латинскому подлиннику составила испанская редакція. Въ чешской литературѣ пере-

¹⁾ *Епископъ Порфирій*. Первоз путешествіе въ Синайскій мон. въ 1845 г. Стр. 212—213. Ср. *Садзгаловъ-Иверіели*. Газ. Иверія. 1895 г. № 105.

водъ Варлаама и Иосафата появился еще въ концѣ XII столѣтія Польскій переводъ Кулиговскаго сдѣланъ по латинскому Як. Биля и напечатанъ въ Краковѣ въ 1688 г.

Печатныя изданія Варлаама очень давни: editio princeps одного латинскаго перевода — Incipit liber gestoru Varlaam et Josaphat-servuru dei greco sermone editus a Iohane damasceno viro sancto et erudito — относятся къ 1470—80 годамъ. Наконецъ, исторія Варлаама извѣстна и въ нѣкоторыхъ восточныхъ литературахъ: еврейская передѣлка ея подъ названіемъ „Царевичъ и дервишъ“, составленная по арабской редакціи, есть одна изъ любимыхъ книгъ новой еврейской литературы; объ армянской передѣлкѣ — roman d'Novasaph et Varlaam — упоминаетъ ак. Броссе въ своемъ отчетѣ объ археологическомъ путешествіи въ Грузіи. (Rapports sur un voyage etc. St.-Pet. 1849. I. livr. p. 59 ¹). Грузинская версія найдена мною въ 1888 г.

Греческій текстъ изданъ Буассонадомъ въ его *Ανέκδοτα, Anecd. graeca*. Paris. 1839, T. IV ²). Славянскій переводъ Варлаама ³) давно уже примкнулъ къ этой литературной исторіи; древнѣйшіе списки его восходятъ къ XIV—XV столѣтію. Миклошичъ упоминаетъ сербскую рукопись Варлаама, принадлежащую къ XVI вѣку ⁴). (Vergleich Grem. d. Slav. Spz I, XIV). Объ успѣхѣ въ Россіи Варлаама, кромѣ значительнаго числа списковъ его, извѣстныхъ теперь, можно судить и по тому, что въ XVII-мъ столѣтіи вышло два изданія этой книги, одно для бѣлорусскихъ читателей, другое въ Москвѣ.

Исторія Варлаама и Иосафа особенно интересовала читателей апологами и притчами, вложенными въ уста отшельника Варлаама, который пользовался ими для убѣжденія царевича. Большая часть ихъ, по самому характеру вымысла, принадлежитъ очевидно восточной фантазій, — за каждымъ рассказомъ слѣдуетъ христіанское поученіе, догматическое или нравственное. Мудрыя притчи Варлаама были очень извѣстны въ средне-вѣковыхъ литературахъ Европы; передѣлки и подражанія имъ нерѣдки въ западныхъ сборникахъ повѣстей, новеллъ и сказокъ. Таковы напр.: „притчи о инъ розѣ“. Одинъ путникъ,

¹) См. еще *Mélanges asiatiques* t. VIII. Объ арабской версії, см. *Fr. Hommel*. Die älteste arabische Barlaam-Version. Wien. 1887.

²) Сказаніе о жизни свв. Варлаама и І., припис. Іоанну Дамаскину изд. на греч. яз. (?) по пергамент. рукописямъ. Одесса. 1894. Заключаетъ лишь рус. переводъ.

³) См. недавно появившуюся работу: *Іванъ Франко* „Варлаам і Іосаф“. Записки науковаго товариства імени Шевченко, т. VIII и X.

⁴) *Пятницъ*. Очеркъ литер. ист. стар. повѣстей. Стр. 127.

встрѣтивши въ полѣ „инорога“, побѣжалъ отъ него чрезвычайно испуганнымъ, и попалъ въ пропасть, однако, успѣлъ схватиться за дерево и удержался на воздухѣ; путникъ увидѣлъ, какъ двѣ мыши подгрызали корень дерева, на которомъ онъ держался; на двѣ пропасти изгибался страшный змѣй, готовый его пожрать; изъ стѣны выходили четыре головы аспидовы. Во то же время путникъ увидѣлъ на деревѣ каплю меда и „устремился въ сладости“. Притча изображаетъ жизнь человѣческую: инорогъ, преслѣдующій человѣка, есть неумолимая смерть; дерево, подгрызаемое мышами,—время, уходящее съ каждымъ днемъ и ночью; змѣй огненный—адова утроба, которая стремится пожрать человѣка; аспидовы главы—„прелестныхъ стихій составъ“ т. е. его физическія слабости; капля меду—краткія пріятности жизни, заставляющія человѣка забывать объ ужасахъ смерти и о вѣчномъ спасеніи. Источникъ этой притчи указывали въ арабской передѣлкѣ Гитопадешы, извѣстной подъ именемъ Калила-ва-Димна; отсюда перешла она во многіе другіе сборники, а съ именемъ Варлаама повторяется въ 68 главѣ *Gesta Romanorum* (ubs. v. Grasse, изд. 1850. 2, 103). Рюкертъ перевелъ ее на нѣмецкій языкъ въ своемъ собраніи, на русскомъ языкѣ она извѣстна въ изыщной передачѣ Жуковскаго „изъ Талмуда“.

Повѣсть о Варлаамѣ и Исаакѣ на грузинскомъ языкѣ была найдена мною лѣтомъ 1888 г. въ рукописныхъ памятникахъ тетущи моей Нины Яковлевны Дапквиевой. Она переписана въ 1860 г. покойнымъ ея мужемъ Антономъ Захарьевичемъ Дапквиевымъ. Рукопись эту, по желанію г-жи Дапквиевой, я пожертвовалъ Обществу распространенія грамотности среди грузинскаго населенія ¹⁾. Переводъ этой повѣсти вызвалъ два толкованія: г. Марръ переводитъ заглавіе „Мудрость Балавара“. Сочиненіе отца Софрона Палестинскаго, сына Исаака“, а г. Цагарели перелагаетъ: Мудрость Бала(и)вара. Сказаніе (сочиненіе) отца Исаакія (Исаака), сына Софронія Палестинскаго“ ²⁾. Я примыкаю къ переводу проф. Цагарели. Впрочемъ, г. Марръ въ отвѣтъ на замѣчаніе г. Цагарели приводитъ изъ другого списка „Мудрости Балавара“ мѣсто, въ которомъ грузинскій текстъ совершенно ясно передаетъ, по его же словамъ, начало повѣсти согласно съ толкова-

¹⁾ Ср. *Цагарели*. Свѣдѣнія о памятникахъ груз. письменности, выш. II, стр. XXXII, Спб. 1889.

²⁾ *Цагарели* I. с., *Марръ*, Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ. т. III, вып. IV, стр. 225.

ніемъ проф. Цагарели: „разсказывалъ намъ отецъ Исаакъ, сынъ Софрона Палестинскаго“, при этомъ онъ прибавляетъ, что прежній переводъ заглавія становится невозможнымъ ¹⁾).

За этимъ заглавіемъ слѣдуютъ слова, указывающія на эіопское или индійское происхожденіе книги: „Нѣкогда я прибылъ въ страну Іошію (Эіопію), гдѣ въ книгохранилищѣ царя индійцевъ нашелъ эту книгу, въ которой описаны дѣла его“. — Балаваръ въ началѣ повѣсти является придворнымъ сановникомъ.

Въ повѣсти ²⁾ объ индійскомъ царевичѣ, сопоставляя ея грузинскую версію съ греческою и мусульmano-арабскою, различаемъ три элемента: 1) фабулу, 2) притчи и 3) религиозно-духовное поученіе.

Фабула, служащая канвой повѣсти, — обща всѣмъ тремъ версіямъ за небольшимъ отступленіемъ грузинской.

У индійскаго царя-язычника, долго остававшагося бездѣтнымъ, рождается сынъ, предсказанія о которомъ заставляютъ отца преслѣдовать вѣрующихъ. Царевичъ воспитывается въ невѣдѣніи темныхъ сторонъ земной жизни, но съ совершеннолѣтіемъ пробудившееся въ немъ сознаніе гонитъ его изъ заключенія на свѣтъ божій. При видѣ картинъ безсилія и страданій человѣческой природы у царевича возникаютъ нѣкоторыя сомнѣнія, и для разъясненія ихъ онъ ищетъ человѣка. Одинъ изъ отшельниковъ (по греч.: Варлаамъ, по араб.: Б-л-в-х-р, по груз.: Балаваръ) узнаетъ о желаніи царевича и, передѣвшись въ купца, является подъ предлогомъ продать ему чудесный драгоценный камень. Открывъ себѣ такимъ образомъ доступъ въ покои царевича, подвижникъ излагаетъ ему ученіе объ истинной вѣрѣ.

Въ этомъ мѣстѣ главнымъ образомъ сосредоточены какъ притчи, такъ и поученія: онѣ вложены въ уста подвижника.

Наставникъ уходитъ ³⁾, но сѣмя, брошенное имъ на доброй почвѣ, приноситъ добрые плоды: царевичъ твердо держится заповѣданнаго ему ученія, побѣждаетъ языческихъ проповѣдниковъ и чародѣевъ, превозмогаетъ всякія искушенія, смягчаетъ отеческое сердце, получаетъ удѣлъ, въ которомъ подъ его мудрымъ правленіемъ увеличивается благоденствіе и возрастаетъ число вѣрующихъ и, наконецъ, обращаетъ въ свою вѣру отца со всѣми его подданными. По

¹⁾ Зап. В. Отд. Р. Арх. Общ. т. V, стр. 285. Догадки о Софроніи, см. *Fr. Hommel* въ *Anhang*-ѣ въ книгѣ *Weisslovits, Prinz u. Dérwisch, München 1890*, стр. 129 et 59.

²⁾ Приводимъ по изслѣдованію Н. Я. Марра „Мудрость Балавара“.

³⁾ Въ сохранившейся рукописи арабской версіи все слѣдующее недостаетъ.

смерти отца, сынъ земное царство оставляетъ родственнику Барахиѣ, а самъ идетъ въ пустыню, гдѣ встрѣчается съ своимъ наставникомъ. Повѣсть кончается смертью подвижниковъ, сначала учителя, затѣмъ ученика. Царь Барахія переноситъ ихъ мощи на родину.

По грузинской редакціи съ мудрецомъ Балаваромъ или Варлаамомъ мы знакомимся гораздо раньше его миссіонерской дѣятельности; онъ впервые является намъ въ роли придворнаго сановника ¹⁾. Описаніе жизни Балавара при дворѣ примыкаетъ непосредственно къ началу повѣсти.

„Былъ нѣкоторый царь, по имени Іабенесь, въ мѣстности Индіи, называемой Болатомъ, по религіи язычникъ и идолопоклонникъ, но благомыслящій, мирный, скромный и весьма милостивый къ бѣднымъ. У него не было сына, и бездѣтность крайне огорчала его, такъ какъ, будучи весьма богатымъ, онъ хотѣлъ оставить наследника надъ своими приобрѣтеніями,—царь просилъ своихъ боговъ, чтобы они даровали ему дѣтей ²⁾; боги его нисколько не могли пособить ему, и онъ тщетно молилъ ихъ, но Богъ, желающій всѣмъ людямъ жизнь, далъ ему добраго и набожнаго сына изъ-за милости, оказываемой имъ бѣднымъ; царь Іабенесь исполнился великой радости и назвалъ его Іудасафомъ, при чемъ говорилъ: „Это сдѣлали мнѣ мои боги“, и еще больше возвеличилъ ихъ. Онъ собралъ множество звѣздочетовъ, философовъ и гадателей, чтобы они сообщили ему, что предстоить его сыну или какова его судьба, и они въ одинъ голосъ сказали такъ: „Этотъ младенецъ достигнетъ царскаго величія, котораго никто никогда не достигалъ въ этой индійской странѣ“. Но былъ среди нихъ одинъ болѣе всѣхъ извѣстный своей мудростью, и онъ сказалъ царю: „Я такъ думаю, царь, что слава, которой достигнетъ этотъ младенецъ,—не отъ сего міра: думаю, что онъ будетъ великимъ учителемъ истины“. Слыша эти слова, царь исполнился печали; тотчасъ же приказалъ изгонять рабовъ Христа изъ страны и отправилъ глашатая объявить такимъ образомъ: „Царь Абенесь говоритъ это: если спустя три дня [въ его царствѣ] окажется кто-либо изъ христіанъ, пусть

¹⁾ Извѣстна одна французская мистерія XIV—XV столѣтія на тему нашей повѣсти съ интереснымъ въ этомъ отношеніи заглавіемъ: *Un miracle de Notre Dame, de Barlaam, maistre d'ostel du roy Avenir qui converti Josaphat le fil du roy et depuis converti Josaphat son père le roy et tous ses gens*, см. Barlaam und Josaphat, von Gui de Cambrai, herausg. von Zotenberg u. Meyer. Stuttgart. 1864, стр. 368—417: въ ней вельможа-христіанинъ при дворѣ Авенира названъ Варлаамомъ.

²⁾ Дѣторожденіе.

избиваютъ всѣхъ таковыхъ въ тяжкихъ мукахъ“. Однажды царь вышелъ изъ города для осмотра и увидѣлъ, что изъ города идутъ двое слугъ Бога. Онъ сказалъ имъ: „Какъ осмѣлились вы не уходить изъ моей страны? или вы не слышали, какъ мой глашатай объявилъ?“ Тѣ сказали: „Вотъ мы собрались уходить“. Царь сказалъ имъ; „Что удержало васъ до сихъ поръ?“ Тѣ сказали: „Неимѣніе дорожной провизіи“. Царь сказалъ имъ: „Кто боится смерти, не медлитъ изъ-за дорожной провизіи“. Тѣ сказали: „Еслибы боялись мы, то и поспѣшили бы уйти, но мы не боимся смерти, ибо отъ смерти мы ждемъ покоя“. Царь сказалъ: „Какъ можете вы говорить это, когда уходите изъ моей страны, уstraшенные мною“. „Не изъ-за страха передъ смертью уходимъ мы такъ изъ твоей страны, а чтобы мы не стали причиной челоуѣкоубійства и безбожія; страхъ же твой никогда не входилъ въ наши сердца“. Но царь отпустилъ ихъ и положилъ приказомъ, чтобы сжигали огнемъ христіанъ, сколько бы ихъ ни находили.

При царѣ же Іабенесѣ былъ нѣкто, по имени Балаваръ, слуга Бога, вѣрующій во Христа и полагающійся на Него; царь очень любилъ его: онъ былъ смышленъ, благоразуменъ, хорошъ какъ писатель и на лучшемъ счету у царя. Не зная, что онъ рабъ Христа, Іабенесъ оказывалъ ему честь болѣе, чѣмъ всѣмъ своимъ вельможамъ.

Однажды Балаваръ, идя, увидѣлъ, что на дорогѣ лежитъ челоуѣкъ, пострадавшій отъ звѣря и плачетъ. Балаваръ сказалъ ему: „Что съ тобою, челоуѣче, и почему плачешь?“ Тотъ же все объяснилъ. „Доложу я вамъ слѣдующее, говорилъ онъ—я, мужъ искусный въ рѣчи, былъ укушенъ звѣремъ и лишился членовъ и, если кто порадѣетъ обо мнѣ, въ день опасности буду я ему полезенъ“. Балаваръ не обратилъ вниманія на эти слова, однако, сжалившись надъ пострадавшимъ, приказалъ рабамъ, чтобы посадили его на лошадь и привели къ нему на домъ, а домоуправителю поручилъ заботиться о немъ хорошо и утѣшать его.

Между тѣмъ Балавара возненавидѣли идолопоклонники; ибо завидовали чести, которую царь оказывалъ ему. Лвившись къ царю, они сказали: „О царь! челоуѣкъ, на котораго ты полагаешься,—не твоей вѣры, ибо встрѣчая христіанъ, милостиво привѣтствуетъ ихъ; такъ онъ хочетъ отпасть отъ тебя и завладѣть твоимъ царствомъ и, кого только находитъ отступившимъ отъ вашего величества, съ тѣмъ старается быть любезнымъ и оказываетъ ему честь“.

Царь сказалъ имъ: „Если не окажется такъ, какъ вы говорите, плохо будетъ вамъ, вы получите возмездіе“.

Царь началъ испытывать Балавара; призвавъ божьяго человѣка, онъ сказалъ ему: „Ты знаешь, другъ мой, какъ погруженъ мой умъ въ мірскія дѣла, и какъ я провелъ свои дни; видишь, что тружусь безъ пользы; боюсь, что настанетъ конецъ, и я окажусь ни съ чѣмъ; такъ уже съ этого дня хочу присоединиться къ рабамъ Бога и подвизаться для вѣчной жизни; что же скажешь ты, о мой вѣрный со-вѣтникъ?“ Слыша это божій человѣкъ съ взволнованнымъ умомъ и со слезами сказалъ ему: „Живи царь во вѣки, ибо взамѣнъ переходящаго ты избралъ непреходящее и лучшее! Величіе этого міра ничто, оно проходитъ, какъ тѣнь, и исчезаетъ, какъ дымъ. Теперь направь свои помыслы, ибо хорошо цѣнокъ ¹⁾ переходящаго міра приобрѣсть непреходящее“.

Царю тяжело было отъ этихъ словъ, и онъ исполнился недовольства къ божьему человѣку, но не открылъ ему; тогда догадавшись, что ему были разставлены сѣти, Балаваръ очень огорчился и въ ту ночь оставался безъ сна, но вспомнивъ про мужа искуснаго въ рѣчи, призвалъ его и обратился къ нему со словами: „Ты говорилъ мнѣ, что исцѣляешь рану словомъ“. Мужъ сказалъ ему: „Такъ и есть, нуждаешься-ли ты теперь въ чемъ либо?“ Балаваръ сказалъ: „Сколько времени я служилъ царю, и никогда не видѣлъ я, чтобы онъ гнѣвался на меня, ибо я ходилъ съ вѣрностью передъ нимъ, но сегодня замѣтилъ его гнѣвъ и думаю нѣтъ у него болѣе мира для меня“. Пострадавшій сказалъ: „Что произошло между вами?“ Балаваръ сказалъ: „Ничего не знаю, кромѣ того, что онъ спросилъ меня объ одной вещи, и я сообщилъ ему лучшее [что я могъ], но думаю онъ испыталъ меня на словахъ, а я весь открылся“. Пострадавшій сказалъ: „Я исцѣлю эти слова съ помощью Христа и силою креста. Знай, что царь подозрѣваетъ тебя во злѣ, предполагая, что ты лукавишь; онъ думаетъ, что ты завладѣешь его царствомъ; такъ встань завтра, обстриги волосы своей головы, сними платье и одѣвайся во вретиче и такимъ образомъ, войди къ нему; если онъ спроситъ тебя: „Что это такое?“ скажи ему: „Вотъ приготовился я къ тому, въ чему ты призывалъ меня вчера, ибо не хочу жизни безъ тебя: ты приобщилъ меня къ благамъ твоего царства, теперь мнѣ надлежитъ такъ же приобщиться къ твоимъ страданіямъ въ этомъ мірѣ, согласно съ твоимъ желаніемъ мучиться съ тобой и удостоиться съ тобою же вѣч-

¹⁾ Оставленіемъ.

ности". И когда Балаваръ поступилъ, какъ научилъ его пострадавшій, подозрѣніе вышло изъ сердца царя; онъ разолился на обвинителей Балавара, а Балаваръ наслаждался и веселился, и опять выросли волосы у него на головѣ, и опять вкралась [въ сердца] у начальниковъ зависть къ Балавару, и они сказали царю: „Царь! если осмотришь шею Балавара, найдешь у него крестъ, которому онъ поклоняется, боги же наши—предметъ его насмѣшекъ“. Но царь думалъ что про Балавара говорятъ ложное, а когда протанувъ руку, увидѣлъ золотой крестъ на груди у него, царь сказалъ ему: „Что это за твое заблужденіе, Балаваръ?“ Балаваръ же сказалъ: „Я не заблуждаюсь, я служу Христу съ молодыхъ лѣтъ и поклоняюсь кресту, на которомъ Онъ простеръ руки для нашего спасенія, однако по службѣ у тебя я не дѣлалъ упущеній; теперь, такъ какъ имя Христа, Бога моего,—со мною, не отвергну Его божества: если изрѣжешь мое тѣло или сожжешь огнемъ, то душу мою вручу Ему“. Царь сказалъ ему: „Не говори такъ, мой любезный Балаваръ, ибо ты вельможа и первый у меня; если будешь поклоняться моимъ богамъ, дамъ тебѣ и другіе города и для тебя опорожню свои сокровищницы, такъ какъ я тебя очень люблю, а если не сдѣлаешь этого, истощу твое тѣло въ жестокихъ мукахъ и не вспомню про любовь къ тебѣ“.

Тогда божій человекъ, Балаваръ, снялъ золотой поясъ, украшенный драгоценными камнями и, положивъ его передъ царемъ, сказалъ: „Если мнѣ покроешь голову царскою короною, то и такую честью не поколеблешь моей вѣры въ Христа, и хотя истощишь мое тѣло въ мукахъ, но меня не смутишь, ибо выше земныхъ благъ—небесныя, которыми наслаждаемся вѣчно, и прегорьки суть муки ада, которыми будутъ наказаны противники и отрицатели Бога, я же, о царь, готовъ на [земныя] муки; не медли, чтобы я скорѣе отошелъ въ моему Господу упокоиться во вѣки“!

Но при этихъ словахъ царь смягчился и сказалъ: „Любезный Балаваръ, какъ лишилъ ты меня надежды, послушавшись моего приказанія! Уйди же изъ моей страны, чтобы вѣсть о тебѣ не доходила до моихъ ушей! Если найду тебя опять [въ моей землѣ], я не буду повиненъ въ твоей крови“.

Балаваръ покинулъ величіе преходящее и отправился къ пустыннымъ служить Христу Богу нашему“.

Царь построилъ сыну своему городъ и назначилъ ему тамъ пребываніе съ воспитателемъ Занданомъ и приличнымъ штатомъ, приказавъ не допускать туда старца или больного ¹⁾, не упоминать о

¹⁾ Ср. у меня „Безсмертный Алл“. (I в. Очерковъ по ист. груз. слов.“ стр. 112—115).

смерти, чтобы выросли его въ довольствѣ и радости. Ребенокъ былъ очень понятливъ и поражалъ всѣхъ своими познаніями, любознательностью и мудростью. Придя въ возрастъ, онъ сталъ задумываться надъ своимъ положеніемъ и рѣшилъ, во избѣжаніе гнѣва отца, о причинѣ своего заточенія спросить у своего воспитателя, обѣщая послѣднему награду въ дни предстоящаго своего царствованія. Воспитатель подъ страхомъ не разглашать тайну, разсказалъ ему, какъ звѣздохеты (астрологи) предсказали царю о грядущемъ назначеніи новорожденного его сына предтечей истины и противникомъ установленной вѣры. Отецъ опасался, чтобы сынъ не полюбилъ тѣхъ, которые служатъ небесному Богу, и были они наказаны царемъ частью изгнаніемъ изъ страны, частью же сожженіемъ.

Когда царь пришелъ къ Іодасафу, сыну своему, то послѣдній, жалуясь на тоскливое состояніе въ заточеніи, просилъ у отца разрѣшенія ознакомиться съ міромъ. Получивъ отъ Іодасафа увѣренія не преступать заповѣди, отецъ далъ сыну позволеніе выѣхать верхомъ, но предварительно распорядился, чтобы по пути ему не допускались больные или старцы. Однако, разъ онъ встрѣтилъ одного калѣку и одного съ печальнымъ лицомъ, узнавъ при этомъ, что это состояніе присуще людямъ, а второй разъ ему пришлось столкнуться съ слабымъ убѣленнымъ сѣдинами старцемъ. Заданъ объяснилъ, что старость присходитъ отъ прожитыхъ лѣтъ, („годъ составляетъ 12 мѣсяцевъ, а мѣсяць четыре недѣли“), а послѣ старости (80 или 100 л.) слѣдуетъ смерть, которой, подвержены всѣ. Пришлось царевичу объяснить, что такое годъ (12 мѣсяцевъ) и смерть—упищженіе существованія въ этой жизни. Царевичъ расчувствовался и сталъ плакать, что нѣтъ страны, гдѣ бы не было болѣзни и смерти. Узнавъ отъ Задана, что божьи люди (христіане), говорятъ, что души умершихъ восходятъ къ Творцу вселенной послѣ смерти и унаслѣдуютъ царство небесное, если они исповѣдовали Его, Іодасафъ сталъ молить Бога послать ему наставника и открыть путь истины.

Отъ Духа Святаго узналъ Балаваръ, что Іодасафъ жаждетъ видѣть божьяго человѣка. Одѣлся онъ купцомъ и прибылъ изъ пустыни ко двору царевича. Вызвавъ къ себѣ Задана, онъ сообщилъ, что имѣетъ чудный камень, дающій слѣпымъ прозрѣніе, глухимъ слухъ, хромымъ исцѣленіе,—бѣднхъ онъ обогащаетъ, на войнѣ даруетъ побѣду. Но видѣть этотъ камень, можетъ только чистый тѣломъ и душой, а потому онъ отказывается Задану его показать. Іодасафъ съ радостью принялъ пустычника, который подвергаетъ царевича предварительному испытанію.

Начинается рассказ первый, заключающий притчу о благочестивомъ царѣ, поклонившемся людямъ въ лохмотьяхъ съ заможденнымъ лицомъ. Свита, сопровождавшая при этомъ царя, въ изумленіи донесла брату послѣдняго объ этомъ его дѣяніи. Братъ сталъ его укорять, а царь въ знакъ неудовольствія, по обычаю, велѣлъ трубить въ трубы смерти предъ домомъ своего обличителя. Братъ прибылъ въ слезахъ съ женою къ царю и узналъ отъ него, что имъ порицаемый благочестивый царь палъ ницъ предъ проповѣдниками Христа. Этотъ же благочестивый царь велѣлъ положить въ одинъ сундукъ навозъ, а въ другой драгоценные камни и, запечатавъ, велѣлъ ихъ оцѣнить. На первый сундукъ не хотѣли и взглянуть, а второму не находили цѣны. Открывъ же, изъ драгоценнаго сундука вышелъ смрадъ, а изъ скромнаго сундука—ароматъ¹⁾. Первый сундукъ, сказалъ царь, это мы—украшенные снаружи, но внутри полные грѣха, а скромные, блѣдные нищѣ исполнены благовонія.

Царевичъ понялъ смыслъ притчи и воскликнулъ: „истинно твое

¹⁾ Ср. рус. легенду *Царевичъ Евстафій*. Въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ царь. У него былъ молодой сынъ царевичъ Евстафій; не любилъ онъ ни пирровъ, ни плясокъ, ни гульбищъ, а любилъ ходить по улицамъ, да водиться съ нищими, людьми простыми и убогими, и дарилъ ихъ деньгами. Крѣпко рассердился на него царь, повелѣлъ вести къ висѣлицѣ и предать лютой смерти. Привели царевича и хотятъ уже вѣшать. Вотъ царевичъ палъ передъ отцемъ на колѣни и сталъ просить сроку хоть на три часа. Царь согласился, далъ ему сроку на три часа. Царевичъ Евстафій пошелъ тѣмъ временемъ къ слесарямъ и заказалъ сдѣлать въ скорости три сундука: одинъ золотой, другой серебряной, а третій—просто расколоть вържъ на двое, выдолбить корытомъ, и прицѣпить зонбкъ. Сдѣлали слесари три сундука и принесли къ висѣлицѣ. Царь съ боярами смотрять, что такое будетъ; а царевичъ открылъ сундуки и показываетъ: въ золотомъ насыпано полно золота, въ серебряномъ насыпано полно серебра, а въ деревянномъ наложена всякая мерзость. Показалъ и опять затворилъ сундуки и заперъ ихъ накрѣпко. Царь еще пуще разгнѣвался и спрашиваетъ у царевича Евстафія: „Что это за насмѣшку ты дѣлаешь? — „Государь батюшка! говоритъ царевичъ: ты здѣсь съ боярами, вели оцѣнить сундуки-то, чего они стоятъ“? Вотъ бояре серебряной сундукъ оцѣнили дорого, золотой того дороже, а на деревянный и смотрѣть не хотятъ. Евстафій царевичъ говоритъ: „отомкните-ка теперь сундуки, и посмотрите, что въ нихъ“! Вотъ отомкнули золотой сундукъ, а тамъ змѣи, лягушки и всякая срамота; посмотрѣли въ серебряной —и здѣсь то же; открыли деревянной, а въ немъ растутъ дерева съ плодами и листвѣемъ, испускаютъ отъ себя духи сладкіе, а посреди стоитъ церковь съ оградю. Изумился царь и не велѣлъ казнить царевича Евстафія.

слово, и оно есть тотъ драгоценный камень, который скрывается; оно прозрываетъ глаза и укрѣпляетъ сердце въ добродѣтели.

Слѣдуетъ разсказъ второй: евангельская притча о сѣятелѣ съ соотвѣтствующимъ толкованіемъ. Разсказъ третій предлагаетъ притчу, о человѣкѣ и слонѣ. Земная жизнь подобна тому человѣку, который избѣгая преслѣдованія слона, попалъ въ яму, здѣсь нашелъ дерево, на которое онъ взлѣзъ. Посмотрѣвъ внизъ, онъ замѣтилъ двухъ крысъ черную и бѣлую, которые грызли дерево, пріютившее его, а въ глубинѣ ямы покоились драконы, приготовлявшіеся его поглотить. Взглянувъ вверхъ, онъ примѣтилъ небольшія капли меду, которыя сочились изъ дерева. Сталъ онъ лизать медъ, забывъ о грядущемъ несчастіи. Крысы подгрызли дерево, человѣкъ упалъ, слонъ схватилъ и бросилъ его драконамъ. Слонъ, объясняетъ Балаваръ, это образъ смерти, преслѣдующей человѣка, дерево—преходящая жизнь, крысы—дни, а медъ—сладости земной жизни. Пройдутъ дни, смерть похититъ и драконъ потащитъ въ адъ ¹⁾).

Четвертый разсказъ посвященъ притчѣ о трехъ друзьяхъ одного смертнаго, изъ которыхъ съ третьимъ онъ разсорился. Когда же постигло его несчастье и по навѣту злыхъ людей долженъ былъ быть представленъ на судъ царя, то его оставили его любимые друзья, а третій, помня ничтожную долю добра, охотно вызвался ему помочь въ горѣ. Первый другъ, по толкованію—корыстолюбіе, страсть къ деньгамъ, которыхъ онъ не можетъ взять съ собою, второй—жена и дѣти, безсильные облегчить участь человѣка въ страшный день суда, а третій—душа.

Пятый разсказъ сообщаетъ о чужеземномъ царѣ. Былъ въ одномъ городѣ обычай сажать царемъ иноземца на годъ или полгода, а потомъ, снявъ съ него порфиру, изгонять его съ двумя одѣяніями. Одинъ чужестранецъ предупредилъ и тайно послалъ въ мѣсто изгнанія, до своего сверженія съ престола, драгоценности чрезъ бѣдныхъ иноземцевъ же и, будучи сосланъ туда, нашелъ полное обиліе, которымъ могъ наслаждаться вѣчно. Этотъ предусмотрительный царь—тотъ мужъ, который помогаетъ тайно нищимъ и слабымъ, а Господь воздаетъ ему явно.

¹⁾ Ср. Калила и Димна. (М. 1889 г. гл. IV), гдѣ также преслѣдуетъ человѣка слонъ; въ греческой редакціи вмѣсто слона, является единорогъ, въ армянской—олень. Что касается до дерева, съ котораго капаетъ медъ, то, по замѣчанію Бенфея, оно есть ничто иное, какъ чудесное дерево индійскихъ сказаній Пра, съ котораго падаетъ медъ или soma. *Benfey. Enleitung zur Pant-schatantra.*

Иодасафъ чувствовалъ, что отъ этихъ рассказовъ душа его очищается и находитъ утѣшеніе.

Рассказъ шестой—притча о царѣ-язычникѣ и вѣрующемъ совѣтникѣ. Послѣдній, воспользовавшись случаемъ, знакомитъ царя съ основными положеніями христіанской вѣры и отвлекаетъ своего повелителя отъ служенія идоламъ.

Рассказъ седьмой заключаетъ притчу о богачѣ, женившемся на бѣдной. Сынъ богатыхъ родителей встрѣчаетъ у дверей хижины дочь бѣдняка за работой. Она понравилась юношѣ и попросилъ старика - отца выдать ее за него; старикъ желалъ его испытать и сначала отказывалъ, увѣряя, что отецъ богатаго юноши не одобритъ выбора своего сына, но, по настоянію юноши, наконецъ, онъ согласился, показавъ ему скрытыя свои драгоценности и отдалъ ему ихъ со слезами, говоря, что отнынѣ онъ можетъ ими пользоваться. Въ заключеніе притчи Балаваръ приглашаетъ Иодасафа, послѣдовать за І. Христомъ, оставивъ міръ, и стать предтечей истины. Иодасафъ прослѣзился. На его вопросъ, сколько лѣтъ Балавару, послѣдній отвѣчаетъ 18, хотя ему минуло 60 лѣтъ; считаетъ онъ годы лишь христіанской жизни, а не отъ рожденія. Пынь онъ не боится и смерти.

Рассказъ восьмой отведенъ притчѣ о человѣкѣ и соловѣѣ. Нѣкто поймалъ воркуна (соловей) и хотѣлъ его зарѣзать. Воркунъ предложилъ ему отпустить его, за что онъ научитъ своего спасителя тремъ заповѣдямъ, могущимъ принести пользу: 1) къ недостижимому не стремись, 2) о прошедшемъ не жалѣй, 3) не дѣлай себѣ и другимъ зла, [чего себѣ не желаешь]. Желая испытать насколько человѣкъ проникся данными заповѣдами, воркунъ (голубь, по Марру соловей) крикнулъ ему съ вѣтки дерева: еслибы ты убилъ меня, то нашелъ бы въ моемъ скелетѣ яйцо страуса. Сталъ жалѣть тогда человѣкъ и, тщетно попытавшись снова поймать птицу, просилъ ее съ умысломъ злымъ прилетѣть къ нему на зиму, чтобы, прокормивъ ее, отплатить за добрыя наставленія. Птица же отвѣтила, что онъ уже нарушилъ всѣ три данныя ею заповѣди и напрасно онъ будетъ искать въ ея перьяхъ страусова яйца. Балаваръ затѣмъ изложилъ царевичу ученіе о любви къ ближнимъ и познаніи Единого Творца, тлѣнности всего земнаго и необходимость стремленія къ вѣчной небесной обители. Для достиженія послѣдней требуется оставить всѣ житейскія заботы, постомъ и молитвой побѣдить всѣ искушенія. На вопросъ Иодасафа, какія доказательства о существованіи Бога, Балаваръ отвѣчаетъ: [объ Немъ свидѣтельствуютъ] небеса и вселенная, всеоухотворенное и тѣлесное.

„Когда замѣчаешь ¹⁾ какой либо рукотворный сосудъ, хотя и не видишь творца, все же вѣришь, что у него есть творецъ; равнымъ образомъ, когда замѣчаешь постройку, хотя и не видишь строителя, однако умъ доказываетъ, что у нея есть строитель, такъ, когда я увидѣлъ и разсмотрѣлъ свое строеніе, понялъ, что у меня есть Творецъ, Который создалъ меня, какъ Онъ желалъ, и далъ мнѣ образъ, не спросившись меня: если же я былъ бы создатель свой, сдѣлалъ бы себя съ бѣльшею красотою и совершенствомъ, а Создавшій меня сдѣлалъ меня ниже однихъ и выше другихъ. Но понялъ я и то, что Онъ уведетъ меня изъ этой жизни, не спросившись меня, и какъ я понялъ это и уразумѣлъ сущность нашей жизни, [именно] что мы нисколько не можемъ увеличить или уменьшить ростъ или обновить постарѣвшее или возстановить опять, если отпадетъ какой-либо изъ членовъ, и что этого не могли ни цари, ни искусные, ни мудрецы, ни сильные, и какъ затѣмъ я видѣлъ наступленіе ночи послѣ дня и вращеніе небесъ, то изъ этого я позналъ, что у всѣхъ есть Творецъ, и Онъ не подобенъ тварямъ; если же Онъ былъ бы подобенъ имъ, Его также постигало бы то, что постигаетъ тварей. Какъ Онъ скажетъ, такъ дѣлается и, когда пожелаетъ [чего-нибудь, оно] мгновенно исполняется; Онъ воскрешаетъ [людей въ такомъ видѣ], какъ они были впервые, ибо приказаніе Его острѣе обоюдоостраго меча и выше сверкающей молніи; Онъ, если будетъ Ему угодно, уничтожитъ и снова возстановитъ все. Благословеніе и слава Его имени во вѣки вѣковъ. Аминь.

Одинъ Богъ Отецъ Вседержитель, Творецъ неба и земли, Господь нашъ Иисусъ Христосъ и Святой Духъ, Который исходитъ отъ Отца, Только Онъ—создатель, а прочіе—созданія; только Онъ—вѣченъ, а прочіе—временны; только Онъ силенъ, а всѣ [остальные]—безсильны; только Онъ высокъ, а всѣ [остальные] низки. Все произошло чрезъ Него, и безъ Него не начало быть ничто, что произошло, ибо Онъ благъ, милостивъ, великодушенъ и человеколюбивъ, и приуготовилъ послушнымъ мѣсто радости, а ослушникамъ — мѣсто мученія, Онъ же прославленный въ трехъ лицахъ и въ одномъ существѣ“.

Доказательства же о воскресеніи мертвыхъ сводятся къ тому, что измучены въ этой жизни смиренные, наслаждаются непокорные, а въ день воскресенія и тѣ и другіе получаютъ достойную

¹⁾ *Марръ*, назв. соч. стр. 32—3.

мзду, во-вторыхъ догматъ этотъ объясняется проповѣдью и свидѣтельствомъ самихъ Апостоловъ.

Зенанъ, видя, что Балаваръ остается долго у царевича, заявилъ послѣднему о страхѣ, который онъ испытываетъ предъ царемъ, поручившимъ ему воспитаніе сына. Иодасафъ предложилъ Зенану за занавѣской послушать, чему учить его явившійся подъ видомъ купца Балаваръ. Бесѣда опять касалась бренныхъ земныхъ благъ. Когда Балаваръ вышелъ, то Иодасафу Зенанъ напомнилъ, что такіа рѣчи онъ слышалъ отъ божьихъ людей и изгнанныхъ царемъ, и просилъ царевича указать средство, какъ скрыть предъ его отцемъ все случившееся. Царевичъ отвѣтилъ, что онъ боится только Отца небеснаго и что человѣкъ лишь червь и прахъ разрушающійся. Когда же Балаваръ вздумалъ уйти, то Иодасафъ просилъ его взять съ собою. Мудрецъ привелъ въ отвѣтъ притчу IX о человѣкѣ, который для сына своего взрастилъ козулю, но разъ она, выпущенная на пастбище, пошла въ дубраву и присоединилась къ звѣрямъ. Отецъ послалъ ее розыскивать и, перебивъ звѣрей, привелъ козулю. Удаленіе царевича угрожаетъ такую же опасностью пустыннымъ и ему самому, еще неспособному къ предстоящимъ испытаніямъ. Балаваръ отвѣтилъ на вопросъ царевича, каваа у нихъ въ пустынѣ пища: „мы питаемся травами земли, а когда недостаетъ ихъ, мы принимаемъ (приношеніе) отъ нашихъ благочестивыхъ братьевъ“¹⁾. Балаваръ отзывается братъ что-либо для пустынниковъ изъ предложеннаго Иодасафомъ сокровищъ, говоря, что каждый изъ нихъ богаче его (нравственно, духовно). Одѣты они бѣдно, а Балаваръ отличается отъ нихъ костюмомъ съ цѣлью, чтобы попасть къ царевичу. Онъ приводитъ одну притчу (X).

Иодасафъ совершенно склонился къ ученію Балавара, долго его отклонявшаго отъ желанія слѣдовать пустынникамъ, въ виду непривычныхъ для царевича трудностей и испытаній. Царевичъ сталъ проводить время въ мостѣ и молитвѣ, а Заданъ, опасаясь царя, докладывалъ послѣднему объ отступленіи Иодасафа отъ вѣры отцевъ, при этомъ онъ открылъ, что совратителемъ его сына явился изгнанный изъ предѣловъ царства Балаваръ. По совѣту вѣвдочета, Раки, рѣшено было сначала подѣйствовать на Иодасафа наставленіями. Но когда сынъ съ своей стороны сталъ обличать тщетно уговаривавшаго его отца, коснѣющаго въ идолопоклонствѣ, то вздумали подослать къ царевичу нѣкоего мудреца Накора въ такомъ одѣяніи, въ какомъ

¹⁾ Ср. греч., араб. у *Марра*, стр. 34, 35.

Балавара видѣлъ Заданъ, а царь отправился искать самого Балавара. Нашли въ пустынь отшельниковъ, носящихъ на шеѣ кости, по ихъ объясненію съ тою цѣлю, чтобы постоянно помнить о смерти. Имъ по откровенію извѣстно, что ищутъ Балавара, человѣка божьяго, но найти его не удастся царю, не признающаго братства и равенства, подобно пустынникамъ, и находящемуся въ опасности потерять власть съ размноженіемъ истинно-вѣрующихъ. Обличаемый въ несовершенство царь покинулъ пустынниковъ и попытался вернуть сына къ своей вѣрѣ. Бесѣда ихъ длилась долго. Сынъ признавалъ только Единого Творца неба и земли, отрицая поклоненіе идоламъ. Отецъ ласково убѣждалъ его не покидать вѣры отцовъ. Для рѣшенія, какая вѣра болѣе истинна, царь по предложенію Іодасафа, созываетъ народъ и предлагаетъ публичному обсужденію этотъ вопросъ. На соборѣ выступилъ Накоръ-язычникъ, подъ видомъ Балавара; на защиту пришелъ христіанинъ, тайно исповѣдующій евангеліе, нѣкій Баракіа. Первый день, въ присутствіи царя, Накоръ горячо отстаивалъ, вмѣсто обѣщаннаго порицанія, христіанскую вѣру противъ самого царя. Іодасафъ Накору признался, что ему извѣстна личность мнимаго защитника христіанства. Царевичу удалось склонить самого Накора къ новой вѣрѣ въ Отца и Сына и Св. Духа. Царь же узнавъ объ этомъ, впалъ въ отчаяніе и обратился за помощью къ убѣжденному идолопоклоннику Тедѣ. Царь сказалъ ему притчу, которой нѣтъ ни въ греческой, ни въ арабской версіи.

„Наше дѣло походить [на дѣло того человѣка], у котораго была прекрасная жена; боясь, чтобы жена не согрѣшила передъ нимъ отъ нетерпѣнія, онъ заповѣдалъ ей слѣдующее: „Если почувствуешь страсть и не будешь въ состояніи противостоять своей плоти, отпусти волосы своей головы; видя ихъ, я исполню твое желаніе, и ты не впадеши въ грѣхъ“. Однажды напали враги, и поднялся крикъ; юноша вооружился, чтобы идти на бой, но вдругъ, при видѣ мужа, жена, восплававъ страстью къ нему, отпустила волосы; онъ замѣтилъ условный знакъ и, возвратившись, исполнилъ желаніе своей жены, а когда выступилъ въ качествѣ преслѣдователя, враги уже были обращены въ бѣгство другими, которые возвращались: они укоряли юношу въ томъ, что выступилъ поздно. Онъ же сказалъ: „Со мною сразился домашній ¹⁾ врагъ: я его прогналъ; сначала съ нимъ я разсчитался, а теперь иду сюда“.

— Такъ излѣчи, Тедма, то, что сильно болитъ у меня, а затѣмъ если освобожусь отъ той боли, буду служить идоламъ.

¹⁾ Собственный.

Царь прибѣгъ къ содѣйствию красивыхъ женщинъ, поющихъ и играющихъ на инструментахъ. Онѣ тщетно пытались поочередно соблазнять Иодасафа. Въ числѣ ихъ была одна плѣнная дочь иноземнаго царя, которую царица склоняла къ вѣрѣ Христовой. Она не отказывалась принять новое ученіе Иодасафа, съ условіемъ, чтобы онъ раздѣлилъ ея страсти, которыми она къ нему пылаетъ. Иодасафъ, сочувствуя ей за умъ и красоту, для ея спасенія согласился было на ея предложеніе. Но вотъ во снѣ представилось видѣніе: сначала чудныя блестящія драгоценныя палаты, которыя, по словамъ ангеловъ, его сопровождавшихъ, служили жилищемъ святыхъ; затѣмъ его привели въ мерзкое мѣсто, наполненное огнемъ и смрадомъ; сюда его тащила дѣва, но ангелы его не пускали. Проснулся и возблагодарилъ Господа, что не далъ ему погибнуть отъ грѣха, а царевну вывелъ вонъ изъ дома своего. Отца же сталъ умолять отпустить его въ пустыню. Царь былъ огорченъ этой просьбой сына, которому могла угрожать смерть отъ враговъ. По совѣту вельможи, для отвлеченія его отъ аскетическаго намѣренія рѣшено было выдѣлить ему удѣльное владѣніе, гдѣ бы онъ могъ царствовать и въ правительственныхъ дѣлахъ развлечься. Иодасафъ принялъ удѣль, чтобы оживить религію, загубленную его отцомъ. Царь возложилъ на сына корону и, по просьбѣ послѣдняго, освободилъ всѣхъ плѣнныхъ христіанъ, роздалъ милостыню нищимъ и слабымъ. Предъ собраніемъ вельможъ отецъ далъ сыну право исповѣдовать ту религію, къ которой онъ склоненъ. Тогда тайно исповѣдующіе ученіе Христа привѣтствовали царевича. Молодой царь велѣлъ распродать всѣ дачныя ему отцомъ сокровища для раздачи вдовамъ и сиротамъ, построилъ церкви, поставилъ священнослужителей и установилъ всюду судъ справедливый. Приходили идолопоклонники креститься въ его царствѣ, и стало укрѣпляться христіанство.

Отецъ, вида расширеніе царства сына своего и ослабленіе собственнаго, опечалился. Онъ (Абенесъ) послалъ разъ гонцовъ къ сыну, чтобы собрать свѣдѣнія о дѣяніяхъ его. Иодасафъ принялъ ихъ очень ласково и склонилъ ихъ къ вѣрѣ Христовой. Когда послы вернулись, восхваляя порядки Иодасафа, отецъ послалъ къ сыну письмо, въ которомъ онъ благодарилъ за достойный ихъ миссіи пріемъ словъ и просилъ его указать, какъ установить взаимныя сношенія и какъ перейти къ почитанію истиннаго Бога отъ поклоненія идоламъ—произведеніямъ человѣческихъ рукъ. Воздавъ каждому изъ явившихся съ письмомъ отца по 100 мѣръ серебра, Иодасафъ, рабъ божій, выражаетъ въ отвѣтномъ посланіи радость по поводу намѣренія отца

и совѣтуетъ немедленно разрушить капище—дабы милость Господня возсіяла надъ нимъ. Предавъ сожженію изваянія боговъ, отецъ съ представителями народа направился въ царство сына, который принялъ ихъ съ сыновнимъ уваженіемъ. На третій день царь принялъ крещеніе и съ епископомъ, іереями и дьяконами вернулся въ свои владѣнія. Онъ, Абенесъ, построилъ церкви и распространялъ ревностно христіанство. Предъ смертью завѣщалъ свое царство сыну, который его утѣшалъ именемъ истиннаго Бога. Самъ Абенесъ сталъ наставлять сына въ презрѣніи къ земнымъ радостямъ и въ обрѣтеніи стремленія вѣры въ Господа. Сказавъ это, царь замѣтилъ ангеловъ, перекрестился и испустилъ духъ. Іодасафъ сорокъ дней молился надъ его прахомъ о помилованіи его души. Потомъ призвалъ духовенство и народъ, предложивъ имъ выбрать себѣ царя, самъ же отказался отъ престола. Такъ какъ стали его упрашивать остаться, то онъ рѣшилъ постричься тайно въ монахи, передавъ письмо къ подданнымъ, Баракіа, родственнику своему, но послѣдній отказался быть посредникомъ между Іодасафомъ и народомъ. Однако, въ посланіи къ вельможамъ и народу Іодасафъ называетъ Барака своимъ преемникомъ, преподавъ имъ совѣтъ покровительствовать духовенству и нищимъ во спасеніе душъ своихъ; самъ же онъ возложилъ на Барака кольцо и корону и благословилъ его на предстоящемъ ему поприщѣ. Наставивъ Барака, какъ вести по отношенію къ подданнымъ, Іодасафъ удалился въ пустыню. Черезъ два года онъ встрѣтился съ учителемъ своимъ, Балаваромъ и слезы радости навернулись у нихъ на глазахъ и ласково облобызались послѣ томительной разлуки. Когда наступилъ часъ смерти Балавара, то Іодасафъ предалъ его погребенію. Во снѣ явилось ему видѣніе, которое показало царевичу два вѣнца—одинъ для учителя, а другой для ученика въ награду за подвиги. Когда Баракіа былъ извѣщенъ о смерти Іодасафа, то онъ отправился съ духовенствомъ и перенесъ останки его и Балавара и положилъ въ золотой склепъ съ большимъ торжествомъ, построивъ надъ ними, впоследствии, церковь, *идѣ и понынѣ* всѣ приходящіе съ вѣрой, получаютъ чудодѣйственное отъ недуговъ исцѣленіе.

Такой конецъ характеризуетъ первую славянскую рукопись Варлаама и Іоасафа, по мнѣнію проф. Кирпичникова. То же заключеніе и въ греческомъ текстѣ Буассонада и въ средневѣковомъ латинскомъ переводѣ и во всѣхъ его передѣлкахъ. Иначе во второй группѣ славянскихъ текстовъ: житіе Іоасафа кончается соответствующимъ про-

стотѣ обстановки погребеніемъ въ присутствіи немногихъ отшельниковъ ¹⁾).

Изъ этого изложенія видно, что по греческой *) и арабской ²⁾ версіи рассказано о нѣсколькихъ безымянныхъ придворныхъ, грузинская относитъ къ Балавару, при чемъ она расходится съ ними и въ послѣдовательности передаваемыхъ событій:

По грузинской версіи.

Роженіе сына у царя; предсказаніе астрологовъ; изгнаніе христіанъ.

Встрѣча царя съ двумя замѣшканными божьими людьми.

Встрѣча Балавара съ пострадавшимъ отъ звѣря риторомъ, который за оказанное добро спасаетъ его отъ царскаго гнѣва.

Открывается, что Балаваръ христіанинъ; царь изгоняетъ его.

По греческой версіи.

Смѣлая и успѣшная проповѣдь христіанъ; царь язычникъ преслѣдуетъ ихъ (6—8).

Открывается, что одинъ изъ любимцевъ вельможъ (безъ обозначенія имени) принялъ христіанскую вѣру; царь изгоняетъ его (8—17).

Роженіе сына у царя; предсказанія астрологовъ; изгнаніе христіанъ (18—21).

Встрѣча одного вѣрующаго вельможи (безъ обозначенія имени) съ пострадавшимъ отъ звѣря „лѣкаремъ словъ“, который за оказанное добро спасаетъ его отъ царскаго гнѣва (21—26).

Встрѣча царя съ двумя замѣшканными монахами (26—28).

¹⁾ *Киртичниковъ*. Греческіе романы въ новой литературѣ. Повѣсть о Варлаамѣ и Иоасафѣ. Харьковъ. 1876, стр. 169. Возраженія на такое дѣленіе рукописей по *вѣдному признаку*, см. *Веселовскій* Ж. М. Н. П. ССХІІ, отд. 2, стр. 127 и сл.

²⁾ Migne, Patr. v gr., XCVI, vita B. et Joas. стр. 6—18. [Narratio utilis et interiori Aethiopiae regione quae India dicitur, in urbem sanctam lata per Ioannem monachum, hominem Honore dignum et virtutis amantem e contubernio sancti Sabae in qua continentur vita beatorum et famigeratorum virorum Barlaam et Josaphi.

Ср. Εκ τῆς ἐνδοτέρας τῶν αἰθιοπίων χωρᾶς τῆς Ἰνδῶν λεγομένης πρὸς θῆν ἄγιαν πόλιν μετενεχθεῖσα διὰ Ἰωάννου μονάχου, ἀναδρὸς τιμῆου καὶ ἐναρέτου μονῆς τοῦ ἁγίου Σαβα. Εὐ ἡ ὁ βλὸς Βαρλααμ καὶ Ἰωασαφ τῶν ἀοιδίμων καὶ μακαρίων. Ср. рус. изд. въ Одессѣ 1994:

Душенолезная исторія жизни Варлаама и Иоасафа, подвизавшихся въ странѣ индусовъ, отдаленнѣйшихъ изъ эѳіоповъ, мѣстожителства св. Саввы, доставленная въ св. гор. монахомъ Иоанномъ Дамаскиномъ. Ср. съ ними краткое груз. заглавіе—Мудрость Балавара.

²⁾ *F. Hommel*, Die ält. B.-V. стр. 26—30.

По мусульmano-арабской версии.

Царь идолопоклонникъ преслѣдуетъ людей истинной вѣры.

Открывается, что одинъ изъ вельможъ (безъ обозначенія имени) сталъ подвижникомъ; царь изгоняетъ его (26—30).

Рожденіе сына у царя; предсказанія астрологовъ (30).

Встрѣча одного вѣрующаго вельможи (безъ обозначенія имени) съ пострадавшимъ отъ звѣря человекомъ, который за оказанное добро спасаетъ его отъ царскаго гнѣва (30—31).

Гоненіе подвижниковъ; встрѣча царя съ двумя замѣшканными подвижниками (31—32).

Кромѣ того, въ „Мудрости Балавара“ нѣтъ ни вступительныхъ словъ, ни описанія Индіи, какъ это мы видимъ въ греческой версии. Наконецъ, личность самого царя-язычника въ грузинской версии обрисована съ большою симпатіею.

Такихъ уклоненій въ подробностяхъ великое множество, такъ ¹⁾: по грузинской версии индійскій царь встрѣчается съ двумя божьими людьми при осмотрѣ или посѣщеніи окрестностей города, по двумъ другимъ же версиямъ встрѣча эта произошла на охотѣ; при этомъ по арабской версии подвижники не укрылись во время потому, что не было у нихъ ни дорожной провизіи, ни *верховаго животнаго*; ни въ греческой, ни въ арабской версии не названъ по имени воспитатель царевича, по грузинской же индійскій царь воспитаніе своего сына поручаетъ Зандану, который въ греческой повѣсти является гораздо позже подъ нѣсколькими измѣненнымъ именемъ *Zarđán*: съ нимъ и бесѣдуетъ царевичъ Іодасафъ впоследствии, когда, получивъ отъ отца разрѣшеніе на загородныя прогулки, онъ сталкивается съ увѣчнымъ, больнымъ и старикомъ; по греческой версии (150 — 151) Варлааму при встрѣчѣ съ Іодасафомъ семьдесятъ лѣтъ: въ пустынѣ подвизался онъ сорокъ пять лѣтъ, оставивъ міръ двадцати пяти лѣтъ; по грузинской—Балазаръ удалился въ пустыню сорока двухъ лѣтъ, подвизался восемнадцать лѣтъ, и слѣдовательно, Іодасафу предсталъ шестидесятилѣтнимъ старцемъ; только въ греческой версии передается, что Варлаамъ крестилъ Іодасафа и затѣмъ причастилъ его Святыихъ Тайнъ; по грузинской версии царь Абенесъ, греч. Ἀβεννίρ, отказывается приносить жертвы идоламъ въ языческій праздникъ, по греческой же онъ приводитъ на закланіе сто двадцать быковъ и много другихъ животныхъ; о злыхъ духахъ и магическихъ книгахъ чародѣя Ѳевды ни слова нѣтъ въ грузинской версии; по грузинской ре-

¹⁾ *Марръ*, назв. соч. стр. 16—17.

дакція царь, прежде чѣмъ списаться съ царевичемъ о своемъ желаніи принять крещеніе, посылаетъ пословъ, и впослѣдствіи самъ отправляется къ нему, въ греческой же версіи нѣтъ рѣчи о послахъ, и Иодасафъ не у себя крещаетъ отца, а въ его царствѣ, куда и ѣдетъ онъ съ этой цѣлью; по оставленіи Иодасафомъ царства до свиданія съ Балаваромъ, что имѣло мѣсто два года спустя, грузинская версія ничего не сообщаетъ о немъ, между тѣмъ въ греческой подробно описывается посѣщеніе царственнымъ отшельникомъ жизни бѣдняка, подвижническая жизнь его за это время и, наконецъ, объясняется, какимъ путемъ добрался онъ до пещеры Варлаама.

Сложность рассказа въ греческой версіи сравнительно съ грузинской обнаруживается на каждомъ шагу при ихъ сличеніи. Ограничимся ¹⁾ однимъ примѣромъ.

¹⁾ Τὸ δὲ γε τίμιον αὐτοῦ σῶμα ἐκ γειτόνων αὐτῷ τὰς οἰκήσεις ποιούμενός τις ἀνὴρ ἅγιος, ὃς καὶ τὴν πρὸς Βαρλαάμ πορείαν ἐκείνῳ ποτὲ ὑπέδειξε. Θεια τινὶ μυθεῖς ἀποκαλύψει κατ' αὐτὴν τὴν ὥραν τῆς τελεώσεως αὐτοῦ παραγίνεται, καὶ ὕμνοις ἱεροῖς τιμῆσας, δάκρυά τε κατασπείσας, σύμβολον τοῦ πρὸς αὐτὸν πόθου, τᾶλλα δὲ τὰ νενομισμένα Χριστιανοῖς πάντα τελέσας, ἐν τῷ τοῦ Πατρὸς ἔθετο Βαρλαάμ μνήματι. Συνεῖναι γὰρ ἔδει τὰ σώματα ὧν αἱ ψυχαὶ συνδιαγωνίζεον ἔμελλον ἀλλήλαις. Προστάγματι δὲ τινος φοβερωτάτου κατ' ὄναρ κραταιῶς ἐπισκῆπτουτος πεισθεῖς, ὁ τοῦτον κηδεύσας ἀναχωρητῆς τὰ βασιλεῖα καταλαμβάνει Ἰνδῶν, καὶ τῷ βασιλεῖ Βαραχία προσελθὼν πάντα αὐτῷ δῆλα τὰ περὶ τοῦ Βαρλαάμ καὶ τοῦ μακαρίου τούτου τιθησιν Ἰωάσαφ. Ὁ δὲ, μηδὲν μελλήσας, ἀπέρχεται αὐτὸς μετὰ δυνάμεως ὄχλου, καὶ τῷ σπηλαίῳ ἐφίσταται, τὸ μνημῆμά τε θεωρεῖ, καὶ τούτῳ θερμότερα ἐπιδακρύσας αἶρει τὸ κάλυμμα. Καὶ ὄρᾳ τὸν τε Βαρλαάμ καὶ τὸν Ἰωάσαφ ἔχοντας τὰ μέλη κατὰ σχῆμα κείμενα, καὶ τὰ σώματα οὐδὲν τοῦ προτέρου χρωτὸς παραλλάττοντα, ὀλοκλήρα δὲ καὶ ἀκριβῶς ἀγίη σὺν τοῖς ἐνδύμασι. Ταῦτα τοίνυν τὰ ἱερά τῶν ἁγίων ψυχῶν σκηνώματα, πολλὴν ἐκπέμποντα τὴν εὐωδίαν καὶ οὐδὲν ὄλως ἀηδέες ἐπιδεικνόμενα, θήκαις ἐνθεις ὁ βασιλεὺς τιμῆαις, εἰς τὴν ἑαυτοῦ πατρίδα μετακομίζει.

Ὡς δὲ εἰς τὰς ἀκοάς ἐπιπτε τοῦ λαοῦ τὸ γεγονός, πλήθους ἀριθμοῦ κρείττο, ἐκ πάντων τε τῶν πολεων καὶ τῶν περιχώρων εἰς προσκύνησιν καὶ θεῶν συνέβηρον τῶν μακαρίων σωμάτων ἐκείνων. Ἐνθεν τοι καὶ ὕμνους ἐπ' αὐτοῖς τοὺς ἱεροὺς ἄσαντες, καὶ λαμπάδας φιλοτίμως ἀνάψαντες (ἀκολούθως, ἂν τις εἶπεν, ἐκεῖ καὶ λίαν οἰκείως τὰ φῶτα περὶ τοὺς τοῦ φωτὸς υἱούς τε καὶ κληρονόμους), λαμπρῶς δε ὁμοῦ καὶ μεγαλοπρεπῶς ἐν τῇ ἐξ αὐτῶν κρηπίδων παρὰ τοῦ Ἰωάσαφ ἀνεγερμένην κατέθεντο ἐκκλησία. Πολλὰ δὲ θαύματα καὶ ἰάσεις ἐν τε τῇ μετακομιδῇ, ἐν τε τῇ καταθέσει, καὶ ἐν τοῖς ἐξῆς χρόνοις διὰ τῶν ὁσίων αὐτοῦ θεραπεύοντων ἐποίησε Κύριος. Καὶ εἶδεν ὁ βασιλεὺς τε Βαραχίας καὶ πᾶς ὁ ὄχλος τὰς δι' αὐτῶν γενομένας δυνάμεις, καὶ πολλοὶ τῶν πέριξ ἐθνῶν, ἀπιστίαν νοσοῦντες καὶ τοῦ Θεοῦ ἄγνοιαν, διὰ τῶν γιγνομένων ἐν τῷ μνηματι σημείων ἐπίστευσαν. Καὶ πάντες οἱ ὄρωντές τε καὶ ακοῦντες τὴν ἀγγελομήτηρον τοῦ Ἰωάσαφ πολιτείαν καὶ τὸν ἐξ ἀπαλῶν ὀνόχων

Жилъ по близости ихъ [Балавара и Иудасафа] одинъ изъ пустынниковъ. Онъ пришелъ и положилъ тѣло [Иосафа] рядомъ съ тѣломъ Балавара и, явившись къ царю Баракіи, рассказалъ ему о случившемся. Царь отправился съ однимъ епископомъ и священникомъ, взялъ святыя мощи Иудасафа и Балавара и схоронилъ въ золотой ракъ, которую украсилъ великолѣпно, а надъ ней выстроилъ церковь во имя Отца, Сына и Святаго Духа, Ему же слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

Которые съ вѣрою приходятъ, и до сего дня исцѣляются отъ всякихъ болѣзней; будемъ же и мы просить Бога, чтобы ихъ молитвою мы спаслись отъ вѣчныхъ мукъ, и возвеличимъ Бога, Ему же слава, честь и поклоненіе нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Пораженъ сильный и поправъ злой змѣй благодатью Единосущнаго.

Особымъ элементомъ выдѣляются изъ повѣсти притчи. Въ сличаемыхъ версияхъ число и порядокъ ихъ, равно редакція каждой въ отдѣльности, болѣе или менѣе различны. Представляю сравнительную таблицу притчъ по всѣмъ тремъ версиямъ:

грузинской,	греческой
I. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей:	I. ¹⁾ Евангельская притча о сѣятелѣ (39).
а) о трубѣ смерти и	
б) о сундукахъ [безъ обозначенія числа].	
II. Евангельская притча о сѣятелѣ.	II. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей:
	а) о трубѣ смерти и
	б) о четырехъ сундукахъ (41—44).
III. Притча о человѣкѣ и слонѣ.	III. Евангельская притча о богатѣ и Лазарѣ (72).
IV. Притча о трехъ друзьяхъ. [Третій другъ по арабской версіи—доброе	IV. Евангельская притча о брачномъ иврѣ (72—73).

διάπυρον αὐτοῦ πρὸς τὸν Θεὸν πόθου, ἐθαυμάζον δοξάζοντες ἐν πανί τὸν Θεόν, τὸν αἰεὶ συναργούντα τοῖς ἀγαπῶσιν αὐτὸν καὶ μεγίστα ἐπιβεβηκότες ἀμειβόμενον δωρεαῖς.

¹⁾ Первые четыре рассказа, выдѣленные въ изслѣдованіи Zotenberg'a (Notice etc. стр. 96—106) на ряду съ прочими параболами, представляютъ эпизодическое развитіе фавулы и нисколько не носятъ характера притчъ.

дѣло, по греческой—совокупность добрыхъ дѣлъ, какъ то: вѣра, надежда, любовь, милосердіе, человѣколюбіе и т. д., по грузинской—душа].

V. Притча о чужеземномъ царѣ.

VI. Притча о царѣ-язычникѣ и вѣрующемъ совѣтникѣ,

VII. Притча о богачѣ, женившемся на бѣдной.

VIII. Притча о человѣкѣ и соловѣѣ [по грузинской версіи третья заповѣдь—„не дѣлай другимъ зла, котораго не желаешь себѣ“, по остальнымъ—„не вѣрь лжи“].

IX. Притча о козулѣ.

X. Притча объ юношѣ и его страстной женѣ.

XI. Притча о любви женщины.

V. Евангельская притча о десяти дѣвахъ (73—74).

VI. Притча о птицеловѣ и соловѣѣ (79—81).

VII. Евангельская притча о блудномъ сынѣ (95—96).

VIII. Евангельская притча объ одной потерянной овцѣ (96).

IX. Притча о человѣкѣ и единорогѣ (112—113).

X. Притча о человѣкѣ и трехъ его друзьяхъ (114—118).

XI. Притча о чужеземномъ царѣ (118—120).

XII. Сравненіе свѣта истины съ солнцемъ (130—131). [Это—VII притча арабской версіи].

XIII. Притча о царѣ-язычникѣ и вѣрующемъ совѣтникѣ (135—138).

XIV. Притча о богачѣ, женившемся на бѣдной (139—143).

XV. Притча о козулѣ (157).

XVI. Притча о любви женщины (268—269).

и арабской.

I. Притча о благочестивомъ царѣ, состоящая изъ двухъ самостоятельныхъ частей:

а) о трубѣ смерти и

б) о четырехъ сундукахъ (34—35).

II. Евангельская притча о сѣятелѣ (36).

III. Притча о слонѣ и человѣкѣ (36—37),

IV. Притча о человѣкѣ и трехъ его друзьяхъ (37—38).

V. Притча о чужеземномъ царѣ (38).

VI. Притча о птицѣ, уподобленной пророкамъ (41).

VII. Притча о солнцѣ сердець и солнцѣ глазъ (42).

VIII. Притча о царѣ и мудромъ визирѣ (43).

IX. Притча о пловцѣ и его товарищѣ (45).

X. Притча о воробѣ и охотникѣ (46).

Вопросъ объ исторіи составленія и распространенія повѣсти о Варлаамѣ и Иоасафѣ нельзя считать вполне законченнымъ, несмотря на появленіе капитальныхъ работъ Zottenberg'a библиографическаго труда Е. Куна ¹⁾. Цотенбергъ сдѣлавъ тщательный анализъ романа со стороны языка и содержанія, пришелъ къ заключенію, что мнѣніе о принадлежности этой повѣсти Иоанну Дамаскину, должно быть оставлено, а заглавіе большинства рукописей, гласящее Ἱστορία ψυχροελάτης ἐκ τῆς ἐνδοτέρας τῶν Αἰθιοπίων χωρας, τῆς Ἰνδῶν λεγομένης, πρὸς τῆς ἀγίας πόλιν μετενυθεῖσα διὰ Ἰωάννου μοναχοῦ ἀνδρὸς τιμίου καὶ ἀναρέτου μονῆς τοῦ ἀγίου Σάβα, должно быть истолковано въ томъ смыслѣ, что душеполезная исторія имѣла редакторомъ нѣкоего Иоанна, монаха лавры св. Саввы близъ Иерусалима, который придалъ въ первой половинѣ VII в. законченную форму разсказу, занесенному изъ Индіи въ Иерусалимъ. Первоначальная греческая редакція этой повѣсти, индійское происхожденіе которой нынѣ уже не подлежитъ сомнѣнію, была составлена въ Сиріи и отъ греческаго пересказа (620—630 гг.) пошли всѣ переводы, передѣлки и подражанія позднѣйшаго времени. Изъ восточныхъ переводовъ этой повѣсти Цотенбергъ называетъ арабскую версію, существованіе которой онъ считаетъ возможнымъ отнести къ началу IX в., переходитъ къ мусульманско-арабской версіи и упоминаетъ объ еврейской, эфиопской и армянской ²⁾ передѣлкахъ.

Цотенбергъ указываетъ путь, которымъ душеполезная исторія изъ Индіи была занесена въ Иерусалимъ ³⁾, но, повидимому, она стала распространяться только въ XI в., къ которому относятся древнѣйшіе списки. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣется критическаго изданія съ вариантами этой повѣсти, отпечатанной Буассонадомъ въ средневѣковомъ латинскомъ переводѣ. Но по заглавію дошед-

¹⁾ *H. Zottenberg. Notice sur le livre de Barlaam et Josaph, accompagnée d'extraits du texte grec et des versions arabe et ethiopienne. Paris. 1866. E. Kuhn. Barlaam und Josaph. Eine bibliogr. litteraturgesch. Studie Abhandl. d. bayer. Akad. d. Wiss, phil.-philol. und hist. 1890.*

²⁾ См. *Brosset. Sur deux rédactions arméniennes en vers et en prose de la légende des saints Barlaam—Varlaam et Josaph—Josaphat. Mélanges asiatiques, t. VIII, liv. 3 et 4; pag. 535—543.*

³⁾ Свѣдѣнія о восточныхъ, латинскихъ, французскихъ, провансальскихъ и нѣмецкихъ текстахъ собраны также у г. Мейера и отчасти у проф. Бирничикова и акад. Веселовскаго.

шихъ двухъ списковъ—въ венеціанскомъ XI в. и парижской національной бібліотеки XV в.—явилось заключеніе, что романъ этотъ переводилъ грузинскій книжникъ св. *Евѳимій Иверскій*, жившій въ концѣ X и началѣ XI в. († 1026). Венеціанскій списокъ даетъ слѣд. заглавіе: [στορία ψυχῶ] φελῆς ἐκ τῆς ἐνδοτέρας τῶν αἰθιοπῶν χώρας πρὸς [τὴν] ἱερὰν πόλιν μετενεχυθεῖσα[α] διὰ ἰωάννου μοναχοῦ μονῆς τοῦ ἁγίου σάββα [ἐρμηνευθεῖσα] ἀπὸ τῆς ἰβήρων πρὸς τὴν ἑλλάδα γλῶσσαν ὑπὲρ εὐθυμίου ἀνδρὸς τιμίου καὶ εὐσεβοῦς τοῦ λεγομένου ἰβήρος. Но Цотенбергъ не придаетъ значенія этому упоминанію св. Евѳимія Ивера въ заглавіи своихъ списковъ и считаетъ его наивной поддѣлкой какого-нибудь грузинскаго инока Иверской лавры (ор. с., стр. 3). Взглядъ этотъ онъ мотивируетъ тѣмъ, что начало грузинской литературы относится къ второй половинѣ X в. и представляется невѣроятнымъ, чтобы такое законченное по формѣ и выразительное по мысли, какъ повѣсть Варлаамъ и Иоасафъ, была написана на неразработанномъ (inculte) языкѣ. Помимо этого, ошибочнаго какъ увидимъ, соображенія онъ отмѣчаетъ и положительныя доказательства своего мнѣнія: безчисленныя цитаты изъ Библіи и отцевъ церкви воспроизводятся въ романѣ буквально по греческому тексту этихъ книгъ. Можно ли допустить, чтобы переводчикъ прискивалъ въ подлинникахъ всѣ фразы, всѣ слова, всѣ намеки вмѣсто того, чтобы просто переводить ихъ, какъ остальную часть текста?

Эти доводы г. Цотенберга послужили основаніемъ византисту К. Крумбахеру отрицательно высказаться о возможности перевода повѣсти съ груз. языка на греческій языкъ Евѳиміемъ Иверомъ. Dass diese Angabe nicht richtig sein kann, hat Zotenberg nachdewiesen; sie stammt offenbar von einem iberischen Möncher der im Schwunge patriotischer Begeisterung dem Ruhmeskranze seine Landsmannes noch ein weiteres Blatt hinzufügen wollte ¹⁾. Обратимся къ доводамъ Цотенберга. Бар. В. Розенъ въ рецензіи на книгу Notice le livre de Barlaam et Joazarh сдѣлалъ автору нѣсколько вѣрныхъ замѣчаній по поводу его скептическаго отношенія къ участию св. Евѳимія - грузина при переводѣ душеполезной исторіи на греческій языкъ ²⁾. Представленія о позднемъ (X в.) развитіи грузинской письменности въ настоящее время должно быть признано несостоятельнымъ. Самцхійскіе обители VIII—IX в., монастыри, основанные 13 сирийскими отцами, пришедшими въ Грузію въ VI в., Саввинская лавра въ VII—IX в. въ Іе-

¹⁾ *Krumbacher*. Bysantische Litteraturgeschichte, s. 467.

²⁾ Зап. Вост. отд. И. Р. А. Общ., т. II, в. I и II, стр. 170 и сл.

русалимѣ, Синай въ VII в. являются центрами, гдѣ сосредоточивается переводная книжная дѣятельность грузинскихъ монаховъ. Есть датированныя рукописи 864 и 925 гг., содержащія переводы разныхъ твореній св. отцевъ церкви и, понятно, что въ концѣ X в. грузинскій языкъ былъ уже не настолько „incultus“, чтобы нельзя было на немъ выражать тѣ мысли, которыя заключаются въ повѣсти о Варлаамѣ и Иосафѣ. Теперь есть у насъ точныя указанія, что до Евѳимія и Георгія были уже грузинскіе переводы священнаго писанія ¹⁾. Названный св. Евѳимій оставилъ много переводовъ съ греческаго языка (до 60 названій) и, между прочими, перевелъ: „Лѣствицу“ Иоанн. Клімака, творенія св. Максима исповѣдника, Иоанна Дамаскина. Отсюда совершеннѣйшее знакомство св. Евѳимія съ греческимъ языкомъ не подлежитъ сомнѣнію. Переводчику отцевъ церкви не трудно было приводить текста на греч. языкѣ. По преданію, въ дѣтствѣ привезенный заложникомъ въ Константинополь, онъ совершенно забылъ родной языкъ и только благодаря чуду, по повелѣнію Богородицы, опять заговорилъ на немъ и сталъ затѣмъ уже переводить греческія книги. Въ житіи св. Евѳимія, составленномъ св. Георгіемъ, онъ считается переводчикомъ грузинскихъ книгъ на греческій языкъ ²⁾: Балавара, Абакура и нѣсколько другихъ. Итакъ, житіе его подтверждаетъ заглавіе двухъ греческихъ списковъ о переводѣ имъ Балавара (Балаваръ въ мусульманской версіи вмѣсто Варлаама). Бар. Розенъ предполагаетъ, что индійская фабула въ христіанскомъ видѣ записана монахомъ въ нач. VII в. въ лаврѣ св. Саввы со словъ благочестивыхъ людей, занесшихъ ее изъ Индіи ³⁾, а затѣмъ монахами-грузинами той же лавры въ качествѣ „душеполезной“ книги для конвертитовъ была переведена на грузинскій языкъ и занесена въ Грузію; художественную, законченную форму, въ которой является греческій романъ, ей придалъ св. Евѳимій Иверъ въ началѣ XI в., когда онъ ее переводилъ съ грузинскаго. При этомъ результаты, добытые

¹⁾ *Церетели*. Полное собраніе надписей Гелатскаго монастыря. М., 1891. стр. 42. Ср. слово свящ. Ираклія II Захарія о древнѣйшихъ грузинскихъ переводчикахъ и въ моей I книгѣ „Очерковъ“. См. еще приготовленное къ печати изслѣдованіе свящ. В. Нишарадзе о сванетскихъ рукописныхъ евангеліяхъ, предшествовавшихъ переводу св. Георгія Мтацминдели.

²⁾ *Цагарели*. Свѣд. о памят. груз. письм. вып. I. Спб. 1886. 53 — 4. См. у меня выше стр. 65 и слѣд.

³⁾ Индійское происхожденіе повѣсти, вопреки Киричичикову, поддерживаетъ акад. А. И. Веселовскій (Ж. М. Н. П. Ч. ССХII, отд. 2).

г. Цотенбергомъ относительно характера всей богословской системы романа, нисколько не противорѣчатъ возможности греческаго перевода съ грузинскаго языка. Строго православная точка зрѣнія о двухъ воляхъ уместна въ православномъ писателѣ XI в. какъ и VII в. Св. Евѣимій Иверь естественно могъ придать всему разсказу строго православную, діоелитическую окраску, въ виду полемики съ армянскою и яковитскою церквями. Что же касается до другихъ не специально-догматическихъ признаковъ, требующихъ отнесенія романа къ VII в., какъ-то отсутствія намековъ на исламъ, выставленныя въ качествѣ представителей язычества дуалистической персидской вѣры подъ именемъ халдеевъ, то, по мнѣнію бар. Розена, св. Евѣимію не было никакого повода ихъ измѣнять, не говоря уже о томъ, что всѣ признаки далеко не столь опредѣленны, чтобы имѣть безусловную доказательную силу и не допускать нѣсколько другого толкованія. Мысль о переводѣ „душеполезной исторіи“ съ грузинскаго языка на греческій отстаиваетъ проф. Гоммель, соглашаясь съ бар. В. Розеномъ ¹⁾. По авторитетному мнѣнію Мейера, отличіе греческаго текста иверской рукописи отъ издавнаго Буассонадомъ состоитъ главнымъ образомъ въ пропускахъ ²⁾. Собственныя имена, данныя въ грузинской версіи, повидимому, въ древней формѣ придаютъ нашему памятнику особое значеніе, таковы Задани и Зацдани, вм. Зарданъ, Іабенесъ и Абенесъ вм. Абеннеръ, Ѳедма и Ѳедамъ вм. Ѳевдасъ, Rakhi вм. Arakes, совершенно новое названіе Боламъ, родины Іудасафа-Будды. Относительно самого заглавія, Мудрости Балавара, сказаніе отца Исаака, сына Софронія Палестинскаго, замѣтимъ, что въ средніе вѣка извѣстны были два Софронія; объ одномъ передается, что онъ былъ: grec, ami de St. Jérôme, о другомъ упоминаетъ Цотенбергъ: „de Damas, vorphiste, basilien à St. - Sabas, patriarche de Jerusalem 634 -+ 638, mars 11“. Трудно рѣшить, о какомъ Софроніи идетъ рѣчь въ грузинской версіи. Имя же самого Варлаама даетъ проф. Гоммелю основаніе сопоставить его съ сирскимъ словомъ varlâhâ „Сонъ Бога“ и предположить, что весь его мистическій образъ складывается около половины IV в. изъ хорошо извѣстнаго сирійцамъ романа Будды „Bilau-

¹⁾ N. Weisslovitz. Prinz, und Derwisch. (München, 1890), См. „Anhang“ von prof. Dr. Fritz Hommel, стр. 128 et 59.

²⁾ Paul Meyer. Fragments d'une traduction française de Barlaam et Joasaph, faite sur le texte grec au commencement du XIII siècle в Bibliothéque de l'école des chartes, XXVII année, t. II, 6 série, отдѣльный оттискъ, стр. 5. (1866 г.).

наг и Iudásif“ (стр. 144, 145). Это мнѣніе находитъ нѣкоторую опору въ томъ свѣдѣніи, какое имѣется въ грузинской литературѣ о житіи св. Варлаама, сохранившемся на Аеонѣ: „Житіе Варлаама милостиваго, уроженца Черной Горы, въ Антиохіи“. Онъ прибылъ на Кавказъ, подвизался и умеръ въ Кавказскихъ горахъ, но гдѣ именно и и когда не сказано въ житіи, переводъ котораго сдѣланъ съ греческаго нѣкимъ Давидомъ. (Цагарели. Свѣдѣнія, вып. I, стр. 77—78). Быть можетъ этотъ Давидъ тотъ предшественникъ св. Евимія, о которомъ упоминаетъ свящ. Захарія, грузинскій писатель XVIII в.: „Я, духовникъ Захарія, видѣлъ (нашелъ) въ одной старинной книгѣ и выписалъ оттуда: задолго до Евимія и Георгія, свв. отцевъ-переводчиковъ, прибыли въ Іерусалимъ Давидъ и Стефанъ грузины, они тамъ выучились эллинскому языку (краснорѣчію) и впервые перевели нѣсколько священныхъ книгъ съ греческаго и съ арабскаго языковъ на грузинскій языкъ ¹⁾).

Языкъ грузинской повѣсти Варлаама и Іоасафа носятъ слѣды архаизмовъ по этимологіи и въ лексиконѣ, какъ вѣрно замѣтилъ Н. Я. Марръ.

Что касается до отношенія этой душеполезной исторіи къ житію Будды, то мы воспользуемся работой ак. А. П. Веселовскаго, написанной по поводу изслѣдованія А. И. Кирпичникова о Варлаамѣ и Іоасафѣ.

Довольно древнее преданіе (XI в.) видѣло автора повѣсти въ Іоаннѣ Дамаскинѣ: преданіе, ничѣмъ не подтвердившееся, которое однако г. Кирпичниковъ поднималъ снова (Повѣсть о Варлаамѣ и Іоас. стр. 212 — 3), поддерживая свое мнѣніе разборомъ христіанскихъ догматовъ, выраженныхъ въ житіи. Разборъ этотъ приводитъ его къ заключенію, что житіе въ настоящемъ своемъ не могло явиться раньше второй половины VIII вѣка (стр. 259). Таково же почти и хронологическое опредѣленіе гг. Потенберга и Мейера. Христіанская окраска легенды достаточно ясна, но существовалъ ли индійскій царевичъ Іоасафъ, или онъ ничто иное, какъ Будда, житіе Варлаама и Іоасафа—христіанская перелицовка легендарнаго житія основателя буддизма? Таково предположеніе, зародившееся одновременно во Франціи и Германіи,

¹⁾ Дополненія къ литературѣ о Варлаамѣ и Іоасафѣ: О сказкѣ Буты, а также о Балилѣ и Диниѣ см. *Картлисц-Цховреба* I, 269. Притча о сладости сего міра, въ Археол. извѣстіяхъ и замѣткахъ, 1893, 12. Въ притчѣ о Варлаамѣ и І. С. *Ольденбурга* въ Зап. Вост. Отд. Р. Арх. Об., т. IX, в. I—IV.

но подробнѣе высказанное Либрехтомъ ¹⁾ и остающіеся до сихъ поръ достояніемъ науки. Житіе Будды дошло путемъ устной передачи въ христіанскую среду, записано по-гречески какимъ-нибудь сирійскимъ христіаниномъ въ Египтѣ (на что указываютъ сирійскія имена и опредѣленіе положенія Индіи относительно Египта ²⁾) и приладилось къ стилю и понятіямъ христіанскаго аскетизма. Сравнивая его съ послѣдующими извлеченіями изъ легендарной біографіи Будды, необходимо имѣть въ виду, что между оригиналомъ и пересказомъ лежатъ отличія двухъ культуръ, и что, съ одной стороны дѣло идетъ о создателѣ новой религіи, а съ другой—послѣдователѣ христіанскаго благовѣстія. Это различіе типовъ, обусловленное самыми цѣлями передѣлки, поможетъ выдѣлить сходное и оцѣнить въ надлежащей мѣрѣ встрѣчающіяся разногласія. Ак. Веселовскій пользуется для слѣдующаго изложенія о Буддѣ китайскимъ переводомъ *Abhinish kramana—Sûtra*, сдѣланнымъ въ концѣ VI вѣка нашей эры ³⁾; самый памятникъ древнѣе этого времени, такъ какъ есть извѣстіе, что онъ былъ переведенъ на китайскій языкъ уже въ 69—70 по Р. X, чему подтвержденіемъ служатъ скульптурныя изображенія въ Санчи и Бархутѣ (между 760 г. до Р. X. и первымъ столѣтіемъ по Р. X.), представляющія различные эпизоды житія Будды. Будда, индійскій царевичъ, сынъ царя Суддгоданы. Передъ его рожденіемъ мать его видитъ вѣщій сонъ, который брахманы—снотолкователи изъясняютъ такъ: у царя родится сынъ, который будетъ царемъ надъ царями, всесвѣтнымъ владыкой, праведнымъ, спасителемъ міра и людей отъ бездны горя и печали. Астрологи и предсказатели подтверждаютъ это уже по рожденіи ребенка по знаменіямъ будущаго величія, которыми онъ отмѣченъ; знаменія эти возвѣщаютъ, что если онъ останется въ міру, будетъ онъ всемірнымъ властителемъ, если же станетъ духовнымъ, то достигнетъ высшаго просвѣщенія, будетъ проповѣдникомъ закона и совершеннымъ Буддой. Отецъ его не желаетъ послѣдняго; совѣтники успокаиваютъ его: сынъ его будетъ всемірнымъ монархомъ, слѣдуетъ только принять мѣры, чтобы онъ не полюбилъ пустыни, не сталъ бы отшельникомъ; съ этою цѣлью надо окружить его всѣми свѣтскими удовольствіями, чтобы привязать его къ дому и къ семьѣ. Царь запретилъ открывать сыну бывшее о немъ пророчество.

¹⁾ Die Quelle des Baralaam. u. Joasaph. Jahrb. für rōman. u. engl. Lit. II. Bd. 314—334.

²⁾ См. начало повѣсти: Η τῶν Ἰνδῶν λεγομένη Χώρα πόρρω μὲν διάκειται τῆς Αἰγύπτου μενάλῃ οὐσᾶ καὶ πολυἀγθρωπος. περιχλύεται δὲ θαλάσσαις καὶ ναυσιπόροις πελάγῃσι τῷ κατ' Αἴγυπτον μέρει.

³⁾ Журн. М. Нар. Пр., ч. СХСII, отд. II, стр. 142 и слѣд.

Слѣдуютъ школьные годы Будды, удивляющаго своими знаніями учителей, рано начинающаго показывать наклонность къ созерцательной жизни, задумываться надъ вопросами существованія. Когда онъ достигъ возмужалости, пророчество снова начинаетъ тревожить отца, и снова совѣтуютъ министры: построить для царевича дворецъ, приспособленный ко всѣмъ удовольствіямъ, окружать его красавицами: это отвлечетъ его сдѣлаться аскетомъ. По желанію отца, Будда беретъ себѣ въ жены Ясодару, Манодару и Готами; отецъ построилъ для него три дворца, гдѣ царевичъ пребываетъ среди невиданной роскоши, среди наслажденій, вдали отъ всего, что могло бы возбудить идеи страданія или горя.

Такъ распорядился отецъ; съ этою же цѣлью царевича не выпускали изъ дворца, окруженнаго вѣпкою стѣной; трое воротъ (въ стѣнѣ, въ оградѣ сада и самомъ дворцѣ), хитро устроенныхъ и охраняемыхъ вооруженною стражей, должны были предотвратить всякую попытку къ бѣгству. Въ это время одинъ Девапутра, обитавшій въ странствѣ, обратилъ вниманіе на Будду, уже въ теченіе десяти лѣтъ предававшагося однѣмъ чувственнымъ утѣхамъ. „Мы не должны дозволить, чтобъ его разумъ и чувства затемнились и извращались долѣе, сказалъ онъ;—пусть узнаетъ надлежащую цѣну этимъ вещамъ, и что ему слѣдуетъ покинуть ихъ и вмѣстѣ съ ними свой кровь“. Девапутра приготовляетъ его къ этому шагу: ночью невиданный голосъ наставляетъ его; по устроенію Девапутры, пѣсни придворныхъ красавицъ, вмѣсто того, чтобы возбуждать любовную страсть, говорили о скоротечности всего земнаго, и самыя звуки музыки наводили царевича на религіозныя думы, приготовляли сердце его къ воспріятію высшаго знанія. Съ тою же цѣлью Девапутра вселяетъ въ него желаніе выйти изъ дворца въ окружающіе его сады. Царевичъ велитъ своей возницѣ Чандакѣ приготовить для него колесницу; Чандака даетъ знать всему городу при звукахъ барабана и колокола, чтобы послучаю выѣзда царевича все облеклось въ праздничный видъ, чтобы съ улицъ удалено было все напоминающее о существованіи старости, болѣзни, смерти. Будда ѣдетъ, и, по устроенію Девапутры, ему представляется по дорогѣ дряхлый старикъ; на слѣдующей и третьей прогулкѣ Будда видитъ больнаго и затѣмъ покойника. Всякій разъ царевичъ допрашиваетъ возницу; что это значить, а тотъ вдохновенный Девапутрой, говоритъ ему о неизбѣжности старости, болѣзни, смерти. Всякій разъ, выслушавъ эти объясненія, царевичъ возвращался съ прогулки, чтобы предаться размысленію, а царь, обезпокоенный разговоромъ возницы, усиливаетъ присмотръ и умножаетъ средства развлеченія. На послѣд-

ней прогулкѣ Девапутра является царевичу образъ нищенствующаго монаха—аскета. Будда вступаетъ съ нимъ въ разговоръ и тотъ, подѣ навигіемъ Девапутры, говоритъ ему, что такое нищенствующій монахъ: это тотъ, кто оставилъ міръ и его стези, домъ и друзей, съ цѣлю найти себѣ освобожденіе; кто ничего такъ сильно не желаетъ, какъ даровать жизнь всему существу, никому не дѣлая вреда.

Возвратившись домой, царь объявляетъ отцу о своемъ рѣшеніи стать аскетомъ. Суддгодана, сильно огорченный, начинаетъ отговаривать его; то же дѣлаютъ совѣтники царя; царь подсылаетъ къ нему съ той же цѣлю Удаи, сына своего главнаго министра; жены и красавицы, окруживши царевича, удваиваютъ свои ласки и обольщенія. Но Будда оказался непоколебимымъ въ своей рѣшимости и въ ту же ночь, ободряемый голосомъ Девапутры, бѣжитъ изъ своего дворца въ сопровожденіи возницы Чандаки. На слѣдующій день его хватились, но всѣ поиски за нимъ были тщетны.

Въ лѣсу онъ сбрилъ свои волосы, обмѣнялся своимъ дорогимъ платьемъ съ однимъ девою, принявшимъ образъ охотника, и отсылаетъ Чандаку домой. Разсказъ возницы обновляетъ общую печаль: весь народъ плачетъ, сѣтуютъ жены Будды, жалуется отецъ. По его желанію, двое совѣтниковъ отправляются еще разъ, чтобы отыскать царевича и привести его назадъ; они находятъ Будду сидящимъ подѣ деревомъ и приступаютъ къ нему съ убѣжденіями: отецъ готовъ уступить ему все свое царство; пусть вернется: возвращались на царство и другіе цари-аскеты. Но Будда связалъ себя великою клятвой: онъ не оставитъ своей цѣли и не вернется домой. Позднѣе, царь дѣлаетъ еще одну, столь же неудачную попытку упросить сына. Между тѣмъ Будда ведетъ жизнь скитальца: мы видимъ его то у брахмановъ—аскетовъ, то у пустынниковъ-арабовъ, всюду онъ вступаетъ въ разговоръ о религіозныхъ системахъ, поднималъ споры, вырабатывая свое собственное міросозерцаніе путемъ углубленія въ самого себя и истощая себя чрезвычайнымъ постомъ. Мара, начальникъ зла, царь смерти, властитель міра соблазновъ опасается подвижника, грозившаго перенять его власть на землѣ. Онъ пытается отворотить его отъ его подвига, собираетъ подвластныя ему силы, искушаетъ Будду, то являясь ему въ образѣ гонца съ вѣстью, что его родственникъ Девадатта захватилъ престолъ и держитъ въ плѣну его отца, то смущая его соблазнительными рѣчами и тѣлодвиженіями демоновъ-красавицъ. Дочери Мара поютъ ему о земной любви, Мара соблазняетъ его образами земного величія, пугаетъ полчищами демоновъ-чудовищъ, угрожающихъ ему всякими страхами. Изъ всѣхъ искушеній Будда выходитъ побѣдонос-

нымъ, девы поддержали его славу, демоны побѣждены, и Будда достигаетъ высшаго просвѣщенія. Слѣдуетъ затѣмъ разсказъ о его проповѣднической дѣятельности.

У Будды являются много послѣдователей, но и опасные противники въ лицѣ брахмановъ, съ которыми онъ принужденъ вести борьбу и которыхъ побѣждаетъ въ религиозномъ спорѣ. Подъ конецъ принимаетъ его ученіе отецъ Суддгодана. Будда умираетъ въ преклонныхъ лѣтахъ, и легенда говоритъ о его торжественномъ погребеніи, которое обычно было лишь для всемірныхъ монарховъ ¹⁾.

Сличеніе пересказаннаго ак. Веселовскимъ житія Будды съ повѣстью о Варлаамѣ и Іоасафѣ открываетъ между ними точки соприкосновенія и отличія, которыя необходимо выяснить. Были попытки ученыхъ сблизить нѣкоторыя имена дѣйствующихъ лицъ, являющихся въ той и другой легендѣ. Такъ Теудасъ, (Тедма) одинъ изъ противниковъ Іоасафа, отвѣчаетъ образу Мары, но со стороны имени сблизается съ Даводаттой, однимъ изъ противниковъ Будды. Имя Іоасафа объяснялось измѣненіемъ имени Подписатвы (=Будды; Бодсодъ=Іоасафъ, вѣроятнѣе сравненіе, предложенное г. Минаевымъ, Іоасафа съ Ясадой одного буддійскаго разсказа ²⁾). Другія имена Варлаамовой повѣсти обличаютъ своимъ семитическимъ характеромъ (Варлаамъ, Абеннеръ) посредство пересказчика—сирійца. Отличія обоихъ житій отличаются главнымъ образомъ требованіями новаго приуроченія. Будда самъ доходитъ до состоянія высшаго духовнаго просвѣщенія; для Іоасафа цѣль стремленія была опредѣлена въ истинахъ христіанскаго откровенія. Здѣсь недостаточно было собственной работы мысли, а явилась необходимость руководства, наставленія. Такъ объясняли въ житіи Іоасафа выдающуюся роль Варлаама, которому въ индійской легендѣ отвѣчаетъ развѣ блѣдный образъ нищенствующаго монаха, встрѣча съ коимъ, устроенная Девапутрой, окончательно опредѣлила призваніе Будды. Варлаамъ приготовляетъ Іоасафа къ принятію христіанства: вся учительная часть повѣсти приписана ему, онъ наставляетъ царевича притчами и апологами.

Замѣтимъ, что и въ житіи Будды развитъ этотъ элементъ вставныхъ разсказовъ; разсказчикомъ является самъ Будда, и какъ повѣствованія Варлаама приурочены къ цѣлямъ христіанскаго наставленія, такъ въ устахъ Будды народныя сказки, апологъ, на время преобра-

¹⁾ Barthelemy Saynt-Hilaire, Le Bouddha et sa religion.

²⁾ См. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Битовраѣ, стр. 160 съ ссылкой на статью И. П. Минаева.

зуются въ разсказы изъ исторіи перерожденій, какъ его самого, такъ и его учениковъ и другихъ лицъ, выступающихъ въ житіи. Самая идея перерожденія не укладывалась въ христіанское міросозерпаніе, она должна была исчезнуть, можетъ быть, оставивъ по себѣ одинъ черный слѣдъ. Іоасафъ спрашиваетъ Варлаама о его возрастѣ. „Миѣ около 45 лѣтъ“, сказалъ старецъ. Удивился Іоасафъ. „Но на видѣ тебѣ болѣе семидесяти!“—„Лѣта моей жизни на землѣ ты опредѣляешь довольно вѣрно“, отвѣчаетъ Варлаамъ;—„но время проведенное мною въ лживомъ мірѣ, я за жизнь не считаю“.

Такого рода взглядъ на отношенія мірской и духовно-созерцательной жизни находится въ уровнѣ со взглядами христіанскаго аскетизма; но пластическая фраза Варлаамъ различаетъ какъ бы два отдѣльных существованія, смѣнившихъ одно другое, какъ фазы перерожденій, о которыхъ говорили индусы.

Появленіе Варлаама, не встрѣчающееся ни въ одной легендарной біографіи Будды, было объяснено выше изъ требованій христіанскаго пересказа, подарившаго насъ житіемъ Іоасафа. Либрехтъ также считаетъ Варлаама нововведеніемъ христіанскаго пересказчика. Относительно этого вопроса можно высказаться опредѣленнѣе, развивая указаніе, данное нѣсколько лѣтъ тому назадъ профессоромъ Минаевымъ. Дѣло въ томъ, что въ числѣ повѣстей, вложенныхъ въ уста Будды и вставленныхъ въ его житіи, есть одна, не обратившая на себя вниманія Либрехта: это—разсказъ объ одномъ изъ первыхъ послѣдователей Будды, Ясадѣ или Ясодѣ. Онъ интересенъ тѣмъ, что, являясь сколкомъ съ легендарной біографіи Будды (собственно, съ первой ея половины: юность и бѣгство), онъ представляетъ болѣе родственныя черты съ житіемъ Іоасафа. Выше уже указано на возможность сблизить имена Ясады и Іоасафа; послѣдній родится у отца, долго пребывавшаго бездѣтнымъ; тоже разсказывается о Ясадѣ, но не о Буддѣ.

Легенда о Ясадѣ вкратцѣ слѣдующая: Въ Бенаресѣ жилъ именитый человѣкъ, по имени Супри - Будда. Онъ обладалъ несмѣтными богатствами, но у него не было дѣтей. По его молитвѣ Девапутра, спустившись съ небесъ, воплотился въ его жену (такимъ же разсказомъ о чудесномъ воплощеніи начинается, какъ извѣстно, и легенда Будды), а у Супра - Будды родился красавецъ-сынъ, который названъ Ясадой по примѣтѣ сіянія, появившагося надъ его головой въ минуту рожденія. Будучи единственнымъ сыномъ у своихъ родителей, Ясада преуспѣвалъ, развиваясь тѣлесно и умственно. Отецъ построилъ ему три величественные дворца—одинъ для зимы,

другой для лѣта, третій для весны и осени. Его окружили всякими удовольствіями и бдительной стражей.

Въ это время Будда проповѣдовалъ законъ въ Бенаресѣ, а Сакра-Раджа (то - есть Индра, отвѣчающій Девапутрѣ легенды о Буддѣ) спускается съ неба, и, войдя во дворецъ Ясады, обращается къ нему съ такою рѣчью: „Дорогой Ясада! пришла тебѣ пора покинуть твой кровъ и стать нищимъ монахомъ“. Услышавъ это, Ясада велитъ приготовить себѣ колесницу и отправляется любоваться красотой окрестныхъ садовъ. Его первая встрѣча—съ нищимъ монахомъ; это былъ Будда; онъ предвѣщалъ скорое обращеніе Ясады, который, пораженный благолѣпіемъ Будды, сойдя съ колесницы, преклоняется предъ нимъ и за тѣмъ ѣдетъ далѣе. Въ садахъ новая встрѣча: Сакра приняла образъ дряхлой женщины, трупъ которой былъ покрытъ червями. Это зрѣлище опечалило Будду и навело на него раздумье. Въ ту же ночь онъ бѣжалъ, и въ рассказѣ о его бѣгствѣ встрѣчаются тѣ же черты, что и въ соответствующемъ эпизодѣ ученія Будды: точно также ворота открываются передъ нимъ сами, безъ скрипа и т. п. Онъ переходитъ рѣчку Ворану, гдѣ его ждетъ и просвѣщаетъ Будда. Между тѣмъ, Ясады хватились дома его жены, мать и отецъ, который обѣщаетъ большую награду тому, кто укажетъ ему, куда удался его сынъ, и самъ идетъ искать его. Рассказъ кончается обращеніемъ отца Ясады, его родни и друзей. Выше замѣчено, что Варлаамъ христіанскаго житія отвѣчаетъ нищенствующему монаху, съ которымъ, накануне своего бѣгства, встрѣтилъ Будда. Изъ повѣсти о Ясадѣ, мы узнаемъ, что этотъ монахъ самъ Будда.

Рассказъ—Mahavastu (собраніе легендъ о Буддѣ и его ученикахъ), сообщенный акад. Веселовскому покойнымъ Минаевымъ, передаетъ въ болѣе краткихъ чертахъ ту же легенду о Ясадѣ, который названъ Ясодомъ и прибавляетъ новыя подробности, приближающія насъ къ житію Иосафа. Легенда эта начинается такимъ же рассказомъ о рожденіи и юности Ясоды, какъ и предыдущая. Затѣмъ слѣдуетъ эпизодъ о купцѣ, отправлявшемся торговать на востокъ. Когда онъ вернулся, отецъ Ясоды шлетъ къ нему посланца со словами: „Приди и посмотри на благолѣпіе моего сына. Купецъ явился, отецъ усадилъ его, и позвалъ двухъ юношей Ясода. Явившись, онъ не поклонился ни отцу, ни гостю, и все трое возсѣли на одномъ сѣдалищѣ.

Между тѣмъ, царь принялъ посланца за отца Ясады съ словами: „Есть царскія дѣла, приходи скорѣе“. „Посиди съ юношей, пока я прійду“, говорилъ, уходя отецъ. Оставшись вдвоемъ, купецъ, пораженный благолѣпіемъ Ясоды, подумалъ, что такая жизнь ему

не прилична, а прилично быть Пратьска-Буддой, или великимъ Шравовой (ученикомъ Будды). „Юноша“, сказалъ онъ ему, — „всякая молодость оканчивается старостью, всякое здоровье болѣзною, всякое великолѣпіе имѣетъ конецъ, со всѣмъ инымъ, пріятнымъ бываетъ разлука. Видѣлъ ли ты Бгагавана (господина, то - есть Будду)?“ „Кто онъ такой?“ спрашиваетъ юноша, и купецъ описываетъ его. У Ясоды является желаніе повидать Будду—и затѣмъ слѣдуетъ уже извѣстный рассказъ о бѣгствѣ.

Если предыдущая повѣсть позволить сблизить какъ царевича съ пшчимъ монахомъ—Буддой, съ которымъ встрѣтился Ясада, то редакція Mahavastu подсказываетъ другое сближеніе—Варлаама съ купцомъ. Варлаамъ также является къ Иоасафу въ образѣ купца и представляетъ его на путь истины, какъ купецъ въ легендѣ Mahavastu. Драгоценный камень, который Варлаамъ сдаетъ царевичу и который толкуется иносказательно, какъ сокровище Христовой вѣры, могъ явиться самостоятельно въ христіанской перепискѣ, какъ послѣдующая подробность, наводившая на аллегорическое толкованіе, но въ устахъ буддійскихъ проповѣдниковъ подобная формула была освящена: я говорю—слова ак. Веселовскаго—о „трехъ драгоценностяхъ“ буддизма (Будда, законъ и санга, т. е. община духовныхъ).

Либрехтъ сравниваетъ житіе Варлаама и Иоасафа съ легендой Будды. Дальнѣйшія изслѣдованія измѣнять, быть можетъ, второй терминъ сравненія, поставивъ на его мѣсто легенду о Ясодѣ, одномъ изъ первыхъ учениковъ Будды. Но это не отмѣнить точку зрѣнія Либрехта, какъ какъ легенда о Ясодѣ, въ сущности, повторяетъ біографію Будды съ нѣкоторыми отличіями, которыя ведутъ къ такимъ сопоставленіямъ: Ясода — это монахъ; аскетъ—Будда; встрѣченный Ясодой, купецъ являющійся къ нему съ проповѣдью буддизма,—это Варлаамъ. Имя послѣдняго, пока необъясненное, обличаетъ христіанскаго пересказчика—Семита: bar въ началѣ имени, какъ и въ имени Вареоломея (Bartholomaeus) означается въ семитическихъ языкахъ: сынъ. По мнѣнію акад. Шифнера, Варлаамъ, можетъ быть, ничто иное, какъ апостоль Вареоломей, о которомъ древнее преданіе (Евсвей, св. Іеремія и др.) гласило, что онъ ходилъ въ Индію, гдѣ по разсказу Авдія, будто бы обратилъ въ Христову вѣру царя Полинаія.

Итакъ, исторія Варлаама и Иоасафа ничто иное, какъ христіанская перелицовка, и притомъ очень точная, повесть о жизни и духовномъ развитіи Будды.

Либрехтъ, говоритъ акад. Веселовскій, сравнивъ рамку житія Варлаама и Иоасафа съ рамкой легендарной біографіи Будды, нашелъ

въ нихъ вѣскія черты сходства, а притчи изъ житія Варлаама и Иосафа¹⁾, совпадающія съ буддѣйскими пересказами, укрѣпило его взглядъ на буддѣйское происхожденіе всего житія. Понятно, что послѣднее доказательство является лишь подспорьемъ, ибо отношеніе рамки сказа къ вставленнымъ въ нее параболамъ нѣсколько случайное, легко можно представить, что наставленія могли быть еще подробнѣе, чѣмъ въ извѣстномъ намъ текстѣ, и такимъ образомъ вызвать потребность въ новыхъ иллюстраціяхъ—въ формѣ новыхъ апологовъ. Вспомнимъ, для подкрѣпленія этой мысли, что сказанные сборники, вышедшіе съ Востока въ средневѣковой Европѣ сохранили, подобно житію, повѣствовательную рамку и такихъ же внѣшнимъ образомъ связанныхъ съ нею апологовъ, число которыхъ свободно нарастало или уменьшалось, не измѣняя существенно характера всего памятника. Такъ измѣнялся въ средневѣковыхъ передѣлкахъ старый восточный романъ *о семи мудрецахъ*.

Обзоръ житій перелagateлей священнаго писанія на грузинскій языкъ въ связи съ появленіемъ духовно-нравственныхъ сочиненій въ періодъ IX—XI в. не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что грузинская литература обогащалась памятниками главнымъ образомъ религіознаго и поучительнаго характера. Христіанство прочно утверждается въ Грузіи, воздвигаются знаменитые храмы Ахталскій, Зарзмскій, Мוצаметскій, Никорцминдскій, Кутаисскій и др.—служащіе и нынѣ лучшими образцами грузинской архитектуры. Вырабатывается не только стиль строительнаго искусства, но создается школа живописцевъ, расписывающихъ стѣны храмовъ и памятники письменности. Одно Евангеліе Гелатское XI в. можетъ достаточно свидѣтельствовать о подъемѣ художественныхъ вкусовъ въ грузинскомъ обществѣ. Внѣшнее благолѣпіе дома Божьяго сопровождается внутреннимъ усовершенствованіемъ богослуженія. Является потребность въ стройномъ пѣніи и создается „гимница“. До насъ дошла грузинская нотная рукопись X вѣка принадлежащая „обществу распространенія грамотности“ и записанная въ каталогъ подъ № 425.

Что дѣйствительно рукопись написана въ X вѣкѣ, это доказываетъ палеографіей и приписками рукописи. Въ припискахъ, а также въ заглавіяхъ разныхъ статей, упоминаются лица, которыя жили и дѣйствовали въ X вѣкѣ, таковы цари Грузіи: Сумбатъ (923—958),

¹⁾ Мы изложили повѣсть Варлаама и Иосафа по рукописи г-жи Дапквевой.

Гургенъ (958—980), Давидъ царь и Куротпалать (?—1001), также писатели: Микхель, Давидъ, Иоаннъ, епископъ тбетскій, знаменитый переводчикъ Евфимій († 1028 г.). Лучшій знатокъ грузинской палеографіи Дм. Баградзе, на основаніи содержанія приписокъ и характера письма, указанную рукопись безусловно относитъ къ X-му вѣку.

Рукопись представляетъ изъ себя громадный фоліантъ — почти въ аршинъ длиною и $\frac{1}{4}$ аршина шириною. Состоитъ она изъ 544 пергаментныхъ листовъ, исписанныхъ церковнымъ шрифтомъ, при чемъ всѣ записи, приписки, заглавія статей и начальныя буквы воспроизведены грузинскими заглавными буквами (асо-мтхаврули). Вся рукопись съ начала до конца расписана киповарными нотными знаками, почему авторъ труда своему даетъ названіе „Сагалобели“ („Божественный пѣсенникъ“), или лучше сказать „гамница“.

Этотъ „пѣсенникъ“ содержитъ въ себѣ хвалебныя гимны и пѣсни на главные христіанскіе праздничные дни, а также въ честь разныхъ богоугодныхъ и святыхъ мужей, между прочимъ, въ честь св. Або, замученнаго въ Тифлисѣ агарянами въ 790 году и прославляемаго грузинскою церковью. Многіе отдѣлы этихъ пѣсень и самихъ нотъ, какъ гласитъ послѣзаглавная записъ, исполнена „Мампһаломъ“ Иоанномъ Мтбевари, портретъ котораго представленъ тутъ же на поляхъ рукописи, съ надписью: „Иоаннъ, епископъ тбетскій“.

Но всего важнѣе тутъ послѣсловное оповѣщеніе автора Микхеля, который говоритъ: „Послѣ долгихъ поисковъ, съ большимъ трудомъ мнѣ удалось найти на *грузинскомъ языкѣ* гимны-ноты: *греческія, мекхурскія* и *грузинскія*, а, затѣмъ, найдя ихъ, я безъ всякаго измѣненія мотивовъ (кило) и нотныхъ знаковъ (нишани) завершилъ этотъ трудъ“.

Тутъ вниманіе читателя мы останавливаемъ на слова „*мехури*“ [месхури?] и на свидѣтельство автора, что онъ *послѣ долгихъ поисковъ нашелъ ноты на грузинскомъ языкѣ*. Если авторъ, какъ мы выше сказали, жилъ въ X вѣкѣ, то по записи выходитъ, что на грузинскомъ языкѣ ноты должны были существовать уже раньше его, т. е. въ IX вѣкѣ²⁾.

Отмѣчаемъ нѣсколько рукописей IX—XII вв. изъ тифлискаго церковнаго музея, представляющихъ дополненіе въ названномъ мною [стр. 24] памятникамъ груз. письменности.

144 [номеръ каталога]. Рукопись на пергаментѣ (in folio) весьма поврежденная, многихъ листовъ недостаетъ, безъ переплета, заключаетъ въ себѣ:

²⁾ У свящ. Василія Барбелова въ Тифлисѣ намъ пришлось видѣть другую нотную на пергаментѣ рукопись XI в., заключающую въ себѣ 485 стр.

- 1) Слово Иоанна, епископа Болнискаго [Болнели] на 3 недѣлю Вел. поста.
- 2) Его же на 5 недѣлю Вел. поста.
- 3) Его же на шестую недѣлю Вел. поста.
- 4) Его же на седьмую недѣлю.
- 5) Св. Иоанна архіепископа Слово на Пасху.
- 6) Его же на тотъ же день.
- 7) Его же на тотъ же день.
- 8) Его же на тотъ же день.
- 9) Слово на Пасху.
- 10) Слово на понедѣльникъ послѣ Пасхи св. Кирилла, Іерусалимскаго архіепископа (о Воскресеніи Господа).
- 12) Слово св. Ефрема о смерти и о разлученіи души съ тѣломъ.
- 13) Слово Иоанна Болнели на Өмниную недѣлю.
- 13) Св. Иоанна архіепископа на Өмниную недѣлю.
- 14) Св. Евсевія епископа „о безчинномъ пѣніи“.
- 15) На четвергъ 2-й недѣли. Слово св. Ефрема объ Иліи и архангелѣ Мыхаилѣ.
- 16) О томъ естьли Христовъ братъ Иоаннъ.
- 17) Письмо Іосифа Аримаеяйскаго о построеніи храма въ городѣ Пресвятой Богородицы.
- 18) Слово св. Иоанна Златоустаго на Вознесеніе.
- 19) Слово его же на недѣлю Өмниную.
- 20) Слово его на сошествіе св. Духа.
- 21) Чтеніе.. 24) Чтеніе на Воздвиженіе честнаго креста во Мухетѣ.

[Проповѣдникъ XI в. Иоанна Болнели оставилъ до 11 проповѣдей. Ц. муз. № 95].

Успеніе Богородицы Иоанна Златоуста № 144.

85. Житіе св. Георгія Опизскаго. (См. у меня I в. „Очерковъ“).

108. Григорія Богосл. Слова съ рисунками, гдѣ апокрифическое изображеніе крещенія Христа Господа въ водѣ, рядомъ съ нимъ сидитъ Адамъ и стоитъ крестъ, надъ нимъ св. Духъ и десница Бога Отца.

179. Жизнь Адама in 8°, писанъ хуцури, стр. 533.

95. Дѣтство Христа (въ сборникѣ X—XI в., хуцури).

19. Пергаментъ „хуцури“ (сванет. сбор.) 489 стр. Житіе св. Або, Слово св. Нины о крещеніи Господа нашего I. Христа. Памяти свв. апостоловъ Петра и Павла; мученичество ап. Павла.

21. Ямбич. стихи мѣстныхъ авторовъ.

36. Пергамент . Жизнь пресв. Богородицы.

38. Пергаментъ 974 г. Псалмы прор. Давида и пасхалія съ объясненіемъ груз. лѣтоисчисленія.

40. Пергаментъ XI в. Жизнь пресв. Богородицы.

50. Рукопись на бумагѣ in 4°, церковностроч. буквы, начальныхъ листовъ и послѣднихъ недостаетъ, стр. 310. Заключаетъ въ себѣ: 1) Жизнь и мученичество Георгія Побѣдоносца и севастійскихъ мучениковъ. 2) Похвала (?). 4) О мученичествѣ св. Василія Вел. и Ефрема Сирина. 3) Ефрема Сирина похвала всѣмъ свят. 4) Слово св. Федора Студита по поводу обрѣтенія главы I. Хр. 5) Жемчугъ. 6) Слово Григорія Нисскаго о постѣ.

57. Письмо на бумагѣ: Сказаніе св. отцевъ о самоосужденіи и о воспитаніи воли.

60. Рукопись церковно-строчн. буквами на бумагѣ in f. 357 стр., въ переплетѣ, начальныхъ и послѣднихъ листовъ недостаетъ. Рукопись пострадала отъ сырости. Заключаетъ въ себѣ статьи извѣстныя подъ именемъ „Пчела“

: 1) Вопросы ко св. Марку и отвѣты его, обнимающіе всю систему

христианскаго вѣроученія (начало статьи не имѣется, но названія ея опредѣляются по указанію стр. 57). 2) Св. Діодоха „объ опредѣленіяхъ“. 3) Его же (епископа Діодоха Фотикскаго древняго Апира) „сто главъ аскетическихъ. Въ концѣ помѣщены ямбическіе стихи св. патріарха Антиохійскаго — Іоанна (стр. 137). 4) Св. Василя Велик. „о страстяхъ“. 5) Хоринійскому пресвитеру о строгости противъ грѣшныхъ и говорящему что недостаточно устнаго исповѣданія (стр. 143). 6) Свят. отца Кила „о молитвѣ 153 главы“, (стр. 270). 7) Его же гномы, т. е. краткія изрѣченія. 7) Посланіе ко св. Игнатію Богоносцу, ибо въ то время въ Римѣ былъ св. Анеклито съ Папою Римскимъ; св. Климентъ съ нимъ подвизался и принялъ мученическую смерть. 8) Посланіе, св. Игнатія Богонос. въ градъ Антиохійскій. 6) Посланія, между прочимъ, жителямъ Смирны, б) къ Поликарпу Смирнскому, в) къ Ефессеямъ.

67. Рукопись церковно-строчн. буквами на бумагѣ 153 л. Подвиги ап. Павла, ямбич. стихи всѣмъ святымъ.

76. На бумагѣ 676 стр. Постановленія всел. и помѣстн. соборовъ — Мцхетскаго собора при Давидѣ В.

80. Рукопись 301 л., бумага. Слово Григорія Богосл. о крещеніи І. Христа.

85. Перг. р. XIII в. ц.-строчн. 6. $\frac{1}{8}$ л. Церков. пѣснопѣніе, ямбическіе стихи Арсенія Иколотели, Іоанна Шавтели.

95. Пергаментъ 1316 стр. Метафрастъ на весь годъ.

102, 113. Рук., церк. стр. буквами Толкованія Іоанна Златоуста на Евангеліе Марка въ переводѣ Іоанна Чирчимели.

119. „Грдемлі“, католикоса Виссаріоа противъ латинянь.

120. Марцухи (Клещи) митрополита Іосифа Кутамскаго противъ еретиковъ.

137. Пергаментъ цер. стр. букв. Ямбическіе стихи съ греч.: Ефрема Млад. 2) Еп. Арсенія Икалтойскаго.

140. Пергаментъ 510 стр. цер. стр. буквами inf, между прочимъ заключаеъ Слово св. Епифанія Кипрскаго о погребеніи І. Христа.

153. Бумага, рук. цер. строчн. буквами. Чтеніе объ изгнаніи Адама. 2) Построеніе Іерусалима. 7) Вознесеніе ап. Павла. 8) Вопросы І. Христа и отвѣты разслабленнаго.

105. Хронографъ (исторія іудеевъ до 3 вселенскаго собора) *Георія монаха*; св. *Василія Кесарійскаго* о животныхъ. Его же о числѣ лѣтъ отцевъ ветхозавѣтныхъ. Его же о Христѣ и Антихристѣ.

Отмѣтимъ еще 1) Местійское (сванетское) евангеліе XI в. [„Поѣздка епископа *Григорія* въ Сванетію“. Потн, 1893, стр. 31. 2) Ахалцхское пергаментное евангеліе и 3) Аскетиконъ XII в. Василя Вел., хранящійся при Бутавскомъ соборѣ. Переписанъ онъ Ефремомъ Младшимъ.

Бросимъ историческій взглядъ на внѣшнюю исторію Грузіи X—XII вв. Первый Багратидъ, Гурагъ, возсѣлъ на престолѣ Грузіи въ 576 году ¹⁾. Это было время, съ одной стороны, процвѣтанія въ Грузіи православія ²⁾ и съ другой—вѣкъ ожесточенной борьбы между двумя колоссами древняго міра—Византіей и Персіей, изъ-за обладанія Грузіей. Борьба эта еще не была окончена, какъ арабы, грома и потрясая почти весь міръ, нагрянули на Грузію и овладѣли ею. Цари Грузіи сохранили нѣкоторою гнѣнь самостоятельности въ Арданучѣ, Адчарѣ и Тао и изъ боязни враговъ стали именоваться не мепе (царь), но мампалы (владыка, князь), эристави (глава народа) и эриставъ-эристави ³⁾. Въ это скорбное время эриставы Абхазіи и Кахетіи объявляютъ себя самостоятельными государями. Но, несмотря на всѣ невзгоды, грузинскіе мампалы, мало по малу усиливаются, и уже черезъ сто съ лишнимъ лѣтъ послѣ Гурама, Ашотъ Великій (786 — 828) успѣваетъ побѣдить кахетинскаго владѣтеля Григора и объединить Грузію отъ Кларджета до р. Ксани и далѣе до гор. Барда. Сынъ Ашота, Багратъ, побѣждаетъ царя Абхазіи Θεодосіа. Такъ изъ года въ годъ растетъ сила Багратидовъ, и при Адарнасѣ (923 г.) она достигаетъ до того, что грузины, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, оспариваютъ у Византіи право владычества надъ Эрзерумомъ и окрестными странами ⁴⁾. Къ этому же времени относится свидѣтельство арабскаго писателя Массуди (XII в.) о пограничномъ съ Абхазіей и Аланіей царствѣ Сумбата (923—958), населенномъ „великимъ христіанскимъ племенемъ Джурджовъ“ ⁵⁾—квартвеловъ. Въ 980 году Грузія и Абхазія объединяются и на престолѣ вступаетъ Багратъ, который былъ усыновленъ бездѣтнымъ царемъ и великимъ куропалатомъ Давидомъ († 1001 г.). Въ это время грузинскія войска

¹⁾ Константинъ Порфирородный въ своей въ 952 г. составленной исторіи *De administrando imperio* говоритъ, что иверскіе Багратиды считаютъ себя потомками царя-пророка Давида и отъ него происшедшей Богоматери.

²⁾ „Иверы-христіане и лучше всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ хранятъ уставы христіанскаго вѣроповѣданія“, говоритъ писатель VI в., *Проконій Кесарійскій* (Переводъ *Дестутиса*, стр. 56).

³⁾ Современемъ къ этимъ титуламъ прибавлялись еще титулы чисто византійскаго происхожденія, а именно: магистръ, куропалатъ, патрикъ, антипатрикъ, нобилиссимъ, кесароси и пр. (Смъ объ этомъ у Альфреда Рамбо — *L'Empire grec au dixième siècle*, p. 513—514. Ср. у меня въ *Моамбѣ*, 1895 г., кн. VII. „Титулъ груз. царей“).

⁴⁾ *Addit. et éclairc.* p. 145.

⁵⁾ См. *Hist. de la Géorgie*, I, 286, п. 2.

спасаютъ Византію отъ возмутившагося противъ императорской власти Барды Селера, о чемъ повѣствуютъ источники грузинскіе, византійскіе, и армянскіе ¹⁾).

Основаніе могущества Грузіи уже окончательно было положено еще задолго до Тамары, а именно при Багратѣ, образователѣ единойдержавнаго грузино-абхазскаго царства въ 985 году. Съ этого времени грузины идутъ впередъ твердою поступью, и царство абхазо-картвеловъ изо дня въ день растетъ, какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніяхъ.

Въ началѣ XI в. карталинскій царь, Багратъ III, кладетъ начало объединенію грузинскихъ народностей, раздробившихся подъ владычествомъ арабовъ на нѣсколько мелкихъ самостоятельныхъ княжествъ. Вторженіе турокъ сельджуковъ въ предѣлы Грузіи во второй половинѣ XI в. остановило развитіе страны и подвергло ее всѣмъ бѣдствіямъ вражескаго нашествія. Воспользовавшись событіями, происходившими въ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ, гдѣ крестоносцы бились съ сельджуками, царь Грузіи, Давидъ III, прозванный Возобновителемъ (1089—1125), свергнулъ магометанское иго и основалъ могущественное государство, границы котораго составляли: съ востока—Каспійское море, съ запада Черное море, съ сѣвера хребетъ Кавказскихъ горъ и съ юга нынѣшняя Карсская область. Когда Давидъ вступилъ на престолъ 26 лѣтъ отъ роду, вся Грузія лежала въ развалинахъ: въ восточной ея части господствовали турки, а въ западной самоуправно властвовали греческіе императоры подъ тѣмъ предлогомъ, что они единственные покровители единовѣрнаго царства. Буйныя орды мусульманъ неистовствовали вокругъ Тифлиса, персы терзали окраины царства, армяне дѣлали безпрестанные набѣги въ предѣлы изнемогающей страны. И царю предстояла великая задача залѣчить тяжелыя раны истерзаннаго непріятелями царства. На помощь пришли къ нему крестовые походы, отвлекшіе полчища турокъ и давшіе возможность развернуться собственнымъ силамъ Иверіи. Какъ только достигла до царя вѣсть о взятіи Іерусалима крестоносцами, онъ осадилъ сарациновъ въ Тифлисѣ и захватилъ городъ въ свои руки. Силы страны, по сверженіи мусульманскаго ига, возрасли настолько, что она могла отправить отрядъ на борьбу за освобожденіе Гроба Господня изъ рукъ невѣрныхъ. Царь подчинилъ себѣ Сванетію, Осетію, Дагестанъ, Кахетію, изгналъ турокъ изъ всѣхъ крѣпо-

¹⁾ Аонская пергаментная рукопись и др. источники *Вахушти*, прилѣч. Бакрадзе, стр. 139. *Ганъ*, Извѣстія классич. писателей о Кавказѣ, 38.

стей и взялъ Тифлисъ у мусульманъ ¹⁾, которые имъ владѣли 400 лѣтъ. Обезопасивъ свое царство отъ враговъ внѣшнихъ и установивъ единоедержавіе въ Грузіи, Давидъ III обратилъ вниманіе на водвореніе порядка и развитіе образованія. Онъ раздѣлилъ царство на нѣсколько провинцій, поручивъ ихъ управленіе отдѣльнымъ правителямъ. Распространеніе еретическихъ ученій, низкій уровень образованности духовенства, поколебленная подъ вліяніемъ владычества иноземцевъ нравственность побудили Давида Возобновителя созвать соборъ въ 1103 году, на которомъ былъ выработанъ сводъ церковныхъ постановленій—первый законодательный памятникъ, дошедшій до насъ. Соборъ предалъ проклятію и низложилъ епископовъ, необлеченныхъ въ санъ чрезъ рукоположеніе. Пастырей, по жизни и нравственности недостойныхъ сана, низвелъ и осудилъ на покаяніе, низшее духовенство низвелъ въ сословіе мірянъ. На этомъ соборѣ утверждено было православное вѣроисповѣданіе вѣры и каноны внѣшняго и внутренняго церковнаго благочинія. Каноны эти прибиты были на каменныхъ столбахъ Мцхетскаго патріаршаго собора и въ Руискомъ кафедральномъ храмѣ.

При Давидѣ Возобновителѣ впервые появляются въ Грузіи правильно организованныя школы, гдѣ знакомили учащихся съ Закономъ Божиимъ, грамматикой, математикой, моралью, исторіей и пѣніемъ. Одна школа Арсенія въ гор. Ивалто воспитала рядъ замѣчательныхъ дѣятелей и между прочимъ поэта, Шота Руставели, воспѣваго царицу Тамару. Для довершенія образованія Давидъ посылалъ на Аѳонъ

¹⁾ По словамъ мусульманскаго писателя Эль-Аини Давидъ В. обрадовалъ сердца обитателей Тифлиса, которые просили у него о разныхъ вещахъ. Давидъ В. приказалъ христіанамъ не рѣзать поросать (*въ той части города, гдѣ было много мусульманъ*), чеканить монету съ надписью имени Бога, его пророка и его халифа, повелѣлъ, чтобы христіане не ходили въ баню вмѣстѣ съ мусульманами, дабы этими невѣрующіе (*христіане, по понятію мусульманъ*) не оскорбляли вѣрующіхъ. Давидъ съ сыномъ своимъ, Дмитріемъ, входилъ каждый день въ главную мечеть слушать молитву о царѣ и чтеніе корана, давалъ много денегъ „катибамъ“ и „моавдзинамъ“, построилъ караванъ-сарай, дома для проповѣдниковъ, суфійевъ и поэтовъ, назначивъ имъ содержаніе. Если кто-нибудь изъ нихъ изъявлялъ желаніе покинуть Тифлисъ, онъ щедро помогалъ ему деньгами. Давидъ уважалъ мусульманъ больше, чѣмъ сами магометанскіе цари (Addition... pp. 239—241). Точно также онъ посѣщалъ армянскія церкви и получалъ благословеніе отъ армянскихъ пастырей.

Тоже самое о царѣ Давидѣ говоритъ и мусульманскій писатель Шемъ—ед-динъ Юзуфъ (Addit... p. 242).

по 40 молодыхъ грузинъ, въ числѣ которыхъ были переводчики на грузинскій языкъ церковныхъ и философскихъ сочиненій. Онъ самъ былъ благочестивымъ мужемъ и хорошимъ богословомъ и проводилъ свободный часъ даже на войнѣ въ чтеніи священнаго писанія ¹⁾, а на добытыя отъ враговъ сокровища воздвигалъ каменные храмы, изъ которыхъ Гелатскій храмъ составляетъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ грузинской архитектуры. Онъ устроилъ во многихъ мѣстахъ своего огромнаго государства больницы и пріюты, обезпечилъ храмы и монастыри обширными угодьями. Благотворительность царя простиралась за предѣлы его царства и церкви. Онъ отправлялъ частые вклады въ Іерусалимъ, въ Аѳонскіе и Сирскіе монастыри. На горѣ Синаѣ онъ построилъ храмъ въ честь св. Екатерины, существующій до нашего времени. Заботы царя простирались не на одну только церковь. Онъ проводилъ дороги, соединяя отдаленныя провинціи своего государства: строилъ и возобновлялъ мосты, поврежденные врагами, установилъ правильный порядокъ судопроизводства и администраціи, представители которыхъ должны были руководствоваться изданными законами церковными и гражданскими, а также обычнымъ правомъ той мѣстности, куда они назначались.

Давидъ умеръ во цвѣтѣ силъ, 53 лѣтъ, оставивъ свое царство могущественнымъ и спокойнымъ. Народъ грузинскій прозвалъ его Возобновителемъ, а церковь причислила къ лику святыхъ. Умирая, Давидъ избралъ мѣстомъ своего успокоенія порогъ созданной имъ Гелатской церкви для того, чтобы всякій переступающій чрезъ могилу царя, помолился за его душу. Надъ могилой своей онъ повелѣлъ поставить нѣкогда плѣненные имъ желѣзные Дербентскія ворота, которыя, замыкая храмъ, служили царю надгробнымъ мавзолеемъ. На церковномъ порогѣ и понынѣ лежитъ большая гранитная плита, а на ней большими грузинскими буквами начертано: „се покой мой во вѣкъ вѣка, здѣсь веселюся, яко изволить и“. Арабская кувическая надпись на одной изъ половинъ желѣзныхъ воротъ гласитъ, что ворота были скованы во имя Бога благого и всемилосерднаго славнымъ Эмиромъ Шавиромъ, сыномъ Эль-Фазла, въ 455 году геджры, въ 1077 г. христіанской эры.

Уважая мусульманъ ²⁾ и ихъ вѣру, Давидъ В. не превратился въ

¹⁾ Любимой книгой чтенія царя былъ Апостолъ, съ которымъ онъ не разставался и во время похода, обозначая на послѣдней страницѣ крестиками, сколько разъ имъ была дочитана эта книга.

²⁾ Съ полнымъ довѣрѣемъ и любовью царь Давидъ относился также и къ армянамъ, о присоединеніи которыхъ къ православной церкви были сдѣланы

человѣка, забывшаго свои религіозныя, національныя и политическія убѣжденія. Мусульманскій писатель Магометъ — Гамеки свидѣтельствуеъ, что „Давидъ обладалъ большимъ знаніемъ магометанской религіи и часто бесѣдовалъ съ Кали о томъ, сотворенъ-ли коранъ, или вѣченъ“ (Addit... р. 237), т. е. имѣеть-ли коранъ божественное, или человѣческое происхождение...

Завѣщаніе царя Давида Возобновителя.

Съ именемъ царя Давида Возобновителя связано нѣсколько памятниковъ, весьма важныхъ въ историко-литературномъ отношеніи. Царь Давидъ (1089—1125), воспитанный въ духѣ священнаго писанія Георгіемъ Чкондидели и женатый на греческой принцессѣ Иринѣ, занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ въ исторіи Грузіи. Онъ освобождаетъ страну отъ наводнившихъ полчищъ сельджуковъ и возстановляетъ поколебавшійся государственный порядокъ. При немъ происходитъ духовный соборъ созданный отъ очищенія церкви отъ водворившихся беззаконій. Ему принадлежитъ „Завѣщаніе“, которое¹ онъ произнесъ предъ духовникомъ своимъ, Арсеніемъ, на смертномъ одрѣ, и Пѣсни покаянія. „Завѣщаніе“ его сообщается народу чрезъ посредство царскаго духовника, Арсенія. Повелѣваетъ и доноситъ царь царей Давидъ въ дни своей смерти „и ухода изъ міра устами моими недостойнаго его моельщика монаха, вамъ всѣмъ вельможамъ и знатымъ его царства: католикосамъ, епископамъ, эриставамъ и всѣмъ помилованнымъ“. Царь Давидъ за этимъ обращеніемъ грустно указываетъ на неизбѣжныя слабости человѣка, мнящаго себя безсмертнымъ и въ стремленіи къ земной славѣ уклоняющагося отъ смерти и забывающаго о могилѣ, пока самъ преходящій міръ не представитъ его, обремененнаго грѣхами предъ лицомъ Вѣчнаго Судіи. Онъ благодаритъ Господа за великія, ему оказанныя милости: „Онъ далъ мнѣ сына Дмитрія, превосходящаго меня мудростью, святостью, стройностью и мужествомъ... Правосудный Богъ призвалъ меня и даровалъ мнѣ царство-

твенныя попытки. Армянскій писатель—Моисей Эдесскій называетъ Давида „мужемъ святымъ, благочестивымъ, добродѣтельнымъ и справедливымъ“. *Dulaurier. Recueil des histor. des croisades. Docum. armén. I, 137.*

¹ См. *Сабитинъ*. Рай груз. церкви, стр. 512—519. *Вахушти*. Исторія Грузіи, примѣч. Баградзе, стр. 187. *Жорданія*, Хроника, II, 51—2. Ср. *Пл. Тосселіати* [Закавказ. Вѣстн. ч. неоф., стр. 132] выдѣлъ „Завѣщанія“ весьма древній экземпляръ въ Шіо-Мгвимскомъ монастырѣ.

ваніе, владѣнія, считая области, присоединенныя моими и вашими трудами, отъ Никотіи до Дербента и Осетіи до Аргата" (?) Царь поручаетъ наслѣднику своему царицу и малолѣтняго царевича Цхвату, которому Дмитрій, воспитавъ его достойно, если пожелаетъ Господь, можетъ оставить престолъ. Давидъ считаетъ нужнымъ напомнить своему преемнику о любви къ сестрѣ и почтваніи всей царской семьи. Царь предусмотрительно распредѣляетъ свое достояніе: онъ оставляетъ Дмитрію побѣдоносный крестъ, царскіе доспѣхи и сокровищницы, а драганы Константина Цхватѣ, алмазы и жемчугъ Хахульской Божіей Матери, дукаты и ботинаты ¹⁾ Атенской каедрѣ. Его преслѣдуетъ одна грустная мысль: онъ не успѣлъ закончить монастыря—усыпальницы царской семьи, достроить его онъ предлагаетъ сыну своему Дмитрію, который долженъ, по совѣту католикоса Арсенія и другихъ іерарховъ, обезпечить духовенство, творящее молитву надъ царской усыпальницей, достаточнымъ количествомъ земли и движимаго имущества.—Завѣщаніе Давида В. можетъ быть сопоставлено съ поученіемъ Владиміра Мономаха въ русской литературѣ.

Пѣсни покаянія, сказанныя Давидомъ Возобновителемъ ²⁾. Пѣсни покаянія царя Давида В. имѣются въ рукописи 1233 г. Они проникнуты глубокимъ чувствомъ и исполнены религіознаго воодушевленія. Пѣвецъ, подражая псалмопѣвцу и мудрому Соломону, выставляетъ себя чрезмѣрнымъ грѣшникомъ и проситъ помилованія „Того, предъ Которымъ каждая вѣя склоняется, преклоняетъ колѣна и языкъ глаголетъ покаяніе“. Обращаясь къ Заступницѣ грѣшныхъ, къ Пречистой Дѣвѣ, Давидъ приписываетъ себѣ дѣянія невѣрныхъ царей Израильскихъ. Онъ возымѣлъ мечту ассирійцевъ о горнемъ движеніи и теченіи звѣздъ. По-эллиски царь воздавалъ почести твореніямъ Бога вмѣсто имени Творца. Попирая завѣтъ писанный, онъ сталъ рабомъ плотской религіи. Не насытившись, подобно червяку Соломова, искалъ онъ обладанія другими странами. Собирая сокровища, сдѣлался поклонникомъ мамона, словно Ваала и Астарты. Слезы вдовъ и сиротъ не возбуждали въ немъ помилованія, нуждающимся не открывалъ онъ своихъ сокровищницъ. „Вотъ мои прегрѣшенія, и нынѣ на колѣняхъ молю, не лиши меня спасенія, не осуждай на муки адскія, ибо Ты еси Господь покаявшихся“.

¹⁾ *Brosset*, Addition XIII, p, 233, n, „Ces richesses que le roi nomme doucat et potonat me paraissent avoir consiste en pièces d'or et d'argent frappées sous Constantin et Michel Ducas et sous Nicephore Botoniate“.

²⁾ Рукопись Церков. музея № 85 („Хуцури“), заключающая Пасхалію Іоана Шавтели, написанную въ 1172 г., различныя вѣсновѣнія и покаяніе царя Давида В.

Церковный соборъ при царь Давидъ Возобновитель ¹⁾ въ 1103 г. „Церковныя постановленія“ Давида Возобновителя являются первымъ юридическимъ памятникомъ, созданнымъ умами грузинскихъ законодѣдовъ. Они характеризуютъ нравственное и религіозное состояніе общества и заключаютъ мѣры для искорененія воцарившихся въ немъ пороковъ и недостатковъ. Царь обращается къ духовенству, какъ источнику подъема народной нравственности, призываетъ его къ широкой дѣятельности, освобождая его за труды отъ всякихъ государственныхъ повинностей съ принадлежащими крестьянами. Дѣйствительно, среди тогдашняго духовенства сіяли знаменитые дѣятели, способные послужить царю въ предѣлахъ намѣченной программы, таковы—католикосъ Іоаннъ, Арсеній Икалтойскій, Георгій Чьондидели. Нравственная цѣль „святого собора“, созваннаго Давидомъ Возобновителемъ, сопровождалась и политическими планами, впрочемъ, не осуществившимися. Царь вознамѣрился ограничить своеволие феодаловъ, подчинить ихъ своей власти, изгнать наиболѣе сильныхъ и захватить ихъ имѣнія для раздачи своимъ сподвижникамъ.

Святой соборъ для излѣченія великихъ язвъ открылся въ 1103 г. въ пунктѣ между двумя епархіями Урбннской и Руйской, но гдѣ именно, трудно сказать, отвергая мысль что онъ созванъ былъ во Мцхетѣ, такъ какъ этотъ городъ не расположенъ между двумя названными епархіями и во вторыхъ онъ слишкомъ былъ близокъ къ Тифлису, находившемуся еще въ рукахъ арабовъ. На соборѣ участвовали епископы, іереи, дьяконы, иноки, столпники и пустынники и въ большомъ числѣ міряне. Предсѣдательствовалъ католикосъ Іоаннъ, а „святый и мудрый“ царь присутствовалъ въ качествѣ раба церкви, такъ какъ ²⁾по законамъ даже Вахтанга католикосъ и царь равноправныя другъ отъ друга независимыя лица: одинъ царь тѣлесный, другой духовный. Этотъ духовный глава и имѣлъ, впрочемъ, и свѣтскую компетенцію. Соборъ работалъ много дней, рассмотрѣлъ всѣ господствовавшіе тогда недуги и попытался должными мѣрами ихъ искоренить. Такимъ образомъ, цѣль собора—нравственно поднять духовенство и народъ, устранить убійство, нарушеніе супружескихъ узъ, похищеніе женъ, содомскій грѣхъ и пр. Въ постановленіяхъ собора мы находимъ указанія именно на эти отрицательныя стороны христіанской жизни и тѣнь намековъ на борьбу грузинской церкви съ несторіанской ересью, распространявшеюся будто бы въ Иверіи, какъ предполагалъ Пл Иосселиани ³⁾. Въ одномъ мѣстѣ мы находимъ

¹⁾ *Жорданія*. Хропики, р. 238.

²⁾ *Исторія Груз. церкви*, 73 и 74.

указаніе о поруганіи иконъ, которое не служитъ отголоскомъ ученія Нестора, настаивавшаго на единомъ ествѣ І. Христа, вопреки православному догмату, признающему въ Спасителѣ два естества—божеское и человѣческое. Едва-ли царь уклоняющійся по его же словамъ, отъ углубленія въ богословскія словопренія на другомъ соборѣ, созванномъ для соглашенія армянской и грузинской церкви, царь отличавшійся религиозною терпимостью къ мусульманамъ, созвалъ бы архіереевъ для исключительной борьбы съ ересью.

Лѣтопись свидѣтельствуесть, что во времени Давида Возобновителя нѣсколько важныхъ епископскихъ кафедръ и церквей было занято незаконно вельможами и крупными феодалами, которые въ свою очередь ставили въ іереи себѣ подобныхъ волковъ¹⁾. Царь пожелалъ ослабить феодаловъ, епископовъ, имѣющихъ свои крѣпости, имѣнія, войска, передать духовную паству въ достойныя руки. Распространился обычай съ помощью купли или взятки занимать церковныя должности, разоряя, какъ разбойники, богатыя и обширныя монастырскія имѣнія, жертвуемая благочестивыми царями и прихожанами. Воцарилось безначаліе, отсутствіе послушанія, грубая симонія. Соборъ долженъ былъ водворить порядковъ, подчинить теченіе церковной жизни опредѣленнымъ правиламъ, устранить подкупъ и приношенія для полученія дьяконской или архіерейской вакансіи, предоставлять должности по заслугамъ и достоинствамъ. Съ этою цѣлью соборъ прежде всего низложилъ недостойно облеченныхъ епископской мантіей, назначивъ на ихъ мѣста лицъ заслужившихъ по дѣламъ и возрасту. Для уясненія значенія послѣдняго требованія нужно имѣть въ виду, что малолѣтвіе вельможи часто оказывались во главѣ паствы, представляющей для нихъ источникъ вліянія и обогащенія. Помимо нравственныхъ качествъ отъ поставляемыхъ на духовныя должности требуются званія, грамотность, подготовка къ своей миссіи: „католикосъ, епископы и хорейшисконы (высшія духовныя лица съ свѣтскою властью) должны быть избираемы изъ искусившихся въ религіи и священномъ писаніи“. Это постановленіе получаетъ для насъ смыслъ, если вспомнимъ пастырей, неспособныхъ читать Псалтырь и Трєбникъ²⁾. Такъ былъ отрѣзанъ путь, родовитымъ, сильнымъ пробираться къ высшимъ должностямъ, разрушенъ одинъ изъ

¹⁾ *Кар.-Цх. I, 242. Вахушти, 186.* О царѣ Давидѣ В. тѣшествуетъ монографическая работа *Н. Урбнели*, напечатанная въ журн. *Моамбэ* за 1894 г.

²⁾ Церк. гудж. 40, 1 ср. Законы католикосовы, § 9.

устоевъ феодаловъ, устранена возможность наследственно передавать кафедры монастырскія и церковныя. Соборъ предписалъ низшей іерархіи подчиняться указаніямъ начальствующихъ: „іереи и дьяконы въ страхѣ Божіемъ да покоряются архіереамъ“. Онъ воспретилъ послѣднимъ брать приношенія съ первыхъ, произнесъ проклятіе надъ прибѣгающими къ симоніи, счелъ корыстолюбіе за богопротивное дѣяніе. Осудивъ порядокъ путемъ взятки или подкупа часто безграмотнымъ, недостойнымъ восходить отъ низшихъ должностей къ высшимъ и порождать злоупотребленіе, соборъ опредѣлилъ возрастъ для каждаго сана: епископъ не можетъ быть моложе 35 лѣтъ, священникъ 30 л., дьяконъ 25 и псаломщикъ 8 л., запретивъ въ одинъ посвящать въ санъ дьякона, іерея или архіерея, чтобы дать время выказать способность на первыхъ ступеняхъ для достиженія слѣдующихъ. Исключеніе было сдѣлано только относительно псаломщика, который могъ быть возведенъ въ дьяконы въ тотъ же день, очевидно по несложности задачъ, раздѣляющихъ эти два ранга и по тѣмъ ихъ соображеніямъ, что число дьяконовъ слѣдуетъ размножать для красоты церковной службы. Злоупотребленія распространялись на церковную утварь, и вотъ соборъ подѣ страхомъ „адскихъ мукъ“ воспрещаетъ ею пользоваться даже въ цѣляхъ на счетъ ихъ выкупать плѣнниковъ. Вообще грузинскіе законы строго преслѣдовали преступниковъ противъ церковнаго имущества ¹⁾). Противъ воцарившихся въ монастыряхъ веселья и торговли, сборища свѣтскихъ людей соборъ энергично возстаетъ. Монастырь сталъ „домомъ торжниковъ“, гдѣ среди иноковъ происходили несогласія, возникли сребролюбіе, вражда и зависть, утративъ, благодаря этимъ беспорядкамъ, способность быть „свѣточемъ мірянамъ“. Обязанность духовника стала такимъ источникомъ, что въ одномъ монастырѣ появилось ихъ нѣсколько, и даже не духовныя лица промышляли въ своихъ интересахъ. Соборъ постановилъ: въ большихъ монастыряхъ имѣть по два духовника, а въ малыхъ по одному. Беспорядки проявились и въ отправленіи богослуженія. За однимъ алтаремъ одновременно многими іереями возносились моленія за упокой разныхъ лицъ. Для искоренія этого безчинія предложено приносить жертву въ поминовеніе одной души, разрѣшивъ служить за другую въ притворѣ, за особымъ алтаремъ. Соборъ обратилъ вниманіе и на семейныя неурядицы. Въ то время бракъ церковный еще не успѣлъ завоевать уваженія въ обществѣ. Соборъ возсталъ противъ прежнихъ языческихъ брачныхъ обрядовъ и далъ въ руководство (визан-

¹⁾ Зак. катол. § 3. *Абуа*. 116. Ср. возрѣніе народа.

тійскія) правила вселенскихъ соборовъ, воспретилъ браки между православными и еретиками. Въ церкви заключенныя брачныя узы считались незаконными. Внушается мысль, что бракъ есть таинство, сопровождающееся св. причащеніемъ, устраняется возрѣніе на супружескія связи, какъ на гражданскую сдѣлку. Такъ какъ былъ распространень обычай заключать браки между малолѣтними, то соборъ устанавливаетъ возрастъ, дающій право церкви благословлять молодыхъ, а въ юные годы ихъ разрѣшаетъ только сгтанье въ случаѣ большой необходимости. Невѣста можетъ вступить въ бракъ только будучи 12 лѣтъ отъ роду, какъ предусмотрѣно и въ кодексѣ Юстиніана. Однако, вторичные браки при жизни первыхъ супруговъ, въ особенности среди знати, продолжали господствовать въ грузинскомъ обществѣ, и соборъ призналъ такіе браки незаконными.

Въ постановленія собора при царѣ Давидѣ Возобновителѣ внесены всѣ пункты VI вселенскаго собора (680—682 г.), переведенные на грузинскій языкъ Златоустомъ св. Евѣиміемъ ¹⁾. Въ постановленіяхъ на армянъ распространяется взглядъ какъ на еретичество, и необходимо ихъ крещеніе по православному обряду въ случаѣ заключенія брака между армяниномъ и грузиномъ, какъ требовалъ VI вселенскій соборъ ²⁾.

Первое указаніе о Карглись - Цховреба относится ко времени Давида Возобновителя. Анализируя „Кар. Цх.“, мы перейдемъ отъ памятниковъ назидательныхъ и историко-литературныхъ къ историческимъ.

Памятники историческіе.

До насъ дошло нѣсколько вариантовъ грузинской лѣтописи, извѣстной подъ именемъ „Карглись - Цховреба“ (т. е. жизнь Каргли, нынѣ Карталиніи, части Грузіи, заключенной между Имеретіей и Кахетіей, по теперешнему административному дѣленію, обнимающей Горійскій уѣздъ и часть Тифлисскаго). Изъ такихъ вариантовъ назовемъ: Румянцевскій, царевича Теймураза, кн. Мингрельскаго, Церковнаго музея, царицы Маріи ³⁾ и др. Свѣдѣніями о Румянцевскомъ ва-

¹⁾ *Вахушти*. Исторія, изд. Бакрадзе, стр. 140—3.

²⁾ См. изслѣд. Н. Урбнели. *Иверія*. 1888. 38, 46, 47, 75, 270, 271.

³⁾ См. мою ст. въ *Иверіи* (1890, № 216) о „Кар.-Цховр.“ Ивана Окропидзе. Этотъ списокъ относится къ 1833 г. Онъ переписанъ въ г. Рязани рукою духовника Мингрельской царицы, Нины, и доведенъ до 1764 г. Извѣстна еще Гелатская лѣтопись, обнимающая періодъ съ 1873 до 1703 г. Она обращаетъ главное вниманіе на исторію Имеретіи и Самцхе-Саатабаго. (*Иверія*, 1887, № 193).

ріантъ пользуюсь изъ своей работы, помѣщенной въ Трудахъ VIII археол. съѣзда въ Москвѣ.

Румянцевская лѣтопись (268 листовъ) царя *Вахтанга VI* принесена въ даръ грузинскимъ царевичемъ Таймуразомъ Георгіевичемъ его сіятельству канцлеру графу Николаю Петровичу Румянцеву въ 1821 г.

На второмъ ея листѣ читается воззваніе къ читателямъ, не имѣющееся въ напечатанной академикомъ Броссе *Картлисъ-Цховреба*.

„Къ свѣдѣнію читателей. „*Картлисъ-Цховреба*“, собранная царемъ *Вахтангомъ VI*, который именовался царемъ *Карталиніи*, одной части Грузіи. Воцарился онъ въ 1719 г. по Р. Х. и процарствовалъ нѣсколько лѣтъ, немного лишь времени. Но такъ какъ въ его время произошло много волненій и измѣненій въ Грузіи, то онъ составилъ (сочинилъ) ее (лѣтопись), насколько онъ былъ въ силахъ, не будучи въ состояніи вполне ее изслѣдовать (собрать), ибо тогда не могли найти древней „*Картлисъ-Цховреба*“, по причинѣ тревогъ и волненій (въ Грузіи“).

На третьей страницѣ читается введеніе въ книгу эту *Картлисъ-Цховреба*. Почтенные именитые грузины, „*Картлисъ-Цховреба*“ (число ея) съ теченіемъ времени въ Грузіи уменьшилось; царь *Вахтангъ VI*, сынъ *Леона*, племянникъ царя *Георгія*, созвалъ ученыхъ и составилъ ее на основаніи (историческихъ) записокъ, гуджаръ и свидѣтельствъ на иностранныхъ языкахъ“.

Отмѣтимъ разногласія печатнаго текста съ Румянц. вар.: первый передаетъ, что языкомъ *картвеловъ* былъ армянскій, а послѣ вторженія различныхъ народностей въ Грузіи изъ смѣшенія ихъ языковъ образовался грузинскій языкъ ¹⁾. Не говоря о невозможности созданія языка такимъ путемъ, издатель „*Кар.-Цхов.*“ академикъ Броссе, не усомнившись въ достовѣрности происхожденія грузинскаго языка изъ смѣси различныхъ идиомовъ, не потрудился отмѣтить основное различіе между имѣющимися у него вариантами „*Кар.-Цховр.*“ и армянской хроникой. Дѣло въ томъ, что въ XI вѣкѣ въ царствованіе *Давида Возобновителя* (1089—1125) грузинская хроника была переведена на армянскій языкъ. Переводчикъ, есть основаніе думать, искажилъ оригиналъ и измѣнилъ его характеръ въ пользу армянъ. Къ числу этихъ искаженій относятся представленія о происхожденіи грузинскаго языка и объ отношеніяхъ грузино-армянскихъ родопачальниковъ. Академикъ

¹⁾ *Brosset. Hist. d. l. Géorgie I, 31.*

Броссе, открывъ грузинскую хронику, переведенную на армянскій языкъ, помѣстилъ ее во французскомъ переводѣ въ своемъ трудѣ „Additions et éclaircissements“. Предпочтеніе, которое онъ оказывалъ этому переводу, привело его къ призванію странной исторіи грузинскаго языка. Три варианта „Картлисъ - Цховреба“ передавали какъ разъ противное свидѣтельству такъ называемой армянской хроники.

„Языкъ картлосіанъ, читаемъ мы въ Румянцевскомъ вариантѣ,— былъ до сихъ поръ (т. е. до вторженія народовъ) лишь грузинскій; но со времени появленія этихъ безчисленныхъ народовъ языкъ свой грузины исказили и сдѣлался онъ украшеннымъ“¹⁾. Это значить, что въ грузинскій языкъ, какъ и во всякіе, вошли слова изъ другихъ языковъ. Быть можетъ, въ двухъ другихъ вариантахъ почтенный ученый попалъ на внесенную въ печатный текстъ версію объ образованіи языка картвеловъ? Но онъ самъ даетъ свидѣнія, устраняющія наше предположеніе. Онъ заявляетъ, что въ его собственномъ вариантѣ мѣсто объ образованіи языка гласить противное тому, что напечаталъ на грузинскомъ и французскомъ языкахъ. Остается вариантъ лѣтописи царевича Парнаваза. Проф. Окромчедѣловъ-Серебряковъ имѣлъ случай свѣрить интересующее насъ мѣсто въ печатномъ текстѣ и вариантѣ царевича Парнаваза и опубликовалъ результаты этого сопоставленія въ грузинскомъ періодическомъ изданіи „Иверія“ за 1887 г. Оказывается, что Парнавазовская „Картлисъ - Цховреба“ повторяетъ буквально слова Румянцевскаго варианта, только слово (украшенный) замѣнено (сложный), т. е. языкъ въ лексическомъ отношеніи дополнился, осложнился.

Итакъ, всѣ три рукописи „Картлисъ-Цх.“, которыми руководится акад. Броссе при печатаніи лѣтописи, отвергаютъ чтеніе печатнаго текста. Откуда же взялъ почтенный грузинологъ приведенную цитату касательно происхожденія грузинскаго языка? Единственнымъ источникомъ въ данномъ случаѣ можетъ быть названа армянская хроника. Дѣйствительно, послѣдняя гередаетъ, что *jusqu'along les géorgiens faisaient usage de la langue arménienne, mais a cette époque la diversité des nations habitant au milieu d'eux amena des alterations qui firent un mélange de tous les idiomes et des cette fusion résulta la langue géorgienne actuelle*²⁾. До этого грузины говорили армянскимъ языкомъ, но подъ вліяніемъ сосѣднихъ народовъ и смѣшенія

¹⁾ Румянц. вариантъ, стр. 9. Это мѣсто писано тѣмъ почеркомъ, который отличается древнимъ характеромъ.

²⁾ Chronique-Armén, p. 6.

всѣхъ ихъ языковъ образовался грузинскій языкъ! Это-то извѣстiе и внесено изъ армянской хроники въ грузинскую лѣтопись ¹⁾ вопреки свидѣтельству всѣхъ ея вариантовъ. Къ числу такихъ произвольныхъ измѣненій переводчика слѣдуетъ отнести прежде всего возведенiе родоначальника армянъ Аоса на степень старшаго брата при Картлосѣ—эпонимѣ грузинъ. Картлосъ и Аосъ вмѣстѣ съ своими братьями, по словамъ грузинской лѣтописи, происходятъ въ четвертомъ поколѣнiи отъ Ноя ²⁾. Вопросъ, кто былъ старше Аосъ или Картлосъ, важенъ для насъ въ томъ отношенiи, что предпочтенiе, отдаваемое по напечатанному тексту „Кар.-Цх.“ мненческому Аосу предъ мненческимъ Картлосомъ, послужило однимъ изъ основанийъ для проф. Патканова попытаться доказать, что грузинская лѣтопись писана какимъ-то малограмотнымъ армяниномъ; иначе, говоритъ онъ, непонятно, какъ могъ грузинъ-авторъ унижить своего эпонима въ геройскихъ подвигахъ предъ Аосомъ.

По напечатанному ак. Броссе тексту грузинской лѣтописи, дѣйствительно, Аосъ старше Картлоса, первый является верховнымъ сюзереномъ надъ Картлосомъ и братьями его. Румянцевскiй вариантъ даетъ совершенно неблагоприятное для Аоса чтенiе. „Раздѣлилъ Таргамосъ землю и народъ между восемью сыновьями героями, а Картлосу онъ далъ высшую власть (верховенство) надъ братьями“. Есть еще другое мѣсто, дающее первую роль Картлосу: „Картлосъ былъ старше и сильнѣе другихъ (братьевъ); ему подчинялись братья его, какъ своему повелителю“.

Выписанныя цитаты изъ Румянцевскаго варианта согласуются опять съ другими манускриптами грузинской лѣтописи царевича Парнаваза и проф. Чубинова. Возникаетъ вопросъ, откуда заимствовалъ акад. Броссе чтенiе не въ пользу Картлоса? Пользующаяся его довѣрiемъ армянская хроника сохранила это мѣсто въ томъ видѣ, въ какомъ появилось впоследствии съ небольшою перефразой въ печати: *il (Haic) posseda tous les limites ci-dessus, il était le prince de sept freres* ³⁾. Эта поправка вариантовъ грузинской лѣтописи на основанiи армянской хроники дала право проф. Патканову признать позднее происхожденiе „Кар.-Цх.“, при чемъ онъ усмотрѣлъ въ ея составленiи армянское влiянiе. Вотъ почему я указываю на это раз-

¹⁾ „Кар.-Цх.“, стр. 25.

²⁾ Слѣды влiянiя христіанства и Вавліи. Стремленiе возводить къ библейскимъ родоначальникамъ происхожденiе народовъ извѣстно во многихъ лѣтописяхъ.

³⁾ *Chronique-Armén*, p. 6.

почтеніе между печатнымъ текстомъ и рукописными вариантами грузинской лѣтописи.

Не только Картлосъ ставится выше Аоса, но и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда приходится говорить объ армянахъ и грузинахъ Румянцевскій вариантъ предпочтительно называетъ картлосіановъ: „Упомянемъ прежде всего о томъ, что грузины и армяне имѣли одного прародителя Таргамоса“¹⁾.

Обращу вниманіе на описаніе румянц. варианта, хранящегося въ цереплетѣ.

На поляхъ его встрѣчаются хорографическія и хронологическія замѣтки. Но для насъ важнѣе коронникъ 1709 г. Очевидно, что лѣтопись была переписана до этого времени и читатель ея сдѣлалъ для себя примѣчаніе, которое относится къ 1709 г. Рукопись и приписка [ихедрули], представлены различными почерками и замѣткѣ читателя нивакъ нельзя считать датой окончанія переписки „Кар-Цховреба“²⁾. Броссе³⁾, относя рукопись ко времени до 1709 г., вѣроятно, руководствовался этимъ примѣчаніемъ. Однако, есть одно мѣсто, которое противорѣчитъ такому заключенію о времени переписки нашего памятника. На л. 84 читаемъ слѣд. приписку почеркомъ, одинаковымъ съ почеркомъ лѣтописи. Здѣсь обращаясь къ св. Петру (Мурваназу), житіе котораго внесено въ лѣтопись по распоряженію Вахтанга *царевича*, проситъ переписчикъ у святого заступничества за Вахтанга и семью его. Вахтангъ здѣсь именуется царевичемъ, а не царемъ; значить, приписка относится до восшествія его на престолъ, т. е. до 1711 года. Отъ 1703 до 1711 г. Вахтангъ былъ правителемъ Грузіи за время отсутствія царя Георгія. Къ этому времени, т. е. до 1711 или лучше сказать до 1709 г., когда сдѣлана была уже приписка другой рукой, относится переписка лѣтописи. Мы опредѣляемъ эту эпоху въ предѣлахъ 1703—1709 г.

Рукопись кончается мѣстомъ, относящимся къ побѣдѣ, одержанной Бекой надъ турками при Вахтангѣ III, сынѣ Дмитрія II, брата Давида VI и Георгія V (1301—7)³⁾.

Изъ приписки, гласящей о Вахтангѣ, приходится заключить, что румянцевскій вариантъ также прошелъ черезъ редакцію Вахтанга, который внесъ житіе св. Петра. Поэтому едва ли можно поддерживать мнѣніе Броссе и Бакрадзе, что вариантъ царевича Теймураза относится къ числу рукописей лѣтописей, не подвергшихся вліянію царевича Вахтанга.

¹⁾ Hist. d. l. Géorgie, p. 15. Румянц. вариантъ. Другія мѣста въ пользу предпочтенія грузинъ, см. стр. 25, 26 и др.

²⁾ См. у меня выше.

³⁾ Вотъ его переводъ въ Hist. de la Géorgie: „...Acceptant ces propositions Beca amporta de Sper et Baberd des richesses immenses et s'en retourna victorieux. Les principaux de Carnoukalak étant venus aussi a sa rencontre avec des présents et du butin (I. 630).“

Обратимся къ *лѣтописи царевича Теймураза*. Изъ приписокъ къ ней можно заключить, что она переписана въ XVIII в. до мученической кончины царя Арчила Леонтиемъ Мровели, трудъ котораго приглашается продолжать протоіерей Іоаннъ. Этотъ послѣдній лѣтописецъ, по предположенію (?) Жорданія (Хроники, стр. VIII), долженъ быть духовникъ царя Ираклія II и царицы Дареджаны, протоіерей при церкви св. Креста въ Тифлисѣ. Упоминаемый же въ припискѣ царь Александръ, г. Жорданія считаетъ внукомъ имеретинскаго царя Соломона I, именующаго себя царемъ въ изгнаніи, которому онъ подвергся распоряженіемъ царя Соломона II ¹⁾. Въ Москвѣ онъ написалъ свою автобіографію въ 1807 г. Доказательствомъ поздняго происхожденія варианта лѣтописи царевича Теймураза, вопреки ак. Броссе, считающаго его переписаннымъ ранѣе 1725 г., можетъ служить то обстоятельство, что царевичъ Вахушти не имѣлъ свѣдѣній, вскрывающихся въ этомъ вариантѣ и, слѣдовательно, ихъ не было въ тѣхъ спискахъ лѣтописи, которыми онъ располагалъ. Источниками, которые внесъ царевичъ Теймуразъ въ лѣтопись, послужили: извлеченіе изъ греческихъ писателей, сдѣланное Ефремомъ о просвѣщеніи Грузіи христіанствомъ, чудеса св. Шю-Мгвимскаго, собранныя католикомъ Василиемъ, часть хроники Сумбата, мученіе св. Давида и Константина, гуджаръ царя Баграта IV, житіе свв. Евфимія и Георгія Мтацминдели. Можно даже думать, что въ вариантѣ царевича Теймураза внесены дополненія изъ лѣтописи царицы Маріи и Обращенія Грузіи, памятника IX—X в., найденнаго недавно, впрочемъ пользуясь послѣднимъ источникомъ не непосредственно, а чрезъ вторыя руки—изъ труда Арсенія католика, жившаго въ XI в.

О списокѣ *лѣтописи царицы Маріи* сообщаетъ свѣдѣнія Д. З. Бакрадзе ²⁾ Въ припискѣ къ ней читается: „Боже, спаси царицу Марію и первенца ея Отія“. Отія былъ сынъ Маріи и Гуріеля Свимиона. Марія вышла замужъ за карталипскаго царя Роста въ 1636 г. Отія же умеръ, достоверно извѣстно, въ 1646 г., значить „Кар.Цх.“ Маріи переписано между 1636—1646 гг., когда Вахтанга не было еще на свѣтѣ ³⁾.

¹⁾ Протоіереемъ Іоанномъ, извѣстнымъ каллиграфомъ переписаны „Готовое Слово“ Антонія католика въ 1753 г. и Лаввакионъ въ 1767 г.

²⁾ Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи. Спб. 1887. стр. 15—20.

³⁾ Привезенъ этотъ списокъ съ Давидо-Гареджійской пустыни, переписанъ съ древняго списка Мхедрули іеромонахомъ Германомъ. Этотъ переписчикъ жилъ въ началѣ XVIII в. считался близкимъ къ Вахтангу VI лицомъ, былъ игуменомъ Гареджійской пустыни и въ 1749 г. былъ раненъ лезгинами, какъ онъ

Тщательная проверка списка царицы Маріи съ существующими списками Картлисъ-Цховреба показала, что онъ составляет особый вариантъ, во многомъ существенно отступающій отъ варианта Академіи, который, какъ извѣстно, послужилъ Броссе основаніемъ его *N. de la Géorgie*. Все, что въ этомъ послѣднемъ составляетъ позднѣйшія, но до-вахтанговскія вставки или, вѣрнѣе, послѣдовательныя наслоенія, все то не нашло мѣста въ вариантѣ Маріи. Указываемыхъ отступленій много; но остановимся на главнѣйшихъ изъ нихъ. Въ помянутомъ спискѣ нѣтъ: 1) разсказа о пришествіи въ Грузію для проповѣди апостола Андрея (см. Каргл.-Цх. на груз., 40—46; *N. de la G.* 54—61); 2) жизни Мурваноза или св. Петра (Кар.-Цх., 102—105; *N. de la G.*, 136—139); 3) жизни сирскихъ отцевъ (К.-Цх., 151—159; *N. de la G.*, 203—213). Разсказъ о жизни грузинскихъ Багратаидовъ, писанный нѣкимъ Сумбатомъ, сыномъ Давида, на котораго сдѣланъ лишь намекъ въ припискѣ варианта Академіи, въ вариантѣ Маріи составляетъ отдѣльную монографію, начинающуюся съ VI в. и заканчивающуюся въ XI в. при царѣ Багратѣ IV, тогда какъ и въ вариантѣ Академіи, и въ другихъ спискахъ онъ слить съ текстомъ Картлисъ-Цховреба и невозможно опредѣлить, какія именно мѣста принадлежатъ Сумбату. Кромѣ того, въ вариантѣ Маріи нѣтъ свѣдѣній: о таисскихъ Багратаидахъ (К.-Цх., 193; *N. de la G.*, 271—272); о католикосахъ при Степаносѣ II Таборѣ и Самоелѣ и постановленія Константинопольскаго собора о привилегіяхъ грузинскихъ каталикосовъ (К.-Цх. 171—172; *N. de la G.*, 235—236); о борьбѣ Давида Курапалата съ Склерюсомъ (К.-Цх., 206; *N. de la G.*, 293); о каталикосахъ Свимонѣ и Мелкиседекѣ при Багратѣ III (К.-Цх., 212—213; *N. de G.*, 301—302), при Георгіи I (К.-Цх. 218; *N. de G.*, 310) и Багратѣ IV (К.-Цх., 221—222; *N. de G.*, 313—314). При этомъ нельзя не замѣтить, что всѣ упомянутые каталикосы, какъ и послѣдующіе: Окропяръ, Георгій и Гавріилъ, извѣстны единственно по одному лишь варианту Академіи¹⁾. Редакція царствованія Миріана и подробностей жизни св. Нины, какъ и царствованія Вахтанга Гургаслана, не представляетъ въ вариантѣ Маріи особенныхъ отступленій отъ прочихъ списковъ Картлисъ-Цховреба.

Лѣтопись царицы Маріи, вв. Мингрельскаго и Церковнаго музея, согласно останавливаются на царствованіи Георгія Блестательнаго

самъ о себѣ дѣлаетъ приписку къ лѣтописи. 47 листовъ въ началѣ отводится сказанію Ефрема о сотвореніи міра, а съ 48 л. начинается повѣствованіе лѣтописца. Почеркъ „мхедрули“.

¹⁾ *Voyage archéol.*, 4 *Varr.*, 5.

(† 1348). Такимъ образомъ, оправдываются слова царевича Вахушти, заявляющаго, что до Георгія Блист. была написана „Картлисъ-Цховреба“, а продолженіе ея было составлено по приказанію царя Вахтанга VI. Первую часть лѣтописи, вѣроятно, имѣеть въ виду царевичъ Теймуразъ въ своей „Исторіи Иверіи“, когда говоритъ „о древнихъ“ спискахъ „Картлисъ-Цховреба“. Но всѣ вышеназванные варианты отличаются отъ лѣтописи царицы Маріи, въ особенности же замѣтную разность въ повѣствованіи даетъ вариантъ „К.-Цх.“ ц. Теймураза, который, повидимому дополнилъ древній списокъ свѣдѣніями изъ другихъ источниковъ и кое-гдѣ допустилъ анахронизмы. Однимъ изъ такихъ источниковъ могло быть житіе святыхъ и хроника Сумбата „Обращеніе Грузіи“.

„Обращеніе Грузіи“, найденное недавно въ Шатбердскомъ сборникѣ X в., переписано инокомъ Іоанномъ, дѣлится на двѣ части: въ первой кратко повѣствуется о событіяхъ въ Грузіи со времени вступленія Александра М. ¹⁾ въ предѣлы Кавказа до X в., причемъ главное вни-

¹⁾ Въ грузинской лѣтописи сохранилось извѣстіе о пребываніи въ Грузіи Александра Македонскаго. Для оправданія ея показанія покойный Бакрадзе обращался къ „Духу законовъ“ *Монтескье*, который въ своемъ политическомъ трактатѣ говоритъ нѣсколько словъ о возможности завоеванія Грузіи Александромъ Великимъ. Подкрѣпленное и знаменитымъ мыслителемъ, свидѣтельство „Картлисъ-Цховреба“ все же представлялось намъ подлежащимъ сомнѣнію. Недавно появилось изслѣдованіе Франца Шварца, [„Alexander d. Gros. Feldzüge in Turkestan“. München. 1893.] посвященное походу Александра В. въ Туркестанъ. Авторъ съ добросовѣстностью нѣмецкаго ученаго привлекъ для освѣщенія изучаемаго вопроса историковъ Арріана и Курція Руфа, подтвердилъ ихъ показанія личнымъ осмотромъ Туркестана и его окрестностей. Между прочимъ, касаясь того мѣста Арріана, въ которомъ послѣдній увѣряетъ, что Александръ по пути изъ Кабула въ Кундъ перерѣзалъ Кавказъ, и предполагаетъ, что истоки Оксеуса и Яксарта находятся на Кавказѣ, г. Шварцъ по анализу приходитъ къ основательному выводу, что греки всю центральную горную систему Азіи отъ Тянь-Шаня, Алая, Трансалая, Памира и Гиндукуша обозначали именемъ „Кавказъ“. Такое перенесеніе названія „Кавказъ“ въ Азію встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Такимъ образомъ, легенда о пребываніи Александра Великаго въ Грузіи объясняется неправильнымъ употребленіемъ греческими авторами географическаго термина. Приводимъ все мѣсто, касающееся нашего вопроса въ подлинныхъ словахъ автора: „Der Umstand, dass nach Arrian Alexander auf Seinem Wege von Kabul nac Kundus den Kaukasus überschreitet und das die Quelle des Oxus und später auch die des Jaxartes als im Kaukasus Ciegend angegeben werden, beweist, dass die Griechen das ganze Central-Asiatische aus Tjanschäu, Alai, Tran-Alai, Pamir und Hindukusch bestehende Gebirgssystem mit dem Namen Kaukasus bezeichneten.“

маніе обращено на проповѣдь христіанства св. Ниной, вторая часть отведена житію просвѣтительницы Грузіи, переданному со словъ самой блаженной дѣвы и другихъ лицъ. Связь между этими частями весьма слабая, а иногда свѣдѣнія въ нихъ сообщаемыя разнорѣчивы, такъ въ I ч. Нина именуется плѣнницей, а во второй дочерью Забулона изъ Колистена. Преимущественное вниманіе, оказываемое „Обращеніемъ“ событіямъ религіозной жизни, даетъ поводъ думать, что оно представляетъ „Церковную хронику“, которой впослѣдствіи пользовались лѣтописцы наравнѣ съ другими свѣдѣніями. Можно намѣтить тотъ кругъ отдѣльныхъ источниковъ, которые легли въ основаніе „К.-Цх.“ до конца царствованія царицы Тамары. Въ лѣтописи вскрываются точныя указанія, что она писалась „изъ году въ годъ“, постепенно на основаніи различныхъ письменныхъ памятниковъ, а именно: 1) до вступленія въ Грузію Александра М. въ лѣтописи повѣствуется по „Небротіани“¹⁾. Время господства Александра М., царствованіе Азо, Фарнаваза и аршакунидской династіи (съ I в. до Р. Х. до IV в. по Р. Х.) рассказано по другимъ источникамъ; 3) эпоха Миріана и просвѣщеніе Грузіи христіанствомъ воспроизведена по хроникѣ „Обращеніе“; въ „К.-Цх.“ вошли еще: 4) Жизнь Вахтанга Горгаслана, подвиги котораго носятъ легендарный характеръ; 5) исторія Джвапшера, повѣствующая со времени Вахтанга Г. „до Арчила“, т. е. 200 лѣтній періодъ; 6) житіе св. Арчила мученика, описанное Леонтіемъ Мровели; 6) Нашествіе арабовъ описано неизвѣстнымъ намъ современникомъ; 7) Царствованія Баграта IV (1014—1072), Давида Возобновителя и царицы Тамары имѣли своихъ историковъ, написавшихъ въ честь побѣдоносныхъ владыкъ похвальные, восторженные повѣствованія. Нѣкоторые изъ этихъ авторовъ пользуются иностранными сочиненіями, библейскими свѣдѣніями, предшествовавшими замѣтками на гуджарахъ, сигелехъ и церковныхъ книгахъ. Такъ, называется при Багатѣ IV „Книга праотцевъ съ Адама до пришествія Христа“. Очевидно, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ одной изъ греческихъ хроникъ²⁾. Упоминаются также „книги персидскія и армянскія“, „Картлисъ-Цховреба“ дзвели („древняя“), „Обращеніе Грузіи“ и др.

Житіе св. Нины составляетъ вторую часть „Обращенія Грузіи“. „Обращеніе Грузіи“, какъ источникъ, упоминается въ Картлисъ-Цховреба, но до настоящаго времени оно не было непосредственно извѣстно. Поэтому новому памятнику

¹⁾ См. объ этой книгѣ у *Жорданія*. Хроника и стр. 7—10.

²⁾ Извѣстенъ грузинскій переводъ Хронографа Георгія-монаха См. у меня выше, стр. 119.

первымъ грузинскимъ царемъ считается не Фарнавазъ, а Даранъ, второй Азасишь Арана, а третьимъ Фарнавазъ. „Обращение Грузинъ“ не упоминаетъ о проповѣди христіанства въ Грузіи апостоломъ Андреемъ ¹⁾. Страданіе І. Христа относится не къ царствованію Адерка („Рока“), а къ времени царя Аназіери. Въ дѣтисисі царя Теймураза указывается авторъ „Обращения“: „страданіе св. Арчила (VIII в.), жизни царей и „Обращение Грузинъ“ Ниной, написалъ Леонтій Мровели, а теперь будетъ его продолжать протоіерей Іоаннъ“. Новый вариантъ житія св. Нины дѣлится на 14 главъ, начиная счетъ съ IV главы, которой предшествуетъ повѣствованіе о томъ, когда и кѣмъ было написано житіе св. Нины; въ прежнихъ памятникахъ мы не находимъ такого дѣленія на главы. Рассказъ, приведенный въ прежнихъ житіяхъ подъ однимъ заглавіемъ, здѣсь дробится на нѣсколько главъ и обратно соединяется подъ одну рубрику нѣсколько главъ. Рассказъ о житіи св. Нины въ прежнихъ вариантахъ ведется отъ третьяго лица, а въ новомъ вариантѣ сама просвѣтительница передаетъ свидѣнія о себѣ и о своихъ родителяхъ. Статьи—письмо св. Нины предъ смертью, отправленное изъ Кахетіи къ царю Миріану, поиски для кесаря супруги и ученіе спутницъ св. Нины Тердатовъ, армянскимъ царемъ, вовсе не ищются въ новомъ житіи. Хронологическія даты „Обращения Грузинъ“ несогласны съ показаніями прежнихъ вариантовъ. Въ „Обращеніи Грузинъ“ есть лишнія статьи: введеніе—о житіи св. Нины, нѣсколько свидѣній изъ разсказа о Воздвиженіи Креста, письмо царя Миріана, написанное предъ смертью.

„Обращение Грузинъ“ доведено до IX в., и, какъ слѣдуетъ заключить изъ вышесказаннаго, древняя его часть составлена не позже VII в. Оно представляетъ сводъ отдѣльныхъ сказаній, приписываемыхъ Саломе Уджармоели, священнику Абиатару, женѣ Сидоніи в архіеп. Іоакиму.

Такимъ образомъ, *Новый вариантъ житія св. Нины* долженъ считаться самымъ древнимъ, ибо до сихъ поръ извѣстныя рукописи о просвѣтительницѣ Грузинъ не восходятъ далѣе X вѣка. Въ грузинскомъ манускриптѣ житія святыхъ, принадлежащемъ Академіи Наукъ, въ концѣ житія св. Іоанна Зедазійскаго читается, что католикосъ Арсеній по прошествіи 404 лѣтъ послѣ прихода въ Грузію 13 сирійскихъ отцевъ, собралъ свидѣнія о нихъ, руководствуясь древними книгами и сказаніями народа. Сирійскіе отцы прибыли въ Грузію въ царствованіе Фармана VI (542—557) и, прибавивъ ко времени его правленія Грузіей вышеприведенный годъ, получимъ X вѣкъ, съ которому и должно быть отнесено составленіе житій святыхъ грузинской церкви Арсеніемъ католикосомъ. Этотъ же католикосъ Арсеній называется авторомъ варианта *Житій святыхъ*, хранящихся въ Моск. Архивѣ иностранныхъ дѣлъ. Подобно католикосу Арсенію,

¹⁾ Въ предисловіи къ постановленіямъ Собора при Давидѣ Возобновителѣ (1089—1125), говорится, что христіанство стало распространяться въ Грузіи со времени апостоловъ, а именно съ апост. Андрея, но скоро грузины опять обратились къ многобожію до проповѣдыванія ученія Христа св. Ниной.

житія святыхъ грузинской церкви дополняли и приукрашивали въ VIII в. катол. Виссаріонъ и катол. Арсеній I. Источникомъ для дополненія Арсенія католика послужилъ, какъ видно, нынѣ напечатанный *Новый вариантъ житія св. Нины*. Нужно прибавить еще, что онъ пользовался также устной традиціей и армянскимъ историкомъ Агаангеломъ въ той части своего труда, которая касается армянскихъ святыхъ.

До насъ дошла еще хроника грузинская (Armén. Chronique), переведенная на армянскій языкъ въ XII в., согласная съ повѣствованіемъ католик. Арсенія о просвѣтительницѣ Грузіи. Св. Нина здѣсь въ первомъ лицѣ, также какъ въ Новомъ вариантѣ, рассказываетъ о себѣ, отвѣчая на вопросъ царицы Soghomonі.

Сравненіе грузинскаго текста „Кар.-Цх.“ съ грузинскою же хроникой, переведенною въ 1125 г. на армянскій языкъ, свидѣтельствуетъ, что наша лѣтопись, уже названная армянскимъ переводчикомъ „*Картлис: Цховребой*“, имѣла въ XII в. тотъ видъ, въ какомъ она существуетъ въ печатномъ изданіи Броссе и Чубинова, безъ тѣхъ дополненій, которыя внесены были, какъ мы говорили, изъ другихъ источниковъ въ еще рукописные варианты грузинской лѣтописи. Грузинская хроника, переведенная на армянскій языкъ, доведена до смерти царя Возобновителя.

Въ различныхъ провинціяхъ Грузіи велись свои мѣстные хроники: Абхазская, Мингрельская (Дадіановская), Месхійская, Имеретинская и др. Помимо этихъ историческихъ памятниковъ дошли до насъ хронографы. Въ составъ „Кар.-Цх.“ царицы Маріи вошли отрывки изъ греческихъ. Такъ, въ лѣтописи вскрывается „Сказаніе отца нашего Ефрема о сотвореніи неба и земли и Адама и его погребеніе на Голгоѣ, объ измѣненіяхъ рода человѣческаго и патріархахъ съ Адама до I. Христа“.

Сказаніе начинается повѣствованіемъ о сотвореніи міра видимаго. Въ 1 день Господь сотворилъ небо холодное и теплое. Духъ святой носился надъ водою, прикрывая ее, какъ птица согрѣваетъ яйца крыльями. Во 2-й день Господь отдѣлилъ воду отъ суши. Въ третій день велѣлъ землѣ произрасти растенія...

За этой главой слѣдуетъ рассказъ о рожденіи Каина и другихъ дѣтей Адама. Каинъ женился на сестрѣ своей на Каламанѣ, а Авель на прекраснѣйшей Ліудѣ. (См. у меня въ I кн. „Очерковъ“, стр. 358, объ этомъ сказаніи Ефрема). Умеръ Адамъ 30 марта, въ пятницу, въ 9-мъ часу, на 15 день луны, въ тотъ же день и часъ, въ какой предалъ духъ свой Спаситель.

Перечисленіе патріарховъ израильскихъ, вступленіе евреевъ въ Египетъ и возвращеніе въ Ханаанскую землю при Моисеѣ, времена

судей и царствъ имѣютъ продолженіе въ исторіи Ассиріи (Нимвродъ), Римской имперіи (Августъ, Тиверій и др.).

Отдѣльно также сохранились хронографы въ Обществѣ распро- грам. среди грузинъ, такова поступившая рукопись отъ кн. Гр. Церетели, подъ № 314, на сѣрой бумагѣ, in 4° почеркъ мхедрули. „Краткое повѣствованіе съ сотворенія міра до воцаренія Константина Палеолога, послѣдняго греческаго императора“. Сюда вошли помимо ветхозавѣтныхъ разсказовъ, исторія Персіи, Греціи (Македоніи), Рима, Византии, Турціи. Другой хронографъ въ томъ же Обществѣ, подъ № 125, in 4°, конца XVIII в. нѣсколько сокращеннѣе предыдущаго, содержаніе и порядокъ статей тѣ же, оглавленія нѣтъ. Третій хронографъ, составленный въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, поступилъ въ Общество (№ 368) изъ библіотеки кн. Гр. Церетели. Въ эту рукопись вошла и исторія русской земли.

Въ двухъ первыхъ хронографахъ сохранилось „Сказаніе Епифанія Кипрскаго о камняхъ“. (См. у меня дальше). На основаніи приведенныхъ свѣдѣній о грузинскихъ историческихъ памятникахъ попытаемся сдѣлать анализъ лѣтописи, извѣстной подъ именемъ „Картлись-Цховреба“¹⁾.

Составъ и источники начальной грузинской лѣтописи.

Со времени появленія статьи профессора К. П. Патканова о древней грузинской хроникѣ довѣріе въ грузинской лѣтописи, извѣстной подъ именемъ лѣтописи царя Вахтанга VI, поколебалось; нѣкоторые изъ изслѣдователей Кавказа признали даже не подлежащимъ сомнѣнію мнѣніе покойнаго армениста о позднемъ происхожденіи грузинской хроники, представляющей будто бы „неудачную компиляцію“, составленную малограмотнымъ армяниномъ въ XII вѣкѣ²⁾. Приговоръ, произнесенный проф. Паткановымъ, представляетъ лишь повтореніе мысли, высказанной еще пресловутымъ скептикомъ барономъ Брамбеусомъ (Сенковскимъ) и воспроизведенной также въ распространенномъ въ 40-хъ годахъ Энциклопедическомъ словарѣ. Тотъ самый Сенковскій, который „Слово о полку Игоревѣ“ отодвигалъ къ XVII вѣку, считая его ученическимъ упражненіемъ на заданную тему по пѣтикѣ, упорно настаивалъ, что у грузинъ не могло быть никакой письменности до XII вѣка, на томъ основаніи, что будто къ

¹⁾ Моя ст. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1892 г., сентябрь.

²⁾ О древней грузинской хроникѣ, статья проф. Патканова (*Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, 1883 г., декабрь).

этому только времени они успѣли спуститься на равнину съ дикихъ ущелій Кавказскаго хребта ¹⁾). Такимъ образомъ, профессоръ Паткановъ явился поборникомъ отрицательнаго взгляда Сенковскаго на грузинскую лѣтопись, первая запись которой оба согласно относятъ къ XII вѣку. Но грузинская лѣтопись „Картлисъ-Цховреба“ имѣетъ и ревностныхъ защитниковъ. За достовѣрность ея стоятъ Вивіенъ Сенъ-Мартенъ, академикъ Броссе, грузипологъ Бакрадзе ²⁾), который еще при жизни профессора Патканова возражалъ ему по поводу отрицательнаго его отношенія къ грузинской лѣтописи. Однако, мнѣніе о „Картлисъ-Цховреба“, какъ о „мутномъ источникѣ“, очень укрѣпилось въ литературѣ, быть можетъ, потому, что лицами незнакомыми съ данными вопроса, отрицательные взгляды усваиваются охотнѣе, чѣмъ положительныя.

Мнѣніе о позднемъ происхожденіи грузинской лѣтописи держится на одномъ крупномъ недоразумѣніи. „Картлисъ-Цховреба“ дѣлится на двѣ неравномѣрныя части: первая изъ нихъ заканчивается временемъ царя Георгія Блистательнаго въ началѣ XIV вѣка, вторая же касается событій послѣдующей жизни Грузіи. Первая часть, судя по словамъ историка Вахушти, была составлена по приказанію царя Вахтанга VI, а вторая предпринята и исполнена самимъ Вахушти, который, впрочемъ, внесъ свои поправки, съ цѣлью устраненія противорѣчій, и въ предыдущую часть, обозначаемаую именемъ Вахтанга. Такимъ образомъ, грузинскіе апналы представляютъ прежде всего соединеніе двухъ одновременно составленныхъ историческихъ сочиненій. Почему же, въ такомъ случаѣ, вся грузинская лѣтопись приписывается царю Вахтангу? Дѣло въ томъ, что нѣкоторые списки „Картлисъ-Цховреба“ открываются замѣткой, гласящей, что грузинскій царь Вахтангъ VI, найдя хроніку обезображенной, созвалъ свѣдущихъ лицъ и при ихъ содѣйствіи свѣрилъ ее съ отдѣльными хроніками Грузіи, хартіями Мцхета, Гелати и другихъ монастырей, какъ равно и княжескихъ родовъ, исправилъ ее и пополнилъ извлеченіями изъ исторій армянскихъ и персидскихъ. Эта замѣтка, принадлежащая изобрѣтательности царевича Теймураза. автора „Исторіи Иверіи“ ³⁾

¹⁾ „Нѣкоторыя сомнѣнія касательно исторіи Грузіи“. (*Библиотечка для Читенія*, 1838 г., стр. 151—178).

²⁾ *Y. Saint-Martin*, *Recherches sur les populations du Caucase*, p. 53, 54, 72. *Dubois de Montpereux*, *Voyage autour de Caucase*, II, 25—28. *Бакрадзе*, *Исторія Грузіи*. Тифлисъ. 1889. стр. 50—52.

³⁾ Самъ царевичъ различаетъ древніи (дзвелни) „Кар.-Цх.“ отъ позднѣйшихъ (*Исторія*, стр. 83).

(С.-Пб., 1848 г.), и впоследствии вставленная вмѣстѣ съ начальнымъ листомъ въ экземпляры старой лѣтописи Академіи Наукъ и Румянцевскаго музея ¹⁾, укрѣпила ложное мнѣніе, что „Картлисъ Цховреба“, которую мы нынѣ имѣемъ въ печати, есть хроника, исправленная или даже составленная Вахтангомъ VI въ XVIII вѣкѣ. Но такое мнѣніе о происхожденіи грузинской лѣтописи легко устраняется тѣмъ обстоятельствомъ, что намъ извѣстенъ вариантъ лѣтописи, переписанный для царицы Маріи между 1636—1646 г. ²⁾, то-есть, когда Вахтанга VI еще не было на свѣтѣ. Лѣтопись царицы Маріи доведена до смерти Георгія Блистательнаго (1342 г.), конечный пунктъ, къ которому восходятъ еще два варианта груз. лѣтописи цар. Теймураза и кн. Мингрельскаго. Сюда же можно причислить и „Кар.-Цх.“ Церков. музея. Сравнивая между собою эти различные варианты „Картлисъ-Цховреба“, вполне можно заключить, что участіе царя Вахтанга VI въ составленіи лѣтописи въ тѣхъ манускриптахъ, которые прошли черезъ его редакцію, ограничивается вставками и нѣкоторыми наслоеніями, неизвѣстными въ спискѣ царицы Маріи. Итакъ, фактъ существованія грузинской лѣтописи до Вахтанга засвидѣтельствованъ: 1) словами историка Вахушти, приписывающаго Вахтангу лишь инициативу приведенія въ извѣстность историческихъ записей перваго періода, до Георгія Блистательнаго и 2) вариантѣ грузинской лѣтописи царицы Маріи, существенно сходнымъ съ исправленными царемъ Вахтангомъ списками „Картлисъ-Цховреба“. При этихъ данныхъ нужно еще указать, что одинъ гуджаръ Бичвинтскаго храма приводитъ въ спискѣ книгъ католикоса Евѳимія и „Кар.-Цховр.“ А такъ какъ этотъ католикосъ правилъ Западной Грузіей въ 1570—1605 гг., то отсюда слѣдуетъ, что „Кар.-Цх.“ была написана до 1605 г., т. е. ранѣе царя Вахтанга VI. Одинъ актъ 1546 г. изъ церков. музея называется также „Кар.-Цх.“ (*Жорданія*, Хроники... стр. 5). Стефаносу Орбелиани, армянскому писателю XIII в. ³⁾ извѣстна груз. лѣтопись подъ именемъ „Кар. Цховреба“.

Первая часть „Картлисъ-Цховреба“, о времени до XIV вѣка, возбуждала преувеличенное недоувѣріе въ изслѣдователяхъ отрицатель-

¹⁾ *Броссе*. „Картлисъ-Цховреба“, грузинскій текстъ, стр. 15, прим. 1. Мой докладъ на VIII археологическомъ съѣздѣ „Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея“. См. выше стр. 130.

²⁾ *Бакрадзе*. Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи. С.-Пб., 1887 г., стр. 15—16.

³⁾ *Паткановъ*. Библиогр. очеркъ армянской историч. литературы. Спб. 1880 г.

паго направленія. Скептицизмъ этотъ обуславливался мнимымъ отсутствіемъ историческихъ памятниковъ ранѣе XII вѣка. Но къ этому времени относится переводъ на армянскій языкъ не дошедшей до насъ грузинской лѣтописи, помѣщенной у академика Броссе въ „Additions et éclaircissements à l'histoire de la Géorgie“ подъ именемъ „Chronique Arménienne“¹⁾. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность указать на еще болѣе раннія историческія сочиненія, вошедшія впослѣдствіи въ „Картлис-Цховреба“, и вообще разложить лѣтопись на составныя ея части, выдѣлить изъ нея отдѣльныя хроники, сказанія очевидцевъ. [Подъ 1187 г. въ хроникѣ Дадіани, напримѣръ, читаемъ: выпалъ большой снѣгъ]; жизнеописанія святыхъ царей и именитыхъ дѣятелей. Итакъ, какіе источники были у автора начальной грузинской лѣтописи? Въ 1890 г. въ Тифлисѣ изданы были г. Такайшвили два чрезвычайно важныхъ историческихъ документа, проливающіе совершенно новый свѣтъ на древнюю исторію Грузіи; это *Три хроники* и *Новый вариантъ житія св. Нины*. Первый памятникъ интересенъ еще въ томъ отношеніи, что одно изъ его сказаній, именно „Обращеніе Грузіи“²⁾, является самымъ древнимъ, донинѣ известнымъ въ печати, историческимъ источникомъ. „Три хроники“ заключаютъ въ себѣ, кромѣ сказанія объ обращеніи Грузіи, Хронику Сумбата и Хронику Месхійскую. „Обращеніе Грузіи“, какъ источникъ, называетъ еще „Картлис-Цховреба“, но непосредственно впервые оно открыто въ 1889 году въ такъ называемомъ Шатбердскомъ сборникѣ³⁾. Хотя „сборникъ“, переписанный въ Шатбердскомъ

¹⁾ Въ 1841 г. архіеп. Карапетъ въ Тифлисѣ, открылъ неполную рукопись „Грузинскую исторію“ съ древнѣйшихъ временъ до смерти Давида Возобн. (1125), которую Пл. Иоселіани и Броссе посчастливилъ приписать Гевонду, исторіку IX—X вв. Открытіе этого памятника, почти совпало съ находкой (?) однимъ венеціанскимъ мхитаристомъ такой же грузинской исторіи. Въ маѣ 1831 г. Lavaillant de Florival, проф. армянскаго яз. въ Парижѣ, сообщилъ въ *Journal Asiatique* объ этой рукописи груз. исторіи по даннымъ Гавр. Айвазовскаго. Броссе свѣрилъ оба эти списка въ Венеціи въ 1845 г. и нашелъ, что венеціанская рукопись снята была съ „Грузинской исторіи“, открытой и доставленной въ Спб. Академію арх. Карапетомъ. Такимъ образомъ, говоритъ Броссе: „le manuscrit de Venise et le mien sont unum et idem“. *Introduction*, XVII—XVIII.

²⁾ „Обращеніе Грузіи“ и „Новый вариантъ житія св. Нины“ составляютъ въ сборникѣ одно цѣлое, раздѣленное самимъ издателемъ на двѣ части съ двумя названіями.

³⁾ „Шатбердскій сборникъ“ писанъ уставнымъ „хуцури“ (церковный алфавитъ) съ 1 до 256 стр., а съ 256 до 281 пополамъ съ мелкимъ „хуцури“.

монастырь, по мнѣнію покойнаго Бакрадзе, доведеть переписчикомъ его, инокомъ Іоанномъ, до IX вѣка, но „Обращеніе Грузіи“, нашедшее мѣсто въ разнообразномъ по содержанію сборникѣ, относится къ VII вѣку, ко времени Стефаноса II (639—663). Это предположеніе основывается на томъ соображеніи, что до этого царя хроника приводитъ нѣкоторыя важныя историческія событія, а съ VII до IX вѣка (Гварама, Эристава, Эриставовъ) представленъ лишь сухой перечень эриставовъ, вѣроятно, присоединенный къ древней части „Обращенія“, спустя два вѣка послѣ его составленія. „Обращеніе Грузіи“ вмѣстѣ съ „Новымъ вариантомъ житія св. Нины“ представляетъ одинъ изъ тѣхъ источниковъ, которые легли въ основаніе грузинской лѣтописи. При сличеніи этихъ вновь открытыхъ памятниковъ съ печатнымъ текстомъ „Картлисъ-Цховреба“, становится очевиднымъ фактъ прямого заимствованія составителемъ лѣтописи изъ „Житія св. Нины“ главы о хитонѣ Господнемъ, принесенномъ изъ Іерусалима во Мцхетъ евреемъ Эліозомъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ теперь возможность называть одинъ изъ важныхъ источниковъ начальной грузинской лѣтописи, хорошо извѣстный ея составителю, судя по ссылкѣ на этотъ памятникъ ¹⁾. Вторымъ источникомъ для составителя грузинской лѣтописи служила Хроника Сумбата. Грузинская лѣтопись ее называетъ ²⁾, но до открытія варианта „Картлисъ-Цховреба“ царицы Маріи мы не могли опредѣлить, что принадлежало Сумбату. Въ лѣтописи царицы Маріи эта хроника выдѣлена въ особую главу, а въ „Картлисъ-Цховреба“, прошедшей черезъ редакцію царя Вахтанга Хроника Сумбата, разбита на части и внесена разрозненно въ различныхъ мѣстахъ. Теперь, когда Хроника Сумбата стала извѣстна въ полномъ своемъ видѣ, легко собрать разбросанныя ея части въ печатномъ текстѣ „Картлисъ-Цховреба“, исправленной и дополненной царемъ Вахтангомъ.

Мы можемъ съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ назвать авторовъ „Обращенія Грузіи“ и „Хроники Сумбата“. Въ вариантѣ лѣтописи, при-

Переписчикъ его—инокъ Іоаннъ (Иванѣ), жившій въ IX—X вв. Содержаніе сборника крайне разнообразно. Нѣкоторое знакомство съ нимъ можетъ дать моя замѣтка въ XII книжкѣ *Этнографическаго Обозрѣнія*.

¹⁾ „Картлисъ-Цховреба“. стр. 31—41: „какъ объ этомъ писано въ Обращеніи Грузіи“.

²⁾ Цѣлая глава о Багратидахъ приписывается въ лѣтописи этому Сумбату: „Жизнь и свѣдѣнія о царяхъ нашихъ Багратидахъ, откуда они прибыли въ эту страну (то-есть, въ Грузію) и съ какихъ временъ царствуютъ въ Картли, описанныя Сумбатомъ, сыномъ Давида“. („Картлисъ-Цховреба“, грузинскій текстъ, т. I, стр. 161, прим. 3).

надлежащей царевичу Теймуразу, упоминается, что „Обращение Грузии Ниной“ написал Леонтий Мровели ¹⁾, описывающий страдание св. Арчила (VII—VIII в). Имя составителя Хроники Сумбата вскрывается в самом памятнике: его автор „Сумбатъ, Эристовъ Эристововъ, мужъ праведный, сынъ Давида Мампали (правителя) изъ Артануджи“ ²⁾. Хроника Сумбата обнимаетъ время съ VI до XI вѣка (до Баграта IV, царствовавшего съ 1027 до 1072 г.). Третій источникъ начальной грузинской лѣтописи, часто ею называемый, — „Книги персидскія и армянскія“. При сличеніи „Новаго варианта житія св. Нины“ съ лѣтописными о просвѣтительницѣ Грузии извѣстіями обнаруживается, что составитель „Картлисъ-Цховреба“ пользовался „армянскою книгой“, историкомъ Агаангеломъ, въ той части хроники, которая касается армянскихъ святыхъ Рипсиміи и Гаіаны. Повѣствованіе этого армянскаго писателя IV вѣка, издревле переведенное на грузинскій языкъ ³⁾, послужило источникомъ подробнаго разказа о мученической кончинѣ свв. дѣвъ армянскихъ, извѣстнаго намъ лишь по вариантамъ „Картлисъ-Цховреба“. Изъ исторіи греческаго писателя, Θεодорита, заимствована и внесена въ лѣтопись глава о просвѣщеніи Грузии христіанствомъ ⁴⁾. Изъ персидскихъ источниковъ въ начальной лѣтописи замѣтны слѣды Небротіани и сказаній изъ Шах-Наме, вѣроятно, распространившихся въ Грузіи устно, до ихъ обработки Фирдоуси. Если теперь для насъ стало возможнымъ выдѣлить изъ грузинской лѣтописи названные выше ея источники, благодаря тому, что они открыты въ первоначальномъ непосредственномъ видѣ, то другіе памятники, легшіе въ основаніе лѣтописи, пока ждутъ счастливаго случая выйти на свѣтъ. Мы до сихъ поръ не въ состояніи опредѣлить, что собственно принадлежитъ Джваншеру, протоіерею Іоанну и другимъ хроникарамъ, упоминаемымъ лѣтописью. Вліяніе же ихъ записей при составленіи древней части хроники не подлежитъ сомнѣнію.

Въ началѣ царствованія Іоанна въ VIII вѣкѣ читается въ лѣтописи слѣдующая замѣтка: „эта Картлисъ-Цховреба до сихъ поръ писалась отъ времени до времени, отъ Вахтанга (446—499) до царя

¹⁾ *Картлисъ-Цховреба*, I, стр. 181. *Brosset*, *Histoire de la Géorgie*, I, 353, п. I.

²⁾ Хроника Сумбата, стр. 64. Ср. *Бакрадзе*, *Исторія Грузии*, Тифлисъ, 1889, стр. 55.

³⁾ Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, *А. Цагарели*, С.-Пб., 1886 г. Вып. 1-й, стр. 7.

⁴⁾ См. у меня *Источники по введ. христ.—ва въ Грузіи*.

Іоанна (713—786) описана Джваншером¹⁾ Джваншеріани, затемъ царя Арчила, и послѣ потомки пусть опишутъ (дѣянія) по обстоятельству и умѣнью“. Въ другомъ мѣстѣ читаемъ: „это мученіе Арчила описалъ Леонтій Мровели, а теперь (дальше) пишетъ протоіерей Іоаннъ“. Упомянется еще лѣтопись Маэжана при царѣ Миріанѣ²⁾. Мнѣ представляется возможнымъ сдѣлать изъ этихъ замѣтокъ заключеніе, что „Картлисъ-Цховреба“ является лѣтописнымъ сводомъ извѣстій, восходящихъ къ различнымъ эпохамъ и составленныхъ на основаніи показаній очевидцевъ, имена которыхъ вскрываются въ лѣтописи. Поэтому можно говорить о грузинской лѣтописи, въ настоящемъ ея видѣ, какъ о памятникѣ болѣе позднемъ, но все же предшествующемъ Вахтангу VI, ибо вариантъ царицы Маріи, переписанный въ 1636—1646 г., подтверждаетъ мысль, что ученому царю принадлежатъ лишь дополненія изъ различныхъ, частью и выше поименованныхъ, источниковъ и исправленія явно неточныхъ мѣстъ древней грузинской хроники³⁾. Сравненіе различныхъ вариантовъ „Картлисъ-Цховреба“, прошедшихъ черезъ редакцію Вахтанга и не подвергнувшихся его вліянію, свидѣтельствуетъ, что грузинская лѣтопись въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ, представляетъ компіляцію, составленную еще до Вахтанга VI, на основаніи историческихъ документовъ, изъ которыхъ мы можемъ выдѣлить *Обращеніе Грузіи, Хронику Сумбата, Исторію Агаангела* [см. *Жорданія XXXIII*]. Но мы имѣемъ указанія на цѣлый рядъ источниковъ, называемыхъ лѣтописью и пока еще не открытыхъ независимо отъ нея, въ полномъ и непосредственномъ своемъ видѣ. Мы находимся въ недоумѣніи, что приписать Мровели, Іоанну и другимъ авторамъ извѣстій, вошедшихъ въ лѣтопись. Такъ, въ исторіи царя Давида Возобновителя (1089—1125 г.) упоминается о книгѣ „Картлисъ-Матіане“, то-есть лѣтопись Грузіи; въ повѣствованіяхъ о нашествіяхъ султана Джелаль-Эвдина (XII вѣка) говорится, что современную исторію написалъ монахъ Мгвмискаго монастыря неизвестнаго имени. Мы довольствуемся перечисленіемъ этихъ историческихъ записей, послужившихъ источникомъ начальной грузинской лѣтописи,

¹⁾ Труды V арх. сѣзда въ Тифлисѣ, стр. XXXVIII, г. Ерицовъ говоритъ объ арх-юл. армян. трудѣ, гдѣ упоминается историкъ Джаваширъ. Ср. *Brosset. Introd., XVI*.

²⁾ *Бакрадзе. Исторія, 135. Теймуразъ. Исторія, 33.*

³⁾ Грузинская хроника, переведенная на армянскій языкъ въ XI вѣкѣ, при сравненіи ея съ лѣтописью, ложно именуемой Вахтанговой, также подтверждаетъ убѣжденіе, что послѣдующіе компіляторы только дополнили записи предшественниковъ свѣдѣніями изъ различныхъ источниковъ.

не называя „гуджаровъ и сигилей“¹⁾, на которые также часто ссылается „Картлисъ-Цховреба“. Названные источники лѣтописи могутъ служить лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія о позднемъ происхожденіи первыхъ историческихъ записей у грузинъ, объ измышленіи „Картлисъ-Цховреба“ въ XII вѣкѣ армянскимъ монахомъ, или составленіи ея впервые въ XVIII вѣкѣ царемъ Вахтангомъ VI. Вышепоименованные памятники, разрозненно вскрывающіеся въ лѣтописи и непосредственно открытые, убѣждаютъ изслѣдователя ея въ томъ, что „Картлисъ-Цховреба“ не искажала свѣдѣній своихъ источниковъ, но связывала ихъ между собою болѣе или менѣе искусственно, дѣлала большія выписки, поочередно изъ всѣхъ извѣстныхъ ей историческихъ записей. Въ виду этого, значеніе грузинской лѣтописи, считающейся „мутнымъ источникомъ“, должно получить въ глазахъ ученыхъ другое значеніе и болѣе справедливую оцѣнку²⁾.

Въ заключеніе этой главы, мы должны назвать еще одинъ источникъ „Картлисъ-Цховреба“, свидѣтельствующій о національномъ, а не иноземномъ ея происхожденіи,—это народная поэзія, слѣды которой вскрываются въ грузинской лѣтописи³⁾. Начальная грузинская хроника представляетъ первыхъ строителей страны въ образѣ героев („гмири“), обладающихъ непомерной силой и изумительною красотой. Самые имена родоначальника грузинъ и его ближайшихъ преемниковъ представляютъ опыты этиологическаго объясненія существующихъ провинцій и городовъ Грузіи: Картлисъ—олицетвореніе Картли, то-есть всей Грузіи, Мцхетосъ—воплощеніе въ образѣ сына родоначальника столицы древней Иверіи—Мцхета; существованіе названія Кахетіи вызвало въ воображеніи народа перваго ея строителя—Кახоса. Помимо общихъ соображеній и вѣрныхъ слѣдовъ преданія о жизни грузинъ въ отдаленную эпоху, когда они дѣлились на отдѣльные роды, управляемые мамасахлпсами, то есть отцами дома, мы находимъ въ

¹⁾ Изъ Гуджара (мое изд.; Кутаисъ, 38, 41—9) заимствовано Лѣтописью свѣдѣніе о просвѣщеніи горцевъ (см. мою работу *Источн. по введ. хр—а 32—39*). См. „Картлисъ-Цховреба“, стр. 178, гдѣ источникомъ называется гуджаръ, въ которомъ перечисляются цари и именитые вельможи съ ихъ имѣніями. Въ лѣтопись внесенъ всецѣло также актъ XI вѣка, время царя Баграта IV. См. *Кондаковъ*, *Опись памятниковъ древностей*, стр. 157.

²⁾ *Вс. Миллеръ*, *Осетинскіе этюды*, ч. III, стр. 16 (М. 1887 г.); *М. Ковалевскій*, *Законъ и обычай на Кавказѣ*, 7, II, стр. 62 (М., 1890 г.). *Русскія Древности*, изд. гр. *Толстаго* и *Н. Кондакова*, вып. III, стр. 98 (С.-Пб., 1890 г.).

³⁾ Наши статьи въ *Иверіи* на грузинскомъ языкѣ въ 1888 г.: „Слѣды народной поэзіи въ Картлисъ-Цховреба“.

древней части хроникъ прямое указаніе на пользованіе составителемъ „Картлисъ-Цховреба“ народною поэзіей. Авторъ перваго свода лѣтописныхъ извѣстій (VIII вѣка) вышеупомянутый Джваншеръ,—потомокъ военачальника при царѣ Вахтангѣ Горгасланѣ, который, быть можетъ, предпринялъ свой трудъ для прославленія своего знаменитаго предка,—внесъ въ свое „Матіане“ (лѣтопись V—VIII вѣковъ), уже при царицѣ Тамарѣ являющееся съ эпитетомъ „дцвели“ (то-есть древняя), одну народную пѣсню по случаю смерти популярнаго царя Фарсмана.

Фарсманъ, прозванный добрымъ (квели), былъ измѣнически убитъ на войнѣ. Кончина его вызвала плачевныя пѣсни, въ которыхъ пѣвцы (мгосани) описывали его достоинства: *des chanteurs de duel etaient assis dans les villes et dans les villages; on se rassemblait, on rappelait la bravoure, la munificence, la bonté, la beauté de Pharsman-Kouel. Malheur à nous! disait-on, un sort funeste nous a frappés. Notre roi celui qui nous avait délivrés du joug de nos ennemis, a été tué par des enchanteurs, et nous sommes livrés à l'esclavage des nations étrangères*¹⁾. Народная пѣсня о царѣ Фарсманѣ, жившемъ во II вѣкѣ, могла дойти до автора компилятивной лѣтописи въ VIII вѣкѣ, сохранившись на пространствѣ шести столѣтій, подобно тому, какъ о царицѣ Тамарѣ (XII вѣка) до сихъ поръ въ различныхъ частяхъ Грузіи разсказываютъ легенды и поютъ пѣсни. Въ X вѣкѣ католикосъ Арсеній, составившій житія святыхъ грузинской церкви, одинъ изъ важныхъ источниковъ лѣтописи, широко пользовался народной традиціей, называемой имъ самимъ на ряду съ „книгами“ источникомъ своего труда²⁾. Армянскій писатель Григорій Магистръ (XI в.) въ одномъ изъ своихъ писемъ говоритъ, что грузины складывали пѣсни о Вахрамѣ Паллавуни и пѣли съ пляскою, точно воспѣвая полубога³⁾.

Такъ мы представляемъ себѣ составъ начальной грузинской лѣтописи и по этой схемѣ выдѣляемъ изъ нея историческія записи, ставшія извѣстными независимо отъ „Картлисъ-Цховреба“.

¹⁾ *Brosset, Histoire de la Géorgie, t. 1, p. 73.* Ср. Картлисъ-Цховреба, I, 53.

²⁾ *Brosset, Histoire de la Géorgie, t. I, p. 203, n. 6.* См. у меня, стр. 58, примѣч.

³⁾ *Аммианъ, Ширакъ* (на армян. яз., 15, 31—2).

Эпоха царицы Тамары.

Лучшій періодъ въ жизни Грузіи продолжался 120 лѣтъ, отъ Давида Возобновителя до кончины правнучки его Тамары. Грузинскія лѣтописи не находятъ никого равнымъ этой великой царицѣ, кромѣ Вахтанга Гургаслана, основателя Тифлиса, и Давида Возобновителя, называя ее царемъ, а не царицей, — Вахушти именуется ее царицей богоравпой (Ист., 217). Народъ, въ теченіе семи вѣковъ, горделиво хранитъ память великой жены и окружаетъ ее имя ореоломъ поэтическихъ легендъ, приписывая ей всѣ славныя дѣла и величавые памятники Грузіи. Въ каждой мѣстности страны образъ великой царицы принимаетъ свой особенный полумиѳическій оттѣнокъ, выражающій представленіе народа о чемъ-то высшемъ, недостижимомъ. Съ ее именемъ связана масса легендъ, превратившихъ ее изъ строго-засвидѣтельствованной исторической личности въ полумиѳическую съ свойствами христіанской святой дѣвы или языческаго божества. У грузинъ-горцевъ она причисляется то къ лику святыхъ, то считается цѣлительницей отъ всѣхъ недуговъ и болѣзней. Въ Сванетіи, гдѣ имя царицы Тамары осталось единственнымъ памятнымъ для народа историческимъ именемъ, изъ воинственной жены она сдѣлалась предметомъ суевѣрнаго религіознаго почитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ идеаломъ чарующей волшебной красоты. Пѣсни сванетовъ увѣнчиваютъ обожаемую царицу золотою діадемой, одѣваютъ ее въ свѣтоносныя одежды и украшаютъ драгоценными камнями, — и это высшій образъ, до котораго могла дойти наивная народная фантазія. Преданія рисуютъ Тамару великодушною и щедрою, и одна изъ легендъ рассказываетъ слѣдующее. Въ торжественный день, когда царица собиралась въ Гелатскій соборъ и прикрѣпляла драгоценныя рубины къ царской повязкѣ, ей пришли сказать, что нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла ей подождать, а когда вышла, то нищей уже не было. Смущенная Тамара, упрекая себя, что отказала убогой въ милостыню, сняла съ себя бывшую виною ея замедленія повязку и надѣла на вѣнецъ Богоматери въ Гелатскомъ храмѣ.

Достоверная история, переплетенная легендарными преданиями, в следующих чертах рисует судьбу и деятельность царицы Тамары (1184—1212). По свидетельству русских и грузинских источников, она вышла замуж за сына Андрея Боголюбского, Георгия, который в первое время ознаменовал себя славными победами в областях Карсской и Араратской. Однако, по причинам, о которых нет достоверных известий, брак этот скоро был расторгнут и Георгий удалился в Константинополь. Когда, по настоянию народа, Тамара должна была избрать второго мужа, то из многочисленных искателей ее руки, в числе которых был наследник византийского императора Мануила, Поликарпосъ, и сын султана испаганского, она остановилась на осетинском князе Давиде Сослане (т. е. прекрасномъ), ¹⁾ происходившем также из рода Багратидовъ, воцарившагося на грузинском престоле с конца VII вѣка. Но Георгий не мирился с потерей трона и скоро появился в Грузии с греческим войскомъ. Онъ нашелъ в стране приверженцевъ в лице эриставовъ Кларджетской и Самцхской провинцій, и скоро разбитый былъ выданъ в руки царицы. Великодушная Тамара дала ему свободу подъ условіемъ оставить навсегда Грузію.

Между тѣмъ Грузии предстояла борьба съ персами, сарацинами и турками, никогда не оставлявшими своихъ притязаній и набѣговъ даже во времена ея наибольшаго могущества. Сосланъ ходилъ в Персію, одержалъ много побѣдъ и, взявъ Ганжу, овладѣлъ огромной добычей; множество плѣнныхъ, лошадей, верблюдовъ, золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ были наградой побѣдителей, а вслѣдъ за тѣмъ Тамара послала войска выгнать турокъ изъ Карса, и, при появленіи грузинъ, непріятель бѣжалъ, оставивъ крѣпость безъ бою. Тогда знаменитый султанъ Алеппо Нуррединъ, удивленный побѣдами иверійцевъ, послалъ противъ нихъ 800-тысячную армию, по словамъ грузинской лѣтописи. Нуррединъ извѣстилъ Тамару о нашествіи, обѣщая ей милость, в случаѣ согласія быть его женою, и каждому, кто приметъ исламъ. Но когда посланникъ, в торжественной аудіенціи, объявилъ эту волю султана, то, какъ говорятъ, воевода Захарій Мхерг-

¹⁾ Устное народное стихотвореніе описываетъ свадебное торжество в Дидубе в следующихъ выраженіяхъ: „Тамара, супруга Давида Сослана, сыграла свадьбу в Дидубе, тамъ, гдѣ церковь. Устроила пиръ и пригласила свое воинство. Для угощенія званныхъ зарѣзала сто овецъ и двѣсти быковъ. Синяя скатерть, разостланная предъ гостями, была длиною в 100 сажень. Вловамъ и сиротамъ она раздавала много золота и серебра“.

зели (Долгорукій), отвѣтилъ ему пощечиной, повергшей его замятво на землю. Вызовъ былъ принятъ, и война началась. Грузины, встрѣтивъ необъятный лагерь султана въ Бассіонѣ, первые начали кровопролитнѣйшую изъ битвъ и нанесли туркамъ рѣшительное поражение. Множество плѣнныхъ и богатыя сокровища достались побѣдителямъ.

Несмѣтныя богатства, прибрѣтенныя Тамарою въ войнахъ послужили поводомъ къ столкновенію Грузіи съ Византіей. Корыстолюбивый императоръ Алексѣй Ангель, узнавши о богатыхъ дарахъ царицы монастырямъ, однажды приказалъ ограбить монаховъ, проходившихъ изъ Грузіи чрезъ Константинополь. Разгнѣванная Тамара начала съ императоромъ войну и овладѣла Трапезонтомъ и другими областями по южному побережью Чернаго моря. Изъ нихъ Тамара впоследствии образовала Трапезунтскую имперію для Алексѣя Комнени съ цѣлью затруднить распространеніе магометанства на малоазійскихъ и кавказскихъ берегахъ ¹⁾.

Вліяніе царицы распространялось далеко въ Осетію, за хребетъ Кавказскій; непокорные горды смирились передъ ея оружіемъ и принимали крещеніе. Слѣдомъ за грузинскимъ воиномъ шелъ грузинскій священникъ и купецъ—и по теченію Куры, Алазани и Терека развивалась дѣятельная жизнь и христіанская гражданственность.

Легендарная исторія, приписывающая Тамарѣ всѣ замѣчательныя храмы и крѣпости Грузіи, не далека отъ истины, потому что множество памятниковъ оставлено именно ею. Тамара повсюду оставила послѣ себя неизгладимыя черты своей дѣятельности и, какъ выражается одинъ изъ историковъ: „написала свое имя каменными твердынями на горахъ и долинахъ Грузіи“. Церкви и кресты на неприступныхъ скалахъ, внутри самыхъ дикихъ ущелій на Черномъ и Каспійскомъ поморьѣ и даже по ту сторону горъ—нѣмые свидѣтели ея величавой эпохи. Самый поэтическій памятникъ Тамары—Вардзія, „Замокъ Розъ“. Верхнюю Карталинію Тамара почитала лучшимъ перломъ своего вѣнца, и тамъ въ окрестностяхъ Ахалциха въ крутой обрывистой скалѣ она вырубилла этотъ роскошный Вардзіискій дворецъ, вмѣщав-

¹⁾ Тамара, отнявъ у султановъ Малой Азіи Трапезондъ и его окрестности основала имперію — Трапезондскую, и передала ее во владѣніе родственнику своему Алексѣю Комнену. Кромѣ Картлпсъ-Цховреба, объ этомъ же фактѣ говорятъ и иностранные источники. Въ „Трапезондской хроникѣ“, составленной Михаиломъ Панаретомъ, читаемъ: „Биръ-Алексій Великій Комнень, 22-хъ лѣтъ отъ роду, удалившійся изъ Константинополя, по стараніямъ тетки своего отца, Тамары и яверскаго войска овладѣлъ Трапезондомъ мѣсяца апрѣля, 17-го индиктіона, 6712 г. (=1204 г.). *Lebeau* H. du Bas-Emp., XVII, 254, p. 2.

шій въ себѣ до 360 покоевъ. Путешественникъ и нынѣ можетъ видѣть останки этого величественнаго царскаго жилища, въ которомъ среди келій и корридоровъ въ нѣдрахъ земли сохранился храмъ огромныхъ размѣровъ, украшенный фресками, и посреди этихъ фресокъ какое-то странное и волнующее впечатлѣніе производитъ изображеніе самой царицы, во весь ростъ стоящей передъ зрителемъ. Тутъ же въ боковомъ придѣлѣ церкви видѣнъ каменный балдахинъ, подъ которымъ, по одному преданію, погребена Тамара. Но настоящая могила ея остается неизвѣстною. Есть мнѣніе, что царица похоронена въ Гелатскомъ монастырѣ, другіе указываютъ въ Сванетіи. Рачинцы прахъ ея ищутъ у себя. Грузинскія племена неохотно разстались съ своей умершей царицей, и каждое хотѣло бы найти у себя мѣсто ея вѣчнаго упокоенія.

Эпоха Тамары не была только эпохой военнаго могущества.

Отголосокъ величія царства Багратидовъ слышимъ еще черезъ два вѣка послѣ Тамары и слышимъ изъ устъ арабскаго писателя Шихабеддина Элькалькашеди († 1418 г.)¹⁾. „Да прославить Аллахъ жизнь его величества государя славнаго, великодушнаго, именитаго, отважнаго, храбраго, священнаго, духовнаго, славы народа мессіанскаго, сокровища націи крестоносной, гордости вѣры христіанской, царя абхазцевъ, грузинъ и джурджановъ, друга царей и султановъ; государя могущественнаго, неуныннаго борца, льва, обладателя престола и короны, вѣдателя своей религіи, справедливца къ подданнымъ своимъ, лучшаго изъ царей лазійскихъ, султана грузинъ, сокровища царствъ морей и проливовъ, защитника заповѣднаго мѣста витязей, унаслѣдовавшаго отъ предковъ своихъ престолы и короны, охраны странъ румскихъ и иранскихъ, эссенція царей сирійскихъ, отборнѣйшаго изъ обладателей престоловъ и коронъ, прославителя христіанъ, подпоры религіи Иисусовой, помазанника героевъ мессіанскихъ, рѣшениемъ своимъ возвысившаго домъ священный (Іерусалимъ)²⁾, опоры врсеченныхъ, пособника папы, друга мусульманъ, прекраснѣйшаго изъ близкихъ друзей, искренинѣйшаго друга царей и султановъ“.

Водворившійся за побѣдоносными войнами миръ благотворно отразился на развитіи науки и искусства и на блестящемъ расцвѣтѣ гру-

¹⁾ Записки Восточнаго отд. имп. русск. арх. общества, т. I, стр. 208—216.

²⁾ Объ этомъ же фактѣ свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный въ своемъ сочиненіи 952 года. Онъ говоритъ: *Comme les Bagratides iberiens prétendent venir de Jérusalem, et qu'ils ont une grande affection pour cette ville et pour le tombeau du Sauveur, ils y envoyèrent à certaines époques de riches présents, tant aux patriarches qu'aux chrétiens de la ville sainte. (Addit. et éclairc. à l'Hist. de la Géorgie, par M. Brosset, p. 144—145. Cp. Bul. scient, V, 255).*

зинской литературы, создавшейся подъ въздѣйствиємъ трехъ культуръ—арабской, персидской и византійской. При дворѣ царицы собирается плеяда славныхъ писателей, возведшихъ грузинскій языкъ до полнаго совершенства. Вѣкъ Тамары ознаменованъ литературною дѣятельностью поэтовъ—Шавтели и Чахруха, написавшихъ поэмы въ прославление Тамары, нѣчто въ родѣ Державинской Фелицы. Ея царствованіе украшаютъ имена талантливыхъ романистовъ—М. Хонели и Саргисъ Тмогвели. Но дѣятельность грузинскихъ классиковъ блѣднѣетъ предъ памятью Шота Руставели, имя котораго произносится каждымъ грузиномъ съ чувствомъ благоговѣнія. Его романтическая поэма—„Барсова кожа“ сдѣлалась достояніемъ всего грузинскаго населенія, многіе ея стихи стали народными поговорками, и нѣтъ ни одного грузина, который бы не зналъ нѣсколько его изреченій. Глубина мысли и теплота чувствъ, проникающія это высоко-художественное произведение, сдѣлали „Барсову кожу“ на пространствѣ семи сотъ лѣтъ воспитательной книгой чтенія, наравнѣ съ Евангелиемъ и Апостоломъ.

При Тамарѣ Грузія достигла высшаго развитія политическаго и умственнаго, съ ея же смертью все измѣнилось, какъ будто она унесла въ могилу счастливые дни своей родины. Невольно останавливаетъ на себѣ вниманіе тотъ фактъ, что въ Грузіи высшій идеалъ челоуѣка нашель себѣ олицетвореніе въ образѣ женщины. Святая Нина просвѣтительница Грузіи христіанствомъ (IV вѣкъ)—идеалъ высоты нравственной; царица Тамара—идеалъ героя и мудраго правителя. Нина и Тамара самыя любимыя имена грузинъ.

Броссе ¹⁾ отзывается весьма лестно о культурѣ XII в.: „...Появляются (въ Грузіи въ X—XII вв.) гени, которые доводятъ грузинскій языкъ до самаго высокаго совершенства: съ одной стороны переводчики Библия, а съ другой—*творцы величественныхъ эпопей Амираана и Таріеля*; эти времена были великими вѣками Грузіи... Если должно судить о степени умственной образованности какаго-нибудь народа по литературной статистикѣ, то нѣтъ ничего легче, какъ оцѣнить умственное образованіе Грузіи, литература которой подраздѣляется на богословіе, поэзію и исторію... Духовная литература просіяла въ Грузіи съ рѣдкимъ блескомъ... Цвѣты поэзіи наполнили своимъ благоуханіемъ всѣ долины и увѣнчали всѣ вершины Кавказа. Пріятно повторить здѣсь имена Руставели, *Моисея* (читай: Мосе Хонели), Саргиса, Абдуль-

¹⁾ Броссе. „Взглядъ на исторію и литературу Грузіи“. Ж. М. Н. П. XI, стр. 286.

Мессія, Чахрухадзе; раскрыть характеръ ихъ поэтическихъ талаптовъ и сдѣлать разборъ ихъ произведеній, *столь оригинальных!* И эта картина будетъ все еще исторія, потому что *дѣйствующія лица* въ этихъ произведеніяхъ—*грузинскіе герои*, подъ вымышленными именами. И эти описанія, блестящія поэтическимъ жаромъ... излагаютъ по большей части достопамятныя дѣла извѣстныхъ мужей“.

Культурное вліяніе, шедшее на Грузію изъ Византіи въ средніе вѣка столкнулось съ воздѣйствіемъ Ирана на Кавказъ. Персидскія связанія, религіозныя вѣрованія, нравы и обычаи распространяются среди закавказскихъ народностей. Уже Моисей Хоренскій замѣчаетъ, что о Рустемѣ, героѣ персидскаго эпоса, армяне распѣвали пѣсни. Отголоски Рустеміады еще нынѣ свѣжи въ памяти всѣхъ народностей грузинскаго племени. Вліяніе иранской культуры восходитъ къ глубокимъ временамъ, къ періоду Ахеменидовъ, когда саспейры, алародіи, мосхи, тибарены, жители Колхиды, по словамъ Геродата, входили въ составъ персидскаго государства, участвовали въ походахъ своего повелителя и доставляли ему посильные подарки. Въ эпоху сасанидовъ водворяется въ Грузіи ученіе Заратустра благодаря воцарецію Миріана, сына Шапора персидскаго. Политическое вліяніе Персіи, по временамъ ослабѣвавшее, снова получило свою силу надъ теченіемъ культурной жизни Грузіи. Результаты связи Кавказа съ Ираномъ сказались въ распространеніи устныхъ сказаній и обработанныхъ поэтами то героическихъ, то романическихъ произведеній персидской словесности, какъ у армянъ, такъ и грузинъ. Въ эпоху цар. Тамары, византійская и иранская культура слилась въ одинъ потокъ, потерпѣвшій воздѣйствіе на почвѣ національныхъ особенностей грузинскаго народа.

Поэмы и повѣсти XII в.

Въ XII в. грузинская свѣтская литература достигаетъ періода высшаго развитія. Къ этому времени относятся творенія Хонели, Тмогвели, Руставели, Шавтели, Чахруха.

Амиранъ-Дареджаніани ¹⁾ написалъ Мосе Хонели, о которомъ упоминаетъ Ш. Руставели въ послѣднемъ стихѣ „Барсовой кожи“.

¹⁾ Содержаніе этой повѣсти см. у меня въ I ч. „Очерковъ“.—Мы рассмотрѣли въ „Обществѣ распространенія грамотности среди грузинъ“ три рукописи „А. Д.“ Первая подъ № 1189 inf. писана разными почерками „мхедрули“, на снѣней бумагѣ черными чернилами, заключаетъ 222 стр. и главы: I повѣсть объ Абесаломѣ, царѣ индійцевъ; II повѣсть о Балхи Іамашидзе; III Нисаръ Нисрелъ; IV Ампранъ Дареджанидзе; V Амбри Араби; VI Витазъ Индо;

По словамъ царевича Теймураза, онъ былъ секретаремъ цар. Тамары и происходилъ изъ М. Хони въ Имеретіи. Амиранъ-Дареджаніани представляетъ сборникъ героическихъ разсказовъ, искусственно собранныхъ вокругъ Амираана богатыхъ народныхъ сказаній. Сборникъ состоитъ изъ двѣнадцати главъ и входитъ въ кругъ тѣхъ произведеній, которыя носятъ слѣды восточнаго, или лучше сказать, персидскаго вліянія. Нѣкоторыя мѣста, сохранившіяся и фразы могутъ свидѣтельствовать, что отдѣльные разсказы изъ Амиранъ-Дареджаніани заимствованы изъ персидскихъ устныхъ или письменныхъ произведеній. Въ доказательство этой мысли приводятся слова „одноглазаго дэва“, обращеннаго съ просьбой къ Амирану: „іек чешемъ несте“, [Рукоп. № 1189 „Общ. грам.“ это мѣсто даетъ въ видѣ „чешма нисто“], т. е. нѣтъ у меня моего и одного глаза. Но восточныя имена героевъ и персидская фраза [вѣдь, встрѣчаются же французскія слова въ оригинальныхъ русскихъ произведеніяхъ!], вскрывающіяся въ сборникѣ, не доставляютъ убѣдительныхъ доводовъ въ пользу мнѣнія о персидскомъ происхожденіи грузинскаго романа. Сторонникомъ этой теоріи является Н. Я. Марръ. Амиранъ-Дареджанидзе, говоритъ почтенный авторъ, по происхожденію персъ, живетъ по близости Багдадскаго двора, повелителя правовѣрныхъ. Персомъ же, по его толкованію, оказывается другой герой романа Сепедавле Дариспанидзе. Эти два героя превосходятъ силою всѣхъ остальныхъ богатырей, являющихся представителями различныхъ народностей—арабовъ, абиссинцевъ, индійцевъ, іеменцевъ, китайцевъ, хазарь и др. Въ виду того, что авторъ романъ а желаетъ внушить чи

VII повѣсть о свѣтилахъ; VIII а) повѣсть о чарахъ; б) повѣсть о смерти, сообщенная Амирану витяземъ Сабуромъ, сыномъ Рабаги; IX Сепедавле Дариспанидзе; X Мачеабукъ; XI Кровомщеніе; XII Вступленіе въ Балхети. Вторая рукопись, подъ № 2632, писана „мхедрули“ на сѣрой бумагѣ. Третья рукопись подъ № 1623, полная въ переплетѣ, переписанъ въ 1776 г., заключаетъ въ себѣ двѣ лишнія главы, повидимому внесенныя изъ Диларіани: гл. XII о Джимшерѣ сынѣ Хазарскаго царя, и XIII о Джимшерѣ, сынѣ Джимшера. Эти двѣ главы, вставленныя предъ послѣдней главой „Амираан-Дар.“ сопровождаются припиской, что „ихъ не слѣдуетъ черенисывать, потому что онѣ присоединены ложно какииъ-то Цхиввалцемъ“ (жителемъ мѣст. Цхиввалъ). Дополненіе о рукописяхъ „Амиранъ-Дар.“, см. у меня въ I книгѣ „Очерковъ“, стр. 351, а также экземпляръ, принадлежавшій Баграту Георгіевичу, — послѣдній также даетъ 2 главы сверхъ 12. Романъ этотъ героическій, получудесный, разсказываетъ о славныхъ похожденияхъ героя, которыя не должны быть смѣшиваемы съ Миріаномъ Дареджанидзе. Каталогъ ректора Давида Алексіевича № 226 называетъ Амираана Дареджанидзе въ стихахъ. *Brosset. Mél. as. VIII, 428. Подробный разборъ Bul. Scient. de l'Ac., III; 7.*

тателямъ предпочтительное уваженіе къ персидскимъ героямъ, то, слѣдов., Амиранъ-Дареджаніани написанъ къ прославленію персовъ, по-персидски, а впослѣдствіи переведенъ по-грузински. Таковъ логическій порядокъ доказательствъ, выставленныхъ г. Марромъ ¹⁾. Въ самомъ романѣ, въ которомъ такъ неуклонно сообщаются свѣдѣнія о національномъ происхожденіи каждаго героя, нѣтъ никакихъ прямыхъ указаній относительно народности, къ которой принадлежатъ Амиранъ Дареджанидзе и Сепе давле Дариспанидзе. Непонятно, почему авторъ скрылъ персидскую національность двухъ своихъ славныхъ героевъ, которые выставлены имъ съ цѣлью прославить персовъ! Г. Марръ усматриваетъ въ названіяхъ этихъ героевъ „сознательную руку (?) автора“, и, разлагая ихъ на составныя части, привлекаетъ арабско-персидскій лексиконъ для ихъ объясненія. Эти имена съ полнотью звучатъ такъ:

1) Сепе Давле Дариспанидзе, 2) Амиран Дареджанидзе.

Отбросивъ прибавленное къ концу грузинское слово „дзе“ (сынъ) съ гласнымъ остаткомъ отъ окончанія родительнаго падежа (*ис*)—звучомъ *и* мы получамъ:

1) Сепе давле дар Испан, 2) Амир андаре джанъ.

Первыя части въ обоихъ именахъ состоятъ изъ арабскихъ словъ, употребляемыхъ у персовъ въ качествѣ титуловъ; легко также узнать вторыя части (дар=андаре)—двѣ формы персидскаго предлога—*аз*; наконецъ, третія части суть обычныя вульгарныя транскрипціи персидскихъ же словъ: испан=испахан Испаганъ и джан=джанан мѣръ. Имена героевъ, заключаетъ г. Марръ персидскаго происхожденія; одного витязя звали Сепе, т. е. „мечемъ государства въ Испаганѣ, а другаго Амиромъ, т. е. повелителемъ въ мѣрѣ“. Но Испаганъ въ грузинской транскрипціи не можетъ звучать какъ *испанъ*.

При желаніи иногда возможно этимологію словъ одного языка объяснить при помощи другого языка. Такія попытки хорошо извѣстны въ филологическихъ трудахъ Тредьяковскаго. (Скины отъ русскаго языка скитаться, Италія отъ удаляться и пр.). Герои грузинскаго романа Мосе Хонели, безъ сомнѣнія носятъ персидскія имена, но эти послѣднія рано вошли въ грузинскій календарь ²⁾, и фактъ присутствія ихъ въ грузинскихъ произведеніяхъ не можетъ служить убѣдительнымъ доказательствомъ для установленія мнѣнія о переводѣ самихъ памятниковъ съ персидскаго языка: при такомъ

¹⁾ Журн. Мин. Нар. Пр. 1895, іюнь, стр. 355, 361 и др.

²⁾ О некалендарныхъ именахъ у грузинъ, моя замѣтка въ „Этногр. Обзор.“ 1894, № 2).

методъ сужденія объ національномъ или иноземномъ происхожденіи произведеній пришлось бы совершенно уничтожить рядъ современныхъ оригинальныхъ грузинскихъ поэмъ и повѣстей, авторовъ намъ извѣстныхъ, въ которыхъ встрѣчаются персидскія, греческія или армянскія названія. Примѣняя этотъ же критерій къ произведеніямъ русскихъ и европейскихъ авторовъ пришлось бы значительно сузить кругъ оригинальнаго происхожденія шедевровъ Пушкина, Шекспира, В. Гюго, принадлежность которыхъ названнымъ поэтамъ засвидѣтельствована точными указаніями. Помимо этихъ общихъ соображеній о шаткости теоріи, провозносящей судъ надъ исторіею творчества писателей, въ мнѣніи г. Марра есть умышленное игнорированіе этимологии словъ: Сепедавлъ Дариспанидзе гораздо осмысленнѣе объясняется, при помощи грузинскаго языка, чѣмъ персидскаго. Слово очень древнее по - грузински *Семе* значитъ царевичъ и, понятно, почему Хонели даетъ этотъ титулъ сыну Дариспана, нѣкогда покрывшаго много странъ. Само имя Даристанъ весьма распространено въ Имеретіи, откуда былъ родомъ самъ авторъ романа. Толкованіе Амирава въ смыслѣ *амира*, „повелителя въ мірѣ“, не находитъ по тексту романа оправданія, потому что Амиранъ не былъ багдадскимъ эмиромъ, пользующимся всемірною славой, какъ комментируетъ г. Марръ. Вѣдь, самъ же почтенный арменистъ называетъ его лишь *царедворцемъ* Багдадскаго повелителя правовѣрныхъ,—а рыцарскія его доблести раздѣлялись Сепедавлемъ.

Толкованіе именъ и фамилій героинь повѣсти „Амиранъ-Дареджаніани“ составляетъ существенную часть изслѣдованія г. Марра. И потому прежде всего приходится ознакомиться съ тѣмъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ г. Греномъ ¹⁾, читаетъ эти имена и фамиліи ²⁾.

Саварсимидзе: ³⁾ по Грену—„сынъ Саварсима“. по Марру—„Саваръ-Симидзе“ и „Саварсимидзе“.

Амиранъ Дареджанидзе: по Грену—„А., сынъ Дареджана“, по Марру—„Амиръ Андареджанъ“, или „Амиранъ, сынъ Дареджана“.

Нестанъ Дареджанъ: по Грену—„Нестанъ, дочь (?) Дареджана“, по Марру—Нестъ Андаре джананъ“.

¹⁾ *Грэнъ*. Амиранъ, сынъ Дареджаны. Жур. М. Нар. Пр., 1895, мартъ.

²⁾ *М. Джанашивили*. О происхожденіи груз. классиковъ. „Нов. Обзор.“, 1896, № 4279 и сл.

³⁾ Варсими на грузинскомъ языкѣ значитъ цырюльникъ, и отсюда совершенно законно образовалась форма са-варсими, а затѣмъ и фамилій Саварсимидзе.

Бадри Иаманидзе: по Грену—„Б. Іеменець“, по Марру—„В. Іаманидзе“ (іеменець).

Г. Газнели: по Грену—„Г., изъ Газны“, по Марру—„Г. Газнели“ (газніець).

Также вмѣсто Парсаданидзе, Рабишинидзе, Рабакидзе, Абрамидзе, Надирадзе, Нисрели, Асурели и пр., у Грена читаемъ: Парсадановичъ, Рабишиновичъ, Рабаговичъ. Абрахамовичъ, Надировичъ, Ассирійскій, Египетскій.

Г. Гренъ фамилію превратилъ въ отчество, позабывъ, что не всякій Косидзе можетъ быть Косевичемъ, или сыномъ Коси, и не всякій Бадридзе, сыномъ Бадра или Бадревичемъ.

По мнѣнію г. Марра, „не только всѣ имена героев А. Д. [Амиранъ-Дареджанидзе] иностраннаго происхожденія, но даже такое имя, какъ Іосифъ, употреблено въ иноземной формѣ, принятой у народовъ, исповѣдующихъ исламъ (*Усин, Іусиб*), а не въ существующей уже издревле и распространенной въ Грузіи формѣ „Іосеп’“.

Во-первыхъ, имя Іосифъ магометане провозносятъ не какъ Усинъ или Іусибъ, а какъ Юсуфъ, т. е. такъ, какъ это имя попадаетъ въ коранъ Магомета, и, во-вторыхъ, еще нужно доказать, что имя героя повѣсти А. Д. Усиби тождественно съ именемъ Іосифъ. Вотъ извѣстный Г. Е. Церетели доказываетъ, что имена легендарныхъ героев Усупи (*Усипи, Усиби*, по вариантамъ) и Бадри (въ А. Д. тоже Бадри) въ переводѣ съ грузинскаго означаютъ: Бадри—*полная луна, снѣжно-бѣлый*; Усупи—*горный укропъ*.

Ошибочно, когда *Газнели* переводятъ словами: „газніецъ“, „изъ Газны“. Дѣло въ томъ, что у грузинъ съ древнѣйшаго времени принято часто фамилію замѣнять именемъ того города или мѣстности, гдѣ подвизался или откуда происходилъ тотъ или другой дѣятель. Такъ образовались, напр., прозвища *поэтовъ*—Руставели, Хонели, Шавтели.

Впрочемъ, и въ томъ же случаѣ, если мы героя А. Д. Газнели будемъ считать „газніецемъ“, или жителемъ „изъ Газны“, то и это не послужитъ въ колыу мнѣнія, будто А. Д. не есть оригинальное сочиненіе М. Хонели: въ ущельѣ р. Рехули (въ горійск. уѣздѣ), въ мѣстечкѣ Газна, обиталъ древнѣйшій грузинскій родъ Газнели, изведенный въ 1625 году сосѣдними феодалами (см. брошюру *Пл. Лосселіани*—„Мамеба“, стр. 6).

Въ древней Грузіи попадались имена, каковыя носятъ и нѣкоторые изъ героев повѣсти М. Хонели. Такъ, напр., у Хонели одинъ изъ героев, какъ видно изъ пересказа г. Грена, названъ Клаосомъ

Косидзе. По хроникѣ Х вѣка ¹⁾ и по „Картлис-Цховреба“, подѣ тѣмъ же именемъ царствовалъ въ Грузіи одинъ изъ царей—*Каосъ*, въ 72—87 по Р. Х. Что же касается имени Коси и происшедшихъ изъ него фамилій Косидзе и Косишвили, обитающихъ нынѣ въ Кахетіи, то и подобное имя встрѣчается въ Грузіи въ 65 году до Р. Хр. По свидѣтельству Плутарха (50—120 по Р. Х.), командующимъ албанскими войсками противъ Помпея былъ „братъ царя, по имени Косисъ“ ²⁾.

Задавшись мыслью во что бы то ни было доказать персидское происхожденіе творенія М. Хонели, г. Марръ прибѣгаетъ еще къ натяжкамъ: имена героевъ Мзечабукъ и Дариспанидзе онъ производитъ съ персидскаго. А между тѣмъ Мзечабуки по-грузински значить солнце—герой (чабуки по-свански произносится въ формѣ чабигви), при чемъ „мзе“ часто приставляется къ словамъ для выраженія понятій красоты, доблести, совершенства и пр. Такъ образовались слѣдующія имена и слова: Хварамзе (буквально—есмь солнце), *Мзевинари* (букв.—солнце + кто + таков), *Мзешинари*, (солнце + дома + есть), *Мзекала* (солнце + женщина), *Каламзе* (женщина + солнце), *Мзечабуки* ³⁾ (солнце + герой, юноша), *Мзецвѣа* (птица), мзегрделоба (долгоденствіе), мзекетилоба (счастіе, букв.—солнце + доброта), энамзеоба (краснорѣчіе, букв.—языкъ + солнце), мзечврита и пр. Г. Марръ же говоритъ, что въ имени Мзечабукъ „Мзе—солнце—можетъ быть нѣсколько вольнымъ (а не совершенно произвольнымъ?) переводомъ географическаго названія Хорасана, которое означаетъ *восходящее солнце*, востокъ, и Мзечабукъ въ такомъ случаѣ явился бы героемъ этой области“ (!).

Странно также его толкованіе имени и фамиліи героя Сепе-Двали Дариспанидзе. „Сепе“ есть грузинское слово, употребляемое и самостоятельно и въ словеніи съ другими словами, каковы: „сеписквери“ (просфора), сепепури, сепетцули ⁴⁾ (царская гвардія, царедворецъ), сепешвили, сепе (собств. имя мужчины). Изъ „двали“ также имѣемъ древнѣйшія названія Двалетіи, селенія Двалишвилеби, фамилію Двали и пр. Г. Марръ же Сепе-Двали читаетъ такъ: сепе + давле, а Гренъ—Сейфудагле, въ полной же формѣ, по Марру, выходитъ Сепе + дагле, дар Испанъ, т. е. „мечъ государства въ Испаніи“. Такія искусственныя толкованія едва ли

¹⁾ См. „Три хроники“. Е. Такайшвили.

²⁾ Ганъ, „Извѣстія греческихъ и римскихъ писателей о Кавказѣ“, стр. 125.

³⁾ Мзечабуками назывались многіе изъ атабековъ самцхѣйскихъ.

⁴⁾ Это слово въ этомъ же значеніи употреблено Моисеемъ Хоренскимъ въ его исторіи Арменіи (стр. 83).

послужать въ пользу доказательства перевода съ грузинскаго повѣсти съ несуществующаго, по крайней мѣрѣ, до настоящаго времени персидскаго оригинала.

Не принимая мнѣнія о полномъ переводѣ Амиранъ-Дареджаніани съ персидскаго языка, мы готовы согласиться съ Греномъ, усматривающимъ въ немъ слѣды персидскаго вліянія и быть можетъ переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ съ персидскаго языка. Хонели пользовался устными и письменными свѣдѣніями при созиданіи своего романа. Весьма призрачно стремленіе ввести Амирана въ кругъ такихъ сказаній, въ которыхъ онъ участвуетъ пассивно или по волѣ автора. Такъ V глава, съ которой сообщаются повѣствованія о другихъ витязяхъ, рассказываетъ о подвигахъ Индо и Амбри богатыряхъ. Амиранъ, поставленный въ извѣстность объ нихъ,—идетъ къ нимъ на помощь въ Аравію, но застаетъ только трауръ по Амбри и опечаленный возвращается въ Багдадъ.

На сборный характеръ Амиран-Дареджаніани ¹⁾ намекаютъ имена дѣйствующихъ лицъ: Бадръ Іаманидзе (іеменецъ); Али Диламъ (диламеецъ); Носаръ Нисрели (=мисрели ²⁾ египтянинъ); Астарабидзе (астарабадецъ); витязь Абашъ (индіецъ) ³⁾.

Витязь Черный (негръ); Босоръ Басрели (басріецъ); Гамаръ Газнели (газніецъ); Амирандо (индіецъ). Указаніе на происхождение по мѣстности и народности могутъ указывать на сказочный сюжетъ отдѣльныхъ эпизодовъ романа, вошедшихъ въ предѣлы Грузіи

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ сквозитъ компилятивный характеръ повѣсти; съ XIII гл. неожиданно появляется авторомъ, что онъ хочетъ продолжать рассказъ. Не указываетъ ли это на продолженіе (искусственное) начатаго повѣствованія? Каждая глава начинается словами: „будь живъ во вѣки“! Слово „аминъ“ является въ повѣсти не только въ концѣ, но и въ серединѣ, что можетъ указывать на соединеніе отдѣльныхъ рассказовъ въ одну повѣсть.

²⁾ Въ документахъ изъ Телль-Эль-Амарны въ XV в. до Р. Х. читается Мисри, толкуемый въ смыслѣ Египта з. *Соловейчикомъ* (Ж. М. Н. П. 1896, октябрь, 320. „Восточная цивилизація въ XV в. до нашей эры“).

³⁾ См. „Еще одинъ изъ источниковъ исторіи Грузіи царевича Вахушти“. Е. Такайшвили, стр. 115, примѣч. 1. Словами „Абаши“ и „Абашети“ грузины называютъ не только абиссица и Абиссинію, но и индійца и Индію. Такъ, въ грамотѣ Орбеліановыхъ сказано, что въ 768 году по Р. Х., переселился въ Грузію изъ Абашетинъ Виріанъ-Абашъ съ большимъ скопщикомъ улуса. „Эта Абашетія, — справедливо замѣчаетъ Е. Такайшвили, — есть не Абиссинія, а страна Индіи, сопредѣльная съ Персіей“.

сутно или письменно и обработанных во вкусъ рыцарской эпохи царицы Тамары, современникомъ которой является Мосе Хонели.

„Амиранъ-Дареджаніани“ носитъ яркій колоритъ рыцарскаго романа: пѣвцы, турниры, уваженіе къ женщинамъ, закованные рыцари, выступающіе на состязаніе во имя дамы сердца или въ защиту слабыхъ и угнетенныхъ—вотъ та форма рыцарскихъ произведеній, которая хорошо извѣстна въ Западной Европѣ. Присутствіе каски, панциря и прочаго вооруженія побудило еще ак. Броссе сравнить повѣсть Хонели съ западно-европейскими ¹⁾. Центральнымъ лицомъ авторъ ставитъ Амирана, популярнаго героя народныхъ сказаній. Отдѣльные эпизоды изъ его рыцарскихъ подвиговъ и вынѣ обращаются въ устной передачѣ—сказочной обстановкой окружаетъ его авторъ съ первыхъ страницъ своего романа: чудеса его мужества и силы неослабно возрастаютъ и покрываютъ подвиги другихъ героевъ. По положенію своему онъ простой дворянинъ, стоитъ близко къ багдадскому двору халифа, называетъ самъ себя придворнымъ („модарбазе“). Во дворѣ его принимаютъ ласково и благосклонно; онъ пользуется славой опытнаго много видѣвшаго мужа: рассказы его развлекаютъ самого повелителя правотѣрныхъ. Онъ нерѣдко повѣствуетъ ему о своихъ подвигахъ, совершенныхъ во славу багдадскаго халифа. Онъ преданъ своему созерену безконечно, до обожанія; въ вклатву онъ призываетъ его, наравнѣ съ Богомъ: „клянусь Богомъ и клянусь солнцемъ моего господина эмира“! Какъ рыцарь, добычей съ побѣжденныхъ пользуется только для сюрприза приглашеннымъ богатырямъ. Онъ наслаждается умѣренно богатствомъ и имуществомъ. Окруженъ онъ только шестью постоянными слугами, изъ которыхъ неразлучнымъ является Саваръ Симидзе. Онъ сопровождаетъ его въ походы на индійцевъ, хазаръ, турокъ, китайцевъ. Самъ Саваръ-Симидзе хранитъ благоговѣнное воспоминаніе объ Амиранѣ, и рассказъ его предъ эмиромъ владеть Хонели въ основаніе романа ²⁾.

¹⁾ *Brosset. Bulletin Scient.* 1838 г., III, p. 7. Броссе приводятъ содержаніе этой повѣсти по рукописи 1803 г. монаха Дмитрія, переписавшаго ее по порученію полковника Вахтанга Орбеліани для царевича Баграта Георгіевича, жившаго въ Москвѣ.

²⁾ Любопыгна черта грузинскихъ рыцарскихъ повѣстей, сближающихъ ихъ по построенію съ поэмами Гомера. Битвы грузинскихъ рыцарей происходятъ въ присутствіи вельможъ и дамъ, созерцающихъ состояніе съ высокихъ трибунъ. Во время единоборства Париса съ Менеласомъ, по Иліадѣ греческіе и троянскіе воины приготовились смотрѣть на единоборство. На одной изъ башенъ Трои собралась Пріамъ и старѣйшины. Между ними была и Елена.

Другой витязь, относительно котораго „Амиранъ-Дареджаніани“ даетъ подробныя свѣдѣнія, это — Сепедавлъ, человѣкъ высокаго происхожденія и выдающихся рыцарскихъ качествъ. Онъ сынъ замѣчательнаго богатыря, покорившаго много странъ. По смерти отца, враги Сепедавла воспользовались малолѣтствомъ послѣдняго и отняли всѣ земли, кромѣ столицы. Узнавъ отъ матери всю горькую истину о своемъ положеніи, онъ выступилъ противъ враговъ и въ короткое время завоевалъ всѣ бывшія свои владѣнія. Онъ убиваетъ опустошавшаго страну индійскихъ купцовъ носорога саблей, какъ кошку; легко разбиваетъ желѣзные ворота; ни одинъ богатырь не въ состояніи устоять противъ него. Подвиги его совершаются главнымъ образомъ среди бѣсовскихъ навожденій. Разыскивая дочь китайскаго царя, онъ попадаетъ въ заколдованный кругъ волшебныхъ чаръ, передаваемыхъ авторомъ со всѣми подробностями, обычными въ грузинскихъ народныхъ сказкахъ. Онъ встрѣчаетъ людей съ крыльями, при возгласѣ которыхъ вода прибываетъ съ неудержимой силой; попадаетъ въ темное мѣсто; теряютъ сознаніе по съѣденію плодовъ, но противъ всѣхъ этихъ навожденій Сепедавлъ снабженъ спасительными снадобьями, полученными благодарной ему женщиной за освобожденіе послѣдней изъ плѣна въ замкѣ девоу. Ему вездѣ покровительствуетъ судьба.

Въ странѣ чудовищъ и чаръ вращается еще одинъ видный витязь Мзечабукъ. Онъ убиваетъ слона, тѣло котораго было львиное, а лицо человѣчье. Избиваетъ по пути къ похищенной чародѣйскимъ образомъ хазарской царевнѣ людей, сидящихъ на львахъ и гиганта съ окровавленнымъ мечомъ въ рукѣ. Витязь со свитой попадаетъ въ домъ, гдѣ птицы обращаются въ людей и садятся за столъ, ударяютъ крыльями, — а Мзечабукъ снова переносится назадъ въ Хазарію. Въ заколдованномъ по возвращеніи домѣ витязь находитъ два копья, которыя при прикосновеніи къ нимъ руки быстро сгорѣли. Въ одномъ провалѣ онъ встрѣчаетъ множество тѣней людей; въ ущельѣ видитъ каменныхъ людей на крылатыхъ коняхъ. Этотъ герой, совершившій столько чудесныхъ подвиговъ, освободившій изъ плѣненія хазарскую царевну, былъ измѣнически убитъ и въ послѣдствіи горячо оплаканъ его поклонниками. Остановившись на этихъ подробностяхъ, необходимо отмѣтить сказочный сюжетъ, вошедшій въ составъ „Амиранъ-Дареджаніани“. Сказанія съ подобнымъ волшебнымъ элементомъ въ обиліи встрѣчаются у грузинъ, какъ и у всѣхъ народовъ. Усматривать въ нихъ національное происхожденіе такъ же трудно, какъ на основаніи ихъ опрометчиво заключать, что они представляютъ книжный переводъ съ какого-либо языка. Сказанія эти, открытыя въ Амиранъ-Дареджаніани, могли быть

занесены устно и распространиться въ народѣ, который и теперь хранитъ цѣлую серію подобныхъ произведеній. Этотъ сказочный сюжетъ, записанный М. Хонели, дополнился богатырскими похождениями, рассказъ окрасился въ рыцарскій колоритъ съ безконечной борьбой изъза руки красавицы—царевны или въ интересахъ охраны свободы и безопасности государства.

Такой процессъ созданія „Амиранъ-Дареджаніани“ ярче свидѣтельствуется циклъ устныхъ преданій о томъ витязѣ, который далъ названіе цѣлому произведенію М. Хонели. Въ народныхъ произведеніяхъ Амиранъ является то непобѣдимымъ рыцаремъ, то великаномъ, наказаннымъ свыше за гордость, своего рода Прометеемъ, прикованнымъ къ горамъ. Амиранъ, подобно Прометею, прикованъ цѣпью къ Эльборусѣ (Ялбузѣ)¹⁾ за высокомерное желаніе состязаться съ высшимъ существомъ или по другимъ преданіямъ, за нарушеніе слова благочестія даннаго крестному своему отцу І. Христу. вмѣстѣ съ нимъ въ пещерѣ находится собака лижущая оковы, которые по обрядовымъ ударамъ кузнецовъ въ утро страстнаго четверга получаетъ прежнюю крѣпость. По имеретинской версіи Рокапи²⁾, богатырь утекъ, съ 14 на 15 августа дѣлаетъ послѣднія усилія изъ земли вытащить колъ, къ которому онъ привязанъ, но садится въ это время маленькая птичка на столбъ, узникъ поднимаетъ на нее громадный молотокъ, птичка улетаетъ, а столбъ вбивается глубоко въ землю. Отмѣтимъ здѣсь совпаденія чертъ судьбы Прометея и Амираана, подвергающихся страданіямъ отъ прикосновенія къ нимъ птицы.

Греческій Прометей, грузинскій Амиранъ находятъ параллель въ армянскомъ Артавазѣ, отождествившимся съ персидскимъ Зохакомъ у Фирдоуси или древне-иранскимъ змѣемъ Аждахака, упоминаемымъ въ Авестѣ. По парсійскому преданію „какой-то Руденъ (Феридунъ „Шахъ Намѣ“) связываетъ Аждахака цѣпями, уводитъ на гору, называемую Дэмбавендомъ... Ведеть Бюраспа (собств. имя Аждахака—авестійское Ваевагазра) въ пещеру горы, заключаетъ его въ оковы и самъ становится скалою у входа пещеры. Устрашенный Бюраспъ повинуется своимъ оковамъ и не смѣетъ выйти и опусто-

¹⁾ Ср. *Эсхилъ*. Прикованный Прометей, перев. Алексѣева. Греческій трагикъ, подобно Грузинской легендѣ объ Амиригѣ, передаетъ, что Прометей былъ привязанъ „мѣдною цѣпью къ скалѣ“.

²⁾ Въ сванетской легендѣ такимъ же способомъ снова заковывается Амиранъ, отсюда вытекаетъ новое доказательство тождества Амираана и Рокапи. Журн. Мин. Нар. Пр., ч. ССХХV, отд. 2, стр. 105.

шать землю. По Фирдоуси Зохакъ, убивъ своего благочестиваго отца Мердаси, по внушенію Иблиса (Аримана), овладѣлъ престоломъ, а самъ Иблисъ въ образѣ красиваго юноши, поступилъ къ нему поваромъ, сталъ кормить его мясомъ вмѣсто господствовавшей до того исключительно растительной пищи. Въ награду за свою службу Иблисъ просилъ позволенія царя поцѣловать его въ плечи. Отъ поцѣлуя духа тьмы на плечахъ Зохака выросло по черной змѣѣ, которыхъ пришлось кормить для успокоенія человѣческимъ мясомъ. Такимъ образомъ, въ легендѣ человѣкъ-царь, постепенно возвращается къ своему первообразу — змѣю. Отъ Зохака страну освобождаетъ Феридунъ (=Руденъ М. Хоренскаго). Послѣдній поражаетъ злодѣя булавою, но по приказанію ангела, Серота, не убиваетъ его, а приковываетъ къ скалѣ въ пещерѣ у Демавенда ¹⁾).

¹⁾ Въ одной грузинской легендѣ „Тритиво“ можно также уловить отзвуки сказанія о Амиранѣ. — Престарѣлый шахъ Персим, Джемшидъ усыновилъ по нравившагося ему ученика дьявола Аждехака, который, по наущенію своего злаго учителя, убилъ своего усыновителя. Едва совершилось преступленіе, какъ явилось и страшное наказаніе: „изъ каждаго плеча преступника вышло по огромному змѣю, которые хвостами продолжали держаться въ его тѣлѣ. Питались они исключительно человѣческими мозгами. Пришлось установить жребій, и ежедневно нѣсколько персидскихъ семействъ оглашали воздухъ своими воплями, провожая своихъ родственниковъ на ужасную смерть“. Въ то время жилъ богатый старецъ, Моисей. Онъ былъ щедръ, гостеприименъ и любимъ при дворѣ. Единственное дѣтище его, Нана, составляло радость и отраду его жизни. По случаю ея помолвки съ персидскимъ принцемъ изъ древней династіи Пишъ-Дадіани, по имени Тритино, онъ устроилъ торжественный пиръ. Самъ Аждехакъ принялъ участіе въ общемъ торжествѣ. Всѣ были ослѣплены необычайной красотой невѣсты. Даже злые змѣи, покойно дремавшіе на плечахъ государя, подняли головы и не сводили глазъ съ Наны. Ночью печальные вопли разбудили Тритино. Ему пришла сказать, что жребій палъ на Нану и что съ восходомъ солнца Моисей обязанъ вести свою единственную дочь въ жертву змѣямъ. При этомъ посланные шаха объявили, что одна женщина и одинъ безоружный мужчина могутъ проводить Нану. Тритино, гамдели (няня) и Нана отправились съ нею. У дверей опочивальни ихъ тщательно обыскали, заперли двери, подвели ее къ змѣямъ. Онѣ зашипѣли и радостно протянули свои зараженные жага, но видя пылающіе взоры Тритино, окаменѣли. Тритино бросился на Аждехака, длинными тѣлами змѣй связалъ его и повергъ на землю, а чрезъ нѣсколько мгновеній тащилъ своего плѣнника чрезъ площадь вонъ изъ города къ горѣ Демавендъ, гдѣ онъ и приковалъ его къ скалѣ.

О смерти Аждехака есть два сказанія: одно говоритъ, что и онъ, и змѣи умерли съ голоду, другое—что змѣи сначала умертвили его, выпивъ его мозгъ,

Разсматривая грузинское сказаніе объ Амيرانѣ въ связи съ другими аналогичными легендами мы замѣчаемъ два наслоенія, изъ которыхъ одно повѣствуетъ о змѣѣ, запертомъ богомъ или богатыремъ подъ какой-то горой; второе передаетъ о великанѣ, прикованномъ къ скалѣ въ какой-нибудь горной пещерѣ изъ-за похищенія огня. Амيرانъ, подобно Прометею, принадлежитъ къ противникамъ божества, онъ вступаетъ въ борьбу съ I. Христомъ, какъ Прометей противится Зевсу и олимпійскимъ богамъ. Но въ позднѣйшихъ сказаніяхъ съ Амраномъ связывается представленіе о національномъ героѣ, которому суждено водворить благодѣтельный порядокъ, какой ожидается отъ Карла V. или Барбароссы, стоящихъ въ нѣдрахъ горы и готовящихся воспрануть къ новой дѣятельности. Молоко, которое Амранъ выдавливаетъ изъ хлѣба, и сожалѣніе, что люди ѣдятъ хлѣбъ съ кровью, истребленіе дѣвоу указываетъ на свѣтлыя черты, которыя прилагаются къ великому узнику.

Такимъ образомъ, въ легендѣ объ Амيرانѣ мы вскрываемъ два наслоенія: древнѣйшее о борьбѣ его съ Божествомъ, а позднѣйшее представленіе какъ о благодѣтельномъ витязѣ. Этой-то послѣдней окраской обрисованъ Амранъ въ повѣсти М. Хонели. „Амранъ-Дареджаніани“. Намъ кажется, что авторъ этого произведенія слышалъ распространенныя въ народѣ сказанія о великанѣ, выступившемъ на смѣну Амбріа или Андрероба, какъ Прометей явился преемникомъ Тифона, „воинственнаго стоглаваго чудовища“. Сказанія о такихъ богатыряхъ являются весьма извѣстными на Кавказѣ, къ которому уже послѣ Гезіода приурочили впоследствии греки и свой мифъ о Прометѣѣ, когда ознакомились съ легендой о прикованномъ къ скалѣ великанѣ. Отдаленная популярность подобнаго сказанія, дошедшаго до нашего времени, служитъ сильнымъ доводомъ въ пользу возможности записи устнаго произведенія, совершившейся въ эпоху царицы Тамары въ XII в., когда рыцарскіе и богатырскіе подвиги, находили полное примѣненіе въ побѣдоносной борьбѣ Грузіи съ окружающими послѣднюю сосѣдними народами. Не только „Амранъ-Дареджаніани“, но и другіе памятники того же періода „Русуданіани“, „Диларіани“ и „Вепквисъ Ткаосани“, являются такими твореніями, которыя въ своей основѣ имѣютъ сюжетъ народныхъ сказаній. Это и понятно. Пробуж-

а потомъ сами погибли голодною смертію. Третино же былъ провозглашенъ царемъ персидскимъ, женился на Нанѣ и сдѣлался общимъ любимцемъ. Грузины съ благодарностью вспоминаютъ правленіе Третино, который извѣстенъ подъ именемъ Апридонъ. *Гулбатъ*. „Моск. Вѣд.“, 1891, 82. Ср. *Mole. Le livre des rois*. I, 39.

деніе національної мощи послужило стимуломъ къ обработкѣ народныхъ мотивовъ.

Любопытно сопоставить различныя версіи пародныхъ сказаній объ Амиранѣ, заключающія отголоски „Амиранъ-Дареджаніани“.

Пшавская версія.

Амиранъ, сынъ Сулкалмахъ и Дареджаны.

Крестилъ его І. Христосъ. Одинъ зубъ у него золотой.

Братья: Бадри и Уснъ.

Борода его съ трехглавыи дэви, желавшаго пожрать трунъ Цумьцуни въ башнѣ, внука Уснпа.

Три черви, превратившіеся въ драконовъ.

Поглощеніе Амирана черныи дракономъ.

Освобожденіе А. изъ живота дракона съ помощью ножа.

Волосы Амирану возвращаетъ Игри.

Исканіе красавицы царевны „Башири“.

Осада Амирана отцомъ Башири по шаку разбитой Амираномъ чашки.

Самоубійство А. по смерти братьевъ.

Возвращеніе имъ жизни указаніемъ крысы.

Встрѣча А. съ жертвыи великаномъ на арбѣ Амбріа.

Возрастаніе силъ Амирана по волѣ Господа.

Борьба съ І. Христомъ.

Амиранъ заключенъ среди горъ Мкинвари и Черчетъ. Воронъ доставляетъ ему порцію хлѣба и чашку вина.

Песъ, рожденный отъ вороны, виѣстѣ съ А. прикованъ.

Сванетская версія.

А. Сынъ охотника и „Дали“, жившей въ пещерѣ,

Крестилъ его ангелъ; І. Христосъ.

Преждевременное рожденіе А.

Усыновляетъ Яманъ, дѣти послѣдняго Б-адри и Усунъ.

Борьба съ дэви изъ-за глаза Ямана.

Убійство встрѣчнаго дэви и его сестры. Первое нарушеніе слова.

Поглощеніе Амирана лохитителеиъ глаза Ямана.

Выходъ А. изъ живота чрезъ боковую кость.

Исканіе Кету, дочери кесаря Келлуца.

Второе нарушеніе слова при убіеніи женщины, поставившей свою косу ему мостомъ.

Встрѣча живого великана Андрероба на арбѣ и третье нарушеніе слова.

Борьба съ кесаремъ Келлуцой.

Оживленіе платкомъ Бадри и Усунъ.

Наказаніе Амирана прикрѣпленіемъ къ колу съ собакой.

Птичка — виновница его періодическаго закрѣпленія.

Бурша—щенокъ орла.

Ударом кузнецовъ въ страстной
четвергъ цѣль Амрана крѣпнеть.

Окаменѣлый драконъ, пытавшійся
пожрать Амрана.

Амиранъ получить свободу въ суд-
ный день.

Барталинская версія.

Амиранъ, сынъ Усуни и красавицы въ пещерѣ.

Крестилъ Богъ. Стекланный зубъ.

Сулкамахъ и Бадри-деди.

Борьба А. съ дѣвнми, плѣнившими его дядей.

Борьба съ Бакбакомъ, желавшаго пожрать покойнаго (въ башнѣ) племян-
ника Усуни.

Встрѣча съ матерью Бакбакъ-дѣви.

Одинъ изъ трехъ змѣевъ поглощаетъ Амрана.

Освобожденіе его изъ живота съ помощію ножа.

Умывшись въ рѣчкѣ, волосы ему возвращается.

Исканіе красавицы.

Осада Амрана родителями красавицы по знаку разбитой ею тарелки.

Появленіе птицъ и муравьевъ убѣждаетъ Амрана въ смерти дядей.

Украдкой убить и Амранъ.

Оживленіе убитыхъ по указанію крысы.

Встрѣча съ мертвымъ великаномъ.

Возрастаніе силъ.

Поединокъ съ Богомъ.

Привязанъ къ столбу надъ которымъ воздвиглась гора.

Съ нимъ собака, лижущая цѣнь.

Ударъ кузнецовъ.

Въ семь лѣтъ разъ открывается пещера А.

Попытки его освободиться.

По схемѣ сравненія версій народныхъ сказаній объ Амранѣ можно видѣть, что основные мотивы сказанія являются общими во всѣхъ трехъ версіяхъ¹⁾, причемъ карталинская и шпавская ближе между собою, чѣмъ къ третьей—сванетской. Слѣдуетъ отмѣтить, что борьба съ Богомъ (І. Христомъ) отсутствуетъ въ сванетской версії, а имѣется въ двухъ остальныхъ, отражая на себѣ вліяніе библейскаго сказанія о борьбѣ Іакова съ Господомъ (Амиранъ въ живописи см. *Бакрадзе—Сванетія*²⁾.)

Въ „Амиранъ-Дареджаніани“ сохранился еще эпизодъ, сближающій его съ сказаніемъ объ одноглазомъ циклопѣ—Полифемѣ.

¹⁾ Ср. Осетинское, абхазское и армянское сказаніе. См. литературу вопроса и изложеніе сказаній объ Амранѣ у меня въ I ч. Очерковъ, стр. 41, прилѣж.

Мы,—рассказывает одинъ изъ соучастниковъ похода Амيرانа Дареджанидзе,—встрѣтили большія скалы и пещеры. Изъ скалы вышелъ Дидо и сказалъ: „Привѣтъ твоему прибытію, Амيرانъ“ А Амيرانъ—ему: „Скажи, братъ, кто ты?“ Дидо отвѣтилъ: „я былъ царь дидойцевъ, но девы изгнали меня, войско мое перебили, и я остался одинъ“. Ему замѣтили: „Когда ты оказался такимъ жалкимъ, что осрамилъ царство, лучше было бы, если бы и ты погибъ!“ Дидо доложилъ (Амирану): „Отнынѣ, куда ни пойдешь, сумѣю сослужить тебѣ службу. Если ты хорошій витязь, дай слово, что по службѣ моей вернешь мнѣ мое отечество“. Амيرانъ изволилъ сказать; „Клянусь именемъ Всевышняго Бога, дамъ тебѣ!“ За царемъ дидойцевъ послѣдовали и мы. Мѣстность была скалистая, ущелье глубокое. На скалѣ вздымалась еще другая крутая скала, въ которой было множество змѣй и людей. Амيرانъ всѣхъ ихъ перебилъ. Отсюда мы шли еще 3 дня и встрѣтили плачущую женщину. На вопросъ: „О чемъ ты плачешь?“ Она отвѣтила: „*Вы нашей вѣры*; припомнила я, какъ девы похитили Бадри и меня взяли въ плѣнъ. Съ того времени я нахожусь здѣсь, съ этими дьяволами. А теперь прикажите, и я подамъ вамъ обѣдъ“. Мы согласились. Она повела насъ къ скалѣ, въ которую завела Амيرانа, а входъ въ скалу заложила громаднымъ камнемъ. Мы остались снаружи. Женщина эта, оказывается, тоже была дева. Въ скалѣ былъ одноглазый человѣкъ, который имѣлъ также одноглазаго сына. Послѣдній сказалъ отцу своему: „Отецъ, я знаю, что ты убьешь Амيرانа, позволь мнѣ, я убью его“. Амيرانъ схватилъ за ногу этого маленькаго деви и со всего размаху швырнулъ его въ лицо отца-деви и убилъ. Потомъ бросился на Амيرانа отецъ-деви, но Амيرانъ преодолѣлъ его, извлекъ ножъ и вонзилъ ему прямо въ глазъ. Деви крикнулъ: „Не убивай, чашъ всто!“ Амيرانъ тутъ же уложилъ и злоумышленницу-женщину—деви, и, отворивъ двери, впустилъ насъ въ скалу¹⁾.

Слѣдовъ христіанства въ повѣсти не замѣчаемъ. Приписка „аминъ“ принадлежитъ, конечно, позднѣйшимъ переписчикамъ.

Ак. Броссе замѣчаетъ относительно языка повѣсти, что онъ отличается чистотой и присутствіемъ формъ древнихъ на ряду съ новыми, вотъ почему ученый грузинологъ считаетъ произведеніе Хонели памятникомъ того стиля, который характеризуетъ переходъ языка литературнаго въ разговорный. Глава XIII и XIV онъ приписываетъ

¹⁾ Ср. *Гренъ*. „Этногр. Обзоръ.“ IX, 208. Духи горъ *каджи* обезглавили Амيرانа, а дѣвы падаютъ подъ ударами смертныхъ.

другому автору, который тщетно подражает Хонели, въ живость изложенія. Предъ началомъ этихъ главъ дѣлается заявленіе, что авторъ хочетъ продолжать Саргисъ Тмагвели, написавшаго Диларіани (см. у меня выше).

По мнѣнію М. Джанашвили, въ этой повѣсти. Въ аллегорической формѣ изображена борьба христіанской Грузіи съ арабами, персами и турками. Герои М. Хонели борются съ девами, драконами, зміями, львами, волками, великанами, съ бѣлокожими, чернокожими народами (стр. 4). Онъ приводитъ въ параллель мѣсто изъ „Житій“ груз. святыхъ, гдѣ сказано, что „подъ медвѣдемъ вообще разумѣется персидское владычество въ Вавилонѣ, подъ львомъ—господство сарацинъ (арабовъ) въ Багдадѣ вавилонскомъ, что волки суть еретики, козлята — служители дьявола, агнята, телята и телець — истинное стадо Христово“.

Самъ Данте употребилъ также аллегорію, чтобъ дать въ своей поэмѣ вѣрный очеркъ всего достойнаго изученія, всѣхъ мнѣній, всѣхъ вѣроисповѣданій и цѣлой исторіи своего времени (стр. 50)... Въ его распоряженіи была только одна поэтическая форма—аллегорія, которую поэты того времени употребляли всякій разъ, какъ только выходили изъ сферы поэзіи миннизенгеровъ.

Литературу объ Амيرانъ Дареджаніани см. у меня въ I в. „Очерковъ“. Сюда нужно прибавить книжку М. Джанашвили — „Мосе Хонели и его Амيرانъ Дареджаніани“ (Т. 1895), съ рецензіей Н. Я. Марра въ Ж. М. Н. П. 1835, октябрь, II, стр. 324—8. „Амيرانъ“ въ *Сборникъ Кавказ. попочителъ*; в. XXI, съ любопытной подробностью: Когда А. бывалъ на небѣ, то І. Христосъ воспретилъ уносить оттуда огонь, а онъ ослушался и навлекъ гнѣвъ. *Brosset. Mélanges Asiatiques*, t. VIII, стр. 428. Мое письмо въ *Иверіи*. 1892, № 17.

Висраміани.

Висраміани относится къ цѣлу классическихъ литературныхъ произведеній золотого вѣка царицы Тамары. До изданія этого памятника въ полномъ видѣ ¹⁾, онъ былъ извѣстенъ только по нѣкоторымъ отрывкамъ, помѣщеннымъ въ хрестоматіи Чубинова. Повѣсть эта приписывалась Саргису Тмагвели, написавшему ее до „Барсовой кожи“, ибо Руставели нѣсколько разъ, напр., въ страфѣ 182—упоминаетъ о главныхъ герояхъ этого разсказа, о любовникахъ Висѣ и Раминѣ.

¹⁾ *Висраміани*, изд. подъ ред. кп. Чавчавадзе, А. Сараджева и П. Умикова. Тифлисъ, 1884.

Издатели „Висраміани“ говорятъ въ предисловіи, что не рѣшаются утверждать—оригинальное ли это грузинское произведеніе, или же переводъ съ персидскаго, и приводятъ по этому поводу три различныхъ мнѣнія относительно составленія „Висраміани“.

Согласно первому мнѣнію, „Висраміани“ есть чисто грузинское произведеніе. Это доказывается во-первыхъ, схожествомъ (?) нравовъ, описываемыхъ въ поэмѣ съ грузинскими обычаями, а затѣмъ изяществомъ и высокою обработанностью слога, такъ что трудно допустить мысль, чтобы это былъ только простой переводъ.

По второму мнѣнію, Саргисъ Тмогвели, хотя, быть можетъ, и имѣлъ передъ собой какой нибудь персидскій подлинникъ, но передалъ въ вольномъ переводѣ только содержаніе поэмы, не придерживаясь рабски самого текста.

Наконецъ, третье мнѣніе таково, что на основаніи текста самой повѣсти (сравни, напр., стр. 3), можно утверждать, что существовало древнее пеглевійское прозаическое изложеніе разсказа о Висѣ и Раминѣ, что она переведена съ пеглевійскаго на персидскій языкъ нѣкимъ Пахпуромъ, а затѣмъ уже съ персидскаго на грузинскій Саргисомъ Тмогвели. При этомъ издатели передаютъ, что въ настоящее время существуетъ подобно „Калилѣ и Дамнѣ“, персидская поэма о Висѣ и Раминѣ, написанная въ XI столѣтіи, въ перемежку то прозою, то стихами, и что она даже переведена на нѣмецкій языкъ.—Но, они не могли провѣрить эти три мнѣнія, ибо не достали ни персидскаго, ни нѣмецкаго текста.

Замѣтимъ здѣсь двѣ невѣрности въ приведенныхъ словахъ. Во-первыхъ, хотя, дѣйствительно, существуетъ персидскій подлинникъ „Висраміани“, по онъ написанъ сплошь стихами, а не въ перемежку то прозою, то стихами, и, во-вторыхъ не существуетъ нѣмецкаго полнаго перевода всей „Висраміани“, а только довольно подробное изложеніе ея содержанія съ стихотворными отрывками въ *Zeitung der Morgenländischen Gesellschaft* за 1869 годъ, томъ XXIII, стр. 395—433.

Изъ означенной статьи вѣнскаго журнала, между прочимъ, явствуетъ, что персидскій подлинникъ грузинской „Висраміани“, еще въ 1864—65 годахъ былъ изданъ въ Калькутѣ капитаномъ Носсау Лисомъ (*Nassau Lees*) и отпечатанъ въ „Индійской Библиотекѣ“ Азіатическаго Общества. Эта поэма, состоящая изъ 8000 двустишіей, есть сочиненіе персидскаго поэта Гургани [Горгани], жившаго въ половинѣ XI столѣтія, при дворѣ Сельджукскаго эмира Тогрульбека. Гургани имѣлъ при этомъ подъ рукою старинный пеглевійскій прозаическій разсказъ, вѣроятно, еще времени сассанидовъ,

т. е. до появления магометанства, ибо въ концѣ поэмы упоминается о храмахъ, гдѣ горитъ вѣчный огонь ¹⁾).

Этотъ пеглевійскій рассказъ Гургани передѣлалъ, разукрасилъ и переложилъ въ стихахъ на персидскій языкъ.

Издатели „Висраміани“ восхищаются въ предисловіи не только художественностью грузинской рѣчи, но также и картинностью изображеній человѣческихъ страстей, въ особенности же любовныхъ страданій. Они готовы признать Вису и Рамина примѣрными, идеальными любовниками, таковыми, напр., какъ Юсуфъ и Зулейха у аравитянъ, или Данте и Беатриче, Абельаръ и Элоиза. „Славенъ тотъ народъ, говорятъ они, который впервые создалъ „Висраміани“. Велико дарованіе поэта, мощна сила его воображенія, столь вѣрно живописующая различныя движенія человѣческаго сердца. Поэтому мы должны смотрѣть на этотъ прозаическій рассказъ Тмогвели, какъ на драгоценный перлъ нашей письменности“.

Къ прискорбію, никакъ нельзя согласиться съ этимъ мнѣніемъ о внутреннихъ достоинствахъ этой поэмы. Чѣмъ ближе всматриваемся въ нее, тѣмъ болѣе поражаетъ насъ дикая грубость нравовъ. Коварство, лицемеріе, ложь, невѣрность въ любви, какъ въ мужскихъ, такъ и въ женскихъ типахъ, попадаютъ на каждомъ шагу, а главное, всѣ эти черты не возбуждаютъ въ рассказчикѣ ни малѣйшаго отвращенія, а описываются, какъ совершенно естественныя проявленія. Женщина, напр., несравненная Виса, то превозносится какъ божество, то подвергается жестокимъ побоямъ. Однимъ словомъ, ни одинъ изъ типовъ, рисуемыхъ въ „Висраміани“, не возбуждаетъ въ насъ къ себѣ участія.

Престарѣлый шахинъ-шахъ, т.-е. царь царей, Моабатъ, является вѣчно влюбленнымъ въ молодую Вису и вѣчно ею обманываемымъ. Сколько разъ онъ неучичалъ ее въ невѣрности, все-таки

¹⁾ Nassau Lees въ 1864—5 г. въ Калькуттѣ издалъ поэму Wis и Râmin, принадлежащую персидскому поэту XI в. Гургани. (Wis и Râmin, an ancient persian poem by Fahrâldin Asad Al Astarabadi Al Fakhri Al Gurgani, edited by Cartain W. Nassau Lees). Въ основаніи изданія лежитъ единственная съ пропусками и неясными мѣстами рукопись этой поэмы. Манускриптъ этотъ остается и нынѣ единственнымъ, такъ какъ Берлинскій (Sprenger'schen Bibliothek) оказался копіей съ него 1792 г., а Оксфордскій изъѣденъ червями и еще менѣе удовлетворителенъ. По Hâgî Khalfa Гургани занималъ придворную должность при Тогрульбергѣ, шахѣ сельджуковъ. (Zeitsch. DMG. VIII, 608). Сочиненіе его книги, относится ко времени послѣ 1042 г., когда Тогруль разорилъ Испанію и до взятія Багдада въ 1055 г.

никакъ не можетъ отъ красавицы оторваться. Прекрасная Виса является личностью, которая, дѣйствительно, сначала заслуживаетъ полное участіе къ себѣ; но вскорѣ она, слѣдуя наставленіямъ своей кормилицы, дѣлаетъ столь быстрые успѣхи въ искусствѣ обманывать своего мужа, что оставляетъ далеко за собою самыхъ отчаянныхъ героинь Боккачіо. Наконецъ, и молодой Раминъ [сокращ. Рамъ, откуда груз. названіе Висраміани], представляетъ собою заурядный типъ молодаго восточнаго принца. Онъ не знаетъ, что такое постоянное, неизмѣнное чувство къ одной женщинѣ. Сегодня онъ клянется небомъ и землею въ вѣчной любви, завтра онъ разрываетъ свою связь съ прежней возлюбленной и пылаетъ новою, столь же непродолжительною страстью къ другому предмету. Онъ не знаетъ, что значить рыцарская вѣрность, своему феодальному повелителю; онъ самъ говоритъ (стр. 175—6), „что пролить кровь старшаго брата своего и государя для него столь же легко, какъ пролить кровь кошки“, и кончаетъ тѣмъ, что поднимаетъ знамя возстанія, похищаетъ сокровища и жену Моабада, и только преждевременная смерть послѣдняго положила конецъ братоубійственной борьбѣ между ними.

Прослѣдимъ вкратцѣ содержаніе „Висраміани“. Грузинскій текстъ открывается тѣмъ, что жилъ когда-то именитый и могущественный султанъ персидскій Туглурбегъ. Не доставало полнотѣ его славы гор. Аспани (Испагани?) По совѣту вельможъ, султанъ рѣшается покорить себѣ весь мусульманскій міръ и отправляетъ войска противъ непокоренныхъ странъ: Кирмана, Мусли (Могунъ?), Гаваза, Арменіи, Греціи, и вскорѣ они возвращаются побѣдителями. У султана былъ визирь щедрый и мудрый Амидудинъ Абульфахъ, персидскаго текста, и Ибдалъ Меликъ визирь—груз. перев., который былъ оставленъ въ Испани Тогрульбекомъ, по взятіи этого города послѣднимъ. Авторъ Асадъ съ нимъ сблизился, и разъ спросилъ его Абульфахъ (Ибдалъ), что онъ знаетъ объ исторіи Висы и Рамина. Гургани Асадъ (по груз. Пах'пуръ и Джорджани) отвѣтилъ, что рассказъ о Висѣ и Раминѣ чудная повѣсть, но она существуетъ на пеглевійскомъ языкѣ, на которомъ никто ужъ не можетъ читать. Если бы кто-нибудь принялъ на себя трудъ передать эту повѣсть „сокровищницу драгоценностей“, то тотъ приобрѣлъ бы заслуженную славу. Услышавъ это, Абульфахъ поручилъ ему „уврасить эту исторію (риемами и размѣромъ), какъ апрѣль одѣваетъ садъ цвѣтами“. Изъ словъ Асада, можно заключить, что до него дошелъ прозаическій рассказъ, [„я нашель записаннымъ изъ устной передачи, что нѣкогда жилъ царь“], а форма внѣшній видъ рассказа, намъ извѣстнаго, принадлежитъ всецѣло ему. По гру-

зинскому тексту, самъ Пахпуръ заявляетъ, что онъ передаетъ пехлевійскій разсказъ въ *размѣренной* рѣчи, если Ибдалъ ему прикажетъ. Грузинскій, сохранившійся лишь въ прозѣ, переводъ восходитъ къ названному Пахпуромъ прозаическому разсказу о Висѣ и Раминѣ, значительно отличающійся отъ стихотворнаго повѣствованія, изданнаго въ Калькуттѣ.

За этимъ введеніемъ начинается повѣсть: Былъ возведенный царь Адрабагана, владѣтель Хорасана, Туркестана, Эрака, Констана, Хваразма, по имени Моабадъ, у котораго былъ визиремъ свой братъ, Зарди. Въ день байрама Новруза, онъ въ гор. Маравѣ (Мервѣ) устроилъ торжественный пиръ, на который явились всѣ подчиненные ему правители и вельможи. Моабадъ, „любитель женщинъ“, былъ пораженъ красотой присутствовавшей на пирѣ красавицы Шахро, жены Карана, и просилъ руки ея дочери, если бы она у нихъ родилась. Шахро поклялась. Дѣйствительно, у нихъ родилась дочь, которой дали имя *Виса*. „Несчастіе Моабада началось съ того, что онъ еще не рожденную сосваталъ“.

У Моабада былъ другой братъ, красавецъ Раминъ, который воспитывался въ Хузистанѣ, куда отправлена была на воспитаніе и Виса. Когда послѣдняя подросла, то у нея появились такія требованія въ роскоши, какимъ не могла удовлетворить воспитывающая ее няня, поэтому Шахро, извѣщенная объ этомъ, взяла дочь свою къ себѣ. Едва только Виса достигла совершеннolѣтія, какъ мать ея Шахро, не находя никого достойнымъ ея неописанной красоты, поспѣшила считать ее бракомъ, по древне-иранскому обычаю, съ братомъ ея Виросомъ [Виромъ]. Астрологи предсказали молодой четѣ счастье и благополучіе. Но неожиданно заслонившее дневной свѣтъ облако служило дурнымъ предзнаменованіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, шахъ Моабадъ потребовалъ въ день свадьбы чрезъ гонца, брата Зарди, чтобы ее отдали ему, согласно прежнему договору, обѣщая Виро найти жену изъ царскаго дома; передъ Зарди Шахро упала въ обморокъ, вспомнивъ, что нарушила клятву. Виса же смѣло стала порицать Моабада, „гнилого старика“, оспаривающаго жену у молодого красавца, и наотрѣзъ отказалась смѣнить Виро на шаха. Послѣдній тогда въ гнѣвѣ выступилъ войною противъ Виро. Отецъ-Каранъ падаетъ въ битвѣ, а Вису въ отчаяніи, при отсутствіи Виро, похищаетъ силою шахъ, склонивъ къ согласію Шахро щедрыми подарками. Младшему брату ослѣпленнаго любовью Моабада, Рамину, уговаривающему предъ тѣмъ шаха отказаться отъ узъ, угрожающихъ бѣдою, поручено было сопровождать караванъ, въ которомъ везли Вису въ Мервъ, столицу Моабада. Дорогою порывъ вѣтра срываетъ завѣсу, скрывающую Вису отъ взоровъ Рамина. Увидѣвъ ее, онъ мгновенно воспылалъ къ ней самой безумной любовью. Въ Мервѣ шахъ празднуетъ пышную свадьбу.

Между тѣмъ, Виса предаётся отчаянію; она все плачетъ и горюетъ, Моабада знать не хочетъ, отворачивается отъ него и не показываетъ ему своего лица. Она говоритъ своей кормилицѣ, подоспѣвшей къ ней въ Мервѣ для утѣшенія: „я убью себя, если ты мнѣ не можешь и не избавишь, и при томъ это должно быть сдѣлано скоро“ (стр. 64). „Я не могу видѣть Моабада; всякій разъ какъ онъ приближается ко мнѣ, меня обдаётъ словно жгучимъ огнемъ, словно приближается смерть. Хочу цѣлый годъ провести въ гореваніи и цѣлый годъ не принадлежать ему, но боюсь, что это мнѣ не удастся. По этому помоги ты мнѣ и разставь ему на дорогѣ ловушку, свяжи на это время его силу, не то я скорѣе сама себя изведу, чѣмъ отдаться ему“. Напрасно ее уговаривала кормилица. Она должна была повиноваться и сдѣлала два талисмана: одинъ представляющій Моабада, другой—Вису. Надъ ними совершила она заклинанія и связала ихъ желѣзнымъ прутомъ. Пока эта желѣзная связь существуетъ, мужчина связанъ относительно женщины. Утромъ она отнесла этотъ талисманъ и закопала у берега рѣки; она намѣревалась чрезъ мѣсяцъ взять талисманъ и бросить его въ огонь, чтобы освободить шаха; между тѣмъ наступили ливни, которые размыли это мѣсто и унесли съ собою талисманъ. Такимъ образомъ, прекрасная Виса, хотя уже была за двумя мужьями, но оставалась безъ мужа. Моабадъ сгоралъ отъ любви, но не находилъ средства удовлетворить ея. Онъ предавался грусти и старался ее разсѣять пиршествами или охотой. Раминъ съ своей стороны также не находилъ утѣшенія въ загорѣвшемся пылкомъ чувствѣ къ Висѣ. Онъ изливалъ свою скорбь въ саду шахинъ-шаха предъ деревьями и соловьями, прося ихъ передать Висѣ объ его любви. Слезы лились изъ его глазъ горячими слезами, тоска его не покидала. Онъ обратился въ такомъ безысходномъ состояніи къ помощи кормилицы и, наконецъ, успѣлъ ее склонить на свою сторону. Раминъ поразилъ ее своей красотой и глубокимъ страданіемъ. Кормилица уговариваетъ въ его пользу Вису, расхваливая его мужество, станъ, общественное положеніе, но встрѣчаетъ сильнѣйшій отпоръ съ стороны красавицы. Виса еще во снѣ видитъ образъ Виро, она мечтаетъ объ немъ. Кормилица же продолжаетъ ее хитро и лукаво склонять къ Рамину. Виса зарыдала на слова кормилицы, замѣтивъ, что Виро, вѣроятно, ея уже не вспоминаетъ, и сказала (стр. 86): „лучшее достояніе человѣка есть стыдъ; тебѣ бы слѣдовало стыдиться меня и Виро и не упоминать предо мною о Раминѣ. Я не ожидала отъ тебя подобнаго поступка, даже если бы волосы выросли у меня на ногтяхъ. Ты моя мать, а я твоя дочь; ты старѣйшая, а я младшая,

но ты не учи меня безстыдству. Безстыдство приноситъ женщинамъ позоръ. Сердце мое вовсе не радуется и не спокойно, такъ какъ ты стараешься меня обманывать. Здѣсь поразилъ бы меня вѣчный позоръ, а тамъ я лишилась бы прощенія и рая. Если бы даже Раминъ былъ строенъ, какъ ведръ, и болѣе храбръ, чѣмъ Рустемъ, то меня къ нему не тянуло бы изъ-за его красоты. Онъ мнѣ не братъ, хотя быть можетъ и похожъ на Виро и меня не влечетъ къ нему ни золото, ни твои наговоры⁴.

Кормилица извиняется и говоритъ Висѣ, что придетъ время, когда она почувствуетъ, что такое любовь, и тогда она заговоритъ иначе. А Раминъ опять пристаётъ къ кормилицѣ и умоляетъ ее заступиться за него предъ Висою, но послѣдняя еще рѣзче отталкиваетъ наговоры кормилицы (стр. 95).

„Прочь отъ меня, ты гнусна, Богомъ проклятая! Да разорится Хузиставъ, откуда ты родомъ! Тотъ невѣритъ въ Бога, кто собственную свою дочь, отдаетъ на воспитаніе такой кормилицѣ, которая будетъ ее кормить злою и оскверненною грудью. Господь да воздастъ моей матери, которая мою чистую натуру предала твоему кормленію и колдовству, вручивъ въ твои безстыжія руки! Ты, не имѣющая ни званія, ни стыда,—ты мой врагъ, а не моя кормилица!“

Кормилица, выражая какъ будто сочувствіе ея несчастію и проклятая шаха, однако не отступаетъ и послѣ новаго свиданія съ Раминъ (стр. 89 и 97) старается вызвать сожалѣніе къ „тающему юношѣ“. Вису останавливаетъ сознаніе долга и требованіе религіи. Она твердо уклоняется отъ соблазна. Но опасность неизбежна.

„Моя безцѣнная и прекраснѣйшая изъ прекрасныхъ! говоритъ кормилица.—Всегда говори правду, всегда поступай по справедливости и всегда соблюдай осторожность и честность. Какая мнѣ нужда обманывать твою чистую душу? Раминъ мнѣ ни сынъ, ни родственникъ, ни свать, ни господинъ и не сдѣлалъ ничего такого, чтобы я была его другомъ, а тебѣ врагомъ. Хочу только сказать тебѣ то, что для тебя, быть можетъ, не совсѣмъ ясно: вѣдь мы Адамова рода не ангелы, не дѣвы и не духи. Ты лишилась только мужа, какъ Виро, затѣмъ соединилась бракомъ съ Моабадомъ; но до сихъ поръ ты собою никого не осчастливила и никто тобою не обладалъ. О, если бы ты могла дѣлать выборъ изъ мужчинъ, ты не нашла бы никого нѣжнѣе Рамина! но что за польза, что ты прекрасна, какъ солнце; вѣдь тебѣ красота не доставляетъ наслажденья? Ты еще не знаешь, что ухаживаніе безъ любви не доставляетъ удовольствія. Вѣдь Божья птица—кураца создана для пѣтуха...

„Взгляни на женъ царей и вельможъ, всѣ они живутъ въ до-вольствіи, у всѣхъ тайно есть любовники, всѣ явно и тайно наслаждаются, а ты вѣчно плачешь и жалуешься на судьбу. Скоро придетъ и старость и ты останешься лишевною и наслажденія и младости. Вѣдь ты не камень и не желѣзо!“

Слова коварной старухи запечатлѣвались все глубже и глубже въ сердцѣ молодой женщины. Мало-по-малу исчезло ея сопротивленіе, заря любви занялась въ ея душѣ. Раминъ встрѣчается третій разъ съ кормилицей и умоляетъ ее спасти его отъ пожирающей страсти. Всю надежду онъ возлагаетъ на нее, обѣщая добромъ отглатить за услуги. Онъ такъ обезумѣлъ отъ любви, что готовъ поднять на себя руку. Кормилицѣ, дѣйствительно, удается, хотя съ большимъ трудомъ уговорить Вису отправиться въ садовую бесѣдку, гдѣ она чрезъ переплетъ рѣшетки могла бы увидѣть Рамина. Здѣсь любовь вспыхнула въ ея сердцѣ, но она, не отрываясь кормилицѣ, сказала ей только: „Правда, Раминъ таковъ, какъ ты мнѣ описывала его, и похожъ на Виро, но я не могу исполнить его желанія, ибо и не страдаю, подобно ему, любовью,—мнѣ же не приличествуетъ позоръ и безчестіе, а ему мученіе и страданіе. Итакъ, дай Богъ, чтобы ему хорошо жилось, и чтобы онъ поскорѣ забылъ меня и мое имя!“ Но искра любви запала ей въ душу, она завидовала ужъ той, чьимъ мужемъ могъ быть Раминъ; сердце ея волновалось—„дьяволъ поборолъ ее“. Кормилица на свиданіи съ Виро объявила ему, что наступилъ конецъ его страданьямъ. Раминъ благодаритъ деньгами и драгоценными камнями хитрую старуху и проситъ Бога вознаградить ее райскимъ блаженствомъ. Ей удается склонить Вису на свиданіе съ Раминомъ, въ отсутствіи Моабада. Тутъ они обмѣнялись клятвами въ вѣчной любви. Весьма замѣчательна при этомъ клятва Рамина: она папоминаетъ собою многія клятвы, помѣщенные Гриммомъ всего *Deutsche Rechtsalterthümer*, а также клятву упоминаемую лѣтописцемъ Несторомъ въ договорѣ, заключенномъ между Владиміромъ и Волжскими болгарамъ. Вотъ дословно эта клятва, причемъ въ скобкахъ поставлены слова, пропущенныя въ грузинскомъ переводѣ противъ персидскаго подлинника:

„Клянусь именемъ Бога всемогущаго, управляющаго вселенной, сіяніемъ мѣсяца и свѣтомъ солнца (звѣздою счастья Юпитеромъ и звѣздою наслажденія Намдомъ (Венерою?); клянусь хлѣбомъ и солью); и божественною правдою (и душою говорящею, и свѣтомъ огня)—доколѣ вѣтры дуютъ по горамъ, доколѣ воды обрѣтаются въ моряхъ и рыбы въ рѣкахъ, доколѣ темная ночь приноситъ съ собою мракъ,

а звѣзды сіяють на небѣ и любовь не исчезаетъ изъ сердець человѣческихъ—до тѣхъ поръ Раминъ не приступитъ клятвы вѣрности, будетъ глядѣть единственно на лицо Висы и единственно ея любовь будетъ его счастьемъ!

Точно также влялась и Виса. Два мѣсяца къ ряду Виса и Раминъ наслаждались взаимною любовью, никѣмъ нетревоженные, пока Моабадъ, гостившій въ это время у Шахро, матери Виро и Висы, не потребовалъ къ себѣ Рамина, приказавъ ему привезти и Вису. Радостно отправились они вмѣстѣ, но въ присутствїи шаха могли только украдкою видѣться. Черезъ мѣсяць Раминъ рѣшилъ отправиться поохотиться въ Мугань, близъ Каспійскаго моря. Въ эту ночь (стр. 119) шахъ Моабадъ лежалъ возлѣ своей Висы и не могъ заснуть отъ сильной любви къ ней; его мучила мысль, что она, прекрасная какъ солнце, раздѣляетъ его ложе и не принадлежитъ ему въ силу талисмана. Кормилица, думая, что она спитъ, приблизилась къ Висѣ и начала ей шептать; „Развѣ теперь время спать, когда твой милый Раминъ готовъ удалиться? Завтра онъ отправляется въ Сомхетїю на охоту. Уже войско его собирается при звукахъ трубъ и барабановъ, и шатеръ его стоитъ за городомъ и завтра рано онъ выступаетъ. Если хочешь еще видѣть его свѣтлое лицо, то встань и отправляйся на башню“. Къ несчастїю, Моабадъ не спалъ и слышалъ весь этотъ разговоръ кормилицы. Онъ вскочилъ разъяренный, осыпалъ кормилицу упреками и ругательствами, затѣмъ напустился и на Вису, сталъ ей выговаривать за безстыдство и вѣроломство и, наконецъ, велѣлъ призвать Виро, которому и поручилъ сдѣлать сестрѣ строгое внушенїе, но Виса безстрашно поднялась и вкричала: „Великій государь! я не боюсь твоего гнѣва и твоихъ укоризнъ, все что ты сказалъ — правда и истина; ты можешь меня убить или прогнать, или выжечь глаза, или наказать вѣчнымъ заточенїемъ, или продать меня на площади, какъ рыбу, безъ одежды, — все это ты можешь сдѣлать,—не отрицаю, но Раминъ мнѣ дороже неба и земли, онъ душа моего тѣла, онъ свѣтъ моихъ очей, радость моего сердца, мой возлюбленный и господинъ!“ На строгія же слова брата Виро, она отвѣтила: „Оставь меня; что дѣлать! что сдѣлано,—то сдѣлано; еслибы мнѣ дали выбирать между раемъ и Раминомъ, увѣряю тебя, я выбрала бы Рамина“. Услыхавъ это, Виро огорченный измѣною сестры себѣ и Моабадѣ, не сталъ далѣе увѣщевать Вису и предоставилъ все дѣло рѣшенїю Бога. Виса, чувствуя свою вину, предалась горю.

Спустя нѣкоторое время (стр. 128) Моабадъ, возвратившись въ Мервь, сидѣлъ вмѣстѣ съ Висою на высокой башнѣ дворца и любо-

зался зеленѣющими и пестрѣющими цвѣтами, полями, садами и виноградниками.—Смотри, сказалъ онъ, какъ прекрасны поля и виноградники; земля, воды, баштаны, луга, нивы и фруктовые сады. Богъ разукрасилъ горы и долины Мерва словно эдемъ. Скажи мнѣ, луна ты моя, что ты предпочитаешь Масъ или Мервъ? Я предпочитаю Мервъ, земля здѣсь похожа на небо, разукрашенное звѣздами, она точно земной рай, полный милостію Божьею. Подобно тому, какъ Мервъ превосходитъ Масъ, такъ точно и я стою выше Виро, ибо владѣю кромѣ Мерва, еще многими другими землями, и у меня гораздо болѣе подданныхъ и служителей, чѣмъ у Виро“. Виса отвѣчала: „Государь, Мервъ или Масъ болѣе пріятны—объ этомъ пусть Богъ осчастливитъ тебя отвѣтомъ; я уже нахожусь здѣсь противъ воли, подобно звѣрю, попавшему въ тенета. Когда не вижу Рамина, тогда я словно исчезаю, когда же его вижу, то вездѣ мнѣ кажется все и Мервомъ, и Масомъ“.

Шахъ, при этихъ словахъ, краснѣя и блѣднѣя отъ гнѣва, разразился страшными упреками и проклятіями противъ Висы и, наконецъ, объявила ей, чтобы она оставила его и уходила на всѣ четыре стороны.

Виса съ радостью ухватилась за эти слова шаха, простилась съ нимъ и отправилась вмѣстѣ съ кормилицею къ матери своей въ Масъ-Абадъ. Туда же, не находя успокоенія въ разлукѣ съ Висой, вскорѣ потянулся за нею и Раминъ, подъ видомъ охоты въ Гурганъ, не смотря на торжественное клятвенное общаніе, данное имъ Моабаду, не имѣть болѣе никакихъ сношеній съ Висою и поискать себѣ жену въ Констанъ. Виса у матери предавалась отчаянію. Она сидѣла какъ въ траурѣ, отказавшись отъ пищи и увеселеній. На брата смотрѣла, какъ на кровнаго врага,—мать ее не трогала, глаза ее были обращены къ Хварасану. Въ такомъ горестномъ состояніи, засталъ ее Раминъ. Встрѣча ихъ вызвала потоки слезъ, а потомъ неудержимые порывы взаимной ласки и нѣжности. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Моабадъ, узнавъ о вѣроломствѣ и поношеніи, причиненномъ Раминомъ, сначала намѣревался наказать его смертию, но потомъ смягчился по просьбѣ матери, убѣдившей его въ томъ, что подобныхъ Висѣ можно имѣть тысячу женъ, и направила гнѣвъ шаха не повиннаго будто бы любовника Висы — Виро. Для отмщенія послѣднему онъ оправился въ Масъ-Абадъ, предупредивъ письмомъ о своемъ недовольствѣ и намѣреніи сгубить его страну. Виро оправдывается въ отвѣтъ въ взведенныхъ на него нареканіяхъ и не отказывается въ личной борьбѣ помѣриться силой съ шахомъ. Когда

послѣдній прибылъ въ Масъ-Абадъ, Шахро, мать Висы и братъ ея, Виро, опять успѣли примирить шаха съ Висою и тутъ же вторично праздновали ихъ свадьбу съ великимъ торжествомъ. По возвращеніи въ Мервъ, Моабадъ сказалъ однажды Висѣ: „Неправда-ли, ты такъ долго оставалась въ Масѣ, потому что тамъ былъ и Раминъ,—не то ты и трехъ дней тамъ не вытерпѣла бы?“ Виса, сдѣлавшись съ лѣтами уже болѣе опытною въ жизни, отвѣтила: „Можешь ли ты, такъ дурно думать обо мнѣ? Ты обвиняешь, то Виро, то Рамина въ ухаживаніи за мной. Виро и Раминъ оба молоды, молодость притягиваетъ молодость; естественно, что пирушки, вино и охота забавляли ихъ въ Махѣ и задерживали Рамина“.—„Хорошо“,—отвѣтилъ шахъ,—„но можешь-ли дать мнѣ торжественную клятву, что ты не имѣла дѣла съ Раминомъ?“—„Чего мнѣ бояться клятвы? кто невиненъ, тому легко доказать свою невинность клятвою“.—„Хорошо“, сказалъ шахъ,—„въ такомъ случаѣ я прикажу завтра же зажечь костеръ изъ благовошнаго дерева, и ты предъ всѣми сановниками государства провнесешь очистительную клятву предъ костромъ и затѣмъ никогда болѣе въ жизни я не стану тебѣ дѣлать упрековъ“. Словомъ, Моабадъ требуетъ, чтобы Виса очистилась судомъ Божьимъ, т. е. огнемъ отъ подозрѣнія въ связи съ Раминомъ. Точно также въ Рамаани Сити, жена Рамы, доказываетъ свою невинность, а въ Шахъ-Намэ Фирдоуси—Сей-вущъ, сынъ царя Кей-Кавуса. Виса сначала согласилась подвергнуться испытанію, но, увидавъ на другой день съ террасы дворца высоко поднимавшееся пламя костра, испугалась и тутъ же уговорила Рамина немедленно скрыться и бѣжать. Такъ они и сдѣлали. Захвативъ съ собою кормилицу изъ бани, они отправались въ гор. Ре, къ доброму человѣку Берозу, сыну Шехро. Онъ ихъ пріютилъ и забавлялъ пышными обѣдами. Моабадъ, узнавъ о побѣгѣ ихъ, пустился за ними въ погоню ¹⁾. Пять мѣсяцевъ подъ рядъ ѣздили гнццо

¹⁾ *Graf. Wis und Râmin. S. 409.*

Als Wis zu seh'n die Hoffnung er verlor,
 Kam dunkel selbst der Sonne Strahl ihm vor
 Da übergab er ganz dem Zerd des Reich,
 Der ihm Wesir und Bruder war zugleich.
 Er wählt' aus seinem Waffen sich ein Schwert,
 Bestieg ein Wetterwolkenschnelles Pferd,
 Ritt Wis zu suchen in die Welt allein,
 Rief nur noch Wis in seines Hezens Pein;
 In Wüst' und grünem Land ritt er herum,
 In Iran wie in in Turan, Hind wie Râm,
 Von Wis sucht' eine Spur er zu gewahrén,

по всѣмъ окраинамъ своего обширнаго царства, Индію, Китай, Грецію, Туркію, Равъ, Эракъ, Чинь-Мачинъ, [Китай, буквально зна-

Doch s'ah er nichts und konnte nichts erfahren.
 Bald Gemen gleich auf hoher Berge Zinnen,
 Bald Löwen gleich an kübler Bäche Rinnen,
 Bald gleich dem Diw in dürren Wüste Sand,
 Bald Schlangen gleich am schiefbewochs'nen Strand,
 Bald ward durchbohrt er von der Hitze Pein,
 Bald drang in's Mark der Kälte Qual ihm ein,
 Bald nährte ihn der Mönche Fastenspeise,
 Bald blieb des Nachts er in der Hirten Kreise,
 So Zog durch Berg und Wald und Wüst und Meer
 Fünf Monde wie son Sinnen er umher;
 Er schlief nicht oder, wenn den Schlaf er fand,
 War Bett die Erde, Kissen ihm die Hand;
 So war fünf Monde lang in Berg und Flur
 Der Weg sein Freund, Gram sein Genosse nur.

Висраміани, стр. 154—5.

Когда онъ (Моабадъ), сталъ искать Вису, то (ея) не могъ найти. Судьба предъ нимъ омрачилась. Одинъ день и одну ночь ее искали. Печаль его объязъ огонь, и сердце его пылало въ каминѣ, нитъ возженномъ. Потерявъ надежду отыскать ее, смерть своя казалась (сдѣлалась) желательной. Потомъ онъ сдалъ и поручилъ тронъ Зардъ, такъ какъ онъ (последній) былъ и братъ и надежный [его] визирь. Моабадъ самъ отправился по міру искать Вису. Взявъ съ собою изъ имущества только одну саблю и одного коня, которые по своимъ свойствамъ ему нравились, онъ уѣхалъ. Въ одиночествѣ онъ скитался по свѣту. Отъ сердечной боли и тоски непрерывно вспоминалъ Вису. Обѣхалъ по лицу всей земли, пустыню и заселенныя (страны), море и сушу, Индію, Туркію, Грецію, Чинь-Мачинъ (Китай?), Равъ и Эракъ, разыскивалъ слѣды и вѣсти о Висѣ; ни самъ не могъ напасть на ея слѣдъ, ни отъ другихъ (не пришлось) слышать. То подобно дикому барану по горамъ и скаламъ онъ скитался, то подобно льву среди камышей и густомъ лѣсу бродилъ, то подобно дикой козѣ въ полѣ оставался, то подобно зми въ пещеры забирался,—не осталось мѣста, гдѣ бы онъ не искалъ. Пять мѣсяцевъ, какъ безумный и одурѣлый пылъ въ поискахъ за Висой. Иногда томился отъ жары, иногда безпомощнымъ былъ отъ холода, иногда принималъ пищу отъ путниковъ, иногда хлѣба откусить у пастуховъ,—что случайно доставалось, тѣмъ и жилъ. Да, не могъ спать царь изнѣженный (по привычкѣ), постелью служила земля, а подушкой рука.

Сравнивая между собою эти параллельные отрывки изъ персидской поэмы и грузинской повѣсти, мы находимъ при близости общаго сюжета, разницу въ географической номенклатурѣ, порядкѣ и помногѣ изложенія. Такія мѣста и еще болѣе варіирующіяся даютъ основаніе думать, что грузинскій переводъ не восходитъ въ той поэмѣ, которая издава въ Калькуттѣ.

читать: „страну видимую и невидимую“], но безъ успѣха. Наконецъ, еле-живой, добрался онъ до Мерва, гдѣ впалъ въ самое мрачное отчаяніе. Напрасно мать, огорченная исчезновеніемъ одного сына и горемъ другого, старалась ободрить послѣдняго.—„Нѣтъ, матушка, говорилъ онъ,—эта женщина причиною всѣхъ моихъ страданій, безъ нея я не нахожу покоя. Признаюсь тебѣ, если бы Виса была здѣсь, я забылъ бы все прошлое, не сталъ бы дѣлать ей уже упрековъ и подчинился бы всѣмъ ея приказаніямъ, также и Рамину нечего меня бояться: онъ всегда будетъ мнѣ братомъ и опорой“. Обрадованная мать, предъ тѣмъ получившая письмо отъ Рамина ¹⁾, вскричала: „Поклянись мнѣ, что ничего худого не сдѣлаешь, ни Висѣ, ни Рамину, и я тебѣ открою, гдѣ они теперь“. Моабадъ съ радостью повялся. Мать извѣстила Рамина, который возвратился въ Мервъ, равно какъ и Виса, и затѣмъ послѣдовало полное ихъ примиреніе съ Моабадомъ. Лукавая Виса старалась успокоить шаха льстивыми рѣчами: „Государь, говорила она,—союзъ съ тобою мнѣ дороже жизни, думать о другой связи грѣшно. Преклоняю предъ тобою чело въ прахъ, ибо прахъ ногъ твоихъ лучше Рамина. Не думай, что фальшивый Раминъ когда-либо завлечетъ меня. Когда свѣтъ солнца меня освѣщаетъ, на что мнѣ искать мѣсяца? Твоя любовь, словно собственная моя душа, и волосъ отъ тебя мнѣ дороже свѣта обоихъ очей. Прошлое да будетъ прошлымъ, съ этихъ поръ я не дамъ тебѣ ни малѣйшаго повода къ неудовольствіямъ“. Шахъ внималъ съ удивленіемъ сладкимъ рѣчамъ возлюбленной; надежда опять зацвѣла въ цвѣтникахъ его души, и онъ радостно погрузился въ сладкія грезы.

Затѣмъ слѣдуетъ картина, взятая изъ Декамерана и Боккачіо.

Шахъ спалъ (стр. 170), но Виса не могла заснуть и все думала то о Моабадѣ, то о Раминѣ.

Раминъ, не находя спокойствія на своемъ ложѣ, всталъ и началъ бродить по террасѣ дворца, не обращая вниманія на холодъ и шедшій дождь: въ его душѣ пылалъ огонь, котораго не въ состояніи были потушить всѣ ливни неба. Виса, услыхавъ его любовныя жалобы, выслала къ нему кормилицу, которая, возвратясь, еще болѣе разожгла страсть въ сердцѣ Висы.—„Что сдѣлать“, вскричала послѣдняя, чтобы мужъ мой, проснувшись, не замѣтилъ моего отсутствія? Ложись вмѣсто меня возлѣ него и обернись къ нему спиною, тогда онъ не узнаетъ подлѣны, ибо онъ пьявъ и не въ полномъ умѣ“.

¹⁾ Раминъ признавался, что онъ дороже цѣнитъ одинъ волосъ Висы, чѣмъ тысячу братьевъ.

Такъ и сдѣлала кормилица. Виса взяла ночникъ и отправилась на верхъ къ Рамину. Между тѣмъ шахъ проснулся и вмѣсто нѣжной „луны“ [an der stelle der Cypresse], оцупалъ возлѣ себя сухой тростникъ, ибо кормилица походила на Вису, какъ лукъ на стрѣлу. Онъ вскочилъ, схвативъ ее за руку и началъ громко кричать, требуя огня и спрашивая, кто это такое, котораго дѣвы положили возлѣ него. Кормилица все это время молчала, ни издавая ни одного звука. Никто изъ служителей не являлся, но Раминъ, услыжавъ гнѣвные восклицанія шаха, разбудилъ поспѣшно Вису, покоившуюся возлѣ него, и сказалъ: „Настало время положить конецъ всѣмъ этимъ недоразумѣнιάмъ и освободить вселенную отъ этого человѣка; я убью этого недостойнаго; право, для меня пролить кровь этого моего брата, все равно, что убить кошку“. Виса успѣла, однако, уговорить Рамина, не обагрять рукъ своихъ кровью шаха, и, поспѣшивъ въ спальный покой, усѣлась потихоньку возлѣ шаха и закричала: „Ты мнѣ отдалъ руку, возьми хоть другую руку и пусти эту“. Шахъ, услыжавъ ея голосъ пустилъ руку кормилицы, которая, ловко вывернувшись, исчезла изъ покоя.—„Зачѣмъ ты все это время не отбѣчала мнѣ“, спросилъ шахъ Вису; но та начала кричать и жаловаться, что Моабадъ все преслѣдуетъ ее своею ревностью и незаслуженными подозрѣнιάми, такъ что, въ концѣ-концовъ, Моабадъ долженъ былъ извиниться и просить прощенія у Висы за произведенный имъ скандалъ.

Вскорѣ греческій императоръ послѣ этой сцены объявилъ Моабату войну и вторгся въ его предѣлы.

Моабадъ созвалъ всѣхъ своихъ вассаловъ въ Мервъ и собралъ огромныя полчища, но предъ выступленіемъ въ походъ онъ призвалъ младшаго брата своего Зерди и поручилъ ему увести Вису и кормилицу; онъ велѣлъ заключить ихъ на время его отсутствія въ укрѣпленный замокъ Ашка'пудеванъ ¹⁾ и зорко слѣдить, чтобы никто не пробрался въ замокъ, Зерди ²⁾ увѣрилъ шаха въ недоступности Висы, даже для чернаго дѣви и вѣтра. Моабадъ водворилъ Вису въ замокъ, Рамина же, отправляясь въ походъ, онъ взялъ съ собою. Раминъ съ грустью слѣдовалъ за Моабадомъ; ему такъ тяжело было расстаться съ Висой, что онъ, наконецъ, заболѣлъ и не могъ слѣдовать за войскомъ. Тогда окружающіе Моабата упросили его отпустить Рамина для поправленія здоровья въ Хорасанъ. Шахъ

¹⁾ Graf. 413. Schlosse Iskift—Dîwân.

²⁾ ib. Kann sie nicht mehr *Ahriman* (по груз. дѣви).

Ist Niemand mehr sie mir unterthan...

согласился. Раминъ, почувствовавъ себя на свободѣ, быстро выздоровѣлъ и поспѣшилъ добраться до мѣста заключенія Висы, предавшейся отчаянію. Знакомый съ расположеніемъ комнатъ, онъ, дождав- шись вечера, приблизился къ наружной стѣнѣ и пустилъ стрѣлу съ привязанной къ ней запискою. Стрѣла упала въ женскіе покои, гдѣ была Виса съ кормилицею. Узнавъ, такимъ образомъ, о присутствіи Рамина, онѣ тотчасъ же связали между собою крѣпко, сорокъ шел- вовыхъ платковъ, привязали одинъ конецъ къ уступу стѣны, а другой конецъ опустили за стѣну.

Раминъ вскарабкался посредствомъ этихъ платковъ и проникъ въ замокъ, тогда, какъ Зерди съ цѣлымъ отрядомъ сторожалъ на- ружный входъ. Такимъ образомъ, Раминъ ¹⁾ оставался девять мѣся- цевъ къ ряду вмѣстѣ съ Висою въ замкѣ, и никто не подозрѣвалъ его присутствія тамъ. Между тѣмъ, Моабадъ возвратившись съ большой добычей въ Мервъ, по окончаніи войны, узналъ отъ одной изъ своихъ женъ, отъ прекрасной, но хитрой Зарнагены, что Ра- минъ являлся въ Мервъ въ его отсутствіи, но затѣмъ исчезъ, вѣроятно, стараясь узнать, гдѣ Виса. Моабадъ немедленно отпра- вился къ замку Ашкап'удеапъ и, напустившись на Зарди за его оплошность, велѣлъ отворить всѣ пять затворовъ, за которыми была заключена Виса, вошелъ въ женскіе покои, но не засталъ уже тамъ Рамина. Раминъ успѣлъ бѣжать, перелѣзть черезъ стѣ- ну и скрыться въ полѣ. Моабадъ нашелъ одну только кормилицу и Вису, сидящую рыдая на полу и рвущую на себѣ въ отчаяніи одежду. Тутъ же валялись обличительные платки, еще связанные между со- бою въ длинную веревку. Моабадъ схватилъ Вису за косы и началъ ее таскать по полу, потомъ закрутилъ ей руки за спину и, связавъ какъ преступницу, началъ немилосердно наносить ей удары плетью по тѣлу, такъ что скоро полилась кровь, словно сокъ изъ гранато- ваго яблока. Избивъ также до полусмерти и кормилицу, онъ обѣихъ заперъ крѣпко въ замкѣ и возвратился въ Мервъ. Несмотря на всѣ проявленія невѣрности Висы, Моабадъ никакъ не могъ отъ нея оторваться.—„Она моя жизнь“, говоритъ онъ. Шахъ вскорѣ скло- ненный при томъ причитаніями и слезами Шахро - матери ²⁾ Висы, велѣлъ Зарди взять съ собою 200 всадниковъ и привести въ Мервъ Вису, хотя ее тѣло было покрыто еще не зажившими ранами. Зарди

¹⁾ Раминъ и Виса въ одноиъ мѣстѣ сравниваются съ солнцемъ и луной.

²⁾ Она призываетъ проклятіе на Моабада, Бога-Творца, солнца и луны (214, 215).

упросилъ при этомъ также простить и Рамина, и „вотъ опять дворець Моабада украсился блескомъ полной дупы и хрустальная рука Висы темноцвѣтнымъ виномъ“.

Поэтъ, какъ бы не сознавая всего безобразія, описываемой имъ картины, восклицаетъ (стр. 217): „Въ этомъ мѣрѣ ничего не вѣчно, ни радость любви, ни горестъ; въ концѣ - концовъ и радость и горестъ улетучиваются. Поэтому, да стремится человѣкъ къ наслажденію, котораго дни да не уменьшаются; такъ какъ жизнь наша не вѣчна, то бесполезно предаваться злему горованію“.

Затѣмъ Моабадъ долженъ былъ вскорѣ отправиться въ Гурганъ, но при этомъ большимъ затрудненіемъ представлялось для него, кому поручить въ отсутствіе свое охрану и надзоръ за Висою? Вѣдь, Зарди оказался плохимъ стражемъ. Онъ долго думалъ и, наконецъ, велѣлъ задѣлать желѣзными рѣшетками всѣ двери и окна дворца, и обратился къ кормилицѣ: „Эй ты, искусная во всякомъ колдовствѣ, до сихъ поръ ты выказывала мнѣ только свое безбожіе, теперь я прошу тебя будь мнѣ вѣрна, смотри за этими дверьми и за всѣми входами, чтобы Раминъ сюда не пробрался. Я отправляюсь на цѣлый мѣсяцъ въ Гурганъ и, между прочимъ, чтобы тамъ поохотиться. Присматривай за моимъ добромъ и никому не раскрывай до моего возвращенія этихъ припечатанныхъ мною дверей. Вѣдь, говорятъ же: чтобы сохранить повѣрніе свое имущество, слѣдуетъ его отдать на сбереженіе вору“. Моабадъ отправился, взявъ съ собою Рамина. Когда наступилъ вечеръ, Раминъ потихоньку возвратился въ Мервъ и пробрался въ садъ шаха, но нашелъ двери дворца запертыми. Долго бродилъ онъ по саду, разыскивая съ кровавыми слезами свою возлюбленную и, наконецъ, улегся подъ деревомъ и заснулъ. Между тѣмъ, Виса ¹⁾ также тоскуетъ по другѣ, взываетъ къ Богу о помощи, догадываясь, что Раминъ въ саду и какъ безумная бродить по покоямъ дворца. Напрасно она умалила кормилицу выпустить ее въ садъ,— послѣдняя, страшась гнѣва шаха, не соглашалась, уговаривая свою воспитанницу воздержаться „отъ грѣха“. Тогда Виса влѣзла на террасу дворца и, съ помощью находящагося тамъ полотнянаго навѣса, спустилась на землю съ окровавленными ногами и съ изорванной одеждой. Она обошла весь садъ и, наконецъ, нашла истерзаннаго тоскою Рамина, къ которому упала въ объятія. Между тѣмъ Моабадъ потребовалъ къ себѣ Рамина. Ему сказали, что его нѣтъ въ лагерѣ. Моабадъ догадался, что онъ бѣжалъ въ Мервъ. Возбуж-

¹⁾ Стр. 219, 220.

денный гнѣвомъ и ревностью, онъ также возвратился въ Мервъ. Кормилицу онъ засталъ на мѣстѣ; всѣ двери оставались запечатанными влеймомъ самаго шаха, клѣтка была заперта, но птичка улетѣла. Не получивъ отъ кормилицы разъясненія объ исчезновеніи Висы, онъ немедленно избилъ ее и началъ искать Вису по всѣмъ угламъ дворца. Напавъ такимъ образомъ на слѣды ея бѣгства, онъ велѣлъ обыскать весь садъ. Виса, замѣтивъ издали приближающіеся огни, заставила потерявшаго духъ Рамина поскорѣе удалиться, перепрыгнувъ чрезъ стѣну сада, сама же осталась какъ бы спящею подъ деревомъ, гдѣ ее нашли. Моабадъ упрекнулъ Вису въ безстыдствѣ, и въ ярости обнажилъ свой мечъ и готовился отрубить ей голову, но Зерди бросился къ его ногамъ и умолялъ его выслушать сперва Вису. Тогда Виса сказала: „Государь, ты заключилъ меня крѣпко въ покояхъ твоего дворца, а теперь ты находишь меня свободною въ саду. Богъ не оставляетъ меня въ нуждѣ, Онъ сильнѣе тебя, Онъ спаситель удрученныхъ духомъ и помощникъ тамъ, гдѣ земная помощь невозможна. Меня Онъ освободилъ изъ моего заточенія. Въ эту ночь я тяжело вздыхала о твоей жестокости и повергла свою скорбь предъ Богомъ; тогда сонъ смежилъ мои очи, и во снѣ явился мнѣ ангелъ, чудный юноша въ земной одеждѣ: онъ тихо приподнял меня и вынесъ въ садъ, положивъ меня среди розъ и нарцисовъ; здѣсь я уснула; доблестный Раминъ явился мнѣ во снѣ, припалъ ко мнѣ на грудь и мы другъ другу повѣдали, что волнуетъ наши сердца. Но затѣмъ, какое ужасное пробужденіе! Тебя я вижу словно разъяреннаго льва, съ обнаженнымъ мечемъ. Вѣрь мнѣ, или не вѣрь, но все такъ, какъ я тебѣ сказала: ангелъ явился ко мнѣ во снѣ и освободилъ меня!“ Нечего было дѣлать; шахинъ-шахъ долженъ былъ повѣрить разсказу Висы; онъ извинился въ своей горячности и подарилъ Висѣ и кормилицѣ много драгоценныхъ камней и уборовъ ¹⁾.

Подобныя не разъ повторяющіяся непріятныя сцены и частныя вспышки ревности Моабада, наконецъ, заставили Рамина послѣдовать совѣту друга своего ученаго Бегоси ²⁾. Послѣдній доказывалъ, что ему нужно разстаться съ Висой, чтобы избѣгнуть постоянныхъ непріятностей со стороны брата. Гдѣ любовь, тамъ и горе. Но достаточно отойти въ сторону на одинъ годъ отъ влюбленной, какъ ее и забудешь: вѣдь, любовь скрывается въ глазахъ. Раминъ убѣжденный другомъ от-

¹⁾ Слѣдуетъ описаніе чуднаго лѣтняго дня на югѣ; шахъ наслаждается природою въ присутствіи Висы и шатери ея—Шахро (233). Пиръ и пѣніе.

²⁾ *Graf, Ein weiser Mann, Bihgui genannt...* 419.

прашивается у шаха въ Магъ-Абадъ на время, чтобы поискать себѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ супругу, и тѣмъ выйти изъ своего ложнаго положенія. Въ то же время, когда происходила эта бесѣда между Раминомъ и Бегосомъ, шахъ наставлялъ Вису, склоняя ее къ „добрѣ“ и напоминая о своихъ страданіяхъ изъ любви къ ней. Виса хитро даетъ слово никогда не встрѣчаться съ Раминомъ, если даже будетъ жить столько, сколько Маѳусаилъ. Шахъ ее расцѣловалъ, а Рамину съ удовольствіемъ далъ отпустить, назначивъ его даже намѣстникомъ въ Раѣ, Гурганѣ и Кушистанѣ. Осыпанный упреками Висы за измѣну, Раминъ покидаетъ свою возлюбленную, увѣряя ее, что онъ приноситъ эту жертву въ ея интересахъ. Поклявшись въ вѣчной любви, они обнимаются съ такими вздохами, что послѣдніе подымались къ нему въ видѣ „облаковъ“. Въ своемъ намѣстничествѣ Раминъ встрѣчаетъ по возвращеніи съ охоты прелестную, черноволосую красавицу *Гуль* ¹⁾, дочь владѣтеля Гураба. При первой встрѣчѣ онъ былъ пораженъ блескомъ ея красоты, стрѣла выпала изъ его руки; безумно влюбился въ нее, забылъ Вису и просилъ руки у гурабской красавицы. Гуль знаетъ его уже издали, она отвѣчаетъ ему на его вопросъ, кто она такая слѣдующими словами: „Я знаю твое имя и твой родъ“.

„Ты Раминъ, братъ шахинъ-шаха; Вису ты любишь болѣе чѣмъ душу свою; кормилица опутала и колдовствомъ связала твое сердце. Не видѣть болѣе Висы ты не въ состояніи; скорѣе рѣка Тигръ удалится отъ Багдада или негръ отмоется отъ своей черноты, чѣмъ ты бросишь Вису и соединишься съ другою возлюбленною. Если такъ, то оставайся вѣренъ ей, несите общій свой позоръ, терпите справедливый гнѣвъ шаха и покоритесь наказанію Бога“. Когда Раминъ услышалъ эти слова, онъ горько почувствовалъ, что заслужилъ всеобщее осужденіе и проклиналъ свое безразсудство. Затѣмъ онъ обратился къ Гуль съ пѣжными рѣчами: „Не осуждай меня за то, что совершилось волею рока; что прошло, то прошло. Ты солнце, освѣщающее мое небо; твое лице, словно весеннее солнце оживляетъ цвѣты въ цвѣтникѣ души моей. Исполни мою горячую просьбу, будь моею луною, царицею моего дома, тебѣ я готовъ отдать все, что имѣю. Если согласна заключить со мною прочный союзъ, то я поклянусь тебѣ торжественной клятвой всегда быть вѣрнымъ тебѣ и сохранить тебѣ вѣчную любовь. До сихъ поръ я не видѣлъ прекраснѣе Висы, теперь же я на вѣки оставилъ ее“.

¹⁾ Описание ея красоты, *Висраміани*, стр. 257. Ср. *Graf*, 420 Es war als blickt er in der Sonne Licht, geblendet ward vom Strahle sein Gesicht...

Гуль согласилась только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ прекратилъ всякія дальнѣйшія сношенія съ Висой и постоянно пребывалъ въ Гурабѣ. Раминъ съ радостью согласился—„клялся Богомъ и огнемъ“ и даже написалъ Висѣ письмо, въ которомъ онъ формально разрываетъ всякую дальнѣйшую связь съ нею. Цѣлый мѣсяцъ продолжался пышный свадебный пиръ, много щедрыхъ подарковъ было роздано жителямъ, подвластнымъ Рамину. Онъ испытывалъ полное блаженство,—Виса потонула въ морѣ забвенія.

Для европейскаго читателя совершенно непонятно, какъ могъ Раминъ, столь нѣжно любимый Висою, написать ей безсердечное, рѣзкое письмо. Онъ какъ бы упрекаетъ ее за всѣ тѣ несчастія, которыя навлекла на него страсть его къ Висѣ. Затѣмъ онъ грубо продолжаетъ: „Знай, Виса, что Богъ умилосердился надо мною, и что я тебя бросаю. Безъ тебя я обрѣлъ всякое сердечное желаніе, я умылся коралловою водою, я сочетался съ несравненною супругою, съ такою, какую я именно желалъ. Она посѣяла въ сердцѣ моемъ любовь цвѣтущую, какъ роза, и истребила ржавчину печали; я точно въ раю, всегда пребываю съ моею Гуль, всегда имѣю не увядающую розу. Постель и подушка всегда наготовѣ у моей розы, которую я глазами и душою ставлю превыше всего. Тогда какъ отъ тебя мнѣ достаются однѣ бѣды и заботы, отъ нея я усматриваю тысячи различныхъ радостей и осуществленіе моихъ желаній. Когда вспоминаю прошлые дни, мнѣ самому жалко себя: сколько перенесъ я ради тебя неприятностей и нареканій; я собственной своей дороги не зналъ, словно дрессированная собака. До сихъ поръ я спалъ, теперь я проснулся; я былъ пьянъ, теперь отрезвился. Я теперь разбилъ оковы несчастія, я высвободился изъ тюрьмы невзгоды. Теперь, истиннымъ помышленіемъ, клянусь Создателемъ Богомъ, солнцемъ, луною, закономъ, огнемъ, знаніемъ и надеждою, что пока я живъ, я не брошу Гуль и ни на минуту не повиню ее, и отсель ты знай, и да вѣдаетъ твое сердце: Мервъ—твой, а Магъ—мой; Моабадъ—твой, а Гуль—моя. Я предпочитаю быть одно мгновеніе и радоваться вблизи моей Гуль, чѣмъ оставаться тысячу лѣтъ вблизи тебя, гдѣ юность моя точно въ тюрьмѣ. Отнынѣ ты не высчитывай дней и мѣсяцевъ моего возвращенія, не жди меня и не высматривай по дорогѣ моего появленія!“

Раминъ запечаталъ это письмо золотою печатью и передалъ своему служителю, Шинрику, съ приказаніемъ доставить письмо въ Мервъ. Тамъ доложили шаху о прибытіи вѣстника отъ Рамина. Онъ потребовалъ его къ себѣ, взялъ у него письмо прочелъ и затѣмъ передалъ Висѣ, сказавъ ей: „Теперь Господь возвелъ на тебя свои

очи: Раминъ и Гуль стали любовно мужемъ и женою, а ты осталась брошена и изранена“.

Виса въ отчаяніи; она взываетъ къ помощи няни, молить Бога послать ей утѣшителя. Письмо Рамина „отравило ея сердце“, судьба наказала ее, она готова поднять на себя руки,—слезы льются горячимъ потокомъ. Няня отправляется къ Рамину устыдить его въ позорной измѣнѣ, но герой встрѣчаетъ ее съ бранью и уговариваетъ посовѣтовать Висѣ покаяться въ своихъ грѣхахъ, а его оставить въ покоѣ. Онъ жалеетъ, что молодость свою отдалъ Висѣ, а теперь онъ довольствуется быть ея добрымъ братомъ. Отвѣтъ Рамина свалилъ Вису въ тяжкую болѣзнь.—Она не находила исхода своей скорби и обратилась къ книжнику Миш'хину написать дѣльное письмо къ Рамину, чтобы смягчить его нѣжными словами. Она написала ¹⁾ 10 жалобныхъ писемъ, умоляя друга вернуться къ ней, спасти отъ пожирающаго ее огня. Раминъ къ этому времени, насладившись союзомъ съ супругой, охладѣлъ къ ней и сталъ скучать по Висѣ, и наконецъ, объяснившись съ Рафедомъ, отцомъ Гули, тайно уѣхалъ изъ Гураба въ Мервѣ. Въ немъ воскресло чувство къ Висѣ. Онъ сталъ каяться и не находилъ словъ для извиненія предъ оскорбленной имъ женщиной, надѣясь умолить и смягчить ее слезами и искренностью раскаянія. Но онъ находится въ неизвѣстности; какъ приметъ его Виса? Виса, предупрежденная чрезъ своего гонца, Адина, нѣжнымъ письмомъ возвращающагося друга, съ нетерпѣніемъ ждала его. Вотъ сторожъ на террасѣ дворца высмотрѣлъ приближающагося Рамина и далъ знать объ этомъ кормилицѣ, которая передала это извѣстіе Висѣ. Виса была внѣ себя отъ радости, но не хотѣла проявить того. Раминъ показался на своемъ конѣ у стѣнъ дворца. Виса выглянула въ окно, встрѣтила Рамина горькими упреками и заставила его, каю-

¹⁾ Первое письмо Висы очень любопытно: „Сіе письмо отъ засохшей сосны къ расцвѣтшему молодому кипарису, затмѣвавшейся луны къ ярко блестящей въ небесахъ лунѣ, разореннаго парка къ вновь разведенному райскому саду, закатившагося солнца къ восходящему солнцу, сгнившаго листка къ распутившейся розѣ“... (284—5). Виса далѣе напоминаетъ о превратностяхъ счастья и данной ей Раминомъ клятвѣ въ вѣчности любви. Она негодуетъ, что онъ явился виновникомъ ея позора, жены могущественнаго шаха. Она не забываетъ въ яркихъ краскахъ описать и свою красоту. Во второмъ письмѣ она говоритъ: еслибы всѣ семь небесъ имѣть ей бумагой, звѣзды песцами, ночной иракъ чернилами, и буквы были столь обальны, какъ песокъ, рыбы и листья, то и тогда она не сумѣла бы выразить даже наполовину желанія видѣть своего возлюбленнаго. Она въ заключеніе знакомитъ его съ своими сердечными муками.

щогося въ своемъ проступкѣ, почти цѣлую ночь прождать въ снѣгу и слякоти у наружной стѣны дворца. Она притворно уговаривала его покинуть Мервѣ, вспомнила еще не зажившее свое горе, увѣряла, что не будетъ больше измѣнять Моабаду, твердить, что рана имъ нанесенная, никогда не заживетъ, что онъ представляется ей лисой ⁴⁾. Онъ старается разжалобить ее слезами и увѣреніями въ мукахъ, какія онъ испытывалъ все время по разлукѣ съ нею. Она можетъ только исцѣлить его, она источникъ его жизни,—солнце и луна, сердце и душа. Виса упорно кажется неумолимой. Ядъ никогда не превратится въ сахаръ! Измученный же стихійными невзгодами и душевными страданіями Раминъ, послѣ длинныхъ переговоровъ съ Висой, покидаетъ ее. Но тутъ героиня образумилась и послала въ догонку за нимъ няню. Онъ взобрался никѣмъ незамѣченный въ ея покой и тамъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ наслаждался ея ласками.

Объясненія Рамина вполнѣ удовлетворили ее. Герой гордился своимъ царскимъ положеніемъ въ присутствіи Висы, „онъ сдѣлался небомъ изъ праха“. Они клялись другъ другу въ прочности чувствъ. Оба были опьянены счастьемъ послѣ шестимѣсячной разлуки. Но, опасаясь, чтобы Моабадъ какъ нибудь не узналъ о его присутствіи въ Мервѣ, Раминъ ночью выбрался изъ дворца и днемъ явно вѣхалъ въ Мервѣ. Явившись къ шаху, сказалъ ему, что сильное желаніе видѣть брата своего, великаго шаха, привлекло его въ Мервѣ, что желаетъ онъ пробыть три мѣсяца при дворѣ шаха, потомъ опять возвратиться въ Гурабъ. Шахъ, обрадованный, ласкалъ его и послѣ трехъ мѣсяцевъ велѣлъ всѣмъ своимъ придворнымъ собраться въ путь и провожать Рамина въ Гурабъ, куда онъ также намѣревался отправиться на охоту въ чудную лѣтнюю погоду. Природа все расцвѣтала и благоухала, а Виса, при удаленіи Рамина, впала въ самое мрачное отчаяніе. По совѣту кормилицы, она отправила къ Рамину напыщенное и слезливое письмо, въ которомъ она, описывая свое постепенное увяданіе безъ него, умоляетъ его возвратиться въ Мервѣ и убѣжать вмѣстѣ съ ней куда-нибудь подальше, опасаясь умереть не оплаканной имъ. Получивъ это письмо, Раминъ цѣловалъ его,

⁴⁾ Въ другой бесѣдѣ съ Раминомъ Виса указываетъ, что она также стояла въ слезахъ предъ нимъ, и онъ вниманія не обращалъ, письма ея не трогали его, грусть и волненія ея не тревожили его спокойнаго сна, наконецъ, она напомнила, какъ онъ ее уничтожилъ въ письмѣ къ ней, послѣ того, какъ ея другъ сталъ поклонникомъ Гули. Въ отвѣтъ Раминъ умоляетъ ее забыть случившееся, простить ему прегрѣшенія: „самъ Адамъ въ раю преступилъ заповѣдь Божью, а я вѣдь сынъ Адама“!

всталъ на грудь, глаза, и испускалъ глубокіе „дымные“ вздохи до небесъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшается выбрать изъ своей свиты сорокъ самыхъ отважныхъ людей и, дождавшись ночи, незамѣтно исчезаетъ изъ лагеря и скачетъ въ Мервъ. Предварительно онъ обо всемъ условился съ Висою чрезъ посланнаго, пробравшагося къ ней тайкомъ подъ покрываломъ. Виса должна была, подъ предлогомъ принесенія жертвы въ благодарность за выздоровленіе брата своего Виро, пригласить во дворецъ женъ многихъ знатныхъ лицъ въ Мервѣ. Раминъ велѣлъ своимъ сорока молодцамъ, переодевшимся въ женское платье, пробраться вмѣстѣ съ приглашенными гостями во дворецъ. Тамъ они скрывались днемъ, а при наступленіи ночи бросились на дворцовую стражу и частью ее перебили, частью обезоружили. Самъ же Раминъ ворвался съ мечомъ въ рукахъ въ покои Зарди, намѣстника шаха въ отсутствіе послѣдняго.—„Зарди“, вскричалъ онъ, „брось мечъ, я не хочу твоей смерти, но покорись и повинуйся мнѣ!“ Зарди же бросился на него, какъ разъяренный левъ: „Презрѣнный злодѣй“, вскричалъ онъ, „теперь явно обнаруживается, что таилось въ твоей душѣ. Давно я подозрѣвалъ въ тебѣ врага шаха, но не такъ легко будетъ тебѣ достигнуть престола и царства!“ Съ этими словами онъ бросился на Рамина и нанесъ ему со всею силою ударъ; къ счастью Раминъ, отклонивъ ударъ щитомъ, самъ же поразилъ Зарди въ голову, отчего послѣдній упалъ безъ чувствъ и „кровью его обогрилась внутренность башни“. Утромъ имъ овладѣло раскаяніе. Когда настало утро, Раминъ велѣлъ собрать всѣхъ верблюдовъ и муловъ, находящихся въ столицѣ и, нагрузивъ ихъ сокровищами Моабада, оставилъ Мервъ вмѣстѣ съ Висою. Онъ спѣшилъ пробраться чрезъ пустыню, окружающую Мервъ, и чрезъ двѣ недѣли уже находился въ Казминѣ, откуда пробрался въ Гиланъ и въ землю Дайламъ. Въ Гиланѣ и Дайламѣ жили храбрые воины, всегда готовые къ бою; сколько ни было царей въ Иранѣ, начиная „отъ Адама“, никто не могъ покорить этихъ свободолюбивыхъ людей, и земля ихъ по настоящее время осталась независимою отъ власти шаховъ. Къ этимъ племенамъ удалился Раминъ и, склонивъ ихъ старшинъ богатыми подарками, онъ скорѣ собралъ изъ нихъ значительное войско.

Моабадъ все это время находился въ Гурганѣ. Долго никто не рѣшался объявить ему объ измѣнѣ Рамина. Наконецъ, узнавъ о томъ, что Раминъ бѣжалъ изъ Мерва, захвативъ съ собою всѣ сокровища и Вису, Моабадъ выступилъ противъ него въ походъ. Войско свое онъ расположилъ на равнинѣ въ Амулѣ. Тамъ, однажды утромъ дикій кабанъ выскочилъ изъ камышей у низовьевъ рѣки и бросился на

обружающихъ, словно бѣшенный слонъ. Онъ направился къ тому мѣсту лагеря, гдѣ находилась ставка шаха. Шахъ, выйдя изъ шатра, вскочилъ на коня и ожидалъ кабана, въ котораго и бросилъ копье, но, къ несчастію, промахнулся; кобанъ же мгновенно распоролъ коню животъ, шахъ упалъ на землю и самъ сдѣлался жертвою разъяреннаго звѣря. Такимъ образомъ, окончилъ свою жизнь повелитель Ирана шахинъ-шахъ — Моабадъ. Авторъ предается здѣсь грустнымъ размышленіямъ о непрочности земной славы и счастья. Раминъ, услыжавъ о его погибели, явно почтилъ его смерть слезами и знаками горести, но тайно благодарилъ Бога, что онъ избавилъ его отъ тяжелой необходимости воевать съ Моабадомъ. Затѣмъ онъ явился въ Амуль, гдѣ войско и всѣ вельможи Ирана провозгласили его шахинъ-шахомъ. Раздавъ щедрыя милости всѣмъ нищимъ и поклявшись быть справедливымъ правителемъ, онъ назначилъ по всѣмъ областямъ новыхъ правителей, а затѣмъ выступилъ въ Мервъ, гдѣ его приняли съ восторгомъ и три мѣсяца съ ряду торжественно праздновали его восшествіе на престолъ.

Такимъ образомъ, Раминъ вмѣстѣ съ Висою возсѣлъ на престолъ Ирана. Для его подданныхъ наступило блаженное время: по дорогамъ царствовала полная безопасность, никто не страшился ни воровъ, ни разбойниковъ, ни курдовъ, ни тюрковъ. Возстановилъ онъ разоренные города, учредилъ штатъ администраторовъ и судей, мудрые и ученые стали пользоваться уваженіемъ, вонны получали еженедѣльно въ исправности свое жалованіе, и въ судахъ не дѣлали различія между бѣднымъ и богатымъ. 130 лѣтъ прожилъ Раминъ, изъ нихъ онъ царствовалъ 83 года, проводя время то въ пиршествахъ, то погружаясь въ ученныя и религіозныя книги. Всегда онъ оставался побѣдителемъ въ борьбѣ съ врагами и на пирахъ, и онъ первый изобрѣлъ *чанги* (арфу). Виса родила ему двухъ сыновей Хоршида и Джимшеда, (Chorshîd, Gîmshîd) красивыхъ какъ мать, и храбрыхъ, какъ отецъ. Черезъ 83 года нѣжный кипарисъ, т. е. Виса, узрѣвши внуковъ, склонила голову, и смерть похитила ее. Раминъ, оплакивая ее въ горючихъ причитаніяхъ, велѣлъ соорудить ей великолѣпную опочивальню и храмъ, гдѣ горѣлъ вѣчный огонь. Еще при жизни онъ созвалъ всѣхъ вельможъ Ирана, раздѣливъ царство сыновьямъ, Хоршеду далъ страну Савари, Хварасавъ, Хваразмъ, а Джимшеду страну Бзо'три и Шами, Египетъ, Кироанъ (стр. 453, ср. *Graf*: gab dem erstern die Lander in Osten Sogd und Châresm und Cénân, dem andern die Lander im Westen Shâm und Misz und Kaigawan). По груз. повѣсти Аранъ, Сомхетію и Адрабагаганъ Раминъ оставилъ себѣ, а по персидской поэмѣ они подчинялись Висѣ.

Наставивъ Хоршеда въ добрыхъ правилахъ, онъ по смерти Висы далъ ему державу, а самъ удалился въ храмъ, гдѣ въ полномъ уединеніи провелъ еще три года, въ благочестивыхъ созерцаніяхъ и молитвѣ, пока, наконецъ, не отозвалъ его Богъ. Здѣсь кончается грузинская повѣсть, а персидская поэма прибавляетъ: „Тѣло его положили возлѣ Висы, и душа его соединилась съ душою Васы; тамъ они заключили новый союзъ и вновь праздновали свою свадьбу“¹⁾.

Хотя, такимъ образомъ, поэма кончается примирительнымъ аккордомъ, но все таки въ душѣ читателя не можетъ изгладиться оставшееся впечатлѣніе отъ крайней дикости нравовъ и испорченности того общества, которое здѣсь изображается. Во всякомъ случаѣ, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ гг. издателей „Висраміани“.

„Что въ этой поэмѣ рисуется чисто грузинскіе обычаи (стр. VIII) и

„Что эта поэма покрываетъ славою тотъ народъ, который впервые создалъ такіе типы“ (стр. IX).

Въ самомъ дѣлѣ, если сравнить „Висраміани“ съ „Барсовой кожей“ Руставели, то сейчасъ же бросится въ глаза громадная разница между обѣими поэмами. Народъ, создавшій „Висраміани“, никогда не могъ возвыситься до благородныхъ, чисто христіанскихъ типовъ рисуемыхъ въ „Барсовой кожѣ“. Для меня, говоритъ Н. Гулакъ, не нужно лучшаго доказательства того, что „Барсова кожа“—не персидское произведеніе, какъ сравненіе ея съ „Висраміани“.

Обратимся къ сопоставленію грузинскаго „Висраміани“ съ персидской поэмой Гургани о Висѣ и Рамипѣ, а въ заключеніе сдѣлаемъ краткую характеристику этого произведенія. Воспользуемся для этого вопросомъ изложеніемъ поэмы, сдѣланнымъ Grafомъ на нѣмецкомъ языкѣ и работой бар. Р. Р. Штакельберга, помѣщенной въ I в. II т. Трудовъ Восточной Комиссіи И. Моск. Арх. Общества“ (М. 1890).

Кромѣ Шахъ-намэ существуетъ, какъ извѣстно, въ персидской литературѣ еще рядъ эпическихъ произведеній, составляющихъ или прямое дополненіе къ сочиненію Фирдоуси, или же воспѣвающихъ подвиги героевъ и происшествія, не упоминаемыя въ твореніяхъ великаго эпика. Всѣ эти эпическія произведенія стояли, однако, подъ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ Тусскаго поэта; конечно, не можетъ быть сомнѣнія, что подражатели Фирдоуси по силѣ своего таланта уступаютъ пѣвцу дѣяній древнихъ царей Ирапа.

¹⁾ Im Himmel knüpften fest den Bund der Treue und feierten die Hochzeit sie auf's neue (Graf, S. 433).

Къ числу этихъ эпическихъ произведеній Персія, которыя не состоятъ въ непосредственной связи съ разсказами, входящими въ составъ Шахъ-намэ, принадлежитъ романъ „Виса и Раминъ“, переведенный поэтомъ Фехри Гургани, по его собственному заявленію, со стариннаго пехлевійскаго разсказа. Поэма „Виса и Раминъ“ издана въ 1865 году въ Калькуттѣ.

Что касается до пехлевійскаго оригинала, непосредственнаго источника нашего разсказа, то онъ до сихъ поръ не отысканъ. Весьма дѣльную и обстоятельную характеристику эпоса „Виса и Раминъ“ съ передачей его содержанія, причеъ довольно обширныя отрывки изъ него переведены изящными нѣмецкими стихами, можно найти въ статьѣ *Графа (Graf)*. „*Wis o Ramin*“, въ 23 томѣ „*Zeitschr. d. Deutsch. Morgl. Ges.*“. Тамъ же находятся и свѣдѣнія о тѣхъ немногочисленныхъ рукописахъ „Висы и Рамина“, которыя уцѣлѣли до нашихъ дней.

По мнѣнію Графа слѣдуетъ отнести передѣлку пехлевійскаго оригинала въ новоперсидскіе стихи къ промежутку между 1042 и 1055 годомъ по Р. Хр., при сельджукскомъ шахѣ Тогрулбекѣ.

Въ городѣ Мервѣ находилась столица царя *Мобеда*, которому подвластенъ весь міръ. Предъ его могуществомъ преклоняются не только римскій императоръ и китайскій царь, но даже небесныя свѣтила являются его сподвижниками. Разъ во время пира, устроеннаго Мобедомъ, царь замѣчаетъ красавицу Шехрѹ и проситъ ея руки. Шехрѹ отказывается отъ брака, объясняя шаху, что она давно уже живетъ въ счастливомъ бракѣ съ Кареномъ, отъ котораго она имѣетъ нѣсколько доблестныхъ сыновей ¹⁾. Убѣдившись въ невозможности достиженія руки ея, Мобедъ проситъ Шехрѹ, если волею Божіею ей будетъ дарована дочь, выдать ее за него замужъ. Красавица Шехрѹ охотно соглашается и закрѣпляетъ это обѣщаніе формальнымъ договоромъ. Изъ этого момента—именно выдачи замужъ нерожденной еще дочери—вытекаетъ трагическая вина Мобеда, на котораго въ послѣдствіи обрушивается судьба горькими наказаніями. Много лѣтъ спустя Шехрѹ на самомъ дѣлѣ родила дочь *Вису*, одаренную всеми прелестями чудесной красоты. Забывъ о договорѣ съ Мобедомъ, мать вы-

¹⁾ Въ груз. „Висрамини“ (стр. 6), присутствовавшая въ числѣ гостей Шахро, сказала „что-то“ шаху, раздающему щедрыя милости. Моабадъ, обративъ тогда вниманіе на ея красоту, проситъ у нея будущей дочери за себя, не говоря ни слова Шахро выходить за него, какъ бы зная, что она уже въ бракѣ.

дает свою дочь за своего сына *Виро* ¹⁾. Но увы! Въ самый день свадьбы, среди всеобщаго веселія, вдругъ прискакалъ *Зердъ*, братъ *Мобеда*, съ порученіемъ отъ шаха, требующаго, чтобы ему выдали его законную невѣсту. Виса наотрѣвъ отказывается промѣнять молодого жениха на старика *Мобеда*, который, охваченный гнѣвомъ послѣ такого униженія и собравъ громадное войско, выступаетъ походомъ противъ *Карена*, отца Висы. Потерпѣвъ сначала пораженіе, онъ въ концѣ концовъ успѣлъ склонить *Шехрѹ* на свою сторону, благодаря обильнымъ поднесеніямъ. Хотя Виса всѣми силами отказывается отъ брака съ „сухимъ деревомъ“, но *Шехрѹ*, обольщенная щедростью *Мобеда*, впустила его въ свой дворецъ, откуда *Мобедъ* увезъ свою невѣсту въ *Мервѣ*. Однако, дорогой случилось, что вѣтромъ подняло занавѣсъ паланкина, въ которомъ сидѣла Виса. Увидавъ ея очаровательное лицо, царевичъ *Раминъ*, братъ *Мобеда*, воспламеняется сильною любовью къ Висѣ. Прибывъ въ *Мервѣ*, Виса вполнѣ предается порывамъ своего отчаянія. Она отказывается слушаться утѣшеній своей няни, весьма ловкой и расположенной ко всякаго рода интригамъ уроженки *Кухистана*, рисующей ей яркими красками всѣ преимущества ея брака съ *Мобедомъ* предъ сравнительно скромной обстановкой ея жизни въ отцовскомъ домѣ. *Раминъ* же, доведенный до крайности своей страстью и не зная другого исхода для удовлетворенія ея, обращается къ содѣйствію няни, которая послѣ недолгаго колебанія соглашается на роль посредницы. Въ началѣ Виса остается недоступной для искушеній интригантки и съ отвращеніемъ отклоняетъ всѣ совѣты ея. Но мало по малу и она дѣлается болѣе уступчивой и, увидавъ, наконецъ, *Рамина* въ первый разъ, Виса вдругъ чувствуетъ, что любовь внезапно вкралась въ ея сердце. Въ первое время Виса старается побороть демона любви, но какъ и овладѣвшая ею въ первый разъ сильная страсть, такъ и просьбы и угрозы, пущенныя входъ кормилицей, все болѣе и болѣе заглушаютъ въ ней голосъ долга и вѣрности: „страсть ослѣпила очи его разума“.

Во время отсутствія царя ²⁾ *Мобеда*, Виса принимаетъ *Рамина* у себя, и оба они предаются порывамъ своей страсти. Оставшись два

²⁾ О бракѣ между кровными родственниками, какъ древне-иранскомъ обычаѣ. См. *Duncker. Geschichte d. Arier. S. 549.*

¹⁾ Мы теперь слѣдуемъ бар. *Штакельбергу*, называя героя *Мобедомъ* и царемъ, а не *Моабодомъ* и шахомъ, какъ при передачѣ грузинской повѣсти. Онъ *Виро* „*Висраміани*“ именуется „*Вирой*“, *Зарди*—*Зардомъ*, *Гуль*—*Гуломъ*.

мѣсяца наединѣ съ возлюбленной, Раминъ получаетъ письмо отъ Мобеда, приглашающаго его къ себѣ въ Мидію, чтобы участвовать тамъ вмѣстѣ съ нимъ на охотѣ. Рамину велѣно привести съ собою и Вису. Поохотившись вдоволь въ теченіе мѣсяца въ Мидіи, Раминъ рѣшается отправиться для продолженія охоты въ провинцію Мукавъ, въ Арменію. Въ то же самое утро, когда Раминъ собирается выступить на охоту, кормилица пробирается въ спальню Мобеда и приглашаетъ Вису проститься съ Раминомъ. Но, Мобедъ, проснувшись, раздражается гнѣвными словами надъ обѣими женщинами. Однако, Виса не раскаивается; напротивъ, она вполне сознается въ своей любви къ Рамину предъ Вироемъ, своимъ братомъ и бывшимъ супругомъ, уговаривающимъ ее вернуться къ мужу и отказаться отъ своей любви къ Рамину. Пока дѣло не доходитъ еще до полного разрыва, и все остается по прежнему. Но разъ Мобедъ, возвратившись изъ Хузистана въ свою столицу, Мервъ, сидитъ на крышѣ своего дворца вмѣстѣ съ Висой.

Мобедъ, пользуясь случаемъ восхвалять предъ Висой всѣ прелести Мерва, доказываетъ своей супругѣ, какое счастье выпало ей на долю. Но Виса, въ порывѣ неудержимой страсти, прямо объявляетъ ему, что она рѣшительно не можетъ быть счастливой съ нимъ, ибо ея сердце исключительно принадлежитъ Рамину. Разгнѣванный царь проклинаетъ свою неблагодарную супругу и отпускаетъ ее къ ея матери. Вернувшись на родину, Виса въ *Махибадѣ*, столицѣ своей матери, проводитъ время въ тоскѣ и уныніи. Она „день и ночь сидѣла на балконѣ дворца, устремляя взоры свои на дорогу, ведущую въ Хорасанъ“.

Но и Раминъ, несмотря на торжественную клятву, данную имъ Мобеду, не въ состояніи побороть въ себѣ страстную любовь къ Висѣ. Вмѣсто того, чтобъ заниматься охотой и выбрать себѣ жену въ Кухистанѣ (125, 13), Раминъ спѣшитъ въ Мидію, гдѣ онъ то на охотѣ, то въ объятіяхъ Висы проводитъ семь мѣсяцевъ. Узнавъ объ этой измѣнѣ, царь Мобедъ рѣшается отомстить своему брату, но просьбамъ матери удается унять его гнѣвъ противъ брата и направить вражду Мобеда противъ ни въ чемъ неповиннаго *Вироя*. Но убѣдившись въ непричастности *Вироя* къ этому дѣлу, обманутый Мобедъ, выступилъ уже походомъ противъ перваго, опять прощаетъ свою вѣроломную жену и брата. Всѣ втроемъ, по возвращеніи въ Мервъ, живутъ тамъ спокойно нѣкоторое время.

Но подозрѣніе въ душѣ Мобеда опять пробуждается. Въ слѣдствіе этого, онъ предлагаетъ Висѣ окончательно поклясться въ вѣрности

огнемъ, на костръ въ присутствіи жрецовъ. Послѣ такой присяги Мобедъ обѣщаетъ ей никогда не вспоминать болѣе о горькихъ для него событіяхъ прошлаго. Но Виса, увидѣвъ пламя, поднимающееся до небесъ, и подозрѣвая Мобеда въ намѣреніи сжечь ее, уговариваетъ Рамина обѣжать съ ней. На этотъ разъ любящіе нашли пріютъ въ городѣ Рей, гдѣ они скрываются въ домѣ *Бехруза* [груз. Берозъ], сына Широа. Между тѣмъ, несчастный Мобедъ, тоскуя о потерѣ молодой жены, пускается въ тщетные поиски за ней. Тогда мать ея, извѣщенная Раминомъ объ его благополучномъ бѣгствѣ, заставляетъ Мобеда отказаться отъ всякой мысли о мести, обѣщая ему въ такомъ случаѣ свое содѣйствіе въ дѣлѣ возвращенія ему жены. Мобедъ съ радостью изъясляетъ свое согласіе, и Раминъ съ Висой опять переселяются въ Мервъ. Конечно, и на этотъ разъ любовныя отношенія между Висой и Раминомъ идутъ своимъ чередомъ: ихъ смѣлость доходитъ до того, что въ одну ночь Виса заставляетъ свою кормилицу занять ея мѣсто на брачномъ ложѣ, а сама отправляется къ своему Рамину. И на этотъ разъ счастье благопріятствовало Висѣ: такъ какъ несмотря на то, что Мобедъ проснулся и поднялъ страшный шумъ, подоспѣвшей Висѣ удалось убѣдить разъяреннаго мужа въ томъ, что всѣ его подозрѣнія объясняются чрезмѣрнымъ количествомъ вина, выпитаго имъ вечеромъ; довѣрчивый супругъ успокоивается. Нѣсколько времени спустя, царь Мобедъ отправляется въ походъ противъ римскаго императора. Распоряжаясь объ устройствѣ своихъ домашнихъ дѣлъ, онъ передалъ заботу о Висѣ своему брату, Зерду, заключивъ жену въ неприступной крѣпости. Въ войскѣ шаха находился и Раминъ. Но уже въ Гурганѣ Мобедъ отпустилъ своего заблѣвшаго брата, Рамина, который, вернувшись въ Мервъ и не оставивъ тамъ Висы, поспѣшилъ въ замокъ, гдѣ случала его возлюбленная. Извѣстивъ Вису о своемъ прибытіи пущенной въ крѣпость и намѣченной его именемъ стрѣлой, Раминъ съ помощью обѣихъ женщинъ пробирается въ твердыню и остается тамъ въ тайнѣ цѣлые девять мѣсяцевъ. Узнавъ о случившемся по возвращеніи своемъ изъ побѣдоноснаго похода, Мобедъ спѣшитъ къ замку; здѣсь гнѣвъ его сперва обрушивается на Зерда. Хотя Рамину удалось заблаговременно скрыться, но все-таки шахъ при входѣ въ комнату Висы замѣтилъ слѣды, указывавшіе на его бѣгство—веревку, по которой онъ, при помощи обѣихъ женщинъ, спустился внизъ. Не помня себя отъ ярости, шахъ избилъ до крови и Вису, и кормилицу. По возвращеніи въ Мервъ, въ душѣ Мобеда опять пробудилось чувство любви и раскаянія. Онъ велѣлъ призвать къ себѣ Вису, помиловалъ Рамина и, по случаю отъѣзда въ

Кабуль, передалъ даже ключи дворца коварной кормилицѣ. На этотъ разъ няня не уступила просьбамъ Висы, умолявшей ее впустить къ ней Рамина, заснувшего послѣ продолжительнаго скитанія по садамъ Мобеда. Тогда Виса сама спускается съ помощью своего покрывала на землю. Но Мобедъ, побуждаемый ревностью, возвращается въ Мервъ. Не заставъ въ саду убѣжавшаго Рамина, онъ рѣшилъ теперь покончить съ Висой, которую спасаетъ заступничество Зерда. Однако, примиреніе ихъ продолжалось не долго. Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ Кусанъ (пѣвецъ) воспѣвалъ въ присутствіи Мобеда любовь Висы и Рамина. Вслѣдствіе разыгравшейся по поводу этой пѣсни—разоблачающей въ совсѣмъ ужъ не двусмысленныхъ выраженіяхъ и словахъ незавидное положеніе Мобеда—перебранки и драки между царемъ и Раминомъ, послѣдній по совѣту мудреца, *Бихуи*, рѣшаетъ совсѣмъ повинуть царскій дворъ въ Мервъ. Мобедъ назначилъ брата намѣстникомъ надъ областями Рей, Гурганъ и Кушистанъ. Обѣзжая ввѣренныя ему провинціи, Раминъ остановился и въ Гурабѣ. Находясь на охотѣ вмѣстѣ съ вельможами, Раминъ встрѣчается дорогой съ красавицей Гуль, которой онъ предлагаетъ свою руку. Послѣ недолгаго колебанія Гуль изъявляетъ свое согласіе на это съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ (Раминъ), навсегда отказался отъ своей любви къ Висѣ. Царевичъ исполняетъ желаніе своей новой возлюбленной и въ письмѣ къ Висѣ объявляетъ ей о своемъ рѣшеніи порвать съ ней всѣ отношенія. Приведенная въ отчаяніе такимъ вѣроломствомъ любимаго человѣка, Виса отправляетъ къ нему свою кормилицу. Но Раминъ отвѣчаетъ бранными словами на всѣ ея увѣщанія. Тогда Виса поручаетъ своему довѣренному писцу Мухеину написать Рамину письмо, которое заставило бы его вернуться къ ней.

Между тѣмъ и въ любви Рамина къ Гуль произошло охлажденіе, и онъ опять сталъ думать о сближеніи съ Висой. Поговоривъ объ этомъ съ отцомъ Гуль, Раминъ уѣхалъ и направился по пути въ Мервъ. Дорогой *Азинъ*, посланный Висой, передалъ ему письмо ея, и радость Рамина не знала предѣловъ. Послѣ прибытія его въ Мервъ, примиреніе между Висой и Раминомъ состоялось, хотя не безъ придирокъ со стороны Висы, притворяющейся неумолимой и не впускающей во дворецъ невѣрнаго любовника, который стоялъ въ это время на морозѣ и метели. Лишь когда вышедшій изъ терпѣнія Раминъ собирается уѣхать, Виса протягиваетъ ему руку мира. Пробывъ цѣлый мѣсяцъ въ дворцѣ Мобеда, безъ вѣдома послѣдняго, Раминъ въ одну ночь тайкомъ уѣзжаетъ изъ Мерва и, остановившись на послѣдней станціи передъ столицей брата, на другой день торжественно въѣзжаетъ въ Мервъ.

Обрадованный возвращением брата, Мобедъ приглашает его участвовать съ нимъ на охотѣ, вмѣющей быть въ области Гурганъ. По совѣту кормилицы, Раминъ на этотъ разъ рѣшаетъ перейти къ насилію. Покинувъ почью царскій станъ, въ сопровожденіи 40 сподвижниковъ, Раминъ вмѣстѣ съ переодѣтыми въ женское платье товарищами присоединяется къ свитѣ Висы, возвращающейся какъ разъ изъ паломничества въ храмъ, гдѣ она принесла благодарственную жертву. Когда наступила ночь, заговорщики бросились на сторожей; во время схватки Раминъ убиваетъ собственноручно Зерда. Овладевъ Висой и сокровищами Мобеда, Раминъ отправляется въ области Дейлемъ и Гиланъ.

Прельщенные щедрыми подарками главари воинственныхъ обитателей этихъ странъ присоединяются къ его войску. Узнавъ объ открытомъ возстаніи брата, Мобедъ около города *Амула* располагается лагеремъ. Мобеду, однако, не было суждено пасть мертвымъ на полѣ брани: его убилъ дикій кабанъ, ворвавшійся въ лагерь и растерзавшій тѣло царя и его коня. Послѣ смерти Мобеда, какъ законный наследникъ его, Раминъ провозглашается царемъ. Онъ долгое время управлялъ государствомъ, расточая всѣмъ своимъ подданнымъ милости и щедрости. Послѣ смерти своей любимой Висы, Раминъ раздѣлилъ свое государство между своими двумя сыновьями, Хуршедомъ и Джемшедомъ, отдавъ первому восточную, а второму западную часть государства. Самъ же Раминъ отправился въ храмъ огнеповлонниковъ, гдѣ онъ и провелъ послѣдніе дни своей жизни въ молитвѣ и созерцаніи. Этимъ кончается персидскій романъ. Таковъ сюжетъ и грузинскаго перевода „Висраміана“ съ нѣкоторыми отличіями.

Какъ видно, конецъ этого разсказа не соотвѣтствуетъ нашимъ взглядамъ относительно развязки трагическихъ преступленій и искупленія ихъ. Сколько бы непоколебимая любовь Висы ни вызывала нашего сочувствія, однако нельзя отрицать, что торжество любящихъ надъ всѣми препятствіями, грозящими ихъ счастію, не вытекаетъ изъ ихъ нравственнаго перевѣса надъ другими лицами романа. Слишкомъ довѣрчивый, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабый и вспыльчивый, Мобедъ также не въ состояніи возбудить въ читателѣ чувство безусловной симпатіи. Хотя поэтъ и указываетъ на то, что Мобедъ, сосватавъ невѣсту до рожденія ея, вызвалъ противъ себя гнѣвъ небесъ, но онъ выставляетъ этого царя скорѣе въ смѣшномъ, чѣмъ въ трагическомъ положеніи. Съ другой стороны, какъ Виса, такъ и Раминъ отличаются также ловкостью во лжи и для достиженія своихъ цѣлей прибѣгаютъ къ такимъ средствамъ, что и наше сочувствіе въ нимъ страдаетъ отъ

этого. Отлично охарактеризована старая кормилица Висы, помощница и советница любящей четы. Это прекрасная, типичная представительница тѣхъ коварныхъ характеровъ, которыми такъ богата персидская исторія всѣхъ временъ. Самой симпатичной фигурой въ романѣ является Зердъ, братъ Мобеда. Онъ отличается и личной храбростью, и преданностью своему брату. Впрочемъ, онъ въ самомъ разсказѣ занимаетъ только второстепенное мѣсто.

Главное достоинство поэмы Гургани, заключается въ ея значеніи для исторіи культуры древней Персіи. Шахъ-намэ знакомить насъ почти исключительно со внѣшней стороной персидской жизни древнихъ временъ; въ романѣ о приключеніяхъ „Висы и Рамина“ битвамъ и политическимъ дѣламъ отведено менѣе мѣста,—въ немъ преобладаетъ идиллическій элементъ и лиризмъ. Въ Шахъ-намэ женщины въ сравненіи съ мужчинами отступаютъ на задній планъ; въ „Висѣ и Раминѣ“, напротивъ, главнѣйшую роль играютъ женщины, анализу женскаго сердца поэтъ посвящаетъ свои лучшія силы. Образъ жизни и вообще внѣшняя обстановка нравовъ въ „Висѣ и Раминѣ“ тѣ же, что въ Шахъ - намэ. Иранскіе герои въ мирное время проводятъ свои досуги на охотѣ и за виномъ, въ любовныхъ приключеніяхъ и при звукахъ музыки. Какъ представитель настоящаго персидскаго вельможи, Раминъ воплощаетъ въ себѣ и типъ жуира; онъ не только смѣлый охотникъ, но и поклонникъ вина, женщинъ и музыки.

„То я съ гепардами ловлю туровъ и сайгъ, то я съ соколами ловлю куропатокъ и рябчиковъ: выгнавъ горнаго олена изъ горъ, я натравливаю на равнинѣ на него гепарда—я испытываю соколовъ противъ фазановъ—я спускаю псовъ противъ туровъ“.—Еще лучше обрисовывается образъ жизни Рамина въ слѣдующихъ стихахъ:

„Не скажешь ли ты, что ты именно видѣла въ Раминѣ такого, за что ты его предпочла всѣмъ? Въ казнѣ его что держитъ его казначей—кромѣ вина, пѣсни, арфы и гитары? Только онъ и знаетъ, что играть на гитарѣ, припѣвая на разные лады. Не видятъ его, иначе какъ въ пьяномъ и разгульномъ настроеніи, продающимъ свое платье изъ-за вина? Жиды—вотъ его товарищи, и друзья—постоянно обираютъ его продажей вина“. Раминъ самъ сочиняетъ стихи и въ текстѣ довольно часто попадаются изліянія его музы. Приведемъ изъ нихъ въ видѣ образчика одно мѣсто, отличающееся поэтическимъ чувствомъ.

„Теперь я направляюсь по дорогѣ къ милой—если я умру—то я умру на пути; мою могилу поставятъ на краю дороги—весь свѣтъ

узнает о моей судьбѣ; и странникъ, увидѣвшій мой прахъ, присядетъ на нѣкоторое время при моемъ прахѣ, узнавъ о моей судьбѣ, онъ проститъ меня и добромъ вспомнить имя мое (говора): Онъ былъ странникомъ, онъ истомился отъ разлуки — да помилуетъ Богъ душу его^а.

За исключеніемъ, конечно, введенія, посвященнаго мусульманскому царю и вслѣдствіе этого носящаго мусульманскій колоритъ, въ „Висѣ и Раминѣ“ преобладаютъ персійско-зороастрійскія воззрѣнія. Такъ, въ этомъ романѣ встрѣчается бракъ между братомъ и сестрой. Притомъ небеснымъ свѣтиламъ, вліяніе которыхъ на судьбу людей играетъ столь видную роль въ Шахъ-намѣ, и въ поэмѣ Гургани отведено выдающееся мѣсто: въ самомъ введеніи рассказывается, что планеты состояли, такъ сказать, министрами царя Мобеда; въ числѣ другихъ планетъ упоминается и Меркурій, подвижная планета, исполнительница приказовъ царя.

Сводѣнія, совѣты астрологовъ и вліяніе звѣздъ на происшествія обыденной жизни играютъ довольно значительную роль.

Къ характернымъ признакамъ иранства принадлежатъ то свойство очистительной силы, которое приписывается огню въ „Висѣ и Раминѣ“. Мобедъ предложилъ Висѣ доказать свою вѣрность ему влятвой, принесенной ею предъ огнемъ.

Тоже самое относится и ко вліянію дурного глаза, довольно часто упоминаемаго въ „Висѣ и Раминѣ“. Нужно упомянуть о другомъ родѣ колдовства, которымъ няня лишила Мобеда его силы. Она сковала два талисмана, составленные ею изъ металла, по внушенію злаго духа; пока такой талисманъ остается въ водѣ, сила лица, подвергавшагося околдованію, считается парализованной. Только въ томъ случаѣ, если желѣзо, связывающее оба талисмана, расплавляется огнемъ, заколдованное лицо опять вступаетъ въ полное обладаніе своей силой.

Арабско-мусульманское вліяніе отражается до нѣкоторой степени на „Висѣ и Раминѣ“. Всѣ мусульманскія вставки, конечно, принадлежатъ исключительно Гургани, т. е. не входили въ содержаніе пехлевійскаго оригинала. Этотъ пехлевійскій источникъ романа о „Висѣ и Раминѣ“ пока не встрѣчается въ спискахъ пехлевійскихъ книгъ, дошедшихъ до насъ.

Въ предисловіи поэтъ отвѣчаетъ на распросы своего покровителя Абулфахта о „Висѣ и Раминѣ“, что это дѣйствительно повѣсть, отличающаяся рѣдкой красотой:

„Но языкъ его пехлевійскій—не каждый, который читаетъ на немъ, умѣетъ объяснить его содержаніе, не каждый человекъ хорошо читаетъ на этомъ языкѣ, а если онъ (даже) читаетъ, онъ не понимаетъ смысла“.

Не смотря на персидскій духъ, господствующій въ „Висѣ и Раминѣ“, по крайней мѣрѣ въ предлагаемой формѣ, все таки можно допустить возможность, что этотъ рассказъ проникъ въ Персію извнѣ, а именно изъ Индіи. Конечно, такого предположенія еще не доказываетъ одно упоминаніе индійскихъ мѣстностей или растений, встрѣчаемыхъ и у другихъ персидскихъ писателей ¹⁾. Но такъ какъ съ одной стороны суть нашего романа о „Висѣ и Раминѣ“ не имѣетъ ничего общаго съ древне-иранскими эпическими сказаніями и главныя дѣйствующія лица его не причастны ни къ сказаніямъ, ни къ мифологии древнихъ иранцевъ,—а съ другой стороны рассказъ въ общихъ чертахъ совпадаетъ съ содержаніемъ Тристана и Исольты, бар. Штапельбергъ, несмотря на полнѣйшую иранизацію въ общемъ строѣ этой поэмы, склоненъ предположить, что общій источникъ какъ персидскаго, такъ и западнаго рассказа находился въ Индіи. Вѣдь, извѣстно, что Индія снабдила и Азію и Европу неисчерпаемымъ запасомъ сказокъ и поэтическихъ сюжетовъ ²⁾.

Что касается до языка грузинской повѣсти „Висраміани“, то въ немъ замѣтны архаизмы: несмягченные звуки *z*, *m*, вмѣсто современныхъ *z̄* и *m̄* (гурдгели, тилисма, вм. гурдгели, тилисма). Смягченное *u* въ *v*—*guagi* вм. *gvagi*. Вопросъ выражается чрезъ присоединеніе къ концу глагола звука *a* (проеа). Пило вм. спило (слонъ). Любопытныя сокращенныя формы повелительнаго наклоненія: *тое*, *тсае*, вм. *тowed*, *тсавед*. Усѣченный видъ *ешма*, какъ у Руставели, вм. нынѣшняго *ешмаки* (дьяволъ). Слѣдуетъ отмѣтить упоминаніе (стр. 128) о Соломонѣ и Балави (Балавара?), Амранѣ, Курѣ. Эги имена должны быть внесены грузинскимъ переводчикомъ „Висраміани“.

Сравненіе грузинской повѣсти съ персидской поэмой безусловно свидѣтельствуетъ ³⁾ о переводѣ первой съ персидскаго (пеглевійскаго?) языка. Такъ, на страницѣ 128 читается: „Хварасмъ на пе-

¹⁾ Въ „Висѣ и Раминѣ“ рассказывается также, что мать Зерда, брата Мобеда, была родомъ изъ Индіи (стр. 146, 2 сл.).

²⁾ По мнѣнію *Ethé* (*Essays und Studien*, Берлинъ. 1872) „Висраміани“ представляютъ параллель къ кельтскому рассказу о приключеніяхъ Тристана и Исольты, воспѣтыхъ древне-нѣмецкимъ поэтомъ Готфридомъ Страсбургскимъ.

³⁾ См. мою статью въ „Моамбѣ“ 1896 г., июнь.

глевійскомъ языкѣ означаетъ пріятную и плодосную страну⁴. На стр. 3 грузинскій текстъ прямо заявляетъ, что 'Пахпуръ (=Гургани) передалъ пехлевійскій [прозаическій] рассказъ въ размѣренной рѣчи на персидскомъ языкѣ. Это мѣсто ясно говоритъ, что грузинскій переводъ восходитъ къ персидскому изложенію пехлевійской повѣсти. Но грузинскій переводчикъ, повидимому, не имѣлъ предъ собою той редакціи поэмы, которая издана въ Кальвуттѣ. Онъ пользовался другой *прозаической* редакціей повѣсти о Висѣ и Раминѣ. Это явствуетъ изъ сходства общаго хода разсказа и значительнаго отступленія ихъ въ подробностяхъ и географическихъ названіяхъ. Мы приводили параллельныя мѣста на стр. 180, 182, 185, 192 и др., отличающія грузинскій переводъ отъ персидской поэмы Гургани. Такъ, въ персидской поэмѣ¹⁾ не находимъ именованія тѣхъ владѣній Моабада, которыя упоминаются въ грузинскомъ „Висраміани“. „Былъ великій и славный царь Адрабагана и всѣхъ племень и странъ владѣтель и громадныхъ сокровищъ обладатель. Владычествовалъ надъ Хорасаномъ, Туркестаномъ, Эракомъ, Адрабадаганомъ, Коистаномъ, Хваразмомъ“... Нѣкоторыя имена гостей на пиру у Моабада даны въ грузинской повѣсти въ болѣе архаичной формѣ: таковы—Диниргесъ и Зарнигесъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ грузинскій текстъ лаконичнѣе персидскаго, какъ видно изъ сравненія нѣмецкаго перевода Гургани съ Тмогвели:

Graf, 382.

Sieh' wie viel Unglück sie heraufbeschworen,
 Dass sie vermählten die noch nicht geboren!
 Des Dunkelfarb'gen hat viel die Welt,
 Was dem Verstande schwer zu bill'gen fällt.
 Was das Geschick von Knoten weiss zu schlingen
 Kann dem Verstand zu lösen nicht gelingen.
 Sieh wie ein Netz es legte wunderbar,
 Dass drin sich fing ein solcher König gar!
 Es weckt'in seinem Herzen des Verlangen,
 Zur Eh'die Ungeborne zu empfangen;
 Nicht wachte der Verstand ihm offenbar,
 Dass Unglück ihm die er nur gebar.

Висраміани, 8. Смотри, какую скорбь оба обрѣтутъ: тотъ не рожденную сосваталъ, а мать нерожденную выдала замужъ. Дѣянія судьбы и ея коварства безчисленны. Судьба такими узами свяжетъ, что тысяча умовъ не развяжутъ, — такъ воспламенился тогда Моабадъ, что онъ на нерожденной женился.

¹⁾ Ее я имѣлъ возможность сравнить съ груз. повѣстью при содѣйствіи проф. Ө. Е. Борша, которому приношу искреннюю признательность.

Очевидно, персидский поэт больше разглагольствовалъ, быть можетъ вынужденный потребностями стиха, а грузинский переводчикъ строго держался персидскаго прозаическаго оригинала, который легъ въ основаніе и поэмы Гургани.

Сравнимъ еще бесѣду Рамина съ красавицей Гуль по груз. и персид. тексту.

Graf, 421.

O Mond, sprach der erlauchte Râmfîn dann,
 Gib deinen Namen deinen Stamen mir an;
 Wie heissest du und welcher ist dein Haus?
 Wählst du zum Gatten oder nicht mich aus?
 Will Einer ehlich Sich mit dir verbinden,
 Wie viel will Mitgift deine Mutter finden?
 Wer ist in Gurâb deines Vaters Weib?
 Ist unberührt noch oder nicht dein Leib?
 Bezahlt man deinen Zucker mit dem Leben,
 Fürwahr gar wohlfeil wurd' er noch gegeben.
 Wie Honig zuckersüss sind deine Lippen:
 O sprich, wer darf von diesem Zucker nippen?
 Wie Keinem sich verbirgt der Sonne Licht,
 So bleibt verborgen auch die Liebe nicht.
 Drauf sprach zu ihm die wortbegabte Sonne,
 Der Engel, die Peri voll Reiz und Wonne:
 Woll darf ich offen meinen Namen nennen;
 Und wer ich bin, darf Jedem ich bekennen;
 Rufaida und Gohar sind Eltern' mir,
 Bekannt durch gutten Ruf im Lande hier;
 Mein Bruder fuhr der Grenze Wehr im Feld
 In Azerbâigén als tapferer Held!
 Da unter Rosen ich das Leben fand,
 So wurde duft'ge Rose ich genannt;
 Belobt der Staum der mir das Dasein gab,
 Von Hamadân stamm'ich und von Gurâb.
 Ich bin bestrahlt von ros, gem Duft und Licht
 Ich heisse Rose, rosig mein Gesicht.

Висрамиани, 258—9.

О луна, скажи только, какое имя ты носишь или изъ какой фамилии? Отдала ты кому себя или еще нѣтъ? Желаешь меня мужемъ или нѣтъ? Кто женится на тебѣ, съ него какую плату требуютъ твои родители? За какую цѣну ты отдаешь поцѣлуй? Если даже требуешь 1000 душъ, то и ихъ не жалѣю. Въ отвѣтъ сказала глаголющее солнце и воплощенная статуя (Бути): Какъ нельзя скрыться солнцу, такъ нельзя скрыть моего имени. Я не хочу сказать, что я изъ простыхъ. Мать моя Гопаръ, а отецъ Рафедъ, владыка этого цар-

ства, а братъ мой владѣтель Адрабадагана. У меня братьевъ много, и всѣ голафы, богатыри и по происхожденію, и добродѣтелями, мы извѣстны и славны, по матери и отцу мы безупречны. Одинъ изъ Гораба, а другая изъ Аміани. Я сама называюсь „Гуль“ (роза), розовая согласно имени, любимая какъ роза и пахучая какъ роза.

Итакъ, сравненіе показываетъ что риторическія украшенія и обиліе фразъ составляютъ преимущественную черту персидской поэмы.

Повѣсть „Висраміани“ сопровождается вставками нравоучительныхъ изреченій, которыя приводятся въ рубрикахъ подъ *араки* (разсказъ) и *шегонеба* (наставленіе). Изреченія эти являются результатомъ продолжительныхъ наблюденій, плодомъ житейской мудрости. „Когда предстоитъ засуха, то признаки ея еще зимою замѣтны становятся“. Это *араки*. Тутъ же приводится „шегонеба“, характеръ которой представляетъ параллель *араки*: „что стрѣла не попадетъ въ цѣль, можно видѣть по натянутому луку; какое дерево принесетъ мало плода, проявится еще во время весенняго расцвѣта“. Нравоученіе—„ѣшь пей, веселись, раздавай, чтобы имя оставить.—Человѣка въ лихорадкѣ пощажать, а влюбленный изъ году въ годъ томится въ огнѣ, но никто его не провѣдаетъ.—Женщина разъ соблазненная, похожа на взнузданную лошадь“. Моабадъ высказываетъ *араки*: „женщины болѣе склоняются къ страсти, чѣмъ къ имени; онѣ рождены несовершенными“. Отрицая добродѣтели въ женщинѣ, авторъ рисуетъ внѣшнюю красоту послѣдней въ преувеличенныхъ краскахъ: „Виса сидѣла, какъ солнце на тронѣ, съ ногъ до головы была разодѣта въ жемчугъ и драгоценныя камни. Предъ ней всѣ красавицы казались безобразными. Благоухающее дыханіе ея способно было воскресить мертвого, изо рта исходилъ ароматъ мускуса, на устахъ словно сіялъ цвѣтникъ розъ“. Такое же описаніе *общими мѣстами* встрѣчается въ повѣсти относительно Шахро и Гули. Авторъ скептически относится къ земному счастью: „о, судьба,—воскликаетъ онъ,—ты недолговѣчна! Я не вѣрю твоей жалости“. Взгляды его ярко высказываются въ перепискѣ Висы и Рамина. Онъ здѣсь достигаетъ тонкаго знанія человѣческаго сердца, анализируя душевное состояніе несчастно влюбленныхъ. „Сердце мое,—пишетъ Виса Рамину,—ищетъ тебя ежеминутно, какъ больной выздоровленія“. Впадая въ восточный гиперболизмъ, Виса продолжаетъ: „когда вижу солнце или луну, мнѣ вспоминается твой ликъ, гдѣ увижу розу, цѣлую ее жадно, видя въ ней отраженіе твоихъ ланитъ, на зарѣ дуновеніемъ фіалки услаждаюсь я измученная горемъ, говорю: это дыханіе моего возлюбленнаго... Но ты столь любезный и ласковый во снѣ, зачѣмъ такъ наиву безжалостенъ и неумолимъ!“ (292—3). Въ девятомъ письмѣ она же пишетъ: „сердце у меня объято пламенемъ,

а душа чадомъ. Каждый вечеръ падаю ницъ предъ Господомъ и оплакиваю свою участь, и стонъ мой возносится до небесъ, звѣзды внимаютъ воплямъ моимъ; рыдаю, какъ весеннее облако, гогочу, какъ горная куропатка, обливаю слезами ночной мракъ, рою землю до спины рыбы, на которой вселенная держится, ропщу, какъ море во время бури, трепещу, какъ ива отъ вѣтерка..." (311).

Изъ всѣхъ выше отмѣченныхъ особенностей грузинскаго перевода 'Пахлура „Висраміани“ сравнительно съ поэмой о „Висѣ и Раминѣ“, написанной Гургани, позволительно заключить, что „Висраміани“ никакъ не можетъ быть названъ *буквальнымъ* воспроизведеніемъ персидской обработки, отъ которой прежде всего онъ отличается прозаической формой изложенія. Грузины такъ уважали стихотворную размѣренную рѣчь, прибѣгая къ ней даже въ сочиненіяхъ религіозныхъ и историческихъ, что не вѣрится въ воздержаніе отъ соблазна передать по-грузински стихами же поэму о Висѣ и Раминѣ, если только въ этомъ видѣ она была извѣстна переводчику. Вѣдь, переводили же на грузинскій языкъ въ стихахъ, хотя сокращенно, произведенія Фирдоуси, Низами, Аввари Ссхаили и др.,—почему же въ данномъ случаѣ предположить отступленіе отъ оригинала? Въ виду этихъ соображеній и фактовъ, вскрывающихся въ повѣсти о Висѣ и Раминѣ на персидскомъ и грузинскомъ языкахъ, мы заключаемъ, что грузинскій переводъ сдѣланъ съ недошедшаго до насъ прозаическаго персидскаго разсказа, который былъ своеобразно разукрашенъ поэтомъ Гургани.

Достоверно неизвѣстно, кто перевелъ на грузинскій языкъ повѣсть о Висѣ и Рамина. Хотя этотъ трудъ приписывается Саргису Тмогвели, но онъ считается, по Руставели, авторомъ недошедшей „Диларіани“.

Д и л а р і а н и.

По увѣренію царевича Теймураза авторъ *Диларіани*, Диларгетъ Саргисъ Тмогвели, о которомъ говорятъ Ш. Руставели въ послѣдней строфѣ своей поэмы, былъ государственнымъ ⁴⁾ секретаремъ царицы Тамары. Тмогви крѣпость и городъ лежитъ въ Ахалцихской области. Онъ воспѣлъ витязя Дилара въ книгѣ „Диларгетіани“. Диларъ былъ

⁴⁾ *Вахушти*, Исторія, 204, называетъ Саргиса Тмогвели, отправляющагося по порученію царицы Тамары, противъ Зузана, который захватилъ Тао, Кари и Вашловани. По лѣтописи же Саргисъ Тмогвели продолжаетъ служить при преемникахъ царицы Тамары—Георгіи, Русуданѣ и Давидѣ. Карлацъ Цховреба его называетъ „ученымъ, философомъ и риторомъ“. (I, стр. 297, 320, 375, 378, 380, 399).

сильный и знатный юноша изъ рода Гети или Гети. „Диларіани“ была славная книга, написанная Саргисомъ (Сергіосомъ), но послѣд- нему принадлежать и другія сочиненія, какъ напр. „Висраміани“—худо- жественное по языку созданіе ¹⁾).

Царевичъ Теймуразъ приписываетъ въ этой замѣткѣ созданіе „Висраміани“ Саргису Тмогвели ²⁾, которому можетъ принадлежать только перенесеніе его на грузинскую почву. Другое замѣчаніе, которое вызывается комментариемъ ученаго царевича, касается фамилии Сар- гиса Тмогвели. Теймуразъ предлагаетъ, чтобы открытъ родъ писателя, раздѣлить слово „Диларгети“ на двѣ части, причемъ первой считаетъ Дилар, а второй—Гет: толкованіе стиха Ш. Руставели сводится къ тому, что Геть (фамилія) Саргисъ (имя) Тмогвели (мѣсто рожденія) *прославили* Дилара, при чемъ онъ увѣряетъ, что Гетишвили и нынѣ известная фамилія въ Ахалцихской области, увѣреніе, нами за незна- хоженіемъ подтвержденій, не принимаемое. Такое дробленіе „Диларгет“ вызывается двумя соображеніями: необходимостью параллелизма въ сти- хахъ Ш. Руставели и требованіемъ грамматики: „Мосе Хонели воспѣлъ Амирая Дареджаніани, Шавтели, котораго поэзію хвалятъ, воспѣлъ Аб- дуль Месію, Диларгети ³⁾—Саргисъ Тмогвели неослудѣваемымъ язы- комъ“. Причемъ Диларгети и Саргисъ Тмогвели стоятъ въ дательномъ п. Но такое толкованіе „Диларгетіани“ или „Диларіани“, являясь весьма остроумнымъ, не можетъ быть ничѣмъ подкрѣплено. Если герой име- новался „Диларіани“, то объясненіе второй части этого имени цар- вича Теймураза совершенно падаетъ. Антоній I, ученый католикосъ въ своемъ „Мѣрномъ словѣ“ (803) ⁴⁾, называетъ героя разбираемой повѣсти Диларгетомъ. Саргисъ,—говоритъ онъ,—подобно Шотѣ, лю- битель мудрости, философъ, славный риторъ, достойный похвалы поэтъ. Самъ Шота говоритъ, что Саргисъ воспѣлъ Диларета, онъ за- служиваетъ славы за свои сочиненія. Этимологія „Дилар“ персидская: *дил*—сердце и *гет*—нищій.

¹⁾ Мое письмо въ Иверіи, 1892, № 17. Нѣсколько словъ о рукописномъ толкованіи „Барсовой кожи“ царевичемъ Теймуразомъ.

²⁾ Одинъ каталогъ, по словамъ Броссе, сообщаетъ: „Висраміани сочинен- ное при царицѣ Тамарѣ Диларгетомъ, мудрымъ тавадомъ [княземъ] изъ Саата- баго, Mel. Asiat, VIII, 424.

³⁾ Нѣкоторыя рукописи даютъ „Диларгет“ другія „Диларгетъ“, одна на- рижская рукопись невѣроятное чтеніе *Диларел. Brosset. Mél. Asiat. VIII, 422, пр.*

⁴⁾ Изд. П. Иосселиани. Тифлисъ. 1853.

Авторъ „Диларгетіани“, по замѣчанію издателя „Мѣрнаго слова“, умеръ въ 1190 г. Поэма его для насъ утрачена и восстановленная въ началѣ этого столѣтія Петромъ Ларадзе „Диларіани“ не даетъ указаній о происхожденіи автора „Диларгетіани“. Параллелизмъ же въ стихѣ Руставели требуетъ пониманія: „Гетъ Саргисъ изъ Тмогви воспѣлъ Дилара“.

Приводимъ краткое содержаніе *Диларіани*.⁵

I. Былъ ¹⁾ именитый царь въ странѣ Абашетской (Абиссинія или Индія). Милость, справедливость и могущество покорили ему много народностей. Жители наслаждались общимъ миромъ и разными удовольствіями [пѣніемъ, музыкой, гимнастикой]. Столицей его былъ городъ Маргаритъ съ золотыми и серебряными дворцами и обтекаемый 4 рѣками. Установилъ царь обычай въ день своего рожденія раздавать жителямъ богатые дары и въ три года разъ обновлять составъ арміи, оставляя безпомощныхъ вмѣстѣ съ нищими и больными въ страннопріимныхъ домахъ. Слухъ объ его щедрости и заведенныхъ благодѣтельныхъ для народа порядкахъ дошелъ до царей отдаленныхъ странъ, и они прониклись желаніемъ видѣть благославаемого всѣми повелителя „сильной монархіи“. Жителей онъ не обременялъ податями, а пользовался для государственныхъ доходовъ тѣмъ жемчугомъ, который выбрасывало ему собственное море. Улицы его столицы были обсажены драгоцѣнными деревьями, листья и стволы которыхъ были сдѣланы изъ яхонта и изумруда. На нихъ чудныя птицы днемъ и ночью распѣвали разнообразныя пѣсни. Столь счастливымъ царемъ разъ овладѣло сознаніе, что онъ одинокъ, и нѣтъ у него достойной подруги. Для разсѣянія тоски онъ собрался въ сопровожденіи большой свиты на охоту и послѣ удачнаго истребленія звѣрей и птицъ онъ празднуетъ побѣду въ роскошныхъ палаткахъ, разукрашенныхъ портретами царей и философовъ и окруженныхъ рѣдкимъ садомъ по своимъ фруктовымъ деревьямъ, бассейнамъ и пахучимъ цвѣтамъ, но не находя среди избранныхъ дамъ-гостей приличную для трона дѣву, онъ съ тоскою въ сердцѣ отправляется на охоту въ болѣе дальнія страны. Здѣсь, въ лѣсу онъ встрѣчаетъ одного юношу, громко рыдающаго надъ портретомъ одной красавицы. Царь Диларъ-Мдзлевели [т. е. побѣдоносецъ] приблизился къ нему и сталъ разспрашивать юношу о постигшей его судьбѣ. Тотъ ограничился молчаливымъ выраженіемъ благодарности. Диларъ сталъ его успокаивать,—совершилъ съ нимъ охоту, и убивъ сто слоновъ, при-

¹⁾ Объ отрывкахъ изъ „Диларіани“, внесенныхъ въ „Амиранъ-Дареджаниани“ см. у меня выше.

были домой вмѣстѣ, гдѣ устроили торжественный пиръ. Царь велѣлъ визирямъ и своимъ приближеннымъ подчиняться юношѣ, какъ своему владыкѣ. Юноша оказался Нушерваномъ—царевичемъ, сыномъ Финеза, владѣтеля великаго Мкинвари („страны холода“ или сѣвера). Прежде чѣмъ сказать что-либо о себѣ, царевичъ сталъ лить слезы, прося помощи у Дилара. Всѣ присутствующіе прониклись къ нему чувствомъ жалости.

II. Нушерванъ былъ отданъ, по его словамъ, отцемъ его на воспитаніе визирю Ефосу. Вмѣстѣ съ царевичемъ росъ сынъ визиря Ларосъ. 15 лѣтъ царевичъ превосходилъ всѣхъ въ охотѣ и ловкости. Слухъ объ его славѣ далеко распространился. Разъ на возвратномъ пути съ охоты онъ встрѣтилъ человѣка, который вручилъ ему письмо и портретъ прекрасной дамы, овладѣвшей всѣмъ его сердцемъ. Изъ письма онъ узналъ, что неизвѣстная красавица приглашаетъ его къ себѣ. Податель посланія объяснилъ, что онъ рабъ владѣтеля Британіи (!). Дворецъ британскаго повелителя осаждаютъ многіе царевичи, состязающіеся съ британскими героями („бумбуразами“), прося руки царевны, но послѣдняя слышала о Нушерванѣ и не хочетъ имѣть никого мужемъ кромѣ него. Нушерванъ, посмотрѣвъ на портретъ, упалъ въ обморокъ и, пришедши въ сознаніе, спросилъ гонца, не поздно ли будетъ ему отправиться въ Британію. Получивъ отвѣтъ, что крѣпость царевны взять трудно, онъ вернулся домой и немедленно созвалъ совѣтъ вельможъ. Воспитатель его, визирь, сталъ отговаривать отъ опаснаго предпріятія, но царевичъ упорствовалъ и упросилъ его взять у отца разрѣшеніе отправиться. Царь долго отказывалъ, но потомъ согласился. Нушерванъ съ 30.000 отборнымъ комплектомъ юношей пускается въ поиски за красавицей, въ сопровожденіи Лара [Ларосъ] Отправивъ письмо къ ней чрезъ присланнаго ею же гонца съ извѣщеніемъ о прибытіи въ Британію, онъ получаетъ отъ нея любвеобильный отвѣтъ и кольцо въ знакъ дружбы. Царь Британіи, узнавъ о появленіи въ его предѣлахъ царевича Мкинварскаго, прислалъ ему сказать чрезъ своего визиря, что Нушерванъ напрасно будетъ пытаться завоевать сердце его дочери,—овладѣть ею не такъ легко, какъ онъ привыкъ избивать дикихъ звѣрей. Отецъ царевны предлагаетъ царевичу лучше испробовать свои силы въ борьбѣ съ его витяземъ Рамишиномъ. Царевичъ согласился, и въ ту же ночь получилъ тайное приглашеніе отъ царевны явиться къ ней. Первая встрѣча, подобно свиданію Таріеля съ Нестапъ-Дареджаной, кончилась молчаливой сценой: юноша былъ пораженъ молніеносными ся взглядами и не могъ поднять взора на „спустившуюся“ съ неба луну, увѣчанную короною,

облеченную въ порфиру. Посидѣвъ немного, онъ получилъ предложеніе отъ фрейлины царевны оставить послѣднюю сегодня въ покоѣ, такъ какъ она не въ состояніи говорить. Юноша съ грустью подчинился этому приказу, а ночью получилъ отъ нея для предстоящей борьбы съ британскимъ витяземъ дротикъ (Ср. zuripі вѣ „Русуданіани“). Въ бою, происходившемъ въ присутствіи царя и его свиты съ подданными, успѣхъ состязанія долго колебался и, наконецъ, съ помощью „того дротика“ пробилъ спиву онъ „спасалару Рамшинину“, а послѣ него, одолѣвъ еще сто витязей, къ вечеру вернулся домой. Ночью на свиданіи съ царевною юноша получилъ въ награду за побѣду цвѣты, сладкіе фрукты и платошь для перевязки легкой раны, но въ утру, повлывшись ей въ готовности изъ-за нея сразиться со всѣми британскими витязями, онъ повинулъ ее, не рѣшившись при всемъ страстномъ желаніи приложиться къ ея ручкѣ. Британскій владѣтель, огорченный смертью своего спасалара, вызвалъ юношу къ бою съ витяземъ Баигаспомъ. Нушерванъ богато одарилъ присланнаго по этому поводу человѣка и изъявилъ согласіе. Гулнази присылаетъ ему каску и кольчугу чрезъ гонца Море. При звукахъ музыки происходитъ бой, побѣдителемъ остается *Нушерванъ*. Изъ объясненія съ Гулнази Нушерванъ узналъ, что британскій владѣтель не хочетъ выдавать своей дочери за него, такъ какъ отецъ царевича объ этомъ ничего не пишетъ, а царевну принуждаютъ отказаться отъ слова, даннаго избраннику ея сердца. Но она клянется ему въ вѣчной любви и разрѣшаетъ ему себя поцѣловать, чтобы это лобзаніе поддержало ее въ предстоящей борьбѣ съ Гальскимъ царевичемъ Бурбономъ (!), предъ началомъ которой она прислала ему хорошаго кова. Бурбонъ, возбудившій восторгъ своей красотой и ловкостью въ присутствовавшихъ на состязаніи предъ выходомъ Нушервана, былъ убитъ послѣднимъ, а впослѣдствіи съ подобающими царю почестями оплаканъ и положенъ въ гробъ. Царевна наградила побѣдителя новымъ позволеніемъ поцѣловать себя, и когда царевичъ въ огнѣ блаженства и страстнаго желанія овладѣть ею встрѣчаетъ отпоръ съ ея стороны, онъ впадаетъ въ обморокъ и приводится въ чувство возлюбленной красавицей. Онъ получаетъ отъ нея прощеніе и совѣтъ ждать до законнаго бракосочетанія, а пока воздерживаться отъ кровопролитія въ состязаніяхъ съ царевичами, которыхъ британскій владѣтель предполагаетъ выставить противъ него. Она желала бы, чтобы онъ, не убивая противниковъ, только одерживалъ надъ ними верхъ. Выпивъ чашу вина и съѣвъ фрукты изъ ея рукъ, царевичъ далъ слово строго слѣдовать ея приказу.

Визирь отъ имени британскаго владѣтеля требуетъ новаго со-

стязанія Нусервана съ польскимъ царемъ Гоһаромъ. Нусерванъ былъ тутъ раненъ въ голову, но послѣ сильнаго столкновенія польскій король былъ сброшенъ съ коня съ переломленнымъ плечомъ. Нусерванъ пробирается въ его палату, приставляетъ къ нему врачей и такъ они сближаются, что расстаются любезными друзьями. Гоһаръ по выздоровленіи устроилъ пирь, на который былъ приглашенъ и Нусерванъ. Когда былъ выпитъ тостъ за царевну Гулнази (т. е. „вѣжная сердцемъ“), прибыли послы отъ британскаго владѣтеля, который требовалъ, чтобы Нусерванъ вступилъ заразъ въ бой съ тремя царевичами, его конкурентами. Съ горя, такъ какъ получилъ отъ царевны письмо съ упрекомъ въ равнодушія къ ней, юноша согласился, а вечеромъ пришла къ нему Роадомя, воспитательница красавицы, которая его успокоила и пригласила къ возлюбленной.

Царевна приняла его благосклонно и напомнила о необходимости сразить трехъ царевичей испанскаго Перлориса, американскаго (?) Фортуны и австрійскаго Итали. Хотя первый бросилъ въ него копье, второй мечъ, а третій стрѣлу, но Нусерванъ только получилъ раны, а тѣ сброшены съ коней и побѣждены. Новое приглашеніе къ Гулнази и наслажденіе ея лобзаніемъ были наградой Нусервану. Слѣдующій бой съ британскимъ спасаларомъ, Бардасомъ, кончается также въ пользу царевича Мкинварскаго и увѣнчивается полнымъ блаженствомъ на свиданіи съ царевной. Она объявляетъ ему о существованіи города циклоповъ, который защищаютъ горы и обтекаютъ четыре огненные рѣки. Тамъ живетъ и самъ Вулканъ, а пробраться туда удалось ея отцу, по пораженіи одного именитаго героя, который и посовѣтовалъ британскому владѣтелю испытать свои силы въ борьбѣ съ циклопами. Долго пришлось отцу царевны тщетно стоять у огненныхъ рѣкъ. Разъ когда купцы, зная моментъ ослабленія огня, пробирались въ городъ, владѣтель британскій въ купеческомъ одѣяніи пробрался за ними, вызвалъ горожанъ къ бою, побѣдилъ ихъ и процарствовалъ надъ ними три года. По оставленіи ея отцомъ города, жители укрѣпили послѣдній вооруженными людьми, и теперь предлагается Нусервану пробраться къ нимъ и покорить ихъ себѣ, такъ какъ этого желаетъ ея отецъ. Нусерванъ опечалился. Онъ готовъ былъ зарѣзаться ножомъ, но царевна его остановила и общала хлопотать предъ отцомъ о позволеніи вѣнчаться съ нимъ. Царевичи, противники Нусервана, во имя дружбы съ нимъ, также ходатайствуютъ предъ британскимъ владѣтелемъ, чтобы онъ выдалъ свою дочь за Мкинварскаго героя. Британскій повелитель ставитъ условіемъ, чтобы Нусерванъ

взялъ городъ циклоновъ, у которыхъ находится же въ плѣну царевна,—отъ нея и Нушерванъ получилъ письмо съ мольбой спасти ее изъ рукъ чудовищъ. Мкинварскій герой сталъ проливать слезы надъ присланнымъ письмомъ, и въ это время вошли четыре царевича, бывшіе его противники, а нынѣ уже друзья, которымъ онъ показалъ посланіе возлюбленной. Они немедленно предложили свои услуги идти вмѣстѣ съ нимъ отбить у враговъ царевну и, захвативъ по 100 лучшихъ воиновъ, они отправились въ Морское царство къ циклопамъ. Но войти они туда не сумѣли, такъ какъ огненные рѣки сильно опалили ихъ, и пришлось ждать очереднаго ослабленія пламени. Наступилъ этотъ моментъ, но циклопы объявили имъ страшную войну, и царевичи въ первый день отступили. Въ единоборствѣ также выступившій польскій царевичъ противъ Морскаго витязя, Гаго, потерпѣлъ поражение и раненъ былъ, но за то его одолѣлъ Нушерванъ. Поразить циклоповъ оказалось невозможнымъ, такъ удары наносимые отскакивали отъ ихъ вооруженія и на одного противника шло сто циклоповъ. Рѣшено было вернуться царевичамъ домой и съ новыми силами потомъ осадить городъ. Нушерванъ обрадовалъ своихъ родителей возвращеніемъ, но постоянныя слезы огорчали его отца, и сынъ вынужденъ былъ рассказать причину печали. Финезъ рассказалъ въ облегченіе его тоски свою исторію, изливъ чувство любви и надеждъ, возлагаемая на сына ¹⁾).

III. Любимецъ своего отца, Финезъ, долго жилъ на свободѣ, проводя время на охотѣ и въ конскихъ скачкахъ. Отцу показалось, что наступилъ моментъ его женитьбы, и просилъ сына выбрать невесту. Настоятельныя требованія отца вынудили Финеза запросить своего давняго воспитателя Эгрота, можно-ли ему жениться на той, которую предлагаетъ ему царь. Финезъ письменно далъ положительный отвѣтъ. Однако, молодой царицѣ почему-то впоследствии кажется, что Эгротъ былъ противъ ихъ брака, хотя царь показывалъ его письмо, и возненавидѣла его. Когда Финезъ сдѣлался царемъ, по смерти отца, то онъ отправился путешествовать по чужимъ странамъ, а жена въ письмахъ къ нему настаивала, чтобъ онъ наказалъ Эгрота, такъ какъ онъ будто измѣнникъ. Царь не внималъ доносамъ. Переходя къ положенію сына, Финезъ совѣтуетъ ему обратиться за помощью къ могущественному Дилару. Послѣдній Нушервану, мы знаемъ, общасть

¹⁾ Эти вставочные эпизоды о геройскихъ приключеніяхъ изъ-за руки красавицы напоминаютъ общій ходъ разсказа съ отступленіями о Зигфридѣ, Гунтерѣ, Вримгильдѣ и Брунгильдѣ въ нѣмецкой поэмѣ о *Нибелунгахъ*.

горячее участіе. Заказавъ своимъ мастерамъ вооруженіе, подобное по крѣпости циклопскому вооруженію, привезенному Нушерваномъ, Диларъ избираетъ тысячу лучшихъ вельможъ и коней, совершаетъ пышную охоту, гдѣ спасаетъ Нушervана, поднятаго какимъ-то звѣремъ на рога, а по возвращеніи домой, онъ поручаетъ правленіе государствомъ близкимъ лицамъ, а самъ съ Нушерваномъ и большимъ войскомъ направляется къ городу циклоповъ. Здѣсь онъ приказываетъ прорыть тайный входъ въ городъ и ждетъ ослабленія огня. Въ это время приходитъ отъ Гулнази гонецъ Море съ письмомъ къ Нушервану. Она жалуется на свое несчастное плѣненіе и готова поднять на себя руку. Диларъ послалъ надежду на скорое освобожденіе и заключеніе ея брака съ Нушерваномъ. Дѣйствительно, онъ грозно ополчается съ избраннымъ отрядомъ на городъ, ломаетъ его желѣзные ворота, избиваетъ стражу и вступаетъ побѣдно въ городъ циклоповъ. Здѣсь произошла рукопашная схватка, въ которой одержали верхъ Диларъ и Нушерванъ. За этимъ кровопролитнымъ сраженіемъ слѣдуетъ трогательная встрѣча Нушervана и Гулнази, которые отъ прилива радости долго остаются въ объятіяхъ, проливая слезы. Отецъ ея пытается ихъ разъединить и врывается съ войскомъ въ городъ циклоповъ, но терпитъ поражение и отправляется Диларомъ въ кандалахъ въ заключеніе. Возводятся два богатыхъ трона на площади для Нушervана и Гулнази, и празднуется вступленіе ихъ въ давно желанный бракъ. Гулнази прославляетъ силу Дилара, доставившаго ей счастливыя узы, а онъ подноситъ ей драгоценныя подарки, называя ее любезной сестрой. Освободили изъ плѣна британскаго владѣтеля, который со слезами просилъ прощенія у Дилара въ злыхъ дѣяніяхъ и упорствѣ противъ Нушervана,—послѣдній снизошелъ и вернулъ ему царскій тронъ и подобающія почести. Начинаясь роскошный пиръ.

IV. Диларъ Абашетскій всѣхъ поражалъ любезностью и вѣжливостью. Разъ происходитъ пиръ у британскаго повелителя, на которомъ щедро раздаются дары. Диларъ объявляетъ, что имъ Нушерванъ провозглашенъ царемъ Галліи. Галлы съ радостью принимаютъ молодую чету. Во время торжества Нушervану и Гулнази подносятся визирями и жителями богатые подарки. По желанію Дилара, Нушерванъ вызываетъ польскаго царя Гоhара, который является поспѣшно и заключаетъ братскую дружбу съ обоими молодыми могучими царями. Самъ британскій владѣтель смягчается и умоляетъ Дилара почтить его своимъ посѣщеніемъ въ странѣ Морской. По пути эту разноплеменную царскую компанію встрѣчаютъ пѣвцы и музыканты, а

вступивъ въ столицу, отецъ Гулнази расплакался и передалъ ей 3,000 влючей отъ различныхъ сокровищъ. Слезы закончились обильнымъ пиромъ. Черезъ годъ Гулнази подарила Нусервану красиваго мальчика, лицомъ похожаго на луну, а физическимъ строеніемъ на порожденіе льва^а. Диларъ и царевичи сопровождаютъ Нусервана съ женою къ его отцу, Финезу, который восторженно принимаетъ ихъ, осыпаетъ поцѣлуями внука и устраиваетъ пиръ. Диларъ представляетъ Финезу британскаго владѣтеля. Здѣсь въ домѣ Финеза Гулнази рождаетъ еще двухъ сыновей, по поводу появленія которыхъ царица получаетъ цѣнные подарки отъ Дилара, царевичей и другихъ. Диларъ пользуется разъ случаемъ распросить Финеза о молодости. Онъ разсказалъ о Солнечномъ городѣ и его царѣ.

V. Финезъ, путешествуя очень много вмѣстѣ съ визиремъ Эгросомъ, разъ попалъ въ такую страну, жители которой днемъ скрывались въ подземельяхъ, а ночью выходили въ своихъ свѣтлыхъ платьяхъ для работъ. На распросы Финеза одинъ старецъ разсказалъ, что ихъ страна лежитъ на краю восхода солнца. Населеніе красиво и земля изобилуетъ плодами и благоуханными цвѣтами, но жители ничѣмъ не походили на обитателей другихъ государствъ. Царь у нихъ Зесотрисъ, а царица Естеръ—люди мудрые и справедливые. Визирь ихъ Джануджанъ—воспитанникъ Эгроса, визиря Мкинварскаго царя. Финеза такъ заинтересовала эта страна, что онъ предложилъ старцу представлять на смѣну ежегодно въ распоряженіе царя Восхода солнца по 4 своихъ подданныхъ, которые могли бы приносить ему вѣсти о населеніи этого таинственнаго государства. Предложеніе было принято, и воинъ Дилара разсказываетъ Финезу, что за годъ до его (Дилара) прихода получено имъ извѣстіе, что Зесотрисъ скончался и воцарилась дочь его красавица—Анавсіа. Она построила, по числу знаковъ зодіака, 12 яхонтовыхъ башенъ, окруживъ ихъ богатѣйшими садами, и проводитъ поочередно въ каждой изъ нихъ время подъ охраной 12.000 вельможъ. Кончилъ разсказъ Финезъ, расцѣловалъ его Диларъ, въ которомъ уже зародилось чувство любви къ незнакомой Анавсіи. Ночью отъ думъ объ ней не спитъ герой, но днемъ вида не показываетъ, продолжая съ друзьями веселиться. Диларъ пожелалъ видѣть Эгроса, который при появленіи въ стихахъ ему говоритъ большую похвальную рѣчь, называя его сильнѣйшимъ *монархомъ*, непобѣдимымъ героемъ, проливающимъ свѣтъ на востокъ и западъ. Эгросъ представилъ Дилару и сына своего Лара. Диларъ получаетъ письмо изъ своего государства, извѣщающее его о приходѣ какихъ-то послонъ съ посланіемъ и драгоцѣнной коробкой. А раболѣпные вц-

зири успѣшили отправить къ нему гонцовъ, которые подобострастно поднесли своему повелителю полученныя вещи. Эгросу поручено было прочесть письмо; узнали, что красавица Анавсія кланяется ему и сообщаетъ, что, согласно волѣ покойнаго своего отца, она намѣрена только за него выйти замужъ, какъ за человѣка, покрывшаго себя всюду славой. Но замокъ ея нынѣ окружаютъ другіе претенденты—цари китайскій, асурскій ¹⁾, индійскій, вавилонскій, египетскій и скіе-скій. Совѣтуетъ она успѣшить къ ней и могучей рукой своей ихъ поразить. На совѣщаніи Дилару предлагаетъ свои услуги польскій царь Гоһаръ и Нушерванъ, причемъ послѣдняго настойчиво уговариваетъ Гулнази принять участіе въ экспедиціи Дилара въ возмездіе за труды, понесенныя послѣднимъ при ея освобожденіи изъ плѣна. Финезъ противъ тѣхъ явленій чародѣйской страны, съ которыми имъ придется встрѣтиться далѣе спасительныя средства: камень въ стальной оправѣ для ношенія на шеѣ противъ огня колдуновъ, мазь на полотнѣ для прикрѣпленія къ подошвѣ и подкову коней, необходимую при переправѣ черезъ рѣку, лѣкарство въ пузырькахъ для смазыванія носа противъ ихъ чаръ и для смазыванія груди, въ видахъ устраненія страха, воду для смачиванія глазъ противъ угрожающаго имъ мрака, траву для прекращенія имѣющаго подняться снѣга. Помимо этихъ лѣкарствъ, Финезъ совѣтуетъ имъ сражаться только булавою, такъ какъ прочія орудія чародѣйствомъ направляются противъ нихъ же. Диларъ поблагодарилъ его и въ сопровожденіи прекрасно разодѣтой свиты пустился въ путь.

VI. По пути въ очаровательную область Дилара встрѣчаетъ индійскій караванъ, на который напали разбойники въ главѣ героя Нарси, убившаго индійскаго витязя Индо ²⁾. Купцы обратились за помощью къ Дилару. Одинъ изъ витязей послѣдняго поражаетъ Нарси и беретъ его въ плѣнъ, а злоумышленники его скрываются. Караванъ въ благодарность устраиваетъ для Дилара пиръ, а о личности его рассказываетъ купцамъ польскій царь. Одинъ изъ „великихъ купцовъ“ Раджиба, по желанію Дилара сообщаетъ свѣдѣнія о странѣ чародѣевъ, говоря, что алтайскій царь ополчается на нее и совѣтуетъ быть осторожнымъ въ борьбѣ съ разбойниками, и предлагаетъ Дилару взять одного изъ его (Раджиба) спутниковъ въ качествѣ проводника. По дорогѣ ночью стали сторожить поочередно: первымъ вызвался польскій король, за нимъ военачальникъ Дилара Марси, а послѣ Нушер-

¹⁾ Асурскій, т. е. Ассирійскій.

²⁾ Ср. Амиранъ-Дареджаніани.

ванъ. Нападєнія разбойниковъ копчались ихъ плѣнєіемъ, но Диларъ великодушно отпускалъ ихъ на свободу.

При наступленіи большой опасности проводникъ попросилъ самого Дилара ночью посторожить и защитить всѣхъ отъ нападенія разбойниковъ. Диларъ согласился, причѣмъ плѣнилъ не только простыхъ участниковъ въ шайгѣ, но ея главу, царя разбойниковъ—Зорастана. Утромъ онъ потребовалъ клятву, что они перестанутъ разбойничать, угрожая въ противномъ случаѣ наказать ихъ смертью. Зорастанъ пригласилъ Дилара со свитою въ свой городъ и здѣсь торжественно предъ четырьмя волками, посаженными у нихъ въ золотую клѣтку, они клялись въ вѣрности Дилару, при чемъ поднесли много цѣнныхъ подарковъ. Диларъ сталъ ихъ убѣждать бросить поклоненіе звѣрамъ и увѣровать въ Единого Творца вселенной и Троицу Нераздѣльную. Добрая рѣчь Дилара имѣла хорошее вліяніе на слушателей,—Зорастанъ съ вельможами призадумались и склонились къ вѣрѣ Дилара. Зорастанъ самъ вызывается сопровождать Дилара и перегоняетъ громадныхъ стада коровъ и барановъ для убоа. Стали приближаться чрезъ высокіе лѣса къ странѣ чародѣевъ и, наконецъ, подѣхали къ рѣкѣ, составлявшей ея границу.

VII. Отпустивъ Зорастана, Диларъ первымъ въ сопровожденіи Нушервана, Гоһара, спасалара Марси и 1000 воиновъ вступили въ околдованную страну. По пути они встрѣтили кастратовъ, повѣшенныхъ на деревья, убитыхъ и испускающихъ духъ отъ чаръ. Будучи Диларомъ снятъ съ дерева для распроса, одинъ изъ умирающихъ обратился въ огненнаго дракона и по зову его всѣ повѣшенные ожили, поднялись въ видѣ драконовъ къ небу и бросили оттуда на свиту Дилара громадные камни. Но Диларъ и его спутники спаслись благодаря тому камню въ стальной оправѣ, который они привѣсили къ себѣ на шею по совѣту Финеза. Тогда драконы вступили въ бой, испуская огонь. Диларъ пустилъ въ ходъ булаву и многихъ перебилъ. Всѣ устали, одинъ Диларъ, „улыбаясь“ продолжалъ борьбу. Спасаларъ Нушервана, Ларъ, убили старшаго дракона, а за нимъ одни исчезли, а другіе остались мертвыми. Отдохнувъ въ ту ночь, на другой день пошли дальше и встрѣтили четырехъ слоновъ, держащихъ въ пасти по одному отроку. Диларъ сжалился надъ отроками. Убивъ трехъ слоновъ, онъ освободилъ трехъ отроковъ, но четвертый убѣжалъ. Убѣжавшій слонъ и отроки обратились въ огонь, не причинившій, однако, ему вреда. На вой льва (=слона) явилось вооруженное войско, которое въ 3 дня перебиваютъ Диларъ и его спутники, но число противниковъ не уменьшается, пока Нушерванъ булавою не поражаетъ слона (то именующагося въ разсказѣ львомъ).

Затѣмъ приходится имъ состязаться съ возсѣдающими на слонахъ великанами, которые обливали Дилара страшной струей воды, но сасаларъ Марси, убивъ самаго большаго великана, оканчиваетъ бой успѣшно. Но появляются съ ужасными ногтями птицы, которыя похищаютъ Нушервана, Гоһара и самаго Марси. Здѣсь Диларъ легкимъ ударомъ булавы вырываетъ добычу у поднявшихся въ воздухъ птицъ. Слѣдующій бой объявили другіе великаны и ихъ царь Тамтари, котораго побѣждаетъ Диларъ. При дальнѣйшемъ ихъ слѣдованіи показываются водоносы, нагруженные громадными кувшинами. По ихъ объясненію, они войны китайскаго царя, оставшіеся у чародѣевъ, которые заставляютъ таскать и строить башни. Они увѣряютъ Дилара, что и его ждетъ та же участь и приглашаютъ переночевать въ ихъ башнѣ. Диларъ соглашается, но отъ ихъ угощенія, возбужденнаго въ Гоһарѣ подозрѣніе обиліемъ, отказывается, и потому получаетъ предложеніе оставить ихъ башню. Спутники Дилара выходятъ изъ башни и на другой день разоряютъ ее. Торжествуя побѣду, Нушерванъ пригналъ скотину, которая обратилась въ львсвъ, но были перебиты булавами. Черезъ недѣлю послѣ этого состязанія Диларъ и спутники миновали города и остановились въ роскошномъ полѣ на берегу рѣки. Здѣсь показались женщины, оплакивающія мужей и проклинающія Дилара и его спутниковъ. Онѣ осыпали ихъ пескомъ, и послѣдніе лишились зрѣнія, пока не воспользовались даннымъ Финезомъ лѣкарствомъ. Далѣе встрѣтили плачущихъ юношей, которыхъ они старались успокоить сахаромъ. Они же обратились въ грозныхъ тигровъ, но были побѣждены. Вступивъ въ богатый городъ, имъ протягиваютъ руки елѣпые старцы, которыя поднимаютъ такой дымъ, что Диларъ ничего не можетъ разобрать, пока не обратились къ маслу и водѣ, полученнымъ отъ Финеза. Булавами старцы перебиты. Возникаетъ новая борьба у Дилара и его спутниковъ съ четырьмя великанами на единорогахъ; первые остаются побѣдителями. Встрѣтившіеся имъ львы также поражены, стая волковъ съ овечками въ пастбахъ вызываютъ погоню Диларъ до пещеръ, гдѣ овечки превращаются въ красивыхъ дѣвицъ и объявляютъ страшную, но въ концѣ концовъ бесполезную для себя войну. Диларъ ихъ сразилъ. Толпа вооруженныхъ людей перегораживаетъ Дилару дорогу, по ихъ повеленію начинаютъ колебаться звѣзды и луны въ знакъ гнѣва неба надъ пришлецами, проливающимъ кровь невинныхъ, по столкновенію ихъ съ Диларомъ, вспомнившимъ о данномъ Финезомъ маслѣ, кончается торжествомъ героя. За этими послѣдовали драконы, на которыхъ возсѣдали трубочки, наводяшіе ужасъ на спутниковъ Дилара. Но какъ и всегда

онъ остался въ борьбѣ непобѣдимымъ. Черные индѣйцы съ копьями на слонахъ также склоняютъ главы свои предъ могущественнымъ Диларомъ ¹⁾.

Видя себя всюду побѣжденнымъ, царь очарованной страны Горшарабъ посылаетъ визирей Абашетскому владѣтелю Дилару, Мкинварскому Нушервану и польскому Гоһару съ просьбой о пощадѣ. Побѣдители рѣшили на совѣщаніи испытать искренность Горшараба, и съ этою цѣлью отправляется польскій царь, который предлагаетъ друзьямъ идти къ нему за помощью, если чародѣи прибѣгнутъ „къ черной силѣ“ противъ него. Но Горшарабъ дѣйствительно влялся никогда чародѣйствомъ не заниматься, при этомъ и онъ, и его подданные проливали горячія слезы. Диларъ послалъ письмо къ царю разбойниковъ о всѣхъ совершенныхъ имъ подвигахъ въ борьбѣ съ Горшарабомъ и вызывалъ проводника Муджираба съ 1000 воиновъ. Самъ царь Зорастанъ немедленно является, Диларъ съ нимъ и Горшарабомъ совѣщается о способахъ проникновенія въ городъ Солнца.

VIII. Горшарабъ рассказываетъ о несмѣтныхъ богатствахъ и фантастической красотѣ города Солнца, гдѣ царствуетъ Анувсія, единственная наслѣдница Зесостра. Отецъ воздвигъ ей, появившейся послѣ долгихъ ожиданій, 12 башенъ, которыя охраняются сильной стражей изъ вельможъ. Такъ какъ проникнуть туда трудно, то Горшарабъ, въ благодарность за освобожденіе его страны отъ чародѣевъ, даетъ 100 хорошихъ рудоповъ Дилару, способныхъ прорыть ходъ въ жаркомъ поясѣ города Солнца. По этому тайному ходу пробираются Диларъ, Гоһаръ, Нушерванъ и Зорастанъ со свитой. Красота города и страсть къ возлюбленной, наконецъ, такъ овладѣваютъ Диларомъ, что онъ впадаетъ въ обморокъ, и съ трудомъ приводятъ въ чувство этого льва, цвѣтущаго юношу, главу рыцарей. Нушерванъ его ободряетъ близостью счастья; все располагаетъ къ мысли, что цѣль достигнута: „нѣжно колыхающіяся нивы курятъ благовоніе, воздухъ просвѣтленъ присутствіемъ твоей возлюбленной, листья деревьевъ тебѣ шепчутъ о приближеніи ея, сверкающія воды свидѣлствуютъ объ ея непорочности, роза служить отблескомъ ея ланитъ, мускусъ своимъ запахомъ приглашаетъ тебя къ ея груди, фіалки, робко опустивши голову, даютъ тебѣ знать о грусти красавицы, опечаленной такимъ твоимъ состояніемъ, сладко поющія птицы радуются вашему свиданію, звѣзды ярко горятъ и рассказываютъ другъ

¹⁾ Повѣсть „Диларіана“ поражаетъ читателя многословіемъ, повтореніями и тождественными описаніями природы и героевъ.

другу о предстоящей вашей свадьбѣ, солнце щедрѣе разсылаетъ лучи, луна усилила окроплять росой распускающіеся цвѣты и вся природа блаженствуетъ (стр. 222—3), выражая чувства веселья по поводу окончанія такого труднаго предпріятія“. Нушерванъ благодаритъ небо, что возвратило оно сознаніе Дилару. Послѣдній напоминаетъ первому такое же состояніе, когда тотъ добивался руки своей красавицы, и проситъ извиненія за причиненныя огорченія. Они вступили въ тотъ городъ, гдѣ не бываетъ ночей. Ихъ принимаютъ въ роскошныхъ палатахъ и угощаютъ на золотѣ и серебрѣ. По приглашенію Анавсіи, возсѣвшей на тронѣ среди площади, Диларъ вступаетъ въ бой съ четырьмя ей измѣнившими спасаларами, побѣждаетъ ихъ но самъ также падаетъ съ коня, пораженный лучами своей возлюбленной ¹⁾. Однако, ихъ свиданіе откладывается и, какъ объясняетъ, ея фрейлина, Зефири, въ царскомъ саду Диларъ не скоро удостоится чести видѣть Анувсію. Мучительное ожиданіе предъ свиданіемъ съ предметомъ страсти приводитъ Дилара въ такое ослабленіе, что падаетъ въ обморокъ, когда онъ объясняется съ Зефири и приходитъ въ себя при горестныхъ причитаніяхъ самой Зефири. Послѣдняя докладываетъ своей повелительницѣ о страданіяхъ Дилара. Слезы у него льются словно струи Тигра, стоны сердечные не оставляютъ его ни на минуту, имя Анувсіи не сходитъ съ его устъ. Красавица, наконецъ, смягчилась и послала своему поклоннику царскій скипетръ и увѣренія въ прежней привязанности къ нему, о которой она свидѣтельствовала уже письменно. Проситъ она его успокоиться и приготовиться къ свадьбѣ. Диларъ развеселился и принимаетъ участіе вмѣстѣ съ Джануджаномъ, визиремъ Анувсіи, въ пирѣ, устроенномъ его спутниками-царями. Во время пира онъ получаетъ приглашеніе чрезъ Зефири явиться въ садъ. Съ неудержимымъ волненіемъ онъ ждетъ давно желанной минуты.

IX. Визирь Джануджанъ читаетъ Дилару завѣщаніе отца Анувсіи Зесотра, по которому покойный царь оставляетъ свою корону и дочь на попеченіе Абашетскаго владѣтеля, прося его любить и ѣжно воспитанную имъ царевну. Въ завѣщаніи онъ говоритъ, что, по словамъ визиря Джануджана, Анувсіи родитъ ему трехъ дѣтей, подобныхъ которымъ Индія не знаетъ. Советуетъ въ благодарность за такую радостную вѣсть, внучку Джануджана, дочь Саурмага (сына перваго визира), получившаго корону и нѣсколько городовъ, выдать

¹⁾ Герои слишкомъ часто падаютъ въ обморокъ при видѣ красавицы и проливаютъ потоки слезъ.

за польскаго царя Гоһара, Зефири за Марси, а за Лара знатную особу Сосану. При чтеніи этого завѣщанія присутствующіе лили слезы, а Диларъ приказываетъ въ теченіе 40 дней облечь все государство въ трауръ и раздавать милостыни, прекратить веселье въ скорбное воспоминаніе о царѣ. Онъ же проситъ у Анувсіи помилованія четырехъ провинившихся спасаларовъ. По истеченіи срока начинается торжество въ г. Кекелѣ, гдѣ Джануджанъ приноситъ отъ 4000 владовъ ключи, оставленные Дилару Сезотромъ¹⁾). Этотъ же визирь подалъ Дилару списокъ городовъ, ему отнынѣ подвластныхъ. Саурмагъ получаетъ новый рескриптъ отъ Дилара, которымъ онъ снова утверждается царемъ и собственноручно коронуется. Саурмагъ задаетъ роскошный Дилару и его спутникамъ пиръ. Столы были накрыты на площади, вокругъ которой были пристроены бассейны для винъ. Подъ столами искусственно провели рѣчку, которая подняла пирующихъ на воздухъ на значительную высоту и оставила въ такомъ положеніи, а по окончаніи пира спустила ихъ на землю. Польскій царь влюбляется въ дочь щедрого Саурмага и открывается въ своемъ чувствѣ предъ Нушерваномъ, а послѣдній докладываетъ объ этомъ Дилару, который удачно принимаетъ роль посредника между Гоһаромъ и Саурмагомъ.

Царь Горшарабъ изъ страны околдованной пишетъ, что въ его предѣлы ворвался Китайскій царь Ласуръ и проситъ онъ у Дилара защиты. Послѣдній чрезъ Джануджана доводитъ это до свѣдѣнія Анувсіи, которая предоставляетъ Дилару открытый листъ для свободного дѣйствія противъ Ласура, вступившаго на слонахъ въ ея царство. Предъ началомъ битвы съ Ласуромъ Диларъ приглашаетъ его чрезъ посла Марси на трапезу. Ласуръ гордо отказывается и считаетъ уже себя побѣдителемъ. Вынужденный къ борьбѣ, Диларъ выставляетъ 1000 витязей противъ такого же числа противниковъ. Бой созерцаетъ съ высоты башни сама Анувсіа. Онъ повторяется между новыми противниками, и въ награду 100 витязямъ Дилара за побѣду Анувсіа отправляетъ 100 красавицъ.

Борьба Между Марси и 10 вельможами Ласура, польскимъ королемъ Гоһаромъ и царемъ бухарскимъ Шабада со стороны Китая, Нушерваномъ и царемъ Керамомъ съ противной стороны кончается торжествомъ первыхъ и вознагражденіемъ ихъ Анувсіей. Самъ Диларъ опрокидываетъ 120 храбрыхъ китайскихъ витязей. Тщетно выставляетъ Ласуръ 10.000 слоновъ,—Диларъ ихъ сразилъ. Точно также былъ

¹⁾ Сезостръ встрѣчается рѣже, чѣмъ Зесотрисъ.

посрамленъ послѣднимъ Курбанскій (?) царь Суруташъ. Диларъ Ласура срываетъ съ коня и сбрасываетъ его на землю, а потомъ приводитъ его въ чувство благовонными средствами и приставляетъ къ нему врачей. Ласуръ, по выздоровленіи въ знакъ благодарности, цѣлуетъ у него руку и восхваляетъ его добродѣтели. Съ этого дня они заключили дружбу и братство. Диларъ освободилъ всѣхъ плѣнныхъ, наградивши ихъ щедро. Пиръ продолжался подъ руководствомъ Саурмага¹⁾ три дня и три ночи. вмѣсто прежняго кроваваго столкновенія цари заняты шутками и забавами. Ласуръ пораженъ великодушіемъ Дилара и считаетъ себя недостойнымъ его милости. Появляются гонцы царевны, которые приносятъ ключи отъ 12.000 кладовъ для раздачи.

Диларъ, по окончаніи военныхъ операцій, намѣревается отправиться на охоту по указаніямъ визира Джануджана. Однако, дама сердца Дилара извѣщаетъ чрезъ Зефири его, что она ему предлагаетъ отказаться отъ охоты, угрожающей ему бѣдствіями. Диларъ не остановился; направились отдѣльными взводами въ путь: ѣхали отдѣльно съ музыкой спасалары и воины того города Солнца, за нимъ слѣдовали воины и вельможи страны околдованной и разбойниковъ, въ заключеніи шествія двигались китайцы. Лѣсъ и поле оказались усѣянными звѣрями и птицами. Но Диларъ, несмотря на запрещеніе Джануджана, вздумалъ съ нѣсколькими лицами переправиться чрезъ рѣку. Произошла здѣсь у нихъ схватка съ драконами. Послѣдніе поглотили Нушервана и Ласура, которыхъ удается спасти Дилару, а Джануджанъ смазалъ лобъ какой-то мазью, заставилъ вылить ядъ изо рта и тогда только оказались они приведенными въ сознаніе. По приказанію Дилара воины его тщетно пытаются снять шкуру съ драконовъ—оружіе ихъ не пристаётъ къ чудовищамъ, и только Джануджану это удается. Послѣ этого они возвращаются въ городъ, и Диларъ получаетъ приглашеніе явиться къ Зефири въ садъ. Диларъ лишился словъ при ея видѣ, онъ насладился молчаливымъ ея созерцаніемъ²⁾, а затѣмъ сталъ плакать. Она его успокоиваетъ и передаетъ, что Анусія ей угрожаетъ смертью за то, что она будто отказалась сообщить ему желаніе ея не ходить на охоту. Зефири

¹⁾ Имя грузинскаго царя въ начальномъ періодѣ.

²⁾ Это мѣсто является подражаніемъ Руставели. Авторъ „Диларіи“ комбинируетъ элементы повѣстей писателей классическаго періода, присоединяя къ чертамъ быта отдаленной эпохи особенности строя государствъ позднѣйшихъ временъ.

просить помочь ей и отправить письмо царевнѣ въ ея оправданіе. Зефири въ свидѣтели просить призвать Саурмага—сахлхуцеси ¹⁾), который по приказу царевны не медленно является и приносит письмо Дилара. Всѣ ея сомнѣнія разсѣиваются, и Зефири получает оправданіе. Черезъ Ризари, дочь Саурмага, царевна посылаетъ прощеніе Зефири и возвращаетъ ее къ прежней должности. На свиданіи Зефири съ Диларомъ послѣдній просить у нея прощенія за тѣ огорченія, которыя выпали ей на долю изъ-за стремленія сблизить его съ Анувсией. Она же увѣрила его въ своихъ искреннихъ къ нему чувствахъ. Анувсія тайно слѣдила въ саду за этой сценою и, по возвращеніи Зефири, она ее приласкала и снова сдѣлала ее „посредницей“ предъ Диларомъ, такъ увѣрилась въ преданности ея къ себѣ. Зефири рѣшается откровенно заявить о тѣхъ мученіяхъ, которыя онъ испытываетъ; онъ ласкаетъ камни, деревья, цвѣты, мимо которыхъ Анувсія проходитъ и желалъ быть ими, чтобы она своими руками и ножками прикасалась къ нему. Анувсія въ своей тоскѣ также признается, что она каждую минуту думаетъ объ немъ, но боится, что онъ не выдержитъ ея взгляда, красота ея ослѣпитъ его и онъ потеряетъ жизнь или рассудокъ. Зефири на это отвѣчаетъ, что можно имѣть различные духи, которыми его приведутъ въ чувство. Она проситъ Зефири передать Дилару, что на другой день вечеромъ назначается ему свиданіе.

Х. Диларъ получаетъ письмо отъ царя Горшараба о вторженіи царя скискаго Хагана ²⁾). Ласуръ проситъ Дилара позволить ему идти на Хагана. Самъ Диларъ въ упоеніи грядущаго свиданія съ Анувсией. Зефири его проводитъ въ садъ, гдѣ ждетъ красавица. При видѣ ея случается съ Диларомъ ожидаемый обморокъ. Приведенный въ чувство, онъ не въ состояніи выдержать лучей небснаго созданія. Онъ стоитъ предъ ней на колѣняхъ и благодаритъ, какъ за великую милость, что удостоила она его себя лицезрѣть. При второй встрѣчѣ онъ подноситъ ей золотыя вѣтки съ брилліантами, извиняясь при томъ, что привошеніе недостойно ея. Анувсія, замѣтивъ мучительное состояніе поклонника своего, разрѣшаетъ ему „льву насладиться сладостью ея устъ“. Анувсія боится за судьбу своего возлюбленнаго во время предстоящаго столкновенія съ скискимъ владѣтелемъ. Онъ въ отвѣтъ только ласкалъ ее, но разставшись

¹⁾ Министръ двора.

²⁾ „Диларіани“ Ларадзе, не стѣсняясь рамками эпохи, даетъ рядомъ съ скинами, ассирійцами, вавилонянами испанцевъ, британцевъ, поляковъ.

съ нею, онъ самъ предался мрачнымъ размышленіямъ предъ возможностью побѣды врага и лишенія его наступившаго счастья. Сонъ упорно отказывается успокоить его взволнованные нервы, — онъ погрузился въ мечты. Появляется давно жданный Хаганъ, который выставляетъ для борьбы 100 витязей. Но ихъ легко побѣждаетъ одинъ воинъ Дилара—Ломъ-Поладъ ¹⁾). Анувсіа приглашаетъ Дилара чрезъ Зефири къ себѣ. Онъ приноситъ въ подарокъ платье, усыпанное жемчугомъ.

Второе столкновение также оканчивается въ пользу витязей Дилара, который по свойственному великодушію даруетъ свободу плѣннымъ скиамамъ и отправляетъ ихъ къ Хагану. Однако, этотъ поступокъ не нравится Анувсіи, которая встрѣчаетъ его сурово, требуя при дальнѣйшемъ объясненіи съ Диларомъ отъ послѣдняго, чтобъ онъ совѣтовался относительно своихъ дѣйствій, такъ какъ онъ подвергаетъ свою жизнь опасности. Диларъ постарался оправдаться предъ ней и смягчить ея сердце ²⁾). Хаганъ не смиряется и вызываетъ себѣ противника. Спасаларъ Марси его побѣждаетъ.

XI. Въ одинъ день, когда храбрые цари съ Диларомъ наслаждались взаимнымъ созерцаніемъ, является посоль отъ цара Горшараба, изъ страны чародѣевъ и приноситъ письмо, извѣщающее о вторженіи владѣтеля Фарсмана съ челоуѣкопожирающими витязями. Они поклоняются Армази, Задену, Гаци, Гайму [груз. яз. боги] и огню. Это письмо ввергаетъ Анувсію въ ужасъ. Она приказываетъ возвести въ саду пять ахонтовыхъ троновъ и пригласить царевичей ³⁾ на совѣщаніе. Для нея же былъ приготовленъ особый тронъ рядомъ съ сѣдалищемъ Дилара. Всѣ поражены ея красотою и лишены возможности что либо обсуждать. По просьбѣ Нушервана, она ихъ отпускаетъ съ миромъ, давъ по кубку меду на прощаніе. Диларъ же возвращается въ садъ къ ней и увѣрилъ, что нѣтъ никакой опасности для столицы. Онъ ужъ распредѣлилъ царевичей съ отрядами противъ врага.

Диларъ, вернувшись домой, сталъ приводить въ чувство товарищей, потерявшихъ сознаніе отъ созерцанія „небесной красавицы“. Сдѣлавъ всѣ нужныя приготовленія, Диларъ выступилъ къ городу Бекель, извѣстному своей красотою. Здѣсь посѣтили дворецъ Сестогра, отца Анувсіи, гдѣ была найдена ахонтовая статуя покойнаго цара

¹⁾ Ломъ-Поладъ въ переводѣ значитъ стальной левъ.

²⁾ При воспроизведеніи чувствъ повѣсть слишкомъ отличается характеромъ современности.

³⁾ Ласуръ, Гофаръ, Нушерванъ, Зорастанъ и Диларъ.

съ вѣнцемъ на головѣ, съ державой въ одной рукѣ и въ другой съ письмомъ, въ которомъ прочитали завѣщаніе царства Сесостромъ Дилару. Въ это время визирь Джануджанъ докладываетъ, что явился царь катузіанцевъ (?), похититель Колхиды. Дилару предлагаетъ скиѣскій царь свои услуги первымъ выступить противъ врага, но могучій царь предпочитаетъ войти съ врагомъ при посредствѣ Марси въ переговоры съ цѣлью распознать виды Фарсмана. Врагъ гордо требовалъ уступки города и отказа отъ военныхъ дѣйствій. Начались битвы, Хаванъ скиѣскій былъ захваченъ даже въ плѣнъ, но Диларъ освободилъ его. Анувсіа слѣдитъ съ высоты башни за боемъ и со слезами проситъ у неба о спасеніи Дилара. Послѣдній вступилъ въ единоборство съ сильнымъ Фарсманомъ. Бой сначала на коняхъ, а потомъ пѣшкомъ былъ нерѣшительный. Витязи разошлись и полюбили другъ друга. Фарсманъ объявилъ своему отряду, что отнынѣ онъ подчиняется Дилару. Послѣдній еще разъ принимаетъ на себя роль проповѣдника и наставляетъ катузіанцевъ въ истинной вѣрѣ, обличая ихъ въ идолопоклонствѣ и ваннибализмѣ. Фарсманъ уже склоняется бросить свою вѣру и проситъ Дилара дать ему три дня, чтобы переговорить съ магами и жрецами.

Жрецы откровенно заявили Фарсману ¹⁾, что они съ корыстной цѣлью вводили народъ въ заблужденіе. Фарсманъ велѣлъ ихъ наказать, воздавая благодарность Дилару за спасеніе. Самъ царь съ своимъ народомъ обратился въ истинной вѣрѣ. Начинается празднованіе ихъ обращенія то въ одномъ, то въ другомъ городѣ. На свадьбѣ Ласура и Гохара просятъ Анувсію чрезъ Дилара о разрѣшеніи Фарсману жениться на красавицѣ Оріони, а Хагану на свѣтлой Марихѣ ²⁾. Анувсіа боится, что во время голода Фарсманъ можетъ съѣсть свою супругу, но Диларъ легко разсѣиваетъ ея опасенія. Сюда присоединяются новыя сватовства: Марси женится на Зефири, Гохаръ на Риваринѣ, Лари на Сосанѣ. Въ присутствіи Анувсіи ихъ благословляютъ, даютъ имъ сахаръ въ ротъ и возводятъ на троны, для нихъ устроенные. Гости подходятъ, привѣтствуютъ, обсыпаютъ драгоценными камнями и при звукахъ музыки и пѣнія садятся. Каждой молодой четѣ царица Анувсіа даетъ цѣнное приданое, камнями, платьемъ, золотомъ, дѣвчушками и мальчиками.

Три дня Анувсіа пригласила всѣхъ ихъ праздновать у нея свадьбу.

¹⁾ Ср. „Кар.-Цх.“

²⁾ Ср. это имя въ народной поэзіи.

ХII. Царь Горшарабъ извѣщаетъ Дилара, что вторглись въ его царство цари индійскій, египетскій и вавилонскій и хотять раздѣлить между собою его владѣнія. Узнавъ объ этомъ, Ласуръ и Фарсманъ просятъ позволенія выйти имъ противъ наступившаго врага. Анувсіа желала бы этого, но Диларъ наставляетъ на личномъ участіи въ борьбѣ¹⁾. Царица плачетъ, но храбрый абашетскій герой пытается устранить всѣ ея горестныя предчувствія, прибавляя при томъ, что постыдно отдавать страну на разореніе врагу. Однако, въ виду разлуки ему такъ тяжело, что падаетъ въ обморокъ, и Анувсіа приводитъ въ чувство. Получивъ разрѣшеніе идти на войну, Диларъ чрезъ Джануджана-визиря отдаетъ приказъ о сборѣ войска и посылаетъ авангардъ подъ начальствомъ Марси. Анувсіа посылаетъ къ Дилару своего преданнаго спасалара Камаръ-Бадри, который записываетъ всѣ приключенія и дѣянія Дилара, отправляя мемуары немедленно къ царицѣ при посредствѣ 10 гонцовъ.

Бой отърывается состязаніемъ Марси и Кидо и кончается торжествомъ перваго. Явился на помощь Горшарабъ съ своимъ закланнымъ войскомъ. Царь индійскій Парпуръ и амилбаръ Саридонъ отърываютъ страшное состязаніе, въ которомъ принимаетъ участіе Диларъ. Булавы пущены съ обѣихъ сторонъ, а на мѣстѣ побѣжденнымъ остался Парпуръ. Такой же судьбѣ подверглись цари вавилонскій Вилосъ и египетскій Фаросъ. Самъ же Диларъ приставляетъ врачей для лѣченія нанесенныхъ имъ ранъ, а они безконечно благодарили, что онъ ихъ оставилъ въ живыхъ.

ХIII. Диларъ съ торжественнымъ триумфомъ вступаетъ въ городъ Солнца. Народъ встрѣчаетъ его восторженно. Наступилъ тотъ желанный моментъ, когда онъ получилъ приглашеніе къ своей возлюбленной. Встрѣча самая сердечная, чувства изливаются самая трогательныя, увѣренія въ любви и преданности исходили съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, происходитъ пышное празднованіе брака Дилара съ Анувсіей въ палатахъ царя Сзостра, поражающихъ зрителей и богатствомъ, и красотой. Молодая чета возсѣдала на тронахъ, и гости, подходя сыпали жемчугомъ и драгоценными камнями. Цари-спутники Дилара поочередно вставали пили вино и заставляли пить другихъ. Пѣніе и музыка сопровождаютъ веселый разговоръ въ теченіе 40 дней. Но замѣтили, что вновь прибывшіе три царя и амилбаръ вавилонскій, египетскій и т. д., слушаютъ, а въ одинъ день и вовсе не явились. Ди-

¹⁾ Диларъ во всемъ ходѣ повѣсти выставляется великодушнымъ, храбрымъ и неустрашимымъ.

ларь велѣлъ разузнать причину, и оказалось, что они влюблись въ придворныхъ дамъ Анусіи. Послѣдняя, зная силу огня любви, уговариваетъ дамъ спасти страдальцевъ и выйти за нихъ замужъ. Онѣ уступили, и отерываются торжество ихъ свадебныхъ пировъ. Анусія рождаетъ сына, который по красотѣ напоминаетъ мать, а по строенію физическому превосходилъ отца. Цари Парпуръ, Вилось, Парось, Фарсманъ (катузіанцевъ) и Хаканъ возвращаются домой съ разрѣшенія Дилара. Уѣзжаютъ также Нушерванъ и Гоһаръ, осыпанные золотомъ и серебромъ. Проводы трогательныя. Ихъ сопровождаютъ до границы Диларъ и Ласуръ. Нушерванъ назначаетъ царемъ Лара надъ одною областью, и Диларъ его утверждаетъ. Самъ же Диларъ объявляетъ спасаларами Горшараба и Зорастена (царя разбойниковъ). У Ласура и Касіи рождается сынъ, словно солнце по свѣту и луна по яркости.

Анусія рождаетъ втораго, столь же красиваго и мужественнаго сына. Джануджавъ-визирь проситъ Дилара посѣтить въ честь молодаго царевича возведенный имъ дворецъ. Визирь построилъ замокъ длиною въ 20 поприщъ и шириною также въ 20 поприщъ. Входъ дворецъ имѣлъ въ 12 поприщъ вышиною. Тутъ стояли мѣдныя львы огромныхъ размѣровъ. Вокругъ стѣнъ стояли въ 12 рядовъ страшныя мѣдныя воины, вооруженныя одни стрѣлами, а другіе щитами. Внутри стѣнъ, подъ куполомъ стоялъ тронъ изъ чистаго алмаза, на которомъ возсѣдала статуя Дилара изъ яхонта съ короною на головѣ и рядомъ съ нимъ Анусія съ короною и съ дѣтьми. Подъ статуей на 500 (?) языкахъ была вырѣзана золотыми буквами надпись, гласящая о подвигахъ и романѣ Дилара. За этой статуей слѣдовали изваянія Ласура и его супруги Касіи съ дѣтьми, Фарсманъ съ своей возлюбленной и дѣтьми, Нушерванъ, Гоһаръ, Хаканъ, Горшарабъ, Зорастенъ, Ферозъ и другіе извѣстные изъ разсказа цари и спасалары съ женами и дѣтьми, а надписи надъ ними оповѣщали объ ихъ подвигахъ и любовныхъ приключеніяхъ. Левъ, стоящій предъ входомъ, по объясненію Джануджана на запросъ Дилара, способенъ о приготовленіяхъ врага за цѣлый годъ дать знать городу троекратнымъ страшнымъ воемъ, а за 6 мѣсяцевъ 6 разъ завоюетъ, а за недѣлю до вступленія врага въ предѣлы страны начнетъ день и ночь реветъ. А воины, окружающіе стѣны, обладаютъ талантомъ въ часъ 1000 стрѣлъ пускать и пробивать все: и скалу, и желѣзо. Стрѣлы у нихъ не истощаются, и левъ не переставетъ рѣветъ, пока враги не будутъ всѣ перебиты. Всѣ были поражены изобрѣтеніемъ стараго визира. Испытали ревъ льва и силу вооруженныхъ статуй, и оказалось,

искусство представляет полное совершенство. Анувсія даетъ визирю городъ съ удѣльнымъ владѣніемъ, и всѣ другіе приносятъ ему поздравленіе.

Глава эта завершается извѣстіемъ, что у Дилара рождается третій сынъ красавчикъ, а сотрудниковъ абашетскаго героя Богъ награждаетъ также сыновьями ¹⁾.

XV. Дилара посѣщаютъ цари: Фивезъ мвинварскій, катузіанскій, индійскій, вавилонскій, египетскій, Нуперванъ, Говаръ и амилбаръ Лари и приносятъ многочисленные подарки. Диларъ въ свою очередь отдариваетъ ихъ и щедро угощаетъ. Въ полномъ собраніи царей Джануджанъ провозноситъ похвальную оду (стр. 454—5) Дилару, превознося его подвиги и характеръ. Своему наставнику старцу Эгросу Джануджанъ посвятилъ также нѣсколько стиховъ („чахрухулъ“ по 20 слоговъ). Стихами „қарибули“ онъ обратился къ Ласуру пекинскому, Фарсману катузіанскому и царямъ египетскому, индійскому и вавилонскому, говоря о необходимости творить добро и оставаться вѣрнымъ Дилару.

Диларъ пожелалъ посѣтить свою Абашетію. Онъ отправляетъ вѣстниками Марси я 1000 своихъ воиновъ. Населеніе встрѣчаетъ ихъ восторженно. Кълики радости усилились, когда Диларъ въ сопровожденіи царей и царицъ приблизился къ Абашетскимъ владѣніямъ. На встрѣчу выходятъ спасалары, визири, вельможи, старцы и 100.000(?) воиновъ. Лобызая руки Дилара, населеніе и его представители, сыпали жемчугъ по золотымъ вышитымъ коврамъ, которыми устлали путь Дилара. Въ своемъ городѣ Маргарити Диларъ открываетъ роскошный пиръ. По просьбѣ царей,—Эгрось возводитъ большой памятникъ, изображающій всѣхъ ихъ, надъ которыми возвышался Диларъ съ 30 коронами съ распростертыми руками, въ знакъ покровительства, надъ 30 подъ нимъ отлитыми царскими бюстами. Памятникъ увѣнчивала золотая колонна съ орломъ. Крылья его были распущены и 24 раза въ сутки страшнымъ голосомъ зывалъ: „славьте, славьте, славьте Дилара-побѣдителя, Анувсію и дѣтей ихъ!“. Другой мѣдный памятникъ 6000 арш. вышины и 3000 ширины занимали 12 витазей, которые одной рукою закрывали лицо, а другой указывали на дворець. На третьемъ мѣдномъ памятникѣ Эгрось изобразилъ себя, воздвѣшаго одну руку къ небу, а другую протягивавшаго съ картою къ Дилару, въ которой онъ просилъ у него долгоденствія.

¹⁾ Покоренные цари становятся къ Дилару какъ бы въ феодальныя отношенія.

Во время пира на площади орелъ оглашалъ славу Дилара, а музыканты играли и пѣли въ честь его. Эгрось поднимается и произноситъ стихи. Диларъ благодаритъ его и снова со всѣми прибывшими придворными возвращается въ городъ Солнца. 10.000 абашинцевъ сочетаются бракомъ съ таковымъ же количествомъ красавицъ изъ города Солнца (!).—Этимъ заканчивается „Диларіани“.

Въ концѣ повѣсти читаемъ: „Петръ Ларадзе употребилъ много труда на воспоминаніе и сочиненіе этого разсказа“.

1879 г. октября 25 началъ переписывать и декабря 19 того же года кончилъ. Давидъ Ивановичъ Амиридзе моуравъ кн. Давида Ивановича - Джамбакуръ - Орбеліани переписывалъ на 61 году своей жизни и просилъ не порицать за тщетный трудъ при старости, а молиться за его грѣшную душу, исправить ошибки, какія найдутся, и кто возьметъ, тотъ пусть возвращаетъ скоро хозяину ¹⁾.

Въ началѣ книги ²⁾ вслѣдъ за прославленіемъ Творца тамъ же читаемъ, что къ Ларадзе приставали возстановить Диларіани, который, „будучи извѣстенъ во время Тамары“, исчезъ. Онъ помнилъ эту просьбу и написалъ разсказъ частью въ прозѣ, частью въ стихахъ. Большею частью стихи не заключаютъ въ себѣ ничего новаго, сравнительно съ прозаическимъ разсказомъ,—они только болѣе высокопарно и риторически выражаютъ тѣ мысли и чувства, о которыхъ предшествовавшей или послѣдующій эпизодъ передаетъ. Стихи у него носятъ различныя названія, но по содержанію и по формѣ большею частью они не отличаются другъ отъ друга. Стихи то 10 слоговые: лекси, тазпи, цагнаворули, рвули, шаири, шецкобили, шереули, мрчобледи, то 20 слоговые: чахрухули, пистивури, цкобили, қарибули. Чахрухули восьми-слоговой [рвули] не отличается отъ простаго „чахрухули“. Ямбико—12 слоговой стихъ.

Петръ Ларадзе пытался подойти ближе къ духу древнихъ литературныхъ произведеній, заимствуя у нихъ способъ изложенія, характеристики дѣйствующихъ лицъ и поля сраженія.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ мы находимъ описанія природы по тѣмъ же приемамъ, которые встрѣчаемъ въ „Амиранъ-Дареджаніани“ ¹⁾.

Начинается какъ Амиранъ - Дареджаніани, Русуданіани и др.: „Здѣсь начало разсказа о Мкинварскомъ царѣ Нушерванѣ“ и пр.

¹⁾ Николай Чичиковъ, какъ видно изъ приписки, бралъ читать и въ полномъ восторгѣ отъ разсказа съ благодарностью возвращаетъ его моураву Амиридзе.

²⁾ Рукопись, по которой мы старались вкратцѣ изложить содержаніе „Диларіани“, заключаетъ 476 стр. in folio. Почеркъ убористый ихедрули. Хранится въ кожанномъ переплетѣ. Принадлежитъ нынѣ Обществу распространенія грамотности среди грузинскаго населенія въ Тифлисѣ.

„Солнце разсыпало свои лучи по землѣ и черный ночной покровъ прожгло своимъ пламенемъ“ (51). Утренній орionъ свои сверкающія стрѣлы пустилъ въ видѣ молнии съ четырехъ сторонъ и распространилъ всюду пурпуровый оттѣнокъ (75). Великое свѣтило, возраждающее радость на землѣ, раскрыло свой красновато-узорчатый шаръ и моментально освѣтило всю вселенную (80). Солнечныи стрѣлы вонзились въ сердце земли, и кровь ея полилась свѣтлой струей (84). Солнечный дискъ игриво и радостно началъ восходить, посылая лучи вѣстниками о встрѣчѣ четырехъ влюбленныхъ (112). Блестящія конья солнца пронзили луну, и она, словно испуганная, спѣшила спрятаться въ укромное мѣстечко и подобрать свои нѣжные лучи, а солнце, торжествуя надъ нею побѣду, играло въ зенитѣ во всемъ своемъ величii (154).

Привлекая природу для сравненiя съ явлениями земной жизни, писатель пользуется риторическимъ способомъ для усиленiя впечатлѣнiя, прибѣгаетъ къ эпитетамъ и гиперболамъ, не всегда складнымъ и естественнымъ. Письмо Нушервана къ Родамъ начинается словами: „О хранительница виноградника безсмертiя, привратница райскаго сада, цвѣточница палестинскихъ розъ, стража ливанскаго кипариса и египетскаго сахарнаго тростника!“ (56). Родама отвѣчаетъ Нушервану, что роза для него только усиливаетъ свой отблескъ и соловьи надъ ними распѣваютъ для его успокоенiя. Несмотря на эту ходульность и возвышенность тона нѣкоторые психологическiе моменты переданы вполне правдоподобно, какъ можно судить и по нашему изложенiю. Гулнази слегка недовольна Нушерваномъ и журить его, но „въ ея недовольствѣ небо съ неизсякаемою щедростью дарило героя сладостью“. Чувство тоски иногда передается также вѣрно, какъ приливъ радости. Непостоянство судьбы, играющей человѣческой жизнью, даруя то горе, то наслажденiе, вызываетъ мрачныя размышленiя въ Диларѣ, обезумѣвшемъ отъ созерцанiя красавицы Анусiи. Нѣкоторыя мѣста по характеру изложенiя могутъ быть объяснены влиянiемъ Руставели. Такъ, имѣемъ здѣсь воспроизведенiе того момента изъ „Барсовой кожи“, когда Ростеванъ, царь Аравii, встрѣчаетъ Тарiеля на берегу рѣки. Разсказъ Нушервана о себѣ предъ Диларомъ имѣетъ параллель въ поэмѣ Руставели, когда послѣднiй заставляетъ своего индiйскаго царевича съ трепетомъ приступить къ скорбному повѣствованiю своего романа ¹⁾.

¹⁾ См. у меня еще выше (стр. 220), подражанiе Руставели. Какъ у Нестанъ-Дареджаны въ „Барсовой кожѣ“, такъ въ „Диларiани“ каждая героиня имѣетъ свою наперзницу: у Дареджаны—Асмати, а у Анусiи—Зефири.

Характеристика Дилара, черты, вызывавшія восторгъ и у поэтовъ, и у простыхъ смертныхъ, сводятся къ тому, что говорятъ его друзья, оплакивающіе его въ обморокъ: „Диларъ, радость своихъ названныхъ друзей, вѣнецъ всѣхъ земныхъ царей, львинымъ сердцемъ до небесъ прославленный обладатель красоты, юноша еще неполнѣ расцвѣтшій, неизмѣримая глубина мудрости, крѣпость царей, украшеніе поля брани, возбуждающій удивленіе въ лучшихъ храбрецахъ, первый стрѣлокъ, вѣдокъ, наставникъ игрокамъ въ мячъ, глава рыцарей, утѣшеніе видящихъ, безгранично великодушный и милостивый отецъ всѣхъ, упованіе Гоһара и спаситель Нушервана и царя разбойниковъ, обращеннаго имъ къ истинной вѣрѣ!“ (220.221). Царскими регаліями его служили тронъ, корона, двуглавый орелъ съ раскрытыми крыльями, который въ когтяхъ держалъ скипетръ и порфиру. Тотъ титулъ сохранился съ большими подробностями, который принадлежитъ Анувсію. Ея манифестъ начинается словами: „Мы, по волѣ Всевышняго провидѣнія поставленная надъ всѣми земными царями, повелительница города Солнца и обладательница моихъ странъ и города, наслѣдственная хранительница лучей солнца и пренебрегающая свѣтомъ луны, блескомъ превосходящая Кроноса, а гнѣвомъ Гарихи (?), слаще меду и молока, щедрая подобно осеннему дождю, посрамляющая рози цвѣтомъ лнца своего, градіей гнетущая египетскій кипарисъ, примѣръ всего хорошаго, возродившій Абашетію дискъ, утѣшительница Дилара, царица царицъ Анувсіа“..

Какъ въ этомъ манифестѣ, такъ и во всемъ разсказѣ Ларадзе чувствуется вліяніе новаго времени. Возстановленный имъ романъ явно проникнутъ христіанскимъ воззрѣніемъ автора: вѣра въ Троицу, Единаго Бога, прощеніе семь разъ семь—слѣды Евангельскаго ученія. Въ особенности авторъ не сумѣлъ избѣгнуть анахронизмовъ: на ряду съ вавилонскимъ, индійскимъ и египетскимъ называются гальскій, британскій и польскій владѣтели, т.-е. происходитъ смѣшеніе двухъ разновременныхъ историческихъ эпохъ, правдоподобныхъ и фантастическихъ событій, извѣстныхъ въ исторіи именъ и вымышленныхъ названій. Эта невыдержанность стиля разсказа „временъ Тамары“ называется въ перенесеніи современныхъ понятій и словъ къ XII в.: апельцини вм. туринджи, Китай вм. Чинети, императоръ вм. царь, Колхида вм. Грузія, хотя наряду съ современнымъ лексикономъ онъ прибѣгаетъ къ архаизмамъ: утевани (поприще), хвастаги (скотъ, богатство), шушпроба вм. тамашоба (игра).

Любопытно упоминаніе греческихъ (и арабскихъ боговъ). Авторъ хорошо знакомъ съ мифологіей и пользуется ей для иллюстраціи сво-

его повѣствованія: съ Діаніей, Афродитой (съ Аспировомъ) сравнивается Гулнази; въ виду другихъ обстоятельствъ называются: Кроносъ, Аполловъ, Марсъ, Вулканъ, Минерва, Цирцея, рѣка Ахеронъ. У него стоятъ рядомъ Кроносъ, Еливерите? Муштаръ и Аспирозъ. Муштаръ по-араб. Зевсъ, Аспирозъ—Венера.

Названія орудій многочисленны,—пускаются въ ходъ: мечъ, щитъ, булава, стрѣлы, костяной ножъ или палашь. Одѣты борцы въ латы, на головѣ имѣютъ каску, шлемъ.

Языкъ повѣсти носить слѣды сигнахскаго говора, по крайней мѣрѣ, часто мы встрѣчали въ рѣчи современное *qe*.

Сравнивая нашу рукопись съ напечатаннымъ Чубиновымъ ¹⁾ отрывкомъ, мы находимъ отличія въ расположеніи фразъ и большей или меньшей ихъ краткости, но сущность разсказа остается неизмѣнной. Однако, существованіе разночтеній въ этихъ двухъ памятникахъ даетъ основаніе предполагать двѣ разныя редакціи Диларіани.

Содержаніе двухъ вставочныхъ въ „Амиранъ-Дареджаніани“ главъ о Диларѣ мы приводимъ вкратцѣ, для сравненія съ плохо возстановленной Ларадзе повѣстью.

Когда-то царь Диларъ Хозарскій подчинилъ себѣ всѣ страны и народы, какъ описано (Саргисомъ Тмгогвели ¹⁾). Предъ смертію онъ призвалъ племянника своего Хосро и поручилъ ему малолѣтняго сына Джимшера воспитывать до десяти лѣтъ и потомъ возвестъ на престолъ. Хосро (Хвасро) велѣлъ витязю Мерабу заключить царевича въ отдаленную вѣрность, а самъ овладѣлъ трономъ. Царевичъ томился здѣсь долго, вспоминая военные турниры и свободные пиры. Наконецъ, послалъ чрезъ привратника сказать Мерабу освободить изъ заточенія, или же онъ перебьетъ всю стражу. Мерабъ въ гнѣвѣ отрубилъ голову донесшему эту вѣсть привратнику. Но потомъ, вспомнивъ благодаренія оказанныя ему отцомъ Джимшера, онъ рѣшилъ освободить царевича, возвелъ его при помощи рыцарей (бумбурази) на престолъ и возложилъ на него корону. Торжество сопровождалось пиромъ и закончилось охотой на львовъ и тигровъ. Здѣсь они встрѣтились съ ордой витязей, изъ которыхъ одинъ успѣлъ побить многихъ изъ свиты Джимшера. Послѣдній вступилъ въ бой съ незнакомымъ витяземъ 'Кулъ сѣвернымъ и послѣ упорнаго состязанія на сабляхъ, булавами, стрѣлами Джимшеръ сразилъ его. 'Кулъ немедленно подчинилъ ему всю

¹⁾ Хрестоматія (Спб. 1863), стр. 110—122.

²⁾ Этими словами въ рукописи XVIII в. (?) подкрѣпляется мнѣніе о принадлежности разсказа о Диларѣ Саргису Тмгогвели.

свою страну. Хосро же узнавъ обо всемъ этомъ, очень опечалился и написалъ грозное письмо Мерабу за ослушаніе, а 'Кулу за переходъ на сторону Джимшера. Мерабъ предложилъ юному царю удалиться изъ владѣній изъ опасенія передъ силой и чарами Хосро, посредствомъ которыхъ онъ можетъ сжечь море и растопить скалы. Хосро успокоился, а Джимшеръ со свитой поселился въ дальней странѣ. Разъ во время охоты онъ встрѣтилъ трехъ путниковъ, которые вызвались его сопровождать въ обильныя звѣрями мѣста. Они оказались дѣвами-слугами Хусруджани, овладѣли Джимшеромъ колдованіями и привезли связаннаго къ своему повелителю. Черезъ одного развощика царица Кетевана, дочь витайскаго императора, узнаетъ о плѣненіи Джимшера. Она выпросила у Хусруджани свободу Джимшеру и предложила выдать за него свою красавицу-дочь. Последняя требуетъ съ него геройскихъ подвиговъ въ борьбѣ съ витязями. Джимшеръ сразилъ въ присутствіи царя, красавицы и горожанъ, при звукахъ музыки, дѣва Мохшура, дѣва Эрвана и, наконецъ, призвавъ Бога, страшнаго дѣва Авери, съ которымъ онъ боролся три дня и вызвалъ общій восторгъ зрителей. Амиранъ-Дареджанидзе слышалъ этотъ рассказъ отъ Сейедавлс. Джимшеръ взялъ крѣпость дѣвовъ и, женившись на красавицѣ, обо всемъ написалъ Мерабу и 'Кулу. Письмо отправилъ черезъ чародѣя негра (занги и у Руставели) и призывалъ ихъ въ себя. Посолъ засталъ городъ Джимшера въ траурѣ. Въ отвѣтъ Мерабъ и 'Кулъ поспѣшили къ нему. Отпраздновали пышную свадьбу. Джимшеръ съ женой вернулся къ себѣ.

Глава II. О Джимшерѣ сынѣ Джимшера. Джимшеръ разъ отправился въ горы на охоту и достигъ вершины, гдѣ стало очень холодно: здѣсь надъ озеромъ простерся драконъ. Джимшеръ его убилъ, и холодъ немедленно смѣнился тепломъ. Джимшеръ замѣтилъ толпу людей и послалъ узнать, кто они такіе. Посолъ донесъ, что они изъ туркійской страны, гдѣ появился страшный звѣрь съ двумя головами, испускающій огонь. Джимшеръ направился въ землю этихъ несчастныхъ людей. Послѣ отчаянной схватки чудовище было убито. Народъ ликуетъ, благодаритъ и проситъ остаться управлять имъ. Онъ извѣщаетъ о подвигахъ Мераба, но онъ получаетъ отвѣтъ съ приложеніемъ письма отъ Мзечабука, приглашающаго его къ себѣ. Джимшеръ по пути встрѣчаетъ купцовъ изъ Индіи, ограбленныхъ арабами. Разбойники наказаны. Прежде чѣмъ попасть въ страну сѣвернаго царя, Джимшеръ избиваетъ дѣвовъ, а потомъ, въ состязаніяхъ одолѣвъ витазей (Кавтара), получаетъ руку сѣверной царицы Камарлухъ. Послѣ свадьбы Джимшеръ отправляется съ женою

домой и здѣсь дружески встрѣчается съ Мзечабукомъ. Новыя приключенія передаются съ тѣми же особенностями, какія намъ извѣстны изъ другихъ повѣстей.

Разсматривая содержаніе этихъ двухъ вставочныхъ въ „Амиранъ-Дареджаніани“ главъ, мы видимъ, насколько безцѣльно подражаетъ ихъ авторъ похождениямъ героевъ въ грузинскихъ произведеніяхъ. Има Амирана, случайно вплетенное въ рассказъ о Джимшерѣ, служитъ блѣдной попыткой объединить двѣ героическія повѣсти, посвященныя этимъ прославленнымъ витязямъ. Съ другой стороны, неудачный опытъ „крцхинвальскаго новеллиста“ (см. у меня выше, стр. 155, примѣч.) связать подвиги Джимшера и Амирана бросаетъ свѣтъ на составъ „Диларіани“ и „Амиранъ-Дареджаніани“. Эти двѣ повѣсти составляютъ сборники самостоятельныхъ героическихъ рассказовъ, спитыхъ бѣлыми нитками и расположенныхъ вокругъ Амирана и Дилара¹⁾.

Этотъ вставочный эпизодъ, созданный по подражанію существовавшимъ повѣстямъ о похожденияхъ героевъ, разыгрывается въ предѣлахъ извѣстной схемы: исканіе руки красавицы, полученіе ея согласія въ награду за побѣду надъ именитыми витязями, борьба съ дѣвами и чародѣями. Онъ свидѣтельствуетъ, что форма такихъ повѣстей уже кристаллизовалась, авторы творятъ по определенному шаблону. Сопоставляя наши рассказы съ западно-европейскими (напр. объ Артурѣ и Роландѣ) однохарактерными повѣстями, усматривается поразительное сходство: герои большею частью воспитываются въ уединеніи и съ дѣтства проявляютъ храбрость, странствуютъ въ поискахъ за приключеніями, защищаютъ угнетенныхъ, сражаются съ рыцарями (въ грузинскихъ еще съ чудовищами); при этомъ подробно описываются шлемы, латы, всяческое оружіе, уборы рыцарей²⁾.

Абдуль Мессія Шавтели.

Абдуль Мессія Шавтели, о стихахъ котораго передаетъ восторженный отзывъ Шота Рустагели, происходилъ изъ Самцхійской области (нынѣ Ахалцихскій уѣздъ). Онъ былъ государственнымъ секретаремъ при царицѣ Тамарѣ и прославился, по словамъ царевича Теймураза, какъ возвышенный пѣтъ, одописецъ: „Высокій стиль, богатая рѣчма, гармоническое сочетаніе мыслей исполняютъ его произведеніе величія и торжественности. Отъ него осталась похвальная поэма, посвященная царицѣ Тамарѣ. Но ему же приписывается произведеніе

¹⁾ Ср. съ ними дальше „Русуданіани“.

²⁾ Ср. Средневѣковой эпосъ и романъ. Перев. Балобановой. Слб. 1896.

подъ названіемъ *Абдуль-Мессіа*, что въ переводѣ значить „рабъ Христовъ“, вызвавшее въ современномъ ему обществѣ лестные отзывы, подтверждаемые мнѣніемъ Руставели. Объ этой утраченной книгѣ говоритъ авторъ „Барсовой кожи“ въ послѣдней строфѣ поэмы. Впослѣдствіи Шавтели постригся въ монахи въ Гелатской обители и нареченъ былъ Іоанномъ. Въ этомъ уединеніи онъ написалъ много сочиненій и тутъ же скончался ¹⁾. Одинъ трудъ Шавтели, помимо поэмы, дошелъ до насъ въ спискѣ XVI в., написанный впервые въ 1172 г. Это—Квинкось (*κίνκλος*—Квинкось) или календарь для опредѣленія дня пасхи и подвижныхъ праздниковъ. Издавна готовыя хронологическія таблицы сопровождалась противъ соотвѣствующихъ лѣтъ историческими записями современниковъ. Извѣстный кинкось Шемокмедскаго монастыря раздѣленъ на четыре графы, изъ которыхъ въ первой указывается первый день Великаго поста, во второй еврейская пасха, въ третьей христіанская пасха, а въ четвертой основаніе пасхалии. Въ такомъ порядкѣ слѣдуютъ всѣ годы „короникона“ (квинклоса), состоящаго изъ 532 лѣтъ, и въ заключеніи сказано: „когда этотъ корониконъ кончится, начни съ начала же“ ²⁾.

Поэма Шавтели, „Похвала царицы Тамары и супруга ея царя Давида“, написана въ 1192 г. Эту дату сохранили двѣ до насъ дошедшія въ спискахъ XIX в. рукописи, а о болѣе древнихъ манускриптахъ этой поэмы у насъ нѣтъ свѣдѣній. Впервые издалъ эту поэму Платонъ Юсселиани (Тифлисъ, 1838), а за нимъ въ 1863 г. Д. Чубиновъ во второй части „Грузинской Хрестоматіи“. Рукопись оды Шавтели изъ библіотеки ³⁾ покойнаго проф. Чубинова и согласно съ нею дефектный списокъ, случайно купленный мною, сообщаетъ въ заглавіи, что эту *художественно сложенную поэму* написалъ Іоаннъ Шавтели въ Гелатскомъ монастырѣ, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ инокъ. Издана поэма невнимательно: текстъ искаженъ неправильнымъ его воспроизведеніемъ въ печати.

Поэтъ будучи свидѣтелемъ побѣдоносныхъ войнъ Тамары надъ мусульманами и расцвѣтомъ благоденствія страны, посвятилъ оду „именитой дочери царя Георгія, самодержавной повелительницѣ всей

¹⁾ Изъ соч. царевича *Теймураза*, см. мое письмо въ *Иверіи*, 1892, № 17

²⁾ См. *Жорданія*. Хроника. II, 103. *Бакрадзе*. Археолог. путешествіе, стр. 149. Пасхалию Іоанна Шавтели мы видѣли у свящ. В. Карбелова. Объ этомъ же вопросѣ см. *Броссе*, *Etude de Chronol. technique*. Mémoire de l'Ac., IX, I p. 1868 г.

³⁾ Нынѣ хранится въ Общ. грамотности въ Тифлисъ, № 79.

Иверія". Общее вниманіе современниковъ царица приковала тѣмъ, что она смирила султановъ сельджуевскихъ и приняла подъ свое покровительство христіанъ. Помимо вѣншей военной славы имя Тамары окружено ореоломъ государственной мудрости и правосудія.

Шавтели Тамару называетъ „воспитательницей и учительницей народа (строфы 10, 55 и 63), благотворительницей (стр. 22), главной судьей надъ судьями, сосудомъ мудрости (стр. 26, 72, 79, 99), покровительницей иностранцевъ (71, 88), стержнемъ правосудія въ государствѣ (69), глазомъ слѣпыхъ, наставницей юношей, хлѣбомъ голодныхъ, кровомъ безпріютныхъ, отцемъ сиротъ, судьей вдовствующихъ, твердымъ посохомъ для старцевъ и труженниковъ (стр. 63), охранительницей чистоты всѣхъ семи вселенскихъ постановленій (88). Другой поэтъ—Чахрухадзе уподобляетъ царицу Тамару лучу солнца, и называетъ ее умиротворительницей народонаселенія Грузіи (стр. 19 и 27).

Послѣ этого становятся понятными слова Биракоса, армянскаго писателя, который пишетъ: „Тамара заключила миръ съ султанами Дамаска... Съ тѣхъ поръ султаны стали обращаться человѣчнѣе съ христіанами, обитавшими въ ихъ владѣніяхъ... были облегчены подати монастырей; султаны запретили грабить или оскорблять христіанскихъ обитателей ихъ владѣній, отправлявшихся въ паломничество въ Іерусалимъ; въ особенности это почтеніе соблюдалось относительно грузинскаго народа..., такъ что грузины находились въ исключительномъ почетѣ и были изъяты отъ налога въ ихъ городахъ и даже въ Іерусалимѣ. Тамара пользовалась въ Св. Землѣ большимъ почетомъ. Такимъ образомъ воцарилась миръ и дружба между Грузіей и княжествами султановъ“. (Addit. p. 416).

О защитѣ христіанъ Тамарою не мало говорить и слѣдующій фактъ, передаваемый мусульманскимъ историкомъ Ибнъ-Шедданомъ. По его словамъ, „царица Тамара предложила султану Саладину 200.000 динаровъ за захваченный мусульманами въ 1187 г., при взятіи ими Іерусалима, крестъ, на которомъ былъ распятъ Спаситель ¹⁾).

О побѣдахъ Тамары надъ бусурманами, повидимому, свѣдѣніе дошло и до Россіи, что видно изъ словъ Іоанна Грознаго, который предъ штурмомъ города Казани воодушевлялъ свое войско такъ:

„Слышите иногда Божию бывшую великую милость и пречистыя Богородицы помощь, яко премудрая и мужеумная Царица Иверская сотвори я коликую побѣду показа на небожныхъ персѣхъ“ ²⁾).

¹⁾ Православный палестинскій сборникъ, т. IV, стр. 49.

²⁾ *Mélange Asiatique*, T. 3, p. 563—583. Тутъ же Броссе разъясняетъ, что въ словахъ І. Грознаго разумѣются побѣды Тамары въ Шамхорѣ (1203 г.) и въ Ардебилѣ. О взятіи Ардебила грузинами и избіенія множества мусульманъ говорить также Гусейнъ-Шейхъ-Абдуль-Загадъ-оглы.

Какіе отзвуки сохранились на Руси о царицѣ Тамарѣ, можетъ свидѣтельствовать повѣсть о *царицѣ Динарѣ*. (*Пыпинъ*. Очеркъ лит. ист. стар. повѣстей и сказокъ рус., стр. 218—221). Въ числу любимыхъ русскихъ повѣстей принадлежало „Слово о дѣвицѣ иверскаго царя дочери, Динарѣ царицѣ“, которое включено въ хронографы; списокъ его изданъ ак. Броссе съ историческими объясненіями. Имя царицы Динары только два раза и притомъ мимоходомъ упоминается въ грузинскихъ лѣтописяхъ: около половины X-го вѣка царица этого имени, съ помощью сына, обратила свою область къ православію, т. е. къ исповѣданію Халкидонскаго собора. Грузинскій царь Багратъ завоевалъ область ея и „овладѣлъ царицею Динарою“. Русская повѣсть, по мнѣнію Броссе, не можетъ относиться къ этой, слишкомъ отдаленной и темной Динарѣ. По словамъ его, Динара русскаго сказанія, дочь царя Александра Мелеха, одержавшая блистательную побѣду надъ персами, завоевавшая Тавризь и Шемаху, есть грузинская царица Тамара, дочь Георгія III, вступившая на престолъ въ 1184 году (вѣроятно до 1212 г.).

Грузинская исторія съ большими подробностями говоритъ подъ 1203 г. о столь же славной битвѣ, какъ и описанная въ русскомъ сказаніи, о рѣчи царицы, ободрявшей своихъ вельможъ, о слѣдствіяхъ побѣды, и при томъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ (*Hist. de la Géorgie, trad. par Brosset. St.-Pet. 1, 439—447*). По русскому сказанію Динара осталась патнадцати лѣтъ наслѣдницей „иверскаго самодержца“ Александра Мелеха и мудро управляла народомъ. Персидскій царь, услышавъ о смерти Александра, требовалъ покорности отъ его дочери, но Динара, пославъ дары, не думала отказываться отъ своей власти. Раздраженный царь пошелъ на нее войною. Страхъ овладѣлъ всеми вельможами юной царицы; „какъ можемъ стоять противъ многого воинства и таковаго перскаго ополченія?“ говорили они. Мужественная Динара возбудила въ храбрость: „ускоримъ противъ варваръ, говорила она, якоже и азъ иду дѣвица, и восприму мужскую храбрость. Копіе въ дѣвичи длани, и выстунаю въ стремя воинскаго ополченія, но не хочу слышати враговъ своихъ плѣняющихъ жеребій Богоматери въ Шарбенскомъ монастырѣ, куда пришли пѣша и необуvenными ногами, по острому камению и жестокому пути“. Динара выступила противъ враговъ, и взявши копье, устремилась на перекіе полки и поразила одного персина. Враги ужаснулись ея голоса и побѣжали. Динара „отняла“ голову перскаго царя и на копьѣ принесла ее въ Тавризь, города покорялись ей, и она съ богатыми сокровищами воротилась въ отечество. Добыча ея—„блюдо“ ладное, и каменіе драгое, и бисеръ, и золото и вся царскія потребы, еже вся отъ персѣ“, все это роздано было въ дома Божіи¹⁾. Потомъ,

¹⁾ Слово о дѣвицѣ иверскаго царя дочери, Динарѣ царицѣ. Изд. Броссе въ *Bulletin hist.-philol.* т. IX, № 19 по Воскресенской лѣтописи; въ *Ученыхъ Запискахъ I*, 483—487 по хронографу XVI—XVII в. „Кавказъ“ 1854 г., № 65—67.

¹⁾ О щедрыхъ дарахъ цар. Тамары церквамъ и монастырямъ, см. у меня выше.

она правила народомъ 38 лѣтъ и оставила власть свою сродникамъ: „даже и до днесь, заключаетъ повѣсть, нераздѣльно державство иверское пребываетъ, а нарицается отъ рода Давыда, царя еврейскаго, отъ царскаго колѣна“. Таково содержаніе повѣсти. Какимъ же образомъ грузинское событіе XII—XIII-го вѣка могло быть предметомъ русскаго сказанія, и откуда его авторъ почерпалъ эти свѣдѣнія? Исторически извѣстно, что сношенія съ Грузіей существовало у русскихъ еще въ XII столѣтіи, когда сынъ Боголюбскаго, Юрій Андреевичъ, женатъ былъ на княжнѣ грузинской Тамарѣ (Ист. Соловьева 2, пр. 344); въ послѣдствіи и русскіе заходили иногда въ Грузію, и грузинскія посольства не разъ пріѣзжали въ Россію; наконецъ, съ 1588 г. начинаются непрерывныя связи съ этой землей. По мнѣнію ак. Броссе свѣдѣнія о царицѣ Динарѣ принесены были полуучеными грузинами, пріѣзжавшими въ Россію послѣ посольства къ Іоанну III, или даже греческими монахами, которые до сего служили посредниками между обоими народами (Уч. Зап. I и III. Отд. акад. 1, 469—490); любопытно, что въ рѣчи Іоанна Грознаго, сказанной къ воинамъ при осадѣ Казани въ 1552 г. и приведенной въ „Исторіи о Казанскомъ царствѣ“ (стр. 221), попа Іоанна Глазатаго, царь упоминаетъ о „премудрой и мужеумной царицѣ Иверской“ и затѣмъ пересказываетъ вкратцѣ повѣсть о Динарѣ. Устряловъ думалъ напротивъ, что сказаніе русское не отличается большею старинной и есть басня, которую разсказывали у насъ грузины при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ и его преемникѣ (Уч. Зап., стр. 481). Значительное распространеніе повѣсти въ рукописяхъ скорѣе говоритъ въ пользу ея древности. Текстъ ея изданъ ак. Броссе по Воскресенской лѣтописи (л. 580—577), откуда напечатанъ былъ Софійскій Временникъ; потомъ въ Ученыхъ Запискахъ по другой рукописи, именно по хронографу XVI—XVII в. въ печатномъ каталогѣ Б-ки Акад. Наукъ № 4, гдѣ сказаніе называется „Слово и дивная повѣсть, зѣлоносящая о дѣвцѣ иверскаго царя дщери, Динары царицы“ (нач. „умершу иверскому влстодержцу Александру Мелеку и не имѣющу дѣтища мужеска полу“).

Шавтели былъ однимъ изъ выразителей общихъ восторговъ національнаго подъема, который относится къ цвѣтущей порѣ цар. Тамары.

Поэтъ въ началѣ своей оды обращается къ „Троицѣ единосущной“ съ моленіемъ дать ему силы достойно воспѣть Тамару, приглашая мудрецовъ, „сыновъ аеинскихъ“, славить миропомазанную царицу, возвеличенную уже до предѣловъ Крита, Египта и Китая. Ученые, мягкіе себя сократами, погруженные въ изученіе астрономіи и философіи, напрасно пытаются ее воспѣвать, ибо ни одинъ потомокъ Адама—„сынъ человѣческій“ не могъ поэту повѣдать, гдѣ видѣли свѣтлую „Этера“, солнцеподобную царицу, дарованную [Грузіи] Господомъ изъ раз; тщетно будете искать вторую Тамару на востокѣ, западѣ, на сѣверѣ и югѣ! Дерзнемъ же мы, говоритъ поэтъ, славить предъ слушателями *обладательницу* міра, сострадательную, милостивую, сильную, энергичную, блистательную, твердо правящую. Лучезарная, краснорѣчивая царица

прощаетъ сердцамъ измѣнниковъ двоедушныхъ и поражаетъ въ прахъ враговъ своихъ. Таковы личныя и государственныя достоинства царицы, но поэтъ идетъ дальше, онъ видитъ въ ней помазанницу Божью, поставленную свыше.

Шавтели вспоминаетъ легенду о происхожденіи грузинскихъ Багратидовъ изъ колѣна ветхозавѣтнаго псалмопѣвца, которому Господь далъ завѣтъ возвести на тронъ высшими судьями потомковъ изъ его крови, вотъ почему Тамара царствуетъ съ Божьяго благоволенія. Обращаясь къ мужу царицы Давиду, поэтъ находитъ его могучимъ и страшнымъ для непокорныхъ. Набросивъ эту характеристику Давида Сослана, Шавтели, очевидно, возвращается къ Тamarѣ, къ которой только могутъ относиться восточныя сравненія и эпитеты: „ласточка сладкоголосая, подобная соловью, ливанская сосна, финикійская тополь, іерихонская роза“. „Мудрый вѣститъ предъ ней, приравнивая ее къ благовонному мѣру, густому меду, рѣдкому чинару, алмазу въ золотой оправѣ, корицѣ, кипарису, нарцису и фіалкѣ“. Уподобивъ царицу исполненнымъ достоинствами названныхъ пахучихъ цвѣтовъ и изящныхъ деревьевъ, поэтъ заключаетъ, что онъ увѣренъ въ ея нетлѣнности. Она достойна пера Мевандра (лучшаго антическаго драматурга?)

Всѣ жаждутъ видѣть царицу, покровительницу всѣхъ безъ различія, подобно солнцу, освѣщающему всю вселенную. Побѣдительница всѣхъ, сама непобѣдима, и покорна только Господу. Сопоставивъ мощь Тамары съ персидскими баснословными героями: Утрутомъ (?) Саамомъ, Зааломъ и Ростомомъ, поэтъ снова указываетъ на происхожденіе царицы изъ колѣна Иессея¹⁾. Рожденіе ея сопровождалось справкой въ „такуми“ и „рамли“²⁾, т. е. въ гадательныхъ книгахъ, по которымъ опредѣлили, что „небо послало на землю источникъ райской жизни“. Она стала царствовать подъ покровительствомъ семи планетъ и покрыла все кругомъ свѣтомъ и милостью. Ей неизвѣстенъ гнѣвъ, и одна только истина руководитъ ею. Упованіе и благоволеніе, вѣра и добродѣтель—отличительныя ея качества. Безтѣлесные небесныя духи радуются за нее. Нѣтъ силъ достойно воспѣть ее, судью правыхъ и освободительницу заключенныхъ, она заслуживала безсмертіе своими дѣяніями.

¹⁾ Ср. титулъ груз. царей, начинающійся генеологіей: Иессеан-Давитіан-Соломоуіан.

²⁾ Ср. рус. Рафли. Шавтели упоминаетъ чрезъ нѣсколько стиховъ и „хризмосъ“, т. е. оракулъ.

Освѣщая съ высоты трона яркимъ блескомъ своихъ подданныхъ, Тамара варваровъ—саркинозовъ поражаетъ непрерывно. Являясь переводной, подобно Исааку, она царствуетъ съ благословенія Мелхиседека и разрушаетъ идолы Ваалу, Молоху и Астартѣ. Управляя ловко конемъ при смотрѣ войскамъ, она въ скачкахъ несется словно то буря по быстротѣ, то роза по красотѣ. Непрiятельскiя копья обращаются предъ ней какъ бы въ вѣсѣ и воины склоняютъ свои главы. Достаточно ей выразить „марзапанамъ [пограничнымъ начальникамъ] и воинамъ неудовольствiе, какъ послѣднiе начинаютъ каяться предъ „львомъ“, (а не львицей). Съ знаменемъ царей Горгаслана и Давида (Возобновителя?) она совершаетъ столько побѣдоносныхъ походовъ, что поэтъ сомнѣвается въ возможности указать другой примѣръ. Шавтели имѣетъ, очевидно, одну изъ блестящихъ побѣдъ Тамары надъ иновѣрцами, говоря, что обширная поляна была покрыта трупами, въ котормъ стаями стекались птицы и звѣри. Она страшна для враговъ, а владѣтелей земныхъ она оставляетъ въ тѣни, „словно солнце въ своихъ лучахъ блескъ звѣздъ“. Въ латахъ, шашкѣ и „съ когтями тигра“ она бросается на врага, какъ небесный громъ. Она кесарь мудрый, обладаетъ богатствомъ Джимшида ¹⁾ (!). Царскiй посохъ, полученный ею отъ великихъ царей, острая шашка и мужественный духъ съ гнѣвомъ поддемяются на варваровъ. Золотая ткань покрываетъ ея станъ, вѣнецъ, скипетръ, виссонъ, митра и мантия въ изумрудахъ, діадема и порфира составляютъ ея царскiя регалии. Вспомнивъ Хвозро (Хозро), котораго побѣдилъ Ираклiй и возвратилъ плѣненный крестъ, Шавтели ²⁾ описываетъ пышный дворецъ Тамары. Царскiе покои блестятъ золотомъ и серебромъ, стѣны сланцовыя сияны берилломъ и яхонтомъ. Кругомъ идетъ ограда, украшенная статуями барсовъ. Врата, ведущiя чрезъ притворъ на ипподромъ, осыпаны рубиномъ. Во дворцѣ пребываетъ въ порфирѣ скипетроносная царица, освѣщающая мракъ своимъ сиянiемъ. Здѣсь находятъ всѣ приходящiе правосудiе у той, которая, подобно Нилу, бесплатно разсыпаетъ золото и *оназъ* (чистое золото). Сама царица чиста и непорочна, сверкаетъ, какъ алмазь среди драгоцѣнностей, образующихъ цѣлую гору. Чаши яхонтовыя и рубиновыя, сундуки, осыпанные бирюзой и жемчугомъ, составляютъ принадлежность дворца. Раздаются пѣнiе, звуки тимпана и цимбаловъ. Она кажется сияющимъ солнцемъ, вѣж-

¹⁾ Сказочный герой, см. у меня выше.

²⁾ Онъ здѣсь называетъ себя ничтожнымъ странникомъ по образцу „скудоумныхъ и худыхъ монаховъ“ въ русской литературѣ.

ной луной, ласковой своими мигающими лучами зарей. Словно райская роза, вознесенная до небесъ, она подобна божеству—законодателю. Ее окружаетъ свита именитыхъ вельможъ, подобныхъ красотой Иосифу, силой Самсону, геройствомъ Нимроду ¹⁾. Безчисленные ея войска, поражающія молніей и избранный народъ слѣдуетъ за ней по пути добра. Наслѣдница своего отца, она является строгой хранительницей правды, утѣшительницей для своихъ подданныхъ и грозой для враговъ. Сіяніе ея никто не можетъ выдержать,—напрасно пытаются и перомъ написать ея образъ. Предъ ней блѣднѣетъ красота Иосифа. Чинаровый станъ граціозенъ какъ кипарисъ, длинная ея коса возбуждаетъ пламенную иллюзію. Одѣтая въ златотканную матерію, она ловко садится на черного коня. Клятвы данной она не нарушаетъ,—покровительство Божье служитъ ея щитомъ. Поэтъ снова украшаетъ ея имя эпитетами, подобными выше отмѣченнымъ: роза распустившаяся, роса освѣжающая, счастливо древо Давида (пророка), испускающая благовоніе и ароматъ, антракъ земной, мудрая, терпѣливая, какъ Іовъ. Проницательной и дальновидной признали бы ее Прокль, Діодохъ, а Зиновъ и Зенанъ (?) именовали бы „перипатосъ“. Носительница просвѣщенія, источникъ спасенія, перлъ чистоты, врата милости, добрая совѣтница, возрастая, облачается такимъ свѣтомъ и могуществомъ, что Сократъ и Парменидъ, Идикъ и Богратъ (Гиппократъ?) провозгласили бы владѣтельница моря и суши. Онъ же въ свою очередь назвалъ бы ее Манассеей, молниеносной зарей, яркимъ свѣтомъ. Поражая „ядовитыхъ враговъ“, она быстро возвращаетъ ихъ къ жизни. Левъ получилъ отъ нея силу, солнце—блескъ, мускусъ—ароматъ. Свѣтила міра служатъ ей сіяніемъ, и она является въ сонмѣ небесныхъ силъ. Стражъ ученія, приютъ чужеземцевъ, широкая пристань для всѣхъ, подобно Нилу. Тамара—глубина мудрости, краснорѣчивый языкъ, заслужила похвалы Индіи, Квирина [Κυρίνη] Гуденія (?), Аріецевъ (1), Гергесеовъ ²⁾, Басра, Барани (Бахрейвъ—островъ въ персидскомъ заливѣ, классическое мѣсто жемчуга), Браhma [брахманы?], Ерма (?), нагоправедниковъ, пигмеевъ, абаши (абиссинцы), гведкеневели (?), Шабаша (?). Тамара—прочная башня, небесный сводъ, сокрушаетъ враговъ, служилъ щитомъ для вѣрныхъ. Преданная мужу супруга, словно горлица, люди счастливы, что имѣютъ такую правительницу.

Она доставляетъ свѣжесть и прохладу въ знойный день всѣмъ трудящимся, какъ бы отерываетъ глаза слѣпымъ, даетъ пищу голода-

¹⁾ Сказочный герой, см. „Барт.-Цхов.“

²⁾ Гергесей, сынъ Ханаана, родоначальникъ гергесеевъ.

ющимъ, пріюгъ странникамъ, является отцомъ сиротъ, судьей вдовъ, воспитательницей молодыхъ, облакающей въ платья голыхъ. Для старцевъ и утомленныхъ работой она служить опорой—посохомъ. Распространяетъ среди народа мудрость и глубину писанія, сама принимая на себя роль его толковательницы.

Непостижимый, всевидящій, безконечный Богъ - Троица создалъ ее зарей, распвѣла—лучемъ солнца, звѣздой небесной. Дарованіе Всевышнимъ такой царицы принято съ сердечнымъ благодареніемъ. Ученіе Христа она вноситъ вразумительными притчами Зираха. Созерцаютъ ее жадно и съ прощеньями сердцами отступаютъ предъ стрѣлами ея рѣсницъ. Прекрасная, неземная, созданная ангеломъ, она стала славной царицей. Молода, кипарисо-стройна, сіяющая зарей, она достойна имѣть своимъ жилищемъ небесные чертоги. Охранительница, воздающая всѣмъ милости, владѣтельница міра, отрада и благовоніе для окружающихъ, она какъ громъ, „яростная искра“ ополчается на враговъ. Защитница народа—мудрая царица проливаетъ кровь его только за Христа, о чемъ могутъ свидѣтельствовать семь небесныхъ свѣтилъ. Небесныя сферы за такую добродѣтель посылаютъ ей благодать. Поднявъ знамя, заигравъ въ тимпаны и барабаны, она истребила враговъ послѣ отчаянной битвы. Снявъ латы, она по окончаніи боя торжественно отпраздновала побѣду. „Будемъ славить юные и старые ее, посланную воительницей за Христа, храбрую и прекраснoliкую“, словно Этери ¹⁾, лампаду чистоты и купель свѣта. Богъ и Сынъ возвели ее къ верховнымъ небеснымъ силамъ, живущую среди людей агнцемъ (45). Сопоставивъ ее съ Гоноріемъ, въ честь котораго были написаны панегирики, поэтъ радъ, что финикійцы (а не африканцы) изобрѣли письмо, посредствомъ котораго можно сохранить о ней воспоминанія. И онъ, Шавтели, приглашаетъ внимать, что онъ передастъ.

Давидъ (пророкъ?) пригласилъ ее быть хранительницей вѣры и правды. Онъ, какъ сказалъ, смягчаетъ строптивыхъ; свазочника-пророка Магомета она не считаетъ проповѣдникомъ истинной воли Бога. Она краснорѣчиво убѣждаетъ язычниковъ къ обращенію въ христіанство и своихъ враговъ. Подъ небомъ всѣ, малые и старые, славятъ ее. Издревле садукееи и фарисеи отличались недовольствомъ заповѣдями религіи и сочиняли сами писанія въ то время, какъ другіе принимали крещеніе. Благодаря имъ Назаряне и Хутосинцы (?) раздѣлились. Македоній и Сабеліосъ (?) въ заблужденіи отреклись (хулили)

¹⁾ Этери, героиня нынѣ народныхъ пѣсней, восходитъ такимъ образомъ къ древнимъ временамъ.

отъ Св. Духа: какіе-то маги доказывали о перенесеніи съ неба тѣла (?)... Армянскіе цари за пролітіе крови враговъ не удостоились Господомъ властвовать. Тамарѣ же нельзя найти мѣры славы, какъ нельзя сосчитать песокъ въ глубинѣ моря и капли дождя. Мужеству и энергіи ея никто не въ состояніи противостать. Она бросаетъ стрѣлы подобно „Мерквирі“¹⁾. Востокъ и западъ, горы и холмы громко говорятъ объ ея господствѣ. Являясь защитницей бѣдныхъ и судьей, она хранитъ твердо постановленія вселенскихъ соборовъ, а Аріозъ и Евноміоса вмѣстѣ съ Сабеліозомъ²⁾ отринуты ею. Она вѣритъ, что Творецъ вселенной создалъ человѣка по образу своему. Богъ единый по существу и троицень въ лицахъ—сотворивъ человѣка—покорилъ ему все, но запретилъ ему ѣсть плоды древа познанія добра и зла. Господь зналъ, что по съѣденіи этого плода у нихъ откроются глаза, но первые люди преступили заповѣдь, и по наущенію врага погрузились въ мракъ послѣ пребыванія въ свѣтѣ. Когда семь языковъ ассирійцевъ, индійцевъ, римлянъ, синдовъ (китайцевъ?), грековъ, персовъ и агмагуговъ (?) сдѣлались ненавистными всѣмъ, тогда Нимродъ сталъ строить башню, но былъ страшно наказанъ. Далѣе еще поразительнѣе отступленіе поэта въ сторону.

Со славой преобразился Господь на горѣ Фаворѣ, а Илья и Моисей явились къ нему и со страхомъ слышали гласъ съ неба, называющей его Сыномъ Бога. Но недостойные люди возстали противъ Него—Создателя. Тотъ (Пилатъ) умываетъ руки, но кто можетъ смыть кровь Спасителя водой? Но Ему предстояло принести предопредѣленную жертву для спасенія душъ. Но въ день страшнаго пришествія Онъ возседеть судить смертныхъ: тогда будутъ стонать моря, издавать трескъ небеса; водворятся смятеніе и ужасъ. Трубный звукъ представитъ всѣхъ на судъ. Возвращаясь къ предмету оды, онъ говоритъ:

Невѣста Христова приняла подъ свое покровительство царицу, и въ свѣтломъ эдемѣ приготовлено для нея жилище: царство небесное ждетъ ее для блаженнаго услажденія. Даже косноязычный сдѣлается краснорѣчивъ, чтобы сказать, что ей подобаетъ владѣть всей сушей и потушить геену огненную. О, царица мудрая, сердцевѣдущая; могущественная, непостижимая, невыразимо-искренняя, просвѣщенная, обновленная, сіящее солнце небесное, вольная львица, то неумолимый Голіаѳъ, то нѣжная и милостивая! Я рабъ твой, думаю, что все соз-

¹⁾ Меркурій, по-персидски Тиръ—созвѣздіе и въ то же время стрѣла.

²⁾ Арій, Евномій, Савелій—извѣстные еретики. *Иванцовъ - Платоновъ*. Ереси и расколы V в.

дано для тебя; блаженная, святая, животворная — ты вездѣ сила и сердце! Ты побѣждаешь какъ Несторъ (?) могучій (?). Мнѣ ли слабому воспѣть тебя, исполненную ума и проникающей? Ты скосила подвигами снопы добродѣтели, сдѣлалась лозой мудрости, купелью крещенія, арфой духа“. Будучи великой царицей, она отличается простотой; уподобляясь силой и сердцемъ льву, она пріятна всѣмъ своей граціей и стройностью. Она напоминаетъ розу въ расцвѣтѣ, исполненную пахучаго аромата; черныя рѣзницы, подобная хвосту вороны, освѣщается лучами, исходящими отъ нея и распространяющими кругомъ. Для ея славы собралъ онъ отрывочныя слова при помощи пѣвцовъ и „астролабовъ“. Она сама вдохновила поэта, опоясавъ его то слезами умиленія, то покровомъ мудрости.

Впервые посвященія изобрѣтены Паламидомъ ¹⁾, словесныя трудныя воздаянія даны Зиномъ (философомъ)?

Аполлонъ, утвердившій чародѣйство, съ нимъ Асклепосъ ²⁾ смущенъ и не въ состояніи пѣть и славить царицу. Книги царей, пѣсни пѣсней, Эклезіастъ и притчи мудраго Соломона, книга Левитовъ, Чисель, Судей, Ездра и Зираха не могли бы вмѣстить дѣянія Тамары, достойныя прославленія. Плающей огонь, подтачивающей червь, дождь, морозъ, сильный градъ, проливной дождь постигнуть въроломныхъ престолу царицы, горе наполнить ихъ существованіе, польются потоки слезъ. Предъ пышной красотой Тамары засыхаютъ всѣ цвѣты; она лишь является источникомъ, поливающимъ поля и холмы. Называя ее Новымъ Римомъ, поэтъ приводитъ желаніе другихъ о водвореніи ея господства всюду и проситъ объ этомъ Гелати, усыпальницу тѣлъ святыхъ. Онъ увѣряетъ и клянется Всевышнимъ, что въ разлукѣ съ ней дни его сокращаются, и онъ шатается, словно перекачь—поле, въ житейскомъ океанѣ. Онъ находится въ безчувственномъ состояніи, не слышитъ рѣчи, правратился въ безсловесное существо. Я началъ, говоритъ онъ, трудное дѣло по своему неразумію: вздумалъ написать большую оду, но не сумѣлъ по скудости и невыразительности языка. Поэтому онъ не смогъ воспѣть ее подобающимъ образомъ, но умоляетъ принять его посвященіе, какъ Христосъ лепту вдовы. Ему остается въ концѣ обратиться съ просьбой ко всѣмъ исправить и дополнить его произведеніе, замѣнить неправильности и темноту яснымъ и свѣтлымъ, какъ солнце, выраженіемъ, и его умолчаніе даже счесть частицей восхваленія.

¹⁾ Паламедъ, сынъ Навплія и Клемены во время осады Трои обвиненъ въ измѣнѣ и убитъ камнями. Другого Паламеда мы не знаемъ.

²⁾ Асклепиадъ Самосскій, греческій поэтъ, другъ Элокрита; по его имени наз. стихъ Асклепиадовымъ.

Шавтели, въ силу необходимаго толкованія послѣдней строфы Барсовой кожи, по мнѣнію царя Теймураза, написалъ поэму „Абдуль-Мессія“, до насъ не дошедшую^{*)}.

Ода же Шавтели, посвященная царицѣ Тамарѣ, является весьма оригинальнымъ произведеніемъ по своему содержанію. Она свидѣтельствуєтъ объ обширной эрудиціи поэта, оперирующаго надъ пестрымъ сочетаніемъ мифическихъ и историческихъ именъ. Самой слабой стороной произведенія Шавтели можно признать отступленіе отъ темы, отсутствіе связи между отдѣльными строфами и послѣдовательности изложенія, не оправдываемое даже лирическимъ безпорядкомъ. Поэтъ часто повторяется и возвращается къ одной и той же мысли о мудрости и красотѣ царицы Тамары, причѣмъ весь репертуаръ его изобразительныхъ приѣмовъ ограничивается восточными гиперболическими сравненіями съ звѣздой, луной, солнцемъ, розой, кипарисомъ, антракомъ. Въ поэмѣ забывается чувство мѣры при восхваленіи небесныхъ чертъ и земныхъ достоинствъ воспѣваемой царицы. Подъ его перомъ Тамара теряетъ реальный обликъ, превращаясь въ безжизненную туманную фигуру, надѣленную въ безпорядочномъ сочетаніи всѣми добродѣтелями мудрецовъ и отличительными свойствами пѣвчихъ птицъ, благовонныхъ травъ, плодоносныхъ деревьевъ. Есть строфы съ историческими именами, которыя не могутъ быть безъ натяжки сопоставлены съ Тамарой. Авторъ увлекся извѣстными ему формами классическихъ похвальныхъ одъ и даже обращеніе къ Богу въ началѣ произведенія должно быть объяснено подражаніемъ греко-римскимъ поэтамъ.

Шота Руставели и его поэма «Барсова кожа».

Среди грузинскихъ классиковъ—Тмогвели, Хонели, Шавтели,—Шота Руставели занимаетъ первенствующее мѣсто, возвышаясь величественнымъ, вѣчно-юнымъ колосомъ въ теченіе семисотъ лѣтъ. Его поэма „Барсова кожа“ (или „Человѣкъ въ барсовой кожѣ“), современница русскому „Слову о полку Игоревѣ“, составляетъ литературную гордость всего грузинскаго населенія. Въ твердомъ сознаніи высокихъ достоинствъ столь популярной поэмы, грузины настойчиво приглашаютъ иностранцевъ знакомиться съ безсмертнымъ твореніемъ своего Руставели. Ренапъ, Сютнеръ, Уордропъ, читавшіе „Барсову кожу“ въ рукописи на французскомъ языкѣ, дѣйствительно, согласны въ томъ, что эта поэма — высоко-художественное произведеніе, проникнутое глубокою мыслью и теплотою чувствъ.

*) *Brosset. Mélanges asiatiques, t. VIII, 428.*

Великаго поэта постигла судьба многихъ великихъ людей. Намъ въ достовѣрности неизвѣстно ни семейное происхожденіе Шота Руставели, ни общественное его положеніе, ни школьное образованіе, ни мѣсто и время его рожденія,—словомъ наши біографическія о немъ свѣдѣнія столь же скудны, какъ о древнемъ Гомерѣ и гениальномъ Шекспирѣ. Само названіе Шота чисто грузинское и весьма древнее ¹⁾—сокращенное изъ Ашота, по мнѣнію нѣкоторыхъ,—не встрѣчается въ святцахъ христіанскихъ, такъ какъ не было обязательнаго обычая у древнихъ христіанъ, какъ и у грузинъ, давать при крещеніи имена святыхъ прославленныхъ церковью ²⁾). Прозваніе же Руставели поэтъ получилъ по мѣсту своего рожденія въ Рустави, аналогично съ Хонели изъ Хони, Тмогвели изъ Тмогви. Но недоумѣніе наше о родинѣ поэта не находитъ разрѣшенія въ виду того обстоятельства, что географическій пунктъ „Рустави“ мы встрѣчаемъ въ исторіи Грузіи съ древнѣйшихъ временъ въ двухъ противоположныхъ концахъ: въ Южной и Верхней Карталиніи, по теперешнему административному дѣленію, въ Тифлисскомъ и Ахалцихскомъ уѣздахъ. Рустави есть названіе древняго города Грузинскаго царства, извѣстнаго подъ именемъ „Бостанъ-калаки“, на лѣвомъ берегу рѣки Куры, ниже Тифлиса; епископы, сидѣвшіе тамъ, титуловались *Руставскими*; въ половинѣ XIII вѣка городъ этотъ опустошили монголы, и попытки кахетинскаго царя Ираклія I возстановить его изъ развалинъ были безуспѣшны. Но ко времени царицы Тамары центръ грузинскаго просвѣщенія былъ перенесенъ въ Верхнюю Карталинію, гдѣ понынѣ лежитъ село Рустави, первая станція отъ г. Ахалциха по почтовому тракту, въ сторону г. Ахалкалаки. Вѣроятно же, что поэтъ Шота, пѣвецъ царицы Тамары, происходилъ изъ этого послѣдняго Рустави ³⁾ месхійскаго или Верхне-Карталинскаго, а не изъ древняго

¹⁾ *Царевичъ Теймуразъ* въ своихъ комментаріяхъ къ „Барсовой кожѣ“ говоритъ, что имя Шота или Шотта восходитъ къ языческимъ временамъ Грузіи: главный идолъ ея Армази носилъ названіе „Шота“. См. мое письмо въ *Иверіи* 1892, № 17.

²⁾ О некалендарныхъ именахъ у грузинъ см. мою статью въ *Этнографическомъ Обзорѣннн*, 1894 г., № 2. Имя Шота находимъ въ надписи на Зарэмской церкви XI в. (въ Ахалцихскомъ уѣздѣ). См. *Матеріалы* по археологіи Кавказа, в. IV (М. 1894), стр. 53. Оно встрѣчается въ лѣтописяхъ Грузіи въ XII—XIII вв. Одинъ изъ дѣятелей, носящихъ это имя, Шота Артавацосдзе, былъ казнень, какъ измѣнникъ царя Георгія въ 1177 г., а другой Шота Купри упоминается при царцѣ Русудани. *Карт.-Цх.* I, 273 и 375.

³⁾ Ср. слова самого поэта (строфа 1643): „Пишу пѣкій месхъ—стихотворецъ изъ села Рустави“.

Бостанъ-калаки, такъ какъ вообще Ахалцихскій уѣздъ или Саатабаго въ X—XII вѣкахъ игралъ выдающуюся культурную роль въ исторіи Грузіи.

Итакъ, Руставели былъ родомъ месхъ (или мосохъ—мосхъ) изъ того грузинскаго племени, названіе котораго встрѣчаемъ въ Библии и у классическихъ писателей, а нынѣ звучитъ въ словѣ „Мцхетъ“²⁾. По народной традиціи извѣстно, что Шота рано остался сиротою на попеченіи дяди-монаха, который отдалъ своего племянника для первоначальнаго обученія въ Руставскую церковную школу, откуда будущій поэтъ былъ переведенъ въ Тбетское монастырское училище. Пробывъ еще нѣсколько лѣтъ въ двухъ извѣстныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Греми и Икалто (Телавскій уѣздъ, Тифлисской губ.), основанныхъ при Давидѣ Возобновителѣ (1089—1125) Арсеніемъ, епископомъ Икалтойскомъ, Руставели былъ отправленъ въ Грецію, для довершенія своего образованія. Въ Аѳонскихъ, Олимпійскихъ (Улумбійскихъ, въ устахъ и подѣ перомъ грузинскихъ писателей) монастыряхъ и въ Иерусалимѣ, гдѣ явились обители, построенныя грузинскими царями, Руставели въ совершенствѣ изучилъ греческій языкъ, поэзію и философію³⁾, а впослѣдствіи онъ ознакомился съ языками персидскимъ и арабскимъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ его поэма. По возвращеніи на родину онъ былъ назначенъ казнохранителемъ царицы Тамары, въ награду за тѣ похвальные оды, которыя онъ ей посвятилъ. Это было время политическаго могущества Грузіи и разцвѣта лирической поэзіи при пышномъ дворѣ молодой царицы со всѣми признаками средневѣковаго рыцарскаго служенія. Молодой воспитан-

²⁾ Первое упоминаніе о месхахъ находимъ въ X главѣ кн. Бытія, гдѣ названы Мешехъ и Тубаль. Пророкъ Іезекииль называетъ тѣхъ же Мешехъ и Тубаль, а столѣтіемъ позже Геродотъ вводитъ въ XIX сатрапію персидской монархіи мосховъ и тибареновъ. Мешехъ или Месехъ Библии названы у галикарнасскаго историка мосхами, о которыхъ упоминаетъ и Страбонъ, а грузинскій географъ *Вахушти* въ „Описаніи Грузіи“ знаетъ ихъ подѣ именемъ месхи (ср. мусковъ ассирійскихъ надписей). *Мой очеркъ „Месхи“*, стр. 1—2. Москва, 1891.

³⁾ Если исключить двѣ особенности, отличающія средневѣковыя византійскія повѣсти, то послѣднія въ общемъ напоминаютъ поэму Руставели. Въ поэзіи задолго до Руставели произошла въ Греціи глубокая революція: въ средневѣковой литературѣ центромъ изображенія стала семья, вмѣсто классической площади или неба; въ послѣдней герою выше смертныхъ, въ первой выхвачены изъ толпы; тамъ любовь играетъ послѣднюю роль, здѣсь первую; тамъ женщина—рабыня; здѣсь—исходный пунктъ дѣйствія. *Киртишниковъ*. Византійскія повѣсти, стр. 19.

никъ греческихъ школъ, ознакомившійся съ поэмами Гомера и философіею Платона,—на которыхъ онъ любитъ ссылаться,—богословіемъ, началами пѣтики и риторики, всецѣло посвящаетъ себя литературной дѣятельности и создаетъ знаменитую поэму „Барсову кожу“—красу и цвѣтъ грузинской письменности.... „Раздались звуки лиры; онъ пѣсни сталъ слагать: то были перлы слова—алмазь и брилліантъ. Межъ камней самоцвѣтныхъ въ оправѣ золотой былъ жемчугъ бѣлоснѣжный и яхонтъ дорогой“.. Подобными сравненіями въ восточномъ гиперболическомъ вкусѣ характеризуетъ недавно сошедшій въ могилу поэтъ кн. В. В. Орбелиани высокое содержаніе Ш. Руставели. Поэтъ, безнадежно влюбленный въ свою повелительницу, кончилъ жизнь въ монастырской кельѣ. Тимоѳей, митрополитъ грузинскій въ XVIII вѣкѣ, видѣлъ въ Іерусалимѣ, въ церкви Св. Креста, построенной грузинскими царями, могилу и портретъ его на стѣнѣ храма въ власпицѣ подвижника ³⁾). Поэтъ отдался религіи и нашелъ идеалъ истины, добра и красоты въ христіанствѣ и пѣснопѣніяхъ церкви по лирѣ Сіона.

На ряду съ этою легендой объ отношеніяхъ Руставели къ Тамарѣ сохранились еще другія народныя преданія, разукрашенные пылкою фантазіею. Поэтъ, влюбленный въ царицу, женится, однако, на какой-то Нинѣ, и вскорѣ послѣ свадьбы получаетъ отъ „дамы идеальнаго поклоненія“ приказаніе перевестч на грузинскій языкъ литературный подарокъ, поднесенный ей побѣжденнымъ шахомъ. Руставели блестяще исполняетъ порученіе Тамары, но отъ награды за трудъ свой отказывается. Черезъ недѣлю послѣ этого нашли обезглавленный трупъ поэта, признаннаго несчастною женой. Заслуживаетъ изъ цѣлаго цикла сказаній еще одно воспоминаніе народа, по которому царица за дивное твореніе подарила поэту золотое кольцо, мужъ ея поясалъ его мечомъ, а свита въ „восторженномъ очарованіи“ поднеслао ему разныя драгоценности. Во время торжественнаго пира поэтъ былъ вызванъ неизвѣстнымъ юношей, который посоветовалъ поспѣшить къ женѣ. Руставели засталъ ее въ объятіяхъ араба Адула. Въ гнѣвѣ онъ убиваетъ проводника-юношу, который оказывается переодѣтою дѣвушкой, первую брошенною имъ его невѣстой. Озоренный красивый и талантливый поэтъ, любимецъ царицы, съ гора постригся въ монахи, а араба убилъ братъ жены Шота, и голову убитаго повѣсилъ на шею

³⁾ Путешествіе по святымъ мѣстамъ, стр. 154. Ср. *Цагарели, Памятникъ грузинской старины въ Святой землѣ и на Синаѣ*, стр. 244 (С.-Пб. 1888).

измѣнницѣ-сестрѣ ¹⁾). Любопытно, что всѣ легенды приурочиваютъ мѣсто рожденія къ Ахалцихской области, и еще недавно записано преданіе о мудромъ сынѣ одного слѣпаго грузина, жившемъ при царицѣ Тамарѣ: онъ состоялъ при ней секретаремъ и ближайшимъ совѣтникомъ ²⁾).

Не останавливаясь на подробномъ разборѣ приведенныхъ сказаній и не удлиняя ихъ новыми дополненіями, извѣстными въ устномъ обращеніи, можно съ немалою вѣроятностью сказать, что пѣвецъ царицы Тамары происходилъ изъ Месхетіи, пользовался большою популярностью, благодаря своимъ знаніямъ и таланту и кончилъ жизнь въ типичномъ монастырскихъ стѣнѣ, вдали отъ боготворимой царицы, въ прославленіе которой, по его же словамъ, была написана „Барсова кожа“. Шота Руставели во всякомъ случаѣ лицо историческое ³⁾: онъ былъ казначеемъ царицы Тамары и подъ 1190 г. мы находимъ его подпись на одномъ актѣ изъ Тифлисской Синодальной Конторы подъ № 64.

Отсутствіе полныхъ біографическихъ данныхъ въ глазахъ нѣкоторыхъ скептиковъ, умаляющихъ, по незнанію вопроса, значеніе грузинской литературы, служило достаточнымъ доказательствомъ той мысли, что Руставели имѣлъ или, въ лучшемъ смыслѣ, поэтъ позднѣйшей эпохи, первое упоминаніе о которомъ находимъ будто бы въ письменныхъ памятникахъ лишь XVII столѣтія. Опроверженіе этой, ни на чемъ не обоснованной, гипотезы даютъ дошедшіе до насъ древніе списки „Барсовой кожи“. Самый древній изъ нихъ на пергаментѣ неполный (и безъ дагы), писанный крупными круглыми буквами гражданскаго письма, хранился, по словамъ грузинскаго археолога Пл. Игн. Юсселиани, у имеретинскаго князя полковника Григорія Церетели. Второй экземпляръ на лощенной бумагѣ, принадлежавшій царю Александру (1443 годъ), найденъ у дворянина Николая Эліозова, древній родъ котораго всегда былъ служебнымъ при дворѣ католико-

¹⁾ Легенда о Ш. Руставели см. Повѣсть „Вардцixe“ въ газетѣ *Кавказъ* 1846 г. №№ 30, 31 и 32, ср. мою замѣтку 1892, 95 въ „Иверіи“; Ш. Руставели и его супруга *А. Пурцеладзе*; (Тифлисъ, 1886) и въ *мой* книгѣ „Очерки по исторіи грузинской словесности, вып. I. Народный эпосъ и апокрифы“, стр. 281—2. (М. 1895). *Иверія*, 1895, № 21. Легенда о Рустави, родившій „Шота“, *В. Коптонашвили*.

²⁾ Въ Грецію отправляли грузинскихъ юношей довершать образованіе со временъ Давида Возобновителя. Исторія *Вардана* (переводъ Эмина, 1861) стр. 147.

³⁾ См. поэмы царя Теймураза и между прочимъ „Сравненіе Весны и Осени“.

совъ—патріарховъ грузинскихъ, большею частью происходившихъ изъ царскаго дома. Третій списокъ съ надписью, свидѣтельствующею о принадлежности его царю Вахтангу Шахъ-Навазу (1678 г.), находился въ рукахъ царевны Ѳеклы Иракліевны, скончавшейся въ 1846 году. Рукописи эти писаны очень красиво, но по мѣстамъ съ ошибками правописанія. По этимъ спискамъ явилось первое печатное изданіе 1712 года, при царѣ Вахтангѣ VI, въ Тифлисі, съ комментаріями и портретомъ ученаго царя. Броссе ¹⁾ видѣлъ въ Парижѣ списокъ „Барсовой кожи“, переписанный въ 1702 годъ. Въ основаніе „Барсовой кожи“, изданной Картвеловымъ въ Тифлисі, положенъ манускриптъ XVII в. Наконецъ, въ Московскомъ Главномъ Архивѣ иностранныхъ дѣлъ хранится любопытный варіантъ поэмы Ш. Руставели, къ сожалѣнію, не сохранившій ни даты, ни имени переписчика, ни мѣста, гдѣ она переписана. Время, къ которому относится этотъ памятникъ, можно опредѣлить по палеографическимъ его особенностямъ, а въ особенности по начертанію буквъ *h* и *p*. Еще покойный Бакрадзе замѣтилъ, что изображеніе грузинскаго *h* съ четырьмя зубцами, притомъ въ обратномъ положеніи, и буквы *p* съ тремя зубцами, также *vice versa*, сравнительно съ ихъ позднимъ начертаніемъ, восходятъ къ XV—XVII вѣкамъ. Такъ какъ матеріалъ—бумага, на которой писана поэма Руставели, не позволяетъ отодвигать ее къ XV вѣку, то я отношу къ концу XVI или въ началу XVII вѣковъ. Въ рукописи, нужно еще замѣтить, имѣемъ букву, представляющую сочетаніе согласнаго *v* и гласнаго *u* (*vu*), притомъ эта ореографія строго не выдерживается: вмѣсто лигатуры встрѣчается двѣ буквы *vu*. Такъ какъ сложное изображеніе для *vu* введено не ранѣе XVII вѣка (*Чубимовъ*, Грузино-русскій словарь, предисловіе, II), то я, наряду съ вышеназванными палеографическими особенностями архивнаго памятника, принимаю во вниманіе, для установленія его даты, неустойчивость этой буквы, еще не вошедшей въ твердое употребленіе, какъ въ рукописяхъ XVIII вѣка, которыя уже не носятъ слѣдовъ колебанія въ изображеніи однимъ начертаніемъ сложнаго звука *vu* ²⁾).

Изъ обзора ³⁾ списокъ „Барсовой кожи“ естественно является за-

¹⁾ *Brosset*, De la poésie géorgienne. Paris. 1830.

²⁾ Ш. Руставели, статья *Пл. Иоселиани* въ газетѣ *Кавказъ*, 1870 года, № 13. Объ архивномъ варіантѣ „Барсовой кожи“ см. мою статью въ *Восточныхъ древностяхъ* (Труды Моск. Археол. Общ.), вып. I, т. II.

³⁾ Ср. мое письмо въ Иверіи 1895 № 226, о рукописи „Б. Б.“ кн. Коте Амглахвари.

ключеніе, что поэма Ш. Руставели въ концу XVI вѣка, въ виду своей популярности, представляла массу интерполяцій и дополненій, вызвала продолженіе ея сюжета, извѣстное нынѣ подъ именемъ *Оманіани* ¹⁾. Къ изданной Д. І. Чубиновымъ въ 1860 году „Барсовой кожи“ появилось въ журналѣ „Иверія“ дополненіе въ 308 строкъ, найденное грузинскимъ библиофиломъ П. Карбеловымъ. Московская архивная рукопись, при сличеніи съ существующими печатными изданіями поэмы и ея продолженіями, даетъ еще массу разнотеній и дополненій, которыя выдѣляютъ нами открытый вариантъ въ особую редакцію. Словомъ, ни одна грузинская поэма не подвергалась такимъ исправленіямъ, передѣлкамъ и дополненіямъ, какъ „Барсова кожа“, и ни одно произведеніе грузинскаго творчества не пользуется такимъ высокимъ уваженіемъ и распространеніемъ, какъ созданіе Ш. Руставели. Эти особыя условія, отличающія поэму пѣвца царицы Тамары, заставляютъ думать, что литературное произведеніе, завоевавшее такое почетное положеніе, должно было долгое время обращаться среди народа, чтобы слиться и сродниться съ духомъ поэтическихъ требованій и высшаго и низшаго класса читающей публики. Мощное вліяніе „Барсовой кожи“ иллюстрируетъ ужъ то обстоятельство, что имя Руставели въ грузинской литературѣ есть не имя поэта, а имя возвышенной и художественной поэзіи.

Причина отсутствія древнѣйшихъ списковъ поэмы, близкихъ къ ея созданію, заключаются, помимо тяжелыхъ бѣдствій, постигавшихъ Грузію отъ нашествія иноземныхъ полчищъ, въ томъ, что „Барсова кожа“ съ эпохи царицы Тамары преслѣдовалась духовенствомъ, какъ противное христіанскому смиренію сочиненіе свѣтскаго характера. Католикосъ Іоаннъ, по преданію, еще при жизни царицы, покровительствовавшей поэту, воздвигъ гоненіе на Руставели. Достоверно извѣстно, что въ XVIII вѣкѣ патріархъ Антоній I, просвѣщенный писатель, предалъ сожженію нѣсколько экземпляровъ отпечатанной царемъ Вахтангомъ „Барсовой кожи“. Въ своемъ посвященіи памяти Шота

¹⁾ „Оманіани“—продолженіе „Барсовой кожи“. *Мои письма изъ Париза въ Иверію*, 1889 года, № 188: „Грузинскія рукописи Парижской Національной Библиотеки“. По списку памятниковъ „грузинской письменности“, составленному въ 1810 году, *Оманіани* считается переводомъ съ персидскаго языка. См. *Цагарели*, Свѣдѣнія о памятникахъ грузинской письменности, в. III, стр. 258 (С.-Пб. 1894 года). Ср. *Brosset. Mélanges Asiatiques*, t. VIII, p. 438. По другому списку нѣкто „Бай-Хосро написалъ въ стихахъ Оманіани“, а по словамъ царя Арчила нѣкто Навуча внесъ стихи въ поэму Руставели. См. „Арчиліани“, стр. 180 (Т. 1850). Нужно отличать „продолженіе“ *Б. К.* отъ дополненій въ ней.

Руставели католикосъ-патріархъ Антоній I называетъ его мудрымъ знатокомъ персидскаго языка, философомъ, чуднымъ поэтомъ и бого-словомъ, „но тщетно и всеу потрудившимся“ ¹⁾. Такимъ образомъ, поэму не спасло отъ злой участи объясненіе царя Вахтанга, который въ своихъ примѣчаніяхъ къ „Барсовой кожѣ“ пытается толковать аллегорически выраженія поэта, сводя ихъ къ текстамъ Священнаго Писанія и правиламъ евангельскаго ученія. Онъ утверждалъ, что поэма Руставели — иносказаніе, вымышленное для поученія, и имѣющее главною цѣлью представить непоколебимую вѣрность супруговъ при всѣхъ превратностяхъ человѣческой жизни. Не отвергая мысли, что въ основаніи поэмы лежитъ нравственная идея, всетаки никакъ нельзя видѣть въ ней какую-то христіанскую мистическую поэму. Но почему же гений поэзіи заслужилъ гнѣвъ и укоръ просвѣщеннаго католикоса ²⁾, извѣстнаго своими твореніями? Послѣ Шахъ-Аббаса I, разорившаго Грузію за сношенія съ православною Россіей при Борисѣ Годуновѣ, цари и народъ грузинскій являются ослабленными. Новые обычаи, нравы, музыка персовъ нарушали чистоту патріархальнаго быта и христіанской жизни,—отсюда необходимость реакціи, и католикосъ Антоній въ началѣ XVIII вѣка запретилъ чтеніе Руставели, увлекавшаго народъ къ поэзіи персидской, тонамъ музыки лидійской. Народъ искалъ въ немъ меду, а находилъ отраву, говоритъ вышеупомянутый грузинскій археологъ Пл. Игн. Юсселиани.

Какъ неразрѣшимы вопросы о мѣстѣ и времени рожденія, о происхожденіи и школьномъ образованіи, общественномъ положеніи и кончицѣ Руставели, такъ до настоящаго времени остается невыясненнымъ, откуда заимствовалъ онъ сюжетъ своей поэмы. Въ литературѣ этого предмета было высказано три мнѣнія: первое основывается на словахъ самого Руставели, который на 16-й строфѣ заявляетъ что „онъ нашель *персидскій* рассказъ и переложилъ его стихами, словно крупную жемчужину, переходящую изъ рукъ въ руки“; ³⁾ однако,

¹⁾ Мѣрное слово *Антонія I*, католикоса-патріарха всей Грузіи, № 802. Тифлисъ, 1853 года.

²⁾ Католикосъ Антоній оставилъ намъ слѣдующія сочиненія: „Богословіе“ (рукопись въ 430 стр. in folio); „Готовое слово“, изд. епископомъ Александромъ въ 617 стр. in 8°, Тифлисъ, 1892 года; „Грамматику“ въ 298 стр. in 8°, Тифлисъ, 1885 года; „Метафизику“ къ 250 стр. in 8° (рукопись); „Философію“ въ 320 стр. in 8° (рукопись); „Катихизисъ“; „Категорія“; „Нравственную философію“ Баумейстера; „Риторикку“ и др.

³⁾ Эту строфу, сохранившую мнѣнія о персидскомъ происхожденіи „Б. Б.“ на основаніи глубокаго изученія контекста убѣдительно отвергъ г. А. С. въ

персидскій оригиналъ грузинской поэмы до сихъ поръ не найденъ ¹⁾; второе мнѣніе впервые было высказано Д. И. Чубиновымъ, который доказываетъ, что „Руставели не заимствовалъ сюжета „Барсовой кожи“ у восточныхъ писателей; она создана имъ самимъ и направлена къ прославленію царицы Тамары“. Третье мнѣніе принадлежитъ мнѣ: въ одной статьѣ, посвященной сравненію отдѣльныхъ стиховъ Руставели и народныхъ пѣсенъ о Таріелѣ, я предположилъ, что искусственная поэма XII вѣка имѣетъ своимъ основаніемъ народную поэзію, подобно тому, какъ Фаустъ и Гамлетъ восходятъ къ средне-вѣковымъ народнымъ традиціямъ ²⁾. При этой коллизіи мнѣній—считать ли „Барсову кожу“ національнымъ произведеніемъ или простымъ заимствованіемъ изъ персидской поэзіи, слѣдуетъ вспомнить слова Сеттембрини о „Неистовомъ Роландѣ“ Аріоста: „Не говорите мнѣ, что сюжетъ этой эпопеи не *націоналенъ*, но вспомните, что не матеріалъ опредѣляетъ достоинство поэмы, а *духъ*, живущій въ поэмѣ. Міръ, изображенный въ этой эпопее, не принадлежитъ никакой національности,—этогъ міръ создаетъ поэтъ. Но манера, съ которою онъ создаетъ этотъ міръ, духъ, вдохнутый въ эту поэму, — чисто итальянскій. Это есть лучшее изображеніе всего итальянскаго быта, итальянской фантазіи и всего нравственнаго строя“. Эти слова вполне приложимы къ поэмѣ Руставели. Природа и характеръ дѣйствующихъ лицъ, семейный и государственный бытъ, нравы и обычаи носятъ всѣ признаки грузинской жизни, карталинскій элементъ разлитъ, словно запахъ розъ, по всей поэмѣ, намѣренно перенесенной въ идеальную мѣстность: „въ Индію, Аравію, Китай—царство морей и каджовъ“ ³⁾.

Изъ разбора спорныхъ вопросовъ о Ш. Руставели мы склонны заключить, что поэтъ происходилъ изъ Рустави Месхетской провинціи или Верхней Карталиніи, жилъ при царицѣ Тамарѣ, о которой онъ говоритъ въ четвертой строфѣ: „Станемъ же воспѣвать царицу Та-

своихъ статьяхъ: „Ложныя мѣста въ „Барсовой кожѣ“ (Журн. „Моамбе“ за 1895 г. и 1896 г.).

¹⁾ Царь Вахтангъ въ своемъ изданіи *Б. К.* на стр. 141 замѣчаетъ, что въ Персіи этого разсказа нѣтъ.

²⁾ *Чубиновъ*, С.-Пб., 1846 года), Грузинская Хрестоматія (Ср. *сво же* Закавк. Вѣстникъ 1850, 40, 41. Поэма Руставели „Барсова кожа“ стр. VII; *моя* статья въ *Иверіи*, 1890 года, № 25; отвѣтъ на нее *Важа-Пшавела*, *Иверія*, 1890 года, № 39. См. еще статью *А. На—ли* въ *Иверіи*, 1890 года, № 14.

³⁾ *Н. Гулакъ*. О „Барсовой кожѣ“ Руставели. Двѣ публичныя рѣчи (Тифлисъ, 1884 года), стр. 3.

мару, проливая кровавыя слезы. Уже ее прославляли похвалами¹⁾. не худо сложенными: черниломъ было гиперное озеро, а перомъ гибкій станъ, пронзающій стрѣлою сердце слушателя²⁾. Руставели не только современникъ царицы Тамары, но и придворный ея поэтъ, безумный влюбленный въ свою славную повелительницу. „Изъ-за нея теряю разсудокъ и умираю; она—моя жизнь, но немилосердна, какъ дивъ; она мнѣ приказала ее прославлять сладкими стихами, восхвалять ея брови, рѣсницы, кудри, уста—рубины и зубы—жемчужины³⁾. Сюжетъ поэмы не заимствованъ изъ персидскаго оригинала: царь Вахтангъ, жившій долгое время въ Персїи, изучившій языкъ и литературу ея, свидѣтельствуеть, что нигдѣ онъ не нашелъ повѣсти о Тарїелѣ. Слова же самого Руставели относительно этого „таинственнаго перла“, персидскаго разсказа, отдѣланнаго въ грузинскомъ вкусѣ, могутъ быть истолкованы въ томъ смыслѣ, что поэтъ намѣренно отводитъ читателя съ цѣлью скрыть свою любовь къ той, которой повинуются полчища. „Я заболѣлъ отъ любви и нѣтъ для меня лѣкарства, развѣ земля дастъ мнѣ исцѣленіе и могилу“ (стр. 15).

Или, быть можетъ, Руставели хотѣлъ придать больше цѣны своей поэмѣ: извѣстно, говоритъ покойный Чубиновъ, что чужеземное всегда цѣнится дороже своего. Но нельзя отрицать, что поэма Руставели создана по образцамъ восточныхъ писателей; имена ея героев имѣютъ значеніе на языкахъ персидскомъ и арабскомъ, какъ Ростеванъ, Рамазъ, Сариданъ, Фатманъ, Парсаданъ и др., хотя главные герои носятъ названія грузинскія: Тарїель, Автандилъ, Тинатина⁴⁾.

Отвергая заимствованіе непосредственно изъ персидскаго письменнаго памятника, мы предположили, что Руставели могъ воспользоваться устнымъ сказаніемъ о Тарїелѣ, вошедшимъ съ Востока въ предѣлы Грузїи, подобно другимъ странствующимъ сюжетамъ. Самъ Руставели заявляетъ, что онъ „[устный] разсказъ переложилъ въ стиха“, или, по переводу Е. С. Сталинскаго, поэтъ признается:

Помня авторскую совѣсть,
Долженъ вамъ я передать,
Что у персовъ эту повѣсть
Взялъ я съ цѣлью въ свѣтъ издать.

¹⁾ Вѣроятно, Руставели здѣсь намекаетъ на оду Шавтели, посвященную имъ царицѣ Тамарѣ. Чахруха же писалъ послѣ Руставели, о чемъ свидѣлствуютъ слова самого Чахруха; см. дальше.

²⁾ См. мой докладъ на VIII археологическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, въ которомъ я приводилъ изъ сванетскихъ свитковъ XI—XII вѣковъ имена Тинатина, Нестанъ и др. „Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея“. М. 1895 г.

Смысл ея одѣлъ въ порфирѣ,
Слово въ перлы нанизалъ,
И свою настроивъ лиру
Повѣсть въ римахъ написалъ.

Изъ сопоставленія обращающихся среди грузинскаго народа пѣсенъ о Таріелѣ съ поэмой Ш. Руставели легко усмотрѣть пхъ безусловную близость въ общемъ сюжетѣ и въ отдѣльныхъ деталяхъ. Конечно, эту близость искусственной и устной поэмы можно объяснить двояко: или распространеніемъ литературнаго произведенія среди народа, или же воздѣйствіемъ безыскусственнаго творчества на личное созданіе одного поэта. Принимая къ свѣдѣнію, что пѣсни о Таріелѣ сохранились съ большими подробностями въ горахъ у пшавовъ и хевсуръ,—весьма мало знакомыхъ съ письменною литературой, можно было бы склониться къ мысли, что Руставели не причастенъ въ дѣлѣ сообщенія сюжета „Барсовой кожи“ грузинамъ—горцамъ. Съ другой стороны предполагать, что съ древнѣйшихъ временъ распространилось содержаніе поэмы Руставели среди пшавовъ и хевсуръ, препятствуетъ то обстоятельство, что въ горахъ Грузія никогда не имѣла центровъ просвѣщенія и заселеніе ихъ вообще относится къ поздней эпохѣ, приблизительно XVI—XVIII вѣкамъ¹⁾. Въ виду этихъ соображеній трудно согласиться съ гипотезой, что только письменная поэма по своей популярности распространилась среди народа при отсутствіи соотвѣтствующей къ ея воспріятію почвы, хотя безъ сомнѣнія вѣрно и то, что поэма Руставели также имѣла въ свою очередь влияніе на народное воображеніе и сообщала ему нѣсколько мудрыхъ изреченій.

Но настанвая на мысли о пользованіи Руставели народнымъ сказаніемъ²⁾, мы считаемъ нужнымъ познакомить читателей съ тѣми доводами, которыя могутъ служить освѣщеніемъ нашего предположенія. До настоящаго времени извѣстны слѣдующіе варианты пѣсенъ о Таріелѣ, записанные частью мною, частью же другими въ различ-

¹⁾ О центрахъ просвѣщенія въ Грузіи см. *мое* соч. *Очерки по исторіи грузинской словесности*, ч. I, 155—164 (М. 1895). О переселеніи жителей равнины въ горы у *Дубровина*, *Исторія войны на Кавказѣ*.

²⁾ Общія положенія доказательствъ сродства литературныхъ произведеній, выставленныя проф. Бирничиковымъ и раздѣленныя акад. Веселовскимъ—единства нѣсколькихъ моментовъ и совпаденіе аксессуарныхъ принадлежностей, вскрываются въ народной и искусственной поэмахъ о Таріелѣ. *Ак. Веселовскій*. *Визант. повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ*. Ж. М. Н. П., ч. ССХІІ, отд. 2, стр. 151.

ныхъ концахъ Грузіи: Пшавскій („Иверія“, 1888, № 45); Бицмевдскій („Иверія“, 1888, № 165); Кизлярскій (ibid. 1888, № 131); Кахетинскій (ibid. 1887, № 224 и 1890, № 252); Карталинскій (ibid. 1890, № 240 и 1890 №№ 7 и 8); Тіонетскій (ibid. 1888, №№ 230 и 231); Чирдильскій (ibid. 1891, № 74 и 75); Хевсурскій (ibid. 1890, № 239) и недавно [ib. 1894, № 150] записанный въ сел. Чалахъ пѣсви съ прозаическимъ разсказомъ о Таріелѣ и Нестанъ-Дареджанѣ. Во всѣхъ этихъ вариантахъ сохранилась одна и та же фабула поэмы Руставели, то въ отдѣльныхъ эпизодахъ, то въ полномъ разсказѣ. Географическія имена изъ „Барсовой кожи“ извѣстны и въ народныхъ пѣсняхъ: Аравія, Хоросанъ, Каджети; дѣйствующія лица въ нихъ—Таріель, Автандилъ, Фридонъ, Нестанъ-Дареджанъ. Въ виду невозможности привести детали сопоставленія искусственной и безъискусственной поэмы, укажемъ только на то любопытное обстоятельство, что краткій, лаконическій разсказъ народныхъ пѣсней часто развитъ поэтомъ въ цѣлыя строфы, разукрашенные философскими размышленіями. Сохраняя одинъ и тотъ же сюжетъ, форма народнаго и личнаго творчества представляетъ ту разницу, которая неизбежно проистекаетъ при литературной обработкѣ устныхъ сказаній. Пѣсни объ Автандилѣ¹⁾ и его охотѣ, распѣваемые еще нынѣ въ Грузіи среди крестьянскаго населенія, нашли отголосокъ въ 199 строфѣ поэмы Ш. Руставели. Обычныя эпитеты и сравненія, распространенныя въ народныхъ произведеніяхъ, отразились въ „Барсовой кожѣ“; таковы чинаровый стапъ, зубы—жемчужины, розовыя уста. Даже мудрыя изреченія знаменитаго поэта находятъ иногда прототипъ въ житейской философіи народа: „лучше ужъ умереть, чѣмъ постоянно тосковать“, говоритъ грузинская послица, параллель которой можетъ служить 826 строфа Руставели, гласящая, что „именитая смерть лучше позорной жизни“. При этомъ сходствѣ общаго содержанія мы замѣчаемъ значительныя отличія въ обработкѣ богатой приключеніями судьбы Таріеля и Нестанъ-Дареджана въ „Барсовой кожѣ“ Руставели. Просвѣщенный и даровитый поэтъ сумѣлъ облагородить и возвысить романтическую интригу идеей неизмѣнной преданности и свѣтлаго чувства любви, талантливо объединилъ и связалъ сюжетъ поэмы психологическими наблюденіями и философскими размышленіями, придавъ художественную цѣльность

¹⁾ Другой пунктъ совпаденія народныхъ пѣсней съ „Барсовой кожей“ можно указать въ имени героини Нестанъ-Дареджанъ,—вторую половину этого названія мы встрѣчаемъ въ легендахъ объ Амирапѣ Дареджанидзе, то-есть, сынѣ Дареджаны; см. выше.

поэмъ и облекъ ее въ такую обаятельную литературную форму, которая остается и нынѣ образцомъ поэтическихъ произведеній ¹⁾).

Розыскиваніе источниковъ вдохновенія въ народныхъ сказаніяхъ—путь, достаточно установленный въ исторіи всеобщей литературы. Фаустъ, Тартюфъ, Гамлетъ, прежде чѣмъ дѣлаются предметомъ личнаго творчества, долгое время живутъ въ устной передачѣ. Пѣсни о Таріелѣ также могли обращаться въ народѣ ²⁾ до литературной обработки гениемъ Руставели. Эти пѣсни, нынѣ сопровождающіяся и прозаическимъ пересказомъ для сдѣянія отдѣльных моментовъ изъ жизни героевъ, взамѣнъ утраченнаго изъ памяти народа римованнаго повѣствованія,—могли быть устно занесены въ Грузію съ Востока, подобно другимъ страстующимъ сюжетамъ. Если наше предположеніе представляется правдоподобнымъ, то тогда слова Руставели, что „онъ [устный] рассказъ переложилъ въ жемчужные стихи“ (7 строфа), получаютъ нѣкоторое объясненіе,—сюжетомъ своей поэмы онъ обязанъ народнымъ сказаніямъ о Таріелѣ, быть можетъ, занесеннымъ и съ Востока.

Фабула поэмы ³⁾ Ш. Руставели можетъ быть выражена въ слѣдующихъ словахъ: Арабскій царь, „великій и щедрый“ Ростеванъ, чувствуя приближеніе старости, за всимѣніемъ наслѣдника рѣшается возвести на престолъ единственную свою дочь, красавицу Тинатину. Совѣтъ вельможъ пытается отелонить царя отъ этого намѣренія, говоря, что не можетъ спорить восходящая звѣзда съ потухающею полною звѣздой. Владыка Аравіи настаиваетъ на своемъ отреченіи отъ власти и такъ обнародовалъ царскую волю: „Я, Ростеванъ, Тинатину мою возвожу на престолъ свой. Да свѣтитъ она народу, какъ лъкъ лучезарнаго солнца! Спѣшите, и зрите ее достойные славить царицу!“ Отецъ самъ возвелъ Тинатину на престолъ „возложилъ корону на

¹⁾ Византійскіе стихотворные романы, которые могъ Руставели имѣть образцами, отражаютъ вліяніе народныхъ мотивовъ. Романъ Никетаса Эвгеніана, жившаго не ранѣе половины XII в., внесъ тонъ народныхъ сказокъ. *Кирпичниковъ*. Греч. романы въ новой литературѣ. Харьковъ. 1876, стр. 96, 100. Ср. *Krumbacher*. *Gesch. der Byzant. Litteratur*, стр. 438. О сказочныхъ сюжетахъ визант. поэтовъ. Ср. Пѣснь о Нибелунгахъ, обработанная на основаніи народныхъ пѣсней.

²⁾ Въ народныхъ пѣняхъ приводятся имена двухъ братьевъ Едемъ и Омаръ, посланныхъ царемъ Аравіи Ростеваномъ привести къ нему „плачущаго юношу“ (Таріеля), у Руставели эти гонцы названы безъ имени.

³⁾ Поэма состоитъ изъ 1637 четверостишія (по изданію Броссе и Чубинова. С.-Пб. 1846) по 16 слоговъ въ стихѣ.

голову дѣвы и юныя плечи одѣлъ въ багряныя ткани порфиры. Свѣтла Тинатина, какъ солнце, — и взоръ ея мудрости полопъ“. На торжественную коронацію молодой царевны, которая въ сонмѣ планетъ поражала могуществомъ блеска и отнимала у всѣхъ и разумъ и сердце, и душу, стекаются вельможи страны, а въ числѣ ихъ и пламенно влюбленный въ Тинатину вождь Автандилъ, который

Станомъ стройнѣе кипариса, а ликомъ свѣтелъ и ясенъ ¹⁾.
 Еще безбородъ, а душой подобенъ кристаллу алмаза.
 Густыя рѣяницы царевны терзали въ немъ пылкую душу.

По окончаніи торжественной церемоніи коронаціи, въ самомъ разгарѣ веселья царю по чему-то взгрустнулось. Гости замѣтили мрачное настроеніе владыки, и старый визирь его Сократъ съ молодымъ Автандиломъ пытается заговорить съ нимъ и вывѣдать причину грусти. Ростеванъ жалуется имъ, что

Старость его исчерпала дни молодые...
 А нѣту въ Аравіи всей такого надежнаго мужа,
 Кто бы могъ замѣнить вамъ привычкой ратнаго дѣла...
 Хоть тѣнь бы метателя стрѣлъ, или въ мячъ игрока удалаго.

Молодой Автандилъ предлагаетъ побиться съ царемъ объ закладъ и помѣриться съ нимъ въ ратномъ искусствѣ на охотѣ. Слуги, доверенные вести счетъ выпускаемыхъ соперниками стрѣлъ и убитыхъ ими звѣрей, донесли, что побѣдителемъ оказался Автандилъ, какъ „чинаръ багряноцвѣтущій въ Эдемѣ“. Утомленные состязаніемъ, они остановились у рѣчки, протекавшей подъ нависшей скалой, и окруженные прибывшимъ войскомъ, сѣли отдохнуть въ прохладной тѣни деревьевъ, глядя на волны потока.

Смотрять, а юноша дивный сидитъ надъ потокомъ и плачетъ:
 Покоясь, какъ левъ,—въ поводу онъ держитъ коня вороного.
 Оружіе, сѣдло и приборъ разубраны жемчугомъ пышно...
 Плачь сердца слезами тоски обиндевлъ свѣжую розу ²⁾.
 Могучіе члены красавца окутаны кожей барса,
 И барсовой кожей ³⁾ покрыто чело молодаго героя,

¹⁾ Стихотворный переводъ двухъ главъ этой поэмы, сдѣланный Бартди-скимъ, приложенъ къ изданію Чубинова.

²⁾ Ср. Парисъ, покрытый *барсовой* шкурой, выступаетъ въ борьбу съ греками. (*Бехкеръ*. Древн. Ист., 174 *Иліада* III, 67.).

³⁾ Розой Ш. Руставели называется лицо то мужчины, то женщины.

Съ нимъ крѣпкій окованный кнутъ, толще руки Голиафа
Узрѣли, и взоромъ отвести не могли, удивляясь видѣнью.

Царь посылаетъ слугу привести въ нему этого загадочнаго
юношу, но

Тутъ море тоски—онъ не можетъ слышать посланника рѣчи,
Ни криковъ веселыхъ отъ войскъ, разсыпанныхъ вдоль по зарѣчью.
Непостижимо рыдало то сердце, упавшее въ пламя.
Плачь сердца съ кровью прихлынывалъ въ очи, какъ волны сквозъ щели
преграды.

Слуга два раза почтительно передаетъ ему царскую волю, но
такъ какъ онъ не внемлетъ и не раскрываетъ устъ, то, вернувшись
докладываетъ царю, что „приглашенія онъ слышать не можетъ“. Раз-
гнѣванный Ростеванъ—„въ немъ сердце вскипѣло обидой“—прика-
заль войнамъ привести насильно того, кто сидитъ у потока. Заслы-
шавъ звуки оружія, плачущій юноша очнулся, отеръ слезы и, не
бросивъ взгляда на воиновъ, тихонько поѣхалъ вдоль берега.

Но воины руки простерли, чтобъ взять молодого упрянца...
Горе что съ ними сбилось, то видѣть врагу было бы жалко.
Она била другъ о друга ихъ всѣхъ—для помощи не было мига...
Иныхъ убивалъ онъ кнутомъ, разсѣкая по самыя груди.

Войско, послѣшившее за нимъ по приказанію оскорбленнаго этою
расправою царя, потерпѣло ту же горькую участь: „людьми въ людей
онъ металъ и тѣмъ унижалъ Ростевана“. Когда же самъ владѣтель
Аравіи съ Автандиломъ погнались за незнакомцемъ, то послѣдній ми-
гомъ исчезъ, точно „или къ небу взлетѣлъ, или вдругъ провалился
сквозъ землю“. Съ этого дня горе Ростевана удвоилось; его запи-
маетъ образъ таинственнаго человѣка въ барсовой кожѣ. Унылымъ
и мрачнымъ вернулся царь во дворецъ. Тинатина, желая его успо-
коить, предлагаетъ послать гонцовъ во всѣ стороны; развѣдать о томъ
незнакомцѣ — „человѣкъ онъ или духъ безтѣлесный“. Гонцы черезъ
годъ возвращаются, обойдя „всю сушь до края“, и докладываютъ, что
нигдѣ не видѣли дивнаго юноши. Царь относитъ свое приключеніе
къ наводженію нечистаго духа, и снова водворяется въ царскихъ
палатахъ веселье и пиръ.

Тѣмъ временемъ вождь Автандилъ небрежно сидѣлъ въ своей спальнѣ,
Безвѣчно онъ пѣлъ; подъ рукою звучала стогласная арфа...

Вдруг быстро вбѣжалъ къ нему негръ, посланникъ и рабъ Тинатины: Чинаровый станъ, онъ сказалъ, встань и иди къ луноликой!

Автандилъ спѣшитъ на свиданіе „къ розѣ“. Она же несравненная угрюмо сидитъ, „прекрасна какъ молнія и лучи“, исходящія отъ нея, затмѣваютъ свѣтлый мѣсяцъ. Тихимъ движеніемъ руки приглашаетъ она сѣсть своего пламеннаго поклонника.

Онъ молвилъ: Что смѣю сказать? Ужасаюсь коснуться до рѣчи!
Луна исчезаетъ въ лучахъ свѣтозарно-горящаго солнца!
Страшусь за себя самого и мыслей собрать не могу я...
Повѣдайте мнѣ царица о томъ, что вашъ духъ угнетается.

Тинатина признается, что таинственный незнакомецъ, встрѣченный ея отцемъ на охотѣ, тревожитъ ей сердце и проситъ его отправиться въ поиски за нимъ, давъ ему три года сроку: „и розу тебѣ сохраняю, какъ даръ непорочный и чистый“. Поклявшись другъ другу въ любви и неизмѣнной вѣрности, они расстаются, при чемъ царица называетъ свое сердце „раненымъ ножемъ“, а Автандилъ свое—„опаленнымъ огнемъ“. Тихо онъ пошелъ... Кристаллы росили о розѣ ¹⁾, а стальное тѣло дрожало. О, сердце онъ сердцу сроднилъ, любовь ужъ была неразрывна“. Проблававъ цѣлую ночь, утромъ онъ является къ царю и подъ предлогомъ военной экспедиціи къ границамъ государства испрашиваетъ у него разрѣшенія на свой отъѣздъ. Въ удѣльномъ своемъ городѣ онъ повѣряетъ своему преданному слугѣ, Шермадину, тайну своей любви и цѣль поѣздки, назначивъ его въ указъ народу и войску намѣстникомъ за время своего отсутствія.

Два года и десять мѣсяцевъ бродитъ онъ по свѣту среди нуждъ и лишеній; труды и опасности такъ его истомили, что у него является мысль о самоубійствѣ; слезы его льются и вливаются въ море безконечнымъ потокомъ. „Такихъ страданій, какъ онъ, не испытывалъ ни Вись, ни Раминъ“ ²⁾. Назначенный срокъ истекалъ; Шермадинъ можетъ объявить, по его же порученію, царю о смерти любимаго вождя, а возвращаться ни съ чѣмъ также тяжело. Находясь въ этомъ печальномъ размышленіи въ пустынной мѣстности, онъ однако, какъ „сынъ Адама“ захотѣлъ поѣсть и убивая дичь „рукою длиннѣе Рустема“ ³⁾, онъ жаритъ изъ нея себѣ шашлыкъ. Вдругъ появляются

¹⁾ То-есть глаза плакали о возлюбленной.

²⁾ Герои романа Визраміани, см. у меня выше.

³⁾ Это мѣсто указываетъ на извѣстность въ XII вѣкѣ въ Грузіи устныхъ

три всадника, которые оказываются охотниками изъ китайцевъ; къ несчастью, имъ встрѣтился какой-то таинственный юноша, одѣтый въ барсову кожу, который разрубилъ голову плетью младшему изъ нихъ. По примѣтамъ Автандиль узнаетъ въ ускакавшемъ юношѣ того, кого онъ такъ долго искалъ и скачетъ за нимъ.

Скоро онъ завидѣлъ его, но не рѣшился подойти къ нему, такъ какъ рассудилъ, что лучше издали слѣдить и проникнуть въ его жилище. Къ вечеру третьяго дня человекъ въ барсовой кожѣ приблизился къ высокимъ скаламъ, окруженнымъ гигантскими деревьями и усѣяннымъ пещерами. На шумъ конскихъ копытъ вышла навстрѣчу юношѣ изъ пещеры какая-то женщина въ черной курткѣ и стали они вмѣстѣ горько плакать. Автандиль на вершинѣ дерева, съ котораго онъ наблюдалъ сцену ихъ встрѣчи, прождалъ цѣлую ночь, а на другое утро, когда таинственный незнакомецъ уѣхалъ, слезно простившись съ женщиной, подведшею ему коня, направился къ пещерѣ. На звукъ конскаго топота вышла опять та же женщина, полагавшая, что чѣмъ-нибудь вернулся „солнцеподобный юноша, на губахъ котораго едва пробивался пушокъ“. Но замѣтивъ незнакомое лицо, она бросилась бѣжать. Автандиль успѣлъ поймать ее арканомъ и сталъ умолять открыть, кто такой Таріель, къ которому она обращается за помощью. Выведенный изъ терпѣнія ея упорнымъ отказомъ, онъ приставилъ ножъ къ горлу и грозилъ ее убить. Смерть ея не испугала: „весь міръ для меня ничтожество и ничтожество ему имя“, отвѣчала она. Видя безуспѣшность своихъ угрозъ, Автандиль, отойдя въ сторону, сталъ горько плакать, и она изъ жалости къ нему начали лить слезы. Замѣтивъ эту симпатію къ себѣ, Автандиль просить ее простить его вспышку и сжалиться надъ человекомъ, много пострадавшимъ изъ-за страсти къ возлюбленной своей Тинативѣ, поручившей розыскать таинственнаго юношу въ барсовой кожѣ¹⁾). Любовныя страданія Автан-

сказаній о Ростомѣ, или поэмы „Ростоміани“, представляющей сокращенный грузинскій переводъ Шахъ-Намэ *Фирдоуси*.

¹⁾ Jch habe Dich erzürnt und steh'vor Dir
Beschämt jetzt wie ein armer Bettler da,
Jedoch die Hoffnang gebe ich nicht auf,
Dass Du Barmherzigkeit noch an mir übst,
Zumal ja in dsz Schrift geschrieben steht:
Yergebet siebenfältig jede Sculd;
„Zwar hab'mit Recht ich Deinen Zorn verdient
Jedoch, oWeib, Du wirst es wohl versteh'n.

дила окончательно расположили къ нему эту женщину, по имени Асмать, и она пообѣщала мирно свести его съ Таріелемъ. Вскорѣ показался и самъ Таріель, освѣщая воды своимъ блескомъ. Асмать поспѣшила спрятать Автандила въ пещеру, а сама со слезами вышла на встрѣчу къ пріѣзжему. Женщина разостлала барсову кожу и стала жарить ему мясо, отъ котораго въ избытѣкъ горя отказался Таріель и прилежъ отдохнуть. Когда же онъ проснулся, Асмать заговорила съ нимъ объ одиночествѣ и пребываніи его въ обществѣ звѣрей, совѣтуя ему поискать друга среди людей. Таріель не выразилъ открытаго нежеланія имѣть друга, хотя усомнился въ возможности найти человѣка, который раздѣлилъ бы съ нимъ горькую участь. Асмать предложила познакомить его съ Автандиломъ, взявъ съ него слово, что онъ не убьетъ его. Таріель, дѣйствительно, встрѣтилъ его привѣтливо: они бросились другъ другу въ объятія, а потомъ вмѣстѣ долго плакали, Автандиль разказалъ свою исторію, а за нимъ Таріель приступаетъ повѣствовать о себѣ, приказавъ предварительно Асмать принести воды и приводить его въ чувство, если онъ будетъ падать въ обморокъ. Затѣмъ обнаживъ себѣ грудь, человѣкъ въ барсовой кожѣ разказалъ слѣдующее:

Зовутъ его Таріелемъ; онъ былъ военачальникомъ у царя Парсадана, повелителя шести индійскихъ царствъ. Отецъ Таріеля добровольно уступилъ ему седьмое индійское свое царство и въ награду за это великодушіе Парсаданъ сдѣлалъ его начальникомъ своихъ войскъ и, будучи бездѣтнымъ, усыновилъ Таріеля, пообѣщавъ сдѣлать его своимъ наследникомъ. Таріель выросъ при дворѣ подъ руководствомъ лучшихъ мудрецовъ государства. Ему было пять лѣтъ, когда у царя Парсадана родилась дочь Нестанъ - Дареджана¹⁾. Малютка была прекрасна и затмевала луну и солнце блескомъ своего лица. Таріель и Нестанъ сначала воспитывались вмѣстѣ, какъ царскія

Dass der Mitleids und der Nachsicht wert,
Der grausam leidet von der Liebe Qual.
Für's Herz gab ich die ganze Selle hin
Und stehe hilflos in der Welt allein.

(Перев. *Leist'a.* стр. 56—7).

¹⁾ Въ довольно удачныхъ стихахъ изложены главы о Ростеванѣ, Тынетиѣ и др. въ книгѣ г. Сталинскаго „Барсова кожа“ Ш. Руставели (Тифлисъ. 1888) Книжка эта заключаетъ въ себѣ переводы изъ Руставели въ отрывкахъ на русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и армянскомъ языкахъ; а на польскомъ языкѣ было передано содержаніе поэмы въ „Biblioteka Warszawska“ (1868, IV).

дѣти. Когда же онъ возмужалъ, то царевну помѣстили въ отдѣльномъ роскошномъ дворцѣ, приставивъ къ ней воспитательницей тетку Даваръ, а нянькой Асмать. По смерти отца 15-лѣтній Таріель наследовалъ ему въ должности военачальника. Послѣ траура, онъ началъ участвовать во всѣхъ придворныхъ увеселеніяхъ и празднествахъ. Разъ, возвращаясь съ охоты съ Парсаданомъ, имъ пришлось проходить мимо дворца царевны. Царь зашелъ къ дочери, а Таріель поджидалъ его въ саду, держа въ рукахъ убитую дичь, за которой вскорѣ прислалъ Парсаданъ Асмать, чтобы подарить ее дочери. Асмать случайно слишкомъ раскрыла завѣсу покоевъ царевны, и предъ глазами Таріеля красавица предстала во всемъ своемъ блескѣ. Юноша не выдержалъ ослѣпительныхъ чаръ Дареджаны и упалъ въ обморокъ. Черезъ три дня, когда къ нему вернулось сознание, онъ увидѣлъ себя въ роскошныхъ покояхъ царя, окруженнымъ вельможами, волхвами и врачами, которые таинственно бесѣдовали между собою о постигшей его странной болѣзни.

По выздоровленіи, онъ перебрался изъ дворца къ себѣ въ домъ, гдѣ ему Асмать подала письмо отъ Нестанъ-Дареджаны, въ которомъ чудная красавица клялась въ любви и увѣщевала не лить слезы напрасно, а искать побѣдной славы въ войнѣ съ китайцами ¹⁾). Таріель посылаетъ дерзкій вызовъ китайскому царю, а тѣмъ временемъ получаетъ приглашеніе отъ царевны явиться во дворцѣ. Вскорѣ послѣ этого вспыхнула война; Таріель побѣждаетъ и приводитъ въ Индію китайскаго царя въ плѣнъ, какъ военный трофей. Отецъ Дареджаны устраиваетъ ему триумфальный вѣздъ въ столицу, осыпая молодаго героя всевозможными милостями. Но не подозрѣвая любви Таріеля къ своей дочери, царь задумываетъ выдать ее замужъ за хваразмійскаго принца, и Таріель, присутствовавшій на совѣтѣ, созванномъ по этому вопросу, даетъ свое согласіе на ея бракъ съ иностранцемъ, не рѣшаясь открыто заявить о своей любви къ царевнѣ. Нестанъ - Дареджана, узнавъ объ этомъ, на тайномъ свиданіи упрекаетъ его въ измѣнѣ, а когда онъ оправдывается передъ нею, ссылаясь на свою боязнь противорѣчить царю, она успокаивается и предлагаетъ своему

¹⁾ Sie schrieb: O Du mein Löwe, gräm Dich nicht,
Ergieb Dich nicht dem Schmerz, denn ich bin Dein:
Gar sehr missfällt nur, dass so schwach Du bist.
Was ist diu Liaba zur Ohnmacht führt?
Zeig'lieber der Geliebten Dich als Held..

(ib. стр. 85).

возлюбленному украдкой убить хваразмійскаго принца въ виду того, что престолъ Индіи долженъ принадлежать только Таріелю.

Нареченный женихъ Нестанъ - Дареджаны является въ столицу Парсадана, и Таріель въ качествѣ военачальника сначала торжественно его встрѣчаетъ, а затѣмъ ночью проникаетъ въ станъ принца и, заставъ его спящимъ, разбиваетъ ему голову о столбъ палаты; пользуясь смятеніемъ въ войскѣ, онъ безнаказанно исчезаетъ. Царь по этому происшествію догадывается о любви Таріеля къ своей дочери и укоряетъ его въ письмѣ, зачѣмъ онъ скрывалъ свои чувства и не просилъ руки царевны (ср. народ. сказаніе), Таріель отвѣчаетъ царю, что дочь свою онъ можетъ выдать за кого хочетъ, но престола Индіи онъ никому не уступитъ.

Сестра же Парсадана, Даваръ, возмущенная поступкомъ своей воспитанницы, страшно избила ее и отдала двумъ чернымъ рабамъ бросить ее въ море, а сама, опасаясь гнѣва царя, лишила себя жизни. О судьбѣ царевны сообщила Таріелю нянька ея, Асмать, а черные рабы вмѣсто того, чтобы топить дѣвушку, выгодно продаютъ ее въ морскомъ царствѣ. Царевна здѣсь очутилась у богатой купчихи. Фатманъ, которой она поправилась своею красотой. Но вскорѣ мужъ ея проговорился въ присутствіи морскаго царя о Дареджанѣ, и тотъ потребовалъ ее доставить и выдать за своего сына. При разставаніи Фатманъ даритъ дѣвушкѣ драгоцѣнный поясъ, которымъ ей удается подкупить слугъ морскаго царя и бѣжать изъ плѣна. На дорогѣ ее перехватываютъ послы изъ каджетскаго царства, которые запираютъ ее въ неприступную крѣпость. Таріель же въ теченіе трехъ лѣтъ напрасно ищетъ царевну въ сопровожденіи Асмать и, отчаявшись ее найти, поселяется въ пещерахъ дэвовъ, которыхъ Таріель побѣждаетъ и изгоняетъ. Здѣсь онъ одичалъ и отсюда онъ вступалъ въ случайныя кровавыя столкновенія съ людьми.

Встрѣча съ Автандиломъ даетъ новый поворотъ его судьбѣ. Повѣдавъ другъ другу свои горести, они условливаются ¹⁾ снова встрѣ-

¹⁾ Deshalb beschwör'ich Dich, gieb, mir Gehör,
Gelobe mir, dass Du mich nicht verläss'st,
Wie ich auch Dir gelobe ewige Freu'.
Wenn Du mir feierlich versprichst, von hier
Nicht fortzuziehen, bis ich wiederkehr'.
So schwör'ich Dir bei dem, was heilig'ist,
Dass ich Dir selbst mein Leben opfern will.

(ib. стр. 140).

титься черезъ два мѣсяца въ томъ же мѣстѣ и предпринять новые поиски Дареджаны. Автандиль спѣшитъ въ Аравію сообщить Тинатинѣ о своей находкѣ. Ростеванъ не соглашается на вторичный отъѣздъ Автандила, чтобы помочь другу въ несчастіи. Автандиль, извинившись предъ царемъ письменно, уѣзжаетъ безъ его согласія, но съ позволенія своей возлюбленной. Въ пустынѣ онъ находитъ Таріеля лежащимъ безъ чувствъ рядомъ съ трупами убитыхъ имъ льва и барса. Приведенный въ сознаніе Таріель рассказываетъ, что онъ убилъ льва, гонявшагося въ любовной игрѣ за барсомъ, который ему напомнилъ его возлюбленную, а когда онъ хотѣлъ приласкать барса, и тотъ огрызнулся, то онъ покончилъ и съ нимъ.

Автандиль, успокоивъ Таріеля, уговорилъ его вернуться къ Асматъ и ждать вѣстей отъ него, а самъ отправился искать Дареджану. Онъ ѣдетъ въ морское царство, заводитъ знакомство съ Фатманъ, входитъ въ ея довѣріе, убиваетъ ея прежняго любовника, погрозившаго ей местию за измѣну, и при помощи волшебниковъ (каджи), посланныхъ Фатманъ, узнаетъ о мѣстѣ заточенія Дареджаны и получаетъ отъ нея письмо къ ея возлюбленному. Вернувшись къ Таріелю, онъ беретъ его съ собою, захватываетъ царя мулганзарскаго Придона, которому Таріель однажды помогъ въ его борьбѣ съ родственниками, и они берутъ штурмомъ ту каджетскую крѣпость, гдѣ содержалась Дареджана. Герой и героиня послѣ десятилѣтней разлуки радостно встрѣчаются, и всѣ они ѣдутъ сначала въ Аравію, гдѣ присутствуютъ на свадьбѣ Автандила и Тинатины, а затѣмъ подъ охраной аравійскихъ войскъ Таріель возвращается съ своей невѣстой въ Индію, завоевываетъ себѣ престолъ и сочетается бракомъ съ Нестанъ-Дареджаной ¹⁾.

Познакомившись съ содержаніемъ „Барсовой кожи“, мы остановимся на толкованіи Д. Чубинова ²⁾, усматривающаго въ ней *національное* произведеніе, направленное къ прославленію царицы Тамары. Сравнивая жизнь царицы съ событіями, описываемыми въ поэмѣ, говоритъ онъ, находимъ разительные черты сходства, которыя подають

¹⁾ На этомъ кончается поэма Руставели по принятому Вахтангомъ, Броссе и Чубиновымъ тексту „Барсовой кожи“. Продолженіе же ея, извѣстное по открытой мною рукописи Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, доводитъ ее до смерти Таріеля и Автандила. Вся поэма недурно изложена у *Г. Иосселиани* для дѣтей на 66 стр. (Тифлисъ. 1892), а переводъ поэмы на нѣмецкій языкъ предпринялъ *Артуръ Лейстъ*, *Der in Tigerfelle von Schota Rustaveli*. Dresden, Leipzig. Отрывки на англійск. яз. у *Wardrop*. *The Kingdom of Georgia*.

²⁾ *Чубиновъ*. Грузинская хрестоматія, стр. VII. (С.-Пб. 1846),

поводъ думать, что подъ именемъ главной героини Нестанъ-Дареджанъ скрывается сама Тамара, а по мнѣнію Н. Гулака ¹⁾ „славная царица скрывается не только подъ образомъ Дареджаны, но и подъ образомъ Тинатины, а еслибы въ поэмѣ было нѣсколько героинь, то всѣ онѣ носили бы на себѣ черты Тамары по той простой причинѣ, что Руставели пылалъ глубокою любовью къ своей царицѣ“. Д. Чубиновъ указываетъ черты сходства Тамары и Дареджаны. Последняя была единственною дочерью индійскаго царя Парсадана, точно такъ же, какъ Тамара была единственною дочерью грузинскаго царя Георгія III. Воспитаніе Дареджаны Парсаданъ поручилъ сестрѣ своей Давари, воспитаніе Тамары было поручено Георгіемъ III, сестрѣ его Русудани, которая была въ супружествѣ за осетинскимъ княземъ; она воспитывала ее вмѣстѣ съ своимъ родственникомъ по мужу Давидомъ Сослани, точно такъ же, какъ Дареджана росла съ Таріелемъ въ „Барсовой кожѣ“. Слѣдствіемъ совмѣстнаго воспитанія Нестанъ-Дареджаны и Таріеля была взаимная ихъ любовь; такъ, вѣроятно, и Тамара была привязана къ Давиду Сослани, за котораго она выходитъ замужъ, по расторженіи заключеннаго по политическимъ соображеніямъ брака съ Юріемъ, сыномъ Андрея Боголюбскаго. Далѣе, Парсаданъ по государственнымъ видамъ хотѣлъ выдать свою дочь за могущественнаго шаха хоразмійскаго, но Дареджана отказалась повиноваться рѣшенію отца; по грузинской лѣтописи шахъ хоразмійскій тщетно искалъ руки царицы Тамары, хотя онъ и не подвергся той ужасной участи, какая постигла хоразмійскаго принца въ поэмѣ Руставели.

Помимо этихъ совпадающихъ чертъ „Барсовой кожи“ в исторіи царицы Тамары, близость поэмы къ Грузіи явствуетъ и по другимъ признакамъ. Мѣсто дѣйствія поэмы—Индіа; Руставели раздѣлил ее на семь царствъ, и древнѣйшіе грузинскіе акты называютъ владѣтелей Грузіи царями семи царствъ, о чемъ свидѣтельствуетъ грузинскій историкъ царевичъ Вахушти. Отецъ Тамары, Георгій III, дѣйствительно владѣлъ, подобно Парсадану, семью царствами ²⁾, имена которыхъ сохранились въ лѣтописи: Абхазское, Геретинское, Саатабагское, Карталинское, Кахетинское, Ранское и Осетинское, въ ко-

¹⁾ Гулакъ. „О Барсовой кожѣ“, стр. 6. (Тифлисъ, 1884).

²⁾ Броссе также настаиваетъ, что подъ Нестанъ скрывается Тамара, руки которой просилъ хоразмійскій шахъ; указываетъ онъ на то, что титулъ грузинскаго царя семи царей совпадаетъ съ семью индійскими царствами въ поэмѣ Руставели. *Brosset. Bul. Scient., t. III, 9. S.-Pt., 1838.*

торомъ господствовала отрасль грузинской династіи Багратидовъ. Упоминаемая въ поэмѣ крѣпость Каджети-Каджетисцихе—мѣсто заключенія Нестанъ-Дареджаны—находится по грузинскимъ картамъ въ Западной Грузіи. Природа, описанная въ поэмѣ, носитъ всѣ признаки Грузіи. Были, однако, попытки указать прототипъ „Барсовой кожи“ въ персидской литературѣ; такъ Н. Д.¹⁾ называлъ повѣсти Низами „Меджувъ и Лейла“, и Гургани „Висъ и Раминъ“, послужившія не только образцомъ, но давшія сюжетъ грузинскому поэту. Нѣтъ нужды указывать, насколько неправдоподобной представляется эта гипотеза тѣмъ, кто знакомъ съ содержаніемъ названныхъ романовъ, извѣстныхъ и въ грузинскомъ переводѣ съ древнихъ временъ²⁾.

Не только Чубиновъ настаиваетъ на національномъ происхожденіи поэмы Руставели, но и лица, которыхъ нельзя обвинить въ патриотическомъ пристрастіи. Съ Руставели въ Грузіи, говоритъ г. Гулакъ, повторилось то же самое, что испытывали современные ему трубадуры на Западѣ. Трубадуръ, по словамъ Edgard Quinet (*Révolutions d'Italie*), почти всегда происходилъ изъ низшаго сословія, но благодаря своему гению, возвышенности чувствъ, онъ дѣлался временно ровнею феодальной аристократіи. Онъ, дитя простонародія, съ душою, преисполненною наивности, поэзіи, страсти, вступая въ феодальныя замки, сначала ослѣпленъ блескомъ феодальной дамы, своей повелительницы, онъ едва смѣетъ поднять взоры на нее. Вслѣдствіе этого, любовь трубадура въ самомъ корнѣ зиждется на другомъ основаніи, чѣмъ любовь древности: тутъ женщина является сильнымъ, а мужчина слабымъ существомъ. Отношенія половъ какъ бы измѣнились: женщина оказываетъ покровительство, а мужчина ищетъ опоры. На сторонѣ женщины авторитетъ, приказываніе, власть; на его же сторонѣ только робость и послушаніе подданнаго. Онъ повергаетъ свои чувства предъ особою, высокое общественное положеніе которой должно его подавлять, и которая остается для него недостижимымъ идеаломъ. Это какъ бы первый *идеальный бракъ* между аристократіей и народомъ, но необходимое условіе такого союза есть тайна; нужно, чтобы его стихи, довольно прозрачныя для той, къ которой относятся, оставались не разгаданы для другихъ, и горе поэту, если его чувства были слишкомъ прозрачны. Тогда часто въ

¹⁾ *Свердловскій Вѣстникъ*, 1889, №№ 9 10.

²⁾ Лейла и Меджувъ, пер. на груз. языкъ царемъ Теймуразомъ I въ XVII вѣкѣ, остается въ рукописи.

ближайшемъ лѣсу находили его тѣло пронзеннымъ стрѣлою или копьемъ. Или на старости лѣтъ, чувствуя себя лишнимъ въ феодальныхъ дворахъ, гдѣ прежде его присутствіе возбуждало радость и веселье, онъ, не считая возможнымъ возвращаться въ убогую деревенскую обстановку, удалялся на покой, въ стѣны монастыря. Такова была участь и Руставели, проведшаго молодость при блестящемъ дворѣ царицы Тамары, отъ которой „онъ терялъ раскудокъ и умиралъ“. Быть можетъ, за слишкомъ „прозрачно“ явленное къ ней чувство, котораго онъ не сумѣлъ скрыть [„и самый твердый камень разобьется отъ мягкаго свинца“], онъ былъ обезглавленъ и брошенъ въ рѣку по одной легендѣ, или же подъ старость лѣтъ, потерявъ расположеніе своей повелительницы и кумира любви, онъ удалился въ монастырь, какъ свидѣтельствуется надпись въ церкви св. Креста въ Иерусалимѣ. Пѣвецъ царицы Тамары, по всѣмъ сохранившимся о немъ свѣдѣніямъ, вышелъ непосредственно изъ народа, и потому вѣчно юная его поэма, исполненная сила и страсти, жива и свѣжа до настоящей минуты. Семьсотъ лѣтъ для грузинской музы прошли, какъ одна минута! Если при этомъ вспомнить, что Руставели могъ воспользоваться канвой существовавшего устнаго народнаго сказанія о Таріелѣ, которое притомъ онъ привлекъ для воспроизведенія исторической эпохи, общественнаго настроенія современной ему расцвѣтшей среды въ царствованіе великой Тамары, то станетъ еще понятнѣе, почему „Барсова кожа“ такъ дорога грузинскому читателю. Сюжетъ своей поэмы поэтъ взялъ изъ глубины сердца самого народа и одухотворенный единствомъ высокаго чувства и философскаго размышленія, патриотическимъ подъемомъ нравственнымъ силъ и политической мощи, возвратилъ его тому же народу въ тихихъ и страстныхъ стихахъ, написанныхъ то нѣжнымъ, то пламеннымъ языкомъ. Какъ тѣсна связь между народною нѣмецкою сагой о докторѣ Фаустѣ и Фаустомъ Гете, при отсутствіи тождества ихъ со стороны содержанія идей, такъ неразрывна цѣпь объединяющая народнаго Таріеля съ Таріелемъ Руставели, который скелетъ устнаго сказанія облекъ въ чарующую поэтическую форму и картину славнаго періода.

Въ поэмѣ граціозно вплетены то восторженные, то мучительныя минуты испытаній самого пѣвца, влюбленнаго въ свою повелительницу. Но рядомъ съ личнымъ анализомъ внутренняго міра, предъ нами художественно раскрываются страницы исторической обстановки, искусно разрисованной на фонѣ народной традиціи. Иными словами, въ поэмѣ преломились, какъ солнечный спектръ, и нашли полное отраженіе и вѣками освѣщенное, благоговѣнно передаваемое героиче-

ское сказаніе, и осѣненный свѣтлымъ ореоломъ чувствъ и помысловъ геніальный образъ поэта, и величественный, закрѣпленный неувыдаемыми монументами, пережитый Грузіей историческій моментъ. Поэтъ, если можно такъ сказать, на канвѣ народнаго сказанія вывелъ историческіе узоры, поэтизировалъ историческія событія, слилъ поэтизацію съ историзаціей. Стиль Руставели олицетворялъ собою какъ бы идеалы, близкіе природѣ горячаго юга, гдѣ тропическій палящій зной долинъ и серебряныя горныя вершины вѣчнаго льда и снѣговъ съ одинаковою любовью цѣлуются съ бездонною синевою лазуреваго кавказскаго неба. А виѣшнее совершенство стиховъ Руставели настолько велико, что, по словамъ даже иностранца г. Гулака, „если ихъ читать громко, соблюдая цезуру и ударенія, то они дивно гармоничны и не уступаютъ гекзаметрамъ Гомера и Вергилія“¹⁾.

Со стороны внутренняго содержанія поэмы, которая донныѣ служитъ воспитательной книгой, „Барсова кожа“ есть торжественный гимнъ „любви, добру и красотѣ“, а главнымъ образомъ женщинамъ, предъ которыми поэтъ благоговѣлъ, какъ предъ лучшимъ созданіемъ природы. Основными чертами характера двухъ первыхъ героевъ поэмы, Дареджаны и Таріеля, является выраженіе непоколебимой супружеской любви, основанной на свободномъ выборѣ и разумномъ пониманіи взаимныхъ личныхъ достоинствъ, а не исключительно на страсти или бессознательной привязанности. Героини Руставели, какъ въ византійскихъ романахъ Геліодора и Харитона, обладаютъ нравственнымъ величіемъ, а герои безупречною храбростью.

Дополненіе къ литературѣ о Ш. Руставели.

Ш. Руставели. „Телескопъ“, 1833, ч. 14, № 15. *II. Дубровский* (стр. 61—70).

Преданіе о Ш. Руставели. „Кавказъ“, 1853, № 4.

Ш. Руставели (по вариантамъ груз. и франц.). Газ. „Нов. Об.“. 1886, № 908. *Mourier*. Chota R. Tiflis, 1886, 16 pages.

Le reau de leopard d'après Chota R. *A. Borin*. II. 1885.

О поэзіи Руставели „Кавказъ“, 1884, 248.

Барсова к. „Кавказъ“, 1882, 34. „Обзоръ“, 1879, 534, 535.

Содержаніе лекціи Ак. Церетели о Ш. Руставели. „Шрома“, 1882, 19. *Mélanges as.*, VIII и *Nouveau Journal Asiat.* I, 401; II, 387.

¹⁾ Лестные отзывы о поэмѣ дали еще Ренанъ, Сютнеръ Уордропъ.

Отрывокъ изъ поэмы «Барсова кожа».*)

...На брегъ рѣки вдругъ узрѣли пришельца,
 Вблизи, на полянѣ, стоялъ его конь вороной,
 Унизаны жемчугомъ чудно блистали:
 Вся сбруя, сѣдло и попона лихого коня...
 Пришелецъ сидѣлъ, пригорюнясь и плакалъ,
 Слезами его, какъ росой, увлажялъ цвѣты.
 Одѣтъ былъ онъ просто и сверху одежды,
 Какъ буркой мохнатой, барсовой кожей покрытъ,
 Въ рукѣ онъ держалъ украшенную золотомъ плеть,
 Стопами на мечъ боевой упирался...
 И царь, обративъ на пришельца вниманье,
 Рабу повелѣлъ для привѣта къ нему подойти,
 И рабъ не земедилъ предстать предъ пришельцемъ.
 Поникши главою и горько рыдая, сидѣлъ
 Невѣдомый странникъ въ глубокой печали,
 И тяжкая дума, казалось, томила его...
 А тучи на небѣ, какъ тѣни, скользили,
 Алмазными каплями падалъ на странника дождь,
 Роскошныя кудри его омывая.
 Въ смущеніи тяжкомъ, рабъ долго стоялъ передъ нимъ,
 И долго и ирочно глядѣлъ на пришельца,
 Но съ духомъ собравшись, оказалъ наконецъ:
 „Зоветь тебя царь, о пришлецъ одинокій!“
 Безчувственъ былъ странникъ къ привѣтнымъ возгласамъ раба,
 Въ мечты о минувшемъ давно погруженный,
 Кровавыя слезы ручьями онъ лилъ изъ очей
 И мыслью носился далеко, далеко...
 Рабъ снова ему повелѣнье царя повторилъ,
 Взирая съ участьемъ на слезы пришельца;
 Но юноша молча сидѣлъ, не внимая рабу,
 И съ розовыхъ устъ не срывалась улыбка.
 Съ тревожнымъ волненіемъ рабъ отошелъ отъ него
 И тихо предсталъ предъ царя Ростована.
 „Какъ вижу я,“—молвилъ владыкѣ суровому рабъ,
 „Не ищеть отъ насъ ничего тотъ надменный пришлецъ,
 „Глаза проглядѣлъ я, безмолвно смотря на него,

*) Этотъ переводъ принадлежит покойному И. Евлахову; приведенный отрывокъ въ видѣ образца помѣщенъ былъ въ газ. „Кавказъ“ за 1846 г. №№ 27, 28, 33.

„Горя нетерпѣньемъ промолвить съ нимъ слово,—
 „Недвижнѣе онъ былъ и съ презрѣньемъ глядѣлъ на меня—
 „И рѣчи мои безотвѣтны остались.“
 Дослушалъ раба съ удивленіемъ царь Ростеванъ
 И тотчасъ двѣнадцать рабовъ предостоявшихъ
 Послалъ, повелѣлъ имъ пришельца представить къ себѣ.
 И къ юношѣ быстро рабы приближались.
 Брицанье доспѣховъ и говоръ немшой толпы,
 Невольно его обратили вниманье;
 Увидѣвъ нежданно рабовъ, онъ смутился на нихъ,
 И бросивъ повсюду тревожные взгляды,
 Глубоко вздохнулъ и съ волненіемъ сердца привсталъ;
 Рукую отеръ слезъ горячихъ потоки,
 Поправилъ доспѣхи,—вскочилъ на коня своего
 И быстро промчался на бранную встрѣчу...
 Рабы, ободрившись, къ нему устремились толпой
 И начали дружно неравную битву,
 Мечи застучали и клики бойцовъ раздались;
 Безмолвно пришелецъ на конѣ рисовался;
 Однихъ оглушалъ онъ ударомъ меча своего,
 Другихъ же онъ плетью разилъ богатырской...
 Межъ тѣмъ, съ нетерпѣньемъ царь ожидаетъ рабовъ
 И половъ желанья пришельца увидѣть;
 Но вѣтъ ни рабовъ, ни вѣстей не слышать никакихъ,
 И крики бойцовъ давно уже смолкли.
 Немедленно шлетъ Ростеванъ за рабами другихъ.
 Пришли, и не битву, а дѣво узрѣли:
 Нежданно пришелецъ добывая усталыхъ бойцовъ,
 Съ презрѣньемъ ихъ трупы разметывалъ всюду...
 Съ печальною вѣстью къ царю возвратились рабы,
 И царь съ изумленіемъ слышалъ рассказы
 О силѣ могучей пришельца съ невѣдомыхъ странъ;
 Нахмурилъ чело, и, сверкнувши очами,
 Онъ грозно воскликнулъ: „коня ниѣ, коня осѣдлатъ!“
 И въ мигъ поскакалъ за пришельцемъ въ погою,—
 Но юноша гордо, красуясь на чудномъ конѣ,
 Понесся, какъ вихрь, по чистому полю
 И быстро, какъ птица, исчезнулъ изъ виду царя....¹⁾

¹⁾ Стихотворный переводъ изъ „В. В.“ Барддинскаго („Иллюстрація“, № 6—7 за 1845) приложенъ къ хрестоматіи Чубинова. Спб., 1846.

Пріѣздъ Автандила къ Придону послѣ разлуки съ Таріелемъ.¹

Юноша семьдесятъ дней ѣхалъ, проливая горькія слезы, наконецъ достигъ берега моря, гдѣ увидѣлъ давящихся вдали мореходцевъ, остановился и спросилъ: „кто вы такіе, чье это царство и чьему гласу повинуются оно?“

Мореходцы, отдавъ путешественнику приличный поклонъ, воскликнули: „о прекрасный лицомъ и станомъ, хотя ты кажешься намъ чужеземцемъ, но взоръ твой привлекателенъ и мы кланяемся тебѣ съ такимъ отвѣтомъ:“ не далеко отсюда предѣлъ владѣній турокъ, смежныхъ съ царствомъ Придона, нашего государя, изъ уваженія къ твоему величію расскажемъ о немъ:

Повелитель нашего края есть Нуррадинъ—Придонъ,—юный храбрый, могущественный, смѣлый наѣздникъ и нигдѣ непобѣдимый; онъ защитникъ нашъ, и прекрасенъ какъ солнце!

— Лучшихъ людей, какъ вы, братья, и не сыскать мнѣ,—отвѣчалъ мнѣ юноша. Я ищу вашего царя, укажите, куда мнѣ держать путь, по какой дорогѣ; велико ли разстояніе, которое мнѣ еще надо будетъ проѣхать и много ли потребно для этого времени? Мореходцы, исполняя просьбу юноши, сказали ему: дорога эта идетъ въ Мулгазанзаръ, куда пріѣдешь въ десять дней; тамъ найдешь царя нашего съ натянутымъ лукомъ и острымъ мечемъ: но горе намъ, страдающимъ и отъ взора твоего смущеннымъ!

Удивляюсь, братья мои, отвѣчалъ мнѣ юноша, что могло такъ смутить васъ? Какъ могутъ нравиться вамъ блѣдныя зимнія розы? Не тѣ ужъ времена, когда мы беззаботно предавались рѣзвому веселью и когда всякъ видѣвшій насъ любовался и восхищался нами!

Послѣ сего юноша,—этотъ кипарисъ и нарцисъ—воспѣвая свою радость и оросивъ дождемъ слезъ чистыя (хрустальныя) ланиты, поворотилъ на указанную ему дорогу.

Небо благопріятствовало его пути: встрѣчавшіеся люди собирались вокругъ него, чтобы насладиться его лицезрѣніемъ, изъявляя готовность служить и повиноваться ему, многіе слѣдовали проводниками за нимъ, и не иначе какъ съ душевною скорбью разставались съ нимъ.

Быстрою ѣздой сократилъ онъ дальнюю дорогу и скоро достигъ Мулгазанзара. Здѣсь онъ увидѣлъ стройную рать, окружавшую равнину. Слышна была палба, шумъ и крикъ; воины охотились и били звѣрей, какъ будто сѣно косили!

И спросилъ Автандилъ перваго встрѣчнаго: что это за войско и что за причина тревоги? Ему отвѣчали, что охотится Придонъ, царь мулгазанзарскій, окруживъ поляну, заросшую кустарникомъ. Свѣдавъ это, юноша съ свойственнаго ему величавостью и пріивѣтливостью подѣхалъ къ войскамъ.

Вотъ, надъ самою серединою войска, большимъ кругомъ расположеннаго,

¹) Переводъ въ прозѣ одного эпизода изъ поэмы Руставели, принадлежащій перу А. Абашидзе, помѣщенъ въ газ. „Кавказъ“ за 1849 № 22.

откуда ни взялся и быстро пролеталъ орелъ, юноша важно, неробко подскочилъ ближе, прицѣлился изъ лука и орелъ упалъ облитый кровью; юноша соскочилъ на землю, отрѣзалъ у него оба крыла и, не торопясь, снова сѣлъ на коня.

Войска были поражены проворствомъ и величіемъ незнакомаго юноши; съ удивленіемъ окружилъ его, то приближаясь къ нему, то отдаляясь, но никто не дерзнулъ спросить его, кто онъ и откуда.

На горѣ, недалеко отъ главнаго войска стоялъ Придонъ съ 40 человекъ ловчихъ. Автандилъ направилъ туда свой путь, а за нимъ двинулось и все войско. Придонъ гнѣвался и дивился разстройству охоты и приказалъ узнать о случившемся. Посланецъ его, пораженный чудною осанкою и красотою молодого незнакомца, остановился, отбѣивъ и забывъ передать воинамъ царскія слова.

Автандилъ, догадавшись, кто прислалъ о немъ осведомиться, сказалъ: доложи своему царю, что я одинокій странникъ, оставившій отечество, называюшій братъ Таріеля, присланъ къ нему.

Слуга, воротившись къ Придону, доложилъ ему о порученномъ, сказалъ: я видѣлъ солнце, освѣщающее вселенную; думаю и мудрецы удивятся, если гдѣ-нибудь увидятъ его; онъ братъ Таріеля и желаетъ видѣть тебя, царь!

Услышавъ о Таріелѣ, Придонъ нѣсколько успокоился, но сердце его взволновалось, и глаза наполнились слезами.

Придонъ тотчасъ же спустился съ горы. Увидѣвъ прекраснаго юношу, достойнаго высшихъ похвалъ, нежели какія рабъ насказалъ ему, съѣлъ съ коня и бросился въ объятія гостя; они обнялись и пролили слезы радости, объяснились и привѣтствовали одинъ другаго!

Незнакомство не помѣшало имъ обнять другъ друга; Придону невыразимо нравился юноша, а юношѣ Придонъ; еслибы и мудрецы увидали ихъ, то нашли бы ихъ краше яснаго солнца.

Кто изъ встрѣчавшихся могъ сравниться съ ними въ красотѣ? Они одни достойны похвалъ, днемъ солнце, а ночью, блескъ огней померкнетъ, когда они были видѣть.

Оставивъ охоту, новые друзья отправились въ царскій дворецъ. Со всѣхъ сторонъ толпами приходили видѣть Автандила и удивленные его красотою, спрашивали другъ у друга: „можетъ ли что на землѣ сравниться съ нимъ?“ Вижу, говорилъ юноша Придону, что ты желаешь знать, кто я, откуда ъду, или почему знаю Таріеля, или зачѣмъ называюсь его братомъ, тогда какъ я даже недостойнъ быть и рабомъ его.

„Я подданный Аравійскаго царя Ростевана и главный военачальникъ его, зовутъ меня Автандиломъ, происхожу изъ знатнѣйшей фамиліи, воспитанъ и оберегаемъ былъ вельможами—какъ царскій сынъ.

„Въ одинъ день мы съ царемъ выѣхали на охоту: увидѣвъ Таріеля, слезами котораго орошалось поле, дивился такому страннику, пригласили его къ себѣ, онъ не пришелъ, а намъ это было обидно; тогда мы еще не знали его горестей.

„Царь разгнѣвался, послалъ воиновъ взять его силою, но онъ безъ труда перебилъ всѣхъ: у однихъ переломалъ руки и ноги, а другіе пали отъ ударовъ его, испустивъ послѣдній вздохъ.

„Тогда лишь поняли мы, что нельзя планету совратить съ пути ея.

„Когда царь увидѣлъ, что посланные не могутъ съ нимъ сладить, пошелъ самъ на него со всею дружиною своею, чтобы взять смѣлаго незнакомца; но тотъ, узнавъ царя, вложилъ мечъ свой въ ножны и, подобравъ поводья, мгновенно исчезъ изъ виду.

„Тщетно искали его, не было и слѣдовъ; царь предался унынію: всѣ веселья и пиршества прекратились; я не могъ переносить этого и хотѣлъ во что бы ни стало отыскать странника, для того и отправился въ дальній путь, подвергая себя разнымъ опасностямъ.

„Три года я неуспѣшно искалъ Таріеля; наконецъ, китаицы, пораженные имъ и обращенные въ бѣгство, имѣ указали его; такъ нашелъ я нѣжную, блѣдную и поблекшую розу, которая приняла меня и полюбила, какъ брата и сына!

„У дивовъ отнялъ онъ пещеру, въ которой и живетъ съ одною нянькою Асматі, гора давнишнимъ огнемъ любви къ обожаемой имъ красавицѣ, безъ вѣсти пропавшей.

„Асматі, сидя въ пещерѣ, проливаетъ горькія слезы, юноша же, избѣгая свиданія съ подобными себѣ, ходитъ лишь на охоту, травитъ звѣрей какъ левъ, и тѣмъ они утоляютъ голодъ.

„Много я удивлялся, слышавъ отъ него разсказъ о его жизни: о, сколько онъ перенесъ страданій, потерявъ возлюбленную!—этого нельзя ни словами разсказать, ни перомъ описать.

„Какъ луга, не останавливаясь, онъ странствуетъ, не сходя никогда съ коня; тобою подаренного, и подобно дикому звѣрю всегда избѣгаетъ свиданья съ людьми.

„О горе имѣ! Весь объятый пламенемъ его любви, тронутый до глубины души его страдальческимъ положеніемъ, я рѣшился искать на сушѣ и моряхъ вѣрныхъ средствъ, чѣмъ бы можно было ему помочь.

„Но увы, напрасно! Между тѣмъ, возвратившись на родину, я возвѣстилъ царя о своемъ прибытіи и былъ холодно имъ принятъ.

„Я просилъ позволенія снова отправиться въ путь, но царь разгнѣвался; не смотря на это, оставивъ свое имущество и поцанныхъ, оплакивающихъ мое отсутствіе, я снова пустился (отправился) въ дорогу искать Таріелю жизни,— (чтобы спасти Таріеля).

„Нимѣ встрѣтивъ тебя неподобнаго, вездѣ славнаго, Таріелемъ за роднаго брата почитаемаго, прошу наставить, какими путемъ могу отыскать предметъ любви пославшаго меня, предметъ радости зрячихъ, предметъ печали невидящихъ!

Разсказъ юноши о добрыхъ качествахъ Таріеля тронулъ Придона до глубины сердца; онъ обливался горячими слезами, съ которыми также соединились слезы Автадилы, видя это, возрыдали и всѣ окружавшіе плачущихъ юношей.

Послѣ нѣкотораго раздумья Придонъ, придя въ какой—то восторгъ, воскликнулъ: „кто можетъ достойно восхвалять тебя, Таріель! тебя—солнце вселенной! тебя—могущаго затмить твердь небесную! тебя,—который даруетъ своимъ рабамъ душу, жизнь и радость! тебя,—свѣтъ небесныхъ свѣтилъ!

Увы! съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ тобою, жизнь стала мнѣ въ тягость, радость въ скуку, и свѣтъ для меня печаленъ и мраченъ.

Ты, быть можетъ, и не думаешь обо мнѣ;—но я мысленно всегда съ тобою“.

Осушивъ слезы,—они отправились далѣе не радостные; Автандилъ, печально потупивъ черныя очи, пріятнымъ своимъ видомъ привлекалъ на себя вниманіе всѣхъ.

При въздѣ въ городъ встрѣчены они были съ подобающими почестями; одѣтые въ богатыя платья рабы привѣтствовали ихъ и съ особеннымъ почтеньемъ взирали на Автандила.

Въ домѣ Придона, украшенномъ драгоценными каменьями, было не малое собраніе народа, друзья сѣли вмѣстѣ, а по сторонамъ ихъ расположились десять знатныхъ особъ.

Обѣдъ начался, подавали въ дорогихъ сосудахъ вкусныя яства и напитки.

Наконецъ иршество кончилось. На другой день, омывъ Автандила въ великолѣпной банѣ, нарядили его въ платье, стоившее нѣсколько тысячъ и опоясали безцѣнно—богатымъ кушакомъ.

Юноша противъ воли остался на нѣсколько дней у Придона; выѣзжалъ нѣсколько дней на охоту вмѣстѣ съ нимъ; наравнѣ съ нимъ травилъ звѣрей и всѣхъ удивлялъ ловкостью и мѣткостью стрѣлянья изъ лука.

Когда проѣзжалъ онъ черезъ городъ, то всѣ объ немъ говорили; дѣвушки и юноши толпами собирались вокругъ незнакомца и всѣ поражались его рѣдкою красотою.

„Выслушай меня, —сказалъ юноша Придону, будь увѣренъ въ томъ, что разлука съ тобою будетъ для сердца моего не безъ горестныхъ послѣдствій; но знай и то, что мнѣ, объятому инымъ огнемъ, слѣдуетъ свершить дальній путь и исполнить великое дѣло, нетерпящее отлагательства.“

„Горько мнѣ разлучаться съ тобою, и правъ, кто плачетъ о разлукѣ съ тобою, однако ничто не можетъ препятствовать сегодняшнему моему выѣзду: странствующій не долженъ отлагать дѣла на дальнѣйшее время. Иди, укажи мнѣ тотъ берегъ моря, на которомъ видѣлъ ты предметъ желанный!

Не могу удерживать тебя, отвѣчалъ Придонъ,—отправляйся; да сопутствуетъ тебѣ Богъ, и да падутъ враги твои! Не скажи, какъ одолѣть мнѣ печаль по разлукѣ съ тобою?

Но долженъ сказать еще, что тебѣ одному трудно пускаться въ дорогу; возьми оружье, необходимые припасы и нѣсколько человѣкъ, которые, служа и повинаясь тебѣ, будутъ содѣйствовать тебѣ въ достиженіи твоей цѣли.

Придонъ далъ юношѣ четырехъ полно вооруженныхъ всадниковъ, конемъ можно было довѣрять всѣ сердечныя тайны, шестьдесятъ литръ золота и одного неподобнаго коня съ богатѣйшею сбруею.

Даль еще ему сильного, ногами крѣпкого катера, на коемъ была навьючена богатая постель; снарядилъ юношу и самъ поѣхалъ съ нимъ; проводивъ его и распростившись, возвратился домой въ глубокой задумчивости.

При выѣздѣ изъ города юноши, слышны были клики голосовъ, подобныя грому; богатѣйшіе торговцы того города, стекаясь со всѣхъ сторонъ, созывали другъ друга оплакивать отсутствіе своего дорогого гостя.

Спустя нѣсколько времени, прибыли они къ берегу моря, откуда горько плачущій Придонъ нѣкогда видѣлъ заточеніе дивовъ

Отсюда видѣлъ я, продолжалъ Придонъ, какъ два раба, черные лицомъ, подобны арабамъ, держали предметъ нашихъ поисковъ; они причалили лодку къ берегу, куда, сильно прищипивъ коня, я поспѣшилъ—было къ нимъ; но они, замѣтивъ это, быстро помчались и мгновенно скрылись изъ виду.

Друзья, обнявъ одинъ другаго и проливая горькія слезы, еще болѣе умножили свою горестъ. Назвавъ другъ друга братомъ, они расстались. Юноша поѣхалъ своимъ путемъ, поражая всѣхъ величественнымъ своимъ видомъ.

Характеристика героев поэмы Ш. Руставели.

Въ журналѣ „Моамбѣ“ за 1895 и 1896 гг. появилась работа А. С-ли о „Барсовой кожѣ“, посвященная критическому анализу этого произведенія, на основаніи изученія его контекста, внутренней связи между отдѣльными его строфами. Г. А. С-ли обнаруживаетъ солидное знакомство со всѣми деталями созданія Руставели и проявляетъ рѣдкое критическое чутье, опирающееся на „внутреннюю достовѣрность“, при установленіи весьма спорнаго вопроса, что отнести на счетъ позднѣйшихъ вставокъ и интерполяцій въ знаменитой поэмѣ эпохи царицы Тамары. Не входя въ ближайшее разсмотрѣніе доводовъ г-на С-ли, ¹⁾ мы съ нимъ готовы согласиться въ томъ пунктѣ, который

¹⁾ Рядъ статей, приналежащихъ перу чловѣка, скрывается—надо полагать изъ скромности—подъ подписью А. С—ли, ясно и неопровержимо доказываетъ, что не 18 только, какъ сдѣлала коммиссія 1880 г., а трижды 18 строфъ подлежатъ исключенію изъ текста „Вепхвисъ - Такосани“, такъ какъ онѣ, по всѣмъ внутреннимъ признакамъ, не принадлежать перу Руставели, должны быть признаны подложными, вставленными впоследствии, во время, безчисленныхъ переписокъ текста. Методъ А. С—ли простъ и заключается въ томъ, что авторъ, изучивъ самую поэму, уразумѣвъ смыслъ и сущность ея, понявъ красоту руставелевскаго языка, становится, въ центрѣ художественнаго произведенія и, перечитывая затѣмъ поэму, критикуетъ текстъ съ большою осторожностью и предусмотрительностью, т. е. выясняетъ—руставелевскія ли: из-

рый касается 16-ой строфы „Барсовой кожи“, сообщающей, что поэт „нашелъ персидскій рассказъ и переложилъ его стихами, словно

ложеиіе, картина, образъ, сравненіе; не нарушаетъ ли что въ прочитанномъ общей гармоніи, не противорѣчитъ ли что основной идеѣ поэмы, выдержанъ ли тотъ или другой характеръ, изображаемый поэтомъ. Замѣтивши сомнительное мѣсто, онъ начинаетъ анализировать его, выяснитъ и приводитъ въ соотвѣтствіе съ предыдущими и послѣдующими. Выдержала, положимъ, строфа такой искусъ, она остается, а нѣтъ, такъ она признается поддѣльною, подлежащею исключенію. „Вепхвисъ-Ткаосани“,—говоритъ онъ,—совершенно цѣльное, законченное, обработанное произведеніе, созданное однимъ авторомъ. Поэму одухотворяетъ одна основная идея; ея части подчиняются этой идеѣ и гармонически слиты, органически соединены между собою. Вставлять что-нибудь въ такое произведеніе совершенно излишне, такъ какъ эта вставка обязательно нарушитъ гармонію, точно также какъ нарушило бы гармонію, если бы къ зданію старо-греческаго стиля придѣлать готическую башню. Кромѣ такого внѣшняго отличія, вставка и въ поэтическомъ отношеніи далеко уступаетъ оригиналу, потому что фальсификаторъ вообще всегда менѣе даровитъ, чѣмъ поэтъ, которому тотъ подражаетъ и подъ тонъ котораго онъ подлаживается. Каждая строфа Руставели, слабая ли она, или сильная, имѣетъ тѣсную связь съ остальными строфами и невозможно выключить хоть одну изъ нихъ, не нарушивъ цѣльности текста. Выключая же подложную строфу, достигаемъ того, что текстъ выигрываетъ въ ясности и цѣльности. Распространяясь въ народѣ путемъ переписки, текстъ вслѣдствіе этого искажался значительно. Но кромѣ невольныхъ ошибокъ, допускаемыхъ обыкновенно переписчиками, поэма искажалась еще болѣе и тѣмъ или другимъ стихослагателемъ или книжникомъ. При чтеніи или перепискѣ поэмы, мному книжнику, пораженному поэтическими картинами произведенія, но лишнему вкусу, то или другое выраженіе, та или иная картина могли показаться не достаточно сильными. И вотъ онъ бралъ въ руки перо и вставлялъ свое, въ надеждѣ, что тѣмъ самымъ онъ усиливаетъ впечатлѣніе. Такимъ образомъ, вмѣсто тонкаго штриха, онъ проводилъ толстую линію, вмѣсто блѣдной, едва уловимой окраски, онъ накладывалъ густую, и получалась аляповатая, рѣзко рѣжущая глазъ мазня. Искаженіе легко открыть и по стилю. Стиль Руставели отличается крѣпостью и прозрачностью горнаго хрустала. Руставели, подобно Вольтеру, говорившему, что то, что не ясно, то не по-французски, — говорить, что ясность и ясность суть первое дѣло въ стихѣ. Если въ какой-нибудь строфѣ мысль растянута, преувеличена, смѣло можете сказать, что строфа не принадлежитъ Руставели. Стиль поддѣлки насилуваннй, искусственно-вычурный. Приемачъ-фальсификаторъ избѣгаетъ всегда простоты и умѣренности въ стилѣ. Не имѣя богатаго запаса мыслей, онъ старается убожество содержанія прикрыть многословіемъ, велерѣчіемъ, выпренностию, и уродливое его созданіе само выдаетъ себя головою при внимательномъ и вздумчивомъ чтеніи поэмы. Такъ А. С.—ли производитъ процессъ очищенія текста. Ср. статью *Гр. Китинидзе*. „Нов. Об.“, 4219.

крупную жемчужину“. Критикъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что 16-я строфа противорѣчитъ 7-ой строфѣ и неумѣстно врывается между 15 и 17 строф., разрушая ихъ тѣсную связь единой мысли о мучительномъ состояніи влюбленнаго на старости лѣтъ. ¹⁾ Устранивъ, такимъ образомъ, мнѣніе о переводѣ „Барсовой кожи“ съ персидскаго языка, на которомъ, при всѣхъ тщательныхъ поискахъ, не найденъ ея оригиналъ, мое предположеніе о пользованіи народнымъ устнымъ сказаніемъ для созданія поэмы о Таріелѣ получаемъ еще большую вѣроятность, если при этомъ не забывать, что самъ поэтъ заявляетъ въ 7-ой строфѣ о существовавшей до него повѣсти, „смысль которой одѣлъ онъ въ порфиру, слово въ перлы панизаль“. Какъ бы то ни было, поэма Руставели, сумѣвшая привести въ восторгъ свою страну, должна была быть пронизана *духомъ* своей націи, и гдѣ бы ни происходило ея дѣйствіе, „Барсова кожа“ останется безусловно грузинскимъ произведеніемъ. Однако, слышатся упорные голоса, что твореніе Ш. Руставели является не національнымъ созданіемъ, а подражаніемъ или слѣпымъ осколкомъ съ поэмъ персидскихъ поэтовъ.

Культурно-политическое вліяніе Персіи проходитъ черезъ всю исторію Грузіи, не смотря на рѣзко обострившійся ихъ религіозный антагонизмъ со времени водворенія христіанства въ древней Иверіи. Персидская былинная поэзія—о Ростомѣ и Зурабѣ—сдѣлалась достояніемъ грузинскихъ устныхъ сказаній, герои Ирана, увѣковѣченные Фирдоуси въ „Шахъ-Намѣ“, воспѣваются грузинами, какъ національные богатыри. Но нельзя сказать, при всѣмъ глубокомъ воздѣйствіи парсизма, что „*всѣ* грузинскія пѣсни, легенды и сказки относятся къ персидско-арабскому циклу“. Мы указали въ другомъ мѣстѣ историческія пѣсни, относящіяся къ Вахтангу Горгаслану ²⁾, царю V вѣка, основателю гор. Тифлиса, и тѣмъ ослабили гипотезу г. Н. Д., что „нѣтъ ни одной пѣсни, гдѣ воспѣвались подвиги старшихъ грузинскихъ царей до Тамары“. Что же касается до легендъ и сказокъ, то онѣ носятъ тотъ же дуалистическій характеръ борьбы добраго и злаго начала, какой отмѣченъ въ произведеніяхъ другихъ народовъ, или же создавались онѣ подъ вліяніемъ священнаго писанія, исключаящаго спеціальныи „персидско-арабскій цикл“. Исключительное господство персидской культуры не замѣчается не только въ области искусства

¹⁾ *Моамбе*, груз. ежемѣсяч. журналъ за 1895, кн. XI отд. II, стран. 16.

²⁾ Н. Д. Письма о Грузіи. („Сѣвер. Вѣсти.“ 1889, IX, стр. 43).

³⁾ *Мое* соч. Очерки по исторіи грузин. словесности, вып. I, стр. 62 (М. 1895).

или въ народной поэзіи, какъ желаетъ установить г. Н. Д., но даже въ письменной литературѣ нельзя уловить того поражающаго факта, по которому „*всѣ* грузинскіе поэмы и романы являются передѣлками или распространеніемъ сюжетовъ, взятыхъ изъ Шахъ-Намэ или произведеній средневѣковыхъ поэтовъ персидско-арабскаго періода: Низами, Гургани и др.; таковы Висраміани, Ростоміани, Русуданіани, Амирант-Дареджаніани и, наконецъ, Вейхвистъ-Ткаосани („Барсова кожа“)¹⁾ Никто изъ знающихъ литературу грузинъ не утверждалъ, что Ростоміани, Висраміани и Караманіани—оригинальныя произведенія, ибо рукописи ихъ сохранили точное указаніе, что они переведены съ персидскаго. Русуданіани и Дареджаніани—громадные рукописные фоліанты—остаются неизданными и критику ихъ извѣстны лишь, отрывки помѣщенные въ хрестоматіи Чубинова.²⁾ Для произнесенія сужденія объ оригинальномъ или переводномъ ихъ происхожденіи недостаточно знать ихъ заглавіе или два—три отрывка, а Н. Д. поспѣшилъ обобщить свое мнѣніе на основаніи двухъ или трехъ фрагментарныхъ произведеній. Критикъ даже умышленно обходитъ молчаніемъ тѣ памятники письменности, которые не восходятъ въ вліянію Персіи: оды Чахрухи и Шавтели, романъ Диларіани, поэмы Алгузіани, Сауль-Давитіани и др.

Одно изъ вѣскихъ соображеній противъ происхожденія „Барсовой кожи“ это—полное отсутствіе грузинскихъ географическихъ названій и историческихъ именъ въ названной поэмѣ. Но какъ примирить съ этимъ утвержденіемъ слова поэта, посвященныя царицѣ Тамарѣ, упоминаніе крѣпости Каджети, хорошо извѣстной въ грузинской географіи, не говоря ужъ о томъ, что Аравія, Китай и Индія въ поэмѣ носятъ всѣ признаки закавказской природы? Наконецъ, отстаивающіе грузинскіе происхожденіе „Барсовой кожи“ не довольствуются, какъ думаетъ г. Н. Д., двумя доводами въ пользу своего мнѣнія: 1, „индійскій царь, фигурирующий въ ней подобно, грузинскимъ царямъ того времени, является властителемъ семи царствъ и 2, обѣ героини Руставели, подобно Тамарѣ, являются единственными дочерьми своихъ царственныхъ отцовъ, а одна изъ нихъ даже возводится на царство своимъ отцомъ, какъ это было съ Тамарой“. Эти два довода защитниковъ грузинской поэмы получаютъ свое значеніе въ связи съ другими пунктами совпаденія сюжета „Барсовой кожи“ и исторической эпохи.³⁾ Такимъ образомъ, изъ совокупности условій, положенныхъ

¹⁾ Названная статья Н. Д., стр. 46.

²⁾ Грузинская хрестоматія, составленная Д. Чубиновымъ. Спб. 1846.

³⁾ См. нашу статью въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1895, декабрь.

въ основаніе національнаго происхожденія поэмы Руставели, г. Н. Д. выхвачены тѣ изъ нихъ, которыя допускаютъ возраженія общаго характера. „Семь царствъ“, говоритъ онъ, было излюбленнымъ числомъ у персидскихъ поэтовъ, и нельзя признать Тамару героиней поэмы только въ виду того, что обѣ героини Руставели являются, подобно ей, единственными дочерьми своихъ отцевъ. Эти черты сходства слишкомъ вѣшны и малозначительны“ (стр. 51) Намъ кажется, что и возраженія критика „слишкомъ вѣшны“ даже противъ тѣхъ пунктовъ, которые онъ намѣтилъ для своей атаки. Грузины наравнѣ съ персами питали симпатію къ цифрѣ 7, и въ самыхъ первыхъ переводахъ отреченныхъ памятниковъ мы находимъ „семь небесъ“, а въ народныхъ духовныхъ стихахъ „семь рѣкъ“. Такъ какъ автору писемъ о Грузіи не удалось разрушить ни совокупности чертъ сходствъ поэмы съ жизнью Тамары, ни въ отдѣльности ослабить значеніе каждой изъ нихъ, мы продолжаемъ оставаться при убѣжденіи, ²⁾ что Руставели, воспользовавшись народнымъ сказаніемъ о Таріелѣ, умышленно перенесъ мѣсто дѣйствія въ Аравію и Индію, чтобы отрѣзать всякій путь нескромнымъ догадкамъ, какъ Державинъ въ своей „Фелицѣ“ намѣренно нарисовалъ Екатерину II⁶ богоподобной царевной киргизъ-кайсацкой орды⁶.

Н. Д. считаетъ воззваніе Руставели къ царицѣ Тамарѣ достаточнымъ доказательствомъ, что онъ жилъ при этой царицѣ и свисходительно допускаетъ, что въ поэмѣ отражаются нѣкоторыя „бытовыя“ черты грузинскаго средневѣковья⁶. Но онъ настойчиво отрицаетъ историческую основу „Барсовой кожи“, и отсутствіе этой основы онъ ярче всего усматриваетъ во вступительной главѣ (гдѣ, впрочемъ, имѣется и воззваніе къ царицѣ Тамарѣ), заключающей агг роеііса Руставели, теоритическую формулировку взгляда поэта на любовь и поэзію. Для обозначенія той „священной любви высшаго порядка“, ради которой слѣдуетъ отречься даже отъ міра, ³⁾ онъ употребляетъ терминъ „миджнуроба“, этимологію котораго самъ Руставели производить отъ арабскаго слова „миджнуръ“, что значитъ „бѣшенный“. Поло-

²⁾ М. Джанашвили въ книжкѣ о Ш. Руставели (Тифлисъ, 1896) поддерживаетъ доводы Д. Чубинова объ исторической основы поэмѣ Руставели.

³⁾ „Любовь (миджнуроба)—вещь трудная для пониманія; она не то, что прелюбодѣяніе, между ними цѣлая пропасть; прошу не смѣшивать ихъ между собою. Человѣкъ любящій долженъ быть непороченъ, всегда вѣренъ предмету своей любви; въ разлукѣ съ любимымъ существомъ долженъ умножать вздохи, терять сознаніе, пламенѣть и изъ страха предъ возлюбленной переносить даже гнѣвъ царей“, строфа 8—15.

жимъ, что этотъ терминъ новый, но отсюда еще нельзя дѣлать заключенія, что Руставели перевелъ свою поэму съ персидскаго, точно также, какъ нельзя считать переводомъ съ Ричардсона и Байрона тѣ произведенія, гдѣ встрѣчаемъ Ловеласа и донъ-жуанскую любовь. Если имѣеть основаніе мнѣніе, что „Лейла и Меджнунъ“, романъ Низами (ум. въ 1180 г.), рано распространился въ Грузіи, то въ терминѣ „меджнуръ“ для обозначенія безумно-влюбленнаго мы находимъ обращеніе собственнаго имени въ нарицательное, характеризующее новое понятіе любви съ специальными ея признаками, подобно донъ-жуанской страсти. Помимо усвоенія Руставели термина „меджнуръ“ мы не усматриваемъ той близости содержанія между „Барсовой кожей“ и „Лейлой—Меджнунамъ“, чтобы считать сюжетъ первой заимствованнымъ изъ персидской повѣсти. Сюжетъ названной поэмы Низами освѣтитъ этотъ вопросъ.

Произведеніе Низами повѣствуетъ исторію одной влюбленной пары. Единственная дочь арабскаго влстителя Лейла влюбляется еще въ дѣтствѣ въ кровнаго своего родственника, Каиса, который отвѣчаетъ ей горячей взаимностью. Но родители Лейлы выдаютъ дѣвушку за другого, а Каисъ, сгорая отъ любви, удаляется въ пустыню и, живя тамъ среди звѣрей, до того дичаетъ, что получаетъ отъ людей имя „меджнуна“, т.-е. бѣшенаго. Одинъ изъ друзей Меджнуна, Сеадъ, пытается похитить для него возлюбленную, но это ему не удается; когда же, по прошествіи многихъ лѣтъ, мужъ Лейлы умираетъ, она спѣшитъ въ пустыню къ своему возлюбленному, но эта встрѣча такъ потрясаетъ ихъ обоихъ, что, отдавшись первому порыву давно сдержанной любви, Лейла умираетъ, а Каисъ истекаетъ слезами на ея могилѣ.

Мы изложили содержаніе „Лейлы и Меджнуна“ словами самого г. Н. Д. Вспомнивъ сюжетъ поэмы Руставели, мы легко увидимъ, что не только детали, но даже канва „Барсовой кожи“ и повѣсти Низами не отличается такою близостью ¹⁾, какая усматривается авторомъ „писемъ о Грузіи“. Единственное сходство между этими двумя произведеніями можно уловить въ точкѣ отпращенія, — взаимной любви Лейлы и Меджнуна съ одной стороны, Дареджаны и Таріеля съ другой стороны. Но этотъ пунктъ составляетъ обычную любовную

¹⁾ См. Г. Е. Церетели „Низами и Руставели“, подробное изложеніе „Лейлы и Меджнунъ“ по грузинскому переводу въ газ. *Новомъ Обзорѣніи* №№ 2084, 2086 и 2091 и ср. Laile and Majnun, a poem from the original persian of Nizemi by James Atkinson. London 1836.

интригу, встречающую то легко устраняемая, то жестоко неодолима препятствія. Дальнѣйшій ходъ событій въ жизни дѣйствующихъ лицъ у Руставели и Низами ставитъ ихъ въ независимыя другъ отъ друга условія. Лейлу выдаютъ замужъ, а Дареджану удаляютъ изъ предѣловъ государства; Сездъ, другъ Меджнуна, тщетно старается похитить Лейлу для влюбленнаго, а Автандиль въ союзъ съ Придономъ и Таріелемъ достигаетъ цѣли—освобожденія Дареджаны изъ плѣна у каджовъ. Наконецъ, Меджнунъ сходитъ съ ума и Лейла умираетъ, а Таріель вступаетъ въ счастливый бракъ съ Дареджаной.

Не останавливаясь на деталяхъ, изъ этого бѣлаго сопоставленія схемы повѣсти Низами и поэмы Руставели явствуетъ, что Низами не можетъ считаться тѣмъ образцомъ, который легъ въ основаніе „Барсовой кожи“. Руставели могъ знать исторію несчастныхъ героевъ Низами, хотя странно, что онъ не упоминаетъ ихъ наряду съ Висой и Раминомъ или Рустемомъ изъ Шахъ-Намэ. Такимъ образомъ, попытка г. Н. Д. намѣтить персидскій оригиналъ „Барсовой кожи“ остается тщетной, за неимѣніемъ убѣдительныхъ доказательствъ ¹⁾. Характеристика героевъ и героинь поэмы Руставели еще ярче выставитъ безпочвенность теоріи г. Н. Д.

Двое изъ современныхъ грузинскихъ поэтовъ въ оцѣнѣ типовъ „Барсовой кожи“ высказали два совершенно противоположныхъ взгляда. Кн. Акакій Церетели²⁾ въ публичныхъ лекціяхъ о Руставели проводитъ ту мысль, что поэма XII вѣка, построенная на исторической основѣ, служить въ лицахъ выраженіемъ этнографическихъ особенностей различныхъ народностей грузинскаго племени: Таріель—типъ безхитростнаго, но мощнаго карталинца, Автандиль—образъ ловкаго и коварнаго имеретина, царь Придонъ—портретъ приморскаго грузина—лаза. Подобное упрощенное объясненіе характера героевъ Руставели вызвало возраженіе со стороны другого современнаго поэта кн. Ильи Чавчавадзе. Онъ счелъ нужнымъ вступить за честь пѣвца Тамары, низведеннаго къ роли „памфлетиста“ или наблюдательнаго этнографа, и попытался доказать, что герой Руставели принадлежатъ къ такимъ общимъ типамъ, которые стоятъ выше національныхъ портретовъ и характеризуютъ *человѣка* вообще. Кн. Илья Чав-

¹⁾ Последняя строфа въ „Барсовой кожѣ“, ср. строфы 186 и 198. Отвѣтъ г-ну Н. Д. см. въ *Иверіи* статьи подъ заглавіемъ „Вотъ исторія!“

²⁾ *Церетели*. Нѣсколько словъ въ отвѣтъ Ильѣ Чавчаваздѣ по поводу „Барсовой кожи“ (Тифлисъ 1887). Статьи кн. Ильи Чавчавадзе въ *Иверіи* 1887 №№ 76. 77 и др.

чавадзе улавливает другой контраст въ типѣ Таріеля и Автандила, усматривая въ первомъ—человѣка съ пламенными страстями, покоряющими умъ, а во второмъ—человѣка разсудка, во время подчиняющаго себѣ пылкое сердце. Но оба согласны въ томъ, что Руставели обладает тонкимъ психологическимъ чутьемъ при обрисовкѣ героевъ своей поэмы. Но можно примирить мнѣнія обоихъ поэтовъ: создавая *типъ человека* вообще, Руставели долженъ былъ исходить изъ наблюденія надъ конкретными примѣрами, или цѣлыми племенными группами, во избѣжаніи отвлеченной, безжизненной, однообразной обрисовки героевъ. Дѣйствительно, каждый герой его надѣленъ индивидуальными, отличительными отъ прочихъ, свойствами, которыя позволяютъ думать, что Руставели, при блестящемъ поэтическомъ талантѣ, обладалъ большими этнографическими познаніями. Да и вообще, нѣтъ человека—космополита безъ національныхъ чертъ.

Таріель ¹⁾, индійскій царевичъ, неизмѣнный поклонникъ разъ избранной дамы сердца—рисуетъ поэтомъ всегда прямымъ и честнымъ героемъ. Не умѣя дѣлать или таить свои чувства, онъ неумоимо разскакиваетъ Дареджану, подвергая себя неизбѣжнымъ бѣдствіямъ и опаснымъ приключеніямъ. Одаренный красивой наружностью и громадной физической силой, способной сопротивляться льву, барсу и цѣлому отряду ополчившихся на него непріятелей, онъ страдаетъ необыкновенно развитой чувствительностью и пламенною страстностью, расслабляющей его волю и энергію. Достаточно промелькнуть предъ нимъ дивному образу Дареджаны, чтобы пасть ему въ обморокъ и потерять на три дня полное сознаніе. Въ гнѣвѣ и горести онъ не знаетъ ни мѣры, ни утѣшенія: съ легкимъ сердцемъ бессознательно избиваетъ гонцовъ царя Ростевана и охваченный слеза пробудившейся беспросвѣтной тоской льетъ ручьемъ „кровавыя слезы“. Съ безпримѣрнымъ мужествомъ и съ нескрываемою откровенностью онъ соединяетъ робость и нерѣшительность, не позволявшія ему просить прямо руки царевны у Парсадана, считая себя оскорбленнымъ въ игнорированіи въ немъ достойнаго для царской дочери жениха. Осыпанный же упреками Дареджаны за измѣну въ любви, Таріель не останавливается предъ ея совѣтомъ убить *тайкомъ* своего соперника, хварзмійскаго принца. Это весьма характерная черта героя Руставели, поступокъ

¹⁾ Имя *Таріель* можетъ быть произведено отъ грузинскаго слова „тареба“—водитель; Таріель отсюда значить водитель. Н. Я. Марръ объясняетъ, что Таріель есть имя перса, переведенное на грузинскій языкъ?! („Театръ“ 1890, № 12).

его, неоправдываемый съ нашей точки зрѣнія,—обычная кровавая расправа на Востокѣ, азіатская дуэль съ безпомощнымъ конкурентомъ.

Въ пылу возбужденнаго состоянія и въ сознаниі нѣсообразности, „что женщина смѣла понукать его къ борьбѣ“, онъ совершаетъ убійство, подвергая свою возлюбленную предъ отцомъ и теткой двусмысленнымъ обвиненіямъ въ запретныхъ съ нимъ свиданіяхъ. Проявивъ въ началѣ въ поискахъ за Дареджаной значительную волю, оиъ послѣ первыхъ неудачъ, какъ человѣкъ живущій одною огненною страстью, впадаетъ въ отчаяніе, теряетъ опредѣленный планъ дѣйствія, бесполезно рыскаетъ по степямъ и полямъ, проливая только потоки слезъ. Горестъ и безысходность положенія помрачаетъ его разумъ, онъ становится дикъ и нелюдимъ; онъ начинаетъ таготиться жизнью и старательно ищетъ смерти, въ свѣтлой надеждѣ за Коцитомъ соединиться съ своей возлюбленной. Это романтическая его вѣра быстро тускнѣетъ, проблескъ грядущаго утѣшенія заволакивается густымъ туманомъ; не производятъ на него должнаго впечатлѣнія и не пробуждаютъ въ немъ добраго духа умные совѣты Автандила, убѣждающаго друга въ томъ, что „несчастному скитальцу, вспахавшему ниву печали, готовится жатва радости“. Христіанскія наставленія не облегчаютъ его страданій, напрасна попытка повліять на его разумъ,—нужно обратиться къ чувству, затронуть сердце, и тогда онъ очнется, загорится вновь желаніе посѣтить Асматі, вѣрнѣйшую слугу, сестру и посредницу въ сношеніяхъ съ Дареджаной и просить у нея прощенія въ пустынной пещерѣ за причиненную ей обиду и великую несправедливость. Не выводы логическаго ума, а непосредственные порывы впечатлительной души возвращаютъ Таріелю, при энергичномъ участіи Автандила, заглушенное желаніе вновь испробовать ослабѣвшія въ безпросвѣтной тоскѣ могучія силы въ борьбѣ съ злополучной судьбой. Таріель самъ сознается предъ своимъ неутомимымъ другомъ, что „онъ не можетъ овладѣть собою потому, что страсть заглушила въ немъ мудрость“, онъ утратилъ ясное пониманіе своего трагическаго положенія, не въ состояніи изыскать практическихъ мѣръ, чтобы разузнать мѣстонахожденіе Дареджаны. Душевное настроеніе Таріеля можетъ быть раскрыто и объяснено доминирующимъ развитіемъ возбужденнаго чувства: страсть лишила его сознанія, бессознательное состояніе отняло у него силу воли, а безсиліе обратило въ трупку этого мужественнаго красавца.

Нестанъ-Дареджани, ¹⁾ героиня поэмы, по характеру своему

¹⁾ Имя „Нестанъ-Дареджана“ если даже объяснить съ персидскаго языка.

отличается той же всепоглощающей страстностью, какая свойственна ей преданному другу, Таріелю. При первом трепетно ожидаемомъ ихъ свиданіи, Дареджана, воспитывавшаяся съ нимъ до 7 лѣтнаго возраста, теряетъ способность членораздѣльной рѣчи, смущена присутствіемъ статнаго красавца и вознаградивъ его лишь блѣднымъ взглядомъ, объявляетъ ему чрезъ свою фрейлину, Аемати, ¹⁾ что она не въ состояніи ему ничего сказать. Истинное чувство радости часто лишаетъ человѣка выраженія воодушевляющаго его восторга, какъ глубокая горестъ до дна иссушаетъ мучительныя слезы. Руставели здѣсь является тонкимъ психологомъ, знающимъ сокровенныя движенія человеческого сердца. Усиленный приливъ чувствъ отнялъ у героини языкъ въ то время, когда ей такъ много нужно сказать своему безумному поклоннику. Уступивъ влеченію сердца, она написала письмо Таріелю, а когда онъ явился на зовъ, то она растерялась, храбрость дѣвушки, рискнувшей пригласить возлюбленнаго на свиданіе, смѣнилась неодолимымъ смущеніемъ. Съ этою чертою въ характерѣ своихъ героевъ поэтъ знакомитъ насъ еще въ другой сценѣ: когда Таріель возвращается изъ побѣдоноснаго похода въ Хатаветъ, а царь Парсаданъ великодушно прощаетъ побѣжденнаго Рамаза, то на торжественномъ обѣдѣ по поводу этого событія влюбленная пара, сидя рядомъ, не осмѣливается обмѣняться даже взглядами! Приближаясь по силѣ и глубинѣ страсти къ психическимъ особенностямъ Таріеля, Дареджана надѣлена повтомъ самыми обаятельными женственными чертами нравственной устойчивости при всѣхъ соблазнахъ и давленіяхъ окружающей среды. Ни въ столицѣ „Царства морей“, ни въ замкѣ кадзовъ предоставленная собственнымъ силамъ, покинутая всѣми Дареджана

какъ „безподобная“ (красавица), то все же такое толкованіе не должно служить основаніемъ считать и поэму, въ которой она является героиней, переводомъ съ персидскаго, такъ какъ персидскія имена очень рано вошли въ грузинскій нехристіанскій календарь. Нестанъ-Дареджанъ составленъ изъ двухъ самостоятельныхъ именъ (Нестани+Даріа) и ласкательной приставки джанъ; въ народѣ Нестанъ произносится также въ видѣ Нестаръ, (въ хевсурской легендѣ она названа „Несторъ-Дареджанъ“ „Иверія“, 1888 г., № 230, въ другой легендѣ—Лерцамъ Дареджанъ] или Нестванъ, что могло бы образоваться изъ глагола нества—трубить, играть на свирели; имя Даро, Даріа, Дарико, Дареджанъ, которое, по отпаденіи ласкательной приставки, принимаетъ форму Даріе, значить „равны есть“ отъ глагола дареба, шедареба—сравнить, дѣлать сравненіе.

¹⁾ Въ западно-европейскихъ рыцарскихъ романахъ инфанты также имѣютъ наперсницъ, при посредствѣ которыхъ устраиваются свиданія. *Сервантесъ* Донъ-Кихотъ (пер. В. Бареліна, СПб. 1892) I, стр. 155.

въ невѣдѣніи судьбы Таріеля, не принимаетъ лестныхъ предложеній сдѣлаться царицей измѣнивъ другу дѣтства. Любовь къ нему укрѣпилась постигшими невзгодами и возростала съ годами, зародившись впервые во время невинныхъ дѣтскихъ игръ, при совмѣстномъ воспитаніи, до достиженія Таріелемъ 12-лѣтняго возраста. Разлука съ юношей, пробудившимъ первую искру привязанности, не заглушаетъ въ дѣвушѣ нѣжной симпатіи,—глубоко западаетъ въ чуткую душу первая волна зародившейся любви и со временемъ достигнетъ это чувство такихъ необъятныхъ размѣровъ, что героиня предпочтетъ скорѣе покончить самоубійствомъ, нежели измѣнить своему возлюбленному и удѣлить въ своемъ сердцѣ ничтожный уголокъ своимъ, случаемъ навязаннымъ, поклонникамъ. Рѣшительность и твердость воли не покидаетъ ея въ самую критическую минуту; она, предназначенная въ невѣсты приморскаго царевича, дѣлаетъ отчаянный шагъ и, подкупивъ стражу, бѣжитъ въ темную ночь, сама не зная куда. Эта непоколебимая ея вѣрность Таріелю проходитъ чрезъ всю ея судьбу, проявившись впервые въ протестъ нѣжно любимымъ родителямъ, которыхъ она предпочла огорчить противорѣчіемъ, чѣмъ сдѣлаться женою нелюбимаго человѣка. ¹⁾ Дареджана, не находя исхода изъ затруднительнаго положенія, предлагаетъ Таріелю убить ея жениха, но пощадить его свиту²⁾, ибо страшно человѣку носить на плечахъ тягость невинно безпощадно пролитой крови³⁾. Эти слова достаточно извиняютъ суровое требованіе Дареджаны, исполненной ненависти къ иностранному принцу.

Помимо высокихъ нравственныхъ силъ, Дареджана обладала небесной красотой, солнце и луна уступали ей пальму первенства въ блескѣ и граціи, отъ нея исходили лучи, словно стрѣлы амура, и распространялось неизъяснимое сіяніе: не то дивная заря, не то блескъ мѣсячный. ²⁾ Своей ослѣпительной красотой она сразу завоевываетъ благосклонное вниманіе легковѣсной купчихи Фатмани въ царствѣ морей, а своимъ упорнымъ физическимъ изнуреніемъ она укрѣпляетъ за собою сочувственное расположеніе своей богатой покровительницы. Впослѣдствіи въ письмѣ къ ней Дареджана называетъ ее матерью и

¹⁾ Письма Дареджаны къ Таріелю очень ярко характеризуютъ ее, какъ отрастную женщину, а по словамъ *Гулака* („о Барсовой кожѣ“ Рустанели) совершенно *гаремную* восточную затворницу.

²⁾ „Ея лицо блистало, какъ молнія, каждая улыбка, словно солнечный лучъ, разливалась по пространству, а когда она отворяла уста и говорила, то зубы новымъ блескомъ освѣщали темноту ночную“.

выражает этимъ словомъ искреннее чувство неизсякаемой благодарности и нѣжной къ ней привязанности. Мягкость сердца и твердость духа составляетъ ту драгоценную внутреннюю красоту, которая вполне гармонируетъ съ ея блестящей внѣшней наружностью. Она умѣетъ любить самоотверженно, беззавѣтно, безпредѣльно. Она способна къ героическому отреченію отъ личнаго счастья во имя спасенія и безопасности своего единственнаго друга. Она умоляетъ Таріеля отказаться отъ мысли освободить ее изъ плѣна и не подвергать себя опасности въ борьбѣ съ ея неусыпными чудовищными врагами. Она считаетъ при своей жестокой участи одиночества нравственнѣмъ облегченіемъ пріятную увѣренность, что онъ живъ и будетъ о ней вспоминать и вздыхать, а видѣть его смерть предъ стѣнами замка кадзовъ у нея не хватить физическихъ силъ: „она сгоритъ какъ трутъ, зажженный кремнемъ“. Ей не тяжело умирать въ той романтической надеждѣ, что горькая доля на землѣ смѣнится блаженствомъ и счастьемъ въ загробномъ мірѣ: вѣчную любовь къ нему она унесетъ съ собою въ тѣсную могилу. Женская ея преданность и рѣдкое великодушіе не ограничиваются однимъ желаніемъ цѣною своихъ мукъ спасти возлюбленнаго отъ грозящей ему гибели,—она хочетъ чрезъ него утѣшить тоскующаго по ней старика—отца, въ минуту безграничнаго гнѣва деспотически наказавшаго ее изгнаніемъ изъ отечества. Такимъ образомъ, въ Дареджанѣ соединилась дивная чарующая красота, нѣжная бѣздна чувствъ и энергическая вѣрность своему возлюбленному другу дѣтства до полнаго забвенія личнаго счастья. Въ этомъ восхитительномъ ореолѣ, которымъ окружилъ поэтъ свою идеальную героиню, есть значительная доля гиперболическихъ штриховъ и чрезмѣрное сгущеніе возвышенныхъ, яркихъ красокъ. Дареджана представляется столь небеснымъ и ангелоподобнымъ существомъ, что утрачиваетъ нѣкоторую реальность, обращаясь въ символическую фигуру внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствъ женщины вообще. Руставели, увлекаясь преклоненіемъ предъ Тамарой, воплощеннымъ образомъ идеала красоты, надѣлилъ столь же очаровательными качествами другую героиню поэмы—Тинатину, воспроизведя ее нѣсколько жизненнѣе съ болѣе рельефными индивидуальными особенностями. Во всякомъ случаѣ группу лицъ—Таріеля и Дареджаны—онъ противопоставилъ группѣ портретовъ Автандила и Тинатины.

[Въ нѣмецкой газетѣ „Blätter für litterarische Unterhaltung“ данъ былъ слѣд. отзывъ о поэмѣ Шота Руставели „Человѣкъ въ барсовой шкурѣ“, переведенной на нѣмецкій языкъ г. Артуромъ Лейстомъ:

„Поэма грузинскаго поэта, переведенная на нѣмецкій языкъ, но-

сильный отпечаток того характера, каким проникнуты блестящая сказка „Тысяча и одна ночь“. Даже сферы воображения поэта и образы его мыслей решительно чужды намъ, такъ какъ у насъ первый и послѣдній масштабъ для оцѣнки поэтическихъ творений составляютъ послѣдовательность въ развитіи разсказа, единство характера и правоподобность явленій какъ внѣшняя, такъ и внутренняя. У грузинскаго-же поэта все это замѣняется воображеніемъ, не знающимъ удержа. У него нѣтъ твердой опоры въ непредѣльномъ морѣ своей фантазіи и, при отсутствіи якоря и снастей, онъ является игрушкой этой фантазіи. Правда, что все это беретъ начало изъ несомнѣнно богатаго источника, но, въ сожалѣнію, изливается съ такою неудержимою силою, которая не знаетъ границъ. Языкъ поэта разукрашенъ блестками восточной пышности, но сама эта пышность нагромождена въ чрезмѣрно расточительномъ излишествѣ. Обороты рѣчи, тамъ и сямъ, изящно переливаясь черезъ край, не подчинены формамъ законченности. Безъ достаточно близкаго знакомства съ грузинскимъ оригиналомъ, трудно судить, насколько переводчикъ сумѣлъ облечь восточную рѣчь въ формы европейскаго и въ особенности нѣмецкой поэтической рѣчи. Однако, судя по образцамъ, нужно отдать справедливость искусству Артура Лейста въ этомъ отношеніи⁴⁾].

Дружба Таріеля съ Автандиломъ напоминаетъ собою дружбу дѣтей мифическаго Зевса—Кастора и Поллукса. Однако, Автандилъ¹⁾ и Таріель являются совершенно различными типами, представителями двухъ противоположныхъ складовъ ума и чувствъ. Автандилъ больше умѣетъ владѣть своими страстями, покоряя ихъ разсудку и практическимъ соображеніямъ. Влюбленный въ свою повелительницу Тиватину, онъ не гнушается войти въ интимныя подозрительныя сношенія съ вѣтренной купчихой Фатманью, съ благородною, впрочемъ, цѣлью вывѣдать у нея все, что ей извѣстно о похищенной каждами Дареджанѣ. Желаніе своей возлюбленной отыскать юношу въ барсовой кожѣ онъ считаетъ священнымъ долгомъ, исполненіе котораго требуетъ отъ него трехлѣтняго непрерывнаго блужданія по отдаленнымъ пустыннымъ мѣстамъ. Его поддерживаетъ въ долгихъ, унылыхъ странствіяхъ радужная мечта „о солнцѣ съ гешировыми рѣспицами“, поклявшемуся ему въ вѣчной любви. Онъ искренне счастливъ, что онъ удовлетворилъ любопытство Тиватины объ юношѣ, одѣтомъ въ барсову кожу,

¹⁾ Имя „Автандилъ“ можно было бы объяснить при помощи грузинской этимологіи: автан—здѣли, т. е. „воспитанный при свободномъ“ (злымъ).

и съ полнымъ философскимъ разумѣніемъ увѣряетъ ее: „когда исполняются желанія сердца, тогда забываются всѣ невзгоды подобно дню вчерашнему“. Но выше своихъ личныхъ чувствъ онъ ставитъ долгъ предъ ближнимъ и несчастнымъ собратомъ: „другъ для друга не долженъ избѣгать и страданій“¹⁾. Какъ ни горько двадцатилѣтнему влюбленному разстаться съ красавицей Тинатиной, однако, съ ея позволенія, онъ возвращается къ Таріелю, для совмѣстнаго разыскванія похищенной Нестанъ-Дареджаны. Неумоимо развѣзжаетъ онъ по бѣлому свѣту, не нападая долго на слѣдъ таинственнаго юноши, мельнувшего предъ нимъ и царемъ на берегу рѣки. Мучительное отчаяніе смѣняютъ розовыя надежды, глубокая грусть наполняетъ его сердце. Онъ погружается въ мрачное размышленіе, что придется къ истекающему сроку предстать предъ обожаемой царицей безъ вѣсти о незнакомцѣ. Въ своихъ безконечныхъ путешествіяхъ ему не разъ приходится страдать изъ искренняго чувства любви къ Тинатинѣ, но за первой блестящей слезой, онъ холодно успокаиваетъ себя магическимъ словомъ „терпѣніе“, и это чародѣйственное слово возвращаетъ ему силы и обычную сдержанность. Онъ неизмѣнно слѣдуетъ правилу, данному имъ себѣ: „благоразумный человѣкъ умѣетъ выходить изъ затруднительнаго положенія и избѣгать необдуманныхъ дѣйствій“. Эту житейскую философію онъ на практикѣ иллюстрируетъ своимъ осмотрительнымъ сближеніемъ съ Таріелемъ: завидѣвъ его, послѣ трехлѣтнихъ поисковъ, онъ рассудилъ не приближаться къ нему, а выслѣживать издали, куда онъ пріѣдетъ. Хитро и расчетливо онъ стремится къ намѣченной цѣли, умѣло сдерживая пылкіе порывы сердца, охлаждаемые своевременнымъ вторженіемъ спасительнаго навыка. Сначала онъ думаетъ приневолить Асмата открыть ему судьбу Таріеля, а когда силой не достигаетъ намѣренія, то начинаетъ лить горячія слезы и предусмотрительнымъ воззваніемъ во имя любви смягчаетъ „гнѣвное сердце“ женщины. Словомъ, Автандиль соединяетъ въ себѣ высокія качества, требуемая любовью и дружбою съ столь осмысленнымъ жизненнымъ міросозерцаніемъ, которое ловко опредѣляетъ его отношенія къ внѣшнему міру. Онъ вполне послѣдовательно исповѣдуетъ то, не всегда похвальное, мудрое изрѣченіе, которое выражается тремя словами: цѣль оправдываетъ средства.

¹⁾ Во имя этого принципа онъ приносить великую жертву—безъ угрызенія совѣсти заводитъ любовную интригу съ Фатманью, но позѣ на этомъ фактѣ долго не останавливается, потому что „онъ не цѣнитъ любви безъ сердца“.

Автандилъ ¹⁾ строенъ, высокъ, сложенъ какъ лилія, безбородъ, одѣтъ въ багряницу. Онъ въ томъ возрастѣ, когда кожа на его лицѣ имѣетъ блескъ хрустала; онъ ищетъ утѣшенія въ „густыхъ бровяхъ“ своей возлюбленной Тинатины. Робость и скромность героя предъ нею обуславливается не сильно возбужденнымъ состояніемъ, отнимающимъ сознание какъ Таріеля, а самообладаніемъ и сдержанностью порывовъ, которые свободно льются лишь во снѣ, когда онъ рефлексивно лепечетъ имя царственной дамы сердца. Уныніе и умопомраченіе, свойственное Таріелю, никогда не посѣщаетъ во всемъ умѣреннаго Автандила. „Его убиваетъ красота Тинатины, но онъ умѣетъ таить свою любовь въ глубинѣ сердца“. Вдали отъ нея онъ блѣднѣетъ, теряетъ сонъ, мечется на ложѣ; при видѣ ея огонь страсти, незамѣтно для постороннихъ глазъ, но болѣзненно его пожираетъ. Онъ нигдѣ и ни въ чемъ не забываетъ благопристойности и благовоспитанности, зная, что „сердцу не слѣдуетъ многое позволять: это узникъ завистливый, ненасытный, непослушный“. Съ чувствомъ личнаго достоинства, онъ вызываетъ царя Ростевана на состязаніе, хотя и называетъ себя по восточному этикету „жалкимъ прахомъ передъ нимъ“. Онъ находчивъ и изобрѣтателенъ, умѣетъ кстати смѣлымъ словомъ позабавить своенравнаго владыку, но при коллизіи долга преданности и чувства любви, онъ жертвуетъ первымъ во имя второй, и безъ позволенія царя, по желанію своей возлюбленной, онъ отправляется помогать Таріелю. Храбрый и удалой, онъ дивно красивъ во всеоружіи военачальника. Какъ истинный рыцарь, онъ одаренъ музыкальнымъ и вокальнымъ талантомъ: онъ играетъ на арфѣ и напѣваетъ то грустныя, то веселыя пѣсни. Въ приливѣ меланхолической мечтательности, въ поэтическомъ сляніи съ живою природою, въ воззваніяхъ къ небеснымъ планетамъ, онъ изливаетъ тоску по жгучей разлукѣ съ солнцеподобной Тинатиной. Слезы его страданій образуютъ цѣлое соленое озеро, грусть по ней съ пурпурными устами жжетъ его неугасаемымъ пламенемъ, страхъ о потерѣ или измѣнѣ возлюбленной побуждаетъ мучиться и изнывать. Онъ ищетъ участія въ явленіяхъ природы, влагаетъ жизнь въ неодухотворенныя твари, посылая чрезъ холодныя и равнодушныя къ человѣческой скорби небесныя свѣтила донести Тинатинѣ: „не измѣняй ему, ибо онъ твой и страдаетъ для

¹⁾ *Бар. Сютинеръ* характеристикѣ Автандила удѣлилъ больше вниманія, чѣмъ другимъ героямъ Руставели. Газ. „Кавказъ“ 1884, №№ 265, 267 и 268. Пер. на груз. яз. *Иверія* 1884, XI и XII и *Дрозба*, №№ 256, 258, 259, 261, 262, 264, 265.

тебя!" Правда, эта восторженная любовь не удерживает его для успѣха въ своихъ замыслахъ вступить въ предосудительныя сношенія съ Фатманью, но онъ ясно сознаетъ всю нравственную тяжесть,—обвивая „хрустальную шею“ купчихи, онъ льетъ кровавыя слезы, въ впечатлительной его душѣ водворяется адская тоска, и какъ бы въ безпомощномъ состояніи онъ элегически восклицаетъ: „смотрите на меня, о любовники, я кому принадлежала роза, я—соловей—сажу на навозъ, подобно ворону!" Въ сердечной боли, подъ наплывомъ слезъ, онъ лепечетъ: „жизнь есть мнѣ и фантазмагорія!" Автандилъ прекрасный типъ мечтательнаго созерцателя и практическаго мудреца.

Тиватина ¹⁾, предметъ неотвязныхъ грезъ Автандила, тотъ женскій типъ, который Руставели воспроизвелъ въ болѣе живыхъ очертаніяхъ, чѣмъ Нестанъ-Дареджану. Единственная дочь аравійскаго царя Ростевана, Тиватина любима отцомъ до обожанія: „дочь была—зѣница ока, заря и блескъ его очей". Безподобная ея красота сравнивается съ ослѣпительными лучами солнца, въ сонмѣ планетъ поражающая ихъ силой яркости и свѣта. Она была прекрасна: само солнце „тиватизировало", иначе говоря, само солнце, плѣненное очаровательной дѣвицей, отражало въ своихъ лучахъ ея красоты. Смертные невольно поддавались ея обаянію, исполняясь и безумнаго восторга, и благоговѣйнаго преклоненія предъ неземнымъ существомъ: „она отнимала у всѣхъ и разумъ, и сердца, и душу, блистая въ грезахъ чаръ, подобно волшебной картинѣ. Подъ роскошнымъ небомъ юга, въ царствѣ нѣги и тепла, она расцвѣла какъ майская роза. Царь Ростеванъ, чуя вѣянье могилы, предлагаетъ совѣту визирей возвестъ на тронъ „младую соперницу солнца". Юная дѣва, изъ устъ которой вырвался первый мятежный, безотчетный женскій вздохъ, уступивъ капризному отреченію отца отъ престола, стала у кормила правленія и оказалась достойной той отвѣтственной власти, которую вручилъ ей „ласковый" царь Ростеванъ. Природа одарила ее не только красотой, но и чуткимъ сердцемъ, благородными порывами, государственнымъ умомъ. Въ день восшествія на престолъ, она щедрою рукою раздаетъ подданнымъ „и тучныхъ арабскихъ коней, и груды камней многоцвѣтныхъ". Въ ея душѣ роется живой родникъ нѣжнаго чувства любви и восторженной преданности старику-отцу. Она робка, скромна, молчалива передъ нимъ: вѣдь, истинное обожаніе не терпитъ велерѣчія и развязности. Возлюбленная дочь воздерживается нарушить покой царя несвоевременнымъ

¹⁾ Имя Тиватина происходитъ отъ грузинскаго слова тиватини (корень тивнатени)—отсвѣтъ, отраженіе солнечныхъ лучей.

къ нему приходомъ, хотя она жаждетъ его видѣть, тревожить ее мрачное настроеніе и странная задумчивость его, по возвращеніи съ охоты. Отецъ знаетъ благотворную силу ея ласкъ, вѣрить въ теплоту ея мягкой рѣчи, способной разсѣять удручающее его горе. На царскомъ тронѣ она остается неизмѣнно послушной дочерью священной родительской волѣ. Ея лобзанія и дѣтскій привѣтъ возвращаютъ разгнѣванному царю „свѣтлую радость“ и спокойствіе духа, ея мудрый совѣтъ врачуетъ его скорбь цѣлительною „пылью“.

Не одинъ отецъ находитъ отраду и покой въ присутствіи дивной царевны. Тинатина ¹⁾ покоряетъ всѣхъ и умомъ, и красотой. „Черныя пряди волосъ, обвивающія младое чело, небрежно увитое бездѣнной чалмой, съ черными сверкающими, какъ молнія, глазами, букетъ розовыхъ устъ съ жемчужными зубами“, составляли внѣшнія ея характеристическія черты, уносившія ея тьму безмолвныхъ поклонниковъ въ міръ пылкихъ грезъ и сердечныхъ томленій. Художественный образъ Тинатины, созданный мощною кистью Руставели, окутанъ поэтической дымкой нѣжнаго почитанія и чарующей привязанности къ отцу среди царственныхъ мудрыхъ распоряженій, и вызываетъ горячія симпатіи своими благороднѣйшими стремленіями и юнымъ идеализмомъ. Тинатина—восточная Корделія.

Младая царевна не избѣгла обычной человѣческой слабости. Въ ея сердцѣ вспыхнула искра любви, но любви просвѣтленной, очищенной отъ чувственныхъ примѣсей. Она гордится своимъ возлюбленнымъ, стройнымъ вождемъ Автандиломъ. Она знаетъ, что воспитанникъ ея отца, „съ сердцемъ твердымъ, какъ алмазъ, сталъ рабомъ прелестныхъ глазъ“. Милымъ взглядомъ и тихимъ голосомъ, исполненныхъ смысла и значенія для влюбленныхъ, она привѣтствуетъ его, растерявшагося отъ восторга и неизяснимой радости, при видѣ задумчивой обожаемой имъ дамы сердца. Понятно: онъ такъ долго, страстно и трепетно ждалъ свиданія!.. Мечты сбылись: онъ приглашенъ къ молодой царевнѣ. Она поручаетъ своему безмолвному поклоннику развѣдать судьбу таинственнаго юноши въ „барсовой кожѣ“, для успокоенія встревоженнаго царя, и, обѣщавъ ему, какъ вознагражденіе, свою любовь, она молвить: „ты посѣешь этимъ фіалки въ моемъ сердцѣ, наполнивъ его благоуханіемъ“. Ей тяжело расстаться съ Автандиломъ, лишиться удовольствія видѣться съ нимъ въ теченіе трехъ томительныхъ лѣтъ, но въ ней слишкомъ ярко горитъ свѣточъ почитанія къ отцу, умиротвореніе ко-

¹⁾ Имя Тинатина (тина+тина) и нынѣ употребляется.

тораго требуетъ отъ нея тяжелой въ юные годы жертвы и великодушнаго самоотверженія. Другой разъ она вновь не пощадитъ себя, заглушитъ въ глубинѣ сердца эгоистическое чувство наслажденія и, отрехшись отъ назрѣвшаго счастья, снова позволитъ Автандилу покинуть ее и вернуться къ Тариелю во имя дружбы, для совмѣстнаго разысканія Дареджаны. Она будетъ лить кровавыя слезы при разлуцѣ и наслаждаться блаженными минутами съ нимъ встрѣчи. Словами— „жизнь подобна погодѣ: то гнѣвно заволокнетъ небо тучами, то опять солнце проглянетъ“, успокаиваетъ она себя. Она красавица въ полномъ смыслѣ слова: стройна и величественна, но не горда; влюблена безъ чувственныхъ помысловъ; благодарна изъ вѣжливости и вѣжлива по врожденному благородству чувствъ. Тинатина очень эффектно оза-реана безсмертнымъ пламенемъ любви, мягкой обаятельной женственности и безкорыстнаго восторженнаго идеализма ¹⁾).

Отецъ Тинатины, царь Ростеванъ, рисуется правителемъ, полнымъ мудрости и доброты. Онъ возвеличенъ и благословенъ самимъ Богомъ за высокія, его отличающія, нравственныя качества. „Мощный народомъ и войскомъ, щедрый и кроткій, прозорливый и умный судья, любившій правду и милость, воинъ неподобный и мужъ краснорѣчивый властительной силой“, Ростеванъ является типомъ восточнаго патріархальнаго царя. По капризу самовластнаго деспота, созывается совѣтъ визирей, предъ которыми онъ объявляетъ себя „устарѣвшимъ“ для трона и провозглашается властительницей дочь его Тинатина. Напрасны всѣ попытки удержать царя отъ отреченія: онъ упрямъ и настойчивъ въ безповоротномъ своемъ рѣшеніи. Съ твердостью воли и азиатскою своенравностью, онъ соединяетъ нѣжное чувство любви къ единственной дочери и сердечную привязанность къ своему воспитаннику Автандилу. Царевнѣ и молодому вождю открытъ доступъ въ покои царя. Они только въ состояніи ослабить его гнетущее горе и нахлынувшую

¹⁾ *Сталинскій* въ свободномъ изложеніи нарисовалъ образъ Тинатины въ возвышенныхъ чертахъ („Барсова кожа“, Тифлисъ, 1888).

Дополняю библиографію о Руставели тѣми статьями, которыя не были мною привлечены при составленіи обзора о „Барсовой кожѣ“: „Сѣверная Пчела“ 1840, „Тифлис. Вѣд.“ 1832, „Сынъ Отеч.“ 1840; „Закавк. Вѣстн.“ 1850; Журн. Мин. Н. Пр. 1838, ч. XXXV, отд. II (ст. *Д. Чубитова*); *Сливинскій* газ. „Кавказъ“ 1849, №№ 33—35, 40, 47. „Тифлис. Листокъ“ 1889, № 278 (ст. *Д. Сослани*). Въ 1855 г. въ Москвѣ появилась трагедія „Барсова кожа“ въ стихахъ, на рускомъ языкѣ, написанная царевичемъ Окропиромъ Георгіевичемъ. Другая (по-груз.) трагедія „Руставели“ написана современными грузинскими артистамъ *Б. Месхи*.

тоску. Ростеванъ, какъ Лиръ Шекспира, и внѣ власти остается вснѣльчивымъ, высокоумнымъ, тщеславнымъ.

Онъ избалованъ поклоненіемъ и раболѣпнымъ послушаніемъ. Малѣйшее уклоненіе отъ исполненія его воли огорчаетъ, волнуешь, раздражаетъ его. Когда неизвѣстный юноша въ барсовой кожѣ отказывается по приглашенію его гонцовъ предстать предъ его очи, онъ быстро воспламеняется, выходитъ изъ себя, а потомъ падаетъ въ грусть и прекращаетъ приемы во дворцѣ. Онъ легко переходитъ отъ веселья къ тоскѣ, отъ милости къ гнѣву. Эта неожиданная смѣна настроенія внушаетъ страхъ его подданнымъ, съ подобострастіемъ, въ глубокомъ трепетномъ молчаніи толпящимся вокругъ него. Въ пылу негодованія, ех-царь угрожаетъ смертною казнью и не находитъ достаточно рѣзкихъ словъ для „подлыхъ рабовъ“. Правда, вспышка его ограничивается тѣмъ, что онъ сильнымъ размахомъ объ стѣну разламываетъ скамью на куски, однако этотъ погромъ могъ лишить жизни и близкаго къ царю визиря. Но онъ не злопамятенъ, не чуждъ добрыхъ порывовъ раскаянія: когда гнѣвъ проходитъ, онъ извиняется въ неумѣстной вспышкѣ, или плачетъ, узнавъ о тайномъ отъѣздѣ Автадила. Прочитавъ „завѣщаніе“ своего вожда, противъ нашего ожиданія, Ростеванъ не намѣренъ разразиться гнѣвомъ: онъ остается спокоенъ и великъ, проявивъ рѣдкое добродушіе восточнаго деспота. Въ знакъ горести, онъ велѣлъ облечь все войско въ глубокой трауръ, оказать щедрую помощь вдовамъ, разслабленнымъ и сиротамъ и возносить неустанныя моленія Богу о дарованіи Автадилу пути, свободнаго отъ опасностей ¹⁾, зная, что этими распоряженіями онъ исполняетъ желаніе того, потерю котораго онъ такъ оплакиваетъ.

Ростеванъ внушаетъ намъ искреннія симпатіи своимъ добродушіемъ, свѣтлыми душевными качествами и безграничной любовью къ обружающимъ. Даже своимъ вспыльчивымъ характеромъ, минутнымъ раздраженіемъ, періодически заканчивающимся покаяніемъ и сознаниемъ свершенной вины, онъ скорѣе располагаетъ насъ къ себѣ, чѣмъ отталкиваетъ. Руставели раскрылъ въ немъ черты патриархальнаго царя, совмѣщающаго человѣчскія достоинства съ неизбѣжными слабостями, поэтому-то образъ Ростевана красуется столь живымъ и вы-

¹⁾ Одно изреченіе Руставели о неизбѣжности судьбы поразительно приближается къ словамъ Гомера. „Не удержать смерти,—говоритъ грузинскій поэтъ— ни узкая, ни скалистая тропа“, а пѣвецъ *Илиады* эту же мысль передаетъ намъ въ прощаніи Гектора съ Андромахой:

„Но судьбы, какъ я мню, не избѣгъ ни одинъ земнородный,
Мужъ ни отважный, ни робкій, какъ скоро на свѣтъ онъ родится“.

пуклымъ въ „Барсовой кожѣ“. Онъ истинный восточный царь „съ ногъ до головъ“.

Другой царь въ поэмѣ, Придонъ, представленъ только въ дружескихъ отношеніяхъ къ Таріелю и Автандилу. Онъ, въ благодарность за услуги, оказанныя Таріелемъ въ войнѣ противъ враговъ, подаетъ герою въ „барсовой кожѣ“ сильную помощь въ борьбѣ съ каджами, у которыхъ находится въ плѣну Дареджана. При атакѣ каджовъ, онъ первый предлагаетъ для друга проникнуть по канату въ крѣпость враговъ, перебить привратниковъ, а потомъ Таріелю съ Автандиломъ продолжать избіеніе плѣннвшихъ героиню поэмы. Это безкорыстное его одолженіе другу дополняется другой нравственной стороной грузинской народной жизни: это—высокое понятіе о гостепримствѣ не только для знакомыхъ, но даже и странниковъ.

Наконецъ, Асмати ¹⁾, фрейлипа Дареджаны, является олицетворенной фигурой женской преданности, доходящей до геройскаго самопожертвованія. Асмати играетъ первостепенную роль въ поэмѣ Руставели; художественный ея образъ чѣмъ дальше, тѣмъ становится болѣе симпатичнымъ. Она рискнула цѣною собственной репутаціи отнести письмо Дареджаны къ Таріелю, она перевесла всѣ неприятныя послѣдствія несчастной любви героини къ герою, она осталась неизмѣнно вѣрной Таріелю въ дни его тяжелаго скитанія. Она живетъ интересами Дареджаны и Таріеля, она раздѣляетъ ихъ горе кровавыми слезами, служитъ герою единственной утѣшительницей въ минуты отчаянія. Асмати умѣетъ быть вѣрной и строгой хранительницей секрета Таріеля: она скорѣе согласится умереть, чѣмъ выдать его. Она храбра и нѣжна въ той сценѣ, въ которой Автандилъ пытается вынудить рассказать судьбу таинственнаго юноши въ „барсовой кожѣ“. Ее можно разжалобить только слезами и намекомъ на положеніе влюбленнаго: любовь, а не угроза и „сѣмя вражды“ становится посредницей между ней и Автандиломъ. Она дѣлается его другомъ и „усерднѣйшей сестрой“ при сближеніи съ Таріелемъ. Такова сила преданности няни возлюбленному ею взлелѣянной Дареджаны. Въ

¹⁾ Мы не останавливаемся на вѣтренной купчихѣ Фатмани, типѣ истой мусульманки, страстной, чувственной, но не безъ сердечныхъ порывовъ, которыми она отличалась по отношенію къ Дареджанѣ. Эта была женщина очень некурная собою, не молодая, но и не старая, пригожая, живая брюнетка, полная, румяная. „Она хорошо пѣла и покровительствовала пѣвцамъ, любила хорошее вино за столомъ и имѣла множество головныхъ уборовъ и дорогихъ нарядовъ“. Строфа 1119.

благодарность за тяжкія испытанія и нравственную поддержку Таріеля въ пустынныхъ мѣстахъ, она награждается седьмой частью Индіи, нераздѣльной владѣтельницей которой она провозглашается. Изображеніемъ фигуры Асматі Руставели воздастъ честь не одной только женщинѣ, но и цѣлой кастѣ обездоленныхъ и униженныхъ въ душливой средѣ высшаго класса.

Въ параллель Асматі нарисованъ Шермадинъ—преданный слуга и наперсникъ Автандила. Шермадинъ одаренъ громадной нравственной силой, приносящей людямъ практическую пользу. Онъ вышелъ непосредственно изъ народа, но благодаря духовному дарованію, онъ возвышается надъ массой, приближается къ вождю, становится его замѣстителемъ, временнымъ военачальникомъ. Онъ сливаетъ свою жизнь съ интересами своего господина, привязанность его къ Автандилу безграничная, рабская, но исполненная безупречной сердечности. Онъ испытываетъ муки въ разлуку съ Автандиломъ и умоляетъ взять его съ собою въ далекія странствованія по Таріелѣ. Шермадинъ ¹⁾ не знаетъ мѣры восторга, по случаю счастливаго возвращенія любимаго вождя, въ три дня онъ пробѣгаетъ десятидневный путь, чтобы обрадовать Ростевана вѣстью о пріѣздѣ Автандила. Руставели, сопоставивъ Шермадина и Асматі, остановился съ большимъ вниманіемъ на обрисовкѣ женщины, таящей болѣе сердечныхъ нѣжныхъ струнъ, чѣмъ наперсникъ Автандила.

Руставели приступилъ къ обработкѣ сюжета своей поэмы съ строгими опредѣленными взглядами и ясно начертанной программой. Сравненіе введенія къ поэмѣ и самаго произведенія прекрасно иллюстрируетъ, съ какою любовью отнесся поэтъ къ воспроизведенію основной своей мысли въ художественныхъ образахъ, воплощающихъ его нравственное мировоззрѣніе. Главная идея поэмы—любовь возвышенная, чистая, постоянная, проходитъ красной нитью черезъ всю поэму. Поэтъ пытается опредѣлить психологическія особенности любви и отличительныя качества влюбленныхъ. „Истинная любовь стремится къ уединенію“... „Влюбленный долженъ умѣть скрывать отъ всѣхъ свою любовь“... „Всѣ страданія, претерпѣваемые имъ, пусть будутъ для него наслажденіемъ“... „Онъ долженъ издали млѣть, замирать, пылать, страдать“... „Влюбленный долженъ быть красивъ, уменъ, краснорѣчивъ, великодушенъ, богатъ, постояненъ и терпѣливъ,—кто не обладаетъ

¹⁾ Ср. съ Таріелемъ героя европ. романа Амадиса, удалившагося на продолжительное время на безлюдный утесъ, вслѣдствіе неудовольствія, изъявленнаго ему его дамой.

всѣми этими качествами,—тотъ не называй себя влюбленнымъ“... „Большая разница между любовью возвышенной, небесной и страстью низменной и пошлой“... Въ самомъ произведеніи Руставели удовлетворяетъ этимъ приемамъ, тщательно придерживаясь задуманной имъ концепціи. Въ виду такой органической связи „введенія“ и самой поэмы, мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые считаютъ „ар роѣтса Руставели лишь впоследствии постороннею рукой внесенною въ поэму. Со стороны вѣшной формы онъ оправдалъ требованіе, выставленное въ „введеніи“: онъ „делѣялъ свою идею“, „углубился въ нее“ и „языкомъ гармоничнымъ“ воспроизвелъ поэтическую галерею художественныхъ типовъ. Его герои, дѣйствительно, надѣлены умомъ, великодушіемъ, красотой. Преданности дружбѣ и вѣрности данному слову никогда они не забываютъ. Руставели несомнѣнно самъ сказывается въ добродѣтельныхъ воззрѣніяхъ своихъ героевъ,—„душа поэта отражается въ его твореніи“. Весь рассказъ воодушевленъ его безконечною добротой. Устами своихъ героевъ, или субъективно своими разсужденіями, онъ врывается въ ходъ поэмы. Это онъ говоритъ: „кто оказалъ услугу, тотъ не будетъ никогда мною забытъ“... „Когда дружба сдѣлала насъ братьями, мы не должны бояться ни страданій, ни смерти“... „Нужно, чтобы дружба дала сердце за сердце и любовь, какъ мость и дорогу“¹⁾.

Нельзя пройти молчаніемъ такіа осмысленныя, чисто-христіанскія изрѣченія, которыя внушаютъ мысль „освободить рабовъ“, вѣщаютъ равенство половъ („порожденіе льва остается львомъ все равно, какого бы пола оно ни было“), вызываютъ къ щедрой милости: „что роздано тобою—твое, что нѣтъ—потеряно“... „Такъ какъ лучи солнца одинаково освѣщаютъ и розу и сорную траву,—не унывай распространить свою милость на великихъ и малыхъ міра сего“. Въ концѣ поэмы, послѣ счастливой свадьбы Таріеля и Дареджаны, поэтъ замѣчаетъ: „Ихъ милость падала на подданныхъ съ тою же ровностью, съ какою падаетъ снѣгъ на землю“. Поэтъ „личныя заслуги ставитъ выше родовитаго происхожденія“, „славную смерть предпочитаетъ позорной жизни“, „не терпитъ лживаго человѣка“ и „не цѣнитъ свѣта, окруженнаго полосой мрака“, ясно понимаетъ тщетность мірской суеты и предлагаетъ положиться на волю Провидѣнія. „Ложь есть корень всего

¹⁾ Причина дружбы Таріеля съ Автандиломъ заключается въ томъ, что они оба влюблены: „Любовь стала торною дорогою и мостомъ между ними и ихъ сердцами, и былъ бы (говоритъ Автандилъ) презрѣннымъ человекомъ, еслибы бросилъ Таріелъ“ (строфа 721).

злаго на землѣ. „Ложь и измѣна—двѣ родныя сестры“. „О человекъ! не гордись своею силою! не гордись, безумецъ! Сила ничего не сдѣлаетъ, если помощь Бога не довершить. Малая искра уничтожаетъ и побѣждаетъ дерево исполинскихъ размѣровъ, ударивъ его мечомъ или кускомъ дерева“. Въ подобныхъ стихахъ таилась притягательная сила „Барсовой кожи“ для грузинскаго читателя, обращая это произведение не въ мишурные рассказы, а эпическій трактатъ, достойный удивительныхъ размышлений ¹⁾).

Руставели задался мыслью подвести къ одному общему знаменателю всѣхъ четырехъ героев и героинь своей поэмы. Знаменатель этотъ, по словамъ бар. Сюттнера, счастливое единеніе въ любви и дружбѣ. Задача эта была слишкомъ трудна, потому что поэтъ неупустительно долженъ былъ держать въ рукахъ всѣ нити, во избѣжаніе впасть въ скучное однообразіе при обрисовкѣ типовъ. Но Руставели сумѣлъ придать характерамъ своеобразные оттѣнки, создающіе изъ cadaго героя вполне самостоятельную личность и такимъ образомъ блестяще выполнилъ свою задачу, закрѣпивъ за каждымъ персонажемъ два элемента красоты: индивидуальность очертанія и трагизмъ положенія.

Поэтъ располагаетъ весьма ограниченнымъ количествомъ поэтическихъ образовъ; онъ не устаетъ въ своей поэмѣ сравнивать героев и героинь съ солнцемъ и луной. Это злоупотребленіе небесными свѣтилами вмѣстѣ съ розами, хрусталами и райскими деревьями составляетъ весь репертуаръ метафорическаго языка поэта, препятствующій иногда пониманію самаго произведенія. Въ храбрости мужей и красотѣ женъ поэмы замѣчается отсутствіе чувства мѣры. Изобиліе слезъ, пролитыхъ героями поэмы, можетъ вызвать въ европейскомъ читателѣ нѣсколько непріятное чувство. На каждомъ шагѣ приходится наталкиваться на „красныя слезы“, на „потокъ“, „ручьи“, „озеро“, „море“ слезъ. Но нельзя отчасти не извинить автора. Руставели не безъ основанія говоритъ: „если влюбленный плачетъ, то онъ обязанъ проливать слезы“. „Пусть онъ живетъ въ удивленіи отъ суеты мірской!“ Бар. Сюттнеръ замѣчаетъ, что печаль, которую представляетъ „Барсова кожа“, отвѣчала общественнымъ вкусамъ современниковъ. Этотъ фазисъ мрачной меланхоліи существовалъ не въ одной Грузіи,—его мы видимъ въ Азіи въ VI до Р. Х., а въ Европѣ съ I до X в. нашей эры, гдѣ онъ породилъ монашескій аскетизмъ. Въ текущемъ столѣтіи онъ проявился въ „Вертеръ“ Гёте, во вздохахъ „Рене“ Шатобриана, въ пессимисти-

¹⁾ „Афоризмы изъ III. Руставели“, изд. отдѣльной книжной П. Велисцихели. Тифлисъ, 1890.

ческой поэзіи Байрона и Лермонтова. Вѣдь, гений поэтовъ направляется состояніемъ умовъ всего свѣта.

Руставели не только хорошо образованный поэтъ, но онъ философъ-христіанинъ. Автандиль его словами пишетъ Ростевану: „развѣ ты не читалъ, о царь, какъ *апостолы* пишутъ о любви, постоянно о ней твердятъ, постоянно ее восхваляютъ? развѣ это не правда, что любовь насъ облагораживаетъ?.. На землѣ ничего не совершается безъ воли Божьей: засыхаетъ роза и фіалка, когда Онъ не посылаетъ съ неба лучей. Онъ прекраснѣе всего. Для чего же мнѣ Его бросать и не исполнять Его велѣній?“ Поэма открывается великолѣпнымъ воззваніемъ къ Божеству: „Тому, Кто создалъ вселенную мощною Своєю силою, а выше, на небесахъ, сотворилъ сущности дуновеніемъ Своего Духа, намъ же, людямъ, далъ землю, чтобы владѣть ею въ безчисленныхъ образахъ,—Ему надлежитъ всякая держава! О Боже единый! Ты, приодѣвшій тѣла въ различные образы, Ты будь моею опорой; дай мнѣ силу побѣдить сатану, дай мнѣ страсть любовника до самой смерти, а послѣ смерти—прощеніе грѣховъ, которые туда заберу!“

Вѣра въ загробную жизнь исповѣдывается устами Автандила: „я не посмѣю поднять глазъ, когда встрѣчусь съ Таріелемъ на томъ свѣтѣ“. Онъ ссылается на Платона, говоря: „Платонъ именно учить, что ложь и обманъ оскверняютъ душу и даже тѣло дѣлаютъ отвратительнымъ“.

Жители Индіи и царства морей являются мусульманами: у нихъ упоминается священная книга „Муссати“, т. е. Коранъ и *Наврозъ*, т. е. празднованіе Новаго года. Китайцы и каджи рисуются язычниками: первые клянутся своимъ богомъ и небомъ, а вторые занимаются волхвованіемъ и считаются посвященными скалѣ. Такъ, историческая жизнь въ поэмѣ является въ поэтической обработкѣ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ не существуетъ русскаго перевода „Барсовой кожи“, хотя онъ не могъ бы дать яснаго представленія объ оригинальности обработки сюжета: самый лучший переводъ стихотворенія не что иное, какъ обратная сторона прекрасно вышитой ткани, тѣ же нитки, но вмѣсто арабесокъ онѣ рисуютъ лишь блѣдныя контуры. Однако, даже въ неясномъ воспроизведеніи грузинская поэма заслужила весьма лестные отзывы со стороны иностранцевъ¹⁾. „Без-

¹⁾ *Arthur Leist* говорить въ предисловіи къ нѣмецкому переводу „Барсовой кожи“: „Das Epos Der Mann in Tigerfelle ist das volkstümlichste Werk in der georgischen Littatur und überhaupt die bedeutendste Dichtung, welche der poetische Genius der kaukasischen Völker bis jetzt hervorgebracht hat“. Замѣчанія на неточности въ переводѣ текста см. *Н. Гулакъ*, „Нов. Обзоръ“, № 2529.

пристрастіе, — говорить бар. Сюттнеръ, — вынуждаетъ насъ называть Руставели гениемъ, ибо онъ составилъ романъ въ то время, когда этотъ жанръ поэзіи не существовалъ въ Европѣ, и вмѣсто упрековъ его обожателямъ за чрезмѣрное возвеличеніе его, мы должны радоваться, что на нашихъ глазахъ воспрянетъ еще одинъ герой поэзіи, самое существованіе котораго намъ было неизвѣстно и который достоинъ занимать мѣсто въ пантеонѣ всемірной славы“. („Кавказъ“ 1884, № 285).

Изданія поэмы Ш. Руставели.

Поэма Ш. Руставели впервые была напечатана въ Тифлисѣ въ 1712 г. царемъ Вахтангомъ VI. Первое изданіе заключало 1589 четверостишій. Въ 1841 г. она была издана въ С.-Петербургѣ [съ лексикономъ] Броссе, Зах. Палавандовымъ и Дав. Чубиновымъ. Въ это изданіе впервые вошло 48 строфъ, прибавленныхъ Броссе по указанію Кебадзе и не принадлежащихъ перу Ш. Руставели. Въ 1846 г. (въ С.-Пб.) поэма появилась въ Хрестоматіи Чубинова, со статьей издателя о поэтѣ, съ 142 четверостишіями въ русскомъ переводѣ, съ ямбикономъ, но безъ лексикона. Въ 1860 г. издана Чубиновымъ же съ его объясненіями и съ 8 добавленіями изъ 48 броссевскихъ строфъ. Въ 1867 г. отпечатали ее Г. Церетели и Дав. Кипіани съ орфографическими исправленіями прежнихъ изданій. Въ 1875 г. издалъ ее въ Тифлисѣ Арсеній Каландадзе. Въ 1883 г. появилось изданіе Цулукидзе. Въ 1887, 1889 и 1886 гг. издана въ Тифлисѣ Гр. Чарквиани. Въ 1888 и 1896 гг. издана въ Озургетѣ Таварткиладзе. Въ 1889 г. вышло иллюстрированное изданіе поэмы, предпринятое Г. Картвеловымъ.—Въ 1855 г. появилась въ Москвѣ трагедія „Барсова кожа“, на русскомъ языкѣ въ стихахъ, написанная царевичемъ Окропиромъ Георгіевичемъ ¹⁾. Извѣстна еще трагедія „Руставели“, написанная К. Месхи. Она ставилась въ Тифлисѣ.

О М А Н І А Н И .²⁾

Рукописная поэма *Оманіани*, продолженіе „Барсовой кожи“, хранится въ Парижской Национальной бібліотекѣ. Герой поэмы Омайизъ (или Оманъ), впускъ

¹⁾ *Brosset. Mélanges Asiat. VIII, 432.*

²⁾ См. у меня выше, стр. 249. Дополненіе къ „Барсовой кожѣ“ кончается смертью Таріеля и Автадила, оплакивать которыхъ является преданный имъ другъ, царь Придонъ. См. мою книжку „Рукописная Барсова кожа“ изъ Моск. арх. иностр. д. (М. 1895).

Таріеля и сынъ Саридона, женившася на дочери Автандила. Подробности этой поэмы я привожу по рукописи (частью въ прозѣ, частью въ стихахъ), полученной мною въ Батумѣ отъ г. Кладіашвили. Въ сожалѣнію, эта рукопись сохранилась въ печальномъ видѣ: недостаетъ въ ней конца и въ началѣ, вслѣдъ за прославленіемъ Бога и апост. Іоанна ¹⁾, тѣхъ листовъ, въ которыхъ передается исторія рожденія Омана. По Парижской, рукописи у Саридона долго не было дѣтей и послѣ горячихъ молитвъ по откровенію ангеловъ во снѣ, Господь даровалъ сына, Омана, который поражалъ всѣхъ мужественной красотой. Родины его были отпразднованы пышно при звукахъ музыки и пѣнія. Ребенокъ быстро возрасталъ отличаясь силою, умомъ, щедростью, любознательностью и такою обаятельною симпатіей, что превосходилъ даже Таріеля. Его окружали 700 вельможъ, забавляли его играми и охотою. Разъ царь устроилъ торжественный циркъ въ полѣ въ присутствіи войска и вождей его. Оманъ въ восторгѣ отъ „нѣжныхъ мотивовъ“ пѣвцовъ вышелъ изъ палатки и замѣтилъ въ дали плачущаго юношу, котораго велѣлъ представить ему на другой день. Юноша не послѣдовалъ за посланнымъ вѣстникомъ Омана, и послѣдному пришлось самому пригласить „таинственнаго“ пноземца къ себѣ во дворецъ.

Юноша здѣсь рассказалъ свою длинную исторію. Онъ сынъ морскаго царя и три года уже покинулъ своихъ родныхъ по слѣдующей причинѣ. Разъ во время охоты онъ замѣтилъ, что къ берегу на одной доскѣ приплылъ человекъ, который оказался разорившимся на морѣ купцомъ изъ Сѣвернаго города. Этотъ несчастный человекъ, посѣтившій по торговымъ дѣламъ Египеть (Мисретъ), рассказалъ, что царь той земли имѣетъ одну дочь неописанной красоты, „которая сіяетъ, какъ солнце, обливая своими лучами и сушу, и море“. Морской царевичъ заочно проникся любовью къ этой красавицѣ и съ большимъ кладомъ, въ сопровожденіи слугъ и купца, отправился въ Египеть. Здѣсь онъ узналъ, что царевну никто изъ мужей не можетъ видѣть, она сидитъ за девятью замками, охраняемая 1000 дамъ. Только разъ въ мѣсяцъ посѣщаетъ ее отецъ, а въ полъ года разъ она выходитъ, но за пять мѣсяцевъ отдается приказъ никому не показываться, въ противномъ случаѣ 4000 дѣвицъ изъ ея свиты, отличаясь исключительною храбростью, угрожаютъ смертною казнью виновникамъ нарушенія заведеннаго обычая. Во главѣ самаго города стоитъ женщина—молочная сестра царицы, которая охраняетъ неприкосновенность своей повелительницы. Юноша пробылъ въ городѣ два года, видѣлъ издали гуляющую царевну, къ которой, никто не могъ приступить. Истощавъ за это время все состояніе и проникаясь безутѣшною грустью, онъ попалъ разъ въ садъ, гдѣ отъ утомленія уснулъ. Одинъ господинъ, оказавшійся художникомъ, разбудилъ его, отвелъ домой и посоветовалъ вернуться домой. Художнику какъ-то удалось сваять царевну, отправляющуюся на молитву, и портретъ—блѣдное воспроизведеніе ея красоты,—юноша выпросилъ и возвращаясь съ нимъ домой, когда Оманъ его видѣлъ плачущимъ. Сынъ Саридона расска-

¹⁾ Предисловіе къ Оманіани есть блѣдное подражаніе „Барсовой кожѣ“ съ тѣмъ при томъ различіемъ, что Оманіани носить слѣды религіознаго настроенія.

заялъ объ юношѣ отцу, который принялъ его съ царскими почестями, а потомъ уговорилъ мать свою отдать дочь свою за несчастнаго морскаго царевича. Оманъ же, увидѣвъ портретъ мисретской красавицы, пересталъ принимать участіе въ забавахъ, погрузился въ одиночествѣ въ грустное объ ней размышленіе. Царя, узнавшаго объ этомъ, онъ успокоилъ, не открывая своей горести. Сестра его также стала проливать горькія слезы, когда стало ей извѣстно, что рѣшено ее выдать за морскаго царевича, несмотря на похвалы, расточаемыя царицей матерью по адресу ея жениха. Дочь объяснила только письмомъ причину своего отказа; она писала, что морской царевичъ никому неизвѣстенъ своими подвигами и свое безсиліе доказалъ тщетнымъ разыскаиваніемъ мисретской царевны. Дочь царя надъ семью индійскими царями должна считать позоромъ выходить за такого юношу. Письмо прочитали мать, отецъ и Оманъ, согласились съ ея доводами, проливая слезы. Для испытанія юноши Оманъ предложилъ ему вступить въ состязаніе съ храбрыми и умными спасаларемъ Салимомъ, родственникомъ индійскаго царя и безумно-влюбленнымъ въ красавицу-царевну. И юноша, и спасаларь согласились вступить въ бой изъ за обладанія сердцемъ спорной дамы. Состязаніе происходило въ присутствіи царя съ семьей и всѣхъ горожанъ съ супругами, при оглушительныхъ звукахъ музыки. На коняхъ въ кольчугѣ, вооруженные копьями, булавами, щитами и шашками выступили бойцы. ¹⁾ Искры отъ ихъ оружія сыпались, словно молніи, стукъ, словно громовой ударъ слышенъ былъ на разстояніи 1 парсагъ. Бой продолжался съ утра и до полудня. Утомившись, они спустились съ коней, вступили въ отчаянную рукопашную борьбу, и только темная ночь ихъ разъединила. Всѣ одобрили поступокъ юноши, который не нападалъ на спасаларя, пока взаимно убитого, не подвели его противнику другого коня.

Бой былъ отложенъ до слѣдующаго дня. Но тутъ царевна со слезами подошла къ матери, говоря, что по наущенію дьявола, она настояла на состязаніи изъ за нея двухъ героев и есликто-нибудь будетъ убитъ, то кровь его ляжетъ на ея душу, и потому она рѣшается во избѣжаніе грѣха выйти за морскаго царевича. Царь, однако, замѣтилъ, что бойцы не покинутъ поля брани и нужно ждать втораго состязанія. На другой день спасаларь убилъ коня юноши, но погнался съ копьемъ за нимъ съ намѣреніемъ заколоть его, забывъ, что юноша наканунѣ при тѣхъ же условіяхъ воздержался отъ преслѣдованія. Этотъ поступокъ спасаларя, омраченнаго любовью, не поправился публичкѣ. Юноша же сумѣлъ щитомъ отстранить ударъ спасаларя его, копье его разрубивъ шашкой на двѣ части, и нанесъ сильную рану закованному въ кольчугѣ Салиму. Оманъ поспѣшилъ тогда къ нимъ на помощь, снялъ цѣпи съ раненаго, а юношу привѣтствовалъ съ побѣдой. Царь осыпалъ морскаго царевича жемчугомъ, а народъ поздравилъ его и благодарилъ Господа, за наказаніе спасаларя, проявившаго вѣроломство. Царевна очень радовалась его успѣху; отпраздновали пышную свадьбу, возложили дорогіе вѣнцы на молодыхъ, возсѣдавшихъ на тронѣ, и на девятый день съ большими приданнымъ и съ тремя

¹⁾ Обычная обстановка рыцарскихъ состязаній въ грузин. романахъ.

вельможами отправились въ страну морскаго царя, который съ радостью принимаетъ потеряннаго сына. Царевичъ далъ слово провожавшему его на разстояніе трехдневнаго пути Оману въскорѣ вернуться и раздѣлить съ нимъ предстоящія препятствія. Оманъ же, отпросившись у отца будто осмотрѣть провинціи, пре-
дается грусти при воспоминаніи о мисретской красавицѣ. Для развлечения открывають ему, по совѣту однихъ визирей, всѣ сокровища, которыя не могутъ его успокоить; совѣтъ же другихъ визирей—пригласить всѣхъ ремесленниковъ, которые бы познакомили царевича съ своимъ искусствомъ—достигаетъ цѣли. Оманъ останавливается на предложеніи двухъ плотниковъ, которые могутъ приготовить деревяннаго коня, уносящаго сѣлока съ быстротой молніи. Къ невыразимому огорченію родителей, съ большими сокровищами, онъ тайкомъ ускакалъ на этомъ конѣ въ Египетъ;—останавливается въ тѣни трехъ пальмъ, потомъ вступаетъ въ городъ въ качествѣ торговца драгоценныхъ камней. Красота его всѣхъ приводитъ въ восторгъ, а слухъ объ его сокровищахъ доходитъ до красавицы, которая посѣщаетъ его, получаетъ отъ него два рѣдкихъ рубина и пораженная его красотой въ очарованіи возвращается домой. Юноша тоже безъ ума отъ красавицы, носящей имя Бурги-Меликъ [меликъ-правитель]. Съ помощью одной женщины, знакомой съ тѣмъ куцомъ, у котораго остановился Оманъ, удается устроить ихъ свиданіе, и трое сутокъ влюбленные проводятъ въ полномъ блаженствѣ. Царь, однако, замѣтивъ отсутствіе дочери, требуетъ ее къ себѣ, и она, отдавъ ему должное поклоненіе, спѣшитъ въ объятія своего возлюбленнаго. Съ помощью хитрости удается убѣдить царя выдать свою дочь за Омана. Разъ во время охоты онъ встрѣтилъ плачущаго краснаго и мужественнаго царевича, который объяснилъ причину слезъ тѣмъ, что онъ видѣлъ во снѣ красавицу, которая дала ему слово быть его женою, но пока онъ тщетно ее разыскиваетъ. По поднесенному впоследствии царю портрету, оказалось, что таинственная дѣва была его дочь, предназначенная судьбой неизвѣстному юношѣ въ жены. Самъ царь явился сватомъ передъ дочерью за юношу, котораго, по ея словамъ, она также видѣла во снѣ и считала себя обязанной исполнить волю царя. Слѣдуетъ рассказъ о царѣ Мисретскомъ Али-кафалѣ,—онъ же Али-капаръ.

Когда онъ вступилъ на престолъ, то, по обыкновенію, получилъ цѣнные подарки, а потомъ самъ раздалъ награды, устроилъ пиръ и охоту. Онъ отличался умомъ, милосердіемъ ловкостью въ игрѣ въ мячъ и скачкахъ. Его посѣщаетъ оставившій домъ отца и братьевъ непобѣдимый Гурдзи налаванъ [богатырь], родственникъ великаго героя Наримана. Царь принялъ его съ радостью, предложилъ ему провинцію по выбору послоуъ палавана и въ жены далъ ему одну изъ сестеръ своихъ. У Гурдзи родился герой-ребенокъ Заваръ, у царя же послѣ продолжительныхъ ожиданій родилась красавица дочь. Пиръ и раздача милостыни бѣднымъ: Умеръ Гурдзи и замѣнилъ его съ честью Заваръ, который внушалъ такой страхъ Риму, что послѣдній сталъ просить мира и изъявилъ согласіе служить Египту. Царь Али-капаръ разъ объявилъ совѣту вельможъ, что онъ по старости рѣшилъ снять съ себя царскую порфиру и возвести на престолъ дочь свою Бурги-Меликъ.¹⁾

¹⁾ Ср. возведеніе Тинагины на престолъ царемъ Ростеваномъ у Руставели.

Советъ во главѣ „палавана“ просилъ пять дней на размышленію и потомъ заявилъ, что царь и по физическимъ, и умственнымъ силамъ могъ бы еще истребить время управленія тѣмъ болѣе, что дочь его, окруженная дѣвами, никого изъ мужчинъ къ себѣ не допускаетъ и будетъ поставлена въ затруднительное положеніе. Царь настаивалъ на своемъ, а дочь, повинаясь только волѣ отца, извѣстила черезъ посланную особу, что она имѣетъ образованныхъ советницъ, съ помощью которыхъ она надѣется управлять государствомъ. Такимъ образомъ Бурга-Меликъ превозглашена правительницей, и съ подобающимъ торжествомъ отпразднованъ былъ этотъ знаменательный день. Она велѣла прежде всего подать воѣмъ милостыню, потомъ приняла отчетъ о состояніи войска, крѣпостей, городовъ и казны, назначила управителей областями и хранителей государственныхъ имуществъ. Наиболѣе близкимъ лицомъ, отправленнымъ въ Римъ съ большою свитой, былъ Заваръ, которому она дала слово выйти только за него. Однако черезъ три года, по восшествіи на престолъ, провиавъ въ Кипетъ Оманъ, завоевавшій сердце царевны. Узнала мать Завара объ ея измѣнѣ и стала ее упрекать въ жестокости по отношенію къ влюбленному въ нее сыну. Дошла вѣсть и до Завара, стоящаго правителемъ на римской границѣ, и послѣ трехдневной грусти написалъ ей письмо, въ которомъ онъ ее называлъ вѣроломной, противнику угрожалъ именемъ солнца и луны уничтожить его кулакомъ, а всей странѣ разореніемъ. Письмо со страхомъ прочитала воспитательница царевны и сообщила содержаніе своей повелительницѣ, которая пригласила на советъ правительницу города. Последняя успокоила встревоженную Бурга-Меликъ, возлагая надежды на Омана. Поставленный въ извѣстность Оманъ, далъ отвѣтъ Завару, называя его угрозы опрометчивыми по адресу незнакомаго ему человека. Воспитательница же ему отвѣтила, что войною и умерщвленіемъ никто еще не вышалазъ любви¹⁾ и пусть помѣрится силою съ львомъ Оманомъ. Заваръ недолго заставилъ ждать и явился съ войскомъ въ городъ, гдѣ вступилъ въ гордое объясненіе съ царемъ, хвалясь своею силою. Въ присутствіи царя и горожанъ произошелъ отчаянный бой, напоминающій небесный громъ и „Страшный судъ“. Заваръ отличался высокомѣріемъ, а Оманъ выступилъ молча, мѣшию и стройно. Послѣ пылкой схватки то на коняхъ, то пѣшкомъ Заваръ былъ побѣжденъ, а Оманъ приветствовалъ криками радости. Щедрый награды роздалъ царь по этому случаю. Побѣда Омана завершилась его свадьбой съ Бурга-Меликъ в рѣдкимъ широмъ. Они были возведены на престолъ и увѣнчаны коронами.

Оманъ разсказалъ супругѣ свою исторію, начавъ ее съ передачи содержаніе Барсовой кожи съ ея продолженіемъ (о Таріелѣ, Нестанѣ Д., Хваразіи-скимъ принцѣ, Ростеванѣ, Автадилѣ, Придонѣ) до болѣзни Таріеля и нести Хваразіи-скаго царя, появленія на помощь Придона и Автадила, смерти его дѣда, закончивъ повѣстью изъ своей жизни въ Индіи и заявленіемъ необходимаго путешествія къ роднымъ, съ которыми находился онъ въ разлукѣ въ теченіе болѣе 5 лѣтъ. Вручивъ управленіе начальницѣ города, тайно отъ царя супруги,

¹⁾ Ср. Асматъ, наперсницу Нестанъ Дереджаны.

оставив письма ему, отправились в Индію, отстоящей отъ Египта на разстояніи двухгодичнаго пути, но произнесли молитву Соломона и на другой день уже были дома. Аликапаръ утромъ узналъ объ ихъ исчезновеніи, посылая главу золой, а потомъ, прочтавъ письма, въ которыхъ они объяснили причину своего путешествія и просили у него прощенія за причиненное горе. Царь успокоился. Омайъ же остановился съ супругой въ своей комнатѣ, которую онъ нашелъ въ томъ же видѣ, въ какомъ ее покинулъ. На другой день узналъ онъ отъ прислуги, что царь и царица опечалены его исчезновеніемъ и въ теченіе 5 лѣтъ не видали солнца⁴. Черезъ одного раба онъ послалъ сказать отцу Саридону, что сынъ его съ Мисретской царевной пришли его навѣстить. Происходить трогательная встрѣча, роскошный пиръ съ музыкой въ теченіи нѣсколькихъ дней, поднесеніе цѣнныхъ подарковъ, обсыпанныхъ жемчугомъ и раджа милостивы; царицы любятъ другъ другомъ, а Омайъ рассказываетъ всѣ свои приключенія. Случилось, что Саридону явился колюкъ и доложилъ, что табунъ Таріеля, разположенный на берегу Бѣлаго моря въ теченіи 5 лѣтъ, въ послѣднее время подвергся опасности со стороны одного чуднаго бѣлаго цѣпта коня превосходящаго величиною двухъ слоновъ. Этотъ конь каждый разъ угоняетъ изъ табуна нѣсколько лошадей, а попытка остановить его кончается гибелью для тѣхъ, кто дѣлалъ на него нападеніе. Омайъ съ отцомъ, дарицами и войскомъ отправился въ табунъ поймать таинственнаго коня, однако послѣдній легко вырвался изъ рукъ Омана брошенный арванъ и исчезъ. Омайъ, считая себя опозореннымъ, побѣжалъ за нимъ, а царь вернулся къ царицѣ, чтобы ихъ отправить домой, а самому поискать пропавшаго сына. Омайъ же скитался 10 дней и остановился въ тѣни чинаровъ, гдѣ встрѣтилъ трехъ путниковъ, изъ которыхъ двое были дѣвами, одинъ съ копьемъ, другой съ булавою, а третій негръ—ихъ слуга. Копьеносецъ гордо велѣлъ Омани подойти и взять къ ногамъ его коня, Омайъ въ отвѣтъ его связалъ и требовалъ сказать, кто онъ такой; онъ оказался сыномъ дѣви и женщины изъ обыкновенныхъ людей и обѣщалъ служить ему вѣрой и правдой. Отецъ его происходить отъ бѣлаго дѣви, убитаго въ Мазандаранѣ потомкомъ знаменитаго Сметанскаго вончела Наршана, сына Саама, Заала и Ростомъ. Бѣлый дѣви послѣ того жилъ въ городахъ и господствуетъ нынѣ во всей странѣ. Въ сопровожденіи побѣжденнаго дѣви, по имени Сарн, и негра Омайъ направился противъ Бѣлаго дѣви, котораго засталъ за обѣдомъ. Сарн донесъ о появленіи нѣкогого челоуѣка и дѣви вышолъ, вооруженный булавою. Неслѣ жаркой схватки дѣви былъ убитъ, и золотая шапка съ ожерельемъ были сняты. Дѣви узнали о пораженіи своего господина и вспоминая времена Ростомъ въ страхъ разбѣжались. Пѣнные люди были освобождены, и въ числѣ ихъ были женщины, изъ которыхъ одна оказалась царевной Балли Бухарской¹⁾, похищенной вмѣстѣ со старшей дамой (хатунъ) Яманскаго царя Бѣлымъ дѣви. Омайъ поручилъ охранять прекрасную царевну этой дѣви, одаривъ первую ожерельемъ, снятымъ съ дѣви.

¹⁾ Ср. „Русудуніани“ [III вып. „Очерковъ“].

Через дэви Сари Оманъ извѣстилъ отца о побѣдѣ и доставшейся ему казнѣ. Омайиъ же влюбился въ Турецкую (?) царевну и написалъ ей письмо, на что она чрезъ хатунъ отвѣтила, что безъ согласія родителей она не рѣшится отдать себя какому-нибудь мужу. Въ это же время вернулся Сари, который привезъ извѣстie, что ѣдетъ самъ царь съ царицами къ сыну. По случаю ихъ пріѣзда, Оманъ задалъ пиръ, на которомъ были поднесены гостямъ драгоценные подарки. Послѣ пира поѣхали на охоту, гдѣ Саридонъ убилъ льва. По возвращеніи жена Омана предложила ему взять въ супруги понравившуюся ей турецкую царевну. Свекровь нашла, что молодая царица очень добра, а Омайиъ, конечно, съ радостью принялъ предложеніе любезной супруги. Сари отправленъ въ Туркестанъ къ царю, съ порученіемъ просить у него руки дочери, освобожденной изъ плѣна Бѣлаго дэви Омайиномъ, внукомъ Таріеля. Черезъ сына своего туранскій царь далъ отвѣтъ, въ которомъ онъ считалъ себя счастливымъ, что приобрѣлъ такого храбраго зятя. Отпраздновали свадьбу и на шестой день Саридонъ отправился въ Балхи, назначивъ Сари правителемъ области Бѣлаго дэви. Оманъ же съ женою прибылъ на свиданіе къ туранскому царю, который его принялъ съ большимъ почетомъ. Черезъ два мѣсяца послѣ пышной свадьбы пришелъ разъ во время пира одинъ человѣкъ, который разсказалъ о появленіи двухъ леопардовъ, безнаказанно все опустошающихъ. Оманъ отправился на охоту противъ нихъ, какъ на праздникъ съ пѣніемъ и музыкой, и одержалъ побѣду. Дошелъ слухъ о подвигахъ (о волшебномъ конѣ и проч.) Омана, внука Таріеля до Константинопольскаго кесаря. Желая его видѣть, послѣдній, посадивъ на престолъ старшаго сына, объявилъ совѣту визирей, что ѣдетъ путешествовать и осматривать провинціи. Прибывъ къ границамъ Персіи, онъ написалъ письмо царю той земли Ануширвану, который въ сопровожденіи адирбежанцевъ, араковъ, арабцевъ, багдадцевъ и хварасанцевъ, выѣхалъ на встрѣчу великому кесарю¹⁾. Послѣ пышныхъ пировъ во дворцахъ, когда кесарь заявлялъ, что ѣдетъ въ Индію новидать витязя Омана, Анушиваръ выразилъ желаніе присоединиться къ нему и вдводемъ написали письмо къ Саридону Индійскому о своемъ визитѣ, предварительно, по обыкновенію, воздавъ благодарность Богу и похвалу царю. Прибылъ еще царь Учиничинелм¹⁾ Какачинелм и четыре повелителя пируютъ нескончаемо и дружно. На обѣдѣ Ануширванъ раздалъ на память четыремъ сотоварищамъ и самому Оману пять рѣдкихъ чашъ, назначенныхъ для витязя. Потомъ начался у нихъ разговоръ о житейскихъ вопросахъ. Ануширвалъ сказалъ, что онъ не помнитъ неприяни отъ молчанія, а отъ произнесенія своихъ словъ часто огорченія терпѣлъ; кесарь прибавилъ, чего не сказалъ еще, то въ его рукахъ, но что сказалъ, то уже не его, какъ пущенная стрѣла, которую нельзя вернуть; индійскій царь привелъ слова одного мудреца, который на вопросъ перваго, что для человѣка наиболѣе удобно говорить, отвѣтилъ: молчаніе, молчаніе, молчаніе, однако онъ самъ думаетъ, что нужно говорить, что стоитъ и умолчать, гдѣ нужно. Въ этому времени явился слуга и донесъ, что

¹⁾ Ср. „Аширанъ-Дареджаніани“.

явился витязь, величиною въ цѣлую гору, который входитъ во всякій домъ и выгоняетъ хозяевъ. Витязь этотъ былъ Кара Койль, который отказался придти на зовъ царей и требовалъ себѣ противника. Омайя вступилъ въ состязаніе и послѣ отчаянной схватки свалилъ его съ лошади, разбилъ шлемъ и какъ мертвого отвезъ его къ царямъ, которые привѣтствовали героя криками радости и осыпали жемчугомъ. Кара-Койль тутъ разсказалъ, что онъ изъ Аравіи и много бѣдствій причинилъ всѣмъ. Саридонъ велѣлъ его показать населенію, а потомъ обезглавилъ, передавъ его оружіе и коня Оману. Попировавъ еще нѣсколько дней, царь закрѣпилъ усы дружбы сладкими словами и разошлись по своимъ владѣніямъ“.

Какъ видно изъ этого изложенія „Омаіани“ сочиненъ въ подражаніе „Барсовой кожѣ“, отчасти „Ростоміани“, „Русуданіани“ и „Амираніани“. Авторъ его намъ не извѣстенъ, но видно грузинъ, знакомый съ восточными и туземными произведеніями. Присутствіе османскихъ словъ („хатуми“) свидѣтельствуетъ о позднейшій созданіи этого произведенія, по времени, относящемся къ усиленію турецкаго вліянія въ Грузіи (XVII—XVIII в.).

Конецъ „Омаіани“: Помынающіе его да будутъ благословены Господомъ. Приписка гласитъ, что рукопись переписана въ царствованіе Императора Александра Павловича коллежскимъ совѣтникомъ Мельхиседекомъ Бебутовымъ 14 августа 1814 года.

ЧАХРУХА (ЧАХРУХАДЗЕ).

Поэтъ Чахруха (Чахрухадзе), родомъ мохевецъ, создавшій особый стихотворный размѣръ — чахрухаули [стихъ въ 20 слог.] — оставилъ поэму изъ 115 куплетовъ въ прославленіе цар. Тамары. Католикъ Антоній въ „мѣрномъ словѣ“ считаетъ его пѣнгомъ Тамары. По своему характеру его ода примыкаетъ къ произведенію поэта Шавтели. И тотъ и другой очевидцы ея красоты и событій, которыя происходили предъ ихъ глазами, и упоенные величіемъ родного царства, стараются возсоздать ея образъ и выразить всѣ заслуги своей царицы. Тогдашнія грузинскія „полтавскія битвы“ въ Трапезундѣ, Ани, Шамкорѣ заслуживали того, чтобъ о нихъ заговорили уста не только однихъ историковъ, но и поэтовъ. Борьбу Тамары съ мусульманами поэтъ Чахрухадзе облекаетъ въ слѣдующую поэтическую форму. Мусульманскій міръ онъ уподобляетъ заволновавшемуся морю, которое то и дѣло влопочетъ и гласитъ: Мною затоплены и сметаны всѣ царства, я сокрушу и оставшееся царство картвеловъ. Цѣлыя горы волнъ разсвирѣпѣвшаго моря уже двигаются къ Грузіи, чтобы затопить и ее. Тамара предвидя грозу, заранѣе приготовляетъ свои полки. Войнство ея идетъ навстрѣчу врагу. Въ сраженіи сваливается одна гора волнъ за другою, и скоро кичливый врагъ разбивается и сметается.

Въ началѣ поэтъ приглашаетъ мудрецовъ прославить Тамару, признавая, что, даже будучи Сократомъ и при помощи Гомера и Платона, не сѣмѣютъ воздать царицѣ должное. Только Аристотель изъ племени мудрецовъ, прославленный мудростью въ Афинахъ, оставшійся единственнымъ, нивѣмъ не превзойденнымъ ученымъ, былъ бы въ состояніи прославить ее. Но дерзаетъ и онъ, Чахруха, повѣдать разумнымъ зрителямъ о красивыхъ ланитахъ царицы, вольностью подобной Кроносу небесному, являющейся солнечнымъ лучомъ, сверкающей зарей, затемняющей своимъ блескомъ луну, украшающей собою семь небесныхъ свѣтилъ.

Индійцы были поражены созерцаніемъ плачущаго Диларгети ¹⁾ среди роскошной поляны; солнечные же лучи могутъ только мерцать при видѣ блеска Тамары. Всѣ жаждутъ видѣть и приблизиться къ граціозной исполненной молненой красоты царицѣ. Самому поэту приходится молчаливо созерцать ее и энергичнаго Давида, отличнаго стрѣлка, изъ рода Ефрема ²⁾, обнажающаго мечъ на враговъ. Сынъ ея Лапа, [Георгій] это солнце безъ тѣни, изъ племени Вахтанга, по рожденіи пожелавшаго ослабить персовъ. Давидъ [мужъ Т.] сдѣлалъ быстро подданными упорныхъ и неподатливыхъ, какъ въ Каракорумѣ, Арамъ и Аранъ сразился Ростомъ и побѣдилъ всѣхъ владѣтелей этихъ провинцій. Предъ двинувшейся многочисленной толпой изъ различныхъ народовъ сталъ Давидъ, словно левъ непобѣдимый. Сократъ можетъ философствовать, Гомеръ трогать наши сердца, а мнѣ, говоритъ Чахруха, слабому на сильный, выразительный языкъ, не ставьте въ упрекъ, если скажу коротко и нецелно. Но торжественная побѣда Тамары надъ мусульманами заслуживаетъ упоминанія. Враги были разбѣяны, грузинамъ достались въ изобиліи плѣнники и сокровища. Неожиданно какъ будто она оказалась побѣдительницей при (Шамкори?). Поданные царицы возсылаютъ моленія къ Богу о благоденствіи ея и сына Лапа.

Господь (Троица) создалъ всю вселенную, солнце, систему планетъ, народы и далъ завѣтъ свой намъ. Тамару можно сравнить съ свѣтлымъ солнцемъ, никогда не заходящимъ, эфирнымъ сіяніемъ, съ источникомъ, орошающимъ поле Дарманское ³⁾ и дубраву Эдемскую.

¹⁾ Диларгети значитъ былъ извѣстенъ раньше чѣмъ ода Чахруха.

²⁾ Ср. слово кievск. митроп. *Иларіона* XI в.: „хотя Манасія былъ старше Ефрема, по благословеніемъ Іакова сдѣлался меньше“. Мужа царицы восхваляетъ и „Кар. Цх.“.

³⁾ Дарма—дарма-дѣва въ индуистской мифологіи богъ добродѣтели и правосудія. Дарма верховный буддистскій жрецъ у китайскихъ буддистовъ; онъ отрѣзалъ себѣ вѣки, чтобы не спать; отъ нихъ будто бы произошелъ чай.

По щедрости—неизсякаемая какъ море, по высотѣ положенія—восходящая до неба, смиренно милостивая, пріятная для созерцанія, побѣдительница побѣдителей, утверждающая вѣру—Тамара царицей поставлена самимъ Богомъ. Люди царицѣ подчиняются и покоряются ей скалы тигровъ и дубравы львовъ, существа земныя считаютъ ее солнцемъ, семь планетъ ее восхваляютъ, но не сѣумѣли воздать должное, не имѣя языка Платона и лиры Давида. Далѣе слѣдуетъ извѣстная строфа: „Тамаръ ццнари, шесацквари, хманарнари, пирцинари; мзе мципари, сачинари, цкалимьнари, момдинари“ переведенная митрополитомъ Евгеніемъ буквально: „Тамаръ кроткая, пріятная, сладвогласная, сладколичная.

Солнце — блистательная, важная, тиховодная, рѣкѣ полной подобная¹⁾. Она сіяетъ не только какъ солнце, но отнимаетъ даже блескъ у послѣдняго: оно темнѣетъ предъ ней. Она освѣщаетъ все кругомъ, будучи не Зевсомъ, а непрерывнымъ сіяніемъ. Подобнаго свѣтила никто не видѣлъ подъ небомъ, никто не слышалъ и созерцающіе ее мнятъ себя во снѣ или въ грезахъ, считая на яву столь дивное созданіе невозможнымъ.

Голубка по скромности, заря, оставляющая въ тѣни небесныя свѣтила, она является исключительной царицей, исполненной тонкаго ума и нѣжной души. Она какъ львица остается побѣдительницей надъ мусульманами, а мужъ ея „великій осетинъ Давидъ“ сразилъ у Манглиса Фареза. Поэтъ нѣсколько характерныхъ чертъ приписываетъ „безподобному Давиду“, видному среди почтенныхъ, веселому среди юношей, вѣрному товарищу, прославленному на пирахъ мудрому, въ совѣтѣ вельможъ, храброму на полѣ битвы.

Обращаясь снова къ Тамарѣ, Чахруха призываетъ на помощь философовъ и риторовъ эллинскихъ, воспитанныхъ въ Греціи грузинъ прославить молніеносныя лучи царицы, освѣщающіе ночной мракъ, сіяніемъ которой горятъ небесныя свѣтила. Самсонъ, который измѣнически Далидой былъ остриженъ, не можетъ сравниться съ ней. Раминъ²⁾ горевалъ и сдѣлался съ тоски поклонникомъ Виса, а побѣжденные персы Тамарѣ завидуютъ, ибо надъ владѣтелемъ Ирана (Эрана) она вознесла главу свою, какъ царь львовъ; намекъ на взятіе ею Тавриза, Казвина и Адарбадагана.

Грaciousная, красивая, исполненная мудрости она доставляетъ зрителямъ отраду и удовольствіе. Она, „какъ мраморъ“, служитъ пред-

¹⁾ Историческое изображеніе Грузія. Сиб. 1802, стр. 92. Ср. отзывъ Карт. Ц.

²⁾ Герой „Висраміани“.

метомъ твердой присяги. Нѣжное лицо ся, обрамленное волосами и локонами, вызываетъ неизсякаемую жажду видѣть снова, кто разъ узрѣлъ ее. Что восхвалять въ ней: высокую шею, стройный станъ, эфирный блескъ, ланиты, освѣщенные черными глазами, словно гишеровое море, поэтъ недоумѣваетъ и предпочитаетъ умолкнуть. Платонъ и Гомеръ, Самсонъ и Киръ, поднявшись изъ мертвыхъ, были бы въ затрудненіи ее кому-либо уподобить. Поэтъ вспоминаетъ тотъ моментъ, какъ онъ потерялъ силы, когда ему посчастливилось представиться царицѣ, эдемской розѣ; онъ, какъ и всѣ и ее видящіе, смотрѣли на царицу обезумѣвшій, съ сильнымъ бѣніемъ сердца, близкимъ къ неожиданной смертельной развязкѣ. Зевесъ самъ призналъ бы ее солнцемъ и возвелъ бы на небеса.

Чахруха, вѣроятно, намекаетъ на походы царицы Тамары, упоминающая о западѣ (*марриби*) в Абхазіи или о хазарахъ и Константинополѣ гдѣ она построила лодки. Жители Багдада прибыли въ Барбаки (?) съ вѣстью о побѣдѣ, одержанной Тамарою. Владѣтель Каби, Эмиръ, былъ опечаленъ этимъ событіемъ и рѣшилъ отомстить ей. Изъ предѣлъ Индіи, враги съ индійскими китайцами и ханцами во главѣ Атиллы выступаютъ, остановившись въ Хозаретіи, направились въ Россію по берегу моря. Располагая богатымъ кладомъ золота, жемчуга, амбры и толпою имѣнныхъ плѣнницъ, они неожиданно нападаютъ на поля іонійскія, гдѣ царствовалъ кесарь. Здѣсь они обошли города, моря, Египетъ и Аравію. Съ собою онъ (глава отряда) привелъ одну красавицу, которую тотъ не можетъ забыть. Вслѣдъ за этимъ страннымъ отступленіемъ, поэтъ ¹⁾, вспомнивъ о сотвореніи Господомъ Адама и Евы и искушеніи ихъ дьяволомъ, переходитъ къ Тамарѣ, называя ее солнцемъ солнцъ, очаровательной, нѣжной на видъ, съ розовой шейкой, тихой и мягкой, предъ которой преклоняются всѣ земныя существа. Съ всеобъемлющимъ умомъ, какъ Гомеръ, по силѣ подобна она тремъ Ахилламъ. Она своими подвигами сосѣднихъ непокорныхъ государей, которые могутъ только мечтать объ уподобленіи ей, заставила подчиниться Грузіи. Вспомнивъ о событіяхъ при Двиані, Тао, Испиріи и Ширвані, поэтъ возвращается къ прославленію Тамары, царицы вельможъ, владѣтельницы богатыхъ рудъ, красоты вселенной, уподобившейся своими дѣяніями Вахтангу (Горгаслану) и Давиду (Возобновителю?) Еще разъ повторяетъ, что ни онъ, ни одописцы не

¹⁾ Въ 1832 г. царевичъ Теймуразъ впервые открылъ оды Шавтели в Чахрухѣ. извѣстивъ объ этомъ Броссе. См. *Bibliographie analitique Mari-Felicité Brosset*. (SPb., 1887, p. 50).

находить предмета, съ чѣмъ возможно было бы ее сравнить по красотѣ и по мудрости, какъ сказано не разъ.

При созерцаніи сильнаго Давида подданные поражены словно громомъ, а при видѣ тихой и нѣжной Тамары, обладательницы скиптра и порфиры, смертные ощущаютъ блаженство дыханія небесной силы. Она является свѣтлымъ приютомъ для страждущихъ душъ, какъ Христова дочь изъ рода Авраама. Она можетъ пренебречь свѣтилами небесными, превознося свой блескъ выше солнечныхъ лучей. Ей подобнаго нужно искать, какъ въ сказкахъ, вооружившись желѣзной палкой, — не только онъ, но еслибы для нея пѣлъ даже Гомеръ и прославилъ Аристотель, то не нашли бы достаточныхъ словъ. Поэтъ склоненъ думать, что самъ Давидъ первый (пророкъ) брацалъ въ ея честь, а Соломонъ мудрый призналъ бы ее именитой и славной. Снова превозносятся ея красота, предъ которой и луна кажется блѣдной и несчастной. Мудрецы все свое творчество создали для нея, самъ Кроносъ потерялъ бы рассудокъ, при видѣ ея розовыхъ ланитъ, движеніе ея рѣсницъ возбуждаютъ слезы блаженства и умиленія. Ея присутствіемъ услаждается левъ Абесаломъ изъ рода Ефрема, превосходящій силою Неброта (Нимвродъ). Халифъ, соболѣзнуя о паденіи силы своей религіи, дрожитъ предъ ней. Изъ Тарши — изъ Карса ей подносятъ дары, какъ новому Хвосро (Хозрой). Побѣдивъ безчисленныя толпы, она обратила осетинъ въ бѣгство въ Бобакари (?). Тамара сдѣлалась достойной преемницей барса Вахтанга. И снова поэтъ сознаетъ свою слабость воспѣть ее достойнымъ образомъ, говоря, что даже риторы и философы не нашли бы нужныхъ словъ для ея прославленія.

Поэтъ призываетъ всѣхъ (и персовъ) внимать, вдохновляться религіозной идеей, возвышаясь къ Создателю вселенной, Троицѣ единосущной, даровавшей странѣ Тамарѣ лучомъ во мракѣ, неизмѣнно щедрую и скромную: она вмѣстѣ съ храбрымъ Давидомъ опалила огнемъ послѣдователей ислама; словно Ахиллесъ непрерывными битвами она изгнала турокъ, а атабегу (Ахалцихскому владѣтелю), стороннику Хварзмъ-шаха, напомнила вѣрноподанническую заповѣдь.

Поэтъ снова призываетъ Сократа, Платона и Ефрема, Апотеоса, изобрѣвшаго средство измѣренія земли, халдейцевъ, впервые занявшихся изученіемъ теченія звѣздъ, и глубокаго изслѣдователя Аристотеля, которые не могутъ сравниться ни въ чемъ съ славной царицей. Обратившись затѣмъ къ священному писанію, Чахруха воспоминаетъ паденіе человѣка, по наущенію дьявола, соблазнившаго Еву и начало трудовой въ потѣ лица жизни на землѣ. Въ результатѣ

усиленія грѣховъ, Ною приказывается построить ковчегъ, начинается потопъ и затѣмъ обновленіе человѣчества. Господь изъ рода Давида являетъ Богочеловѣка, который воскрешаетъ мертвыхъ, хромыхъ и слѣпыхъ исцѣляетъ. Своимъ крестнымъ страданіемъ Онъ Адама сдѣлалъ достойнымъ небесъ, спасъ язычниковъ и пролилъ свѣтъ на Тамару. Поэтъ снова возвращается къ обычному восхваленію красоты царицы.

Подобно ей „солнцу солнць“ нигдѣ на яву ни видятъ, ни вспомнить; она словно Зоаль, звѣзда, и сіяетъ съ небесъ или является въ мечтахъ во снѣ. Умъ, обращеніе, чистая душа, проникательность ея дополняется энергіей, доставившей ей, защитницѣ креста, побѣду надъ мусульманами. Въ заключеніе поэтъ извиняется, что не сумѣлъ воспѣть ее и находясь вдали съ замираніемъ сердца вспоминаетъ ея божественныя черты лица и дыханіе, благоухающее ароматомъ.

Въ послѣдней строфѣ поэтъ говоритъ, что онъ мохевецъ (горець, лучше сказать житель ущелья) Чахрухадзе воспѣлъ прекрасную и мудрую Тамару, называя ее Тинатиной, но не царствовавшей въ Аравіи (намекъ на поэму Руставели), а Тинативу грузинскую еще юную, розу райскую, солнцеподобную.

Изъ этихъ послѣднихъ словъ мы заключаемъ, что поэма Чахруха написана раньше Диларіани, на котораго ссылается, и позже „Барсовой кожи“, въ которой нѣтъ указанія на воспѣваніе царицы мохевцомъ на ряду съ произведеніями Саргасъ Тмогвели, Мосе Хонели и Абдулъ Месія Шавтели.

Пл. Юсселиани годомъ написанія оды считаетъ 1187 г. и даетъ восторженный отзывъ о поэмѣ Чахруха. Эхо горнаго ущелья отозвалось, говоритъ онъ, въ порывахъ высокой души поэта. Стихи его дышутъ живою фантазіей, глубокимъ чувствомъ и мыслью. Подъ перомъ его оригинальнымъ, творческимъ, отличающимся отъ пера Руставели, языкъ грузинскій явился благозвучнымъ, гибкимъ, способнымъ выражать малѣйшіе изгибы и оттѣнки мысли. Классическія имена Египта, Греціи и Рима, первобытной Индіи, неприступныхъ мѣстъ Африки съ названіями дорогихъ произведеній ихъ природы, всего прославленнаго въ исторіи, искусствѣ и мифахъ востока и запада тогдашняго времени,—вошли въ составъ поэтического сказанія Чахрухадзе, желавшаго украсить героиню своей поэмы лучами славы и безсмертія. Изъ устъ его въ стихахъ прекрасныхъ расходились священные звуки высокихъ именъ Платона и Аристотеля, Сократа и Зенона, отцевъ церкви и столповъ вѣры Христовой. Въ сочиненіяхъ древняго міра онъ искалъ, какъ трудолюбивая пчела, лучшія мысли и, образовавъ изъ нихъ благоухащій лите-

ротурный сотъ, поднесъ его царицѣ Кавказа, богинѣ грузинскаго народа ¹⁾. Сравненія въ поэмѣ во всякомъ случаѣ носятъ восточный гипербалическій характеръ.

До насъ дошли свѣдѣнія о писателяхъ, которые или оставили нѣсколько отрывковъ своихъ сочиненій, или же извѣстны нынѣ лишь по имени. Такъ, *поэтъ Загнакори* (Дзагнакорели), жившій при Давидѣ Возобновителѣ (1088—1125), извѣстенъ только тѣмъ, что далъ первые образцы размѣра, извѣстнаго „дзагнакорули“ ²⁾ (Загнакорійскаго). Онъ состоитъ изъ трехъ стиховъ, изъ коихъ первые два заключаютъ по 10 слоговъ и имѣютъ созвучное окончаніе, а третій безъ рифмы и состоитъ изъ 12 слоговъ ³⁾. Родиной поэта было село Загнакори, близъ горы того же названія, въ 11 верстахъ отъ г. Душета. По преданію, онъ былъ изъ богатой семьи, принималъ участіе въ освободительной войнѣ Давида Возобновителя противъ арабовъ, посвятилъ ему нѣсколько стиховъ, а по смерти царя постригся въ монахи.

Давидъ Саатабагосели (т.-е. изъ Саатабаго, нынѣшній Ахалцихскій уѣздъ, Тифл. г.), также писатель—современникъ царя Давида Возобновителя. По словамъ З. Чичинадзе ⁴⁾, получилъ онъ первоначальное образованіе въ Хахульскомъ монастырѣ и довершилъ его въ Иерусалимѣ и на Аѳонѣ. По возвращеніи на родину, обнаружилъ военныя и ди-

¹⁾ Поэма изд. впервые П. Иосселиани 1838 (Т. 1838), напеч. Д. Чубиновъ въ Хрестоматіи (II. ч., Сиб. 1863); изд. отдѣльно З. Чичинадзе (Т. 1882), причемъ замѣтилъ, что строфы 109, 111 и 112 суть повтореніе строфъ 29—31. Имя поэта „Григорій“ найдено было Д. Бакрадзе въ Кутайской минеѣ, „переписанной ученымъ и мудрымъ мужемъ Григоріемъ Чахрухадзе“, хотя не удостоверяется тождественность пѣвца Тамары и этого мудреца. Рукописи этой поэмы очень поздніе—XIX в.; одна хранится въ Библіотекѣ Д. Чубинова, а другая имѣется у меня (см. выше о рукописяхъ Шавтели). Названіе оды одпородно съ поэмой Шавтели.

²⁾ По „Кылигъ и Дамаяѣ“, перев. царя *Вахтана*, а также по мнѣнію *митр. Евгенія* („Истор. изображ. Грузіи“, Сиб. 1802, стр. 92) размѣръ дзагнакорули состоитъ изъ 10—12 слоговъ, а по словамъ *П. Баграговани* („Цискари“ 1852 г.) дзагнакорули заключаетъ въ себѣ 16 слоговъ. Последній размѣръ былъ еще до Дзагнакори извѣстенъ, и потому онъ не могъ дать своего имени и, вѣроятно, что ему принадлежитъ инициатива введенія перваго нами упомянутаго размѣра.

³⁾ *Пл. Иосселиани*. Описаніе гор. Душета (Тифлисъ, 1860), стр. 61, 66. Объ этомъ размѣрѣ упоминается въ анталогическомъ сборникѣ, писанномъ рукою ректора временъ Ираклія II, Давида Алексѣева. *Кавказ. Календ.* на 1859. Иосселиани. Опис. горы св. Давида (Т. 1858), 7.

⁴⁾ „Писатели XII в.“, стр. 23, 24.

пломатическія способности, приобрѣлъ довѣріе царя и нѣсколько разъ былъ отправляемъ посломъ къ иноземнымъ государямъ. Намъ неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ приписывается ему переводъ „Зисраміани“ Гургани (см. у меня выше), хотя объ этомъ свидѣтельствуеъ, между прочими, составитель списка грузинскихъ памятниковъ письменности Гамалиліз, архим. Шіо-Мгвимской обители.

До насъ дошли написанныя мѣрною рѣчью небольшого объема произведенія, называемыя „ямбиконъ“ (ямбы). О Давидѣ Возобновителѣ приводятся слѣдующіе грустное ямбическіе стихи ¹⁾: [Было время], когда въ Начермагеви я семь царей посадилъ за обѣденный столъ; турокъ, персовъ и арабовъ удалилъ за предѣлы (страны);

Рымъ рѣкъ здѣшнихъ пересадилъ въ тамошнія рѣки,—
И у свершившаго это нинѣ руки на груди скрещены.

Ямбическіе стихи, посвященные всѣмъ святымъ, въ большомъ количествѣ сохранились въ рукописяхъ Тифлис. Церков. Музея ²⁾. Самой царицѣ Тамарѣ приписываются ямбическіе стихи, приведенные Вахушти къ его исторіи ³⁾. Царица Тамара, жертвуя захваченное у Месхійскаго атабега знамя Хахульской Божіей Матери, сдѣлала на немъ стихотворную надпись, въ которой прославляется Единый Богъ, Троица, Спаситель, принявшій страданіе за грѣхи человѣческіе,—Богородица, воспѣваемая прор. Давидомъ, и просить себѣ, праху земному, милости и побѣды надъ агарянами.

Четверостишіе хранитъ воспоминаніе о Тамарѣ въ народномъ сказаніи. Въ немъ передается о великихъ подвигахъ царицы:

На высотахъ воздвигла храмы, въ безводномъ мѣстѣ открыла родникъ,
На Испанганъ наложила оброкъ, со Стамбула взяла дань,
Въ Бѣлое море кинула желѣзо, сушу привлекла къ себѣ,
Свершившая столько дѣяній, 9 аршинъ холста захватила съ собою.

На иконѣ Хахульской Божьей Матери читается ямбическая надпись, правильный переводъ когорой намекаетъ на весьма важныя историческіе факты по отношенію къ самой иконѣ, которая повидимому украшалась въ теченіе ряда вѣковъ, чему неопровержимыми доказатель-

¹⁾ Чубиновъ Груз. Хрест. (Спб. 1846), стр. 242.

²⁾ См. у меня выше, стр. 118, 119.

³⁾ Вахушти. „Исторія“, изд. Баградзе, стр. 208—209. Ср. „Бартл.-Цх.“ I, стр. 309—310.

ствами могутъ служить миниатюры на складныхъ иконы. Каждая строка нижеслѣдующей грузинской амбической надписи имѣетъ цезуру, обозначающую запятой.

Первая надпись:

„Азъ есмь изстари, благодатию Божию,
Съ тѣхъ поръ, какъ Ты расцвѣла съ Нимъ, о, Царица!..
Сдѣлавшись отцомъ, онъ умножилъ вещи на украшеніе Тебя, храма
Божіаго,
Такъ и Давидъ, наследникъ Давида
Душою, тѣломъ и церковію принесъ себя въ жертву, о Пресвятая!“

Чтобы уразумѣть точно смыслъ этой надписи, необходимо амбическіе бѣлые грузинскіе стихи переложить въ прозу, сдѣлавъ лишь перестановку фразъ и логически правильную конструкцію. „Съ тѣхъ поръ, какъ Ты расцвѣла, о царица, съ нимъ (я) осѣненъ изстари благодатию Божию. Сдѣлавшись отцемъ, онъ обогатилъ, умножилъ, вещи на украшеніе Тебя — храма Божіаго; также поступилъ теперь и Давидъ, потомокъ Давида, съ душою, тѣломъ и храмомъ принесши себя въ жертву, о Пресвятая!“.

Ясно, что разговоръ ведется предъ лицомъ Пресвятой Дѣвы, которую въ данномъ случаѣ изображаетъ икона Хахульской Богородицы, отъ имени старѣйшаго представителя рода и дѣйствительнаго ходатая предъ Богородицею за своихъ потомковъ, именно отъ имени псалмопѣвца Давида, который въ грузинскомъ мнѣіи о происхожденіи Багратидовъ считается родоначальникомъ этой династіи и, слѣдовательно, посредствующимъ звеномъ, закрѣпляющимъ родственныя узы между Пресвятою Богородицею и фамиліею грузинскихъ царей Багратидовъ. Какъ Богородица, такъ и Багратиды признаются въ исторической грузинской легендѣ потомками Иессея, отца Давида, царя израильскаго. Итакъ, въ надписи на складныхъ Хахульской иконы Давидъ пророкъ, какъ патріархъ рода, обращаясь къ Хахульской Богородицѣ, излагаетъ заслуги своихъ потомковъ, украсившихъ въ продолженіе вѣковъ ликъ ея. „Съ тѣхъ поръ, какъ Ты расцвѣла съ Нимъ (Иисусомъ Христомъ), о, Пресвятая, я изстари осѣненъ благодатию Божию“. Въ третьей строкѣ псалмопѣвецъ Давидъ, говоря: „сдѣлавшись отцомъ, онъ умножилъ вещи на украшеніе Тебя — храма Божіаго“, намекаетъ на Давида Куротпалата, Таосскаго владѣтеля, хотя бездѣтнаго, но съ усмысленіемъ имъ Баграта III-го, сына абхазскаго царя Георгія I-го, фактически „сдѣлавшагося отцомъ“. Давидъ Куротпалатъ былъ тоже изъ рода Багратидовъ, оказалъ большую услугу Императрицѣ Θεοοεα:

ни въ подавленіи мятежа, возбужденнаго Бардомъ Склеросомъ. Онъ построилъ Хахульскій храмъ во имя Богородицы и сдѣлалъ его своею усыпальницею. Хахульская же икона Божіей Матери перенесена отсюда въ Гелатскій монастырь со времени занятія провинціи *Хахули* (нынѣшній Пенякъ въ Ардаганскомъ округѣ) турками въ началѣ XVI вѣка.

Четвертый и пятый стихи первой надписи— „Тако (поступилъ) и Давидъ (Возобновитель), наслѣдникъ Давида Куротпалата; (они оба) „Душою, тѣломъ и храмомъ принесли себя въ жертву, о Пресвятая“—въ устахъ псалмопѣвца Давида упоминають двухъ Давидовъ славныхъ царей грузинскихъ *Куротпалата* и *Возобновителя*, украсившихъ ливъ Хахульской Богоматери и строившихъ также храмы и усыпальницы.

Вторая надпись:

„А новый Веселенгъ Соломонъ—
Дмитрій по праву сына и пріемника удвоилъ дары:
И видъ Твоей просвѣтилъ аки Солнце:
О Пресвятая, въ память временъ
И царствія Христа на небесахъ“:

Вторая надпись составляетъ продолженіе первой. По смыслу этой надписи видно, что икона Хахульской Божіей Матери украшалась приношеніями благочестивыхъ грузинскихъ царей три вѣка сряду до эпохи царствованія Дмитрія, сына Возобновителя, при которомъ не только изготовлена эта замѣчательная надпись, но, все украшеніе иквота и складней иконы вновь пересоздано по одному въ высшей степени художественно задуманному плану. Весь футляръ Хахульской Богоматери со складнями вмѣстѣ сдѣланъ изъ листаго золота, на которомъ фризурная работа представляетъ видъ сферы, отбрасывающей лучами дорогіе миниатюры, представляющія въ цѣломъ синклитъ небесныхъ силъ ¹⁾.

¹⁾ Г. Церетели. Полное собраніе надписей Гелатскаго монастыря (М. 1896), стр. 29—31.

Памятники богословские, философские и юридические.

Грузинские переводы и оригинальные сочинения по различным научным отраслям всего меньше изучены и разработаны. Однако, до нас дошло не мало памятниковъ, свидѣтельствующихъ о стремленіяхъ грузинъ къ философскимъ и богословскимъ вопросамъ. Самымъ извѣстнымъ авторитетомъ въ области научной въ эпоху царя Давида Возобновителя считается Іоаннъ Тарчидзе Чирчимели, по прозванію Петрици.

По словамъ каталикоса Антонія ¹⁾ Петрици былъ истинный философъ, поэтъ, грамматикъ и знатокъ астрологіи. Ему принадлежатъ толкованія евангелія Маттея, прологъ въ стихахъ, составленный въ честь святыхъ. Сочиненіе Прокла Діодоха (неоплатоника) „Союзъ“, переведенное имъ на грузинскій яз. до насъ не дошло, но извѣстенъ армянскій его переводъ, сдѣланный съ грузинскаго. Въ обществѣ распространенія грамотности, въ Тифлисѣ хранится новый переводъ „Союза“ Прокла, снятый обратно съ армян. яз. Іоанномъ Орбеліани въ 1757 г. въ сотрудничествѣ съ однимъ изъ армянскихъ монаховъ (Филиппомъ Кайтмазшвили), ²⁾ Петрици же познакомилъ грузинъ съ Клемаксомъ Іоанна Синанта, Толидами и Περὶ ἐπιτηρείας Аристотеля и съ сочин. Іосифа Флавія. Ему же приписывается сочиненіе астрологическаго содержания *Немесіосъ* (?) Объ его жизни и сочиненіяхъ мы располагаемъ весьма скудными свѣдѣніями. Загадочное его прозваніе Петрици ³⁾ (изъ Петрицонели?), проф. Цагарели толкуетъ въ томъ смыслѣ, что онъ былъ однимъ изъ братій Петрицонійскаго монастыря (нынѣ Бачковскій монастырь въ 30 вер. отъ Филиппополя, близъ гор. Петричь). По словамъ Анны Комненъ монастырь этотъ построенъ былъ двумя братьями Пакуріанъ, въ которыхъ г. Цагарели видитъ Джанбуріанъ - Орбеліани. Но Пакуріанъ ближе можно сопоставить съ фамиліей Бакуриамидзе, о которыхъ упоминается около 1080 г. ⁴⁾ въ

¹⁾ „Мѣрное слово“ § 731.

²⁾ „Кавказъ“ 1894, № 319, ср. „Иверія“ 1894; № 248.

³⁾ Свѣдѣнія о груз. памяти., III, стр. XII.

⁴⁾ По словамъ П. Юсселиани Петрици жилъ около 1120 г.

Карт.—Цх. Въ сел. Хидистави, въ Гуріи Д. З. Бакрадзе нашель „свѣтокъ составленный святыми отцами“, гдѣ въ числѣ поборниковъ православія упоминается Григорій Севастось сынъ Бакуріани¹⁾.²⁾ Есть основаніе думать, что Петрици—прозваніе Іоанна—произошло отъ патриція, титула, которымъ грузины пользовались наравнѣ съ другими съ византійскими титулами: курополать, вестъ и др. Въ рукописяхъ XI в. Іоаннъ извѣстенъ среди писателей св. Іоанномъ Патрики, бывшій Петрикъ (т. е. до постриженія).

Іоаннъ Таридчисдзе (1089—1145³⁾ родомъ изъ самцхійской области. Воспитывался на Аеонѣ и, вернувшись въ Грузію, по повелѣнію царя Давида Воз., открылъ школу у себя на родинѣ. Ему принадлежатъ переводы Діалектики Аристотеля, *Εισαγωγή* Порфирія. Ему приписывается описаніе 12 камней Елифанія Кипрскаго.⁴⁾ Написалъ ямбы пѣснопѣнія въ честь грузинскихъ святыхъ. По словамъ Антонія онъ былъ выдающійся богословъ, философъ, пѣтъ переводчикъ—насадитель образованія въ Грузіи.

Савва Сингели—риторъ и философъ жилъ около 1150 г. Католікосъ Антоній („Мѣрнос слово“ §§ 764, 765) говоритъ, что онъ видѣлъ его „каноны, по содержанію“ глубокіе, а по формѣ понятныя, достойныя похвалы и удивленія. Дѣятельность его сосредоточивалась въ западной Грузіи—Гуріи, Мянгрелии и Абхазіи. Онъ перевелъ съ греческаго языка „Ирмологіонъ“.

Ефремъ Младшій („Мцире“) жилъ въ эпоху царя Давида Воз. Онъ перевелъ Діоносія Ареопогита: О небесной іерархіи, „Обращеніе Грузія“ изъ историка Θεодорита и др. Антоній I его называетъ словообильнымъ риторомъ. Имъ переписанъ Аскетиконъ, хранящійся при Кутаисскомъ соборѣ.

Арсеній Икальтоели, духовникъ Давида Возобновителя, написалъ „Постановленія духовнаго собора, созваннаго этимъ царемъ“ (см. у меня выше) съ прославленіемъ инициатора собора. Ему принадлежитъ соч. противъ монофизитовъ „Исторія отпаденія армянъ отъ православной церкви“, переводъ „Златоструя“. Онъ же первый основалъ высшую школу въ Икальто по образцу византійскихъ училищъ. Като-

¹⁾ Археол. путеш. по Грузіи и Адхарѣ стр. 213. Визант. исторія Анна Комнена стр. 90, 99, 125, 201. Вахушти, изд. Бакрадзе 170, 177.

²⁾ *Чичинадзе*. Замѣтка о груз. письменности—даетъ вышеприведенную дату, а П. Иоссегиани ограничиваетъ ее 1130 г. См. издан. кмъ „Мѣрнос слово“ Антонія каталікоса §§ 762 и 763.

³⁾ По Шатберд. сборнику „о камняхъ“ дѣйствительно, написано Іоанномъ.

ливось Антоній причисляетъ его къ даровитѣйшимъ философамъ, риторами, богословами („Мѣрное Слово“ §§ 751—756).

Захарій, сынъ Мирдата, жилъ въ нач. XI в.; приписывается ему *Метафрастъ Успенія Богородицы*.

Иоаннъ Болнели въ началѣ XI в., оставившій замѣчательныя проповѣди ¹⁾.

Иоаннъ Грдзелидзе въ нач. XI в. Ему приписывается „Исторія вселенскихъ соборовъ“.

Иоаннъ Каталикосъ жилъ въ концѣ XI в. при царѣ Багратѣ IV; перевелъ соч. Григорія Назіанзина и Аеанасія, Антиохійскаго патріарха (Мѣр. Слово“ § 645).

Иоаннъ Хахулели, прозванный Златоустомъ въ нач. XI в., написалъ книгу противъ монофизитовъ.

Арсеній Ниноцминдели въ началѣ XI в. перевелъ Богословіе Иоанна Дамаскина, соч. Григорія Носели, *Метафрастъ* (Примѣч. Иоселіани въ „Мѣр. Слово“ § 669).

Антоній Чкондидели жилъ при царицѣ Тамарѣ. Ему приписывается соч. „Строй и организація арміи“. Кончилъ жизнь свою въ Шюгвимской обители.

Георгій Чкондидели жилъ въ XII в. До насъ дошли имъ переписанные „Агапи“ (синодикъ) и житіе Симона Кананита и Андрея Первозваннаго.

Николай Каталикосъ въ XII в. перевелъ книгу Максима Исповѣдника, пасхалию, о сотвореніи человѣка, толкованіе Василія Вел., *Синаксарь*.

¹⁾ Въ одной изъ своихъ проповѣдей, сохранившихся въ рукописи XI—XII в. (въ Тифлис. церковномъ музеѣ), Иоаннъ Болнели говоритъ пастевъ о почитаніи ученія св. отцевъ церкви, „которые послѣ апостоловъ явились свѣточами міра, наставниками вѣрующихъ и столпами евангелія“... Они были утверждены на прочномъ камнѣ апост. Петра, получившаго отъ Спасителя связывать и разрѣшать людей на землѣ и въ небесахъ. Они дѣйствовали по словамъ І Христа: голоднымъ подавали пищу, жаждущихъ поили, нагихъ одѣвали, больныхъ посѣщали, были покровителями вдовъ и сиротъ. Они оставили мірскія заботы, посвятить себя молитвѣ и воздержаніямъ. Они были во имя Христа гонимы, предаваемы мучамъ, но оставались твердыми въ вѣрѣ, помня слова: терпѣніемъ вы спасете души свои. Этихъ отцевъ, уподобившихся апостоламъ, слѣдуетъ чтить и имъ подражать.—Въ томъ же сборникѣ имѣются проповѣди, приписываемыя св. Ницѣ.

Къ X—XII в. по свѣдѣніямъ Антонія католикаса (см. предисловіе къ его грамматикѣ) еще относятся слѣдующіе писатели—переводчики, не упомянутые нами: Блаж. Григорій, нареченный новымъ Авраамомъ, Арсеній (не католикосъ и не Икалтойскій), Георгій (духовникъ Георгія святогорца-Мтаццидели), Иларіонъ Великій Тулаели, духовникъ св. Евѣнсій, Стефанъ, Іоаннъ Олимпійскій, Василій, омыль Ваграта Хахуели, Теофила. Нужно еще прибавить: Николая Гулабридзе, Гандзели, Іоанна Мтбевари, автора пѣснопѣній, Исаака, (1030 г.) переводчика ждтыя св. Макарія и равнош. Ваграта.

Къ времени царицы Тамары относится „Карабадини“, взятый въ добычу у султана Ронѣданъ близъ гор. Карну (Карса) и переведенный на груз. языкъ книжникомъ протоіереемъ Антоніемъ.

Въ теченіе X—XII вв. проникли въ Грузію въ переводахъ съ греческаго хронографы, апокрифы и фізіологъ.

Шатбердскій сборникъ IX—X вв. даетъ рядъ статей научнаго характера: о сотвореніи человѣка (Григорія епископа); о природѣ вселенной; разсужденіе, почему человѣкъ родился послѣднимъ, о природѣ смѣха и плача, сна и сновидѣній и пр. Сохранились въ одной главѣ свѣдѣнія объ анатомическомъ строеніи человѣка, собранныя авторомъ сборника изъ различныхъ „источниковъ“. Въ анатоміи человѣка различаются три основныя части: голова, сердце и печень. Три силы управляютъ жизнью: одна изъ нихъ сообщаетъ теплоту, другая—влагу, третья сцѣпляетъ разьединенныя частицы организма. Человѣкъ обладаетъ способностью двигаться по свободной волѣ. Мозгъ является источникомъ жизни, которая, впрочемъ, прекращается безъ теплоты. Центромъ жизни служитъ сердце, изъ котораго исходятъ каналы,— по нимъ течетъ кровь къ печени. Душа покоится въ сердцѣ и получаетъ питаніе изъ легкихъ, сообщающихся чрезъ ротъ съ внѣшнимъ міромъ (воздухомъ). Природа человѣка отличается слабостью, нуждаясь въ постоянномъ питаніи для восполненія истощенныхъ тканей. Близъ сердца покоится желудокъ, которому Творецъ далъ, какъ всѣмъ частямъ организма, свою функцію дѣятельности. Душа ребенка отличается отъ души взрослого только тѣмъ, что первая носитъ признаки неполнаго совершенства, но въ сущности во всѣхъ остается тождественною со второю. Вообще душа является наиболѣе удивительной принадлежностью человѣка ¹⁾).

Одна изъ главъ этого же сборника заключаетъ Хронографъ, въ

¹⁾ Въ концѣ главы читается, что эти свѣдѣнія о человѣкѣ списаны съ *Исихійскаго* подлинника.

сокращенномъ видѣ сообщающій свѣдѣнія о сотвореніи міра и ангеловъ, названія еврейскихъ и греческихъ буквъ. Очень любопытны названія разнородныхъ ангеловъ и духовныхъ силъ: ангелы славящіе, ангелы вѣтровъ, ангелы тучъ, града, снѣга, инея, грома, молніи, холода, тепла, зимы, осени (собственно сѣянія), весны (Арея ср. *кар*) и лѣта, ангелы враговъ и ада, ангелы дня и ночи. Изъ данныхъ о сотвореніи міра слѣдуетъ отмѣтить особое указаніе, что въ четвертый день Господь сотворилъ *большаго дракона* (вита), рыбъ и птицъ. слѣдуетъ затѣмъ перечисленіе именъ библейскихъ съ Адама до Іакова. Хронологическая таблица царей: еврейскихъ ¹⁾, ассирійскихъ, египетскихъ, персидскихъ, греческихъ, римскихъ и византійскихъ завершаетъ эту главу ²⁾. Любопытно, что въ эту же главу вошли азбуки еврейская и греческая, напоминая русскій хронографъ второй редакціи 1657, гдѣ имѣется глава о еврейскихъ письменахъ³⁾.

Обратимся къ *переводамъ* апокрифовъ, дополняющихъ матеріалъ, собранный въ I выпускѣ „Очерковъ по исторіи грузинской словесности.“

Дѣтство Господа нашего І. Христа (изъ Сборника XII в. Церк. Муз.).

Будучи отрокомъ пяти лѣтъ ³⁾, ходилъ Іисусъ на рѣчку, тамъ игралъ и запруживалъ ее ⁴⁾, а потомъ пропускалъ воду на песокъ, опущая ее. Взялъ онъ мягкую глину („брение мекко“ слав.) и сдѣлалъ 12 птицъ (воробей), а былъ тогда день субботній и было много дѣтей, игравшихъ вмѣстѣ съ нимъ. Увидѣли іудеи, что творилъ отрокъ, пришли къ отцу его, Іосифу, спрашивая его, хорошо ли въ субботу дѣлать изъ глины птицъ. Іосифъ же разгнѣвался на него за то, что

¹⁾ Ср. Опись славян. и рукописей собранія П. И. Щукина (М. 1896), стр. 258.

²⁾ Адамъ жилъ 230 лѣтъ и родилъ Сейта (Сева); Севъ жилъ 205 л. и родилъ Эпоха... Авраамъ послѣ завѣта жилъ 25 и родилъ Исаака... *Цари іудейскіе*: Саулъ царствовалъ 40 лѣтъ; Давидъ 45 л... Далѣе слѣдуетъ глава о пребываніи іудеевъ въ плѣну вавилонскомъ. Виръ, воцарившійся въ Персіи послѣ Дарія, вернулъ іудеевъ изъ Вавилона въ Іерусалимъ... *Цари персидскіе*: послѣ Бира воцарился Камбовъ (Камбизъ). Далѣе слѣдуетъ о покореніи Египтомъ Египта и переходитъ авторъ къ Александру Македонскому, Птоломеямъ и Селевкидамъ. Въ виду испорченности текста, *римскихъ царей* намъ удалось подсчитать только съ Клавдія, Нерона и т. д.; *византійскіе* цари начинаются съ Константина.

³⁾ *Сперанскій*. Слав. апокриф. евангелія: „тримъ лѣтом“ е лѣтъ; греч. πενταετής или ἐπταετής.

⁴⁾ Греч. συνήγαγεν εἰς λάκκους; слав. збираше рѣчицу.

онъ такъ дѣлалъ въ субботу. А Иисусъ, услыхавъ это, всплеснулъ руками и сказалъ птицамъ: взлетите и помните „жива суца меня“, и птицы полетѣли предъ всѣми съ визгомъ („поюще“ въ слав. переводѣ). Увидѣвъ это, одинъ изъ фари́сеевъ поспѣшно отправился рассказать друзьямъ своимъ. Сынъ Аная (Аненъ въ слав. перев.) первосвященника (книжника въ слав. п.), который также пришелъ къ Иосифу, взялъ вербовую вѣтку и пустилъ воду, которую запрудилъ Иисусъ. Увидѣвъ это, сказалъ Иисусъ: „какъ вѣтвистое дерево засохни“, и отрокъ тотъ палъ „сухо“. Шелъ Иисусъ съ Иосифомъ, и нѣкій юноша схватилъ его за плечо. Разгнѣвался Иисусъ и сказалъ: „не дойти тебѣ до дому“ (эта фраза пропущена у Сперанскаго, имѣется многоточіе, 103 стр.). Юноша моментально палъ и умеръ. Возопили присутствовавшіе при этомъ, говоря, кто этотъ [родившійся] отрокъ, слово котораго есть дѣло. Пришли родители умершаго юноши къ Иосифу и говорили: если отрокъ этотъ твой сынъ, то не можешь жить среди насъ, или учи его, чтобы онъ благословлялъ („вслвити“), а не проклиналъ дѣтей. Тогда Иосифъ призвалъ Иисуса и сталъ наставлять его: для чего ты сдѣлалъ зло, ибо люди эти возненавидятъ насъ? Иисусъ же отвѣтилъ ему, что слова его неразумны, и Онъ съумѣетъ поставить дѣтей іудеевъ на путь, если же они не примутъ наставленія его, то потерпятъ наказанія ¹⁾. Они такъ спорили, и Иосифъ, разгнѣвавшись, взялъ Иисуса за ухо и сильно потянулъ („отяже зѣло“). Иисусъ же („негодую“) сказалъ: довольно тебѣ искать меня и обрѣсти.

Нѣкій Закхей слышалъ эти слова Иисуса и сказалъ Иосифу: не хочешь ли отдать мнѣ пылкаго отрока своего, чтобы онъ выучился у меня любви къ ближнимъ, покорности старшимъ и сынамъ Аарона, дабы и онъ впоследствии училъ и помиловалъ ихъ. Одинъ замѣтилъ Иосифу, кто можетъ успокоить этого отрока? Иисусъ отвѣтилъ, что Онъ не понимаетъ словъ учителя, сказанныхъ Закхеемъ, ибо Онъ самъ Господь и учитель у котораго должны поучаться; онъ только знаетъ, чьи они сыновья и сколькихъ лѣтъ.

Стоявшіе тутъ іудеи дивились, говоря, что отрокъ пяти лѣтъ говорить такія слова, которыхъ не слышали отъ законоучителей, родныхъ и фари́сеевъ. Иисусъ же отвѣтилъ, что они больше удивятся, если скажетъ, когда родились ихъ родители. Іудеи испугались и замолчали. Иисусъ же, играя прибавилъ, что слава его въ немъ же.

Закхей же приступилъ къ Иосифу, прося мягко отдать ему отрока въ обученіе. Иосифъ привелъ его къ Закхею. Просвѣщаль ученика съ

¹⁾ Слав. переводъ этого мѣста не даетъ. Ср. *Сперанскій* op. cit. 103.

алфы, но послѣдній долго молчалъ. Закхей (Дидаскаль) разгнѣвался и ударилъ отрока по головѣ. Ученикъ отвѣтилъ, что учитель творить недостойное, (.) ибо отрокъ можетъ сказать не учась то, что передаетъ Закхей ⁴⁾. И прочиталъ себѣ всю грамоту отъ алфы до конца съ большимъ тщаніемъ. Если же не знаете, сказалъ онъ *алфы*, какъ можете учить *бету*. Разъясните мнѣ алфу, и тогда я уразумѣю отъ васъ бету. Присутствовавшіе при этомъ дивились его учености, а Закхей учитель громко признался, что потерпѣлъ срамоту отъ отрока. По истинѣ, сказалъ онъ, отрокъ этотъ не отъ міра сего, что онъ рожденъ до потопа при Ноѣ, прежде всѣхъ вѣковъ. „Онъ можетъ огнемъ оумычить“, какая мать родила и приняла Его? О, горе мнѣ! я теряю разсудокъ, я побѣжденъ отрокомъ!“

Здѣсь обрывается разсказъ грузинскаго апокрифа, помѣщеннаго въ громадномъ рукописномъ сборникѣ, листы котораго перепутаны. Манускриптъ писанъ на пергаментѣ почеркомъ X—XI вв. Очевидно, продолженіе, согласно съ греческимъ оригиналомъ, должно было заключить изложеніе о душевномъ состояніи Закхея и далѣе приведенныя въ славянскомъ переводѣ чудеса.

Любопытная рукопись in 16° по бумагѣ, писанная алфавитомъ „хуцурн“ безъ начала и конца доставлена мнѣ была кн. Иверико Микаладзе. Она представляетъ сборникъ статей: обращеніе І. Христа къ апостоламъ; лунный календарь; повѣсть о воскресеніи царя Джумджума. Содержаніе послѣдней заключается въ слѣдующемъ. Св. Григорій разъ встрѣтилъ черепъ, изъѣденный червями и наполненный пескомъ. Ему захотѣлось узнать судьбу бывшаго обладателя этого черепа. Явился І. Христосъ св. Григорію и велѣлъ сдѣлать надъ черепомъ крестное знаменіе. По этому знаку черепъ ожилъ и заговорилъ: онъ былъ царь могущественный и богатый, имѣлъ по тысячѣ верблюдовъ, ословъ и ястребовъ. Его имя Джумджумъ изъ Египта (Мисретскій царь). Прислуживали ему разодѣтые слуги, тысячи поваровъ ежедневно готовили ему обѣдъ. По пути шествія ему стлали золотыя ткани. Когда онъ разъ заболѣлъ, то было приглашено 10.000 врачей и дано ему 1.000 лѣкарествъ, но безуспѣшны были ихъ старанія. Спустился злой духъ, имѣющій четыре руки, въ которыхъ онъ держалъ вилки. Духъ воткнулъ царю въ голову вилки съ такой силой, что онъ оглашалъ отъ боли весь міръ, но помощи нигдѣ не могъ найти. Потомъ явился ангелъ съ огненнымъ мечемъ и ждалъ, пока его похоронять. Въ могилѣ остался одинъ, всѣ разошлись. Явились тогда два ангела и спросили его, какъ онъ вѣруетъ въ Бога, по-

⁴⁾ Въ груз. есть соответствующее слав. тексту мѣсто: яко мѣдъ звеняще или яко кругъ мѣдалъ звяца не престану. *Сперанскій*, ор., с. 104.

чему онъ не разбиралъ дѣлъ, не былъ милостивъ къ бѣднымъ и послѣ неслучайнымъ ударомъ по головѣ сбросилъ его въ адъ⁴⁾.

Рукопись эта дефектна и конецъ ея привожу со словъ Платона Тавягидзе, слышавшаго устно эту повѣсть: царь хотѣлъ откупиться и ошастель деньгами, но ангелы платы не приняли.

Письмо, написанное Іосифомъ Аримаеѣйскимъ, ученикомъ Господа нашего І. Христа, и повѣсть о построеніи церкви Пресвятой Богородицы, Царицы Маріи, находящейся въ городѣ Лудіи.

На 19-мъ году царствованія Тиверія, кесаря Римскаго, на 13-мъ году царствованія Ирода, сына Ирода, царя Галилейскаго, при наместничествѣ Пилата Понтійскаго въ Иудеѣ и правленіи Софеса и Баліоносиса, первосвященничествѣ Анны и Каіафы надъ іудеями, написалъ Іосифъ Аримаеѣйскій эту повѣсть о дѣйствительномъ воскресеніи І. Христа. Первый разъ Господь явился ему въ темницу, куда его заключили первосвященники за то, что онъ просилъ у Пилата тѣло Спасителя¹⁾. вмѣстѣ съ Никодимомъ онъ снялъ тѣло І. Христа съ креста, набальзамировавъ, положили въ гробъ подъ камнемъ. Господь же, сокрушивъ врата ада, воскресъ изъ мертвыхъ. Іосифъ не зналъ о воскресеніи Христовомъ. Самъ Спаситель является и привѣтствуетъ его, что силы небесныя прославляютъ его за то дѣяніе, которое онъ совершилъ безъ страха предъ Пилатомъ въ то время, какъ Петръ отрекся отъ Господа своего. Спаситель ободряетъ а затѣмъ отправляетъ его въ сел. Аримаеѣ ждать Его тамъ. При этихъ словахъ началось землетрясеніе, домъ поднялся и Господь съ Іосифомъ вышли вонъ. На Голгофѣ, гдѣ былъ Честный Крестъ, І. Христосъ поручилъ Іосифу идти въ Галилею проповѣдывать невѣрующимъ. Господь сталъ незримъ. Съ радостью и со страхомъ достигъ Іосифъ своей деревни. Всѣ стали прославлять Спасителя. Послѣ этого Господь явился ученикамъ своимъ въ Іерусалимѣ, и Тома увѣровалъ, что Учитель воскресъ.

Разъ, когда Іосифъ сидѣлъ въ своемъ домѣ вмѣстѣ, *Селескіемъ* Никаноромъ, Абибосомъ, сыномъ *Гамалейскаго*, Никодимомъ, Баладіосомъ и Ереосисомъ, которые его утѣшали въ горѣ, причиненномъ первосвященниками, показался свѣтъ, узрѣли Господа, который ска-

¹⁾ См. *Сперанскій*. Слав. апокриф. еванг. Воспоминаніе страсти Господа Бога Спаса Нашего Іисуса Христа, стр. 109: слышавше же жидове яко проси тѣла Іисусова и Іосифъ, искаху его... и Никодима.

залъ: да будетъ миръ межъ вами! Всѣ пали ницъ отъ страха. Господь поднялъ Іосифа, ободряя, велѣлъ имъ просить у Отца Небеснаго Духа Св., при посредствѣ котораго они могутъ быть всегда со Спасителемъ. Никодимъ просилъ сообщенія Духа Св., ибо кто не крестится водою и духомъ, не войдетъ въ Царство Небесное. Господь исполнилъ просьбу ихъ. Господь велѣлъ Іосифу идти въ гор. *Луди* (Лидіи?) для проповѣди Евангелія. Іосифъ отвѣтилъ, что тамъ жестокіе фарисеи и ихъ глава Тарсіецъ Савле (Савва?) ищутъ смерти Его учениковъ. Господь увѣрилъ его, что Тарсіецъ сдѣлается его ревностнымъ послѣдователемъ. Въ Луди прибылъ къ Іосифу и Филиппъ, какъ сказалъ ему Господь въ Аримафѣѣ. Филиппъ скоро отправился въ гор. Кесарію, а бывшіе въ Луди недоумѣвали, кто и гдѣ построить храмъ. Отправили Селевка къ Петру въ Іерусалимъ. Петръ засталъ въ Луди большое собраніе вѣрующихъ. Они стали молиться, прося Господа указать мѣсто для церкви. Послышался голосъ, называющій Бетелеосъ святымъ мѣстомъ. Никодимъ возблагодарилъ Господа за указаніе его жилища для пребыванія храма І. Христа. Никодимъ предложилъ расширить его домъ и приспособить его для приношенія молитвъ. Петръ и другіе съ нимъ вооружились топорами, сняли домъ Никодима и стали строить храмъ Божій — первую церковь Христову. Петръ возвратился въ Іерусалимъ, а надзоръ за храмомъ поручили Іосифу.

Въ это время Савле добился отъ первосвященника указа предать заключенію всѣхъ увѣровавшихъ въ Воскресшаго изъ мертвыхъ. Когда Савле приближался въ Дамаску, показался свѣтъ и послышался голосъ: Савле, Савле, за что ты преслѣдуешь меня? — Кто Ты, Господи? — Я І. Христосъ. Иди въ Дамаскъ, и тамъ я велю тебѣ, что подобаетъ дѣлать. — Савле принялъ крещеніе отъ Ананіи, Петръ же справлялся о состояніи храма. Послѣдній уже творилъ чудесныя исцѣленія. Былъ въ Луди мужъ Эніа, который 8 лѣтъ лежалъ въ тяжелой болѣзни. Домъ его былъ смежнымъ съ жилищемъ Никодима. Слышалъ онъ о чудесахъ, сотворенныхъ Петромъ. Больной просилъ привести къ Симону—Петру. По просьбѣ Эніа, Петръ возложилъ руку на него и призвалъ во имя Господа исцѣленіе. Въ благодарность Эніа пожертвовалъ свое достояніе на построеніе храма. Прибылъ въ Луди Павелъ, оставшись тутъ недолго, отправился въ Антіохію, а храмъ съ Божьей помощью былъ достроенъ, да будутъ славимы Отецъ и Сынъ и Св. Духъ во вѣки вѣковъ. Аминь ¹⁾.

¹⁾ Апокрифъ этотъ списанъ нами изъ Сборника XI—XII вв., хранящагося въ Тифлис. церковномъ музеѣ. Параллели къ этому апокрифу въ греческой или

Постановленіе Пилата о преданіи Спасителя смерти ¹⁾.

Въ 1550 году въ дни Константинопольскаго патріарха Іереміи было объявлено это распоряженіе Понтійскаго Пилата относительно Спасителя нашего Іисуса Христа, которое нашли въ городѣ Акиліа (?), положеннымъ въ скалу въ прекрасномъ желѣзномъ ковчегѣ, который въ свою очередь находился въ мраморной шкатулкѣ, а въ этой послѣдней—запечатанное постановленіе (Пилата), писанное на пергаментѣ на еврейскомъ языкѣ съ переводомъ на греческій языкъ. Въ немъ было писано: На 17-мъ году царствованія римскаго монарха непобѣдимаго кесаря Тива (Тиверія ?) въ индиктіанъ 12, а возвращеніе солнца 8, съ сотворенія по нашему и еврейскому счисленію въ 4174 г., со времени водворенія римскаго владычества въ 73 г., съ освобожденія израильтянъ изъ вавилонскаго плѣна—(пропускъ въ текстѣ) и паденія божественнаго царствованія—(пропускъ) въ годъ ипатства надъ римскимъ народомъ Лукіоса Пизіона Паркуса и Павлинова и перваго ипатства Илирикоса Валеріоса Палостерака, въ правленіе іудеями Квинта и Фловіоса и твердое правленіе городомъ Іерусалимомъ Пилата, при инспекторѣ надъ нижней Галилеей Ирода Антипатроса, при первосвященникѣ Аннѣ Каіафѣ Агнатосѣ и Маялосѣ, при жрецахъ главнаго храма Рабѣ Амамбелѣ и Іоктоносѣ, при сотникѣ римскаго города Іерусалима Корниліи Сумбагѣ Севастѣ Помпили и Руфосѣ, марта мѣсяца 25 дня... Я Понтійскій Пилатъ, правитель (отъ имени) римскаго царя судилъ и постановилъ въ преторіумѣ смертную казнь Іисусу, именующемуся народомъ Христомъ Назарезяниномъ, рожденному отъ галлилейскихъ родителей, человѣку, возбуждающему бунтъ, противнику Моисеева закона и великаго кесаря Тиверія. Посему приказали и постановили предать его смертной казни распятіемъ на крестѣ, какъ принято о злодѣяхъ, ибо Онъ собралъ множество людей богатыхъ и бѣдныхъ и не переставалъ вносить волненіе во всю Іудею, объявляетъ себя Сыномъ Бога и Господомъ Израіля и угрожаетъ Іерусалиму разореніемъ и разрушеніемъ божественнаго храма, отрицаетъ страхъ предъ кесаремъ и дерзаетъ вступать въ городъ Іерусалимъ съ вербами и съ большимъ торжествомъ при участіи народа, какъ нѣкій царь. Отно-

славянскою литературѣ не удалось найти, но любопытно, что построение первой церкви ставится въ связь съ именемъ Іосифа Аримаѣйскаго. Начало же апокрифа отчасти примыкаетъ къ известнымъ памятникамъ о Страстяхъ Господнихъ.

¹⁾ Въ видѣ дополненія къ предыдущему и приводимъ этотъ апокрифъ изъ сборника поздняго времени XVII—XVIII вв.

нительно его мы велѣли нашему первому сотнику, Квинту Корнелію, чтобы онъ публично повелъ его мучительно связаннымъ по городу Іерусалиму, одѣтымъ въ порфиру, увѣнчаннымъ терновымъ вѣнкомъ, съ крестомъ на плечахъ, дабы показать его всѣмъ злодѣямъ. Мы угодно вмѣстѣ съ нимъ разбойниковъ-убійцъ ввести чрезъ триумфальныя врата и открыто направить Христа на ту гору Калкарійскую и предать смерти на крестѣ и написать титулъ его на трехъ языкахъ: греческомъ, латинскомъ (римскомъ) и еврейскомъ; по-гречески такъ: Іисусъ Назареусъ, василевсъ іудонъ, по-латыни такъ: Іисусъ Назареусъ, рексъ іудорумъ, а по-еврейски такъ: Іеса Нанозри, Мелехъ Іелундимъ. Мы приказали, чтобы никто не осмѣлился оказать какослико сопротивленіе противъ нашего приговора, ибо онъ постановленъ на основаніи точныхъ римскихъ законовъ, предписанныхъ евреямъ касательно наказанія за бунтъ (волненіе). Свидѣтелями этого нашего приговора являются изъ ипатовъ и дикастовъ еврейскихъ: Рабинъ Банерсолъ и Мандапъ, со стороны фарисеевъ—Барбанъ, Симеонъ и Бональ; со стороны римскаго царя—Лукіосъ Сестиліосъ и Майемилосъ, со стороны судей израильскихъ—Радамъ Даніель Рабиналь, Іуаонъ Биниванъ, Радомъ Іудаветъ и Пириуламъ и со стороны первосвященниковъ—Рабманъ Іуда и Бонвасолеле.

„Понтійскій Пилать“.

Подпись сдѣлана церковными буквами (хуцури), а все постановленіе писано гражданскими буквами. Заимствовано оно нами изъ собранія кп. Грузинскаго, хранящагося нынѣ въ СПб. Публичной библиотекѣ подъ № 84. Рукопись, подъ заглавіемъ „Политическій театр“ въ кожаномъ переплетѣ, писана in folio на синей бумагѣ черными чернилами (253 стр.). Послѣднія три страницы занимаетъ приведенное постановленіе.

Ф и з і о л о г ъ .

Существованіе „Физиолога“ на грузинскомъ языкѣ до настоящаго времени не было извѣстно въ литературѣ. Только лѣтомъ текущаго года мы удалось открыть этотъ памятникъ въ рукописномъ, такъ-называемомъ, Шатбердскомъ сборникѣ. Переписанъ онъ большею частью инокомъ Іоанномъ въ началѣ X в. въ Шатбердскомъ монастырѣ. Содержаніе сборника крайне разнообразно: открывается онъ словомъ епископа Григорія Нисскаго о сотвореніи человѣка, вторая глава посвящена слову Ешифанія Кипрсакаго о камняхъ, а третье заключаетъ

Слово о звѣрехъ, сказанное Василиемъ, епископомъ Кесарійскимъ. Всѣхъ главъ въ Сборникѣ восемь, изъ которыхъ VI „Обращеніе Грузія“ издана уже въ Тифлисѣ и изложено мною въ работѣ „Источники по введенію христіанства въ Грузія“. [См. выше, стр. 36 и сл.] IV глава представляетъ хронографъ, именно свѣдѣнія изъ ветхозавѣтной исторіи Персіи, Египта, Рима и Византіи съ присоединеніемъ объясненій о происхожденіи еврейскихъ и греческихъ языковъ. V глава заключаетъ различныя толкованія Ипполита, VI Обращеніе Грузія, VII Жизнь и дѣяніе епископа Насибсваго и VIII переводъ псалмовъ Давида ¹⁾).

Остановимся на „Физиологѣ“. Матеріалъ расположенъ въ слѣдующемъ порядкѣ. 1) „Мсуне“, ащерица, σαύρα; 2) левъ, леми, λέων; автолопосъ λυθίως, ανθόλοψ; 4) „квани дедалмамални“, камни огнегнущіе λίθοι πυροβόλοι; 5) кить, пріών (κίτρος); 6) каландросъ χαλαδριός; 7) „вархви“, неясны (πελεκονός); 8) „буи“, ночной воронъ νυκτοκορχί; 9) „орби“ орелъ αετος; 10) феникси, φαινίξ; 11) опіопи удождь (έτροψ); 12) „каджари“, онагръ ὄναγρος; 13) „аспити“, эхидна ἐχιδνας; 14) „гвели“, змѣя οφίς. 15) „тчинтчвели“ муравей μύρμηξ; 16) морскія дѣвы и дэви, σερήνες καὶ ὑποκένταυροι, сирены и онокентавры; 17) „гзгарби“, ελίνος ежъ; 18) „мели“ ἀλώπηξ лиса; 19) пантера πάνθηρ; 20) „куи“ черепаха ασπίδοχελόνη; 21) „какаби“, пѣрдиξ куро-патка; 22) „орби“, γυψ гипсъ; 23) „ломчинчвели“, μυρμηκολέων мраволевъ; 24) γαλή ласка; 25) „марторва“, μονοκέριωс единорогъ; 26) καστροριον бобръ; 27) θαινα гiena; 28) крокодилъ; 29) ихневмонъ; 30) δένδρον περίδεξιον; 31) κωρώνη воронъ; 32) „гврити“, τρυγών горлица; 33) „мерцхали“, χελιδών ласточка; 34) „ирема“, έλαφος олень.

Изъ этого инвентаря видно, что грузинскій Физиологъ заключаетъ въ себѣ 34 главы. Быть можетъ, нѣкоторыя главы отсутствуютъ въ моемъ перечисленіи потому только, что въ самой рукописи выцѣвли въ иныхъ мѣстахъ цѣлыя страницы и стали неудобочитаемы. Такъ въ главѣ VIII недостаетъ 35 строкъ, въ главѣ XIX 30 строкъ, есть главы, въ которыхъ не прочитаны по нѣскольку строкъ. Языкъ перевода архаичный; и по конструкціи, и лексическому составу онъ значительно отличается отъ современнаго языка и даже языка священнаго писанія, сохранившаго особенности древняго строенія.

При перечисленіи главъ легко можно было замѣтить, что нѣко-

¹⁾ Текстъ „Физиолога“ обязательно списалъ для меня М. Г. Джанашивили, которому приношу искреннюю признательность. Имъ же изданъ изъ Шатбердоваго Сборника „Медицинскій трактатъ и учебныя книги“ (Тифлисъ, 1891).

торыя изъ животныхъ оставлены безъ перевода и сохранили слѣды, возводящія грузинскій Физиологъ къ греческому оригиналу.

Заглавіе самого памятника носить признаки безъзального перевода съ греческаго языка: *φυσίολογος*. Оглавленіа нѣтъ. Начинается прямо: „естъ [ящерица], которая называется ящерица солнечная, какъ сказалъ Физиологъ, когда [она] старѣеть, слабѣеть [зрѣніе] обонихъ глазъ и слѣпнеть и не можетъ видѣть свѣта солнечнаго, то прибѣгаетъ къ какой-нибудь хитрости (=злоумышляетъ), чѣмъ бы сдѣлать себя красивой: приходитъ исвать стѣны, которая возвышается на востокъ и входитъ въ разсѣлину стѣны, которая смотритъ на востокъ и при восходѣ солнца открываются ей глаза и молодѣеть.

Такъ и ты человекъ, если ты ветхое [созданіе] имѣешь одѣяніемъ, смотри, чтобы глаза сердца твоего не ослѣпли, и *если ослѣпнутъ*, ницъ мѣсто разума восходящаго надъ тобою новаго Спасителя нашего І. Хр., который именуется пророкомъ солнцемъ восходящимъ. Лучъ (=глазъ) того солнца—справедливость откроетъ тебѣ оба глаза и вмѣсто ветхаго содѣется тебѣ новымъ зрѣніемъ. Итакъ, хорошо сказалъ Физиологъ о природѣ каждаго рода.—Поэтому переводу можно судить насколько близко подходит грузинскій Физиологъ къ той его редакціи Моск. синод. библ., которая издана г. Карнѣевымъ ¹⁾. Одно мѣсто является лишнимъ въ грузинскомъ переводѣ сравнительно съ греческимъ текстомъ (отмѣчено курсивомъ).

Гл. II. „Начнемъ о львѣ, который есть царь надъ всѣми звѣрами и животными. Когда Іаковъ благословлялъ Іуду, сказалъ: дѣтенышъ льва, отпрыскомъ изощедшій, сынъ мой!“ и прочее. Огличіе отъ греческой редакціи заключается въ томъ, что по грузинскому тексту слова эти произнесены были Іоаковомъ при благословеніи Іуды, а по-гречески при благословеніи Іосифа. Далѣе сообщается о трехъ видахъ льва. Грузинскій текстъ совпадаетъ съ греческимъ.

Гл. III. Автолопъ. По-гречески звѣрь этотъ именуется *λυθίοψ* и только у Псевдо-Евстаѳіа *ἄνθρολοψ*. „Есть звѣрь, который называется автолопосъ. Такъ свирѣпъ и лютъ этотъ звѣрь, что для охотниковъ онъ неприступенъ; онъ имѣетъ длинные рога на подобіе пилы, такъ что высокія и большія деревья ими пилить. Когда жаждетъ, идетъ къ рѣкѣ Фисону и пьетъ воду.—Какъ въ приведенномъ отрывкѣ, такъ въ остальномъ грузинскій текстъ совпадаетъ съ греческимъ, только вмѣсто Фисона по-гречески читается Евфратъ ²⁾).

¹⁾ Слав. Физиологъ значительно отстаетъ, см. *Карнѣевъ*. Физиологъ. 1890. Спб., стр. 177. Ср. греч. *περίσσωρας ἡλιακῆς*...

²⁾ Въ слав. Физиологѣ звѣря автолопа нѣтъ.

Гл. IV. Камни огнедышущіе по-гречески открываются словами: οἶνον καὶ γυναῖκας ἀποστρέφεται ἀνὴρ σοφός, а эти слова въ грузинскомъ переводѣ отнесены въ предыдущей главѣ: „найдеъ тебѣ злой охотникъ—дьяволъ, если ты склоняешься въ вину или женщинѣ, о мудрый человекъ!“ За этимъ нравоученіемъ непосредственно начинается: „есть камни полевые, мужскіе и женскіе: пока другъ отъ друга удалены, то нигдѣ не воспламеняется огонь, но если соприкасаются мужскій съ женскимъ, то вспыхиваетъ огонь и выжигаетъ большое пространство. Стойкіе Самсонъ и Иосифъ, мужи справедливые были введены въ испытаніе изъ-за женщины. Итакъ хорошо сказалъ Физиологъ для разумныхъ, чтобы спастись“. Въ грузинскомъ нѣтъ фразы ὁ γενναϊότητε πολιτεύτα, ἀγγελοὶ εἰσιν ἐν ταρτάρῳ καὶ ζῶφω ἐνεχεν γυναικὸς.

Гл. V. „Есть въ мірѣ животное, называемый ежъ. Крылья у него длинныя, когда замѣтятъ лодки, дѣлаются имъ подобными и поднимаютъ крылья свои подобно лодкамъ и преслѣдуютъ лодки на разстояніи 40 поприщъ и утомившись, подобравъ крылья волнами уносятся въ то мѣсто, гдѣ они впервые были. Море есть образъ міра, а лодки—свв. пророковъ, которые подобно лодкамъ встрѣчаютъ въ мірѣ силу животную...“ Ἔστι ζῶον ἐν τῇ θαλάσσῃ, πρίων λεγόμενον, πτέρυγας ἔχον μακράς καὶ ἐν ἰδίῃ ἐρχόμενα πλοῖα ἀρμενίζοντα μιμείται αὐτὰ καὶ ὑψοὶ τὰς πτέρυγας αὐτοῦ καὶ ἀρμενίζει ἐρίζον τοῖς πλοῖοις... Соппаденіе здѣсь грузинскаго съ греческимъ текстомъ очевидно ¹⁾.

Гл. VI въ грузинскомъ „Физиологъ“ сохранила названіе птицы безъ перевода съ греческимъ окончаніемъ. „Есть птица, называемая χαλάνδριος, которая во второй книгѣ Закона Моисея упоминается“. Въ греческомъ не находимъ имени Моисея; тамъ прямо читается: ἐν τῷ δευτερονομίῳ (γέγραπται). Въ славянскомъ переводѣ также не называется Моисей. „Физиологъ сказалъ: она вся бѣла и нѣтъ на ней черноты и внутренности ея лѣчатъ слабость и слѣпоту очей ²⁾... Халадрось сравнивается по ослѣпительному блеску съ I. Христомъ, не имѣющимъ въ себѣ никакой черноты.

²⁾ Ἔστι ζῶον, λεγόμενον λυθίωψ. δρομύτατον ζῶον σφῶδρα, ὥστε κυνηγὸν μὴ δυνασθαὶ αὐτῷ ἐγγίσειν, ἔχει δὲ μακρὰ κέρατα, πρίονος μορφήν ὥστε πρίδειν αὐτὸ τὰ μεγάλα δένδρα καὶ μετέωρα. ὅταν δὲ δίψῃ, ἔρχεται πρὸς τὸν φοβερόν Εὐφράτην ποταμὸν καὶ πίει.

¹⁾ Въ славян. нѣтъ этого животного.

²⁾ По-гречески о лѣченіи слабости зрѣнія не говорится, а только объ исцѣленіи слѣпыхъ глазъ: τα ἔνδον αὐτοῦ ἀφοδεύματα θεραπεύει ταὺς ἀμβλωσπόντας ὀφθαλμούς. Ср. слав. и внутренняя его слѣпымъ очи цѣлать. *Картевъ*, стр. 179.

Гл. VII. Неясить, или пеликанъ, *varxu*. „Хорошо сказалъ Давидъ: уподобился пеликану пустынному и совѣ на развалинахъ. ἐγένεμην ὡσεὶ πελεκάνος ἐρημικός, καὶ ὡσεὶ νυκτὶ χόραξ ἐν οἰκοπέδῳ. Въ славянск. Физиологѣ: „о неясити добръ Давидъ глаголетъ: уподобился неясити пустыньнѣи, т.-е. не называется сова, *nyktychorax*. Совпаденіе греческаго съ грузинскимъ текстомъ полное.

Гл. VIII. *nyktychorax* (*буи*, ночной воронъ). „О ночномъ воронѣ (совѣ) Ф. сказалъ: она любительница болѣе ночи, чѣмъ дня, и Господь нашъ І. Христосъ возлюбилъ насъ, сидящихъ во тьмѣ и сущихъ въ сѣни смертной, Ἄλλὰ περὶ νυκτιχόραχος φαίνεται εἶναι τὸ πετεινὸν ἀγαπῶν τὴν νύκτα ὑπὲρ τὴν ἡμέραν οὕτως ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἠγάπησεν ἡμᾶς, τοὺς ἐν σκότει καὶ σκιᾷ θανάτου καθημένους¹⁾.

Гл. IX. *Орби*. „Затѣмъ сказалъ Давидъ объ орлѣ: даобновится, какъ орла юность твоя: Ἄλλ' ὁ Δαβὶδ ἐλέγχετο· „ἀνακαινισθήσεται ὡς ἀετοῦ ἡ νεότης σου“. Физиологъ сказалъ объ орлѣ: когда состарится и отяжелѣютъ крылья его, слѣпнетъ очами, ищетъ (онъ) источника воды и взлетитъ на воздухъ по направленію порывистаго вѣтра [къ источнику] и зажигаетъ глазъ и крылья и спускается къ источнику и омоетъ трижды и обновляется. И ты если имѣешь одѣяніе (ризу) ветхаго человѣка и ослѣпнуть²⁾ очи, свими³⁾ ветхое то одѣяніе съ его дѣломъ и облекись въ новое“.

Сравнивая съ греческимъ [и славянскимъ] текстомъ мы находимъ небольшія отступленія: отъ него въ грузинскомъ переводѣ: *καὶ ἀνίπταται εἰς τὸν ἀέρα τοῦ ἡλίου* („взлетитъ на воздухъ солнечный“), грузинскій Физиологъ предлагаетъ: взлетитъ на воздухъ по направленію порывистаго вѣтра... Славянскій переводъ сравнительно съ греческимъ и грузинскимъ Физиологомъ присоединяетъ лишній эпитетъ „чисты“ къ слову „взыщеть“: источника воды *чисты*.

Гл. X. *Феникси*. „Господь нашъ І. Христосъ сказалъ: я могу положить свое тѣло и [имѣю возможность, право] могу снова взять его. Иудеи негодовали на это слово“. Въмѣсто тѣло греческій и славянскій физиологи даютъ: *ψυχὴν*, душу, при этомъ славянскій значительно отступаетъ отъ греческаго и грузинскаго текста: [Ὁ Κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἐλέγχετο, ср. о фениксѣ, рече Господь въ святѣмъ еѳалии...].

¹⁾ Ср. слав.: О пощнѣмъ вранѣ рече псаломникъ быхъ яко пощный вранъ на нарыщи Физиологъ рече птица си любить ночь паче дне..

²⁾ Ср. слав. „О орлѣ Давидъ глаголетъ обновится яко орла оуность твоя“.

³⁾ Пропускъ двухъ строкъ въ текстѣ.

„Есть какая-то птица въ Индіи, фениксъ. На пятисотомъ году приходитъ къ древамъ ли(в)банскимъ и наполнить крылья свои ароматомъ (ладаномъ) и приходитъ въ Арегъ городъ (?) въ мартъ мѣсяцъ (миррари) или въ маѣ („мѣсяцъ розъ“) и даетъ знать жрецу того алтаря, а жрецъ, извѣщенный, входитъ въ святилище и наполнить жертвенникъ хворостомъ или дровами, и войдетъ птица въ градъ, полная ароматомъ и взлѣзетъ на алтарь, и огонь тотъ воспламенится, и она сама себя сжигаетъ. Утромъ входитъ жрецъ и ищетъ ее на алтарѣ и находятъ червь въ золѣ. На второй день онъ окрыляется и дѣлается птенцомъ, какъ впервые простившись съ жрецомъ, взлетаетъ и уходитъ въ прежнее мѣсто.—Если птица можетъ себя нашего“... Итакъ, сравненіе показываетъ, что до конца совпадаетъ грузинскій текстъ съ греческимъ текстомъ Московскою Синодальною бібліотеки.

Ἔστιν πετεινὸν ἐν τῇ Ἰνδικῇ φοῖνιξ λεγόμενον. Καὶ κατὰ πενταχόσια ἔτη ἔρχεται εἰς τὰ ξύλα τοῦ λιβάνου καὶ γομοῖ τὰς δύο πτέρυγασαυτοῦ ἀρομάτων... εἰ οὖν τὸ πετεινὸν ἐξουσιῶν (ἔχει) ἑαυτὸ ἀποκτεῖναι καὶ ζωογονῆσαι πῶς οἱ ἀνόητοι ἄνθρωποι ἀγανακτοῦσιν τοῦ Κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ εἰπόντος: ἐξουσίαν ἔχω θεῖναι μου τὴν ψυχὴν καὶ ἐξουσίαν ἔχω. πάλιν λαβεῖν αὐτήν.

Гл. XI. *Օղոնի*, ἔποϛ, выпь. „Говоритъ книга: кто злословитъ отца или мать смертью умретъ“. Это мѣсто пропущено въ армянскомъ Физіологѣ; далѣе согласно съ греческимъ Физіологомъ передается, что птенцы, замѣтивъ состарѣвшихся и ослѣпшихъ родителей, общипаютъ перья, лижутъ ихъ глаза и возражаютъ ихъ, говоря, что они воздаютъ родителямъ должное за понесенный ими трудъ по воспитанію дѣтей.

Гл. XII. Канджари, *ὄναγρος*, онагръ. „Говъ сказалъ: „Кто оставилъ канджари свободнымъ“ и пр. Ἡ δὲ νέα ἐγκρατεῖαν пропущенное въ армянскомъ, имѣется въ грузинскомъ переводѣ.

Гл. XIII. Аспити, *ἐχιδνῆ*, эхидна. Глава эта выцвѣла въ грузинскомъ текстѣ и возстановить ее намъ не удалось.

Гл. XIV. Гвели, *ἄφεις*, змѣя. „Господь нашъ І. Христосъ сказалъ въ Евангеліи: будьте мудры какъ зми и невинны какъ голуби. Физіологъ сказалъ: есть три вида змѣи... Слѣдуетъ воспроизведеніе греческаго текста. Конецъ: Отецъ нашъ Адамъ пока былъ нагъ въ раю, не дерзнулъ въ нему приступить злой духъ ¹⁾).

¹⁾ Ἡνίκα ὁ πατὴρ ἡμῶν (Ἄδαμ) ἦν γυμνὸς ἐν τῇ παραδείσῳ, οὐκ ἴσχυσεν πηδῆσαι ὁ διάβολος εἰς αὐτόν.

Гл. XV. *Тчинтцвели, μυρμηξ*, муравей: „Соломонъ говоритъ въ притчахъ: смотри на муравья и подражай, о лѣнливый!“ Физиологъ сказалъ о муравьѣ, что есть муравьи трехъ видовъ²⁾.

Въ толкованіи свойствъ муравья грузинскій текстъ совпадаетъ съ греческимъ Синодальной библіотеки, въ то время какъ свойство, изложенное здѣсь на второмъ мѣстѣ, поставлено на третьемъ мѣстѣ въ эіопскомъ, армянскомъ, латинскомъ и нѣкоторыхъ греческихъ физиологахъ. Конецъ грузинскаго перевода даетъ тождественное чтеніе съ греческимъ Физиологомъ, гласящимъ: φεύγετε ἀπὸ Χαλδαίων τῶν καὶ τὰς ψυχὰς καὶ ἀπὸ πάντων ἑτεροδύξων.

Гл. XVI. Сирены и кентавры. *Σειρήνες καὶ ἵπποχένταυροι*. Исаія пророкъ сказалъ: Тамъ морскія жены и дэви будутъ плясать и ежи утвердились; греческій даетъ небольшое разночтеніе: Ἀλλὰ Ἡσαίος ὁ προφήτης λέγει: ὅτι δειρήνες καὶ δαιμότια καὶ ἐχῖνοι ὀρχήσονται ἐκαῖ. Любопытно, что *δαίμονας* переводятся черезъ дэви, понятіе усвоенное черезъ персовъ и до сихъ поръ извѣстное въ народныхъ воззрѣніяхъ. Физиологъ сказалъ о морскихъ женахъ, что онѣ суть причинающія смерть челоуѣку на морѣ (*θανατηφόρους*). Конецъ грузинскій Физиологъ имѣетъ параллель въ греч. текстѣ: Павелъ сказалъ, и прочее (т.-е. портятъ умы злыми словами—*ἐθειρουσι γὰρ ἡθ-η χρηστὰ ὀμιλίαι κακαί*].

Гл. XVII. *Грзарби, ἐχῶς*, ежъ. Грузинскій текстъ согласенъ съ греческимъ Физиологомъ, но конецъ перваго обрывается на словахъ, соответствующихъ греческимъ: καὶ εἰς ζωὴν αἰώνιον ἐχωρήσα. Нашъ памятникъ даетъ 12 конечныхъ строкъ въ неудобочитаемомъ видѣ.

Гл. XVIII. *Мели, περὶ τῆς ἀλώπεκος*, о лисицѣ. *Ἀλώπηξ*, лисица. „Сказалъ Физиологъ: она очень хитрое и коварное животное. (Ἄλλιον εἶναι παντελῶς τὸ ζῶον). Совпадая съ греческимъ текстомъ, эта глава грузинскаго текста сохранилась до того мѣста, которое начинается словами: οὕτως ἐστὶν καὶ ὁ διάβολος...

Гл. XIX.—*Асази, Πάνθηρ*, пантера также не вполне можетъ быть восстановлена [не хватаетъ 30 строкъ]; сохранилось только „пантера спокойное и вроткое животное. Когда ѣсть и насытится, то лежитъ на своемъ мѣстѣ и на третій день встанетъ со сна“. (Ср. ὁ πάνθηρ οὖν ζῶον ἐστὶν ἡσύχιον καὶ πρᾶον πάνυ]

Гл. XX—*Ἀσπιδοχελώνη, куи*, черепаха съ пропускомъ со словъ ап. Павла начинается: Физиологъ сказалъ: есть животное въ морѣ, которое именуется черепахой („валанакра“, ср. *ἀσπιδοχελώνη*) и кончается на томъ мѣстѣ, которое по-гречески читается: τοὺς μικροῦς ἐχθράς νοήσον...

²⁾ Σολομών εἶπεν ἐν ταῖς παροιμίαις κ пр.

Гл. XXI. Какаби, куропатка, *πέρδιξ*, начинается: „Физиологъ сказалъ о куропаткѣ, что она садится на чужія яйца (ср. *ἔτι ἀλλότρια ὠὰ θάλπει*)... и кончается словами, соответствующими въ греческомъ текстѣ: *οὕτως καὶ ὁ διάβολος ἀρπάζει τὸ γένος τῶν νηπίων ταῖς φρεσίν*, т.-е. глава эта сохранила слова Иеремія и обрывается на толкованіи символическаго смысла этой птицы.

Гл. XXII. „Орби“ *γύψ*. Текстъ дефектенъ: начинается—„Физиологъ сказалъ о коршунѣ, что онъ покоится на высокихъ и трудныхъ скалахъ“. Совпадая во всемъ съ греческимъ текстомъ, грузинскій Физиологъ обрывается на словахъ: такъ и ты (*καὶ σὺ, ὦ ἀνθρώπε*)...

Порядокъ главъ въ грузинской редакціи до XXII включительно слѣдовалъ инвентарю греческаго Физиолога, съ XXIII же главы это совпаденіе въ порядкѣ расположенія матеріала нарушается.

Гл. XXIII грузинскаго физиолога посвящена *ломчинчвали*, мравольву (*Μυρμηχολέων*), который занимаетъ 33-е мѣсто въ греческомъ Физиологѣ Синод. библіотеки. Это сказаніе изложено въ двадцатой главѣ въ спискахъ первой группы по Карнѣву, т.-е. въ эіопскомъ, латинскомъ, славянскомъ и др.; въ спискахъ второй группы въ XXII главѣ (въ армянскомъ, сирійскомъ). Въ XXIII гл. это сказаніе дается только грузинской редакціей. Начинается: „Елифасъ Ѡеманскій сказалъ: мравелевъ погибъ, потому что не нашелъ пищи: *Ἄλλ' ὁ Ἐλιφᾶξ ὁ Ἰεμανίτης ἔλελεν· μυρμηχολέων ὄλετο παρὰ τὸ μὴ ἔχειν βορᾶν*. Въ славянскомъ пропускъ: о мравельвѣ Елифисъ Ѡемоуньскій царь рече ¹⁾. Совпадая съ греческимъ текстомъ, глава эта неясно сохранила двѣ послѣднія строки и оканчивается на словахъ: *οὐδὲ δισσὰ λέγειν ἐν τῇ προσευχῇ*...

Гл. XXVI грузинской редакціи заключаетъ сказаніе о ласкѣ *γαλῆ*, но сохранилась крайне въ неудобочитаемомъ видѣ. Въ греческомъ Физиологѣ изъ Синодальной библіотеки это сказаніе изложено въ XXXIV гл.

Гл. XXV. Объ единорогѣ, *μονοκέρας μαρτορκα* начинается: Физиологъ сказалъ объ единорогѣ, [что] имѣеть такое сложеніе²⁾ и видъ: онъ малъи похожъ на козленка и очень пылкое животное. (*δριμύτητον δὲ „σφόδρα“*)³⁾. Это сказаніе приводится въ греческомъ Физиологѣ Синодальной библіотеки въ 35 гл. въ спискахъ первой группы по Карнѣву въ 22 гл., въ армянскомъ въ 25 гл., въ архетипѣ сирійскомъ въ 23 гл.,

¹⁾ См. *Карнѣвъ*, оп. с., 285.

²⁾ Въ греческомъ текстѣ нѣтъ слова, соответствующаго въ грузинской редакціи „сложенію“.

³⁾ Въ славянскомъ совершенно наоборотъ: „критою же зѣло“.

вообще въ спискахъ второй группы послѣдовательность главъ, начинаемая съ разсматриваемой, перебила. Въ грузинскомъ Физиологѣ сказаніе остававливается на словахъ, соответствующихъ въ греческой редакціи: ἐξήγερεν γὰρ ἡμῖν κέρασ σωτηρίας ἐν ὄνῳ Δαυὶδ τοῦ παιδὸς (по груз. „раба“) αὐτοῦ. Этой главой кончается греческій списокъ Синодальной библіотеки.

Гл. XXVI. *χαστόρων*, бобръ. Этому сказанію въ греческомъ Физиологѣ Синодальной библіотеки соответствуетъ 23 глава. „Есть животное кастурьось очень кроткое и молчаливое. Внутренности его служатъ цѣлебнымъ лѣкарствомъ; ἔστι ζῷον, λεγόμενον χαστόρων ἢ πιον πάνυ καὶ ἡσύχιον. Любопытно, что „саурвелни“ (внутренности) грузинскимъ Физиологомъ передается словомъ, буквальный смыслъ котораго значить требующій попеченія, т.-е. соответствуетъ основному значенію τὰ ἀναγκαῖα. Это сказаніе сохранилось съ пропускомъ нѣсколькихъ словъ предъ концомъ.

Гл. XXVII. *Ανταρι ὑαίνη*, гіена. Это сказаніе въ славянскомъ Физиологѣ утрачено, въ греч. списокѣ Синодальной библіотеки оно приводится въ 24 гл. „Въ законѣ написано: не ѣшь гіены и ей подобныхъ μὴ φάγηδὲ τὸ ὁμοίον (αὐτῇ) Грузинскій Физиологъ это сказаніе сохранилъ до того мѣста, которое передаетъ, что гіена нечистое животное.

Гл. XXVIII *κορκοδιλι*, крокодилъ. Въ греческомъ Физиологѣ Синодальной библіотеки эта глава не сохранилась, а греческіе списки Λ и Δ по Карнѣеву излагаютъ эту главу тождественно; только одинъ армянскій начинаетъ ее цитатой: „не должно ѣсть выдры и ей подобныхъ“. Грузинскій Физиологъ же согласно съ славянскимъ приводитъ сказаніе о крокодилѣ безъ этой цитаты, причемъ нашъ текстъ начинается: „Есть другое животное *въ рѣкѣ Нилѣ*, подобное выдрѣ, и оно врагъ свирѣпому крокодилу ¹⁾, оно съ виду похоже на ящерицу, другіе говорятъ, что оно подобно морскому крокодилу. Когда спитъ крокодилъ, то выдры уста“... Здѣсь обрывается грузинскій Физиологъ, значительно отступающій отъ славянской редакціи.

Гл. XXIX. „Есть животное, называемое ихневмонъ, который переводится „виктол“(?)... За пропускомъ нѣсколькихъ словъ продолжается: приходитъ, обмазывается глиною („каломъ“ въ славян. физ.), нападаетъ на дракона („змія“ слав. физ.) и хвостомъ прикрываетъ хоботъ. Такъ и Спаситель нашъ І. Христосъ“... Глава эта сохранилась неудовлетворительно, однако нельзя не замѣтить отличія грузинскаго текста отъ славянскаго по приведенному отрывку.

¹⁾ „Есть животъ, глаголемый ноудръ образъ виѣи песни, врагъ же есть кокордиловъ“.

Гл. XXX περιδέξιον. Это сказаніе приводится въ греческомъ Физиологѣ Синодальной библіотеки въ XXXIV гл. „Есть древо, называемое перидексіонъ, которое въ переводѣ значитъ древо угрюмое (?). Растетъ оно въ Индіи, и плодъ его есть самая сладкая изъ всѣхъ сладостей. Голуби приходятъ, садятся на то дерево питаются плодами его и враждуетъ съ нимъ громадный змѣй“... Обрывается глава на словахъ: змѣй тотъ убиваетъ ихъ (голубей) и съѣдаетъ¹⁾. Въ спискѣ Синодальной библіотеки находилась только вторая половина этой главы.

Гл. XXXI. *Qorani*, κορώνη, воронъ. Въ грузинскомъ Физиологѣ начинается эта глава со словъ: „Физиологъ сказалъ о воронѣ, что онъ монандра и если мужъ умретъ, то жена не сойдется съ другимъ мужемъ“. Сказаніе о воронѣ сохранилось въ удобочитасмомъ видѣ только до приведенныхъ словъ, которымъ соответствуетъ по-гречески: ὁ φ. ἔλεξεν περὶ τῆς κορώνης, ὅτι μόνανδρός ἐστιν, εἰάν δὲ ταύτης ὁ ἀνὴρ τελευτήσῃ οὐ θέλει συγγίνεται ἐτέρῳ ἀνδρὶ.

Гл. XXXII. *Горити*, τρίγων, горлица. „Въ пѣснѣ пѣсней сказалъ (Соломонъ): голосъ горлицы былъ слышенъ. Физиологъ сказалъ о горлицѣ, что она уединяется и уходитъ въ пустыню и водворяется [тамъ], отдѣльно привыкла жить и среди многихъ мужей не любитъ быть... Грузинскій Физиологъ совпадаетъ съ греческимъ спискомъ Синодальной библіотеки, приводящимъ это сказаніе въ XXXVII гл.²⁾“

Гл. XXXIII. *Мерихали*, χελιδών, ласточка. „О ласточкѣ сказалъ Физиологъ, что она разъ родитъ и никогда другой. Такъ, Спаситель нашъ І. Христосъ разъ рожденъ, разъ распятъ и разъ воскресъ изъ мертвыхъ. Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе, единъ Отецъ всѣхъ. Хорошо сказалъ Физиологъ о ласточкѣ“. Греческій текстъ (гл. 28) буквально совпадаетъ съ грузинскимъ: Ο φ. ἔλεξε περὶ τῆς χελιδόνος ὅτι ἅπαξ γεννᾷ, καὶ οὐκέτι γεννᾷ ὁ Σωτὴρ μου, ἅπαξ ἐκφορήθη, ἅπαξ ἐγγεννήθη, ἅπαξ ἐτάφη, ἅπαξ ἐκ νεκρῶν ἀνέστη. εἷς θεός, μία πίστις, ἐν σάπτισμα. εἷς πατὴρ τῶν ἀπάντων. Καλῶς ὁ φ. ἔλεξεν περὶ τῆς χελιδόνος.

Гл. XXXIV. *Иреми*, ἔλαφος, олень. „Физиологъ сказалъ объ оленѣ что онъ большой врагъ дракона и [когда послѣдній] идетъ въ расщелину, олень наполнивъ свою челюсти водою источника, входитъ въ расщелину,

¹⁾ „Обрѣтыше змии и свѣсть и“. *Карнтеозъ*, стр. 314.

²⁾ Ἐν τοῖς ἄσμασιν τῶν ἀσμάτων (Σολομών) ἔλεγεν· φωνὴ τῆς τρίγωνος ἤκούσθη ἐν τῇ γῆ ἡμῶν. Ὁ φ. ἔλεξε περὶ τῆς τριγωνος, ὅτι ἀναχωρεῖ κατ' ἰσίαν ἐν τοῖς ἐρήμοις. ἀναχωρῶν οὖν οὐκ ἀγαπᾷ μέσον πλήθους ἀνδρῶν εἶναι...

куда влѣвъ тотъ драконъ (змѣй) и выливаетъ воду, наполняетъ разсѣлину ту, пока драконъ не выйдетъ и, вступивъ ногами, убьетъ его. Такъ и Спаситель нашъ І. Христосъ убилъ того великаго дракона—дьявола небесною водою, которую имѣлъ по мудрости Божіей; не можетъ устоять водѣ драконъ, а [небесному слову] дьяволъ. Господи, даруй мнѣ мудрость, дабы отверсть уста и сказать хвалу Отцу и Сыну и Святому Духу, нынѣ и присно во вѣки вѣковъ. Аминь". Это сказаніе совпадаетъ съ греческимъ до символическаго его примѣненія. Въ греческомъ Физиологѣ толкованіе слѣдующее: καὶ τὸ, ἀνθρώπου, ἐὰν ἔχησιν νερούς δράκοντασ κεκτημένους ἐν τῇ καρδίᾳ σου, κάλεσον τὰ εὐγέλια и пр... Этимъ сказаніемъ, приведеннымъ въ греческомъ Физиологѣ Синодальной библіотеки въ ХХІХ гл.¹⁾ заканчивается грузинскій текстъ bestiарнаго инвентаря.

Авторъ солиднаго изслѣдованія, посвященнаго Физиологу, г. Карнѣевъ въ результатѣ сравнительно изученія наличныхъ рецензій Физиолога приходитъ къ выводу, что всѣ онѣ восходятъ къ одной общей, которая сохранена преимущественно восточными текстами. Но вполне ли сохранила эта рецензія первичный обликъ Физиолога эллино-александрійской редакціи, утвердительно онъ отказывается рѣшать, за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ. Судя по относительно древнѣйшей рецензій восточныхъ текстовъ, физиологическій инвентарь представляетъ строго опредѣленный циклъ сказаній: значительныя отступленія отъ этого цикла указываетъ, что данный памятникъ не относится къ числу рецензій Физиолога. Физиологъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ дошелъ до насъ, представляетъ, при каждомъ сказаніи, соответственныя символическія примѣненія. Родиною Физиолога, съ большимъ вѣроятіемъ, можетъ быть признана Александрія, а временемъ его составленія эпоха отъ II до III в. по Р. Х. Физиологъ есть памятникъ коллективнаго творчества, а источники его слѣдуетъ искать у античныхъ писателей, въ библейскихъ представленіяхъ, въ отзвукахъ талмудическихъ представленій, въ памятникахъ египетской старины²⁾.

¹⁾ *Акад. Личь.* Разборъ книги А. Барнѣева (Отчетъ о 35 присужденіи наградъ гр. Уваровъ, Спб. 1395) говоритъ, что греческій текстъ „Ф“. Московскою Синодальною библіотекою, судя по составу и распорядку главъ, принадлежитъ къ старшей редакціи и ближе подходитъ къ теоретически возстановляемому первообразу „Ф“, чѣмъ списокъ А у Патры.

²⁾ Гоммель отстаиваетъ мысль о зараженіи Физиолога въ Александрію, ищетъ въ виду египетскую родину извѣстныхъ животныхъ Физиолога: солнечная ящерица, крокодилъ, иксневмонъ; самыя сказанія о нѣкоторыхъ животныхъ восходятъ къ египетской старинѣ: зачаточныя черты о фениксѣ (Вени) находимъ

Исходя из этих положений, в особенности о старшинстве восточных рецензий Физиолога, обратимся к вопросу об отношении грузинского текста к известным в литературе редакциям Физиолога. Насколько можно судить из сопоставления грузинской рецензии, она не может находиться в ближайшем родстве с армянским Физиологом, в виду наличности в последнем нефизиологических животных: тигр, алконось и пр. Не может восходить к сирийскому Физиологу, в котором встречаем главы о собаке, крот, дрозд, петух, отсутствующия в грузинской редакции. Наконец, инвентарь, порядок главы, не совпадая с известными редакциями греческого Физиолога, выделяет грузинский Физиолог в особую самостоятельную редакцию, прототип которой, по моему мнению, слѣдует искать в греческой литературе.

По авторитетному мнению акад. Ягича ¹⁾ один из признаков древнейшей редакции Физиолога заключается в том, что начало известных глав заимствовано с какого-либо священного текста. Этот признак вскрывается и в грузинском Физиологе. Первая христианская обработка Физиолога состояла в символическом истолковании баснословных свойств животных и лишь языческой „Ф.“, легший в основание христианского „Ф.“, существовал в виде самостоятельного зоологического трактата.

Монастырскій уставъ.²⁾

Единственный устав монастырскій, дошедшій до нас в довольно печальном виде, относится ко времени XII в. Уставъ этот данъ былъ Сергѣемъ (Саркисомъ) Мхаргрдзели Ваганскому св. Георгія монастырю, расположенному в Тао-Кларджетіи. Уставъ, утвержденный впоследствии сыномъ Мхаргрдзели и католикосомъ Георгіемъ, написанъ между 1191 и 1233 г.

Половина этого устава совершенно исчезла, а другая часть кое-гдѣ плохо читается, такъ какъ мѣстами чернила выцвѣли, мѣстами же матеріалъ прорванъ.

въ LXXXIII гл. Книги мертвыхъ, а подробности сказанія об онатрѣ и обезьянѣ в одномъ иероглифическомъ календарѣ; сказаніе о хараджѣ находимъ у Овды, объ илнемонѣ у египтянъ Манеона.

¹⁾ Op. cit., стр. 195.

²⁾ *Жорданія* Истор. документы Шіо-Мгвинской лавры, Т. 1896, стр. 28 и др.

Уставъ касается внутренняго устройства монастырскаго быта. Прежде всего провозглашается, что никто изъ иноковъ не можетъ считаться собственникомъ какого-либо матеріальнаго достатка, ибо писано нельзя служить двумъ господамъ — Богу и мамону. По положенію монаховъ-іереевъ должно быть 24, дьяконовъ 7 и послушниковъ 10. Одинъ изъ іереевъ, отличный словомъ и дѣломъ, приобрѣвшій довѣріе братьевъ и уваженіе ихъ своею безпорочною жизнью, поставляется старшимъ для наблюденія надъ монастырскимъ строемъ. Онъ будетъ пастыремъ и духовнымъ отцемъ всѣхъ.

Въ монастырѣ всѣ равны между собою. За столомъ подается одинаковая порція хлѣба и вина какъ іереямъ, такъ и послушникамъ. За трапезой читаются часы. Если кто-либо нарушаетъ бесѣдой тишину, то трапезарь, послѣ двукратнаго замѣчанія, выводитъ его со стола. Пища иноковъ должна быть простая. Только для почетныхъ гостей она дополняется новыми блюдами. Но болѣе трехъ дней гости не должны оставаться въ монастырѣ. Женщины вовсе не допускаются въ иноческую обитель.

Одинъ изъ монаховъ имѣетъ надзоръ надъ больными братьями. Онъ ухаживаетъ за ними, подаетъ нищу, утѣшаетъ ихъ, трижды обходя вельи недугующихъ. Кромѣ того, среди монаховъ различаются игуменъ, протоіерей и экономъ, которые получаютъ для своего обезпеченія больше остальныхъ: первому назначается шесть дукатовъ, второму и третьему по четыре дуката, а послушникамъ по ботинату и дукату ¹⁾).

Безъ разрѣшенія и благословенія настоятеля иннокъ не можетъ не отлучиться изъ монастыря. Онъ пользуется только давнымъ ему отпускомъ. Никто изъ братьевъ не имѣетъ права въ монастырѣ торговать, отдавать деньги въ ростъ крестьянамъ. Уличенные въ ростовщичество изгоняются изъ монастыря. Безпокойные и непослушные, нарушающіе благопристойность обители, не могутъ оставаться въ монастырѣ. До появленія бороды не слѣдуетъ вводить въ монастырь никого изъ дѣтей или братьевъ. Настоятель заботится о строгомъ соблюденіи этихъ правилъ и если онъ бездѣтеленъ, то лишается своего почетнаго положенія. Лицемѣровъ, пьяницъ, корыстолюбцевъ, стремящихся поживиться насчетъ монастыря, уклоняющихся отъ молитвы, слѣдуетъ наставлять, а потомъ изгонять, но по тщательномъ изслѣдованіи, а не по клеветѣ. Имущество изгнанныхъ составляетъ общее достояніе иноковъ. За непослушаніе игуменомъ налагается эпитемія.

¹⁾ Объ этихъ монетахъ см. дальше въ гуджарѣ Давида Возобновителя.

За монастырскими сельскими имѣніями имѣютъ надзоръ поставленные братіей міряне, и только въ случаѣ нужды отправляется для контроля одинъ изъ опытныхъ и умныхъ послушниковъ. Іереи и дьяконы всегда должны оставаться служителями алтаря. Излишнее пристрастіе къ напиткамъ и пищѣ строго воспрещается, ибо обжорство есть мать всякой скверни. Доходы, поступающіе за литургіей, обращаются въ пользу приносящихъ безкровную жертву, а если дѣлается вкладъ, то половина приобщается къ монастырской казнѣ, а половина дѣлится между братьями.

Ни одинъ изъ иноковъ не можетъ завѣщать своего достатка постороннему лицу. Братья служатъ по покойникѣмъ обѣдно и устраиваютъ тризну, распредѣливъ все оставшееся его имущество на двѣ части—одну въ пользу монастыря, а другую въ пользу иноковъ.

Въ концѣ читаемъ, что уставъ этотъ написанъ Мхаргрдзели для его монастыря и призывается проклятіе надъ тѣмъ, кто его нарушитъ. Онъ предлагаетъ для свѣдѣній уставъ читать три раза въ годъ: въ день Св. Ѳеодора предъ постомъ, въ день Св. Троицы и въ день Воздвиженія Креста. Вновь вступающему иноку долженъ быть прочитанъ уставъ для удостовѣренія, что онъ будетъ подчиняться опредѣленному монастырскому порядку.

Къ *юридическимъ* актамъ, кромѣ приведеннаго устава мы относимъ постановленія вселенскихъ и мѣстныхъ соборовъ, сѣтели съ гуджарами. Послѣдніе дошли до насъ въ большемъ количествѣ и отчасти уже изданы ¹⁾.

Первое наше свѣдѣніе о соборѣ, созванномъ въ Грузіи, восходитъ къ X в., именно ко времени царя Баграта III. На этомъ Артануджскомъ соборѣ выступилъ Евѣмій Грдзели противъ армянскаго проповѣдника Состена. Состенъ ² явился къ Баграту и сталъ превозносить себя и унижать православную церковь. Съ нимъ вступили въ пренія Мелкадзе Цурцкабели, Григорій Абусеридзе, но сочли себя слабыми и предложили царю вызвать Евѣмія Грдзелидзе, прибывшаго къ тому времени изъ Іерусалима къ архіепископу въ Антахъ. Грдзелидзе явился ко двору; побесѣдовалъ онъ съ Состеномъ и, отразивъ его нападки, скло-

¹⁾ См. I т. актовъ Кавказ. археогр. комиссіи. *Пурцеладзе*: Дворянскія грамоты; церков. гуджары; крестьянскіе акты. — Мои изданія: Гуджары (на груз. яз., Кутаисъ, 1891), Дворянскіе акты и родословные росписи. Москва. 1893 г. Въ журналѣ *Моамбе* за 1896 и 1897 г. отдѣлъ „Древности грузинскія“ и др.

² *Жорданія*. I. 126. *Сабининъ*. Рай Грузіи, 615, 621.

нилъ его къ мнѣнію о истинности православія. Этотъ соборъ имѣлъ въ виду отстоять ученіе православія противъ ереси монофизитовъ.

Къ первой половинѣ XI в. относится соборъ при Багатѣ IV. По настоянію Георгія Святоторца созывается соборъ, на которомъ опредѣляются правила касательно возведенія въ духовный санъ, нравственныхъ обязанностей ихъ по отношенію къ паствѣ и др. (см. у меня выше стр. 80).

При Давидѣ Возобновителѣ въ 1103—1104 г. издаются постановленія такъ называемаго Русскаго собора, созваннаго для востановленія порядка въ церковной жизни, поколебленной владычествомъ иновѣрцевъ, и очищенія общественной нравственности отъ суевѣрій и предрасудковъ.¹ (См. выше).

Съ этою же цѣлью при цар. Тamarѣ въ 1184—5 г. происходитъ соборъ при участіи Николая Гулабридзе, вызваннаго изъ Іерусалима. [Ему же принадлежитъ сочиненіе о чудесахъ живоноснаго древа Мцхетскаго].

Къ отдѣльнымъ памятникамъ, нормирующимъ общественную или церковную жизнь, принадлежитъ замѣчательный манускриптъ X в., находившійся въ рукахъ Тишендорфа и нынѣ хранящійся въ Сиб. Академіи наукъ. Памятникъ этотъ списанъ съ древняго оригинала „грѣшнымъ Іоанномъ“ и заключаетъ въ себѣ, помимо способа счисленія грузинской хронологіи (короникона въ 532 года въ кругѣ), свидѣніе о „Каландоба“ [см. I в.] или Календѣ, сказанной пророк. Ездрой²).

Рукописи 1022 г. Общества распротр. грамотности среди грузинъ въ Тифлисѣ (№ 143) и Тифлис. церков. музея 1031 г. (№ 96) представляютъ древнѣйшій переводъ постановленій VI вселепскаго собора, сдѣланной Захаріемъ Валашкертели. Переводъ этотъ предшествовалъ воспроизведенію тѣхъ же постановленій св. Евиміемъ. Въ этотъ трудъ Валашкертели входятъ еще каноны Іоанна постника, духовные законы и чинъ освященія церкви³).

Къ древнѣйшимъ сигелямъ и гуджарамъ относятся: актъ 1040 г. ц. Баграта Курополата, выпросившаго у визант. императора Василія матеріально помощи для возстановленія Мцхетскаго храма⁴); сигель

¹ См. I вып. „Очерковъ“, стр. 303—4.

² Постановленіе переписаны Арсеніемъ Игалтойскимъ, ямбическіе стихи котораго читаются въ пергаментномъ апостолѣ Тифл. Церк. Музея (№ 137). Тамъ же сохранились „ямбы“ Ефрема Мцире.

³ *Жорданія*. Хроника I, 155, 163, 169, 172.

⁴ *Ibid.* 101 стр. Ср. въ Хрест. Чубинова; Бакрадзе. Статьи по исторіи... стр. 24.

1020 г. католикоса Мельхиседека ¹⁾ о различных пожертвованіяхъ въ пользу Мцхетскаго храма, возобновленіе котораго относится къ этому времени. Гуджаръ 1178 г. царя Георгія о повинностяхъ въ пользу Самтавійской катедры и грамота царя Баграта IV 1058 г. Шіомгвимской обители. Въ сителяхъ и гуджарахъ мы находимъ свѣдѣнія о построеніи храмовъ и монастырей, о приношеніяхъ этимъ святынямъ благочестивыми царями и вельможами, о духовной юрисдикціи и повинностяхъ въ пользу церкви, о платѣ за дворянскую кровь и организаціи внутренняго управленія—судъ, администрація, финансы. О значеніи этихъ памятниковъ умѣстнѣе говорить въ исторіи культурной, а не въ исторіи словесности. Но для образца мы приводимъ одинъ гуджаръ и одинъ ситель.

Гуджаръ Давида Возобновителя, ²⁾ данный Шіомгвимской обители.

Въ числѣ древнихъ актовъ Грузино-имеритинской Синодальной конторы имѣется пергаментный свитокъ № 33, писанный строчными грузинскими церковными буквами „хуцури“. Т. к. чернила выпѣбли, то большая часть текста въ позднѣйшее время подновлена новыми чернилами, вслѣдствіе чего, къ сожалѣнію, смыслъ завѣщанія по мѣстамъ значительно затемнился.

Завѣщаніе это представляетъ одинъ изъ замѣчательныхъ остатковъ древней грузинской письменности съ собственноручною подписью царя Давида Возобновителя. Кромѣ того, завѣщаніе даетъ новыя историческія свѣдѣнія, дополняющія и разъясняющія изданную грузинскую лѣтопись и проливающія свѣтъ на жизнь и порядки управленія древнихъ грузинскихъ монастырей. Въ немъ встрѣчаемъ новое свѣдѣніе о томъ, что главный храмъ Шіомгвимскаго монастыря построенъ Давидомъ Возобновителемъ. Наконецъ, завѣщаніе, характеризуя личность самаго царя, даетъ весьма интересное для исторіи Грузіи свѣдѣніе о томъ, что правитель Дзагамъ и его сынъ, лжеепископъ Модестосъ, преслѣдуемые царемъ, какъ „противники и ненавистники Бога“, укрылись въ крѣпости Шіомгвимскаго монастыря, но, при содѣйствіи иноковъ этой лавры, попали въ руки царя.

Краткость повѣствованій лѣтописи о царствованіи Давида простирается до того, что о самыхъ выдающихся событіяхъ его времени, описанныхъ современными царю армянскими и мусульманскими писателями, упоминается только вскользь или ограничиваемся одними наме-

¹⁾ *Чубинскій*. Хрестом. 203—208. Ср. Жорданія. Хроники..., II, 31.

²⁾ Написанъ въ 1123 г. Памятникъ издавъ Ф. Жорданія (Тифлисъ. 1895 г.).

нами. Это объясняется тѣмъ, что лѣтописецъ царя Давида имѣетъ въ виду не описаніе событій его царствованія, а характеристику личности самаго царя, какъ мудраго правителя, храбраго воина и достойнаго сына православной церкви. Лѣтопись умалчиваетъ о томъ слишкомъ важномъ обстоятельстве, что съ 1089 по 1092 годъ Давидъ царствовалъ не одинъ, а раздѣлялъ, какъ видно изъ двухъ манускриптовъ, управленіе съ отцемъ своимъ Георгіемъ II.

Кто былъ Дзагамъ, въ чемъ провинились онъ и его братъ предъ царемъ и какая судьба постигла ихъ? Изъ завѣщанія усматривается, что кахетинскій владѣтель Акарманъ, цѣною измѣны Христу, возвратилъ себѣ Кахетію, занялъ при помощи сельджуковъ крѣпости Зеда-Задени (противъ Мцхетъ, на горѣ), Мухранъ и затѣмъ постепенно и остальную часть Грузіи, отбросивъ царей Георгія и Давида за границы Лихскихъ горъ. Упоминаемый въ завѣщаніи Дзагамъ, вѣроятно, есть тутъ самый вельможа, который, измѣнивъ царю Давиду, передалъ Акарману принадлежавшія грузинскому царству крѣпости Мухранъ и Зеда-Задени.

Пользуясь смутнымъ временемъ, Дзагамъ, какъ видно изъ завѣщанія, захватилъ въ руки вотчины Мцхетскаго патріаршаго собора, Цилканской каѳедры и Шіомгвимской лавры. Послѣднюю Дзагамъ обратилъ въ крѣпость, въ которой помѣстилъ своихъ людей, возвелъ въ санъ епископа своего брата, Модистоса, поручилъ ему управленіе богатой Цилканской епархіи и чрезъ него захватилъ значительную часть изъ богатствъ Цилканскаго и Мцхетскаго соборовъ. Тирани Дзагама скоро положенъ былъ конецъ. Около 1096 г., когда первые крестоносцы отвлекли значительныя силы турокъ-сельджуковъ отъ границъ Грузіи, Давидъ завладѣлъ Карталиніею, Тифлисомъ, кромѣ цитадели его, и восточной половиной Кахетіи. Въ 1101 г. и крѣпость Задени была взята; но Дзагамъ успѣлъ бѣжать и укрылся въ укрѣпленіяхъ Шіомгвимскаго монастыря вмѣстѣ съ братомъ своимъ Модистосомъ. Царь взялъ Мгвимскую крѣпость, причемъ самъ Дзагамъ достался ему въ плѣнъ. О дальнѣйшей судьбѣ Дзагама завѣщаніе говоритъ, что отецъ царя Давида, Георгій II, вопреки настояніямъ сына, возвратилъ Дзагаму нѣкоторыя изъ земель бывшаго его фамильнаго владѣнія въ предѣлахъ Мухрани и крѣпости Зеда-Задени. Давидъ, не желая нарушать воли отца, позволилъ Дзагаму пожизненно пользоваться означенными церковными вотчинами, но въ завѣщаніи опредѣлялъ, чтобы послѣ смерти Дзагама онѣ были возвращены церкви.

Лжеепископъ Модистосъ былъ низложенъ истинными пастырями. Лѣтопись Грузіи свидѣтельствуетъ, что въ 1103 г. царь Давидъ со-

звалъ соборъ изъ представителей грузинской церкви въ окрестностяхъ Руиси и Урбниси (Руисско-урбнисскій соборъ), который исправилъ всѣ ошибки, вкравшіяся въ управленіе церкви и ввелъ всюду благочиніе, а недостойныхъ епископовъ лишилъ воедръ и предалъ анаемѣ¹⁾.

„Волею Божіею предъ отправленіемъ въ походъ на Ширванъ я посѣтилъ Шіомгвинскій монастырь и обратился къ прибѣжищу моему, св. Шіо, съ молитвою о дарованіи мнѣ помощи. Я нашелъ, что мною воздвигнутый храмъ, (въ Шіомгвинской лаврѣ) выстроенъ. И я получилъ благословеніе отъ всѣхъ иноковъ монастыря. Монахъ Арсеній, надежда и просвѣтитель мой, приказалъ мнѣ написать это завѣщаніе. Богъ постоянный въ своихъ милостяхъ своими благодѣніями осыпалъ и меня, недостойнаго, совершенно лишенаго благодати, и неблагогодарнаго. Онъ, однако, не презрѣлъ и на непокорную душу мою не переставалъ до сего дня изливать обычныя свои милости съ того самаго времени, какъ довѣрилъ мнѣ Имъ же управляемое царство, предавая истребленію (черезъ мои руки) явныхъ противниковъ своего домостроительства и не допуская лукавствъ тѣхъ, которые тайно покровительствовали лукавымъ²⁾. Одинъ изъ таковыхъ, Дзагамъ, дерзнулъ употребить насиліе даже противъ Бога. Безчинствуя вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Модистосомъ, лже-архіереемъ, онъ обратилъ благодѣянія своихъ патроновъ въ острыя стрѣлы противъ нихъ, а сынъ его, Модистосъ, благодѣянія Божія обратилъ противъ Бога, похитивъ церкви для удовлетворенія тщеславія. Но неизслѣдуемый судъ Божій не допустилъ этого, и жезлу грѣшника не позволилъ коснуться достоинства праведника: пастырь, не дверьми вошедшій въ церковь, былъ изверженъ истинными пастырями, а Дзагама, успѣвшаго бѣжать и укрѣпиться въ Шіомгвинской пустыни, Богъ отдалъ мнѣ въ руки, при чемъ иноки Мгвинскіе оказали мнѣ немалыя услуги. Возрадуется Господь, когда явится мститель! Въ Шіомгвинской пустыни я возрадовался при видѣ вождедѣннаго собранія иноковъ и наполнился радостью. Я немедленно пригласилъ къ себѣ монаха Арсенія и объявилъ ему мою волю, поручивъ ему построить въ центрѣ монастыря храмъ во имя пресв. Богородицы. Я нашелъ [нынѣ] храмъ этотъ уже выстроеннымъ. Инокъ

¹⁾ Приводимъ извлеченіе изъ гуджара.

²⁾ Указаніе это совершенно подтверждаетъ сказаніе лѣтописи о томъ, что противъ Давида возставали Липаритъ Эривастъ, сынъ его Ратъ и разныя лица изъ войска царя, но злоумышленія ихъ были разрушены (Brosset. Hist. de la Géorg. I, p. 351—354; 375; 379).

Арсеній, надежда моя, равно какъ и духовникъ мой, инокъ Іоаннъ, велѣли мнѣ, чтобы я ввелъ въ Мгвимскій монастырь уставъ св. Симеона (Столпника)¹⁾, каковой уставъ, этими же отцами написанный, я нашель въ монастырѣ, какъ вѣрный указатель пути благочестивой жизни и ангельской гражданственности, и опредѣляющій, чтобы иноки, будучи исключительно посвящены Богу и заботясь не о мірскомъ временномъ, а только о Богѣ, оказались достойными ходатаями передъ Нимъ. Если Богъ не удостоитъ меня видѣть его освященіе, то инокъ Арсеній, у котораго имѣются данныя ему мною константы и перлеры²⁾, пусть освободитъ зданіе храма отъ подставокъ для поддержанія сводовъ, оштукатуритъ и разрисуеъ его. Сынъ же мой, Деметре, совмѣстно съ благословеннымъ архиепископомъ и моими иноками, пусть освятитъ его рукою католикоса Іоанна, при соучастіи епископовъ Имеретіи и Амеретіи (восточной Грузіи). Всѣ вотчины, пожертвованныя этой святой пустыни по дарственнымъ грамотамъ отцовъ и дѣдовъ моихъ, но отъ злобы временъ отошедшія отъ монастыря, я возвратилъ монастырю, обновивъ его стѣны (дарственные записи).—Кромѣ того, всѣ вотчины, какъ пожертвованныя царями и разными владѣтелями, такъ и купленные монастыремъ въ незапамятное время, я уже совершенно освободилъ отъ податей и пошлинъ и отдалъ св. отцу Шіо свободными отъ всякихъ повинностей.

Кромѣ того, всѣ имѣнія, купленные монастыремъ и мною пожертвованныя (въ г. Тифлисѣ), равно какъ и тѣ, которыя впредь будутъ приобрѣтены, я освобождаю отъ всякихъ пошлинъ и налоговъ въ пользу царской казны.

Такъ какъ уже состоялось опредѣленіе главы нашей вѣры, господина католикоса Іоанна, по которому все населеніе вотчинъ Шіомгвимскаго монастыря по суду церковному подлежитъ этому монастырю, то да производитъ судъ въ этихъ вотчинахъ Мгвимскій діаконъ, и пошлины пусть употребляются на покупку масла для монастыря. Т. к. миро доставляетъ мое церкви католикосъ, то пусть его поминаетъ священникъ вмѣстѣ съ прежними католикосами. Пожертвованныя мною хрустальныя, базиджевыя и стелянныя люстры, которыя инокъ Арсеній

¹⁾ См. выше уставъ монастырскій, стр. 328.

²⁾ Константами наз. деньги съ изображеніемъ греческаго императора Константина Мономаха, XI в. „Перлеры“ часто употребляются въ агапахъ (синодальныхъ) афонскаго манускрипта XI в., нынѣ хранящагося въ Тифл. церк. музей (о монетахъ, употребившихся въ Грузіи, см. Brosset: Introduction et tables des matières, р. LXXVII—LXXXV).

поставилъ, някто да не осмѣлится взять. Подсвѣчники, церковные сосуды и другія всѣ вещи, принадлежащія церковному служенію, пусть будутъ приобрѣтены на тѣ тридцать литръ серебра ¹⁾, которыя выданы Арсенію. Воскъ пусть своевременно доставляютъ въ монастырь купцы, какъто уже опредѣлено мною. Пища для иноковъ: хлѣбъ и фрукты сушенныя, вѣсомъ 500 драмъ ²⁾, пусть всегда выдаются. Вино пусть доставляютъ въ монастырь крѣпостные монастырскіе непосредственно послѣ собиранія винограда, соотвѣтственно урожаю, каждый по одному сацкави (16 бутылокъ). Остальные доходы: судебныя пошлины, доходы отъ лавокъ, маслобоекъ и мельницъ, пусть дѣлятся между братьею на одежды. Нынѣ мною пожертвованы монастырю тридцать муловъ. Монастырь имѣетъ издревле приобрѣтенное по особому письменному акту право безошлипной пастбы 3000 овецъ въ горахъ и долинахъ, (принадлежащихъ государству). Нынѣ я еще жертвую монастырю 5000 овецъ. Эти 5000 овецъ пусть пасутся безошлипно, какъ царское стадо, наряду съ государственными стадами. Доходами отъ стада пусть пользуются слѣдующимъ образомъ: на деньги, вырученныя отъ приращенія, пусть покупаютъ муловъ; шерсть пусть идетъ на монастырскую прислугу, а продукты отъ молооя—въ пользу братіи. Жертвую монастырю 100 коровъ, которыя пусть безошлипно пасутся въ Триалетскихъ горахъ, въ Мухрани. Лишнія коровы (приплодъ сверхъ 100) пусть продаются для покупки необходимыхъ для монастырской службы муловъ и лошадей, а быковъ пусть употребляютъ на работы въ населенныхъ монастырскими вѣстьянами земляхъ.

Драгоценныя камни и жемчуги, назначенныя мною на украшеніе моей иконы, и два хрустальныхъ подсвѣчника пусть будутъ лѣликомъ употреблены на нее. Хрустальную чашу и дискосъ назначаю на употребленіе во время обновленія даровъ. Остальные же сосуды,—добычу отъ персовъ,—порученныя мною иноку Арсенію и духовнику моему Іоанну,—пусть сынъ мой Деметре пошлетъ въ свое время въ мой монастырь. А древо жизни и мощи святыхъ въ двухъ полныхъ ящикахъ пусть остаются въ этомъ самомъ моемъ храмѣ. Во всѣ пятницы великаго поста пусть раздадутъ инокамъ и народу теплую просфору въ мое воспоминаніе. А въ пятницу великой седмицы пусть подадутъ молящимся по одному красеулу [чашѣ] вмѣстѣ съ просфорою и пшеномъ (вутья).

¹⁾ Лitra равняется 9 ф. таланта; 30 литръ = 6 пуд. и 3 ф. Изъ одного акта видно, что въ 1600 г. одна литра серебра стоила 299 руб. 52 к.

²⁾ Драма—драхмѣ см. Д. Бахрадзе „Путешествіе по Гуріи и Аджаріи“, стр. 331.

Испивая чашу вина, пусть произносят слѣдующую молитву: „Господи Боже, прости Давиду грѣхи его юности и невѣдѣнія!“ Начальникъ Мгвимскій пусть въ каждый воскресный день служить въ моей церкви въ мое воспоминаніе и въ эти дни пусть устраиваетъ молящимся трапезу.

Въ тотъ день, когда я буду раздѣленъ отъ этого влосчастнаго многогрѣшнаго тѣла, пусть всѣ иноки монастыря отправляютъ всенощное бдѣніе, творятъ молитву и служатъ божественную литургію. Сохастери [отдѣленіе монастыря] пусть управляется, и поминаніе происходитъ, какъ установилъ просвѣтитель мой Арсеній ¹⁾. Я уже пожертвовалъ большое пахотное поле въ с. Мухрани (въ пользу Сохастери) св. Симеона Чудотворца, воскресившаго трехъ дневнаго мертваго. Послѣ смерти Арсенія пусть будетъ опредѣленъ туда богобоязненный священникъ для неопустительнаго отправленія службы. Изъ Тифлискаго саамидо (казначейство) выдадутъ сто дракановъ ²⁾, какъ объ этомъ я уже собственноручно написалъ въ указѣ. Въ тотъ день, въ который Богу угодно будетъ отозвать меня, эти деньги пусть раздѣлятъ священникамъ и пѣвчимъ.

Отъ доходовъ изъ пахотныхъ земель и садовъ на площади Турата пусть выдаются по одному красеулу вина, на каждаго молящагося и по одному печеному хлѣбу въ память души моей. Зе-Заденскую крѣпость и Мухранъ отецъ мой вопреки моему желанію пожаловалъ Дзагаму въ виду того, что этими мѣстами владѣли и прежніе единофамильцы ихъ, но никто изъ нихъ никогда не былъ намъ вѣренъ. Нынѣ Дзагамъ обратился въ свое жилище даже наиважнѣйшія каедръ, хотя и прежде, при царствованіи отца моего, эти земли въ записяхъ значились собственностью епископскихъ каедръ. Находящіеся на горѣ крѣпость, винный погребу, принадлежащіе церкви и монастырю (Шіомгвимскому), равно какъ и селеніе Матури и самый этотъ Мгвимскій монастырь, пусть будутъ служить Дзагаму мѣстожительствомъ и крѣпостью. Когда же обратится ложь его на главу его (умереть), то возвратите церкви всѣ присвоенныя Дзагамомъ вотчины и имѣнія монастырскія вотчины. Согласно съ письменнымъ завѣщаніемъ самого блаженнаго Шіо, свѣта иноковъ, начальника Мгвимскаго и господина надъ аввами мгвимскими, пусть иноки Мгвимской лавры творятъ молитву только за царя, какъ объ этомъ учить и само святое писаніе. Отнынѣ поручаю монастырь вѣдѣнію Симеона, архіепископа бедійско-ала-

¹⁾ Изложеніе этого акта св. въ „Церков. актахъ“: *Д. Пуриеладзе* стр. 94—6.

²⁾ Драканъ по опредѣленію же Броссе 1½ рубля (Introd, p. CLXXIX).

вердскаго: пусть онъ печется о монастырскихъ нуждахъ. Когда умреть начальниязъ лавры, то братія пусть избираетъ другого по порядку, установленному обычаемъ, чрезъ метаніе жребія на могилѣ св. Шіо. Избраннаго пусть представляютъ намъ, а мы вручимъ ему посохъ и поручимъ управленіе монастыремъ. А васъ, будущихъ царей, заклинаю днемъ нашей встрѣчи предъ Господомъ,—дабы вы въ тотъ день не посрамялись предъ лицомъ Бога и его ангеловъ,—управляйте этимъ монастыремъ и моимъ храмомъ согласно съ этимъ моимъ завѣщаніемъ. Помните просьбу мою и никогда не забывайте меня, Давида, усердно посѣщайте построенную мною церковь и никому не позволяйте снова поработить эту славную лавру. Если послѣ этого нашего завѣщанія царь, епископъ, чиновникъ или крестьянинъ помыслить измѣнить это мое завѣщаніе или кто отниметъ у монастыря,—на того, о Ты, безначальный и безконечный Богъ, обрати безконечный гнѣвъ Твой! Да исчезнетъ съ лица земли наслѣдіе его отъ него, да будутъ обречены истребленію; отними у нихъ, о Воже, разумъ, сознаніе и видѣніе! А ты, пресв. Богородица, при раздѣленіи его отъ плоти, отдѣля его отъ части спасенныхъ и отомсти ему, какъ Ты отомстилъ Нестору еретику! Ты же, св. Богоносный отецъ Шіо, въ тотъ день когда возседеть Христось судить всѣ племена, разсуди его и, отъ имени Бога, отомсти ему, какъ твоему оскорбителю! Если Богъ дастъ мнѣ время, и я напишу другое новое лучшее завѣщаніе, то вы, святѣйшіе католикосы и всѣ преосвященные, утвердите его вашими канонами, воспрещеніемъ, проклятіями на нарушителей этого завѣщанія и отлученіемъ ихъ отъ общества христіанъ. А если у меня не будетъ времени написать другое завѣщаніе, то утвердите это самое. И кто, по какой бы то ни было причинѣ, будетъ причинять Мгвмскому монастырю лишенія, таковой да будетъ неразвязно связанъ вашими канонами“.

Сигель, или актъ XI вѣка ¹⁾.

... (Предстали) въ присутствіе наше, въ резиденціи нашей въ Кутатисѣ, отцы миджнадзорцы и отцы опизарцы, изъ которыхъ миджнадзорцы привели (принесли) иконы св. апостоловъ Петра и Павла съ мощами св. апостола Вареоломея, имѣя съ собою сигелы эристава эриставовъ Гургена, царя царей Гургена, дѣда моего куропалата Баграта и отца моего царя Георгія, коими тѣ лѣса и границы утверждены за нимъ, при непреложномъ свидѣтельствѣ католикосовъ и

¹⁾ *Бакрадзе*. Статьи по исторіи и древностямъ Грузіи.

просвященныхъ; опизарцы же предъявили данный имъ мампаломъ Гварамомъ актъ, въ силу котораго они оспаривали у миджнадзорцевъ тѣ лѣса и границы; но въ сигеляхъ миджнадзорцевъ актъ мампала Гварамы не значился ни утвержденнымъ, ни отмѣненнымъ. Намъ тревожилъ раздоръ миджнадзорцевъ и опизарцевъ, ибо святая пустыня ихъ основаны были для мира и спокойствія, какъ и для молитвы за насъ царей, и намъ усердствуютъ. Взявъ мольбамъ ихъ, благословеніемъ Бога и благодатью святыхъ, я созвалъ при дворѣ нашемъ просвященныхъ, эриставъ эриставовъ, эриставовъ, свѣдущихъ въ дѣлахъ суда азнауровъ всѣхъ ущелій Верхней и Нижней страны и, посадивъ ихъ въ присутствіи нашемъ, прочитали акты тѣхъ и другихъ и, выслушавъ отъ обѣихъ сторонъ надлежащія словесныя объясненія, дали имъ уразумѣть, что подписей (царей) много (на сигеляхъ миджнадзорцевъ), и всѣ они дѣйствительны, и отмѣнить тѣ акты намъ не подобало и мы не могли отяготить души предшествующихъ царей; при чемъ, если бы мы отпустили опизарцевъ безъ удовлетворенія, то они остались бы въ горѣ, и мы въ томъ усмотрѣли бы свою вину. Посему и въ моленіе за мое величество и за сына моего куропалата Георгія, какъ и за души бывшихъ царей, мы разсудили ихъ дѣло такъ: лѣса и границы, какъ это писано въ сигеляхъ предшествовавшихъ царей, съ межевыми знаками: съ юга рѣка Самцирись-цкали до слиянія ея съ рѣкою Пшавшетись-цкали и Тахарись-кде по хребту, съ запада Ежваанта-педи и съ сѣвера дидубскій Хертвисъ и Сакатмись-гари по хребту; большой хребетъ Ертъ-гари суть безспорное достоаніе миджнадзорцевъ, и по сю сторону хребта опизарцы и снесельцы никакого права не имѣютъ: могутъ они только косить; но чтобы и опизарцевъ удовлетворить, въ моленіи за душу мою, я отказался отъ своей доли, ибо, взявъ за службу намъ мамасахлиса деревню Бареванъ, отдалъ ее опизарцамъ въ кормленіе и, такимъ образомъ, покончилъ споръ и тяжбу, дабы обѣ святая пустыни пребывали въ безмятежномъ мирѣ и молились за мое величество, за сына моего куропалата Георгія и за бывшихъ царей, строителей и жертвователей, да предстательствомъ святыхъ апостоловъ и молитвами святыхъ отцовъ грѣшная душа моя получить утѣшеніе и будетъ избавлена отъ вѣчнаго наказанія. Нынѣ, кто увидитъ сей нашъ сигель съ повелѣніемъ, будущіе преемники наши, цари, эриставъ эриставы, эриставы, таутеры Тао и Кларджета и всѣ чины и дѣлопроизводители утвердите его и вы, и да никто не нарушитъ и не измѣнитъ его; если же кто, какого бы ни былъ рода, великій или малый, когда нибудь нарушитъ его, да обрушится на него гнѣвъ Отца и Сына и Св. Духа и все святые апостолы да будутъ

судьями души его въ день оный суда, и да будетъ онъ отвѣтственъ предъ Богомъ за преступленія мои! Вы же, святѣйшій католикосъ Грузіи и святые преосвященные, не имѣющіе каедръ^а.

Настоящій актъ найденъ въ Кутаисѣ, писанъ на длинномъ пергаментѣ, спитомъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ листовъ, но не имѣетъ ни начала, ни конца, и потому не сохранилъ года короникона. Онъ составляетъ древнѣйшій изъ всѣхъ, дошедшихъ до насъ подлинныхъ актовъ и относится къ тому же времени, къ которому принадлежитъ актъ, значащійся въ Сборникѣ актовъ Грузино-имеритинской Синодальной Конторы и помѣченный годомъ короникона 260—1040, а не 240—1020, какъ увѣряетъ покойный Броссе. Этотъ послѣдній актъ есть копія, а не подлинникъ, и содержитъ въ себѣ важныя свѣдѣнія о католикосѣ Мелхиседекѣ, вошедшія въ одинъ только вариантъ Картлисѣ-цховреба Академіи наукъ. Актъ представляется интереснымъ съ точки зрѣнія и палеографической, и филологической, и исторической. Онъ писанъ алфавитомъ мхедрули, но такимъ, который служитъ неоспоримымъ доказательствомъ того, что алфавитъ мхедрули еще въ XI в. носилъ характеръ, близкій къ хуцури и что онъ въ то время только начиналъ выдѣляться изъ хуцури. Онъ указываетъ сигелы; слово это иногда замѣняется въ актахъ словомъ гуджаръ. Обыкновенно нынѣ принято означать подъ именемъ сигелей дворянскія грамоты, а подъ именемъ гуджаровъ акты, жалованные церквамъ и монастырямъ; но въ старыхъ письменныхъ памятникахъ Грузіи сигелы и гуджары принимаются безразлично, въ смыслѣ какъ церковныхъ и свѣтскихъ грамотъ, такъ и вообще всякаго рода имущественныхъ и неимущественныхъ актовъ. Сигель произошелъ отъ греческаго или отъ латинскаго *sigillum* и былъ ранѣе въ употребленіи, чѣмъ гуджаръ. Гуджаръ производятъ отъ арабскаго слова, означающаго *argumentum, testimonium* и оно, вѣроятно ¹⁾, имѣетъ связь съ извѣстнымъ въ турецкомъ законодательствѣ гуджемомъ (поземельный актъ, судебное постановленіе о недвижимости) Грузины заимствовали слово гуджаръ отъ арабовъ: оно входитъ въ употребленіе вскорѣ послѣ появленія въ Грузіи арабскихъ завоевателей: такъ, по словамъ Картлисѣ-цховреба, въ нашествіе на Грузію Мурвана Глухаго, во второй половинѣ VII в., при царѣ Мирѣ были скрыты въ подземельяхъ цѣнныя царскія сокровища вмѣстѣ съ пергаментными гуджарами; спустя нѣкоторое время Картлисѣ-цховреба дѣлаетъ ссылку на гуджаръ, заключавшій въ себѣ „записи о царяхъ и вельможахъ, селеніяхъ и ихъ жителяхъ“. Этимъ же име-

¹⁾ Объясненіе этого акта заимствуемъ у *Бакрадзе*.

немъ означены государственные акты въ древнѣйшемъ „Сборникѣ поученій отцовъ церкви“ IX в., попавшемъ въ Тифлисъ изъ Сванетіи и нынѣ хранящемся въ библиотекѣ Тифлисской Духовной Семинаріи. Выраженія акта: „всѣхъ ущелій верхнихъ и нижнихъ“, „мампаль“, „тангутеры Тао и Кларджета“, суть выраженія, бросающія свѣтъ на Картлись-цховреба. Танутнеръ, армянскій данудеръ—слово, представляющее одинаковое значеніе съ грузинскимъ мамасахлисъ, отецъ семейства, глава дома, а въ переносномъ—правитель народа. Еще болѣе интереса представляетъ исторія мампаль. Мы узнаемъ изъ Карминсъ-цховреба, что господствовавшіе со времени курапалата Гварама (826—876) въ Тао-Кларджети государи титуловались мампалами. Слово мампаль—имѣющее свой корень въ мепе „царь“ и соответствующее позднѣйшее мтаваръ—„владѣтель“ и уйаль „господинъ“—было въ употребленіи только въ Тао-Кларджети. Мампалами же титулуется нѣкоторыхъ тао-кларджетскихъ Баграпидовъ и Константинъ Порфирородный (912—959 г.) въ своемъ сочиненіи *De administrando imperio*, составленномъ въ 952 г. Слово мампаль окончательно исчезаетъ и въ Картлись-цховреба, и въ другихъ письменныхъ памятникахъ Грузіи съ XI в., послѣ соединенія всей Грузіи въ рукахъ одного царя и уничтоженія или вытѣсненія тао-кларджетскихъ Багратидовъ. Безспорно, что настоящій актъ принадлежитъ царю Баграму IV. Онъ заключаетъ въ себѣ тѣ генеалогическія данныя о предшественникахъ Баграта IV, какія мы находимъ и въ Картлись-цховреба, и такимъ образомъ даетъ несомнѣнное свидѣтельство достовѣрности ея за періодъ времени отъ второй половины IX в. доисхода XI в. Таковы и по Картлись-цховреба: мампаль Гварама †883 г. эриставъ-эриставовъ Гургенъ 968; царь-царей Гургенъ †1008; сынъ его и дѣдъ Багратъ IV 980—1014; и пр.

Гуджары и сигели характеризуютъ бытъ Грузіи не только въ государственномъ отношеніи, но и со стороны быта и обычаевъ. Для образца остановимся лишь на пергаментныхъ свиткахъ хупури XII в., присланныхъ изъ Кутаиса въ Румянцевскій музей.

Содержаніемъ этихъ свитковъ служить умиловительная молитва полухристіанскаго, полуязыческаго характера, сочиненная, вѣроятно, жрецами свановъ—„папи“. Лишь небольшіе отрывки изъ церковно-богослужбныхъ книгъ уцѣлѣли въ памяти „папи“. Они дополнялись молитвами собственнаго сочиненія. Отрѣзанность Сванетіи отъ Грузіи, откуда шель свѣтъ христіанства почти ко всѣмъ народностямъ Кавказа, способствовала вытѣсненію христіанскаго ученія и замѣнѣ его языческими вѣрованіями. Въ нашихъ свиткахъ молитвы составлены

очень однообразно. Они начинаются всегда слѣдующими словами: „Господи, надѣли благами, благослови и достойнѣе такого-то“ (имя рекъ). За этимъ воззваніемъ слѣдуетъ перечисленіе именъ тѣхъ, для спасенія душъ которыхъ приносится кровная жертва. Жертвоприношеніе, какъ можно заключить изъ этихъ свитковъ, совершается за жителей всей деревни, представляющихъ отпрыски одной фамиліи. Такъ, молитва упоминаетъ иногда до 50 лицъ изъ рода Дадичкеліани, Чаркіани, Девдоріани, Махвиляни. При перечисленіи именъ грѣшниковъ не забываются строители башни, оружейники, конюхи, няньки и вообще вся прислуга. Это указываетъ на патриархальность, простоту отношеній между высшимъ и низшимъ классомъ. Очевидно, нѣтъ еще строгаго соціального дробленія, исключаящаго возможность ставить слугу рядомъ съ господиномъ. Не будетъ излишней смѣлостью сопоставить общественный строй сванетовъ X—XII вв. съ соціальной картиной, нарисованной Гомеромъ.

Другой выводъ напрашивается въ виду того, что въ одной молитвѣ насчитывается до 50 лицъ изъ одной фамиліи. Можно сказать, что составленіе молитвы относится къ той эпохѣ, когда сванеты жили отдѣльными родами, слѣды которыхъ уцѣлѣли въ особенностяхъ современнаго ихъ быта. Дадичкеліани, Девдоріани, Чарквіани и др. представляютъ родовую группу засѣлившихъ деревни, отдѣльными мѣстности генетатіи, какъ бы сказалъ Цезарь. Остатки родовой организаціи сохранились и у пшавовъ въ дѣленіи и нынѣ на 12 родовыхъ общинъ. У сванетовъ и пшавовъ, какъ повсюду, родовая организація является результатомъ не одного лишь естественнаго размноженія одной семьи, но и включенія въ свой составъ разноплеменныхъ позднѣйшихъ пришельцевъ. Названные оружейники, строители башенъ и др. могутъ принадлежать этому наносному слою. Усыновленіе и теперь играетъ важную роль въ Сванетіи.

Собственныя имена, приведенныя въ свиткахъ, представляютъ также интересъ. Одни изъ нихъ сохранились лишь въ народныхъ сказаніяхъ: таковы Бадро, Усупи (записаны у сванетовъ въ сказаніи объ Амيرانѣ), другія названы въ „Барсовой кожѣ“, поэмѣ, Шота Руставели — Нестанъ, Тина (у Руставели Нестанъ-Дареджанъ, Тиватина, т. е. у поэта эти имена даны въ удвоенной формѣ). Любопытно одно собственное имя—Куджи, извѣстное въ грузинской лѣтописи¹⁾. Куджи, владѣтель Мингреліи, въ союзѣ съ первымъ грузинскимъ царемъ Фарнавазомъ изгналъ намѣстника Александра Македонскаго,

¹⁾ „Картлис-Цховреба“, стр. 30.

Азона. Въ литературѣ и въ современномъ языкѣ это имя больше не встрѣчается.

Въ палеографическомъ отношеніи слѣдуетъ отмѣтить переходъ буквъ th и b отъ церковнаго алфавита къ гражданскому. Переломъ въ почеркѣ замѣчается въ XI—XII в. и сванетскіе свитки еще разъ подтверждаютъ мнѣніе о происхожденіи алфавита гражданскаго „мхедрули“ изъ церковнаго „хуцури“¹⁾. Отрывокъ изъ Евангелія XII в., присланный также изъ Сванетіи, даетъ другой подобный фактъ, важный для грузинской палеографіи. Здѣсь буква *у* представлена съ четырьмя зубцами, изъ которой впоследствии выработалось изображеніе церковнаго съ тремя зубцами, а изъ этого послѣдняго нывѣшнее гражданское *у*²⁾. Грузинская палеографія, впрочемъ не подвергалась еще детальному, научному анализу.

¹⁾ Труды V археолог. съѣзда въ Тифлисѣ. Палеографическія таблицы Бакрадзе.

²⁾ См. мою статью Грузинскія рукописи Румянцевскаго музея, стр. 6—7.

Дополненія и поправки.

Къ стр. 1. Глава эта предпослана къ „Очеркамъ“ въ видѣ введенія, обозрѣвающего состояніе изученія грузинской группы языковъ и ея отношенія къ установленнымъ семействамъ языковъ.

Къ стр. 24. Ко времени 900—916 г. переведено житіе препод. Θεоктиста. (Рукопись № 134 Общества распротр. грам. въ Тифлисѣ).

Къ стр. 29. Житіе Петра Ивера (Правосл. Сб., 37 вып. С.-Пб. 1896). Petrus der Iberer. Ein Characterbild zur Kirchen und Sittengeschichte des V Jahrhunderts. Syrische uebersetzung einer um Jahr 500 verfassten griechischen Biographie herausgegeben und übersetzt von Richard Raabe. Leipzig. 1895. Авторъ сирійскаго текста житія неизвѣстенъ. Имя самого Петра-Мурваноса передается чрезъ слово Набарнугіосъ. Нельзя признать родства грузинскаго перевода житія съ этимъ текстомъ. Но о существованіи другого житія Петра говорятъ сирійскіе источники. Въ сирійскомъ текстѣ житія Севера Антиохійскаго авторъ Захарія говоритъ: „Я описалъ добродѣтели богоносныхъ людей—Петра Ивера и великаго подвижника Исаи египтянина, такъ какъ оба эти мужа, живя въ Палестинѣ, стяжали великую славу среди всѣхъ христіанъ“.

Къ стр. 32. Укрощеніе звѣрей въ Шіомгвимской лаврѣ произошло по молитвѣ св. Аввы, а не самого Шіо. (См. *Муравьевъ*. Грузія и Арменія I, 290—1).

Къ стр. 66. Въмѣсто св. Климента Алхирскаго Θ. Жорданія предлагаетъ читать св. Клима Анквирели (Хроника I, 241).

Къ стр. 110. Ὅσοι Πνεύματι Θεοῦ ἄγονται οὗτοί εἰσιν υἱοὶ Θεοῦ φῆσιν ὁ θεῖος Ἀπόστολος τὸ δὲ Πνεύματος ἁγίου.

Къ стр. 108. По отпечатаніи главы о „Мудрости Варлаама“, появилась на грузинскомъ языкѣ книжка, заключающая эту повѣсть. Она издана г. Такайшвили на основаніи четырехъ рукописей, изъ которыхъ болѣе древняя восходитъ къ 1779 г.

Къ стр. 117. Рукопись Церковнаго Музея: „Литургія св. апост. Іакова“ М. Джанаширели относитъ къ 786 г. Изъ приписки видно, что

ее переписал католикосъ Свимонъ. Литургія эта пространнѣе литургій Василія Вел. и Іоанна Златоустаго. Кромѣ литургій рукопись заключаетъ чинъ рукоположенія и освященія антиминса.

Къ стр. 143. Подъ 856 г. въ Хроникѣ церкви св. Николая (Жорданія, ib. 82] читается: „солнце затмилось“).

Къ стр. 249. *Пл. Иосселиани* („Жизнь царя Георгія XII“, стр. 221—2) передаетъ, что поэма Ш. Руставели, изданная царемъ Вахтангомъ VI, по распоряженію католикоса Антонія I, была брошена въ р. Куру.

Къ стр. 311. Если принять къ свѣдѣнію, что въ поэмѣ Чахрухи упоминаются битвы царицы Тамары въ Вардави (1195 г.) и Волостикѣ (1203 г.), то время написанія этой поэмы придется придвинуть къ этой послѣдней датѣ. (*Джанашвили*. Исторія, стр. 159).

Къ стр. 317. Бакрадзе называетъ памятникъ „Рай или проповѣди Іоанна Златоуста и Ефрема Сирина“, найденный въ Иверійской лаврѣ, на Аонѣ. Переписанъ памятникъ на пергаментѣ въ 977 г. при игуменѣ Саввѣ рукою Іоанна и протоіерея Стефана.

Къ 316 стр. *Царев. Давидъ* (Ист. Грузія, стр. 25—6, Тифл., 1893) говоритъ: „царствованіе Баграта тѣмъ незабвенно, что Іоаннъ Петрици, свѣдущій въ философіи человѣкъ, и который былъ посланъ въ Грецію для пріобрѣтенія познаній, возвратился въ свое отечество и перевелъ Платонову и Аристотелеву философію на грузинскій языкъ“.

Къ стр. 316. Ефремъ Мцире (Младшій) въ XI в. перевелъ съ греческаго о наго-праведникахъ, о сотвореніи неба, земли и человѣка (ср. у меня I выпускъ, стр. 357); о патріархахъ съ Адама до пришествія І. Христа. Ему же принадлежитъ переводъ *Лавсайкона*.

Въ дополненіе къ этому нужно отмѣтить пергаментную рукопись „хуцури“ XII в., заключающая въ себѣ „Чтеніе объ изгнаніи Адама и Евы изъ рая“. Рукопись эта передана намъ К. Б. Лортыпанидзе и по содержанію своему примыкаетъ къ тому памятнику, который изложенъ нами въ I вып. (стр. 358).

Къ стр. 325. Шатбердскій сборникъ переписанъ между 973 и 976 гг. по мнѣнію Жорданія (Хроники I, 103), къ которому отъссылаются применить Такайшвили и Джанашвили.

Къ стр. 228. Строки 9—12 снизу отъ „Въ 1855 г... до въ Тифлисъ“ выпустить (ср. стр. 291, примѣч.).

Къ перечню рукописей и древнихъ обитателей. Въ 1085 г. переписана книга пророковъ Моисеемъ Хандзойскимъ (*Иверія* 1889, 28). Отрывокъ изъ древней лѣтописи Мантинійцевъ помѣщенъ въ жизне-

описаниі св. Баграта Понтійскаго, въ пергаментной грузинской рукописи XI в., хранящейся въ Тифлисскомъ церковномъ древлехранильницѣ за № 134 (поступило изъ Давидо-Гареджійскаго монастыря).

Рукопись эта писана строчными буквами церковно-грузин. алфавита на пергаментѣ in folio, на 680 стр., изъ коихъ первыя 42 страницы писаны на бумагѣ почеркомъ XVII в. Въ манускриптѣ этомъ помѣщены статьи: 1) Клемакъ св. Іоанна Синаита въ переводѣ св. Евѳимія (стр. 1—423); 2) Жизнь св. Баграта Понтійскаго (стр. 424—593, написано ученикомъ его Евагріемъ); 3) Жизнь св. Николая Чудотворца, въ переводѣ св. Евѳимія (стр. 593—663) и служба ему (стр. 664—680). Послѣднихъ листовъ недостаетъ; манускриптъ заключенъ въ прочный кожаный переплетъ.

Въ концѣ жизнеописанія св. Баграта, на стр. 392—393, имѣется приписка: „благодатью и помощью св. отца нашего Иларіона, я, Геласій, недостойный монахъ монастыря Романа, во время настоятельства въ этомъ монастырѣ, сподобился переписать св. этотъ Клемакъ и жизнь св. равноапостольнаго Баграта во славу я въ моленіе Богомъ хранимаго могущественнаго царя Абхазіи и Грузіи, Баграта и сына его Георгія Курапалата, да прославить ихъ Господь,—и для поминовенія души моей и всѣхъ отцовъ и братій, подвизающихся въ (монастырѣ) Романа. Написано рукою Симеона Двали въ отдѣленіи (сохастерѣ) Романайскаго монастыря во имя св. Анны, въ царствованіе Дока въ то время, когда дочь (царя) Баграта, Марѳа, была во дворцѣ императора, короникона 286.—И мы положили ее въ книгохранилище Романайскаго монастыря, въ церкви свв. Апостоловъ“.

Указанный здѣсь корониконъ соотвѣтствуетъ 1066 г., когда упоминаемая въ припискѣ лица дѣйствительно были живы: въ Грузіи въ то время царствовалъ Багратъ IV (1027—1072) и сынъ его Георгій, получившій титулъ куропалата при жизни же отца.

А дочь царя Баграта, Марѳа, въ 1056 г. отвезенная для воспитанія въ Константинополь во дворецъ императрицы Θεодоры (1054—1056), послѣ смерти послѣдней возвратилась на родину. Но въ 1065 г., по желанію императора Константина X Дуки, она была увезена въ столицу Византіи въ качествѣ невѣсты царевича Михаила VII Дуки, который женился на ней въ 1071 г., въ годъ своего восцаренія (Brosset. Hist. de la Géorg. I, 330, п. 2), при чемъ, по обычаю грековъ, ей перемѣнили имя и назвали Маріею. Овдовѣвъ, она возвратилась въ Грузію и въ 1103 г. она еще была жива, такъ какъ Урбнійскій соборъ, бывшій въ 1103 г., провозглашаетъ ей многолѣтіе.

Что касается въ припискѣ упоминаемаго грузинскаго монастыря Романа, то послѣдній находился недалеко отъ Константинополя. Въ жизнеописаніи св. Иларіона-Ивера, составленномъ греческимъ монахомъ Василиемъ философомъ и протоаскритомъ, и помѣщенномъ въ аѳинскомъ грузинскомъ пергаментномъ манускриптѣ 1074 года (нынѣ временно хранящемся въ Тифлискомъ церковномъ древлехранилищѣ), имѣются свѣдѣнія, что императоръ Василій Македонянинъ въ семь мѣсяцевъ построилъ этотъ монастырь для учениковъ св. Иларіона-Ивера непосредственно послѣ смерти послѣдняго въ г. Фессалоникахъ. Къ постройкѣ монастыря императоръ приступилъ вскорѣ послѣ поставленія имъ патріархомъ св. Игнатія (вторично), на мѣсто Фотія, т. е. около 870 года. Сюда перенесены были изъ Константинаополя мощи свв. апостоловъ, отчего въ разбираемой подписи монастырь этотъ называется и монастыремъ свв. апостоловъ. Черезъ нѣсколько времени императоръ перенесъ сюда изъ Фессалоникъ мощи св. Иларіона-Ивера и обезпечилъ лавру значительными движимыми и недвижимыми имѣніями. Царь построилъ здѣсь для себя келію и называлъ этотъ монастырь „моимъ монастыремъ“. Послѣ перенесенія сюда мощей св. Иларіона-Ивера, лавра эта была названа царемъ „грузинскимъ монастыремъ“, который извѣстенъ былъ въ послѣдующіе вѣка и подъ именемъ „Романа“. Императоръ привезъ сюда двухъ своихъ сыновей Леона (Левъ) и Александра для полученія благословенія отъ грузинскихъ иноковъ. На счетъ царя неугасимо горѣли шесть лампадъ предъ мощами свв. апостоловъ и три предъ мощами св. Иларіона-Ивера; ежедневно изъ царскаго дворца отпускались по двѣ просфоры и ежегодно по двѣ литры золота на платье монахамъ.

Къ стр. 327. Физиологъ по-грузински переводится буквально „Сахисметквели“.

Къ стр. 336. Изъ другихъ апокрифовъ, упомянутыхъ въ письмѣ св. Евѳимія, отмѣтимъ еще: Житія св. апостола Андрея, св. Георгія, извѣстн. подъ именемъ *Дадіанесъ*, Видѣніе ап. Павла на небѣ, Евангеліе ап. Фомы, Обращеніе Антиохіи, Небротіани. (*Джанашвили*, „Соврошница X в.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.

Введеніе. Грузинская или иверійская группа языковъ и ея отношеніе къ другимъ группамъ языковъ. Стр. 1—14.

Грузинскій алфавитъ. 14—21.

Обзоръ памятниковъ письменности до конца XII в. съ перечнемъ и общей ихъ характеристикой. 22—29.

Автобиографическія произведенія. Св. Мурваносъ. 29—33. Св. Або. 33—5. Св. Нина. 36—58. Св. Георгій. 59—61. Свв. Іоаннъ и Евоній (переводчики). 61—71. Св. Георгій Мтациндели (переводчикъ). 71—82.

Мудрость Балавара (Варлаамъ и Іоасафъ) и сравненіе ея съ житеемъ Будды (по акад. Веселовскому). 82—116.

Гимница и перечень памятниковъ IX—XII вв., хранящихся въ Тифлис. церковномъ музеѣ. 117—119.

Историческій взглядъ на внѣшнюю исторію Грузіи X—XII вв. 120—124. Завѣщаніе царя Давида Возобновителя. 124—125. Пѣсни покаянія. 125. Церковный соборъ. 126—129.

Памятники историческіе. Варианты лѣтописи „Картлисъ - Цховреба“. 130—136. „Обращеніе Грузіи“. 136—139. Хронографы. 140. Составъ и источники начальной грузинской лѣтописи. 140—148.

Эпоха царицы Тамары. 149—154.

Поэмы и повѣсти XII в.: Амиранъ-Дареджаніани. 154—169.

Висраміани и сравненіе его съ „Висъ о Раминномъ“. 169—205.

Диларіани. 205—232.

Абдуль-Мессіа Шавтели и его поэма. 232—243.

III. Руставели и его поэма „Барсова кожа“. 243—267. Отрывки изъ поэмы. 268—274. Характеристика героевъ поэмы. 298.—*Оманіани.* 298—305.

Чахруха (Чахрухадзе) и его поэма. 305—311.

Дзанакори. 311. Давидъ Саатабагоели. 311—312. Ямбическіе стихи. 312—314.

Памятники богословскіе, философскіе и юридическіе. Петрици его сочи-

ненія. 315—316. Іоаннъ Таридчедзе, Савва Сянгели, Ефремъ Младшій. 316.
Арсеній Игалтойскій. 316—317. Захарій, Іоаннъ Болвели и др. 317—318.

Шатбердскій сборникъ: Анатомія челоуѣка и хронографъ. 318—319.

Апокрифы: Дѣтство І. Христа. 319—321. Воскресеніе царя Джумджума.
321—322. Письмо Іосифа Аримаѣйскаго и построеніе первой церкви. 322—
323. Постановленіе Пилата о преданіи Спасителя смерти. 324—325.

Физиологъ. 325—328.

Монастырскій уставъ. 328—9. Духовные соборы стр. 329—340; сикелы
и гуджары—340—349:

Сванетскіе пергаментные ҃вѣтки ХН в. 349—351.

Дополненія и поправки 352—355.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
4	6 снизу	(мингр)	(автограф.)
20	10 снизу	соотвѣтствующей	соотвѣтствующая
96	20 сверху	царь же узнавъ	царь же, узнавъ
24	15 сверху	отъ очищенія	для очищенія
129	3 снизу	1873	1373.
150	8 снизу	Мхергдзели	Мхаргдзели
151	14 сверху	Комлена	Комлена
160	5 снизу	я Абиссинію	и Абиссинію
164	примѣч.	Тритиво	Тритино
206	примѣч.	Дилареть	Диларгеть
261	2 снизу	die Liabu	die Liebe
267	6 сверху	исторозаціей	историзаціей
308	7 "	Двали	Двали
309	12 "	Тамаръ	Тамару.
319	16 "	Славесности	Словесности
320	10 снизу	только	даже
332	15 сверху	физиолога	Физиолога .